РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова

№ 3

МОСКВА
2025

ISSN 2311-150X

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор
А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы выпуска:
А. В. Занадворова, канд. филол. наук (Москва, Россия);
Е. А. Никишина, канд. филол. наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия выпуска:
А. В. Занадворова, канд. филол. наук (Москва, Россия);
Е. В. Какорина, канд. филол. наук (Москва, Россия);
А. Б. Летучий, д. филол наук. (Москва, Россия);
Е. А. Никишина, канд. филол. наук (Москва, Россия);
А. Р. Пестова, канд. филол. наук (Москва, Россия);
Н. Н. Розанова, канд. филол. наук (Москва, Россия);
Р. И. Розина, д. филол. наук (Москва, Россия);
О. А. Шарыкина, канд. филол. наук (Москва, Россия).

Редакционный совет:
А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);
Ю. Д. Апресян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);
А. А. Гиппиус, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);
Я. Какридис, Dr. habil., профессор (Берн, Швейцария);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
А. П. Майоров, доктор филол. наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);
Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);
Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия)

Ответственный секретарь
канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
E-mail: ruslang@ruslang.ru

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2025
© Авторы, 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute

№ 3

MOSCOW
2025

ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief
Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Chief editors of the issue
A. V. Zanadvorova, Ph. D. (Moscow, Russia);
E. A. Nikishina, Ph. D. (Moscow, Russia)

Editorial board of the issue
A. V. Zanadvorova, Ph. D. (Moscow, Russia);
E. V. Kakorina, Ph. D. (Moscow, Russia);
A. B. Letuchy, D. Sc., (Moscow, Russia);
E. A. Nikishina, Ph. D. (Moscow, Russia);
A. R. Pestova, Ph. D. (Moscow, Russia);
N. N. Rozanova, Ph. D. (Moscow, Russia);
R. I. Rozina, D. Sc., (Moscow, Russia);
O. A. Sharykina, Ph. D. (Moscow, Russia)

Editorial Board
Aleksandr E. Anikin, D. Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Yury D. Apresyan, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph. D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph. D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Yannis Kakridis, D. Sc., Professor (Bern, Switzerland);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D. Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph. D., Professor (Calgary, Canada);
Tore Nesset, D. Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph. D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph. D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA)

Executive secretary
Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass-Media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-76037

Address:
18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2025
© by Authors, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Юбилей Леонида Петровича Крысина 13

Алексеева Е. (Москва)
Социальная группа любителей елочных игрушек 15

Антонова О. В., Занадворова А. В. (Москва)
Виды информации и особенности ее представления
в школьном Толковом словаре русского языка 23

Апресян В. Ю. (Ганновер)
Где территориально и *когда по времени?* Дискурсивные функции плеоназмов 36

Бабаева Е. Э. (Москва)
Человек и социум в зеркале языка: *заедающая среда* 46

Байкулова А. Н., Милёхина Т. А. (Саратов)
Идеи Л. П. Крысина в Саратовских исследованиях устной речи 55

Букринская И. А., Кармакова О. Е. (Москва)
Диминутивы в диалектном дискурсе и словарях 64

Вепрева И. Т., Купина Н. А. (Екатеринбург)
Прецедентные высказывания в юмористических текстах новейшего времени 74

Дегальцева А. В., Кормилицына М. А. (Саратов)
Активизация влияния социокультурных факторов на «русский язык сегодня» 85

Добровольский Д. О. (Москва)
Структура метафоры как фактор синтаксического варьирования идиомы 94

Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И. (Пермь)
Разговорная, просторечная и региолектная лексика в речи жителей
районных городов: социолингвистический аспект 103

Иссерс О. С. (Омск)
Социолингвистические методы изучения медицинского дискурса:
проблема формирования эмпирической базы 115

Какорина Е. В. (Москва)
Семантический потенциал звукоподражательных слов
(проблемы изучения и лексикографического описания) 126

Каленчук М. Л., Савинов Д. М. (Москва)
Орфоэпический словарь русского языка как государственного языка РФ:
специфика жанра 137

Крейдлин Г. Е. (Москва)
Словник словаря русского параязыка в соотношении
с семантической информацией о входных единицах 148

Кронгауз М. А. (Москва)
Новые номинации мужчин в молодежном сленге 159

Крючкова О. Ю. (Саратов)
Нанизывание глагольных суффиксов в истории русского языка:
модели и функции 168

Кулева А. С. (Москва)
О разговорных названиях растений в толковом словаре 177

Летучий А. Б. (Москва)
Новые разговорные связочные конструкции в русском языке 185

Маринова Е. В. (Нижний Новгород)
Заимствования в языке цифрового общества 196

Мечковская Н. Б. (Минск)
Проблемное поле фразеологии в свете корпусных данных 205

Михайлова О. А. (Екатеринбург)
Лексикографическое представление аксиологической информации 216

Нечаева И. В. (Москва)
Несколько слов о терминологичности современных заимствований 224

Никишина Е. А. (Москва)
Особенности функционирования существительных
с опустошенной семантикой в русской разговорной речи 231

Николина Н. А. (Москва)
Слова-кентавры в современной художественной речи 245

Норман Б. Ю. (Минск)
Лексика и грамматика: взаимопроникновение и взаимодействие 253

Пестова А. Р. (Москва)
Стилистические пометы в словаре как зеркало эпохи 265

Приёмышева М. Н. (Санкт-Петербург)
Из истории пометы «*разг.*» в русской толковой
академической лексикографии: еще раз о проблемах
лексикографической стилистики 276

Раскина А. А. (Новый Орлеан)
Параллельные сюжеты в русской и англо-американской литературе:
Толстой/Троллоп, Чехов/О. Генри и др. 286

Рахилина Е. В. (Москва)
Вполне приличная статья 296

Розанова Н. Н. (Москва)
Фонетическая информация в «Толковом словаре русской
разговорной речи» 306

Розина Р. И. (Москва)
Семантические переносы в русской разговорной речи
на фоне Каталога семантических переходов 319

Федосюк М. Ю., Бакланова И. И. (Москва)
Словарные дефиниции как обобщенные словесные описания смыслов слов,
хранящиеся в коллективной памяти носителей языка 328

Химик В. В. (Уолнат Крик)
Из опыта работы над словарем русской разговорно-обиходной речи 339

Цумарев А. Э. (Москва)
Религиозная лексика в толковом словаре
и стилистическая информация о ней 348

Шарыкина О. А. (Москва)
О названиях животных в разговорной речи 357

Шестакова Л. Л. (Москва)
Разговорное как поэтическое: к характеристике лексикона современной поэзии 365

Шмелев А. Д. (Москва)
Еще раз о русском дискурсивном слове *вот* 376

Шмелева Т. В. (Великий Новгород)
Грамматика гиперболы: аугментатив 388

Шульга М. В. (Москва)
Синтаксическая сочетаемость названий сотен и тысяч: норма — узус — система 396

CONTENTS

Anniversary of Leonid Petrovich Krysin 13

Alexeeva E. (Moscow)
A Social Group of Christmas Ornament Enthusiasts 15

Antonova O. V., Zanadvorova A. V. (Moscow)
Types of Information and its Presentation in the School Explanatory Dictionary of the Russian Language 23

Apresyan V. Yu. (Hanover)
Где территориально ('Where Geographically') and *когда по времени* ('When in Terms of Time')? Discourse functions of Pleonastic Constructions 36

Babaeva E. E. (Moscow)
Man and Society through Language: *заедающая среда* 46

Baikulova A. N., Milehina T. A. (Saratov)
Leonid Krysin's Ideas in Saratov Studies of Oral Speech 55

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. (Moscow)
Diminutives in Dialect Discourse and Dictionaries 64

Vepreva I. T., Kupina N. A. (Ekaterinburg)
Precedent Statements in Humorous Texts of Modern Times 74

Degal'tseva A. V., Kormilitsyna M. A. (Saratov)
Increasing the Influence of Socio-Cultural Factors on the "Russian Language Today" 85

Dobrovol'skii D. O. (Moscow)
Structure of Methaphor as a Factor of Idioms' Syntactic Variation 94

Erofeeva E. V., Erofeeva T. I. (Perm')
Colloquial, Substandard and Regional Lexis in the Speech of People in Regionary Towns: a Sociolinguistic Aspect 103

Issers O. S. (Omsk)
Sociolinguistic Methods of Studying a Medical Discourse: The Problem of Formation of an Empirical Base 115

Kakorina E. V. (Moscow)
Semantic Potential of Sound-Imitation Words (Problems of Study and Lexicographic Description) 126

Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (Moscow)
Orthoepic Dictionary of the Russian Language as the State Language of the Russian Federation: Specificity of the Genre 137

Kreidlin G. E. (Moscow)
The Input Units in the New Russian Paralanguage Dictionary in Their Relations to Semantic Information about These Units 148

Krongauz M. A. (Moscow)
New Nominations of Men in Youth Slang 159

Kryuchkova O. Yu. (Saratov)
Stringing Verb Suffixes in the History of the Russian Language: Patterns and Functions 168

Kuleva A. S. (Moscow)
On Colloquial Plant Names in the Explanatory Dictionary 177

Letuchiy A. B. (Moscow)
New Colloquial Copular Constructions in Russian 185

Marinova E. V. (Nizhnii Novgorod)
Borrowings in the Digital Society Language 196

Mechkovskaya N. B. (Minsk)
The Problem Field of Phraseology in the Light of Corpus Data 205

Mikhailova O. A. (Ekaterinburg)
Lexicographic Representation of Axiological Information 216

Nechaeva I. V. (Moscow)
A Few Words about the Terminology Suitability of Modern Borrowings 224

Nikishina E. A. (Moscow)
The Functioning of Placeholder Nouns in Russian Colloquial Speech 231

Nikolina N. A. (Moscow)
Centaur Words in Modern Literary Speech 245

Norman B. Yu. (Minsk)
Vocabulary and Grammar: Interpretation and Interaction 253

Pestova A. R. (Moscow)
Stylistic Labels in Dictionaries as a Mirror of the Era 265

Priemysheva M. N. (Sankt-Petersburg)
From the History of the Label "*razg.*" (colloquial) in the Russian Academic Explanatory Lexicography: once again about the problems of lexicographic stylistics 276

Raskina A. A. (New Orleans)
Parallel Plots in Russian and Anglo-American Literature: Tolstoy / Trollop, Chekhov / O. Henry and Others 286

Rakhilina E. V. (Moscow)
Quite Decent Article 296

Rozanova N. N. (Moscow)
Phonetic Information in the "Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech" 306

Rozina R. I. (Moscow)
Semantic Transfers in Russian Everyday Speech Against the Backgrounds of the Catalogue of Semantic Shifts 319

Fedosyuk M. Yu., Baklanova I. I. (Moscow)
Dictionary Definitions as Generalized Verbal Descriptions of the Meanings of Words Stored in the Collective Memory of Language Speakers 328

Khimik V. V. (Walnut Creek)
From the Experience of Working on the Dictionary of Russian Colloquial Speech 339

Tsumarev A. E. (Moscow)
Religious Vocabulary in the Explanatory Dictionary and Stylistic Information about It 348

Sharykina O. A. (Moscow)
Animal Names in Colloquial Speech 357

Shestakova L. L. (Moscow)
Colloquial as Poetic: on the Lexicon of Contemporary Poetry 365

Shmelev A. D. (Moscow)
The Russian Discourse Word *вот* Revisited 376

Shmeleva T. V. (Veliky Novgorod)
Grammar of Hyperbole: Augmentative 388

Shulga M. V. (Moscow)
Syntactic Agreement with Terms for Thousands and Hundreds:
Norm-Usage-System 396

Юбилей Леонида Петровича Крысина

6 июня 2025 года исполняется 90 лет Леониду Петровичу Крысину, главному научному сотруднику, доктору филологических наук, заведующему Отделом современного русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Леонид Петрович является одним из основателей и наиболее ярким представителем Московской школы функциональной социолингвистики. Многие его научные идеи легли в основу теоретической концепции данного направления. Эта концепция создавалась в ходе многолетних исследований активных процессов, происходивших в современном русском языке на протяжении 2-й половины XX — начала XXI вв. Под руководством Л. П. Крысина проводилось описание материалов, полученных путем социолингвистических обследований (данные собирались с помощью вопросников по фонетике, морфологии и словообразованию, которые распространялись среди носителей литературного языка, а затем подвергались статистической обработке). Результаты этого масштабного проекта получили отражение в следующих публикациях: Л. П. Крысин. Русский язык по данным массового опроса. Проспект. М., 1968; Л. П. Крысин (отв. ред). Русский язык по данным массового обследования. М., 1974; Л. П. Крысин, Д. Н. Шмелев (отв. ред). Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Леонид Петрович — автор более 400 научных трудов, в числе которых словари, монографии, учебники и учебные пособия для школы и вузов, научно-популярные книги. Труды ученого широко известны как в нашей стране, так и за ее пределами, многие из них опубликованы за рубежом в переводах на французский, английский, немецкий, итальянский, китайский, болгарский, словацкий языки.

В своих трудах Леонид Петрович разрабатывает и уточняет такие важные для современной социолингвистики понятия, как *социальный фактор*, *диглоссия и двуязычие*, *социолект*, *просторечие-1 и просторечие-2*, *норма* и ее *варианты* и мн. др. Социолингвистическая концепция ученого отражена в следующих монографиях: Л. П. Крысин. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989; В. И. Беликов, Л. П. Крысин. Социолингвистика. М., 2001; Русское слово, своё и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004; Л. П. Крысин. Очерки по социолингвистике. М., 2021.

Особое внимание в концепции Леонида Петровича уделяется проблеме соотношения понятий *система — норма — узус*. Исследователь подчеркивает, что в разные периоды развития языка литературная норма имеет качественно разные отношения с речевой практикой. В эпохи демократизации языка тенденции, действующие в узусе, преодолевают сопротивление традиционной нормы, и в литературном

языке появляются элементы, которые до того времени норма не принимала, квалифицируя их как чуждые нормативному языку. Интерес к функциональной стороне русского языка, к изучению его прагматических и коммуникативных свойств характерен для научного творчества Л. П. Крысина и Отдела современного русского языка, который он долгие годы возглавляет. Свидетельство тому — ряд фундаментальных коллективных исследований, выполненных сотрудниками Отдела под руководством Л. П. Крысина: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000 (отв. ред. Е. А. Земская, Л. П. Крысин.); Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008 (отв. ред. Л. П. Крысин); Современный русский язык: система — норма — узус. М., 2010 (отв. ред. Л. П. Крысин.).

Леонид Петрович является автором **«Толкового словаря иноязычных слов»**. Впервые вышедший в 1998 году, этот труд выдержал уже 9 изданий и получил высокую оценку рецензентов, отмечавших его уникальность и высокий профессиональный уровень. В настоящее время «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина является самым известным и авторитетным среди изданий подобного типа. С 2010 по 2017 г. Л. П. Крысин возглавлял работу над новой версией **«Академического толкового словаря русского языка»**. Под его редакцией вышло два первых выпуска Словаря: Том 1: А — ВИЛЯТЬ / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2016; Академический толковый словарь русского языка. Том 2: ВИНА — ГЯУР / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2016.

Под руководством Леонида Петровича осуществлен уникальный научный проект по теоретическому обоснованию лексикографического описания разговорной речи и изданию **«Толкового словаря русской разговорной речи»**. Подобный лексикографический труд предпринят в русистике впервые и не имеет аналогов. Он представляет собой многоаспектное описание разговорной лексики, отражающее семантические, грамматические, сочетаемостные, стилистические и прагматические свойства включенных в словарь слов.

Словарь отличается новизной материала, формата его представления, полнотой и тщательностью лексикографического анализа. Под редакцией Л. П. Крысина издано 5 выпусков словаря: Толковый словарь русской разговорной речи. Отв. ред. Л. П. Крысин. Вып. 1. А — И — 2014; вып. 2. К — О — 2017; вып. 3. П — Р — 2019; вып. 4. С — Т — 2021; вып. 5. У — Я — 2022. В настоящее время ведется работа над шестым (дополнительным) выпуском.

Леонид Петрович воспитал не одно поколение прекрасных ученых, которые с благодарностью вспоминают его чуткое научное руководство и моральную поддержку. Все, кому посчастливилось с работать с ним, знают его как глубокого ученого, мудрого руководителя, надежного друга и замечательного человека!

От всей души поздравляем Леонида Петровича с 90-летним юбилеем! Желаем крепкого здоровья, сил на осуществление всех творческих планов, новых идей и научных открытий!

С любовью и глубоким уважением
коллеги, ученики, друзья

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.1

Евдокия Алексеева
(независимый исследователь)
(Россия, Москва)

СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕЛОЧНЫХ ИГРУШЕК

Статья посвящена исследованию коммуникативных практик, связанных с обсуждением старинных, преимущественно советских, ёлочных игрушек в русскоязычном сегменте блогов, форумов и аналогичных платформ. Изучен корпус объемом около 2000 комментариев к интернет-публикациям 2024–2025 гг. Выявлены типовые формы речевого поведения обсуждающих эту тему, характерные вопросы и мотивы: эмоциональная привязанность, детство, ностальгия, праздник, сохранение традиций, родственные отношения, обсуждение ценности игрушек как артефактов и как триггеров воспоминаний, а также необходимости или ненужности их реставрации. Взаимное восхищение и поддержка доминируют, нет негативных высказываний. Специалисты дают точные описания найденных предметов, уточняют время их производства по каталогам. Ёлочные игрушки можно назвать частью культурного кода людей, в особенности тех, для которых любование наряженным на Новый год хвойным деревом было в советское время одним из немногих роскошеств в жизни. Материал демонстрирует, как через обмен воспоминаниями и впечатлениями формируется чувство общности и культурной преемственности. Работа опирается на методы цифровой этнографии и тематического анализа, подчеркивая значимость языка как средства поддержания коллективной памяти и идентичности в онлайн-среде.

Ключевые слова: коммуникативные практики, ностальгия, советские ёлочные игрушки, коллективная память, социальные сети

Еще в 1977 г. Л. П. Крысин рассказывал в книге «Язык в современном обществе» об особом взаимопонимании, складывающемся между членами одного формального или неформального объединения, часто подчеркиваемом особыми «словечками» и даже определенными установками по отношению к происходящим процессам. Часть шаблонных поведенческих стратегий задается правилами речеупотребления и иерархией человеческих отношений внутри социальной группы, а совместная деятельность ведет к сплоченности. Регулярные коммуникативные связи с определенным человеком позволяют предсказать состав порождаемого им текста; повторяющиеся ситуации ориентируют на определенные ожидания. Всё это оказалось верным и применительно к речевому поведению в Интернете. Одним

из возможных методов исследования подъязыков современных социальных групп, количество и разнообразие которых вышло на новый уровень в цифровую эпоху, стала онлайн-этнография (например, [Пчелкина 2021]). Другим методом исследования может служить тематический анализ (например, [Туркина 2018]).

Праздничный вид новогодней (рождественской) елки — образ, многократно описанный как в художественных текстах, так и в воспоминаниях (см., например, [Душечкина 2023; Лаврентьева 2001: 248–254]). Советские елочные игрушки стали важной частью истории культуры [Сальникова 2011], и чувства, испытываемые к ним людьми, сродни ностальгии по мороженому былых времен (ср. [Пироженко 2014; Протасова 2008]). Тем более интересно понять, как русскоязычные люди описывают свои чувства в связи с елочными игрушками, какие темы ими затрагиваются и как они реагируют на публикации.

Материал для анализа был собран с ноября 2024 по март 2025 года в различных социальных сетях, исследовано 15 публикаций, корпус составил примерно 2000 комментариев. Среди авторов и комментаторов — люди, живущие в 33 странах (119 локаций). Комментарии написаны на русском языке (в том числе в транслите, редко с добавлениями на языках народов СССР, а также из языков, используемых в среде, где проживают участники общения). Примеры сохраняют орфографию оригинала, смайлики опускаются.

Основные типы введения в тему: публикуются фотографии наборов игрушек, а далее публикатор хвастается тем, что он их сохранил, нашел, купил или случайно получил. Возможные типы обращений: *Привет дорогая группа. / Привет соседям!* Начинается обмен репликами: *Купил 13 игрушек за 40 $! Думал, не достанется — много желающих, но продавец ответил спустя пару часов. / Я покупала по 10 евро за штуку. Вам просто повезло! / А за сколько купили Гуси-Лебеди? Только честно. / Мне продавец не ответил, а вам повезло! / Да... тут Вам повезло! / Какая удачная находка! / Я в восторге от ваших находок*. Часто вещи приносят с помойки: *Эти игрушки выбросили новые хозяева, я их принесла домой счастливая от того, что могу сохранить их.* Обычно обсуждается, насколько приобретенные игрушки редки, были/есть ли такие у других участников, стоит ли оставить их или лучше выбросить. Некоторые мечтают перекупить за большую цену: *Где можно купить такие? / Продаете Чебурашку? / Куплю Мишку Олимпийского. Какая цена?* Коллекционеры дают друг другу советы: *Где и за сколько покупают такие игрушки? / На каком сайте вы покупаете? / Посмотрите на сайте Лефортовского фарфорового завода, у них много игрушек.* Люди делятся своими коллекциями, обсуждают раритетные экземпляры, предлагают обмен: *У меня тоже есть разные игрушки, что-нибудь интересует? / В основном есть всё, разве что клоуна с оранжевым колпаком можно? / Там у вас виднеется чайничек? — Нет чайника*. Многие хотели бы иметь такие игрушки, ищут их: *Это моя мечта!!! / Как хочу такие игрушки!!! Вы в Канаду не отсылаете? / Я мечтаю о советских ёлочных игрушках. Хоть бы парочку... / Дико завидую!*

Порой находки объясняют дополнительно: *Там, откуда я их взяла, они лежали более 30 лет. Их собирались выкидывать, хотели купить современные*. Люди не понимают, как можно выбрасывать такие красивые игрушки: *А как такое можно выбрасывать???? / Как можно выбросить такой шар? / Как можно выбросить*

Поросенка?? / Это же Дед Мороз! / Соседи не поняли, что выбросили шедевр... Люди недоумевают, как можно было избавиться от таких вещей: *Как можно такое выкинуть. Люди нынче бездарные и бессердечные. / Игрушки ценные. Сейчас в ходу, надо продавать быстро, пока спрос не спал. / Одна коробка чего стоит!* Высказываются разные версии, почему такие игрушки могли оказаться ненужными: *Ну не совсем выбросили, а оставили в подъезде, чтобы кто-то забрал. Надоели, может? / Разные обстоятельства бывают у людей, разбирали знакомые квартиру для сдачи в аренду. / Может, переезжают и взять не могут — хрупкие вещи. / Может, у кого-то были с ними связаны неприятные воспоминания. / Все мои украшения из ненужных предметов, которые были выставлены на улицу или отнесены в магазинчики торгующие старыми вещами*. Люди, которые подбирают такие вещи, благодарны тем, кто их оставляет: *Спасибо Вам и в вашем лице тем людям, которые оставляют в подъездах или возле урн для мусора нужные вещи. / Поселится теперь у меня. Я не выброшу! / Это красиво, хорошо, что обретают новую жизнь*.

Рассыпаются в поздравлениях, выражают восторг и восхищение находкой: *Поздравляю с такой удачей! О таком улове мечтает любой коллекционер! / Какая прелесть! Просто огонь!* Эмоциональные реакции аудитории изобилуют: *Обалденные игрушки! / Ваша коллекция лучшая, супер! / Игрушки прекрасны / Шикарные игрушки нашего детства! / Вот это богатство!!! / Им цены нет!... / Бальзам на душу, что такая красота ещё есть. / Самое красивое украшение. / Какая красота / Красота какая! Эх, и я бы от такого не отказалась! / Какая удача! / Просто шикарно!!! / Космонавт это жирно! / Какой красивый большой шар!!!! / МГУ — реально, редкость. Я бы не отказался.* Люди в восторге от найденных игрушек, особенно от их красоты и ручной росписи: *Мне с церковью шар очень понравился*.

Люди видят в игрушках настоящую ценность, называют их кладом и сокровищем: *Сокровище! / Целый клад. / Вот уж и правда сокровища! / Елочные игрушки — просто клад. Там есть совсем антикварные, которые из мелких бусин. / Поздравляю! Такое беречь надо, это если честно роскошь, а люди выкидывают...*

Люди выражают желание получить подобные игрушки. Пользователи замечают сходство со старинными украшениями. Дискутируют о том, что важнее — деньги или память: *Очень похоже на старые советские игрушки. У нас такие были. Ну прям один в один. / Гирлянда новая, а игрушки почти все старые, советские. / Да никто бы не отказался бесплатно получить игрушки, цена которых на Авито тысяча рублей за штуку. / Некоторым скучно жить — всё купюрами меряют. Интересно, во сколько они оценивают радостные воспоминания?! / Есть люди, которые не воспринимают слово 'бесплатно', ибо за всё надо платить.*

В ответ некоторые представляют свои игрушки, наряженные новогодние елки, изобретательные способы использования новогодних украшений — если их не вешать на елку, а представлять как-то иначе. Удачные решения могут похвалить: *Спасибо за идею!!! / А вот эту покажите поближе, пожалуйста...* Специалисты могут описать свои коллекции по каталогам: *Моя старенькая коллекция винтажных елочных игрушек. Наиболее интересные из них: Марфушечка-душечка, девочка-березка, шишка с лицом. / Полосатая сосулька и неваляшка выполнены в стиле*

«Глинка». Это довольно редкие экземпляры. / Кузнечик из Малой Вишеры, шишку с лицом выпускали в Орле, девочка значится в каталоге как Машенька (1959). / У меня старый каталог. 5 лет назад вышел новый, но после его выхода открылись новые детали. Уточняют, дополняют и сообщают личные наблюдения о коллекции: *Спасибо! Про сосульку не знала. / Такий шар, як зліва зверху, і в мене є. / Спорить не буду. / И у меня сохранились!* Люди узнают знакомые игрушки и делятся их описанием: *Никогда не понимала, кто это, но у меня есть точно такая же игрушка! / А у меня есть такой же серебристый шарик со звездой. / У меня тоже сохранились ёлочные игрушки, даже Дед Мороз 50-го года!*

Разногласия вызывает проблема реставрации: стоит ли этим заниматься, трудно ли восстанавливать красоту, как именно это делать. *Если вы любите и хоть чуть-чуть умеете рисовать, сложностей не будет. / На ютубе много видео по восстановлению трубочек и окрашиванию. / Акриловые краски на водной основе (есть в магазинах для художников). / Я бы просто плакатной гуашью закрасила потёртости. / Можно использовать витражные краски, но мне кажется, что вещи со следами использования гораздо прекраснее. / Как по мне, так пусть так и будут. / Не надо. В этом облезлости есть свое очарование. / Я бы так и оставила. Есть игрушки, так их специально 'старят'.* Если новые игрушки красивые, то со временем они, в свою очередь, могут стать дорогими, их нужно сохранить: *Через 50 лет будет винтаж. / Сейчас тоже можно купить игрушки из стекла, красивые.. но не дёшево. / В Охотном ряду шарик типа как справа стоит от 1500 р. / Они сейчас стоят как самолет. / Известно: то, что не выбросили вы — это хлам, ваши родители — это винтаж, ваши бабушки и дедушки — антиквариат.*

Спорят о возрасте и истории игрушек, заодно обговаривая датировку, ценность и происхождение вещей. *Каких годов эти игрушки? — 50-е. / У меня есть самоварчик, никто не знает, какого он года? — До 1950-го, точно. / Мама говорила, что это довоенные игрушки. / У меня есть коробочка с 20 старыми украшениями, им от 40 до 60 лет, это память о семье. / Красиво, но похоже на новодел. / Это современные игрушки, в моем детстве таких не было. / Игрушки красивые, но они современные, а не из давно ушедших времен. / Некоторые старые игрушки просто перекрашены, но есть и новые. / Отвратительно испорченные прекрасные игрушки после реставрации. / Почти все представленные игрушки у меня есть, видимо, в одно время покупались — конец 60-х. / Это семейная реликвия. Но мы поздно поймём.* Поскольку далекое детство у всех свое, возможны разночтения: *Наши игрушки были проще, лица не так тщательно прорисованы, но в них было больше тепла. / Сова — похожа на 50-е годы 20 века, если бы не крышечка с петелькой). / О, нет... В моем далеком детстве были китайские стеклянные домики, снеговики, зайчики, кукуруза...* Кукурузные початки многими воспринимаются обостренно: *Кукуруза такая была и в моём детстве, и вообще, игрушки какие-то... 'тёплые', несущие дух праздника. / Кукуруза? Царица полей? Дотянулся до ёлки проклятый режим Хрущёва?* Исторические ассоциации очевидны. Не все верят советскому качеству: *Я не думаю, что они очень старые. Напыление советских времён не выдержало бы, оно и год не держится. / Верхний слой легко стирается, я один шарик целиком стёрла,*

решив протереть. Обсуждается, не польские ли это изделия: *Это Польша — там до сих пор делают такие игрушки, и они претендуют, что это ручное напыление. / Гирлянда новая и с другой помойки, просто в один день нашлись игрушки — старые, но не советские, а польские. / Несколько лет назад я подобные нашла на День независимости Польши в заводской упаковке со штампами. Год выпуска — 1979.*

Участники делятся детскими воспоминаниями, чувствами к старым игрушкам, ностальгическими переживаниями от потери того, что было когда-то счастьем, повторяющейся радостью, таинством ожидания: *Какая красота, милота и прелесть! В детстве даже коллекционировала такие игрушки. / Как я скучаю по своим... Оставила их в коробке в квартире на Куйбышева 55... Они сейчас у кого-то... / Папа привозил из Москвы шары... Я бы многое отдала, чтобы забрать свою коробку... / У нас был домик, как будто из мармелада, с шапкой из взбитых сливок. Я маленькая смотрела внутрь — казалось, что там горит огонь. / Это память и о родных о детских годах. Как давно это было... / Ой, помню такую Снегурочку и малинку... Игрушки из советского детства! / Сразу детством повеяло! / Я помню на ёлке много «дождика», а игрушки не помню. Эти выкидывали, а я спасла. / Ну и я похвастаюсь: у меня сохранились лампочки, собачки, шишки, кукурузки, Дед Мороз — всё было на прищепках.* Реакции выражают ностальгию по детству и эмоциональную привязанность к ёлочным игрушкам, символизирующим тёплые семейные воспоминания. Люди делятся личными историями, воспоминаниями о родителях, доме и советском прошлом, подчёркивая ценность этих предметов как хранилищ памяти: *Эх, какая ностальгия! Память выдаёт ещё очень-очень много разнообразных игрушек... / Моё с братом детство / Если бы запустили ретроверсию 1 в 1, я бы потратилась. / Настоящие игрушки. Наше детство. / Как будто к бабушке своей сходила... / Детством повеяло! Спасибо! / Стеклянные гирлянды! Мммм... В детстве каждый год украшали с братом ёлку такими игрушками и гирляндами. / Сколько приятных воспоминаний связано с этими игрушками... / У меня до сих пор некоторые такие есть и мы их вешаем каждый год на елку. / Почти вся жизнь, связана с этими воспоминаниями. Это и детство, это и отрочество.*

Кто-то сохранил игрушки, кто-то их утратил, но все переживают за их судьбу и стремятся сохранить традиции: *Время ушло. Игрушки тоже исчезли. Не вернуть. / Помню все до единой, но жаль, не сохранились... / А я не сохранила, всё отдала. Жаль. / И у меня такими игрушками ёлка наряжена, ещё мамой купленные!! / Остались самые стойкие...* Игрушки хранятся и передаются следующим поколениям, например: *Я тоже сохранила и не жалею. Когда наряжаем с внуком ёлку, он разглядывает каждую и радуется! / И у нас ёлка в таких игрушках, новых практически нет. / У нас такие до сих пор, всегда ими наряжаем елку. / Игрушки очень красивые, я их хорошо помню, но они напоминают только родителей и бабушку. / Сохранила, надеюсь, ещё порадуют и внуков! / У нас были очень похожие игрушки, когда мой сын был маленький — а сейчас мальчику 34! / Я тоже наряжаю ёлочку такими игрушками для моих внучат. / У меня есть такие игрушки. Это первые игрушки моей старшей дочери. / Каждый год покупаю парочку новеньких игрушек. Но эти берегу и всегда вешаю на ёлку.*

Комментаторы благодарны блогерам за фотографии и вызываемые ими ностальгические ассоциации: *Да, это мое детство, у нас немного осталось таких игрушек. / Да, игрушки нашего детства! Спасибо за приятное воспоминание! / У меня до сих пор есть такие игрушки, и я думаю что они и сейчас актуальные. / А запах ёлки или сосны в доме, сама атмосфера ожидания праздника. / Это был не праздник, это было волшебство, как мы дети ждали... / На ёлке всегда вешали такие игрушки, а под ёлкой подарки. / Какая прелесть одни воспоминания обожаю новый год.* Это всегда комплексные впечатления, особенно яркие потому, что впервые получены в детстве, связаны с любовью близких, со свежестью восприятия: *Сколько радостей в детстве были в этих игрушках. / Как молоды мы были.... Как верили тогда в чудеса !!!!! / Сколько слез пролито. Много била игрушек или сами падали*.

Более длинные обмены репликами могут быть связаны с описанием курьёзов и трогательными историями: *Помните, как из битого стекла ёлочных игрушек корону для девочек украшали?* Следуют описания шитья детсадовских новогодних костюмов с блестками из разбитых елочных игрушек и изготовления праздничных стенгазет методом насыпания на клей через трафарет. Некоторые сами делали игрушки из картона и обваливали их в битом стекле. *Я тоже берегу, чтобы внуки не разбили. — А у меня сгорели при пожаре в доме, теперь я 20 лет собираю новые игрушки для своих внучек. / У меня была любимая игрушка — маленький чайничек. Всегда висел на видном месте... Как-то, уже будучи студенткой, прихожу домой, мама чуть не плачет... Посмотрела на ёлку — всё поняла. Сколько лет ищу похожий, пока не нашла... — А у меня самоварчик сохранился, вешаю его всегда в центре ёлки на самом видном месте. Тепло из детства... / Хоттабыч и бусы 60-х, крокодил помоложе. Есть такой. И мельница. — Крокодил у меня есть. Помню, как покупали. Значит, первая половина 80-х. / То часом не набор игрушек 'Ёлки-Малютки'? Вижу там знакомые игрушки от этого набора. — В более поздних, игрушки 'выросли', и многие стали пластиковыми.*

Сравнивают качество игрушек раньше и теперь, не сходятся во мнениях: *Эти ёлочные игрушки, делали настоящие мастера своего дела. / Да, игрушки были блестящими, а теперь искусственные. / А сейчас таких уже нет. / Сейчас игрушки лучше и интереснее. / Мне они красивые именно не восстановленными — некоторые были облезлыми уже в моем детстве и любимыми*. Привязанность к своим детским игрушкам велика. Одна женщина рассказывает, что они с мужем объединили свои елочные игрушки, когда поженились. Среди самых важных вещей, которые были взяты с собой при переезде из Пензы в Екатеринбург, был, разумеется, чемодан елочных игрушек. Когда потом мужа послали работать в Китай, игрушки были взяты с собой, хотя в новой стране вокруг было множество украшений на любой вкус. Одна участница публикует свою гордость — доставленные ей из дома в Иркутске украшения: *Это старые ёлочные игрушки из моего детства, которые летели ко мне через полмира*.

Анализ комментариев под публикациями о ёлочных игрушках в русскоязычных соцсетях показывает, насколько глубоко эти предметы врезались в коллективную и индивидуальную память. Ёлочные украшения, казалось бы, простые бытовые вещи, в действительности становятся маркерами личной и культурной

идентичности, носителями эмоций, свидетельствами прошлого, а также поводом для обсуждения, обмена опытом и ностальгии. Пользователи соцсетей объединяются в сообщества, где важно не только поделиться находкой или воспоминанием, но и получить отклик, одобрение, понимание. Речевая деятельность в этих сообществах подчинена своим правилам: эмоциональность, благодарность, стремление к точности описания, вежливый торг и даже лёгкий юмор становятся частью ритуала. Подобные исследования демонстрируют, насколько языковое поведение тесно связано с памятью, культурой и технологической средой: цифровые платформы выступают новыми аренами для сохранения, трансформации и передачи символических ценностей. Советские ёлочные игрушки, как оказалось, не просто предметы декора, а «контейнеры памяти», вокруг которых формируется подъязык, сообщество и уникальное коммуникативное пространство.

Литература

Душечкина Е. В. Русская елка: история, мифология, литература. 4-е изд. М.: НЛО, 2023. 271 с.

Крысин Л. П. Язык в современном обществе. М.: Просвещение, 1977. 192 с.

Лаврентьева Е. В. «Детство мое...» М.: Белый город, 2001. 357 с.

Пироженко Т. История ёлочных игрушек СССР: новогодняя выставка в музее Симферополя. 11.01.2014. [Электронный ресурс]. URL: https://tavika.ru/2014/01/ny-toys.html (дата обращения: 26.04.2025).

Протасова Е. Мороженое в русской картине мира // С любовью к слову / ред. Й. Линдстедт и др. Helsinki: University of Helsinki, 2008. С. 322–330.

Пчелкина Д. С. Цифровая этнография: методологические основания в культурологическом исследовании этнической манифестации // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 4. С. 25–33.

Сальникова А. История ёлочной игрушки, или как наряжали советскую ёлку. М.: НЛО, 2011. 237 с.

Туркина О. А. Тематический анализ как разновидность дискурс-анализа: синтез социологического и лингвистического подходов // Журнал БГУ. Филология. 2018. № 2. С. 76–83.

Evdokiya Alekseeva
Independent researcher
(Russia, Moscow)

A SOCIAL GROUP OF CHRISTMAS ORNAMENT ENTHUSIASTS

The article focuses on the study of communicative practices related to the discussion of vintage, predominantly Soviet, Christmas tree ornaments in the Russian-speaking segment of blogs, forums, and similar platforms. A corpus of about 2,000 comments on

online posts from 2024–2025 was analyzed. Typical forms of speech behavior, characteristic questions, and motives were identified: emotional attachment, childhood, nostalgia, celebration, preservation of traditions, family relationships, discussions of the value of the ornaments both as artifacts and as memory triggers, as well as debates about the necessity or redundancy of their restoration. Mutual admiration and support dominate the discussions, with no negative remarks. Experts provide precise descriptions of found items and clarify their production dates using catalogs. Christmas tree ornaments can be regarded as part of the cultural code for people, especially for those for whom admiring a fir tree decorated for the New Year was one of the few luxuries in life during the Soviet era. The material demonstrates how the exchange of memories and impressions fosters a sense of community and cultural continuity. The study draws on methods of digital ethnography and thematic analysis, highlighting the importance of language as a means of maintaining collective memory and identity in the online environment.

Keywords: communicative practices, nostalgia, Soviet Christmas tree ornaments, collective memory, social networks

References

Dushechkina E. V. *Russkaya elka: istoriya, mifologiya, literatura* [The Russian Christmas tree: History, mythology, literature]. 4th ed. Moscow, NLO, 2023. 271 p.

Krysin L. P. *Yazyk v sovremennom obshchestve* [Language in modern society]. Moscow, Prosveshchenie, 1977. 192 p. (In Russ.)

Lavrent'eva E. V. *"Detstvo moe..."* ["My Childhood..."]. Moscow, Belyi gorod, 2001. 357 p.

Pirozhenko T. [The history of soviet christmas tree toys: New year's exhibition at the Simferopol museum]. 11.01.2014. (In Russ.) Available at: https://tavika.ru/2014/01/ny-toys.html (accessed: 26.04.2025).

Protassova E. [Ice cream in the Russian worldview]. In: Lindstedt, J. etc. (ed.) *S lyubov'yu k slovu* [With love for the word]. Helsinki: University of Helsinki, 2008, pp. 322–330. (In Russ.)

Pchelkina D. S. [Digital ethnography: Methodological foundations in the cultural study of ethnic manifestation]. *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 2021, no. 4, pp. 25–33. (In Russ.)

Sal'nikova A. *Istoriya yolochnoy igrushki, ili kak naryazhali sovetskuyu yolku* [The history of the Christmas ornament, or how the Soviet fur-tree was decorated]. Moscow, NLO, 2011. 237 p.

Turkina O. A. [Thematic analysis as a type of discourse analysis: A synthesis of sociological and linguistic approaches]. *Zhurnal BGU. Filologiya* [Bulletin of BSU. Philology], 2018, no. 2, pp. 76–83. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.2

О. В. Антонова[1]
А. В. Занадворова[2]
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
[1]*ovantonova@gmail.com*
[2]*annazann@gmail.com*

ВИДЫ ИНФОРМАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ШКОЛЬНОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья описывает принципы, положенные в основу создания двух современных школьных толковых словарей: «Толкового словаря русского языка. 5–9 классы», (М., Грамота, 2024) и «Толкового словаря русского языка. 10–11 классы», (М., Грамота, в печати) авторов О. В. Антоновой, А. В. Занадворовой, Е. Г. Жидковой, Е. В. Какориной и Е. А. Никишиной (научный редактор — Л. Л. Шестакова).

В статье подробно рассмотрены лексикографические решения, принятые авторами для облегчения восприятия школьниками грамматической информации, расширения кругозора и систематизации знаний в некоторых предметных областях (справочные таблицы), а также повышения общей лексикографической культуры. Так, подробное Предисловие к словарю знакомит школьников с системой стилистических помет и структурой словарной статьи. Подчеркивается необходимость введения в учебные словари новых слов и значений, которые активно употребляются в речи школьников, но еще не были зафиксированы в нормативных толковых словарях.

Большое внимание уделяется представлению орфоэпической информации в словаре, объясняются критерии выбора вариантов в случаях противоречащих друг другу рекомендаций, представленных в других нормативных словарях, а также подчеркивается необходимость фиксации всех допустимых вариантов нормы; так как словарь служит не только справочником, но и доказательным средством на некоторых экзаменах.

Анализируются также способы представления энциклопедической информации и принципы отбора иллюстративного материала для словаря.

Ключевые слова: лексикография, толковый словари, школьные словари, орфоэпия, стилистические пометы, справочные таблицы, энциклопедическая информация

Дорогому Леониду Петровичу
с искренней любовью и глубоким уважением

Необходимость создания специальных словарей именно для школьников была осознана еще в середине XX века, когда появились первые учебные словари для учащихся. А первый «Школьный толковый словарь русского языка» (авт.: М. С. Лапатухин, Е. В. Скорлуповская, Г. П. Снетова; под ред. Ф. П. Филина) был опубликован в 1981 году. С тех пор вышло несколько десятков школьных толковых словарей разного объема и направленности. Словари, о которых пойдет речь в настоящей статье, входят в серию «Словари XXI века» и представляют собой словари нового типа.

Авторы полагают, что форма подачи материала в школьном словаре должна быть не упрощенной по сравнению с академическими словарями, а принципиально иной. Информация о слове должна быть более эксплицитной и подаваться в более удобном для наивного читателя виде.

Остановимся подробнее на некоторых лексикографических решениях, которые были приняты в словарях. Они подробно изложены в Предисловии, которое призвано объяснить школьникам, как правильно пользоваться словарем, а также познакомить их со структурой словарной статьи и системой грамматических и стилистических помет, использованных в словаре.

Как правило, большинство школьников не понимает смысла общепринятых лексикографических обозначений (и даже не пытается понять), а зачастую просто пропускает всю зону грамматических сведений о слове. Но даже если учащийся захочет в этом разобраться, ему не удастся с ходу определить, что обозначает, например, *-а* в записи ГОРОД, *-а* — форму множественного числа в именительном падеже или форму родительного падежа единственного числа. Разумеется, смысл всех помет и сокращений, как правило, объясняется в Предисловии к словарю, но школьники редко его читают.

Поэтому в наших словарях мы не пользуемся такой формой записи. Для того чтобы сделать грамматические сведения максимально прозрачными, в статьях, где образование формы слова может вызвать трудности, такие формы приводятся целиком (после вертикальной черты |), с эксплицитным указанием, что это за форма.

В словаре используются сокращения, близкие к школьной записи, но для экономии места более компактные (не *Р. п.* — родительный падеж, а просто *Р.*, не *ед. ч.* или *мн. ч.*, а просто *ед.* или *мн.*) — информация не избыточная, но достаточная для того, чтобы перекинуть мостик между академической и школьной записями. Особенно важна такая информация, когда образование падежных форм неочевидно или допустимы различные варианты, ср.:

ДНО, *сущ.*, *ср. р.* | *Р. ед.* дна, *И. мн.* до́нья (к 3 знач.), *Р. мн.* до́ньев (к 3 знач.).

ГУСА́Р, *сущ.*, *м. р.*, *одуш.* | *И. мн.* гуса́ры, *Р. мн.* гуса́р и гуса́ров.

Также подобная форма подачи позволяет указать, куда падает ударение в падежных формах существительных, в кратких формах прилагательных и при спряжении

глаголов. Эти сведения важны не только для правильного употребления в речи, но и для сдачи различных аттестаций.

Словарь организован по алфавитно-гнездовому принципу. В словарной статье, помимо информации о фраземах, включающих входную единицу, даются также сведения об однокоренных словах. Помимо экономии места, это позволяет школьнику лучше представить себе словообразовательные связи слова и провести неочевидные параллели, а также показать разницу между паронимами. Так, например, далеко не все школьники понимают связь между словами: *очки* и *очи*, *перси* и *наперсник*, *одесную* и *десница*, *гибнуть* и *погибель* и др.

В зоне фразеологии авторы стремились, с одной стороны, представить устойчивые выражения, актуальные для современного школьника, с другой стороны, познакомить с фраземами, с которыми он может встретиться в литературе.

Одним из важных новшеств, принятых в словаре, стало решение о смене стилистических помет в соответствии с новым состоянием языка. Так, за последние двадцать лет, согласно описанным в лингвистической литературе тенденциям (см., например, [Пестова 2024]), многие разговорные слова вышли из речевого обихода, а некоторые просторечные слова, напротив, повысили свой стилистический статус и перешли в разряд разговорных. Тем не менее многие словари продолжают по традиции копировать пометы, которые были указаны при первом издании словаря больше сорока лет назад. Однако некоторые академические словари учитывают современное состояние языка и пересматривают традиционные пометы (ср. например, АТОС). Мы считаем особенно важной корректировку помет именно для школьного словаря.

Словник словаря

Так как школьный словарь должен идти в ногу со временем и отражать актуальное состояние языка, авторы посчитали важным включить в словарь новые слова, вошедшие в узус в последние десятилетия, а также новые значения слов и новые омонимы существующих слов.

Поэтому словник был дополнен современной лексикой, не так давно вошедшей в толковые словари (ср.: *буллинг, билборд, виртуальный*, *волонтёр, дайджест, дауншифтер, карма, ксерить*, *навигатор, пиар, поисковик, полиграф, портфолио, рейтинг, форум, хайп, хакер* и др.). Некоторые слова и значения ранее не были отмечены в академических толковых словарях и впервые вводятся в нормативный словарь (*аватара, кликать, пост, поисковик, хайп* и др.), ср., например:

КЛИ́КАТЬ[2], ... (*комп.*) ...

1. Нажимать клавишу мыши при работе с компьютером; щёлкать. ***Кликать*** *мышкой.*

2. Подводя курсор к элементу изображения на экране, щёлкать мышью или нажимать клавишу, чтобы выполнить связанное с ним действие. ***Кликать*** *по ссылкам*. ***Кликни*** *на эту картинку.*

|| *сущ.* **клик**.

ПОСТ³ ...

Сообщение, размещённое в Интернете: в блоге, в ленте новостей, на страницах участников социальной сети и др. *Написать интересный* ***пост***. ***Посты*** *обычно содержат не только текст, но и фотографии, видео и гиперссылки.*

|| *глаг.* (*разг.*) **по́стить, запо́стить, перепо́стить, репо́стить**.

|| *сущ.* (*разг.*) **репо́ст**.

ПОИСКОВИ́К ...

2. *неодуш*. Поисковая система — веб-сайт для поиска информации в Интернете. *При вводе запроса в строку поиска* ***поисковик*** *показывает наиболее популярные ответы. Найди мне, пожалуйста, хороший* ***поисковик*** *авиабилетов.*

Представление орфоэпической информации

В традиции отечественной лексикографии при составлении толковых словарей как правило были реализованы два общих подхода, характеризующих орфоэпические особенности лексем: в первом случае информация о сегментных реализациях слова толковым словарем игнорировалась (таков, к примеру, МАС [Евгеньева (ред.) 1981–1984]), во втором случае в ряде слов информация о нормативном произношении была представлена после заголовочного слова словарной статьи (такой подход в целом сформировался с момента выхода в свет словаря под редакцией Д. Н. Ушакова [Ушаков (ред.) 1935–1940]). При этом сведения об ударении заголовочного слова присутствовали в словарной статье толкового словаря во всех случаях (однако это не относится к информации об ударении в ряде грамматических форм — эти данные толковые словари отражали лишь частично).

В настоящих изданиях мы приняли решение о включении орфоэпической информации в словарную статью. Это было сделано для того, чтобы сформировать у школьников комплексное представление о слове и его нормативных характеристиках (без дополнительного обращения к иным специализированным словарям). На наш взгляд, крайне целесообразно обеспечить учащимся возможность получить максимум информации о слове из одного источника (так как нет уверенности, что школьник в состоянии оценить самостоятельно, требует ли то или иное слово дополнительного обращения к иным специализированным словарям, есть ли в парадигме этого слова подвижные акцентологические элементы и пр.). Таким образом, в статью непосредственно после заголовочного слова в ряде случаев была помещена и информация об особенностях произношения отдельных лексем. В случае необходимости такая информация сопровождала и/или некоторые словоформы описываемой лексемы.

Одним из острых вопросов современной орфоэпии в прикладном ее аспекте является вопрос о соотношении информации, которую можно почерпнуть из различных современных академических нормативных словарей. Эта информация не всегда одинакова: на протяжении более чем полувека критерии отбора фактов, служащих основаниями для принятия кодификационного решения, постепенно

изменялись. Общая значимость целого комплекса таких оснований первоначально была смещена в сторону научной интуиции и набора объективных знаний о языке, которыми обладали сами авторы словарей, и только впоследствии стало очевидно, что при выработке орфоэпических рекомендаций необходимо учитывать и статистические данные, полученные на основе обработки результатов массовых обследований (см., к примеру, [РЯиСО 1968] и [РЯДМО 1974], где эта традиция и берет начало). При интерпретации этих данных возникали противоречия, связанные с частичным несовпадением нормативных предписаний и узуальных предпочтений говорящих (однако такие противоречия не выходили, тем не менее, за пределы литературной нормы — в узком и широком смысле этого понятия[1]).

При столкновении с неодинаковыми рекомендациями авторитетных источников были предложены следующие пути решения проблемы: для представления наиболее полной и объективной картины современного литературного произношения при верификации нормативных рекомендаций авторы использовали не один, а несколько специализированных академических словарей[2]. Так, в качестве основного источника орфоэпической информации выступал «Большой орфоэпический словарь русского языка» (БОС) под ред. Л. Л. Касаткина (М., 2018), созданный в рамках программы «Словари XXI века». Однако при возникновении разночтений в рекомендациях между БОС и другими словарями алгоритм принятия решения не был линейным (то есть решение не принималось в пользу только одного источника). Так, в БОС [Касаткин (ред.) 2018] глаголы *баловать* и *баловаться* имеют два варианта произношения: **балова́ть** *и допуст.* **ба́ловать**, **балова́ться** *и допуст.* **ба́ловаться**; при этом школьный «Орфоэпический словарь русского языка. 9–11 классы» [Скачедубова 2020], изданный под эгидой ИРЯ РАН в рамках программы «Словари XXI века», дает эти акцентологические варианты в качестве равноправных), а в академическом «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Н. А. Еськовой [Еськова (ред.) 2015] для тех же глаголов варианты с ударением на первом слоге снабжены запретительной пометой *не рек.* (т. е. — не рекомендуется). Во всех подобных спорных случаях авторы приняли решение указывать как *допустимые* те варианты произношения, которые представлены таким образом *хотя бы в одном* из современных академических орфоэпических словарей. Помета *и допуст*. в таком случае совпадала с представлением вариантов, один из которых является основным и находится на первом месте, а другой, менее предпочтительный, однако также допустимый в литературном языке, следует за ним. Например:

БАЛОВА́ТЬ *и допуст.* **БА́ЛОВАТЬ**
БАЛОВА́ТЬСЯ *и допуст.* **БА́ЛОВАТЬСЯ**

[1] В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов... В узком смысле норма — результат целенаправленной кодификации языка [Крысин 2017: 21–22].

[2] Существование таких противоречий особенно остро ставит проблему оценивания при проверке результатов различных экзаменов, так как закономерно возникает вопрос, чьим же рекомендациям обязаны следовать экзаменаторы и экзаменуемые (ведь каждый из указанных словарей имеет гриф Российской академии наук).

Особенно важным было разъяснение, обращенное как к учащимся, так и к учителям, о существовании в языке параллельно используемых допустимых *вариантов*. Как показывает практика, это положение не всегда оказывается очевидным даже для педагогов-русистов. В примечании к этому пункту авторы включили в предисловие специальное пояснение следующего содержания:

> **«ВАЖНО**: В таких случаях важно помнить, что употребление в речи вариантов с пометой *и допуст.* не является ошибкой! *Допустимые* варианты произношения существуют в русском литературном языке одновременно с основными вариантами. Такие случаи отражают колебания, связанные с изменением норм произношения, ведь в орфоэпии — науке о правильном произношении (в отличие от орфографии — науке о правописании) — изменения норм не происходят одномоментно. Это длительный процесс, течение которого отражается в словарях именно таким образом: наряду с основным вариантом приводится и *дополнительный* (новый или, напротив, устаревающий, но никак не ошибочный). В некоторых словах новое произношение постепенно вытесняет старое, но на современном этапе развития языка оба варианта сосуществуют и считаются правильными» [Антонова, Жидкова, Занадворова и др. ... 2024: 14].

В целом представление орфоэпической информации в словаре соответствует сложившейся лексикографической традиции (с тем лишь отличием, что мягкость согласных, в отличие от изданий Орфоэпического словаря русского языка под ред. Р. И. Аванесова [Аванесов (ред.) 1983 и посл.], обозначалась апострофом (знаком ’), а не надстрочным мягким знаком после согласного[3] (т. к. обозначение мягкости согласных с помощью апострофа соответствует современным академическим представлениям и отражает практику, принятую в школьном обучении — так, в «Большом орфоэпическом словаре» [Касаткин (ред.) 2018] мягкость обозначается только апострофом, а современные школьники учатся транскрибировать, используя апостроф, еще в начальной школе).

Транскрипция дается не для всего слова, а лишь для той его части, произношение которой может вызвать затруднение, и приводится в квадратных скобках [ ], например: **МУЗЕ́Й**, му[*з’*]ей.

В некоторых случаях в словаре отмечались не только правильные, но и распространенные неправильные варианты. Подобный вариант сопровождался запретительной пометой *неправ*. например:

> **ПЛАТО́** (! *неправ*. пла́то).
> **ЖАЛЮЗИ́** (! *неправ.* жа́люзи).

В рамках школьных словарей было принято решение отказаться от градации запретительных помет, принятой в большинстве орфоэпических словарей (так,

[3] В словаре [Аванесов (ред.) 1983 и посл.] мягкость согласного обозначалась следующим образом: об абстракциони́сте [$с^ьт^ь$]. Очевидно, это было сделано для упрощения восприятия лингвистической информации читателями, не имеющими специальных знаний о транскрипции (такая запись позволяет интуитивно понять, о каком именно фонетическом явлении идет речь).

в них нет пометы *не рек.* (не рекомендуется) и *грубо неправ*. (грубо неправильно)). На взгляд авторов, помета *не рек*. не вполне подходит для интерпретации при выполнении экзаменационных заданий, а помета *грубо неправ*. в целом дублирует информацию, заложенную в помете *неправ*.

Когда ударение в падежных формах существительных, в глагольных формах или кратких формах прилагательных перемещается, это указывается в зоне грамматической информации о слове:

ПЛУТ, *сущ., м. р., одуш.* | *Р. ед*. плу́та и плута́, *И. мн*. плу́ты и плуты́, *Р. мн*. плу́тов и плуто́в.

БАЛ, *сущ.*, *м. р.* | *П. ед.* о ба́ле, на балу́ и (*устар.*) на ба́ле, *И. мн.* балы́, *Р. мн.* бало́в.

ВЕРТЕ́ТЬ, *глаг., несов., II спр.* | верч-у́, ве́рт-ишь, ве́рт-ят; *прич.* ве́рченный.

ВЕ́РНЫЙ, *прил.* | *кратк. ф.* ве́рен, верна́, ве́рно, ве́рны и верны́.

Если у слова (или словоформы) есть два равноправных варианта произношения, то они соединяются союзом «и», например:

БА́РЖА и **БАРЖА́**.
БО́НДАРЬ и **БОНДА́РЬ**.

АРБА́, *сущ.*, *ж. р.* | *И. мн.* а́рбы и арбы́.
ПО́ЛЮС, *сущ., м. р.* | *И. мн*. по́люсы и полюса́, *Р. мн.* по́люсов и полюсо́в.
ПУ́РПУР, *сущ., м. р.*
|| *прил.* **пурпу́рный** и **пу́рпурный, пурпу́ровый**.

Также в словаре отмечаются случаи, когда наряду с основным вариантом в литературном языке встречается другой орфоэпический вариант, который не является стилистически нейтральным. Тогда он сопровождается специальной пометой, например: **АКУШЕ́Р** и *устар*. **АКУШЁР**.

Особенности иллюстративной зоны словаря

В силу ограниченности объема словаря для школьников, при большинстве слов в качестве иллюстраций их употребления приводятся типичные словосочетания или речения. Однако, когда слово выходит за рамки привычного узуса, очень важно иметь перед глазами расширенный контекст употребления слова, который раскрывает особенности его семантики и сочетаемости. Поэтому при устаревших словах и историзмах обычно даются примеры из художественной литературы, часто из произведений русских классиков, которые наглядно показывают типичные контексты употребления слова, ср.:

Жила *прост.* (скупой человек). ... *Уж ты* ***жила*** *известный, сам норовишь на грош пятаков купить* (А. Н. Островский); *Сразу было видно, что это помещик, что называется, к обстоятельствам применившийся:* ***жила*** *и кулак* (А. И. Эртель);

Заполонить *устар.* (взять кого-либо в плен). ... *Так и пошлёшь надёжных генералов; / Побьют, порубят всех,* ***заполонят*** (А. А. Фет); *Награждён за боевые геройства!.. Турецкого майора живьём* ***заполонил***... (М. А. Шолохов);

Также примеры из художественной литературы сопровождают слова, находящиеся на периферии употребления учащихся, ср.:

Жнивьё (поле, на котором сжаты хлеба). *Скоро мы были уже за монастырской оградой на жёлтом* ***жнивье*** *в последних закатных лучах* (В. Д. Пришвин);

Заиндеветь (покрыться инеем). *Намёрзнешься,* ***заиндевеешь*** *весь и потом ввалишься в тёплую избу* (И. А. Гончаров).

При выборе литературных примеров авторы стремились знакомить школьников с прецедентными текстами русской культуры — приводить цитаты, которые одними из первых всплывают в памяти образованных людей. Знакомство с прецедентными текстами играет важную роль для повышения общего уровня культуры и расширения кругозора учащихся, ср:

Анахорет. *Онегин жил* ***анахоретом****; / В седьмом часу вставал он летом / И отправлялся налегке / К бегущей под горой реке* (А. С. Пушкин); **Аршин**. *Сына бог им дал в* ***аршин*** (А. С. Пушкин); **Вестимо**. *Откуда дровишки? — Из леса,* ***вестимо****!* (Н. А. Некрасов); **Воля**. *На свете счастья нет, но есть покой и* ***воля*** (А. С. Пушкин); **Ворона**. ***Ворона*** *каркнула во всё воронье горло* (И. А. Крылов); **Вы**. *Пустое* ***вы*** *сердечным ты / Она, обмолвясь, заменила* (А. С. Пушкин); **Грядущий**. *Что день* ***грядущий*** *мне готовит?* (А. С. Пушкин); **Денди**. *Как* ***денди*** *лондонский одет* (А. С. Пушкин).

Способы подачи энциклопедической информации

Важную образовательную нагрузку несет и энциклопедическая информация о слове. Несмотря на то, что словарь является толковым, а не энциклопедическим, авторы стремились упорядочить и расширить знания школьников в разных предметных областях. Энциклопедические сведения в первую очередь необходимо приводить в толковании слов, которые не входят в активный словарный запас школьников, к ним относятся архаизмы и историзмы, термины культуры и религии, ср.:

ПОДОРО́ЖНАЯ, ... *ист.* ... В России до появления железнодорожного сообщения: документ для получения почтовых лошадей в дороге (в таком документе обычно обозначались маршрут, чин и звание путешественника; предъявлялся он на почтовых станциях, где предоставляли для проезда и меняли лошадей; за лошадей платили прогонные деньги — за каждую лошадь и версту).

АТЛА́НТ, ... *спец.* ... Мужская статуя в полный рост — архитектурная деталь, заменяющая колонну, кронштейн (по древнегреческому мифу о титане, держащем на плечах небесный свод).

СТОЛПОТВОРЕ́НИЕ, ... Суматоха, беспорядок, бестолковый шум при большом стечении народу. ♦ **Вавилонское столпотворение** — беспорядок, бестолковый шумный разговор (из библейского предания о том, как Бог, разгневанный дерзостью людей, задумавших построить башню до небес, смешал их языки, так что люди перестали понимать друг друга, и рассеял их по всей земле).

Также мы считали необходимым представить энциклопедическую информацию при переходе слова из разряда собственных в нарицательные. Так, многие привычные вещи и явления получили свои названия по фамилии их изобретателей или первооткрывателей.

НАГА́Н, ... Револьвер особой системы (**по имени бельгийского оружейного конструктора Л. Нагана**).

МАКИНТО́Ш, ...

1. Пальто или плащ из прорезиненной ткани (**по имени изобретателя непромокаемой ткани Ч. Макинтоша**). *Надел старый* ***макинтош****.*

2. Линейка персональных компьютеров корпорации Apple, а также сам такой компьютер (**по названию сорта яблок**). *Работать на* ***макинтоше****.*

Однако энциклопедические сведения могут пригодиться школьнику не только при знакомстве с архаизмами и историзмами. Не лишними будут они и при описании экзотических растений и животных, научных терминов, явлений культуры. В таких случаях авторы стремились часть энциклопедической информации представить в иллюстративной зоне, показывающей контексты употребления слова, ср.:

СЕКВО́ЙЯ, ... Гигантское реликтовое хвойное дерево, которое растёт в Северной Америке на побережье Тихого океана. ***Секвойя*** *— самое высокое дерево на Земле, оно может достигать высоты в 110 метров. Живут* ***секвойи*** *около двух тысяч лет.* ***Секвойя*** *названа по имени вождя индейского племени чероки, который изобрёл алфавит для своего народа.*

АПОГЕ́Й, ... 1. *астр.* Наиболее удалённая от Земли точка лунной орбиты или орбиты искусственного спутника Земли; *антоним* — перигей. *Минимальное удаление Луны от центра Земли (в перигее) и максимальное (в* ***апогее****) равны соответственно 356,41 и 406,74 тысячам километров*

ДИНА́СТИЯ, ... **1.** Ряд правителей из одной семьи, которые сменяют друг друга на троне по праву наследования. *Русские цари из* ***династии*** *Рюриковичей. Первым царём из* ***династии*** *Романовых был Михаил Фёдорович.*

Справочные таблицы

Одной из задач, которую ставили перед собой авторы при составлении словника, является знакомство школьников со словами и понятиями, с которыми они неизбежно сталкиваются в текстах классической русской литературы и на уроках истории, например, старинные меры длины (*аршин, пядь, сажень*), веса (*пуд, фунт*), названия

профессий в дореволюционной России (*бондарь, золотарь, целовальник, стряпчий* и т. п.), а также с явлениями, которые есть и в современном мире, но находятся на периферии употребления (например, масти лошадей — *буланый, каурый* или термины родства — *сноха, шурин, золовка* и др.). Для того, чтобы дополнить сведения об этих словах, изложенные в словаре на их алфавитных местах, и систематизировать знания школьников в этих предметных областях, было принято решение поместить в конце словаря справочные таблицы. В школьных толковых словарях такой практики до сих пор не было (подобные таблицы встречаются в энциклопедических, а также в двуязычных словарях, см., например, [Гак, Триомф 2000]).

При этом таблицы не дублируют, а дополняют описание слова на его алфавитном месте. Табличное описание дает наглядно представление, например, о соотношении мер длины между собой (пядь равна четырем вершкам, а локоть — двум пядям и т. п.), однако сведения о других значениях этих слов, не могут быть описаны при такой подаче. Например, при слове *верста* на алфавитном месте будет дано второе значение этого слова — «Выкрашенный чёрно-белыми полосами дорожный столб, отмечающий эту меру [длины]» с цитатой из А. С. Пушкина — *Только **вёрсты** полосаты попадаются одне*, а также фраземы: **коломенская верста**, **за версту́** (или **за́ версту**), **семь вёрст до небес и всё (все) лесом**. А при слове *вершок* — третье значение «Верхняя часть чего-нибудь. *Мне **вершки**, тебе корешки* (из русской сказки)».

Помимо перечисленных выше, в словарь для 5–9 классов вошли таблицы с названиями старинных денежных единиц (с иллюстрациями), табель о рангах, названия территориальных единиц на Руси. В словарь 10–11 класса войдут таблицы с буквами старой кириллицы, основными размерами силлабо-тонической стихотворной системы, строением лошадиной упряжи, буквами греческого алфавита и обозначаемых ими реалиях и нек. др.

Выводы

В статье подробно рассмотрены лексикографические решения, принятые авторами для облегчения восприятия школьниками грамматической информации, расширения кругозора школьников и систематизации знаний в некоторых предметных областях (справочные таблицы), а также повышения общей лексикографической культуры учащихся. Подчеркивается необходимость введения в учебные словари новых слов и актуальных значений, даже если они еще не зафиксированы в нормативных толковых словарях. Особое внимание уделяется представлению орфоэпической информации в словаре, объясняются критерии выбора вариантов в случаях противоречащих друг другу рекомендаций, а также подчеркивается необходимость фиксации всех допустимых вариантов нормы. Анализируются также способы представления энциклопедической информации и принципы отбора иллюстративного материала для словарей.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 26.11.2024).

Словари

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983. 704 с.

Антонова О. В., Жидкова Е. Г., Занадворова А. В., Какорина Е. В., Никишина Е. А. Толковый словарь русского языка. Научный редактор — Л. Л. Шестакова. (5–9 классы), М.: Грамота, 2024; (10–11 классы) М.: Грамота, (в печати).

АТоС — Академический толковый словарь русского языка. Том 1: А — Вилять; Том 2: Вина — Гяур / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2016.

Гак В. Г., Триомф Ж. (ред.). Франзуско-русский словарь активного типа (3-е изд.). М.: Русский язык, 2000, 1056 с.

Гак В. Г., *Беляева Е. А.*, *Ковшова Л. С.*, *Слободчиков В. А.* Французско-русский и русско-французский словарь: Пособие для учащихся. Под ред. В. Г. Гака. М.: Просвещение, 1992. 448 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. III. П–Р. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 797 с. [Электронный ресурс]. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения: 26.11.2022).

Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; под ред. Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Lingua, 2015. 1007 с. — С 1-го по 9-е изд. под ред. Р. И. Аванесова.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 1008 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. М.: Эксмо, 2005. 939 с.

Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Скачедубова Е. С. Орфоэпический словарь русского языка. 9–11 классы. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 352 с.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т 1–4. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940.

Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Сост. Л. П. Крысин, Л. В. Куркина, Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.

Литература

Крысин Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования 2017, № 2 (12). С. 20–31.

Пестова А. Р. Изменение стилистического статуса слова в свете корпусных данных // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. № 3, 2024, С. 269–278.

РЯДМО — Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения. (Под ред. Л. П. Крысина). М.: Наука, 1974, 352 с.

РЯиСО — Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. (Кн. 1–4 / Под ред. М. В. Панова). М.: Наука, 1968.

***O. V. Antonova*[1]**

***A. V. Zanadvorova*[2]**

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
[1]*ovantonova@gmail.com*
[2]*annazann@gmail.com*

TYPES OF INFORMATION AND ITS PRESENTATION IN THE SCHOOL EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article describes the underlying principles of two new explanatory dictionaries for schools: *The Explanatory Dictionary of the Russian Language. Grades 5–9* (Moscow, Gramota, 2024) and *The Explanatory Dictionary of the Russian Language. Grades 10–11* (Moscow, Gramota, in print) compiled by O. V. Antonova, A. V. Zanadvorova, E. G. Zhidkova, E. V. Kakorina, and E. A. Nikishina (scientific editor — L. L. Shestakova).

The article thoroughly examines the lexicographic decisions made by the authors in order to make grammatical information more accessible for the students while broadening their knowledge and helping to organize information in specific subject areas (via reference tables), and to promote their overall lexicographic literacy. For instance, the detailed preface to the dictionary introduces students to the system of stylistic labels and to the structure of dictionary entries. It also emphasizes importance of incorporating new words into the dictionary — those that are already actively used by students but have not yet been recorded in normative explanatory dictionaries.

Major emphasis is made on presentation of orthoepic information in the dictionary. The criteria for selecting appropriate variants among conflicting recommendations are spelled out and motivation for recording all acceptable normative variants is justified by the fact that the dictionary serves not only as a reference source but also as a validation tool for standardized exams.

The article also analyzes methods of presenting encyclopedic information and the principles for selecting illustrative material for the dictionary.

Keywords: lexicography, explanatory dictionaries, school dictionaries, orthoepy, stylistic notes, reference tables, encyclopedic information

References

Krysin L. P. [To the ratio of the language system, its norms and usage] *Kommunikativnye issledovaniya*, 2017, no 2 (12), pp. 20–31. (In Russ).

Pestova A. R. [Change of stylistic status of the word in the light of corpus data] Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute (RAS). no 3, 2024, pp. 269–278. (In Russ).

Russkii yazyk po dannym massovogo obsledovaniya. Opyt sotsial'no-lingvisticheskogo izucheniya. [Russian language according to the mass survey. Experience of socio-linguistic study. L. P. Krysin (ed.)]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 352 p.

Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie (kn. 1–4 / pod red. M. V. Panova). [Russian language and Soviet society. Sociological and linguistic research (books 1–4 / ed. by M. V. Panov)]. Moscow, Nauka Publ., 1968.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.3

В. Ю. Апресян
Dartmouth College
(США, Гановер)
valentina.apresjan@gmail.com

ГДЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО И *КОГДА ПО ВРЕМЕНИ?* ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПЛЕОНАЗМОВ

В статье анализируются дискурсивные функции разговорных плеонастических конструкций *где территориально* и *когда по времени*. На основе данных корпусов НКРЯ и ruTenTen2017 показывается, что эти выражения, несмотря на свою стилистическую небезупречность и семантическую избыточность, играют важную коммуникативную роль в высказывании. В отличие от местоименных конструкций с частицей *именно* (*где именно, когда именно*), их функция — не уточнение, а конкретизация более общего параметра. В вопросах они позволяют говорящему точно сигнализировать тип ожидаемой информации — указание на место или время, выраженное в абсолютных терминах, т. е. с указанием на конкретную территорию и точное время (*на Пречистенке*, *в Северной Финляндии, завтра в час*; *18 сентября в 12:30*). В утверждениях подобные плеонастические конструкции служат контрастным средством фокусировки внимания адресата на том, о чем пойдет речь в дальнейшем высказывании. Аналогичные плеоназмы обнаруживаются в других языках, что позволяет говорить о более общем дискурсивном механизме. Функционально эти конструкции встраиваются в более широкий пласт коммуникативных средств, которые используются в начале клаузы для сигнализации ее дальнейшего содержания.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, плеоназм, конструкция

Леонида Петровича Крысина я знаю всю свою жизнь, как друга и коллегу моих родителей. В детстве он был для меня «дядя Лёня Крысин». Помню, когда он превратился в «Леонида Петровича»: во время Зимней лексикографической школы в 1990 году, когда отмечалось 60-летие Ю. Д. Апресяна. Тогда я впервые познакомилась с Леонидом Петровичем как с лингвистом и лексикографом. Почему-то запомнилась такая деталь: Леонид Петрович, как и все прочие участники школы, должен был делать доклад. О чем был доклад, я уже не помню, — но помню, что он был аккуратно перепечатан на пишущей машинке, — а для того, чтобы выделить

языковые примеры в докладе курсивом, Леонид Петрович воспользовался расческой — тогда курсив было принято изображать волнистым подчеркиванием. С тех пор Леонид Петрович присутствует в моей жизни в двух ипостасях — личной и профессиональной — и я посвящаю эту маленькую статью о разговорных конструкциях старинному другу моих родителей и замечательному лингвисту и лексикографу с пожеланием оставаться таким же молодым, веселым и энергичным, как и тогда, в далеком уже 1990 году.

Разговорные адвербиальные конструкции *где территориально* и *когда по времени* на первый взгляд кажутся плеонастическими. Действительно, вторая часть конструкции выглядит повтором первой: *территориально* значит *где*, а *когда* бывает только *по времени* и никак иначе. При этом вообще-то для языка, как это известно, характерны повторы и тавтологические конструкции (см. подробный обзор литературы по синтаксическим тавтологиям в работе [Vilinbakhova et al. 2022]), которые всегда выражают некоторые дополнительные смыслы; ср. конструкции вида *Лето как лето*, *Работа — это работа* и т. п. Однако *когда по времени* и *где территориально* имеют иную стилистическую окраску: в отличие от синтаксических тавтологий, они, по-видимому, воспринимаются как не вполне корректные и обычно не встречаются в речи образованных носителей языка. При том, что большинство носителей языка пассивно знают эти конструкции и периодически сталкиваются с ними в узусе, в НКРЯ они практически не встречаются, за исключением четырех примеров на *где территориально* в Основном корпусе, ср.:

(1) *Поэтому для человека, проживающего, например, в глубинке, совершенно не имеет значения, где территориально находится офис негосударственной управляющей компании* («Время МН», 25.07.2003)
(2) *Подожди, сейчас подъеду. Ты где территориально находишься? Давай в том кафе, где мы вчера сидели? — предложила она* (Маша Трауб. Не вся la vie (2008))
(3) *Где территориально расположен ваш фонд? В здании бывшего ЦК комсомола, там сидит сейчас с десяток общественных организаций* («Вестник США», 06.08.2003)
(4) *Ленск — это там, где сейчас людям очень плохо, у них нет домов, они затоплены, а где территориально он находится, я не знаю* («Известия», 18.10.2001)

Интересно, что эти конструкции нельзя назвать разговорными — они ни разу не встретились в Устном корпусе — и даже наоборот, как видно из примеров, у них есть оттенок официальности, но при этом они слегка сдвинуты в сторону просторечия; в Активном словаре русского языка конструкция *когда по времени* описана как обиходная [В. Апресян 2024]. Возникает ощущение, что они употребляются в деловых контекстах с целью выразиться точно, официально и «культурно», т. е. в качестве некоторой гиперкоррекции; ср. также примеры из корпуса ruTenTen2017 на

ресурсе Sketch Engine, где конструкция *где территориально* встретилась 547 раз, а конструкция *когда по времени* — 101 раз:

(5) *Один из главных принципов выбора — где территориально находится учебное заведение*
(6) *А центр Ваш где территориально находится?*
(7) *Где территориально и когда по времени забирать*? *Забирать в любом московском метро. По срокам — до конца недели*
(8) *По поводу собрания — ну пусть хотя бы человек 10 отпишутся, что думают и когда по времени удобно*

Если заменить в этих примерах *где территориально* и *когда по времени* на *где* и *когда*, общий смысл фраз не поменяется. Однако это не значит, что вклад рассматриваемых плеонастических конструкций в смысл высказывания носит чисто стилистический характер. Их семантические и прагматические особенности становятся более понятными, если взглянуть на такие употребления, где невозможна обратная замена — а именно, нельзя заменить *где* и *когда* на плеонастические варианты. Если предположить, что цель этих плеоназмов — уточнение, то контексты употребления этих конструкций должны быть примерно те же, что и конструкций с частицей *именно*, характерных для русских вопросительных местоимений [В. Апресян, Иомдин 2022] — *где именно, когда именно*; ср. *Где именно мы встречаемся?* (я прошу указать точное место), *Когда именно мы встречаемся?* (я прошу указать точное время). Однако оказывается, что далеко не во все контексты, в которых возможно употребить *где именно* и *когда именно*, подставляются плеонастические конструкции; ср. следующие примеры из Устного подкорпуса НКРЯ, где это невозможно:

(9) *Настя: Но где именно/ ээ в вагоне или?..* (Разговор студентов о неисправном телефоне (2009))
(10) Мама: *Надо бы ремонт начать делать*. № 1: *Где именно?* Мама: *Я думаю / с кухни начать надо / потом ванну* (Разговор матери с дочерью-студенткой (2007))
(11) *Знаю / что где-то в центре / а где именно / без понятия* (Обсуждение свадьбы (2006))
(12) *Юрий Орлов: Оба не заметили / когда именно левостороннее движение сменилось привычным российским* (Слева по ходу поезда. Усадьба Кирицы. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2009))
(13) Федор (Сергей Баталов): *И какая разница / когда именно? Что щас / что завтра* (Николай Досталь, Георгий Николаев. Облако-рай, к/ф (1991))

Ни в один из этих примеров нельзя подставить плеонастические конструкции, что позволяет нам сформулировать их особенности. Невозможно употребить *где территориально* и *когда по времени*, если контекст эксплицитно предполагает запрос более точной информации, как в примере (11); так, невозможно сказать **Их офис в центре, а где территориально, не знаю*; **Экзамен завтра, а когда по*

времени, не сказали. Таким образом, можно сказать, что функцией этих конструкций является не уточнение, а нечто иное.

Где территориально также невозможно употребить, если речь не идет о назывании места при помощи имени собственного или другого выражения, однозначно устанавливающего референцию; ср. пример (14), где ответ с *где территориально* невозможен, и естественные примеры (15) и (16):

(14) *— Где территориально расположен ваш офис? — *В одном из старых особняков Москвы*
(15) *— Где территориально расположен ваш офис? — По адресу Пречистенка, 12*
(16) *— Где территориально расположен ваш офис? — В самом центре*

Пример (14) невозможен, а примеры (15) и (16) возможны; при этом, хотя в примере (16) имя собственное не употреблено, в силу максим кооперации Грайса очевидно, что речь идет о центре того города, где находятся собеседники, и таким образом, референция устанавливается однозначно. Однако при употреблении *где территориально* речь не обязательно идет непременно о точном адресе:

(17) *А где территориально искать его вполне возможную на сегодняшний день могилу, никому, понятно, не известно*
(18) *Номер счета для оплаты лицензии зависит от того, где территориально вы собираетесь ловить рыбу: Восточная Финляндия, Центральная Финляндия и т. д.*

Таким образом, *где территориально* употребляется, когда говорящий хочет узнать, на какой территории нечто расположено — т. е. просит в ответе указать не тип объекта (*старый особняк*), и даже не конкретное место (*кухня, квартира Петрова*), а то, что является *территорией*, имеющей собственное название, — адрес дома, название улицы, часть города, страну. Хотя в контекстах, в которых употребляется эта конструкция, такое указание прагматически ожидаемо и без подсказок, говорящий употребляет это выражение в качестве дополнительного сигнала адресату, что ответ должен содержать название территории.

Интересно, что подобный плеоназм встречается не только в вопросах, но и в сообщениях. Позиция и функция плеоназма в утверждениях несколько иная, а именно, *территориально* находится в начале предложения, формируя контрастную тему, в то время как в остальной части предложения содержится глагол типа *находиться, быть расположенным*, как в следующем примере из ruTenTen2017:

(19) *Территориально это государство находится между Тихим океаном и Карибским морем на перешейке, ширина которого составляет от 120 до 265 км*

Функция *территориально* в таких предложениях — также не семантическая (*находиться* и так указывает на местоположение), а коммуникативная: сообщить адресату, что речь пойдет о географии, о местоположении. Если не употребить

адвербиал *территориально* в качестве контрастной темы в начале предложения, адресату придется ждать глагольной группы для того, чтобы понять, что именно говорящий хочет сообщить об *этом государстве.* Таким образом, семантический плеоназм имеет прагматическую, дискурсивную функцию: сигнализирует тему высказывания.

Употребление *когда по времени* устроено похожим образом; ср. невозможность подставить *когда по времени* вместо *когда именно* в следующую фразу:

(20) *Красными точками показано / когда именно работает нейрон* (Беседа о проблемах биологии высшей нервной деятельности, НТВ, «Гордон» (2004))

Когда по времени, как и *где территориально*, предполагает, что ответ дается в абсолютных терминах, т. е., в данном случае, с указанием на конкретное время; ср. примеры из ruTenTen2017:

(21) *Подскажите, пожалуйста, мой заказ уже отправлен и когда по времени он примерно подойдет*
(22) *Когда по времени планируете*
(23) *А конкретно, когда по времени?*
(24) *Не указывают командирам групп, сколько времени находиться над целью, сколько производить заходов и когда по времени уходить на свой аэродром_*
(25) *Скажите, мне отпускные рассчитают? В каком размере и когда по времени я их получу?*

Плеонастическое употребление *по времени* в сообщениях с глаголами типа *занимать, выйти, составлять* тоже возможно и даже достаточно частотно. Функция *по времени* в этом случае такая же, как функция *территориально* в аналогичных предложениях: при помощи контрастной темы сигнализировать, о чем пойдет речь; ср. десятки однотипных примеров в ruTenTen2017:

(26) *По времени это будет где-то около 21 часа*
(27) *По времени это займет минут 20–30*
(28) *По времени это занимает 4,5 минуты*
(29) *По времени это займет 1,5 месяца*

Таким образом, эти плеоназмы носят не случайный характер, а являются способом (пусть стилистически небезупречным) сделать диалогическую коммуникацию более эффективной: в вопросах — выразить пожелание получить определенный тип ответа, в сообщениях — сфокусировать внимание адресата на том, о чем пойдет речь в высказывании.

Вторая из этих функций отчасти напоминает функцию дистрибутивных конструкций в высказывании [В. Апресян, Копотев 2022]; ср. *Кто куда, а я домой*, где контрастная тема *кто куда* также сигнализирует (и отчасти дублирует) тему дальнейшего сообщения. Таким образом, мы видим, что семантический повтор

в разговорной речи имеет функцию дискурсивного маркера: он организует структуру дискурса, привлекая внимание адресата к тому, что последует дальше. Интересно, что коммуникативные функции этих конструкций ограничивают семантико-синтаксические возможности их употребления. В основном они употребляются в главной клаузе, однако возможны и в косвенном вопросе: *Я не знаю, где территориально находится его офис*; *Я забыл, когда по времени начинается собрание.* Однако для них, в отличие от свободных местоимений *где* и *когда*, невозможно относительное употребление; ср. неправильность **Вот здание, где территориально располагается головной офис организации*; **Назови день и час, когда по времени состоится венчание.*

Мы видим, что, несмотря на свои стилистические особенности, в функциональном отношении семантически плеонастические конструкции *где территориально* и *когда по времени* встраиваются в структуру языка и имеют лексико-синтаксические параллели. Остается понять, каким образом они возникли. Оказывается, что и в этом отношении они не уникальны. Подобная структура уточнения встречается также с местоимением *сколько*; ср. достаточно частотные конструкции *сколько это по времени*, *сколько это по деньгам*, которые имеют аналогичную структуру:

(30) *Бюджетная поездка по Эквадору — ориентировочно сколько по деньгам?*
(31) *А сколько по деньгам такая процедура выходит?*
(32) *Сколько по времени боль может продолжаться еще?*
(33) *Сколько по времени примерно будет производиться карта?*

Можно предположить, что конструкция *когда по времени* имеет отношение к более широкому классу конкретизирующих (не плеонастических) конструкций с предлогом *по* в современном русском языке; ср. примеры из НКРЯ: *стабильный по температуре, неоднородный по развитию, равный по силе, неравномерный по толщине, высокий по уровню, сильный по преподаванию, приемлемый по ценам, значимый по величине.* Их функция — конкретизация некоторого общего параметра (‘стабильность’, ‘неоднородность’ и т. д.) с помощью более частного (‘температура’, ‘развитие’). По-видимому, в описываемой плеонастической конструкции *когда по времени* реализуется та же семантическая схема: общий параметр ‘время’ (*когда*) конкретизируется с помощью его разновидности — ‘абсолютная временная локализация’ (*по времени*).

Мы находим аналогичные выражения и в некоторых других славянских — и не только славянских — языках. В рамках данной статьи мы не можем анализировать эти употребления подробно, однако поиск по соответствующим корпусам Sketch Engine позволяет установить их наличие; ср. следующие украинские примеры из корпуса ukTenTen2022 (всего 138 примеров):

(34) *Не важливо, де територіально ви поживаєте* ‘Не важно, где территориально вы проживаете’
(35) *Багато людей в районі ЛПЗ, де територіально знаходиться наша церква* ‘Многие люди в районе ЛПЗ, где территориально находится наша церковь’

Аналогичные примеры находятся также в польском языке, хотя и в небольшом количестве (корпус plTenTen2019):

(36) *Taka wielka sieć może łączyć wszystkich pracowników firmy oraz zasoby elektroniczne, niezależnie od tego gdzie geograficznie one się znajdują* ‘Такая большая сеть способна соединить всех сотрудников компании и электронные ресурсы, независимо от того, где они географически расположены’

Более того, они не являются особенностью славянских языков; ср. аналогичные плеоназмы в английском (из корпуса enTenTen2021, где их общее количество составляет 228):

(37) *Where geographically is the primary location of the Israelitish people?* ‘Где географически находится основное место проживания израильского народа?’
(38) *Which partners, where geographically and what sorts of projects?* ‘Какие партнеры, где территориально, и что за проекты?’

В английском, как и в русском, этот плеоназм может возникать не только в вопросе, но и в утверждении, и также с функцией сигнализирования того, какой аспект ситуации будет обсуждаться в предложении:

(39) *Geographically it is located at 29.8498° and 76.6615°E longitudes* ‘Географически она расположена на 29.8498° и 76.6615° восточной долготы’
(40) *Geographically it is located just adjacent to Peshawar District towards the North-West* ‘Географически он расположен рядом с округом Пешавар на северо-западе’

Таким образом, по-видимому, здесь мы сталкиваемся с каким-то более общим дискурсивным феноменом, нежели с единичным случаем лексического плеоназма в недостаточно культурной речи. Во всех приведенных случаях плеоназм мотивирован дискурсивными нуждами.

Вообще, интересно, что когнитивно обусловленное стремление предварить содержание предложения и вынести информацию о времени, месте или другом аспекте ситуации, о котором в предложении идет речь, в его начало, может иметь отношение и к некоторым другим языковым явлениям, в частности, связанным с языковым контактом. Известно, например, что некоторые языки, в которых условие, следование, предшествование и прочие смыслы, которые обычно выражаются союзами в индоевропейских языках, являются частью глагольной морфологии, заимствуют из русского языка союзы и другие типы коннекторов; ср. [Оскольская, Стойнова 2013] о русских союзах в нанайском языке и обзор заимствований русских союзов и дискурсивных маркеров в работе [Forker, Grenoble 2021]. Использование союза или иного коннектора в начале клаузы позволяет сразу сигнализировать, каков характер отношений между ситуациями, описываемыми в главной и зависимой клаузах.

Этой же когнитивной особенностью можно объяснить устойчивый характер ошибки, характерной для многих изучающих русский язык носителей английского языка, и даже для носителей русского языка, живущих в течение некоторого времени в англоязычной среде, а именно, использование союза *если* в косвенных вопросах вместо частицы *ли*: **Я не знаю, если он придет*. Помимо влияния английского языка, в котором *если* используется не только в качестве условного союза, но и для маркировки косвенного вопроса, этот трансфер поддерживается также когнитивным преимуществом использования союза вместо энклитики: его позиция в начале клаузы позволяет сразу сигнализировать, что предложение содержит косвенный вопрос.

Таким образом, как уже было сказано, плеонастические вопросительные конструкции *где территориально* и *когда по времени* и их аналоги в утвердительных предложениях возникли не случайно, а обусловлены когнитивными факторами. Как известно, речевые ошибки не бывают случайными — они обнажают тенденции и закономерности, характерные для языковой системы [Гловинская 2001]. То же можно сказать и о некоторых других языковых явлениях — таких, как рассмотренные плеоназмы, заимствования при языковом контакте, процессы в эритажных языках. Хотя их результатом является стилистически, лексически или грамматически нестандартная речь, их использование не случайно: ценой неправильности достигается дискурсивная цель говорящего; например, привлечение внимания к какому-то аспекту высказывания или сигнализирование того, о чем пойдет речь дальше.

Литература

Апресян В. Ю. Словарная статья КОГДА // Выпуск К: Активный словарь русского языка / В. Ю. Апресян, [Ю. Д. Апресян], Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Я. М. Бухаров, И. В. Галактионова, [М. Я. Гловинская], Б. Л. Иомдин, К. П. Костомарова, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. А. Смирнова, Е. В. Урысон. Редакторы тома: В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин. Под общим руководством академика РАН Ю. Д. Апресяна. Т. 4, ч. 2. М.: МЦНМО, 2024.

Апресян В. Ю., *Иомдин Б. Л.* Русские вопросительные местоимения как лексикографический тип // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 4. С. 1078–1113.

Апресян В. Ю., *Копотев М. В.* Абсолютивные дистрибутивные конструкции с вопросительными местоимениями в русском языке // Вопросы языкознания. 2022. № 4. С. 115–142.

Гловинская М. Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. Отв. ред. Е. А. Земская. М., Языки славянской культуры. Москва, Вена, 2001. С. 341–492.

Оскольская С. А., *Стойнова Н. М.* Русские союзы в современном нанайском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2013. № 3. С. 364–388.

Forker D., *Grenoble L. A.* Some structural similarities in the outcomes of language contact with Russian. // Language Contact in the Territory of the Former Soviet Union. Edited by Diana Forker and Lenore A. Grenoble. John Benjamins. Studies in Language, Culture and Society, 2021. pp. 259–288.

Vilinbakhova E., *Escandell-Vidal V.*, *Zevakhina N.* Tautologies, inferential processes and constraints on evoked knowledge. // Journal of Pragmatics, Volume 191, 2022, pp. 55–66.

V. Yu. Apresyan
Dartmouth College
(USA, Hanover)
valentina.apresjan@gmail.com

ГДЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО (‘WHERE GEOGRAPHICALLY’) AND *КОГДА ПО ВРЕМЕНИ* (‘WHEN IN TERMS OF TIME’)? DISCOURSE FUNCTIONS OF PLEONASTIC CONSTRUCTIONS

The article analyzes the discourse functions of the conversational *где территориально* (‘where geographically’) and *когда по времени* (‘when in terms of time’). Based on data from the Russian National Corpus (RNC) and ruTenTen2017, we demonstrate that these expressions, despite their stylistic imperfection and semantic redundancy, play an important communicative role. Unlike pronominal constructions with the particle *именно* (‘exactly’), such as *где именно* (‘where exactly’) or *когда именно* (‘when exactly’), their function is not specification, but concretization of a more general parameter. In questions, they allow speakers to clearly signal the expected type of information — a reference to place or time expressed in absolute terms, i. e., specifying a concrete location or exact time (e. g., ‘on Prechistenka Street’, ‘in Northern Finland’, ‘tomorrow at one o’clock’, ‘September 18 at 12:30’). In statements, such pleonastic constructions serve as a contrastive means of focusing the addressee’s attention on what is to follow in the utterance. Similar pleonasms are found in other languages, suggesting a more general discourse mechanism. Functionally, these constructions are part of a broader set of communicative tools used at the beginning of a clause to signal its upcoming content.

Keywords: discourse marker, pleonasm, construction

References

Apresyan V. Yu. [Dictionary entry “WHEN”]. *Aktivnyi slovar’ russkogo yazyka* [Active dictionary of the Russian language]. Moscow, MTsNMO Publ., 2024, vol. 4, pt. 2. (In Russ.)

Apresyan V. Yu., Iomdin B. L. [Russian interrogative pronouns as a lexicographic type]. *Russian Journal of Linguistics*, 2022, vol. 26, no. 4, pp. 1078–1113. (In Russ.)

Apresyan V. Yu., Kopotev M. V. [Absolute distributive constructions with interrogative pronouns in Russian]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues in linguistics], 2022, no. 4, pp. 115–142. (In Russ.)

Forker D., Grenoble L. A. Some structural similarities in the outcomes of language contact with Russian. In *Language Contact in the Territory of the Former Soviet Union*. Ed. by Diana Forker and Lenore A. Grenoble. John Benjamins. Studies in Language, Culture and Society, 2021. pp. 259–288.

Glovinskaya M. Ya. [General and specific processes in the language of the metropolis and emigration]. *Yazyk russkogo zarubezh'ya. Obshchie protsessy i rechevye portrety* [Language of Russian abroad. General processes and speech portraits]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001, pp. 341–492. (In Russ.)

Oskolskaya S. A., Stoinova N. M. [Russian conjunctions in modern Nanai language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. *Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii* [Proceedings of the Institute for Linguistic Studies], 2013, no. 3, pp. 364–388. (In Russ.)

Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V., Zevakhina N. Tautologies, inferential processes and constraints on evoked knowledge. *Journal of Pragmatics*, Volume 191, 2022, pp. 55–66.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.4

Е. Э. Бабаева
МГУ им. М. В. Ломоносова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
llevidova@gmail.com

ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА: *ЗАЕДАЮЩАЯ СРЕДА*

В русском языке слово *социология*, введенное в научный оборот О. Контом на рубеже 1830–1840-х гг. в книге «Курс положительной философии» («Cours de philosophie positive» 1839–1842 гг.), начинает употребляться в конце 60-х гг. XIX в. Однако представляют интерес те элементы словаря, которые еще до кристаллизации аппарата новой науки несли в себе семантику, вполне вписывающуюся в круг социологических понятий. Такие языковые элементы можно было бы назвать «наивной социологией» или «преддискурсом» социологии. К ним можно отнести выражения *среда заела*, *заедающая среда* и пассивную конструкцию *заеденный средой*, которые указывают на разрушительное влияние общества на человека. Согласно НКРЯ, первые фиксации данных выражений относятся к тем же 1860-м годам, однако внимательное рассмотрение контекстов приводит к предположению, что они вошли в оборот гораздо раньше, возможно, в 1840-е гг. Особую актуальность они приобретают в контексте споров об ответственности человека за свою судьбу, а также о формировании личности преступника. К 1880-м гг. выражения *среда заела, заедающая среда* начинают восприниматься как устаревшие формулы, лишенные смысла. Выражение *среда заела* привлекало внимание В. В. Виноградова и Ю. С. Сорокина, однако до сих пор не являлось предметом подробного рассмотрения.

Ключевые слова: историческая семантика, история понятий, терминология, фразеология, дискурс

На рубеже 1830–1840-х гг. О. Конт в книге «Курс положительной философии» («Cours de philosophie positive»), ввел в оборот термин *социология* (*sociologie*) вместо термина *социальная физика* (*phisique sociale*), который он использовал ранее. В русском языке слово *социология* начинает употребляться в конце 60х гг. XIX в. Однако представляют интерес те элементы словаря, которые еще до кристаллизации аппарата новой науки несли в себе семантику, вполне вписывающуюся в круг социальных понятий. Совокупность таких языковых элементов можно было бы

назвать *преддискурсом* социологии. В частности, к этому *преддискурсу* относятся выражения *среда заела*, *заедающая среда,* а также пассивная конструкция *заеденный средой*, которые указывают на разрушительное влияние общества на человека. Выражение *среда заела* привлекало внимание В. В. Виноградова [Виноградов 1994: 1017] и Ю. С. Сорокина [Сорокин 1965: 110–111], но скорее как иллюстративный материал в более широком контексте описания эволюции понятия *среда*.

Согласно данным НКРЯ, словосочетания *среда заела <заедает>,* а также (*быть*) *заеденным средою* появляются в текстах в начале 1860-х гг. Первой фиксацией, по данным НКРЯ, следует считать цитату из известной статьи Н. А. Добролюбова: *Но тогда она* [Катерина] *была бы одним из дюжинных лиц того типа, который так уже изношен в повестях, показывавших, как «среда заедает хороших людей»* (Н. А. Добролюбов. Луч света в темном царстве, 1860); ср. еще: *Предложи любому чин регистратора, сейчас и убеждения побоку, и еще будет потом говорить, что его пошлая действительность задавила, среда заела, — а какая среда? натуришка гнилая!* (Н. Г. Помяловский. Молотов, 1861). Оба примера явно показывают, что формула *среда заела* к этому моменту уже сложилась. С самого начала фиксации в текстах она часто помещается в кавычки, что говорит о его цитатном восприятии; об употребительности этого выражения эксплицитно говорит Н. А. Добролюбов, указывая на устоявшийся в литературе мотив (*изношен в повестях*), Н. Г. Помяловский же замечает, что оно частотно используется как аргумент в защиту поведения, которое может осуждаться окружающими (*будет потом говорить*). Таким образом, к началу 60-х гг. XIX в. уже сложился письменный и устный узус, апеллирующий к представлению об агрессивном воздействии среды на человека.

Несмотря на то, что более ранние употребления таких словосочетаний не выявлены, следует, по всей видимости, относить их появление к 1840-м гг., на что указывают некоторые косвенные свидетельства. Прежде всего, следует упомянуть довольно известную цитату из романа П. Д. Боборыкина «Из новых» (1887 г.). Один из героев романа, Снеткин, говорит: *Вся трагедия для каждого из нас, мужчины или женщины, состоит в том, что мы не вовремя явились. Прежде, в сороковых годах, говорили: «среда заела»* [Боборыкин 1897: 289]. Д. И. Писарев в очерке, посвященном прозе Н. Г. Помяловского («Роман кисейной барышни», 1865), также утверждает, что фразы *среда заела* наряду с фразами *жизнь изломала*, *обстоятельства погубили* превратились «в совершенно выветрившуюся и очень вредную фразу», тогда как изначально они произносились «умными людьми», которые размышляли о судьбе «других умных людей», не сумевших реализовать свой потенциал: «Тогда эти слова имели смысл. Тогда человек, произносивший эти слова, знал очень досконально, путем наблюдения и даже личного опыта, что это за штука среда, и жизнь, и обстоятельства, и по каким причинам, и какими средствами, и для какой цели производятся разные заедания, и ломания, и погубления людей умных и много потрудившихся на своем веку» [Писарев 7: 9–10]. Писарев противопоставляет «старое» употребление, когда наблюдатель с сожалением смотрел на погубленных людей и говорил о них в третьем лице, «новому», когда человек

«из низших слоев умственного мира» говорит о себе, пользуясь отсылкой к среде как аргументом самооправдания. Литературный критик Н. В. Шелгунов в очерке «Люди сороковых и шестидесятых годов» (1869 г.), обсуждая судьбу Бельтова и Рудина, героев романов «Кто виноват» А. И. Герцена и «Рудин» И. С. Тургенева, также упоминает 1840-е гг. как эпоху, когда разворачивалась «великая драма борьбы человека с заедавшей его средой», замечая при этом, что «теперь это фраза, а в сороковых годах было не так»: «Натура и развитие искали выхода и удовлетворялись в Гете, Шиллере, Гегеле, Байроне, но что они находили в своей родной Москве? Ели ее поедом все, и личность гибла в борьбе с тупой коллективностью. Это один из печальнейших психологических моментов общерусского развития, который достался на долю людей 40-х годов» [Шелгунов 1974: 69].

Итак, авторы, используя выражение *среда заела*, отсылают к эпохе 1840-х гг., когда начался, по словам М. О. Гершензона, «ледоход русской мысли» [Гершензон 1923: 6] и когда, по-видимому, под влиянием литературы оно вошло в устное употребление в качестве своего рода клише. Вместе с тем, интерес к описанию различных *сред* (петербургской, московской или провинциальной) в литературе возник раньше, еще в 1830-е гг. Как хорошо известно, в это же время в России становятся очень популярными романы Оноре де Бальзака, автора цикла романов «Человеческая комедия», в которых исследуется влияние среды на становление и судьбу человека. Маркиз де Кюстин, французский писатель, путешественник, сообщал, что в России из всей новейшей литературы знают лишь Бальзака: «Я пытался было навести разговор на нашу новейшую литературную школу, но увидел, что в России знают одного лишь Бальзака. Перед ним бесконечно преклоняются и довольно верно о нем судят» [Кюстин 1990: 206]. Очень быстро появляются русские подражатели Бальзака, которых Белинский называл *бальзачниками* [Белинский 1955: 61]. К теме среды Бальзак обращается в романе «Луи Ламбер» (1832 г.). Бальзак восхищался известным французским зоологом Этьенном Жоффруа Сент-Илером, который полагал, что все многообразие видов является следствием реакции зародышей организмов на изменения окружающего мира. Теория Сент-Илера упоминается в предисловии к «Человеческой комедии» (1841 г.): «Проникнувшись этой системой [...], я понял, что в этом отношении Общество подобно Природе. Ведь Общество создает из человека, соответственно среде, где он действует, столько же разнообразных видов, сколько их существует в животном мире» [Бальзак 1951: 2].

Расцвет сочинений, посвященных описанию различных срезов общества, приходится на 1840-е гг.; достаточно назвать хотя бы сборник «Физиология Петербурга» (1845 г.), романы «Кто виноват» (1846 г.) А. И. Герцена и «Обыкновенная история» И. А. Гончарова (1847 г.). В 1847 г. в очерке «Петербургская хроника» А. Н. Плещеев, говоря о писателях «статистиках действительности», использовал по отношению к описаниям *гнета обстоятельств* новое модное слово «даггеротипизм» [Плещеев 1847: 37].

В 1840-е гг. происходит также накопление языковых средств, передающих нарушение развития заложенных в человеке способностей под влиянием внешних

обстоятельств. Формируется оппозиция *столица* vs. *провинция* (см. подробнее в: [Зайонц 2003: 317]), и жизнь вне столицы может оцениваться как *стоячесть*, *болото*. В 1830–1840-е гг. в употребление входит глагол *прозябать,* который, применяясь к человеку, метафорически указывает на отсутствие движения, на остановку в его развитии и даже на регресс под влиянием окружения (см. подробнее об истории семантического развития этого глагола в: [Бабаева 2024]). Можно обратить внимание также на метафорические употребления глагола *заглохнуть* для обозначения того, что жизнь человека как бы поглощается сорной травой. Таким образом, можно сказать, что в языке накапливаются природные метафоры неподвижности, застоя и «заедания» для характеристики деградации человека под влиянием среды.

В 1830–1840-е гг. нарастают также употребления слова *среда* применительно к кругу людей, в котором протекает жизнь человека. Широко распространяются предложные конструкции: *из <от > среды* (чьей, кого-л.), *в среде* (чьей, кого-л.) и употребления слова *среда* в контексте прилагательных, характеризующих окружение человека: *мещанская <артистическая> среда*, в том числе и оценочно: *темная <ненормальная> среда. Заедающая среда* оказывается удачным выражением, емко передающим то, что могло называться очень по-разному, например, *гнетом обстоятельств*. В 1860–1870-х гг. *заедающая среда*, названная Ф. М. Достоевским «любимым учением» эпохи («Дневник писателя», 1873 г.: [Достоевский 21: 14]), становится широко обсуждаемой темой наряду с другими социальными вопросами, ср.: *Слышно: почва, гуманность, коммуна, прогресс, / И что кто-то заеден средою* (А. К. Толстой. Поток-богатырь, 1871). Наиболее полно изложенная теория формирования личности под влиянием обстоятельств, важной составляющей которых является среда в самом широком смысле, была изложена в это же время французским философом Ипполитом Тэном в «Истории английской литературы» (1864–1866).

Прологом к спорам вокруг *заедающей среды*, по всей видимости, послужила повесть А. Н. Плещеева «Пашинцев» (1859 г.), герой которой, человек без твердых убеждений и принципов, попал из Петербурга в губернский город, в среду, которая постепенно его погубила. Это произведение активно обсуждалось критикой. В статье «Благонамеренность и деятельность» (1860 г.) Н. А. Добролюбов обвинил тургеневскую школу беллетристов в том, что, обращаясь к «хорошему и сильному» мотиву *среда заедает*, они исследовали характер человека, который поддается влиянию среды, не уделяя достаточно внимания описанию самой среды, что отчасти повторяло высказанный раньше обращенный к писателям призыв Плещеева объяснить «корень зла» [Плещеев 1847: 37]. Один из героев повести, рассуждая о судьбе Пашинцева, говорит, что всему виной *подлая среда*. «Вся среда, заедающая его, — пишет Добролюбов, — состоит именно из таких же людей, как и он сам: у всех есть добрые наклонности, но нет инициативы в характере, нет решимости на самостоятельную деятельность. [...] Одного заела среда, другого среда, третьего среда, да ведь из этих — одного, другого, третьего — среда-то и состоит; кто же или что же — сделало ее такою заедающею? В чем главная-то причина, корень-то всего?» [Добролюбов 1963: 204].

Ссылка на *заедающую среду* как аргумент, оправдывающий отсутствие воли к действию, могла восприниматься через призму социальной организации всего общества, и с этой точки зрения оспариваться как довод, который следовало бы брать в расчет. Так, например, в повести М. А. Воронова «Детство и юность» (1862 г.) во время студенческого сборища некий студент-филолог так представил собравшимся студента-медика: «Рекомендую вам редкое явление: субъект, заеденный средою. Я вас уверяю, я чуть было не умер, когда он объявил мне, что он заеден средою». Студент-медик с горечью ссылается на *обстоятельства* («Есть нечего, пить нечего, ходить не в чем»), что заставляет студента-филолога разразиться длинной отповедью: «Среда заела, среда заела!.. — помолчав, опять заговорил он. — Обстоятельства задавили!.. Нет, вон Петр Федорыч пешком, с одним рублем вышел из родного города в университет, целый год прожил в каком-то хлеве у благодетеля [...]! Голодный, больной, замерзший бродил на лекции, успел выучить языки, достал себе работу, сколотил даже деньжонки, которые вам же дает взаймы, помогает родным. Вот это натура! Этот не побоится среды! [...] Все вы, заеденные средою, не стоите, право, даже одного из тех лаптей, в которых несчастный Петр Федорыч пришел из дому в университет» [Воронов 1961: 108].

Одновременно ссылка на заедающую среду могла восприниматься как оправдание неблаговидного поступка: Один чудак приходит к другому: «Ты подлец», — говорит ему; а тот струсит: «Что ж, говорит, делать, обстоятельства»; первому станет жалко, он и давай утешать его: «Ну, ну, успокойся, ничего, это тебя среда заела (Н. Г. Помяловский. Молотов, 1861). Однако очень быстро обсуждение заедающей среды оказалось перенесено в сферу юридическую, в обсуждение ее роли в становлении личности преступника, и в этом дискурсе центральным оказался голос Ф. М. Достоевского. Как хорошо известно, на Достоевского произвел большое впечатление Пьер-Франсуа Ласнер, убийца, процесс над которым происходил в 1835–1836 гг. в Париже и широко обсуждался не только во Франции. В мемуарах («Mémoires, révélations et poésie de Lacenaire»), опубликованных в 1836 г., Ласнер писал, что своими поступками мстил обществу, которое еще в юности отвергло его: он утверждал, что его преступления стали «кровавым протестом» против общества, оттолкнувшего его («c'était une sanglante protestation contre cette société qui m'avait repoussé» [Lacenaire 1836, II: 47]) и что он находился в состоянии «легитимной обороны от общества» («en état de légitime défence contre la société» [Там же: 280]). Именно очерком «Процесс Ласенера» (1861 г., № 2) редакция журнала «Время», в которую входил Ф. М. Достоевский, начала серию публикаций, посвященных судебным процессам XIX века.

Впервые к теме влияния среды на человека Достоевский обращается в «Записках из Мертвого дома» (1860–1861 гг.): «Пора бы нам перестать апатически жаловаться на среду, что она нас заела. Это, положим, правда, что она многое в нас заедает, да не всё же, и часто иной хитрый и понимающий дело плут преловко прикрывает и оправдывает влиянием этой среды не одну свою слабость, а нередко и просто подлость, особенно если умеет красно говорить или писать» [Достоевский 4: 142]. Начальные главы этой книги были опубликованы в журнале «Время»

в 1862 г.; в первом номере этого же журнала за 1862 г. появилась статья П. А. Бибикова «По поводу одной современной повести», посвященная повести Н. Г. Помяловского «Молотов», в которой автор резко возражает против формулы *среда заела:* «Все среда да среда заела! Да разве среда творится безусловно, сама собою, без всякого влияния на нее человеческой воли?» (цит. по: [Фридлендер 1964: 205]). В знаменитом очерке «Среда» (1873 г.) Достоевский, как бы подводя итоги дискуссии 1860-х гг., подробно анализирует «философию среды», заключая его словами: «Полноте вертеться, господа адвокаты, с вашей «средой»! [Достоевский 21: 23].

К 1890-м гг. выражение *среда заела* утрачивает содержательность. Об этом пишет Д. Н. Овсянико-Куликовский: «Стереотипная фраза «среда заела такого-то» в прежнее время, например, в 30-х и 40-х годах, имела некоторый смысл. Она опошливалась постепенно — десятилетиями, и к 80-м годам превратилась в пустую форму, лишенную содержания [...]. «Свежие люди», ежегодно выходящие из разных, высших и средних, учебных заведений, с дипломом или без него, но почти всегда с запасом новых идей и желанием добра, давно уже перестали быть одинокими и беспомощными, — они вошли в среду. [...] В значительной степени среда стала их средою» [Овсянико-Куликовский 2025: 86–87]. В пьесе Чехова «Иванов» (1887 г.) попытка Лебедева при помощи все той же формулы оправдать Иванова, который жалуется на то, что к тридцати годам чувствует себя надорвавшимся, резко отвергается самой «жертвой» обстоятельств: «Глупо, Паша, и старо» [Чехов 9: 260]. Наконец, в юмореске «Дочь коммерции советника» (1883–1884 гг.) Чехов высмеивает риторику, основанную на апелляции к *заедающей среде*: герой рассказа знакомится с девицей, которая, как ему кажется, тяготится своим пошлым окружением: «После обеда я подошел к Зине и, чтобы показать ей, что есть люди, которые понимают ее, заговорил о среде заедающей, о правде, труде, женской свободе. [...] Я говорил с жаром, с дрожью, раз десять порывался схватить ее за руку... Говорил, впрочем, искренно и складно, точно передовую статью вслух читал» [Чехов 2: 82]. Однако Зина сначала не верит в то, что подобные речи можно говорить искренне, а затем призывает его «спасаться» [Там же: 83].

Эпилогом сравнительно недолгой истории выражения *заедающая среда* можно считать начальный фрагмент из рассказа Л. Н. Толстого «После бала» (1903 г.), в котором рассказчик сразу обращается к этому аргументу: «Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае [Л. Н. Толстой 14: 7]. Так на смену *заедающей среде* приходит новое понятие, претендующее на объяснение поступков человека, — случай.

Итак, можно сказать, что выражения *среда заела*, *заедающая среда* как содержательные формулы просуществовали не так долго. Возникшие, по всей видимости, в устном узусе в 1840-х гг., когда шло активное освоение понятия *среда*, они, воспринимаясь уже цитатно, попали в эпицентр споров о взаимоотношениях человека и общества в 60-е гг. XIX в. К 80-м гг. XIX в. отсылка к отрицательной роли среды в таком виде перестала быть актуальной. Можно сказать, вместе с тем, что собственно языковое осмысление зависимости человека от общества, нашедшее

отражение в 1840–1850-е гг., в частности, в появлении природных метафор (например, *прозябать, заглохнуть, растительная жизнь*), а также в употребительности выражения *заедающая среда,* говорят о мобилизации лексических средств накануне формирования специального дискурса социологии.

Источники

Бальзак Оноре де. Предисловие к «Человеческой комедии». Перевод К. Локс // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 1. Человеческая комедия. М.: Художественная литература. С. 1–18.

Белинский В. Г. Париж в 1838 и 1839 годах. Соч. Владимира Строева. Две части. С.-Петербург. 1841–1842 // Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 6. Статьи и рецензии. 1842–1843 / [ред. Б. И. Бурсов]. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 57–62.

Боборыкин П. Д. Из Новых // Собрание романов, повестей и рассказов П. Д. Боборыкина в 12 томах. Т. IV. С.-Петербург: издание А. Ф. Маркса, 1897. 317 с.

Воронов М. А. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1961. 272 с.

Гершензон М. О. История молодой России. М., П-г.: Гос. соц.-эк. Изд-во, 1923. 318 с.

Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. Т. 6. Статьи и рецензии. 1830. М.–Л., 1863. 585 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука. Ленингр. Отд-ние, 1972–1990.

Кюстин Астольф де. Николаевская Россия. (Пер. с французского Я. Гессена и Л. Домгера). М.: Издательство политической литературы, 1990. 350 с.

НКРЯ [Национальный корпус русского языка]. 2003–2025. Электронный ресурс, URL: ruscorpora.ru.

Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 томах / редкол.: Ф. Ф. Кузнецов (гл. ред.) и др. Т. 7: Статьи, 1865 (январь–август). М.: Наука, 2003. С. 7–39.

Плещеев А. Н. Петербургская хроника // Русский инвалид, № 10, 15 января 1847. С. 37–38.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений в двадцати двух томах. М.: Художественная литература. 1978–1985.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 томах. М.: Художественная литература, 1960–1964.

Шелгунов Н. В. Люди сороковых и шестидесятых годов // Литературная критика. Л.: Художественная литература, 1974. С. 39–209.

Balzac Honoré de. Étude philosophiques. Louis de Lambert. La Bibliothèque électronique du Québec, Collection *À tous les vents,* Volume 814 [электронное издание].

Lacenaire Pierre François. Mémoires, révélations et poésies de Lacenaire, écrits par lui-même à la Conciergerie, Paris: Chez les marchands de nouveauté, 1836, 2 volumes.

Литература

Бабаева Е. Э. О природоцентризме в концептуализации мира человека: *жить* vs. *прозябать* // Логический анализ языка. Язык и мир. К столетию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой. М.: Канцлер, 2024. С. 225–236.

Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.

Зайонц Л. О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // Russian Literature, vol. 53, 2003. С. 307–330.

Овсянико-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции. Часть 3. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 176 с.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-е годы XIX века. М.–Л.: Наука, 1965. 564 с.

Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского. М.–Л.: Наука, 1964. 402 с.

Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе. Русский физиологический очерк. М.: Наука, 1965. 317 с.

E. E. Babaeva
Lomonosov Moscow State University,
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
llevidova@gmail.com

MAN AND SOCIETY THROUGH LANGUAGE: *ЗАЕДАЮЩАЯ СРЕДА*

The Russian word *социология*, first introduced into scientific discourse by O. Comte in his seminal work «Cours de philosophie positive» (1839–1842), began to be used in the late 1860s. However, it is noteworthy to consider those linguistic elements that, prior to the development and codification of the new science, already possessed semantics congruent with this conceptual framework. Examples of such elements include expressions such as *среда заела*, *заедающая среда* and the passive construction *заеденный средой*, which point to the destructive influence of society on the individual. According to the RNC, the first records of these expressions date back to the same 1860s, but a close examination of the contexts leads to the assumption that they came into circulation much earlier, probably in the 1840s. These expressions assume particular pertinence in the context of disputes concerning an individual's responsibility for their fate and the formation of the personality of a criminal. By the 1880s, expressions such as *среда заела* and *заедающая среда* began to be perceived as outdated formulas devoid of meaning. The expression *заедающая среда* attracted the attention of V. V. Vinogradov and Y. S. Sorokin, but has not yet been the subject of detailed consideration.

Keywords: historical semantics, history of concepts, terminology, phraseology, discourse

References

Babaeva E. E. [About nature-centrism in the conceptualisation of the human world: *жить* vs. *прозябать*]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i mir. K stoletiyu so dnya rozhdeniya Niny Davidovny Arutyunovoi*. Moscow, Kantsler Publ., 2024, pp. 225–236. (In Russ.)

Fridlender G. M. *Realizm Dostoevskogo* [Dostoevsky's realism]. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1964. 402 p.

Ovsyaniko-Kulikovskii D. N. *Istoriya russkoi intelligentsii. Chast' 3* [History of the Russian intelligentsia. Part 3]. Moscow, Yurait Publ., 2025. 176 p.

Sorokin Yu. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka 30–90-e gody XIX veka* [Development of the vocabulary of the Russian literary language in the 30–90s of the XIX century]. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1965. 564 p.

Tseitlin A. G. *Stanovlenie realizma v russkoi literature. Russkii fiziologicheskii ocherk* [Formation of realism in Russian literature. Russian physiological essay]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 317 p.

Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [Word History]. Moskow, Tolk Publ., 1994. 1138 p.

Zaionts L. O. [History of the word and concept of 'province' in Russian culture]. *Russian Literature*, vol. 53, 2003, pp. 307–330. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.5

***А. Н. Байкулова*[1], *Т. А. Милехина*[2]**
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
allabay15@mail.ru[1]*; tmilehina@yandex.ru*[2]

ИДЕИ Л. П. КРЫСИНА В САРАТОВСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ УСТНОЙ РЕЧИ

В работе рассматривается влияние научных идей Леонида Петровича Крысина в области лексики, семантики, стилистики, социолингвистики, речевого портретирования, теории социолектов, концепции иноязычного слова, разговорной речи на исследования саратовских русистов. Фундаментальные теоретические труды учёного послужили основой для комплексных исследований отдельных секторов современной устной коммуникации: устной речи предпринимателей, современного неофициального общения и корпоративной коммуникации. Анализ устной речи российских предпринимателей показал формирование корпоративного сознания, зависимость характеристик речи от уровня образования, профиля деятельности, формата бизнеса, степени близости к криминалитету. Комплексное изучение неофициальной коммуникации позволило разработать полевую модель неофициального общения, включающую в ядерной зоне семейное общение, а в периферийной — общение знакомых и незнакомых людей, а также охарактеризовать их с учётом социальных ролей коммуникантов, целей, тематики, темпорально-локутивных и других признаков общения. Речевая специфика нового типа делового общения — корпоративной коммуникации — была установлена в сотрудничестве с международным российско-австрийским коллективом исследователей. Принципы социолингвистического анализа, в том числе структура анализа речевого портрета, предложенные Л. П. Крысиным, используются в качестве основы для изучения устной речи представителей различных профессиональных, социальных, гендерных и возрастных групп российского общества. Обоснованные в его работах понятия социальной роли, социального статуса послужили отправной точкой для формулировки критериев эффективности речевой коммуникации. Концепция иноязычного слова, материалы словаря иностранных слов нашли отражение в кандидатских и магистерских диссертациях, посвящённых характеру и судьбе заимствований из арабского языка, а также лексико-стилистическим

параллелям и национально-специфичным различиям китайского, корейского, турецкого и русского языков.

Ключевые слова: Леонид Петрович Крысин, социолингвистика, социальная роль, коммуникация, общение, заимствования, толковый словарь иноязычных слов, разговорная речь, социально-профессиональная группа

Леонида Петровича Крысина и кафедру русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского университета связывают не только многолетнее плодотворное сотрудничество, содружество единомышленников, не только искреннее восхищение его научными достижениями и точностью лингвистического прозрения, но и широкое внедрение разработанных им идей в практику анализа современной устной речи. Наиболее широко представлены в исследованиях саратовцев социолингвистические концепции учёного.

Фундаментальные труды Леонида Петровича фактически открыли путь для изучения языка в неразрывной связи с самим человеком и его повседневным существованием. Обращение к работам «Речевое общение и социальные роли говорящих» [Крысин 1976], «О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса)» [Крысин 1989а], «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка» [Крысин 1989б], «Очерки по социолингвистике» [Крысин 2001а], Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета [Крысин 2001б], «Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике» [Крысин 2003], учебнику «Социолингвистика», написанному в соавторстве с В. И. Беликовым [Беликов, Крысин 2001] и др. стало настоятельной необходимостью при проведении социо- и психолингвистических исследований.

Развивая идеи М. М. Бахтина, Д. Белла, К. А. Долинина, И. С. Кона, Л. Смелзера, Т. Шибутани и других ученых, Л. П. Крысин в своих работах дополнил определения понятий «социальная роль» и «социальный статус», «ролевое ожидание» и «стереотипы ролевого поведения»; рассмотрел паритетность / непаритетность ролей в зависимости от статусных и поведенческих характеристик коммуникантов. Как проницательный исследователь, он применил теорию социальных ролей к лингвистической проблематике, например, связал социальные роли, которые исполняют люди в своей жизни, с речевыми жанрами, возникающими в различных повседневных практиках (см.: [Крысин 1976; 2021] и др.).

Ролевой фактор лёг в основу коллективной монографии кафедры «Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приёмы её достижения» [Эффективность... 2019]. Один из выводов проведённого исследования заключается в том, что для достижения эффективности коммуникации адресант, обладая компетентным знанием русского языка, и широким арсеналом речевых средств в речевой практике, непременно должен учитывать сферу общения и социолингвистические характеристики адресата с присущими ему свойствами и выбирать, соответственно, стратегию речевого поведения.

Социолингвистические работы Л. П. Крысина стали теоретической основой изучения устной речи представителей различных профессиональных (учителей, врачей, журналистов, чиновников, актёров, студентов, бизнесменов), социальных («новые русские», богатые и бедные россияне), гендерных (мужчины и женщины в бизнесе), возрастных (детская речь в Интернете, молодёжные субкультуры) групп российского общества.

Огромное влияние на научную судьбу одного из авторов оказала встреча с Леонидом Петровичем в далёком 1999 году на конференции в Саратове, результатом которой стала глава «Речевой портрет бизнесмена» в монографии «Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация» [Милехина 2003], а в последующем — комплексное многоаспектное исследование устной речи российских предпринимателей, в ходе которого был проанализирован процесс формирования нового корпоративного сознания частных собственников вокруг центрального концепта «дело», зависимость характеристик речи от уровня образования, профиля деятельности, формата бизнеса, степени близости к криминалитету, соотношение созданного в массовом сознании стереотипа «новые русские» и реального речевого образа представителей нового социального слоя. Были написаны речевые портреты саратовских бизнесменов, изучены образы представителей этой социальной группы в СМИ, беллетристике и кино [Милехина 2006].

Идеи и новации Л. П. Крысина послужили стимулом для изучения нового типа устной деловой коммуникации — корпоративной коммуникации, явившейся результатом стремительной интеграции российской экономики в глобальную экономическую систему. В сотрудничестве с международным коллективом исследователей России и Австрии была установлена речевая специфика корпоративной коммуникации, которую в стилистическом отношении характеризовало широкое распространение элементов художественного и публицистического стилей, в лексическом плане — интенсификация процессов вхождения иностранных слов в корпоративный лексикон, а жанровую специфику обусловила стратегическая сессия [Корпоративная коммуникация... 2017]. Сопоставление устной речи саратовских предпринимателей и топ-менеджеров крупных корпораций выявило их существенные различия.

Таким образом, тридцатилетнее наблюдение за устной деловой коммуникацией позволяет наметить черты её эволюционной динамики. Отличительной особенностью предпринимательской речи 90-х были элементы криминального жаргона [Куликова, Милёхина 1993]. Английским языком в начале 2000-х свободно владели топ-менеджеры крупных компаний и офис-менеджеры отдельных бизнес-областей — банковских услуг, айти-технологий. Современный операционный менеджмент успешно русифицировал английские профессионализмы по разговорным и просторечным моделям, свернул терминологию в аббревиатуры, подчинив законам русской грамматики и главное — допустил даже в официальной деловой обстановке использование просторечия и жаргона [Милехина 2024].

Положения, выдвинутые в работах Л. П. Крысина, созданный под его редакцией «Толковый словарь русской разговорной речи» стали теоретической основой

для комплексного изучения неофициальной коммуникации. В [Байкулова 2012, 2014] на основе фактора близости коммуникантов разработана полевая модель неофициального общения, включающая в ядерной зоне семейное общение, общение родственников и дружеское общение, а в периферийной — общение знакомых и незнакомых людей; представлены характеристики разных видов неофициальной коммуникации на основе ряда конституирующих параметров: сфера общения; социальная характеристика коммуникантов, их коммуникативные роли и апперцепционная база; общая характеристика общения, учитывающая разновидности общения, его цели, доминанту, тематику, темпорально-локутивные признаки, речевые особенности. В изучении разных типов и видов коммуникации большое значение отводится наблюдениям за реализацией социальных ролей: роли матери, отца, дедушки, бабушки; роли детей в семье, друзей и др.

Одно из направлений современных лингвистических исследований — речевое портретирование. Этой проблематике посвящены работы диалектологов и тех, кто изучает язык города. Большой интерес представляют исследования речи представителей различных социальных слоев, в том числе интеллигенции. В своей работе «Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета» Л. П. Крысин (см.: [Крысин 2001б]) предложил учитывать две основные характеристики речевого портрета: специфический набор языковых единиц (речь идет о «диагносцирующих пятнах», по Т. М. Николаевой [Николаева 1991: 73]) на фонетическом и лексико-семантическом уровнях, и особенности речевого поведения (этикетные формулы общения, прецедентные феномены, языковая игра). На основе методики речевого портретирования саратовцами создана галерея речевых портретов представителей публичных профессий: актёров С. Безрукова, Д. Дюжева, В. Машкова, С. Ходченковой, П. Андреевой; ведущих Н. Михалкова, Ю. Макарова, В. Соловьёва, К. Собчак, Т. Кизякова, А. Гордона, блогеров Д. Пучкова, Ромы Жёлудя и многих других.

Ряд кандидатских и магистерских диссертаций, написанных под руководством саратовских лингвистов, посвящён изучению заимствованной лексики. Теоретическим фундаментом послужили положения, разработанные Л. П. Крысиным. Пытаясь разрешить дискуссионные проблемы терминологии в изучении заимствований, а также проблему классификации иноязычных единиц, Леонид Петрович предложил называть иноязычной лексикой «любые слова и выражения, пришедшие из другого языка, вне зависимости от степени их освоенности в языке-реципиенте» [Крысин 2004: 35], а заимствованием — процесс перемещения различных элементов, т. е. единиц разных языковых уровней, из одного языка в другой [Крысин 1968]. Общепринятым в отечественной лингвистике можно считать предложенное ученым деление иноязычных слов на заимствованные слова, экзотизмы и иноязычные вкрапления.

Идеи Л. П. Крысина нашли отражение в кандидатской диссертации доцента кафедры персидского языка Куфинского университета М. Аль Каззаза «Арабизмы в русской речи», написанной под руководством профессора А. Н. Байкуловой и защищённой в 2018 г. В этой работе была представлена методика комплексного изучения

лексики арабского происхождения в русском языке на основе применения лексикографического, этимологического, семантического и лексико-стилистического анализа. Методика предполагает определение актуальности исследуемого слова на основе его представленности в различных лексикографических источниках, изучение по данным словарей этимологических сведений, подтверждающих или опровергающих факт заимствования из того или иного языка; анализ развития значения слова на основе сопоставления словарных дефиниций русскоязычных словарей с данными языка-донора; выявление фонетической, (орфо) графической, грамматической и семантической адаптации лексической единицы, а также её словообразовательной активности; анализ синтагматических и парадигматических отношений. Кроме того, методика предполагает изучение заимствований в функциональном аспекте (подробнее см.: [Аль Каззаз, Байкулова, 2019]).

Особое значение в изучении арабизмов в русской речи для арабского исследователя приобрело знакомство с «Толковым словарём иноязычных слов» Л. П. Крысина [ТСИС 2007], который отразил лексикографические достижения предшественников Леонида Петровича — Л. В. Щербы, Ю. Д. Апресяна, Ю. Н. Караулова — и вместе с тем стал новаторской книгой, в которой проявился исследовательский дар её создателя.

Как для многих отечественных лингвистов, погружённых в изучение заимствований, так и для иракского исследователя очень важными оказались подходы Л. П. Крысина к созданию словаря, точность представленных словарных толкований, глубина этимологических, фонетических, грамматических сведений об иноязычных словах; их стилистической принадлежности и функционировании в речи. Особый интерес представляет сближение в словарных дефинициях двух типов информации — лингвистической и энциклопедической. Таким образом, «Толковый словарь иноязычных слов» стал поистине незаменимой книгой не только для многих отечественных языковедов-лексикологов, но и для иностранных исследователей, интересующихся проблемами заимствований в русском языке. Методика изучения арабизмов позволила изучать как арабские, так и другие заимствования.

Научные лингвистические труды Л. П. Крысина, посвящённые решению самых острых дискуссионных проблем лексикологии, стилистики, социолингвистики вдохновляют его последователей на воплощение и развитие выдвинутых им идей в современных научных изысканиях. Созданный им «Толковый словарь иностранных слов» и изданный под его редакцией «Толковый словарь русской разговорной речи» отражают самые сложные, самые стремительно изменяющиеся пласты русской лексики. Учебные пособия «Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография» и «Социолингвистика», написанная в соавторстве с В. И. Беликовым, хорошо известны студентам-филологам и будущим журналистам всех университетов России. Вклад Л. П. Крысина в развитие русской лингвистики, поистине масштабный и многомерный, поражает своей разносторонностью и является прекрасным примером беззаветного служения отечественной науке.

Литература

Аль Каззаз Мохаммед Абд Али Хуссейн, *Байкулова А. Н.* Методика изучения иноязычной лексики (на материале арабских заимствований) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 310–314.

Байкулова А. Н. Неофициальное общение и его разновидности: критерии выделения и реальное функционирование. Саратов: ООО ИЦ «Наука», 2012, 196 с.

Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. Саратов: ООО ИЦ «Наука», 2014, 216 с.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 439 с.

Корпоративная коммуникация 2017... — Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / Отв. ред. Т. А. Милёхина, Р. Ратмайр / М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 632 с.

Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: ЯСК, 2004. 883 с.

Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001б. С. 90–106.

Крысин 1989 а — Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989 а. 188 с.

Крысин 1989 б — Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М.: Наука, 1989 б. С. 78–86.

Крысин Л. П. Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ЯСК, 2003. С. 11–29.

Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социолингвистические исследования. М., 1976. С. 42–52.

Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: ФЛИНТА, 2021, 360 с.

Куликова Г. С., Милехина Т. А. Как говорят бизнесмены / Вопросы стилистики. Вып. 25. Проблемы культуры речи. Саратов: Изд-во СГУ, 1993. С. 127–35.

Милехина Т. А. Речевой портрет бизнесмена / Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Институт русского языка им. Пушкина РАН, ЯСК. 2003. С. 515–527;

Милехина Т. А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур) / Под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. 312 с.

Милехина Т. А. Устная деловая речь: динамика обновления и тенденции развития (деловое совещание в 2012 и 2023 году) / Тезисы докладов VII Межд. конф. «Культура русской речи» (Гротовские чтения). ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. Москва. 5–7 марта 2024. С. 139–140.

Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. М., 1991. С. 73–75.

ТСИС 2007 — *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М.: Эксмо, 2007. 939, с.

Эффективность... 2019 — Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения / С. В. Андреева, А. Н. Байкулова Е. Ю. Викторова [и др.] / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов: Наука, 2019. 234 с.

***A. N. Baikulova*[1], *T. A. Milekhina*[2]**
National Research State University named after N. G. Chernyshevsky
(Saratov, Russia)
[1]*allabay15@mail.ru,* [2]*tmilehina@yandex.ru*

LEONID KRYSIN'S IDEAS IN SARATOV STUDIES OF ORAL SPEECH

The paper examines the influence of L. P. Krysin's scientific ideas in the field of vocabulary, semantics, stylistics, sociolinguistics, speech portraiture, theory of sociolects, concept of foreign-language word, colloquial speech on the research of Saratov Russianists. The scientist's fundamental theoretical works served as the basis for comprehensive studies of individual sectors of modern oral communication: oral speech of entrepreneurs, modern informal communication and corporate communication. The analysis of oral speech of Russian entrepreneurs showed the formation of corporate consciousness, the dependence of speech characteristics on the level of education, profile of activity, business format, degree of proximity to criminality. A comprehensive study of informal communication made it possible to develop a field model of informal communication, including family communication in the core zone, and communication between acquaintances and strangers in the peripheral zone, and to characterize them taking into account the social roles of communicants, goals, topics, temporal-locutionary and other features of communication. The speech specificity of the new type of business communication — corporate communication — was established in collaboration with an international Russian-Austrian team of researchers. The principles of sociolinguistic analysis, including the structure of speech portrait analysis proposed by L. P. Krysin, are used as a basis for studying the oral speech of representatives of various professional, social, gender and age groups of Russian society. The concepts of social role and social status substantiated in his works served as a starting point for formulating the criteria for the effectiveness of speech communication. The concept of a foreign-language word, materials from the dictionary of foreign words were reflected in candidate and master's theses devoted to the nature and fate of borrowings from the Arabic language, as well as lexical and stylistic parallels and nationally specific differences between the Chinese, Korean, Turkish and Russian languages.

Keywords: Leonid Petrovich Krysin, sociolinguistics, social role, communication, communication, borrowings, explanatory dictionary of foreign words, colloquial speech, socio-professional group

References

Al-Qazzaz Mohammed Abd Ali Hussein, Baikulova A. N. Methods of Learning Foreign Language Lexis (A Case Study of Arabic Borrowings). Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 310–314 (in Russ).

Baykulova A. N. *Neofitsialnoye obshcheniye i ego raznovidnosti: kriterii vydeleniya i realnoye funktsionirovaniye* [Informal communication and its varieties: the selection criteria and the actual functioning]. Saratov, OOO ITs «Nauka» Publ., 2012 196 p.

Baykulova A. N. *Ustnoye neofitsialnoye obshcheniye i ego raznovidnosti: povsednevnaya rechgorozhan* [Oral informal communication and its types: everyday speech of citizens]. Saratov, OOO Its «Nauka» Publ., 2014, 216 p.

Belikov V. I., Krysin L. P *Sotsiolingvistika: uchebnik dlya vuzov* [Sociolinguistics: a textbook for universities]. Moscow, RSUH Publ., 2001. 439 p.

Effektivnost' kommunikatsii: ponyatie, rol' adresanta i adresata, osnovnye priemy ee dostizheniya [Communication effectiveness: the concept, the role of the addressee and addressee, the main methods of achieving it]. S. V. Andreeva, A. N. Baikulova, E. Yu. Viktorova (Eds.) Ed. by O. B. Sirotinina, M. A. Kormilitsyna. Saratov, Nauka Publ, 2019. 234 p.

Korporativnaya kommunikatsiya v Rossii: diskursivnyi analiz [Corporate Communication in Russia: a discursive analysis]. Answer. editors T. A. Milekhina, R. Ratmayr. Moscow, 2017. 632 p.

Krysin L. P. [The modern Russian intellectual: an attempt at a speech portrait]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. no. 1. 2001b, pp. 90–106. (In Russ.).

Krysin L. P. *Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka* [Sociolinguistic aspects of studying modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ, 1989 a. 188 p.

Krysin L. P. [On human speech behavior in small social communities (formulation of the question)]. *Yazyk i lichnost'* [Language and personality] Moscow, Nauka Publ., 1989b, pp. 78–86. (In Russ.).

Krysin L. P. *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign words in modern Russian]. Moscow, Nauka Publ, 1968. 208 p.

Krysin L. P. *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov: svyshe 25 000 slov i slovosochetanii*. [Explanatory dictionary of foreign language words: over 25,000 words and phrases]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 939 p.

Krysin L. P. [The problem of social and functional differentiation of language in modern linguistics] *Sovremennyy russkiy yazyk. Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian language. Social and functional differentiation]. Moscow, YaSK Publ., 2003, pp. 11–29. (In Russ.).

Krysin L. P. [Speech communication and social roles of speakers]. *Sotsial'no-lingvisticheskie issledovaniya* [Social and linguistic research], Moscow. Nauka Publ., 1976, pp. 42–52. (In Russ.).

Krysin L. P. *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on sociolinguistics]. Moscow, Flinta Publ., 2021, 360 p.

Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issled. po sovrem. rus. yaz. i sotsiolingvistike*. [Russian word, one's own and someone else's: Research in modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow, YaSK Publ., 2004. 883 p.

Kulikova G. S., Milekhina T. A. [As businessmen say] *Voprosy stilistiki. Problemy kul'tury rechi* [Stylistic issues. Issue 25. Problems of speech culture]. 1993, no. 25, pp. 127–135. (In Russ.).

Milekhina T. A. [Speech portrait of a businessman] *Sovremennyi russkii yazyk. Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian language. Social and functional differentiation]. 2003. pp. 515–527. (In Russ.).

Milekhina T. A. *Rossiiskie predprinimateli i ikh rech' (obraz, kontsepty, tipy rechevykh kul'tur)* [Russian entrepreneurs and their speech (image, concepts, types of speech cultures)]. Ed. by O. B. Sirotinina. Saratov: Saratov Publishing House. University, 2006. 312 p.

Milekhina T. A. Oral business speech: dynamics of renewal and development trends (business meeting in 2012 and 2023). *Tezisy dokladov VII Mezh. konf. "Kul'tura russkoi rechi" (Grotovskie chteniya)* [Abstracts of the VII International Conference "Culture of Russian Speech" (Grotovsky Readings)]. 2024. pp. 139–140. (In Russ.).

Nikolaeva T. M. ["Sociolinguistic portrait" and methods of its description] *Russkii yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki. Doklady Vsesoyuznoi nauchnoi konferencii*. Part 2. Moscow, 1991. pp. 73–75. (In Russ.).

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.6

***И. А. Букринская*[1], *О. Е. Кармакова*[2]**
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
irbukr@gmail.com[1], *okarmakova@list.ru*[2]

ДИМИНУТИВЫ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ И СЛОВАРЯХ

В статье рассматривается функционирование уменьшительно-ласкательных существительных в различных типах устной коммуникации: разговорной речи, просторечии и диалектах. Авторы, опираясь на обширную литературу, посвященную диминутивам, выделяют то *общее*, что характерно для употребления подобных единиц во всех речевых пластах, и то *специфическое,* что свойственно каждому из них. Именно различия представляются наиболее важными, ибо они отражают социальные, когнитивные и культурологические различия этих сфер. Общие тенденции таковы: 1. Замещение нейтральных номинаций диминутивами, которая прослеживается на протяжении столетий и хорошо описана на материале литературного языка и говоров. 2. Использование диминутивов в связи с определенной тематикой разговора (детство, человек, еда, природа и т. д.). 3. Употребление подобных существительных в специфических ситуациях: эмоциональной напряженности, логического выделения, а также «смягчительной», «вежливой» просьбы. На частоту реализации диминутивов в функции вежливой просьбы лингвисты обращали внимание еще в XIX в. Исследователи разговорной речи назвали эту функцию *этикетной*.

В диалектной речи и *социальном* просторечии функционирование деминутивов не ограничивается указанными тематическими группами и ситуациями, но может использоваться иначе.

На взгляд авторов, употребление большого числа диминутивов в речи носителей традиционного говора (*амбару́шка*, *води́ца*, *квашо́нка*, *коро́вушка*, *ма́монька* и др.) является проявлением архаического взгляда на мир и связано с реликтами магического сознания. Именно дериваты с суффиксами субъективной оценки приводятся в магических текстах: заговорах, гаданиях, благопожеланиях, закличках, обрядах (особенно связанных со скотом), что служит способом задабривания в охранительной и продуцирующей магии.

Ключевые слова: диминутивы, диалектный дискурс, словари, стилистические пометы, архаическое сознание

Описание слов с суффиксами субъективной оценки (диминутивов) входит во все учебники и академические грамматики, а изучению их использования для выражения не только уменьшительности / увеличительности, но в бóльшей степени разнообразных эмоциональных смыслов посвящено множество трудов. Обзор обширной литературы по этому вопросу и по экспрессивной лексике в целом можно найти во многих работах, в частности, теоретический анализ содержится в статье Н. А. Лукьяновой, активно и плодотворно занимавшейся изучением экспрессивных лексических единиц разговорного употребления, в том числе и на диалектном материале [Лукьянова 2015]. Автор, относя интенсивность, эмотивность и эмотивную оценку к коннотативной части лексического значения слова, отмечает: «ЭЛЕ[1] с компонентом ‘эмотивность’ (часто это диминутивы) репрезентируют положительные эмоции (не оценки!): ласку, нежность, любовь, особенно к маленьким детям..., животным..., натурфактам. Эмотивность в художественном и разговорном, особенно диалектном, дискурсах несет положительный “заряд”...» [Лукьянова 2015: 192].

Из исследований, непосредственно посвященных диминутивам, мы обратили внимание на статьи и книгу И. А. Фуфаевой [Фуфаева 2016; 2020], которая считает необходимым, вслед за другими учеными, различать среди диминутивов уменьшительные и экспрессивные, при этом прослеживает на большом историческом материале замещение нейтральных номинаций диминутивами (*гармошка, лавочка, мотылек, садик* ‘детский сад’, *чижик* и др.), выделяет ряд тематических групп, наиболее склонных к такому замещению, а также рассматривает прагматический аспект проблемы.

Процессы замещения свойственны и русским говорам, о чем по данным Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) с приведением большого количества примеров писала Ю. С. Азарх. Исследователь полагает, что «дедиминутивация облегчается и тем обстоятельством, что многие суффиксы первичных уменьшительных образований принадлежат к числу полифункциональных...» [Азарх 2000: 116]. Это отражено на картах лексического выпуска ДАРЯ: формальные диминутивы *дéжка, квашóнка*, *кадýшка, кадýлька* стали в ряде говоров единственной номинацией деревянной посуды для замешивания теста, *гужóк*, *пýтце* — номинациями ремня, связывающего части цепа, и подобных случаев много среди существительных с конкретно-предметной семантикой [ДАРЯ 3, карта 23, 42 и др.].

Наш интерес к диминутивам связан с анализом и подготовкой к публикации большого массива диалектных текстов, записанных сотрудниками Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН в последнее десятилетие в основном в севернорусских и среднерусских говорах. В них отмечено достаточно репрезентативное число диминутивов с разными значениями

Обращение к словарям и в первую очередь к Архангельскому областному словарю (АОС), картотека которого насчитывает более 5 миллионов карточек, и особенно к Обратному словарю архангельских говоров наглядно свидетельствует о широкой представленности диминутивов в речи диалектоносителей. Даже стихийная

[1] Экспрессивные лексические единицы.

выборка из Обратного словаря показывает, что с суффиксами субъективной оценки зафиксированы сотни слов.

Многие из лексем подаются в словаре в качестве синонимов, а некоторые — со стилистическими пометами. Однако определить коннотативные значения при небольших контекстах в ряде случаев бывает затруднительно. О трудностях при описании семантики диминутивов и важности контекста пишет [Свешникова 1996], подчеркивая относительную неустойчивость их значений.

Большое количество диминутивов представлено не только в АОС, но и в других словарях, например в «Словаре брянских говоров». Любопытны рассуждения об этом труде И. С. Куликовой, которая рассматривает систему помет экспрессивной лексики, где помимо традиционных *ум.* (уменьшительное), *ласк.* (ласкательное) введены пометы обобщающего характера — *экспр.* (экспрессивное — неуточненное) и * (звездочка — эмоционально-экспрессивное), при этом часть слов приводится вовсе без помет как синонимы производящего слова [Куликова 1983].

Обратимся к анализу диалектных текстов, в них достоточно часто представлены диминутивы с подтвержденным контекстом значения уменьшительности / увеличительности: *У нас вот тут ещё* ***ма́ленькая*** *была́* ***пе́чечка*** *приде́лана с плито́й // А* ***ха́тка*** *была* ***небольша́я*** *// Сама́ се́ла,* ***сундучо́к*** *стоя́л у меня́* ***ма́ленький****, и пла́чу // На берегу́ вон како́й* ***доми́на*** *постро́ен // Навернёшь поддубайки* (портянки) *на ноги*, *сунёш ноги* ***ф сапожышшы*** *да и вылезеш в огорот*. Кроме того, в народно-разговорной речи присутствуют те же тематические группы экспрессивных диминутивов, которые выделяются многими лингвистами, в том числе [Фуфаева[2] 2020] в литературно-разговорной речи. Это лексемы с семантикой ‘детство’ (*зы́бочка, солда́тики, колыбе́лечка*), семья (*до́чушка, ко́канька* ‘крестная’, *робяти́шки*), еда (особенно в рецептах — *ма́слице*, *со́льца, смёта́нка*), природа (*я́годки*, *берёзка*, *лено́к*), малый размер чего-либо («малое, а потому милое» — *копе́ечка, пу́говка*).

Приведем примеры из наших текстов и из костромских говоров (далее — к.) [Ганцовская 2003]. Высказывания с экспрессивными диминутивами, относящимися к перечисленным выше тематическим группам: детство — *Брала́ с собо́й меня́ грудну́ю и* ***зы́бочку*** *брала́ с собо́й // Тут она́ забере́менела,* ***Алёшеньку*** *родила́ уж // Она́ вот да́вече здесь была́ с э́той* ***девчо́ночкой-ту***; семья — *По три ведра́ вы́сушу* (рыбы) и *пошлю́ и Са́шиному бра́ту, и* ***дя́дюшке*** *в Ленингра́д // Мне 73 года. я ишшо* ***деткам*** *помогаю* (к.) // *Рас подруга Клафка сказывала мне, што, мол* ***маманька*** *балакала с Митькой-то про миня (к.);* еда: *Вот таки́е* ***коку́роцки****-то, их разоско́шь* (раскатаешь) *в то́нкий блин, как* ***блино́цки*** *// И* ***песо́чком*** *посы́пать уже́ б всё // Попей* ***цяёцькю*** *со мной, али вота* ***творожоцькю*** *поись не охота ли?* (к.); природа: *Жыву как* ***кокушэчькя****, горюю одна* (к.) // *Росстилают рукам* (лён) *тоньшэ, нали* (даже) ***трафку*** *видать* (к.) // *Я выхожу́, смотрю́: костёр разло́жен,* ***я́блоньки*** *мои́ э́ти пору́блены;* малое и милое — *И чичас кажную* ***копеечку*** *беречи надо* (к) // *А ту́т-то* ***пу́говки****, тут* ***ко́фточки*** *// Я приду́ и су́ну* ***конфе́точку***.

[2] В монографии И. В. Фуфаевой приводится и подробная функционально-семантическая классификация экспрессивных диминутивов. Интересны наблюдения автора над ироническим и пародийным использованием диминутивов в современном дискурсе.

Возможно использование диминутивов как в литературно-разговорной, так и в диалектной речи для передачи эмоциональной напряженности ситуации: *Я с ма́мой жила́-то* ***как молодёсенька, как девчо́нка*** *// Не зна́ю, что взять*: ***платьишки-ти коро́теньки****, а* ***рубашо́нки-ти,*** *что ходи́ла, дли́нные. Ой, ба́тюшки!...* ***Пла́тьишко-то*** *э́то надёрнула. Сижу́ на крова́ти, жду жениха́,* а может выступать средством логического выделения: *А у Ми́шки-то, ви́дно, была́* ***чеку́шечка в карма́шке*** *// Вынима́ет э́ту* ***чеку́шечку*** *и ему́ налива́ет.*

Исследователи разговорной речи (РР) пишут также о частом употреблении уменьшительных производных в ситуации, которую обобщенно можно назвать *ситуацией просьбы*: «...Три *билетика* на шесть тридцать *серединочку* пожалуйста // Передайте *тарелочку*!; *Хлебца* мне *кусочек* / пожалуйста // ... Здесь сема уменьшительности преобразована в этикетную вежливость, но по отношению не к денотату, а к собеседнику» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 113]; — см. также [Шмелева 2018]. Этикетную роль диминутивов в языке XX–XXI вв. рассматривает [Фуфаева 2020: 104–125], описывая историю их изучения начиная с XIX в., и подчеркивает тот факт, что многие лингвисты обращали внимание на их «смягчительную», «контактоустанавливающую», «вежливую» функции.

Однако специалисты по РР отмечают, что злоупотребление диминутивами некоторыми носителями литературного языка оценивается «как показатель дурного вкуса, как черта нелитературности (просторечие)» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 114]; — см. также [Крысин 2004: 359]. Диминутивные просторечные формы, вероятнее всего, пришли из диалектов, где слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами широко распространены, при этом их употребление не исчерпывается указанной выше тематикой и описанными ситуациями.

Интересно, что Е. А. Нефедова, тонкий исследователь диалектной лексики, в работе «Экспрессивный словарь диалектной личности» впервые вводит помету *этикетн.* (этикетное) для диминутивов, помимо обычных стилистических помет для подобных слов. Автор пишет во введении: «Они используются для создания обстановки интимности, выражения уважительного и доверительного отношения к собеседнику, проявления *общей безадресной благожелательности к окружающему миру* (выделено авторами)...» [Нефедова 2001: 13]. Но, как видно из примеров и как отмечает сам лексикограф, в конкретных случаях порой сложно разграничить собственно экспрессивное и этикетное употребление таких лексем.

На наш взгляд, употребление большого числа диминутивов в речи носителей традиционного говора является проявлением архаического взгляда на мир и связано с реликтами магического сознания. Ведь именно дериваты с суффиксами субъективной оценки приводятся в магических текстах: заговорах, благопожеланиях, гаданиях, закличках, обрядах (особенно связанных со скотом). Подобных текстов в различных изданиях много, приведем лишь несколько примеров.

> ***Водица — водичка****. Заря-зарница, дай мне* ***водицы*** *для моего младеня, для сну и покоя. арханг*. Заговор, чтобы ребенок спал. [Лечебные и любовные заговоры 1992: 14].

***Водичка** кипучая, Девочка ли мальчик, Был бы ростучий. вологод*. Приговор при обмывании ребенка [Власова 2008: 417].

***Водичка** бегученькая, доченька растученькая! **Водичка** холодненькая, доченька ядрёненькая! перм.* Приговаривают, когда купают детей, моют их в бане [Грузберг 2008: 24].

*Чистой **водички**!; Живая **водица** тебе, молодица!; Сладкая **водица** тебе, молодица!; **Водица** — медовица!; **Водица** как слезинка, а вёдра как пушинка!; Дай Бог**, водичка** колодезна студёна да вкусна!; Чтоб **водичка** была чистёнька, как божья роса*! *вологод*. Благопожелания при черпании воды из колодца или из реки [Зорина 2012: 115–116].

Регулярное употребление слова ***водица*** в магических формулах и присловьях привело к закреплению его как синонима к лексеме ***вода***, о чем свидетельствует, на наш взгляд, и АОС: **Води́ца**. Вода. *Ср*. **водёнка, води́шка. води́ща, во́дка, во́дочка, воду́люшка**, **во́душка** *в 1 знач*. При этом **Водёнка**. **Во́дка**. **Во́дочка**. **Во́душка**. 1. То же. что **води́ца**. Стилистические пометы имеют только слова: **Воду́люшка**. *ласк.* **Води́шка**. *экспресс.* **Води́ща**. *увелич*. [АОС 4–5].

Подтверждением этому, как нам кажется, может служить этимология слова *лисица*: «*lisica... Ум. производное с суф. -ica от *lisa (см., где подробно о разных видах выражения табу и суеверий, чем, возможно, вызвана и «задабривающая» уменьшительность в *lisica)» [ЭССЯ 15: 141]. В статье *lisa, подробно рассматривающей фонетические трансформации корня и замещение форм мужского рода женским во многих языках, говорится, что «волк, медведь, лиса были предметом опасений и магических обрядов; эти фонетические изменения имели умышленный характер (чтобы ввести животное в заблуждение и т. п.)... Ритуальная и фольклорная маркированность *лисы* очевидна...» [ЭССЯ 15: 140].

В качестве еще одного примера рассмотрим употребление диминутивной формы, относящейся к самому главному животному в крестьянском хозяйстве — корове. В бытовых нарративах наряду с нейтральным лексемами часто используются диминутивы (*коровушка, лошадка, овечка*), например: *А ста́йка... ну по разме́ру **коро́вушки**. Вот така́я вот ста́йка. **Коро́вушка** зайдёт в свою́ **ста́ечку**, закро́ешь и зала́дишь, что́бы она́ не ушла́* (*вологод*. запись авторов 2010 г.). Именно в такой форме слово приводится во многих пословицах, поговорках, заговорах и присловьях.

Стоит гора высокая, стоит она, не качаетсе. Стой, ***матушка коровушка***, *головушкой не верти, ногам не топай*, *хвостиком не маши! Во веки веков. Аминь! Стой***, ***коровушка***, *горой, бежи*, *молочко*, *рекой*. *Как речка бежит, не перебежится, так моя **коровушка** дой, не переставай*. *вологод*. [Зорина 2012].

*Как **коровушку** покормишь, так её и подоишь. **Коровушка** на дворе, дак и харчи на столе.* Поговорки [Грузберг 2008].

Уменьшительность / ласкательность, как вытекает из приведенных примеров, выполняла функцию задабривания в охранительной и продуцирующей магии.

Область ее применения велика, в нее входит всё, что связано с жизнью и ведением крестьянского хозяйства: семья, здоровье, рождение и воспитание детей, уход за скотом, землепашество. Все эти сферы, по традиционным представлениям, зависят от природы, от небесных и демонических сверхъестественных сил, которые надо умилостивить, чтобы получить защиту и обеспечить благополучие дому. Из материалов полевых исследований последнего времени видно, что традиционная народная культура, основанная на архаическом восприятии мира, сохраняется сельским социумом лучше, чем можно было ожидать, и отражается в диалектных текстах, как бытовых, так и фольклорных, о чем пишут многие лингвисты и фольклористы [Толстой 1995; Толстая 2015]. О сохранении элементов архаического сознания на материале русских говоров см. [Букринская, Кармакова 2012; 2018]. Таким образом, обилие диминутивов в диалектах и социальном просторечии является реликтом использования их в магических текстах и соответственно отражением особой картины мира. По-видимому, употребление диминутивов определенной семантики (см. выше), а также их реализация в обобщенной «ситуации просьбы» в современной разговорной речи отдаленно восходит к архаическим представлениям, что, безусловно, не осознается современным человеком.

Вернемся к РР, в которой диминутивы все чаще стали использоваться с шутливой, иронической, пренебрежительной коннотацией: *печéньки, моро́женка, вкусня́шки, пива́сик, войну́шка, развлека́ловка, очарова́шка, печа́лька* и др.). Приведем примеры из НКРЯ:

> *Русский офисный досуг навроде «попить чайку* ***с печеньками****» показался бы им полным бредом.* (А. Старобинец. Мечтают ли андроиды о летнем отпуске // «Русский репортер», 2012). *Потрынди, потрынди, а я пока пошлёпаю выпить бутылочку* ***пивасика.*** (А. Мацанов. В следующем году в Одессе! // «Ковчег», 2013). ***Очаровашка*** *Ириша с непринужденной грацией носит по земле и местам трудовой деятельности завидное бремя разнообразнейших знаний и четырех (или пяти!) языков.* (Г. Шергова. ...Об известных всем (2002–2004), *пе znatok Отсюда мода на такие уменьшительные словечки, как «****няшечка****», «****печалька****», «****улыбашка****»*. Форум: Мимими. Исследуем живую речь (2011) (дата обращения 7.05.2025)

Некоторые диминутивы из просторечия перешли в разговорную речь и закрепились в ней. Так, слово *работёнка*, которое достаточно широко употребляется в течение всего XX в., включено в словари литературного языка с различными пометами: Большой академический словарь русского языка (Т. 22) *разг.* (разговорное), *уничиж*. (уничижительное), Толковый словарь русского языка (под ред. Н. Ю. Шведовой) *прост*. (просторечное). Слова *работёнка, войнушка, рублик, няшка*, наряду с др. похожими, нашли отражение в Толковом словаре русской разговорной речи под редакцией Л. П. Крысина [ТСРР], где приводятся с пометами *сниж.* (сниженное = в др. словарях просторечное)*, пренебр.* (пренебрежительное)*, ирон*. (ироническое), *шутл*. (шутливое). Подобное употребление диминутивов полностью соответствует наблюдениям А. А. Зализняка о причинах обилия сниженной

лексики в РР. По мнению ученого, говорящий осознанно или неосознанно стремится повысить свой престиж в глазах слушающего, добиваясь этого определенным языковым механизмом: понижая статус упоминаемых предметов, показывая свое пренебрежительное и фамильярное отношение к ним [Зализняк 2012].

Таким образом, можно выделить общие тенденции в употреблении диминутивов в литературно-разговорной и диалектной речи, а также обозначить различия. Общие тенденции: процесс замещения нейтральных форм уменьшительными, продуктивность диминутивов в определенных тематических группах лексики, использование их в ряде ситуаций — эмоциональной напряженности, логического выделения, «обобщенной» просьбы (этикетная функция). В диалектном дискурсе диминутивы еще более частотны, и это является реликтом архаической картины мира. Как нам представляется, уменьшительность/ласкательность выполняла функцию задабривания в охранительной и продуцирующей магии, что подтверждается обильным употреблением подобных форм в магических текстах.

Источники

Архангельский областной словарь. Вып. 4. М., 1985; Вып. 5. М.: 1987.

Большой академический словарь русского языка. Т. 22. М.; СПб., 2013.

Власова М. Н. Энциклопедия русских суеверий. СПб., 2008. 787 с.

Диалектологический атлас русского языка. Вып. 3, ч. 1. Лексика. М., 1997.

Лечебные и любовные заговоры, записанные в Архангельской области. Встану я благословясь. М., 1992. 80 с.

Нефедова Е. А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М.: Изд. МГУ. 2001. 144 с.

Толковый словарь русской разговорной речи. Отв.ред. Л. П. Крысин. Вып. 1–5. М.: ЯСК, СПб.: Нестор-История, 2014–2022.

Толковый словарь русского языка с включением свелений о происхождении слов. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 15, М., 1988.

Литература

Азарх Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука. 2000. 178 с.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Традиционная народная культура и ее отражение в диалектном тексте // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. Институт лингвистических исследований РАН. 2012. СПб., 2012. С. 265–281.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Реликты архаического сознания в руских говорах: подаяние милостыни // Славянский мир: язык, литература, культура. Материалы международной научной конференции к 100-летию проф. МГУ А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии. М., 2018. С. 51–54.

Ганцовская Н. С. Костромское народное слово. Кострома. 2003. 216 с.

Грузберг Л. А. Афористика Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / Отв. ред. И. И. Русинова. Пермь. 2008. Вып. 2. С. 4–121.

Зализняк А. А. Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 650–664

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. Вологда, 2012. 216 с.

Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое: Исследование по современному русскому языку и социолингвистике. М.: ЯСК, 2004. 888 с.

Куликова И. С. Экспрессивное и эмоциональное в диалектном словаре (на материале Словаря брянских говоров // Брянские говоры. Диалектное слово и аспекты его изучения. Л., 1985. С. 12–21.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосиб.ГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 183–201.

Свешникова Н. В. Деминутивы и контекст. На материале русских народных говоров // Филология. Научн. сб., посвященный памяти А. М. Богомолова. Изд. Саратовского ун-та. 1996, С. 117–121.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.

Фуфаева И. А. Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // Вестник Нижегородского университет. Филология, 2016, № 3. С. 257–266.

Фуфаева И. А. Метафора малого. Русские диминутивы. М.: РГГУ, 2020. 270 с.

Шмелева Т. В. Диминутив и семантика существительного: лексика времени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 50–57.

***I. A. Bukrinskaya*[1], *O. E. Karmakova*[2]**
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
irbukr@gmail.com[1], *okarmakova@list.ru*[2]

DIMINUTIVES IN DIALECT DISCOURSE AND DICTIONARIES

The article examines the functioning of diminutive nouns in various types of oral communication: colloquial speech, vernacular and dialects. The authors, relying on the extensive literature devoted to diminutives, identify what is common to the use of such

units in all speech layers, and what specific features each of them has. It is the differences that seem to be the most important, because they reflect the social, cognitive and cultural differences of these areas. General trends: 1. The replacement of neutral nominations with diminutives, a de-diminutivation that has been traced over the centuries and is well described in the material of literary language and dialects 2. The use of diminutives in connection with a specific topic of conversation (childhood, human, food, nature, etc.). 3. The use of such nouns in specific situations — emotional tension, logical isolation, as well as a "softening", "polite" request. Linguists paid attention to the frequency of implementation of diminutives in the function of a polite request back in the 19th century. Colloquial speech researchers called this function etiquette-based.

In the opinion of the authors, the use of a large number of diminutives in the speech of speakers of the traditional dialect (*ambarushka, voditsa, kvashonka, korovushka, mamonka,* etc.) is a manifestation of an archaic view of the world and is associated with relics of magical consciousness. It is derivatives with suffixes of subjective evaluation that are given in magical texts: spells, divination, benevolence, invocations, rituals (especially those related to cattle), which serve as a way of appeasing in protective and producing magic.

Keywords: diminutives, dialectal discourse, dictionaries, stylistic marks, archaic consciousness

References

Azarh Yu. S. *Russkoe imennoe dialektnoe slovoobrazovanie v lingvogeograficheskom aspekte* [Russian nominal dialect word formation in the geolinguistic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 2000, 178 p.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Traditional folk culture and its reflection in the dialect text] *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya. Institut lingvisticheskikh issledovanii RAN* [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and research]. 2012. SPb., 2012, pp. 265–281.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Relics of Archaic consciousness in Russian dialects: giving alms] *Slavyanskii mir: yazyk, literatura, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 100-letiyu prof. MGU A. G. Shirokovoi i 75-letiyu kafedry slavyanskoi filologii.* [The Slavic World: language, literature, culture. Materials of the international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of Prof. Moscow State University named after A. G. Shirokova and the 75th anniversary of the Department of Slavic Philology], Moscow, 2018, pp. 51–54. (In Russ.).

Fufaeva I. A. [Expansion of expressive deminutives in the Russian language] *Vestnik Nizhegorodskogo universitet. Filologiya*, 2016, № 3, pp. 257–266. (In Russ.).

Fufaeva I. A. *Metafora malogo. Russkie diminutivy* [A metaphor for small things. Russian diminutives]. Moscow, 2020. 270 p.

Gancovskaya N. S. *Kostromskoe narodnoe slovo* [Kostroma folk word]. Kostroma. 2003. 216 p.

Gruzberg L. A. [Aphoristics of the Perm Region] *Zhivaya rech' Permskogo kraya v sinhronii i diahronii: materialy i issledovaniya / Otv. red. I. I. Rusinova.* [Live speech

of the Perm Region in synchrony and diachrony: materials and research]. Perm'. 2008, no. 2, pp. 4–121. (In Russ.).

Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoyo i chuzhoe: Issledovanie po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike* [The Russian Russian word, one's own and another's: A study in Modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow, YaSK Publ., 2004. 888 p.

Kulikova I. S. [Expressive and emotional in the dialect dictionary (based on the Dictionary of Bryansk dialects] *Bryanskie govory. Dialektnoe slovo i aspekty ego izucheniya* [Bryansk dialects. Dialect word and aspects of its study]. Leningrad, 1985, pp. 12–21. (In Russ.).

Luk'yanova N. A. [Expressive vocabulary of colloquial usage in the semantic aspect] *Vestnik Novosib.GU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2015. T. 14, vyp. 9: Filologiya, pp. 183–201.

Nefedova E. A. *Ehkspressivnyi slovar' dialektnoi lichnosti* [Expressive vocabulary of a dialect personaliti]. Moscow, 2001. 144 p.

Shmeleva T. V. [Diminutive and noun semantics: vocabulary of time] *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 2018. № 1, pp. 50–57. (In Russ.).

Sveshnikova N. V. [Deminutives and context. Based on the material of Russian folk dialects] *Filologiya. Nauchn. sbornik, posvyashchennyi pamyati A. M. Bogomolova. Izd. Saratovskogo un-ta*. 1996, pp. 117–121. (In Russ.).

Tolstoi N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura* [Language and folk culture]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 512 p.

Tolstaya S. M. *Obraz mira v tekste i rituale* [The image of the world in the text and ritual]. Moscow, 2015. 528 p.

Zaliznyak A. A. [Mechanisms of expressivity in language] *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety. Sbornik statei v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka* [Meanings, texts and other fascinating subjects. Collection of articles in honor of I. A. Melchuk's 80th birthday]. Moscow, 2012, pp. 650–664. (In Russ.).

Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryaev E. N. *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech. General questions. Word formation. The syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 276 p.

Zorina L. Yu. *Vologodskie dialektnye blagopozhelaniya v kontekste v kontekste traditsionnoi narodnoi kul'tury* [Vologda dialect benevolence in the context of traditional folk culture]. Vologda, 2012. 216 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.7

***И. Т. Вепрева*[1], *Н. А. Купина*[2]**
Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)
irina_vepreva@mail.ru[1]
natalia_kupina@mail.ru[2]

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В статье с опорой на реконструированный Л. П. Крысиным речевой портрет интеллигента исследуются юмористические произведения, авторы которых придерживаются эстетических принципов творческого объединения клуб «12 стульев» (Литературная газета. 2023–2024 гг.). Для специального анализа выделены тексты малых жанровых форм, объединенные конструктивным приемом трансформации прецедентных высказываний. Преобразованные прецедентные феномены рассмотрены как результат метаязыковой рефлексии. Объектом рефлексии является оцениваемая прецедентная единица. Субъектом метаязыковой интерпретации — творческая языковая личность, инициатор преобразования прецедентного высказывания. Метаязыковой комментарий носит имплицитный характер и складывается из двух составляющих: собственно авторской импликации (‘обратите внимание: я опираюсь на прецедентный текст’) и выводного знания, которое читатель формулирует сам с опорой на новый авторский текст.

Выявлен набор способов трансформации прецедентных единиц: лексическая замена; лексическая вставка, вставка личного местоимения и модального слова; игра многозначностью; парадоксальное развитие исходных тропов и изобретение тропов индивидуальных; усечение и/или расширение контекста; инверсия; установление нестандартных сочинительных, противительных, а также причинно-следственных связей. Отмечены креативные находки и лингвотоксичные следствия трансформации.

Ключевые слова: рефлексив, конструктивный прием, креативные технологии, клуб «12 стульев», прецедентные феномены, юмор

Введение

Жизнь оказалась щедрой, подарив нам знакомство и сложившиеся дружеские отношения с Леонидом Петровичем Крысиным. Интеллигентность и порядочность, широта знаний и глубокий ум, принципиальность и свобода мысли — таким мы знаем Л. П. Крысина. Мы всегда находимся в ожидании новых работ и словарей юбиляра. И пусть судьба и близкие берегут его талант, силы и душевное равновесие!

Одной из примет языкового существования в текущее время является редукция литературоцентризма общественного сознания и снижение узнаваемости прецедентных феноменов носителями русского языка. Необходимость сохранения и преумножения прецедентного фонда национальной лингвокультуры осознается журналистами и писателями, которые стремятся найти приемы тиражирования прецедентных высказываний и имен, см. [Купина 2023].

Материал настоящего исследования — «Литературная газета» (2023–2024 гг.), на последней странице которой в течение 58 лет публикуются стихи и проза авторов, соблюдающих эстетические принципы творческого объединения клуба «12 стульев».

Целевой адресат анализируемых текстов — читатели-интеллигенты, обладающие чувством юмора, для которых «характерны <...> рефлексия над словом, <...> языковая игра во всех ее обличьях» [Крысин 2003: 494]. Одной из установок, определяющих формирование обратной связи между юмористом и адресатом, является интертекстуальность, основанная на авторском осмыслении констант национальной лингвокультуры, см. [Караулов 1987, Степанов 2001 и др.].

В основе языковой игры с прецедентными текстами лежит традиция, характерная для древнерусского юмора: пародируются «слова, выражения, обороты, ритмический рисунок и мелодия. Происходит как бы искажение текста. Для того чтобы понять пародию, нужно хорошо знать или текст пародируемого произведения, или “формуляр” жанра» [Лихачев 1976: 15].

Стратегически заданную переработку смысла прецедентных феноменов можно рассматривать как результат метаязыковой рефлексии [Вепрева 2002]. Объект рефлексии — оцениваемая прецедентная единица. Субъект метаязыковой интерпретации — творческая языковая личность, инициатор преобразования прецедентного высказывания. Прямые сигналы метаязыковой рефлексии при этом отсутствуют, а аналогом метаоператора является намеренное нарушение языкового облика прецедента с помощью приемов языковой игры. Результаты использования этих приемов можно интерпретировать «как рефлексивы, в том числе — рефлексивы с нулевыми метаоператорами» [Шумарина 2011: 110]. Трансформация прецедентной единицы в составе вторичного юмористического текста является для читателя сигналом того, что эта единица обыгрывается, однако информацию о характере этого обыгрывания читатель должен выводить самостоятельно. Поэтому имплицитный метаязыковой комментарий складывается из двух составляющих: собственно авторской импликации (‘обратите внимание: я опираюсь на прецедентный текст’)

и выводного знания, которое читатель формулирует сам с опорой на новый авторский текст.

Редакцией клуба «12 стульев» используются получающие однотипное графико-колористическое оформление рубрики — прецедентные высказывания из романа И. Ильфа и Е. Петрова: *Лёд тронулся*; *Командовать парадом буду я!*; *Ответ есть эквивалент мысли*; *Хорошо излагает, собака, учитесь! Знойная женщина — мечта поэта* и др.

Для специального анализа в статье выделены два жанроспецифических цикла юмористических произведений, в которых воплощается декларируемая содружеством «СОКРАТ» триада: *смысл — острота — краткость*. Предмет исследования — тексты, в составе которых имеются прецедентные высказывания, реализованные как в исходном, так и в трансформированном вариантах.

Субжанр «афористичные заметкости»

Разработанный юмористами субжанр представлен на газетной полосе как поликодовый сверхтекст с продолжением. На визуальное восприятие читателей ориентированы рисунки, шрифтовые и колористические средства. Графически выделена единица сверхтекста — вербальная миниатюра. Типовой пример:

(Лит. газета. № 20 (6934). 22–28.05.2024)

Окказионализм *заметкости* номинирует ёмкие актуальные суждения. Философичность изречений подчеркивает суффикс *-ость*, который переводит окказиональную единицу в класс абстрактных существительных «с отвлеченным значением признака, свойства» [Русская грамматика 1980. Т. 1: 177]. Каждая подборка таких суждений сопровождается фотографией автора.

Конструктивным приёмом вербализации коллективной стратегии изобретения нестандартных изречений, содержащих обобщающие умозаключения, является процедура трансформации единиц общенационального прецедентного фонда (см. миниатюры, выделенные подчеркиванием).

Михаил Тимофеев в приведённом выше фрагменте использует игру, основанную на многозначности. Например, база для едкой иронии — парадоксальная смысловая перекличка закреплённых в языке значений поговорки *иметь зуб*, т. е. «испытывать неприязнь к кому-то за что-либо, желание причинить вред, неприятность кому-либо» [ФСРЯ 1978: 185] и воспроизводимого устойчивого сочетания *зуб мудрости* — «коренной зуб, появляющийся после двадцати лет» [ТСРЯ 2008: 464]: *Если у вас на кого-то зуб, то это не зуб мудрости*. Дидактическая функция исходного афоризма усиливается за счёт осознания семантики лексемы *мудрость* — «глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт» [там же: 464].

Сконструированное сопоставление *Браки заключаются на небесах, а заключение отбывается на земле* основано на игре смыслами однокоренных слов *заключить*, *заключение*. Аксиологическую значимость приобретают нарушающие идею абсолютного противопоставления земного и небесного подтекстные суждения о приземлённости совершенных преступлений и заземлённости брачных уз.

Хрестоматийный афоризм А. М. Горького *Рождённый ползать летать не может* подвергается грамматическому преобразованию и усечению. Авторская рефлексия передаётся с помощью развития метафоры и грамматической обработки исходного прецедентного высказывания: *Рождённому ползать крылья не подрежешь*. Утверждается, что при отсутствии природного дарования его не отберешь, не уменьшишь.

Приведём другие примеры рефлексивов.

Глубинный смысл исходного прецедентного высказывания позволяет использовать его для конструирования суждения, имеющего вневременной характер. Вадим Зверев трансформирует приведённый выше горьковский афоризм, используя усечение, которое восполняется парадоксальным развитием метафоры: *Рождённый ползать летать всех учит*.

Сигналы нижеприведенной трансформации — обусловливающая эффект неожиданности индивидуальная метафора, транслирующая ироническую оценку, а также лексическая вставка, позволяющая усомниться в абсолютной истине, стоящей за исходным афоризмом: *Гримасы эволюции — труд создал из обезьяны ленивого человека* (В. Зверев). «Осколки» отмеченного прецедентного высказывания (*человек*, *обезьяна*) используется также и в изречении А. Соколова: *Побывав в шкуре человека, обезьяна поспешила вновь залезть на дерево*. Философский взгляд ирониста на динамику прецедентной ситуации акцентируется с помощью деепричастного

оборота, транслирующего идею причинно-следственной обусловленности преобразований, включенных в текущее время.

Для вербализации авторской рефлексии, заданной переосмыслением прецедентной единицы, активно используются синтаксические модели, позволяющие, в частности, установить нестандартные причинно-следственные зависимости. Например: *Купила фальшивую косметику — результат на лице* (Л. Соколов); *Будешь вить верёвки из жены — получишь колючую проволоку* (В. Малёшин).

Философский смысл *заметкости* цементируют противительные отношения: *Каждый — кузнец своего счастья, но большинство так и остаётся в подмастерьях* (Вл. Кафтанов). Выражение отношений противопоставления позволяет автору включить в суждение такие субъектно-рефлексивные сигналы, как личное местоимение и модальное слово: *Конечно, много денег не бывает, но я не ожидал, что не бывает так много* (В. Зверев). Модальное слово передаёт личностную оценку: *К сожалению, дороги, которые мы выбираем, не всегда совпадают с нашими жизненными путями* (С. Сидоров). В приведённом примере значимость приобретает антонимическое переосмысление языковых синонимов.

Обращает на себя внимание использование в составе изречения двух и более прецедентных единиц как в исходном, так и в трансформированном вариантах: *Сивый мерин не был таким ослом, чтобы работать как ломовая лошадь* (М. Тимофеев). В изречении реализуются вошедшие в язык аллегории, за которыми закреплены ассоциативные оценочные параллели: *сивый мерин* — лгун; *осёл* — глупец; *ломовая лошадь* — трудяга.

Приведём пример использования цепочки прецедентных единиц в сатирических целях: *Чиновники постоянно заботятся о нашем питании: вешают на уши лапшу, подкладывают свинью, заваривают кашу и кормят одними завтраками...* (Л. Соколов). Парадоксальное соединение в одном перечислительном ряду пословиц можно трактовать как приём сатирического портретирования недобросовестного представителя власти, манипулирующего сознанием простых людей.

Отдельные варианты *афористичных заметкостей* основаны на трансформациях прецедентных сюжетов:

У трапа на «Титаник»

Посланец Тургенева
скромно, без скуки,
С табличкой и мордою
красен.
«Отдам спаниеля
в хорошие руки.
Плывите спокойно. Герасим»
(Вл. Городзейский. Иронические заметкости).

Реализация конструктивного приёма преобразования прецедентных феноменов позволяет авторам изречений переосмыслить вечные истины, обновить вербальное оформление актуальных смыслов, сохраняя философский взгляд на жизнь.

Субжанр «Литературные маразмиады»

Особый объект метаязыковой рефлексии — прецедентные феномены, закрепленные в произведениях классиков художественной литературы. Поскольку ирония — «это мистификация, притворство, иронизирующий, как правило, временно надевает на себя маску» [Ермакова 2005: 56], прикрываясь которой, он обретает «право на креативный произвол» [Вепрева, Купина 2012: 170]. Составить представление о ролевых масках позволяют общеязыковые идентификаторы, а также потенциальные образования и окказионализмы.

Илья Журбинский, автор *литературных маразмиад*, использует ролевую маску литературоведа, страдающего маразмом, т. е. «состоянием полного упадка психофизической деятельности» [ТСРЯ 2008: 429]. Идентификаторы масок — *пушкинист*, *пушкиновед*, *есениновед*, *вознесенсковед* и др. Первая часть сложного слова отсылает к имени поэта, которому принадлежит прецедентное высказывание, а также к отдельному тексту, ставшему прецедентным. Принятый способ отсылки обеспечивает узнавание читателем источника, послужившего объектом рефлексии.

Литературные маразмиады складываются в сверхтекст, фрагменты которого получают однотипное оформление на газетной полосе:

ЛЁД ТРОНУЛСЯ

Литературные маразмиады

Маразмиада пушкиниста
Всё волновало нежный ум.
Особенно – рахат-лукум.
<...>

Маразмиада пушкиноведа
Ночной зефир
Струит эфир.
Наталья на ночь пьёт кефир,
А мне по нраву жжёнка.

Шумит,
Бежит,
Клянёт весь мир –
И вспять потёк Гвадалквивир,
И с жжёнкой
Напряжёнка.

Маразмиада нетрезвого пушкиноведа
«Бухни!» – как много в этом слове
Для сердца русского слилось!
Как много пи́лось и пило́сь,
На печени отозвалось.

Маразмиада есениноведа
Не жалею, не зову, не плачу,
Не смотрю футбол или балет,
Не сажусь на взмыленную клячу,
А сажусь на вело я сипед.
<...>

Маразмиада вознесенсковеда
Стихи не пишутся – случаются,
как чувства или же закат.
Маразмиады загораются
и улетают нарасхват.

Илья Журбинский

(Лит. газета. № 28 (6942). 17–23.07.2024)

Отдельные рефлексивы, наведённые прецедентной метафорой *лед тронулся*, не лишены вульгаризации. Так, поэтизмы, создающие высокую тональность пушкинской лирики, вытесняются бытовизмами: *нежный*, т. е. исполненный глубокой эмоциональной привязанностью *ум*, жаждет насладиться не романтической любовью, а вкусом *рахат-лукума* — кондитерского изделия; *кефир* и даже *жжёнка* оказываются более востребованными, чем струящийся *эфир*.

Мировоззренческие сдвиги прослеживаются в десакрализации, основанной на лексической замене, которую не оправдывает оценочный атрибутив *нетрезвый* (*пушкиновед*). Топоним *Москва*, занимающий сильную позицию в тексте-источнике, номинирует непреходящую национальную ценность — константу, не подтвержденную редукцией во времени. Контекстные партнёры *бухну*, *лилось* и *пилось* вызывают неприятие.

Метаязыковая рефлексия, основанная на воспроизведении синтаксического облика есенинской поэтической строфы, способствует формированию типажа современника, для которого анализ состояния души остался в давнопрошедшем времени. Объективная конкретизация глаголов-сказуемых в границах единого однородного ряда приобретает оттенки цинизма.

Актуальность афористического высказывания А. Вознесенского *Стихи не пишутся — случаются* подтверждается сравнением. Имплицитная аналогия (*поэт от бога — автор литературных маразмиад*) позволяет разгадать претензию ирониста на феноменальную популярность собственных произведений, разлетающихся «нарасхват».

В отдельных случаях прослеживается приём развития креативной находки, зафиксированной в прецедентном тексте-источнике:

Маразмиада гумилёвоведа

Изысканный жираф,
Диковинный верблюд,
Благочестивый граф,
Невежественный люд.
Не нужен рай и ад
В краю маразмиад!

Языковой карнавал, карнавал смыслов, а также образных деталей способствуют восприятию отдельных рефлексивов как пародий на источники, ставшими прецедентными. Например:

Маразмиада маяковсковеда

Девушка в кепке
и Ленин с веслом
Как-то поспорили
с диким ослом:
Кто более матери-истории
ценен?
Долго махали веслом и хвостом,
Словно поэты
над чистым листом,
Каждый кричал: «Я нетленен!»

Пародийность прослеживается в воспроизведении ритмо-мелодического и графического своеобразия объекта рефлексии.

Общая примета пародий — перекличка идиостилевых маркеров источника и частотных слов текущего времени:

Маразмиада есениноведа

Ах, перо не грабли, ах коса не ручка —
Ах, проклятый принтер — пожалел чернил.
Вот идёт редактор. Морда — словно тучка.
Вот — журнальный критик.
Он меня чернил.
К чёрту я снимаю свой костюм
английский
Майку от Версаче, мятые трусы.
Я ли вам не свойский,
я ли вам не близкий:
Я ли с девкой бойкой не нырял в овсы?

Представляется, что приведенные креативные опыты находятся на грани эстетической и этической позволительности.

Автор-иронист продолжает разработку *маразмиад,* охватывающих тематически определённые сферы: *Медицинские маразмиады, Любовные маразмиады, Маразмиады общества борьбы за трезвость, Фейсбучные маразмиады* и др. Строительный материал иронических текстов — слова соответствующих тематических групп. Прецедентные высказывания и имена единичны и извлекаются преимущественно из пословичного фонда. Например:

Маразмиады общества борьбы за трезвость

Маразмиада о квасе

Я сегодня пил за вас
Пиво, виски, джин и квас
Бренди, граппу и бурбон,
Кальвадос и самогон
Нет, конечно, квас не пил
Это я уже схитрил.

Комический эффект основан на разрушении тематической целостности группы слов, обозначающих спиртные напитки, лексемой *квас*, называющей напиток безалкогольный.

В процессе порождения рефлексивов проявляется характерный для творческой личности поиск нестандартных средств художественной выразительности, позволяющих автору обозначить собственное место в литературном пространстве проживаемого времени.

Выводы

Срезовый анализ юмористических рефлексивов позволяет сделать вывод о том, что в процессе их создания используется конструктивный приём трансформации

прецедентных феноменов, являющихся объектом метаязыковой рефлексии. Основные способы трансформации исходного прецедентного высказывания: лексическая замена; лексическая вставка, вставка личного местоимения и модального слова; игра многозначностью; парадоксальное развитие исходных тропов и изобретение тропов индивидуальных; усечение и/или расширение контекста; инверсия; установление нестандартных сочинительных, противительных, а также причинно-следственных связей.

Реализация прецедентных высказываний и имён в исходном виде способствует сохранению прецедентного фонда отечественной лингвокультуры.

Словари

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978. 543 с.

Литература

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 380 с.

Вепрева И. Т., Купина Н. А. Социально-психологическое безразличие: игровые формы речевой репрезентации // Лингвистика креатива: Коллективная моногр. / отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 165–176.

Ермакова О. П. Ирония и её роль в жизни языка. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. 204 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

Крысин Л. П. Глава 1. Речевой портрет представителя интеллигенции // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: ЯСК, 2003. С. 483–495.

Купина Н. А. Креативные газетные заголовки и их функции // Лингвистика креатива. 2023. № 2. С. 81–96.

Лихачёв Д. С. Смех как мировоззрение / Д. С. Лихачёв, А. М. Панченко. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. С. 7–90.

Русская грамматика в 2-х т. / АН СССР. Ин-т русского языка. Т. 1. М.: Наука, 1980. 784 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.

***T. Vepreva*[1], *N. A. Kupina*[2]**
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Russia, Yekaterinburg)
irina_vepreva@mail.ru[1]
natalia_kupina@mail.ru[2]

PRECEDENT STATEMENTS IN HUMOROUS TEXTS OF MODERN TIMES

Based on the speech portrait of an intellectual reconstructed by L. P. Krysin, the article examines humorous works whose authors adhere to the aesthetic principles of the "12 Chairs Club" creative association (Literaturnaya Gazeta. 2023–2024). For special analysis, texts of small genre forms are highlighted, combined by a constructive method of transforming precedent statements. The transformed precedent phenomena are considered as a result of metalanguage reflection. The object of reflection is the assessed precedent unit. The subject of metalanguage interpretation is a creative linguistic personality, the initiator of the transformation of a precedent statement. Metalanguage commentary is implicit in nature and consists of two components: the author's own implication ('please note: I am relying on a precedent text') and inference knowledge, which the reader formulates himself based on the new author's text. A set of ways to transform precedent units has been identified: lexical substitution; lexical insertion, insertion of a personal pronoun and a modal word; play with ambiguity; paradoxical development of original tropes and the invention of individual tropes; truncation and/or expansion of context; inversion; establishment of non-standard compositional, contrastive, and cause-and-effect relationships. Creative findings and linguotoxic consequences of transformation are noted.

Keywords: reflexive, constructive approach, creative technologies, "12 Chairs Club", precedent phenomena, humor

References

Ermakova O. P. *Ironiya i eye rol' v zhizni yazyka* [Irony and its role in the life of language]. Kaluga, KGPU named after K. E. Tsiolkovskogo Publ., 2005, 204 p.

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [The Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 263 p.

Krysin L. P. [Chapter 1. Speech portrait of a representative of the intelligentsia]. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sotsialnaya i funktsionalnaya differentsiatsiya* [Modern Russian: Social and Functional Differentiation]. Moscow, YASK Publ., 2003, pp. 483–495. (In Russ.)

Kupina N. A. [Creative newspaper headlines and their functions]. *Lingvistika kreativa* [The linguistics of creativity], 2023, no. 2, pp. 81–96. (In Russ.)

Likhachev D. S., Panchenko A. M. [Laughter as a worldview] *"Smekhovoy mir" Drevney Rusi* ["The Laughing World" of Ancient Russia]. Leningrad, Nauka, Leningrad Branch Publ., 1976, pp. 7–90. (In Russ.)

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. In 2 vol. / USSR Academy of Sciences. Institute of the Russian Language. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1980, 784 p.

Shumarina M. R. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta* (*Metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy*) [Language in the mirror of a literary text (Metalanguage reflection in works of Russian prose)]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011, 328 p.

Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar russkoy kultury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskiy proyekt Publ., 2001, 990 p.

Vepreva I. T., Kupina N. A. [Socio-psychological indifference: playful forms of speech representation]. *Lingvistika kreativa* [The linguistics of creativity] / T. A. Gridina (Ed.). Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 165–176. (In Russ.)

Vepreva I. T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epohu* [Linguistic reflection in the post-Soviet era]. Ekaterinburg, Ural University 2002. 380 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.8

***А. В. Дегальцева*[1], *М. А. Кормилицына*[2]**
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
deganna@mail.ru[1], *margarita-kormil@mail.ru*[2]

АКТИВИЗАЦИЯ ВЛИЯНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА «РУССКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ»

В конце XX — начале XXI вв. наблюдается усиление влияния социокультурных процессов на язык и речь. Наиболее существенное воздействие на современную коммуникацию и культуру речи оказывают демократизация и глобализация важнейших сфер жизни общества. Влияние этих процессов амбивалентно. Демократизация гражданского общества, безусловно, способствовала свободе слова, плюрализму мнений и расширению круга тем, доступных для публичного обсуждения. Вместе с тем, она привела и к изменению восприятия действительности: денотативной расплывчатости, диффузации смыслов, тяге к постмодернистской иронии. Кроме того, в различных сферах общения отмечается снижение и огрубление речи (не только в обиходном общении и СМИ, но даже в институциональном дискурсе), снисходительное отношение населения к ошибкам, расшатывание языковых норм под влиянием узуса, размывание представлений о границах дозволенного. Глобализация коммуникации приводит, с одной стороны, к таким позитивным явлениям, как пополнение лексического и морфемного состава русского языка, обогащение семантической структуры лексем и расширение синонимических рядов слов. С другой стороны, можно говорить о негативных последствиях воздействия английского языка и западной культуры, которые проявляются в слепом следовании языковой моде и западным коммуникативным образцам, засорении речи англицизмами.

Ключевые слова: социолингвистика, культура русской речи, демократизация речи, глобализация коммуникации, динамика коммуникативных норм

Круг научных интересов Л. П. Крысина очень широк: лексикография, социолингвистика, русская разговорная речь, речевое портретирование, заимствованная лексика, языковая политика и др. Вектором научного поиска Л. П. Крысина является изучение реального функционирования современного русского языка, проблемы его социальной дифференциации. Особое внимание учёный уделяет состоянию

русской речи, в частности, влиянию на неё английского языка и процесса демократизации жизни общества [Крысин 2002, 2004, 2017, 2021 и др.].

В данной работе, опираясь на взгляды Л. П. Крысина, нам хотелось бы обобщить некоторые наблюдения, связанные с усилением влияния социокультурных факторов на современный русский язык. Материалом исследования служат публикации прессы и интернет-СМИ, деловая переписка сотрудников одной из российских финансовых организаций (в целях конфиденциальности не называем её), тексты научных статей за 2010–2025 гг. Исследование базируется на применении приемов индуктивного и дедуктивного анализа, а также описательного, сопоставительного, интерпретативного методов.

Как известно, в последние десятилетия на состояние русской речи оказывают существенное влияние два магистральных социокультурных процесса: демократизация и глобализация важнейших сфер жизни. Следствиями демократизации гражданского общества являются свобода выражения мыслей, расширение круга тем для публичного обсуждения, появление новых жанров речи и форматов общения, создание благоприятных условий для проявления лингвокреативности. Вместе с тем, демократизация социума приводит к изменению образа мыслей и восприятия действительности. Философы отмечают, что современный дискурс характеризуется постмодернистской иронией и тягой к симуляции. По справедливому замечанию О. А. Коноваловой, «дискурс постмодерна сознательно ограничивается игрой видимостей, размывает смысл, искореняет его, отказывается от самого стремления к поиску истины» [Коновалова 2006: 153]. Распространение иронического отношения к действительности приводит к тому, что в современном медиапространстве могут размываться этические нормы. Так, наблюдается ироническое отношение к трагическим событиям: ***Согрелись до смерти***. *Жених и невеста погибли в машине в Нижегородской области* (новостной портал nn.ru 13.01.2016); ***Красиво убить не запретишь***. *Владельцы шикарных авто за сутки задавили трех человек на юге Москвы* (Московский комсомолец (далее — МК) 13.09.2010).

Тенденция к диффузации и затемнению смыслов приводит к распространению безагентивных предложений, номинализованных конструкций, в частности, в политическом и медийном дискурсах. Наблюдается активизация постновояза с его денонативной расплывчатостью, потенциальной непрозрачностью и двусмысленностью [Серио 1999]. Особенно заметны проявления этого процесса в СМИ. Так, из следующей публикации не вполне ясно, какие конкретно меры предпринимаются правительством для сдерживания роста цен и тарифов: *Глава правительства похвалил многие крупные торговые сети* ***за ответственное поведение*** *<...> А* ***что касается тарифов*** *на коммунальные услуги, они, по словам Мишустина, также находятся* ***в зоне особого внимания*** *властей* (Агентство официальных новостей 27.09.2023).

Процесс демократизации речи становится особенно заметным на рубеже веков, когда «тенденции, действующие в узусе, преодолевают сопротивление традиционной нормы, и в литературном языке появляются элементы, которые до того времени норма не принимала» [Крысин 2017: 24]. По мнению Л. П. Крысина, это

объясняется тем, что просторечие, жаргоны и разговорная речь оказывают значительное влияние на кодифицированный литературный язык, поскольку характеризуются большей степенью гибкости и антропоцентричности [Крысин 2018].

Наиболее активное воздействие некодифицированные подсистемы языка оказывают на современные СМИ. Ежегодный мониторинг газет, который проводила О. Б. Сиротинина, показал, что для реализации стратегии сближения с адресатом в современной публицистике используются, прежде всего, разговорные и нелитературные (жаргонные, просторечные) слова и выражения [Сиротинина 2013]. Это подтверждают и наши наблюдения за языком современных газет и электронных медиаизданий: <...> *сотни километров труб оросительных систем* ***тупо разворовали*** (Парламентская газета (далее — ПГ) 29.10.2018); *И* ***аккурат*** *на исходе этого десятилетия, в апреле 2014 года, официальный Киев решил использовать воду не для жизни* <...> (ПГ 21.03.2021); *Паспортные данные указали* ***от балды*** (Комсомольская правда (далее — КП) 21.07.2021). Влияние некодифицированных разновидностей русского языка распространяется и на традиционно «строгие» сферы коммуникации: научную и деловую речь. Так, в тексты научных статей проникают разговорные и даже нелитературные слова и выражения: <...> *для этой категории российских* ***айтишников*** *в США именно тактика частой смены компаний нередко оборачивалась не столько потерями в зарплате, сколько, наоборот, возможностью ее поднять* (Шалыгина Н. В. Русские женщины — специалисты в ИТ-сфере); *Успешные и развитые кредитные институты* ***завсегда*** *привлекали внимание потенциальных заемщиков* <...> (Фалынскова А. И., Медюха Е. В. Эффективность деятельности кредитных институтов на финансовом рынке).

О более свободном обращении со словом в письменной научно-популярной речи свидетельствуют лексические и грамматические ошибки: *Вплоть до настоящего времени И. Артамонову пока не удается заменить в некоторых муниципалитетах влиятельных «тяжеловесов» <...>,* ***почтительный*** *возраст которых* ***скрадывает разрыв*** *в возрастной статистике* (Скиперских А. В. От «сельсовета» к «технократам»: легитимация политических элит Липецкой области при Игоре Артамонове); *Четверо ссыльных* ***грузинов****, плохо владевши****е*** *русским языком* <...> (Кладова К. Ю. Ссыльные грузинские меньшевики в городе Кургане в начале 1930-х годов) и др.

Одной из современных тенденций является также снижение степени официальности деловой речи [Голев, Сологуб 2007]. В ней допускаются дружеские и фамильярные формы обращения, приветствия и прощания (*привет, ребята, девчата, давай(те), пока* и под.). Изучение корпоративных писем крупных российских организаций [Дегальцева 2017] показало, что в них активно используются разговорные (в том числе сниженные) и жаргонные слова и выражения: ***Ребят****, сорри, у меня* ***комп заглючил****, поэтому был вне доступа* (из делового письма специалиста технической поддержки); *Кому опять* ***надавать по ушам*** *за то, что тест-кейсы не готовы?* (из делового письма заместителя руководителя департамента).

Влиянием просторечия и профессионально-технической среды объясняется допустимость в современной речи грамматических и акцентологических вариантов,

которые ранее считались ненормативными в данной сфере общения: *до́говор, договора́* (наряду с *догово́р, договоры*), «*переговоры по разоружению* (наряду с *переговоры о разоружении*), *радиовещание на заграницу* (т. е. радиовещание для слушателей, живущих за границей)» [Крысин 2017: 25].

Исследование лексикона российских чиновников, проведённое М. Н. Пановой, показывает, что в речи государственных служащих присутствуют вульгаризмы и инвективы: *врубаться, долбануть, кошмарить, отморозки, штаны просиживать* и др. По наблюдениям лингвиста, «такая манера речевого поведения ряда госслужащих, объясняемая их коммуникативной установкой — выглядеть прогрессивными, динамичными, раскованными, — становится всё более популярной» [Панова 2018: 257].

Определённая степень свободы наблюдается в речи современных государственных деятелей, а хлёсткие риторические выпады против лидеров других государств объясняются, прежде всего, напряжённой внешнеполитической обстановкой и переделом сфер мирового влияния. Обострение внешнеполитических отношений привело и к появлению не лишенных иронии эвфемистических номинаций «*небратья*» и «*непартнёры*», которые нередко звучат в СМИ: ***Небратья*** *— навек? Может ли Украина рассчитывать на светлое будущее без России?* (КП 13.01.2019); *Зарубежные наши* ***непартнёры****, США и Великобритания, взорвали три атомных бомбы* (МК 06.06.2024).

Таким образом, современная деловая речь характеризуется большой степенью речевой свободы, выходом за рамки статусно-ролевых отношений и «избирательно-ситуативным принципом соблюдения норм» деловой коммуникации [Колтунова 2005: 182].

Как уже отмечалось, еще одним социолингвистическим фактором, оказавшим существенное влияние на современный русский язык, является глобализация общества, сопровождающаяся усилением влияния английского на другие мировые языки.

По мнению О. Б. Сиротининой, заимствованные лексемы могут быть необходимы русскому языку тогда, когда они «закрывают какие-то лакуны в лексической системе (*риелтор, дилер, брокер* и т. д.), либо обогащают синонимические ряды обозначением оттенков смысла: *киллер — заказной убийца*» [Сиротинина, 2013: 191]. За счёт иноязычных аффиксов и аффиксоидов (*кибер-, нано-, мега-, супер-, -ер, -инг* и др.) обогащается морфемный репертуар и лексический состав русского языка. Употребление англицизмов можно считать оправданным, если заимствованное слово не засоряет русскую речь, а позволяет адресанту экономить речевые усилия (ср.: *коворкинг* и *аренда единого офисного пространства представителями разных организаций*).

Сегодня некоторые англицизмы наделяются особым социальным престижем и статусом «модных» слов [Крысин 2002]. Действительно, как отмечает Л. П. Крысин, «в русском языке название *шоп* приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами, преимущественно западного производства» [Крысин 2002: 29]. Современные медиа пестрят модными заимство-

ваниями из молодёжного сленга, засоряющими речь и осложняющими восприятие текста массовым адресатом: *Ясности в этой истории гораздо меньше, чем* ***хайпа****, слухов и домыслов* (МК 11.02.2025); *Собчак попросила Mia Boyka перестать* ***буллить*** *детей* (РИА Новости 05.09.2024).

Среди англицизмов в современной русской речи преобладают слова с абстрактным значением: *вайб, инсайт, тренд, фриланс, хайп, хейт* и под. Б. Ю. Ушаков утверждает, что «в язык попадают слова с ясным содержанием, но неопределённым объёмом понятия, что позволяет расширять семантику данных слов до превращения их в гиперонимы» [Ушаков 2009: 21]. Среди них, в свою очередь, отчётливо выделяется группа слов, называющих социально-психологические процессы: *абьюз, боди-позитив, буллинг, газлайтинг, харрасмент, эйджизм* и др. Такие заимствованные лексемы проникают во многие сферы коммуникации, что объясняется повышением интереса современных россиян к психологии: ***Буллинг и кибербуллинг****: о жертвах, последствиях и как этого не допустить* (КП 20.12.2023); *СМИ «рисуют» народу Украины «фотообои», занимаются* ***газлайтингом*** (из выступления официального представителя МИД РФ Марии Захаровой 27.02.2023).

Под воздействием английского в русском языке возникли формы множественного числа у существительных, ранее нормативно употреблявшихся лишь в единственном числе: «*гонка вооружений* (ср. англ. arms race), *мирные инициативы* (ср. англ. peace initiatives), <...> *речевые практики*» [Крысин 2017: 26] и под.

Под влиянием английского языка расширяют свои значения собственно русские или давно освоенные русским языком слова. Например, лексема «*токсичный*» получает значение «такой, который оказывает негативное, губительное влияние на кого- или что-л.» [Леонтьева, Щетинина 2021: 346], а «*снежинками*» называют поколение родившихся в 1990–2000 гг., эмоционально неустойчивых, чувствительных к негативному воздействию и обладающих завышенной самооценкой [Леонтьева, Щетинина 2021: 323]: *Если к вам привязался* ***токсичный*** *человек в Интернете, его можно заблокировать* (КП 10.02.2022); *Термин «поколение* ***снежинок****» (snowflake generation) признали словом года в 2016-м* (МК 22.07.2024).

Также среди особенностей современной русской речи можно назвать возрастающую тенденцию не склонять имена собственные [Шаронов 2017]: ***В городе Москва*** *открыли очередной МРТ* (новостной портал 24all.ru); ***В Пушкино*** *гибнет жемчужина русского модерна* (МК 18.11.2023); *Комментарий Тиграна Мелояна изданию «Известия» о целях визита спецпредставителя американского президента по Украине* ***Кит*** *Келлога в Киев* <...> (новости «ВШЭ» 21.02.2025). Это может объясняться как влиянием английского языка, так и внутренними процессами — тенденцией к росту аналитизма, которую исследователи отмечали еще в конце XX века[1].

Поскольку современные бизнес-процессы опираются на зарубежный опыт, глобализация коммуникации оказывает влияние и на деловую речь. В XXI в.

[1] См. об этом главу 3, раздел «Рост элементов аналитизма в современном склонении» в книге «Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка (отв. ред. М. В. Панов)». М.: Наука, 1968.

в России сформировался социокультурный типаж делового человека [Карасик 2003], речь которого характеризуется активным использованием англицизмов (административно-деловых терминов или жаргонизмов) как маркеров принадлежности к корпоративной культуре. Приведём примеры из деловой переписки сотрудников одной из крупных финансовых компаний: *По этому вопросу необходимо обратиться в* ***эйчар*** (от англ. HR — Human Resources — отдел по работе с персоналом, отдел кадров); *Расплачиваться с подрядчиком будем* ***кэшем*** *или безналом?* (от англ. cash — денежные средства, наличные). Ориентация на западную корпоративную культуру приводит к тому, что во многих организациях «отдел» или «управление» заменяется на «департамент» (*департамент клиентского обслуживания* и под.).

Под влиянием английских орфографических норм каждое слово в составном наименовании должности, отдела, жанра документации нередко пишется с прописной буквы: *Специалист Управления Сопровождения Продаж, Объяснительная Записка* и т. д. Подобное можно обнаружить даже в этикетных формулах: *С Наилучшими Пожеланиями.* Ориентация на западные образцы находит отражение в этикетных формулах устной и даже письменной деловой речи (*плиз, сорри, но проблем, ок* и др.).

Итак, социокультурные преобразования общества, связанные с демократизацией и глобализацией важнейших сфер жизни, накладывают существенный отпечаток на современную русскую речь. Позитивными следствиями этих процессов являются гласность и плюрализм мнений. Среди языковых явлений можно отметить обогащение семантической структуры некоторых слов, пополнение морфемного и лексического состава языка, расширение синонимических рядов слов. Из негативных тенденций в языковом плане можно назвать денотативную расплывчатость, диффузацию и затемнение смыслов, а в плане коммуникации — расшатывание языковых норм, засорение, снижение и огрубление речи, нарушение этических норм, а также бездумное следование языковой моде.

Литература

Голев Н. Д., Сологуб О. П. Государственная коммуникация: (Параметры официализации текста) // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. П. Котюровой. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та. 2007. С. 46–57.

Дегальцева А.-В. Современная деловая переписка // Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ: кол. мон. / отв. ред. Т. А. Милёхина, Р. Ратмайр. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. С. 317–336.

Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX–XXI вв.: Человек и его дискурс: сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. М.: Азбуковник, 2003. С. 24–46.

Колтунова М. В. Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. 228 с.

Коновалова О. А. Ироническая стратегия постмодерна в отношении дискурса // Вестник КузГТУ. 2006. № 4. С. 152–155.

Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: ФЛИНТА, 2021. 360 с.

Крысин Л. П. Человек как объект оценки средствами русской устно-разговорной речи // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3 (34). С. 9–33.

Крысин Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20–31.

Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.

Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург : Ажур, 2021. 424 с.

Панова М. Н. Влияние социальных факторов на речевое поведение государственных служащих // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. № 2. С. 254–272.

Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. П. Серио. М.: «Прогресс», 1999. С. 337–383.

Сиротинина О. Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 177–193.

Ушаков Б. Ю. Семантика и функции лексических заимствований в современной русской прессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 25 с.

Шаронов И. А. Мода на неизменяемость: история разрастания и современное состояние // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 13. С. 340–348.

***A. V. Degal'tseva*[1], *M. A. Kormilitsyna*[2]**
Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky
Russia (Saratov)
deganna@mail.ru[1], *margarita-kormil@mail.ru*[2]

INCREASING THE INFLUENCE OF SOCIO-CULTURAL FACTORS ON THE "RUSSIAN LANGUAGE TODAY"

In the late 20th and early 21st centuries linguists observed an increased influence of socio-cultural processes on language and speech. The democratization and globalization of the most important spheres of society's life have the most significant impact on modern communication and speech culture. The impact of these processes is ambivalent. The democratization of civil society has certainly contributed to freedom of speech, pluralism of opinions, and an expansion of the range of topics available for public discussion. At the same time, it also led to a change in the perception of reality: denotative fuzziness, diffuion of meanings, postmodern irony. In addition, the influence of the democratization process can explain the decline and coarsening of speech (not only in everyday

communication and the media, but even in institutional discourse), the condescending attitude of the population towards mistakes, the loosening of linguistic norms under the influence of usage, and the blurring of ideas about the boundaries of what is permissible. On the one hand, the globalization of communication leads to such positive phenomena as the replenishment of the lexical and morphemic composition of the Russian language, the enrichment of the semantic structure of lexemes. On the other hand, we are witnessing the negative effects of the English language and Western culture, which manifest themselves in blind adherence to linguistic "fashion" and Western communicative patterns, and the clogging of speech with Anglicisms.

Keywords: sociolinguistics, culture of Russian speech, democratization of speech, globalization of communication, dynamics of communicative norms

References

Degal'tseva A. V. [Modern business correspondence]. *Korporativnaya kommunikatsiya v Rossii: diskursivnyi analiz* [Corporate communication in Russia: Discursive analysis]. Moscow, YaSK Publ., 2017, pp. 317–336. (In Russ.)

Golev N. D., Sologub O. P. [State communication: (Text formalization parameters)]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: Mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Stereotyping and creativity in the text: Coll. of sci. papers]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 2007, pp. 46–57. (In Russ.)

Karasik V. I. [Speech behavior and types of linguistic personalities]. *Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XXI vv.: Chelovek i ego diskurs: sb. nauch. tr.* [Mass culture at the turn of the XX–XXI centuries: Man and his discourse: Coll. sci. pap.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, pp. 24–46. (In Russ.)

Koltunova M. V. *Konventsii kak pragmaticheskii faktor delovogo dialogicheskogo obshcheniya*. [Conventions as a pragmatic factor of business dialogical communication]. Moscow, Academy of Humanitarian Studies Publ., 2005. 228 p.

Konovalova O. A. [The ironic strategy of postmodernism in relation to discourse]. *Vestnik KuzGTU*, 2006, no. 4, pp. 152–155. (In Russ.)

Krysin L. P. *Ocherki po sociolingvistike* [Essays on sociolinguistics]. Moscow, FLINTA Publ., 2021. 360 p.

Krysin L. P. [Man as an object of evaluation by means of Russian oral and colloquial speech]. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, 2018. no. 3 (34), pp. 9–33. (In Russ.)

Krysin L. P. [Towards the correlation of the language system, its norms and usage]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2017, no. 2 (12), pp. 20–31. (In Russ.)

Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike.* [The Russian word, one's own and another's: Research on modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004. 888 p.

Krysin L. P. [Lexical borrowing and calculus in the Russian language of recent decades]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2002, no. 6, pp. 27–34. (In Russ.)

Leont'eva T. V., Shchetinina A. V. *Slovar' aktual'noi leksiki edineniya i vrazhdy v russkom yazyke nachala XXI veka.* [Dictionary of the current vocabulary of unity and

hostility in the Russian language of the beginning of the XXI century]. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2021. 424 p.

Panova M. N. [The influence of social factors on the speech behavior of civil servants]. *Vestnik RUDN. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika,* 2018, no. 2, pp. 254–272. (In Russ.)

Serio P. [The Russian language and Soviet political discourse: an analysis of nominalizations]. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [The quadrature of meaning: The French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 337–383. (In Russ.)

Sirotinina O. B. [Reflections on how the struggle for the ecology of language should be understood]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2013, no. 1, pp. 177–193. (In Russ.)

Sharonov I. A. [About the tendency not to decline burrowed nouns in historical perspective and contemporary perspective]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova,* 2017, no. 13, pp. 340–348. (In Russ.)

Ushakov B. Y. *Semantika i funktsii leksicheskikh zaimstvovanii v sovremennoi russkoi presse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [Semantics and functions of lexical borrowings in the modern Russian press: Dr. philol. sci. diss. thesis]. Saint Petersburg, 2009. 25 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.9

Д. О. Добровольский
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
dobrovolskij@gmail.com

СТРУКТУРА МЕТАФОРЫ КАК ФАКТОР СИНТАКСИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ИДИОМЫ

Одним из основных факторов синтаксического варьирования идиом является их семантическая членимость, то есть способность отдельных компонентов реализовывать квазиавтономные значения. Так, идиома *выпустить джинна из бутылки* (в отличие от идиом *дать дуба*, *обвести вокруг пальца*, *заговаривать зубы*) членима и допускает употребления типа *их руками был выпущен из бутылки ядерный джинн*, обнаруживающие одновременно два отклонения от канонической формы: пассивизацию с переходом именного компонента в позицию подлежащего и ввод прилагательного. Задача статьи — выявить и описать некоторые из заложенных в интуиции носителей языка факторов, которые помогают определить, насколько самостоятельны части той или иной идиомы семантически и, следовательно, синтаксически. В центре внимания стоит обусловленность семантической автономности компонентов идиомы особенностями метафоры, лежащей в ее основе. В частности, в примере *выпустить джинна из бутылки* слово *джинн* метафорически осмысляется как потенциально опасная сила, которая до определенного момента находилась под контролем. Способность говорящих вычленить из общей метафоры ее отдельные компоненты, проецируя на них элементы актуального значения идиомы, открывает возможность их квазиавтономного употребления.

Ключевые слова: фразеология, идиомы, семантическая членимость, образная составляющая значения, метафора, синтаксис, вариативность

1. Общие соображения и постановка задачи

Известно, что исследование русской разговорной речи входит в круг основных научных интересов Леонида Петровича (ср. в первую очередь ТСРР). Поскольку идиомы по большей части относятся к разговорному регистру[1], есть надежда, что

[1] Так, в наших фразеологических словарях [Тезаурус] и [АСРФ] мы вообще отказались от пометы *разг*. Иначе ее пришлось бы приписывать большинству идиом. Более экономным способом представления материала в словаре оказалось введение пометы *нейтр*. — для идиом, которые относятся к нейтральному стилевому регистру.

статья про русскую идиоматику и особенности ее поведения в дискурсе может заинтересовать Леонида Петровича.

При исследовании реального употребления идиом в речи бросается в глаза, что многие из них допускают довольно существенное варьирование формы, в том числе и такие синтаксические трансформации, как пассивизация, ввод в структуру идиомы прилагательных или придаточных определительных, вынос отдельных компонентов за пределы клаузы и пр. Таким образом, устойчивость идиом, хотя и относится к конститутивным признакам этого класса выражений, — явление относительное. Устойчивость мы понимаем как наличие данного выражения в ментальном лексиконе, а не как запрет на варьирование формы. Важно лишь, чтобы в любом из своих вариантов идиома ощущалась как таковая, то есть как единица лексикона со своим особым значением.

Давно замечено, что разные идиомы обладают разным потенциалом варьирования, в том числе и синтаксического. Одним из основных факторов синтаксической свободы идиом является их семантическая членимость, то есть способность отдельных компонентов реализовывать квазиавтономные значения. Так, идиома *выпустить джинна из бутылки* (в отличие от идиом *выплакать все глаза*, *водить за нос*, *дать прикурить*) членима и допускает употребления типа *Их руками был выпущен из бутылки ядерный джинн*, обнаруживающие одновременно два отклонения от канонической формы: пассивизацию с переходом именного компонента в позицию подлежащего и ввод прилагательного, что свидетельствует о синтаксической проницаемости структуры. Феномену семантической членимости идиом посвящена довольно обширная литература. Здесь нет возможности давать ее обзор. Укажем лишь несколько значимых работ по этой проблематике: [Мелерович 1982; Nunberg, Sag, Wasow 1994; Langlotz 2006]. Задача статьи — выявить некоторые из факторов, которые позволяют носителям языка определить, насколько самостоятельны части той или иной идиомы семантически и, следовательно, синтаксически[2]. Значимым оказывается при этом не только актуальное значение идиомы, но и лежащая в его основе метафора.

2. Семантическая членимость идиомы и синтаксическое варьирование ее структуры

Не обращаясь к каким бы то ни было формальным правилам, говорящие хорошо чувствуют, что, например, идиомы *заваривать кашу* и *расхлебывать кашу* членимы, и у слова *каша* в этих выражениях реализуется свое значение, которое можно приблизительно описать как ‘возникшее по чьей-то вине положение

[2] Некоторые из положений, обсуждаемых в данной статье, были впервые сформулированы в моем докладе, сделанном несколько лет назад на семинаре под руководством Ю. Д. Апресяна. Высказанные в ходе дискуссии конструктивные замечания и предложения с благодарностью учтены в этой статье.

вещей с потенциально негативными последствиями для участников ситуации'; ср. примеры (1):

(1) **а.** Ну, ты меня понял... В общем, я буду *расхлебывать* эту *кашу* вместе с тобой — ты это знаешь. (Вячеслав Граковский. Пьесы); **б.** Нет уж, уважаемый профессор! Ваш аспирант тут такую *кашу* в школе *заварил*, что пусть теперь сперва ее сам *расхлебывает*! (Юрий Дружников. Пьесы); **в.** В комнате двое — Безруков и подполковник Калинин, <...> срочно прибывший в Лондон, чтоб *расхлебывать заварившуюся* здесь *кашу*. (Эфраим Севела. Пьесы)[3].

Показательно, что эти две идиомы часто употребляются вместе внутри одного предложения, а ввод указательных местоимений перед словом *каша* придает ему конкретно-референтный статус и тем самым подчеркивает его семантическую автономность.

В отличие от идиом *заваривать кашу* и *расхлебывать кашу*, такие выражения как *каши не сваришь* (*с кем-л.*) или *мало каши ел* не допускают осмысление компонента *каша* как семантически отдельного, и, соответственно, употреблений типа ??*с ним такой каши не сваришь* или ??*он мало ел этой каши*. С другой стороны, еще одна идиома со словом *каша — каша в голове* (*у кого-л.*) — членима, и у компонента *каша* можно выделить свое квазиавтономное значение 'беспорядочный набор не связанных между собой мыслей и разнообразных представлений' (которое никак не связано с интерпретацией слова *каша* в идиомах *заваривать кашу* и *расхлебывать кашу*); ср. примеры из АСРФ, в которых относительная самостоятельность этого значения слова *каша* подчеркивается интенсифицирующим прилагательным: *я с таким количеством людей за это время встречался и знакомился, что* ***в голове*** *полная* ***каша***; *Ромка шел по коридорам, не различая встречных,* ***в голове*** *у него была совершеннейшая* ***каша***.

Оговорим сразу несколько вещей, имеющих непосредственное отношение к обсуждаемым явлениям. Во-первых, далеко не все ограничения на образование вариантов могут быть объяснены отсутствием семантической членимости. Например, номинализация глагольных идиом совершенно не зависит от параллелизма членения их лексической и семантической структуры. Здесь важными оказываются другие факторы. Часто способность реализовывать ту или иную синтаксическую трансформацию является градуальной и может оцениваться разными носителями языка по-разному. Кроме того, помимо членимости, важными могут оказаться еще какие-то другие факторы, и успешность синтаксического преобразования будет зависеть от их одновременного действия.

[3] Здесь и далее используются примеры из базы данных по русской идиоматике, разработанной в Отделе экспериментальной лексикографии ИРЯ РАН. Если примеры взяты из других источников (например, из Национального корпуса русского языка — далее: НКРЯ), это оговаривается отдельно.

Во-вторых, семантическая членимость допускает, но не гарантирует развитую синтаксическую вариативность. Так, членимая идиома *отделить зерна от плевел*, по данным НКРЯ, чаще всего реализуется в своей канонической форме. Относительная самостоятельность слов *зерна* ‘нечто ценное, хорошее’ и *плевела* ‘нечто плохое, ненужное’ реализуется лишь в единичных примерах из корпуса:

(2) **а.** За пять лет до того в газете «Смена» вышел фельетон «*Плевел*» за теми же двумя подписями: «*плевел*» был я. (Анатолий Найман. Любовный интерес (1998–1999)); **б.** Вроде бы и аза не умел протолковать мятежный протопоп и даже имя собственное забыл, но выходил на ристалище, воспламенялось в нем сердце, и косил он от плеча несеяный *плевел* среди *пшеницы*. (Ю. М. Нагибин. Огненный протопоп (1972–1979)); **в.** Он говорил, что Андреев все же не *плевел*, что в нем был туман, а туман вечнее гранита, он убеждал меня написать о том, что Андреев был писатель метафизический, — хоть и дрянь, а метафизик. (К. И. Чуковский. Дневник (1919)).

В-третьих, в контекстах языковой игры возможны самые разнообразные — в том числе и не санкционированные узусом — модификации; ср. игровые модификации идиомы *сыграть в ящик*, которая в норме не допускает ввода прилагательного в свою структуру, причем в (3б) игровой эффект усилен контаминацией с идиомой *отложить в долгий ящик*.

(3) **а.** И все же, думаю, утверждение, что российское кино *сыграло в ящик* (хоть и телевизионный), не совсем верно. (Новая газета-1); **б.** <...> безусловно, важный и нужный всей стране закон «*сыграл*» *в* долгий *ящик*. (Итоги-5).

Отход от узуальных норм — вопрос степени. В примерах (4) идиома *палец в рот не клади* (*кому-л.*) модифицирована, но возникающий при этом игровой эффект воспринимается как менее яркий, чем в примерах (3).

(4) **а.** Полегче, хоть и знаем мы все, что *нельзя* тебе *класть палец в рот* и при случае ты такое можешь загнуть, что у иного <...> просто-напросто могут завянуть уши. (Сергей Могилевцев. Пьесы); **б.** Что-что, а уж дежурить-то мы умеем *в рот палец не клади*. (Иван Вырыпаев. Пьесы).

Действительно, форма *нельзя тебе класть палец в рот* (4а) полностью синонимичная и функционально идентична канонической форме *тебе палец в рот не клади*. В примере (4б) идиома употреблена в нестандартной синтаксической позиции обстоятельства образа действия, что приводит к заметному семантическому сдвигу: ‘очень хорошо’ вместо словарного значения, связанного с умением добиваться своего в ущерб другим. Ср. фрагмент толкования этой идиомы в АСРФ: «(человек) хорошо осознающий свою пользу, преследующий свои цели и отстаивающий свои интересы — в том числе в ущерб другим — и способный воспользоваться ошибкой другого, чтобы достичь желаемого».

Принимая все эти ограничения, мы исходим из того, что выявление любой закономерности в дискурсивном поведении идиом представляет собой определенный шаг на пути построения «грамматики идиом», то есть обнаружения регулярного в нерегулярном. В данной статье в центре внимания стоит обусловленность семантической автономности компонентов идиомы особенностями образа, лежащего в ее основе, в частности структурой метафоры.

3. Образная составляющая идиомы как детерминанта семантической членимости

Показать, каким образом структура метафоры (и шире — образная составляющая плана содержания идиомы) влияет на способность ее отдельных компонентов к автономному употреблению, в этой небольшой статье я смогу только на одном примере. Обратимся к уже упоминавшейся выше семантически членимой идиоме *выпустить джинна из бутылки*. В основном корпусе НКРЯ встречается много диагностических примеров:

(5) **а.** Поговори с Костей, — предложила она, не подозревая, какого *джинна выпустила из бутылки* <...>. (Фазиль Искандер. Письмо (1969)); **б.** Нужно привести мысли и чувства хоть в какой-нибудь порядок, попытаться обдумать, чем грозит людям этот *джинн*, *который рвался из бутылки* <...>. (Зиновий Юрьев. Смертельное бессмертие // «Наука и жизнь», 2007); **в.** Им наверно страшно глядеть на *джинна*, *выпущенного* ими же *из бутылки*, но деваться некуда. (В. В. Ершов. Дневник (1989) // Летные дневники. 1984–2002 годы / Проза.ru).

В примерах (5) компонент *джинн* обнаруживает синтаксическую самостоятельность, что явно имеет семантические причины: слово *джинн* метафорически осмысляется в этих контекстах как опасная сила, которая до определенного момента находилась под контролем. Ср. толкование этой идиомы в АСРФ: «ненамеренно стать причиной появления какой-либо ситуации, в дальнейшем развивающейся бесконтрольно с непредсказуемыми (чаще отрицательными) последствиями, *что сравнивается с освобождением из заточения персонажа арабского фольклора*». Корреляция между элементами метафоры (слотами ее фрейма) и элементами актуального значения иллюстрируется схемой 1.

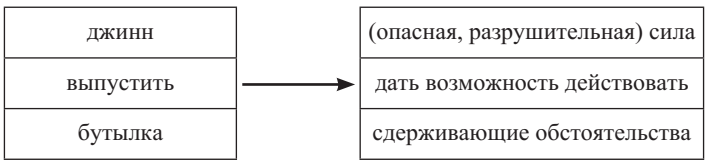


Схема 1. Проекция структуры метафоры в актуальное значение.

Тот факт, что метафора жива, то есть исходный фрейм является частью плана содержания идиомы (его образной составляющей), доказывается контекстами,

содержащими прямое обращение к метафоре; ср. примеры (6) основного корпуса НКРЯ:

(6) **а.** Ничего не бывает в истории «по щучьему велению», и *джинн, выпущенный из бутылки*, не послушавшись хозяина, может начать крушить все вокруг, включая атомные электростанции. (Морис Симашко. Пятый Рим. Главы из книги (2000) // «Октябрь», 2001); **б.** Он даже не подозревал, что *джинн уже вырвался из бутылки* и весело разгуливает на свободе. (Бенедикт Сарнов. Юра Красиков творит чудеса // «Пионер», 1969); **в.** Выплеск уличных расправ, оговоров, репрессий (именно в известной последовательности) как *джинн, вырвавшийся из бутылки*, встал перед моими глазами — огромный, застилающий небо *джинн* злобы. (Владимир Маканин. Сюр в Пролетарском районе (1990))

Заметим, что ни в одном из приведенных примеров (5) и (6), в которых выделяется компонент *джинн*, не фокусируется и метафорически не развивается компонент *бутылка*. Исключение представляют только явно игровые контексты:

(7) **а.** <...> подобная образовательная программа при условии ее внедрения способна нарушить психологический баланс, подорвать подсознательные основы общества, грубо говоря, *выпустить джинна* российского анархизма, который заложен в национальном архетипе, *из бутылки* пока еще действенной православной этики. (Новая газета-1); **б.** Редактор журнала Твардовский и автор Эфроимсон *выпустили джинна из бутылки*, из той самой *бутылки*, где лежала запечатанная семью печатями страха рукопись Филатова — замурованный *джинн*. (Раиса Берг. Суховей (1983) // «Знание — сила», 2003)

Объяснение этой асимметрии в интерпретации метафоры можно вывести из соотношения исходного и целевого фреймов метафоры[4]. Ситуация, описываемая лежащей в основе значения идиомы метафорой, включает следующих участников:

(a) Агенс — тот, кто *выпускает джинна из бутылки*;
(b) Пациенс — *джинн*;
(c) Вместилище — *бутылка*.

Участники ситуации, описываемой идиомой в своем актуальном значении — (i) и (ii), — оказываются не полностью изоморфны актантам (a), (b), (c), лишь частично наследуя их синтаксические позиции:

(i) Агенс — тот, кто ‘дал возможность действовать (опасной и разрушительной) силе’;
(ii) Тема — ‘сила (как правило, опасная и разрушительная), которая до данного момента времени находилась под контролем’.

[4] На английском материале некоторые из этих положений обсуждались в [Dobrovol’skij 2011].

Метафорические проекции выглядят следующим образом:

- (a) → (i)
- (b) → (ii)
- (c) не имеет соответствий

Это значит, что сама по себе метафора *бутылки* не отображается непосредственно в концепт сдерживающей и контролирующей инстанции. Эта метафора может интерпретироваться в таком значении только при развернутой контекстуальной поддержке; ср. (7).

В целом, материал показывает, что в случаях, когда возможности синтаксического варьирования идиомы зависят от ее семантической членимости, в фокусе оказывается не просто структура актуального значения идиомы, но и особенности его внутренней формы (образная составляющая плана содержания, чаще всего — метафора, мотивирующая и структурирующая актуальное значение); ср. схему 2.

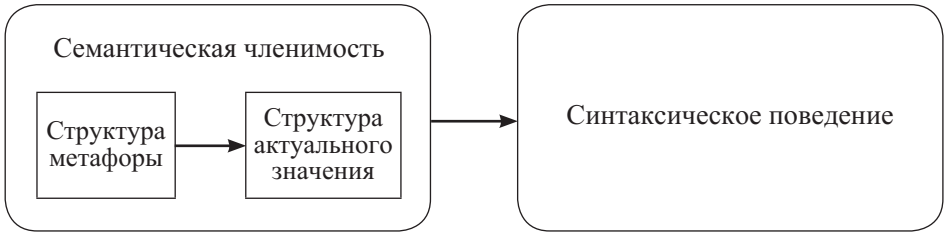


Схема 2. Семантическая членимость идиомы и ее синтаксические следствия

Проведенные наблюдения позволяют также по-новому определить понятие семантической членимости:

Идиома является семантически членимой, если структура лежащей в ее основе метафоры гомоморфно коррелирует со структурой ее актуального значения, что ведет к определенной семантической самостоятельности компонентов идиомы или групп ее компонентов.

4. Заключение

Вариативность идиом (в том числе и синтаксическая) может быть разной природы, и семантическая членимость оказывается релевантным фактором только для определенного типа модификаций. Отсюда вытекает задача для будущих исследований — построение типологии варьирования в сфере идиоматики.

Суммируя изложенное, подчеркнем, что формулирование вероятностных зависимостей в этой области

1) не исключает наличия «словарно обусловленных», то есть не объясняемых правилами случаев;
2) осуществляется только применительно к стандартному (т. е. санкционированному узусом «неигровому») варьированию, так как границы допустимого

в сфере нестандартного употребления языка не вполне ясны и обусловлены, по-видимому, не только лингвистическими факторами;

3) должно осуществляться отдельно для каждого вида модификаций, так как до анализа конкретных случаев затруднительно выдвинуть обоснованные гипотезы о существовании зависимостей, которые носили бы настолько общий характер, что могли бы охватить различные виды модификаций.

Литература

АСРФ — Академический словарь русской фразеологии / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Лексрус, 2020. 892 с.

Мелерович А. М. Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: дис. ... д-ра филол. наук / ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1982.

Тезаурус — Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М.: Лексрус, 2018. 888 с.

TCPP — Толковый словарь русской разговорной речи / под ред. Л. П. Крысина. Вып. 1–5. М.: ЯСК, 2014–2022.

Dobrovol'skii D. The structure of metaphor and idiom semantics (a cognitive approach) // Windows to the mind: metaphor, metonymy and conceptual blending. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2011, pp. 41–62.

Langlotz A. Idiomatic creativity. A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2006.

Nunberg G., Sag I. A., Wasow Th. Idioms // Language, no. 70 (3), 1994, pp. 491–538.

D. O. Dobrovol'skii
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
dobrovolskij@gmail.com

STRUCTURE OF METAPHOR AS A FACTOR OF IDIOMS' SYNTACTIC VARIATION

One of the main factors in the syntactic variation of idioms is their semantic analyzability, that is, the ability of individual components to realize quasi-autonomous meanings. So, the idiom *выпустить джинна из бутылки ≈ to let the genie out of the bottle* (unlike the idioms *дать дуба* — lit. "to give the oak" 'to die', *обвести вокруг пальца ≈ to twist around the finger*, *заговаривать зубы* — lit. "to charm the teeth" 'to deceive') is analyzable and allows the use of the type *их руками был выпущен из бутылки ядерный джинн* "their hands released the nuclear genie from the bottle", revealing two deviations from the canonical form at the same time: passivation with the transition of the nominal

component to the position of the subject and the introduction of the adjective. The purpose of the article is to identify and describe some of the factors inherent in the intuition of native speakers that help determine how independent parts of an idiom are semantically and, consequently, syntactically. The focus is on the influence of the features of the metaphor underlying the idiom on the semantic autonomy of its components. In particular, in the example of *выпустить джинна из бутылки ≈ to let the genie out of the bottle*, the word *джинн* 'genie' is metaphorically interpreted as a dangerous force that was under control up to a certain point. The ability of speakers to isolate its individual components from a general metaphor, projecting onto them elements of the actual meaning of the idiom, opens up the possibility of their quasi-autonomous use.

Keywords: phraseology, idioms, semantic analyzability, image component of the semantics, metaphor, syntax, variability

References

Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii [Academy dictionary of Russian phraseology]. Ed. by A. N. Baranov and D. O. Dobrovol'skij. 3rd revised and extended edition. Moscow: Leksrus, 2020. 892 p.

Dobrovol'skii D. The structure of metaphor and idiom semantics (a cognitive approach). *Windows to the mind: metaphor, metonymy and conceptual blending*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2011, pp. 41–62.

Langlotz A. *Idiomatic creativity. A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2006.

Melerovich A. M. *Semanticheskaya struktura frazeologicheskikh edinits v sovremennom russkom yazyke kak lingvisticheskaya problema*. Diss. dokt. filol. nauk [Semantic structure of phraseological units in modern Russian as a linguistic problem. Dr. phil. sci. diss.]. Leningrad, 1982. (In Russ.)

Nunberg G., Sag I. A., Wasow Th. Idioms. *Language*, no. 70 (3), 1994, pp. 491–538.

Tezaurus russkikh idiom: semanticheskie gruppy i konteksty [Thesaurus of Russian idioms: semantic groups and contexts]. Ed. by A. N. Baranov and D. O. Dobrovol'skii. Moscow: Leksrus, 2018. 888 p.

Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Ed. by L. P. Krysin. Issues 1–5. Moscow: YaSK–Publishing House, 2014–2022.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.10

Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева
Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Пермь)
elenerofee@gmail.com

РАЗГОВОРНАЯ, ПРОСТОРЕЧНАЯ И РЕГИОЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ РАЙОННЫХ ГОРОДОВ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается частота использования разговорной, просторечной и регионолектной лексики в спонтанной монологической речи жителей двух районных городов — Соликамска и Кунгура — внутри пермского регионолекта. Анализируется частотность указанных типов лексики в зависимости от социальных параметров говорящих. Материал исследования — тексты полуструктурированных интервью, входящие в звуковой корпус пермской регионолектной речи, в котором выборка говорящих сбалансирована по факторам «город», «пол», «возраст», «образование» и «специальность». Результаты исследования показывают, что история и современное состояние города определяют не только частотность лексики разных типов в речи разных социальных групп, но и характер взаимоотношений этой лексики: в Кунгуре разговорная лексика оказывается противопоставлена просторечной и регионолектной, а в Соликамске такого противопоставления не наблюдается. Кроме того, только факторы «возраст» (поколение) и «специальность» (тип профессиональной деятельности) достоверно влияют на частоту использования лексики, при этом в разных городах одного региона выявляются разные закономерности социальной вариации употребления лексики.

Ключевые слова: спонтанная речь, разговорная лексика, просторечная лексика, регионолектная лексика, частотность, социальное варьирование

Введение

Даже кратко представить обзор значимых работ Леонида Петровича Крысина не представляется возможным. Более чем за 65 лет научной жизни он опубликовал множество работ, вскрывающих различные проблемы функционирования русского языка. Однако для авторов данной статьи особенно важен его вклад в социолингвистику.

Леонид Петрович Крысин был одним из первых российских лингвистов, кто развивал социолингвистическое направление в отечественном языкознании.

Важнейшим событием в российской лингвистике стало выполненное в ключе квантитативной социолингвистики масштабное исследование социальной вариативности русского языка, результаты которого были опубликованы под редакцией Леонида Петровича в книге «Русский язык по данным массового обследования» [Крысин 1974]. Уникальность данной работы состоит в том, что до сих пор ни в одном социолингвистическом исследовании не было учтено одновременно столько разнообразных социальных факторов и не были рассмотрены многочисленные особенности различных уровней языка — фонетического, морфологического, словообразовательного. Исследование было инициировано М. В. Пановым, который разработал вопросник по фонетике [Панов 1960], в реализации исследования приняло участие множество блестящих ученых, таких как Е. А. Земская, И. П. Мучник, Л. К. Граудина, М. В. Китайгородская и мн. др., однако сбор и обобщение полученных данных, формирование книги и ее редакция — непосредственная заслуга Леонида Петровича Крысина.

Первое описание социолингвистических подсистем русского языка в их совокупности также принадлежит Леониду Петровичу. В книге «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка» [Крысин 1989] он впервые системно представил русский язык как «систему социолингвистических систем» (по Э. Г. Туманян), описал социальные базы этих социолингвистических систем, показал их взаимосвязь.

Событиями в российской социолингвистике стали также публикация учебника «Социолингвистика», написанного Леонидом Петровичем вместе с В. И. Беликовым [Беликов, Крысин 2001], и выход коллективной монографии «Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация» под его редакцией [Крысин 2003] и мн., мн. др.

Идеи Леонида Петровича Крысина во многом сформировали облик отечественной вариационной социолингвистики, в том числе и в той области, которой посвящена настоящая статья.

Предмет, материал и методы исследования

Предметом данной статьи является социальное варьирование употребления в речи разговорной, просторечной и региолектной лексики жителями небольших городов на территории одного региолекта. Отметим, что изучение лексики долгое время оставалось за рамками социолингвистики, поскольку не была разработана методология такого исследования. В то же время, когда предметом изучения становятся не употребления отдельных единиц, а частота знания или употребления лексических единиц определенного типа, введение лексики как предмета исследования в социолингвистику становится возможным, что впервые выполнено в работах Т. И. Ерофеевой [Ерофеева Т. И. 2009]. В данной статье рассматривается не только зависимость использования указанных слоев лексики от социальных параметров говорящего, но и отличия в выявленных зависимостях в разных городах.

Для исследования были выбраны два районных центра Пермского края — Соликамск и Кунгур. Оба города находятся на территории распространения пермского

региолекта, оба важны с точки зрения истории Пермского края и в настоящее время оба являются крупными туристическими центрами.

Соликамск находится на севере Пермского края. Первое упоминание о городе относится к 1430 г. История Соликамска связана с горной промышленностью. В XV–XVI вв. в городе процветали соляные промыслы, в конце XVII — начале XVIII в. он становится крупнейшим солеваренным центром России. Большое значение в развитии Соликамска сыграло и его расположение — в XVII в. это был значимый транзитный и перевалочный пункт на пути в Сибирь. В XVIII в. в Соликамске развивается медеплавильное производство. К 1900 году в Соликамске, помимо промышленных предприятий, функционировали 24 торговых заведения, банк, иконостасное предприятие, 4 училища, 3 библиотеки, женская и мужская гимназии, частный ботанический сад. Современный хозяйственный профиль города определяют горнохимическая (добыча калийных солей и производство минеральных удобрений) и металлургическая промышленность (производство магния, основанное на переработке калийно-магниевых солей), а также предприятия лесной и военно-промышленной отраслей («Уралкалий», «Соликамский магниевый завод», «Соликамскбумпром», «Соликамский завод “Урал”»). Помимо промышленных предприятий, в Соликамске есть 20 образовательных учреждений, включая филиал Пермского университета, филиал Березниковского медицинского колледжа, педагогический колледж. Издается пять местных газет. Вокруг города расположено несколько крупных исправительных учреждений, непосредственно в городе находится известная исправительная колония особого режима для пожизненно осужденных «Белый лебедь».

Общая численность жителей Соликамска в настоящее время составляет около 93 тыс. человек, большинство из которых русские (89,8%), но высока доля коми-пермяков (1,8%) и украинцев (1,6%): представители коми-пермяцкого этноса являются коренными жителями региона, появление украинцев связано с миграционными процессами XX в.

В 1970 г. город был включен в список исторических городов, в котором насчитывается 67 памятников истории культуры, 26 архитектурных памятников, а также восстановлен ботанический сад, поэтому Соликамск является довольно развитым туристическим центром, который посещают более 10 тыс. чел. в год.

Кунгур — город на юге Пермского края. Основан в 1648 г. В XIX в. Кунгур стал одним из крупнейших центров оптовой торговли чаем (через город проходил «Великий чайный путь», по которому чай из Китая доставлялся в Европу и Америку). Исторически это был значимый торговый и ремесленный центр. На известных кунгурских ярмарках и базарах можно было приобрести такие редкости, как среднеазиатские специи и китайский фарфор. В настоящее время ремесленные традиции в городе продолжают развиваться. Промышленность в настоящее время представлена фабрикой по производству стройматериалов «KNAUF Кунгур», мясокомбинатом и молочным комбинатом.

Население Кунгура сейчас составляет около 42 тыс. чел.; в национальном составе Кунгурского района высока доля татар — 9%.

Кунгур до сих пор сохранил свою значимость как один из культурно-исторических центров Пермского края. Кроме того, на его территории располагаются геологические и природные памятники, среди которых Кунгурская ледяная пещера, входящая в десятку самых крупных пещер мира, что обеспечивает приток туристов в город.

В качестве материала исследования были использованы полуструктурированные интервью, вошедшие в звуковой корпус пермской региолектной речи (https://transcriber.semograph.com/corpora), созданный в лаборатории социокогнитивной и компьютерной лингвистики Пермского государственного национального исследовательского университета. Данные интервью включают следующие тематические блоки: свободный рассказ о городе (интересное в городе, городские объекты, достопримечательности, чем занимаются жители, промышленность, реки, природа, климат, известные люди, история города, оценка города); свободный рассказ о себе; оценка речи в городе. Тексты корпуса представлены в звучащем формате и в виде письменных транскриптов.

В данном случае к исследованию привлекалась речь 48 информантов, из которых 24 чел. были жителями Соликамска, 24 — жителями Кунгура. Все тексты корпуса сбалансированы по следующим социальным параметрам говорящих: «город проживания» (в данном случае — Соликамск и Кунгур), «пол», «уровень образования» (высшее, среднее), «специальность» (гуманитарная, негуманитарная) и «возраст» (первая возрастная группа — 25–34 года, вторая возрастная группа — 35–44 года, третья возрастная группа — 45–55 лет). Общий объем проанализированного материала составил более 17 час. звучания, около 97 тыс. словоупотреблений.

В материалах корпуса вся нелитературная лексика размечена, в частности, специальными тегами: разговорная, просторечная и региолектная. Разметка происходила с опорой на словари [Евгеньева 1999; Ерофеева Т. И. 2020; Ефремова 2005–2006; Крысин 2017–2022; Кузнецов 10998; Ожегов, Шведова 1995 и др.]. Поскольку отнесение единиц к данным слоям лексики может быть спорным, приведем определения разговорной, просторечной и региолектной лексики, принятые в данном исследовании

Под разговорной лексикой, вслед за Е. А. Земской и Л. П. Крысиным, понимается лексика, используемая носителями литературного языка в устной неофициальной речи в неформальной обстановке, но допустимая и в официальной [Крысин 2017]. В спонтанной устной речи информантов ее очень много. Например: *щас*, *хрущёвка*, *пятиэтажка*, *бум* (сокращенное от *бумкомбинат*), *садик* (в значении ‘детский сад’), *ребята*, *автоматом* (о зачете), *тарабанить*, *замыливаться* (о взгляде), *навскидку*, *достаточно* (в значении ‘очень’) и мн. др.

Как просторечные лексические единицы рассматриваются слова и выражения, находящиеся вне рамок литературного языка и характерные для речи малообразованных людей [Земская, Шмелев 1984]. Просторечные лексемы часто носят яркую эмоциональную окраску или в значительной степени отличаются от слов и выражений, построенных по моделям литературного языка. Например: *неа* (‘нет’), *прям*, *маленько*, *придавливать хвост*, *хлебать*, *чуйка*, *бардак* и др.

Региолектная лексика понимается как слова и выражения, используемые в данном регионе чаще, чем в других регионах [Ерофеева Т. И. 2009, 2020]. В некоторых случаях в регионализмах могут наблюдаться расширения значения, нехарактерные для литературного языка. Регионализмы могут иметь диалектное происхождение, например: *дак*, *чё*, *чё-то*, *ничё*, *болотина*, *помельше*, *уросить*, *камень* (в значении ‘скала’), *обратно* (в значении ‘снова’), *сильно* (в значении ‘совсем, очень’ — в сочетаниях типа *сильно привыкла*) и др. Это могут быть традиционные диалектные наименования, которые продолжают использоваться в городе, например: *Сользавод*, *Боровица* (название реки, официальное название *Боровая*). Кроме того, к регионализмам относятся современные языковые образования, функционирующие только в данном городе, например: *шестивековье*, *Поле чудес* (определенное место в городе).

Поскольку все тексты корпуса размечены с точки зрения присутствия в них данных слоев лексики, корпус позволяет получить количественные данные о встречаемости этой лексики в текстах каждого из информантов.

Алгоритм анализа в данном случае включал следующие шаги:

1. Определение абсолютных частот лексических единиц в речи отдельных информантов: поскольку все тексты корпуса размечены с точки зрения присутствия в них указанной лексики, корпус позволяет получить количественные данные о встречаемости этой лексики в текстах каждого из информантов.
2. Расчет относительных частот (в процентах) лексических единиц в речи каждого из информантов в зависимости от объема текстов (в словоупотреблениях).
3. Определение средних частот реализации разговорной, просторечной и региолектной лексики в зависимости от города проживания и социальных факторов, учтенных в выборке информантов: пола, возраста, образования, специальности.
4. Определение статистически значимых расхождений в распределениях частот в зависимости от изучаемых социальных факторов (использовался статистический инструмент ANOVA — Analysis of Variance). Наличие расхождения фиксируется, если наблюдаются статистически значимые различия (на 5%-м уровне значимости) в употреблении лингвистической единицы разными социальными группами информантов.

Анализ использования разговорной, просторечной и региолектной лексики в разных городах

Частоты употребления разговорной, просторечной и региолектной лексики во всем массиве текстов информантов из Соликамска и Кунгура показаны в Таблице 1.

Сопоставление использования указанных слоев лексики в разных городах Пермского края показывает, что в целом лексика используется примерно одинаково часто и в Соликамске, и в Кунгуре, однако в текстах информантов из Кунгура чуть чаще (на 0,55%) используется разговорная лексика. Снижение частоты разговорной лексики в речи жителей Соликамска на фоне частоты этой лексики в речи

Таблица 1. Частота употребления разговорной, просторечной и регионолектной лексики в Соликамске и Кунгуре, % (от всех словоупотреблений)

Лексика	Соликамск	Кунгур
Разговорная	2,02	2,57
Просторечная	0,30	0,32
Регионолектная	0,43	0,45

жителей Кунгура происходит не за счет увеличения количества просторечной и регионолектной лексики (их частоты в Соликамске и Кунгуре практически одинаковы), а за счет включения в речь иных лексических слоев (в данном случае — за счет более активного употребления соликамцами специальной лексики).

ANOVA показывает, что не наблюдается существенного расхождения между распределениями частот для всех трех слоев лексики в зависимости от фактора «город». Таким образом наблюдается однородность в частоте использования разговорной, просторечной и регионолектной лексики в речи жителей разных городов одного региона, что, очевидно, свидетельствует об устойчивости частот данных лексических слоев внутри регионолекта.

Частота использования лексики в зависимости от социальных факторов

Влияние социальных факторов рассматривалось для каждого города отдельно, поскольку основной целью была проверка ранее полученных результатов о различном влиянии социальных факторов на речь в разных городах региона [Ерофеева Т. И. 2016].

На Рисунках 1–3 показаны частоты разговорной, просторечной и регионолектной лексики в Соликамске и Кунгуре, в зависимости от социальных факторов, заложенных в выборку информантов.

Рисунок 1. Частота использования разговорной лексики в зависимости от социальных факторов, % (от всех словоупотреблений)

Как показывает Рисунок 1, и в Соликамске, и в Кунгуре частота разговорной лексики несколько выше в речи мужчин (на фоне речи женщин), информантов

со средним образованием (на фоне информантов с высшим), негуманитариев (на фоне гуманитариев). Таким образом, оказывается, что представителей тех социальных групп, для которых обычно характерна меньшая приверженность литературной норме, включают в свою речь больше разговорных лексем, чем те, чья речь описана в социолингвистической литературе как более близкая к литературной [Земская, Китайгородская, Розанова 1993; Ерофеева Е. В. 2005; Ерофеева Т. И. 2009; Labov 1972; Trudgill 1974].

Наблюдаются различия в речи жителей Соликамска и Кунгура и в зависимости от возраста информантов: в Соликамске чаще всего разговорную лексику употребляют информанты младшей возрастной группы (особенно на фоне средней), а в Кунгуре разговорная лексика чаще всего используется информантами старшей возрастной группы (см. Рис. 1).

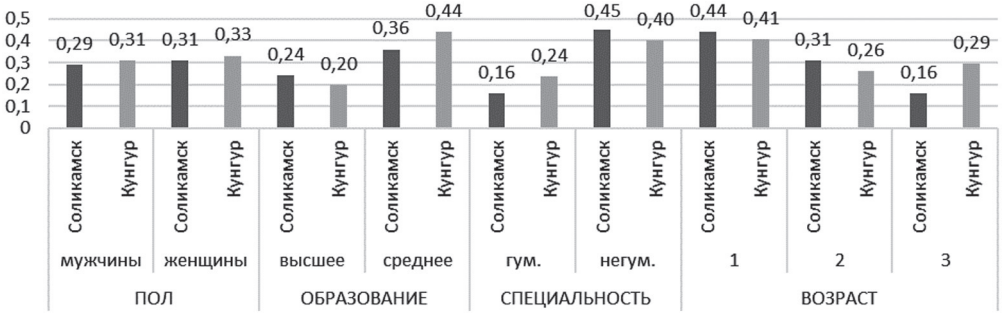


Рисунок 2. Частота использования просторечной лексики в зависимости от социальных факторов, % (от всех словоупотреблений)

Рисунок 2 демонстрирует, что частота просторечной лексики в речи мужчин и женщин практически одинакова и в Соликамске, и в Кунгуре. Для таких социальных параметров, как «образование» и «специальность» наблюдаются закономерности, уже отмеченные для них в употреблении разговорной лексики: и в речи жителей Соликамска, и в речи жителей Кунгура частота использования просторечной лексики выше в речи людей со средним и негуманираным образованием, чем в речи людей с высшим и гуманитарным образованием (при этом разница в использовании просторечной лексики у людей с высшим и средним образованием значительно сильнее в Кунгуре). Этот результат не является удивительным, так как просторечие обычно связывается с речью людей с меньшим уровнем образования и негуманитарных специальностей [Ерофеева Т. И. 2009].

Фактор «возраст» вновь по-разному влияет на речь жителей Соликамска и Кунгура: больше всего просторечной лексики в Соликамске используют представители младшей возрастной группы, а меньше всего — представители старшей; в Кунгуре, при том что представители младшей группы также демонстрируют наибольшее использование просторечных лексических единиц, частота этих лексем в речи средней и младшей возрастных групп практически одинакова (см. Рис. 2).

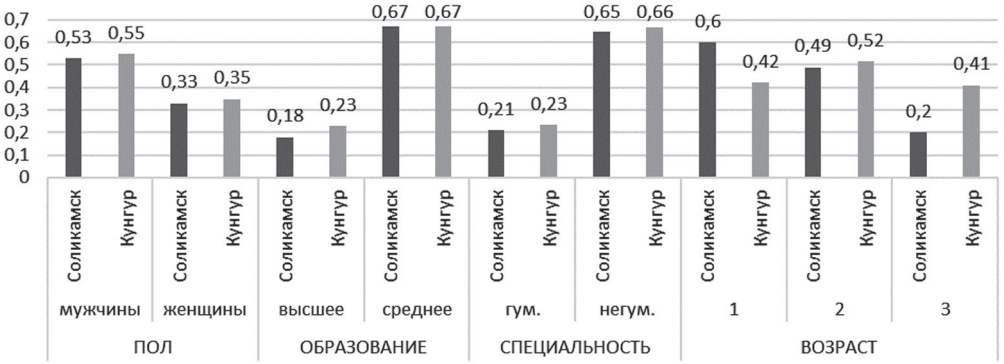


Рисунок 3. Частота использования регионолектной лексики в зависимости от социальных факторов, % (от всех словоупотреблений).

На Рисунке 3 видно, что частота регионолектной лексики выше в речи мужчин (на фоне речи женщин), информантов со средним образованием (на фоне информантов с высшим), негуманитариев (на фоне гуманитариев). Фактор «возраст» также показывает различия между речью жителей Соликамска и Кунгура: в Соликамске чаще всего регионолектную лексику употребляют информанты младшей возрастной группы, а в Кунгуре регионолектная лексика чаще всего используется информантами средней возрастной группы (см. Рис. 3).

Анализ корреляций межу распределениями частот разных слоев лексики

Можно заметить, что частоты регионолектной лексики в разных социальных группах часто показывают те же закономерности, что и частоты просторечной лексики. Это наблюдение подтверждается анализом корреляции частот разговорной, просторечной и регионолектной лексики в речи информантов (см. Табл. 2): коэффициент ранговой коррелияции Спирмена выше, если рассматриваются корреляции между регионолектной и просторечной лексикой в речи представителей обоих городов, нежели между другими слоями лексики. Этот результат показывает, что регионолектная лексика по своей природе ближе просторечной, чем разговорной.

Таблица 2. Коэффициент корреляции Спирмена для распределений частот разговорной, просторечной и регионолектной лексики в Соликамске и Кунгуре, %

	Соликамск		**Кунгур**	
	разговорная	**просторечная**	**разговорная**	**просторечная**
просторечная	0,71		0,18	
регионолектная	0,74	0,84	0,55	0,73

При этом наблюдается и другой интересный факт: в Соликамске и Кунгуре рассматриваемые лексические слои противопоставляются по-разному. Если в Кунгуре разговорная лексика по частотности употребления в текстах разных групп инфор-

мантов резко противопоставлена просторечной (связь очень слабая — 0,18), а с региолектной связана средне (коэффициент корреляции — 0,55), то в Соликамске все слои изучаемой лексики по частотности использования в текстах связаны достаточно сильно (коэффициент корреляции во всех случаях больше 0,7) и разговорная лексика почти в одинаковой степени противопоставлена как просторечной, так и региолектной. Это, очевидно, обусловлено характером и историей городов. Несмотря на присутствие в Соликамске в настоящее время довольно большого числа представителей интеллигенции, город остается ориентированным на промышленность, сказывается и присутствие в городе исправительных колоний. В то же время Кунгур, основанный как центр торговли, до сих пор сохраняет традиции купечества и ремесленничества.

Статистический анализ влияния социальных факторов

Примененный к распределениям частот лексических слоев в речи разных социальных групп информантов ANOVA в большинстве случаев показывает, что изучаемые факторы оказывают влияние на распределение (т. е. доля рассматриваемых факторов в дисперсии признака велика и больше доли остаточной дисперсии), однако существенность влияния факторов доказывается только в 4 случаях из 24 возможных случаев. Результаты статистического анализа частоты использования лексики разных слоев в зависимости от социальных параметров показаны в Таблице 3 (плюсы стоят в тех ячейках, для которых доказывается статистическая разница в употреблении определенного слоя лексики в зависимости от того или иного социального фактора).

Таблица 3. Существенное влияние социальных факторов на частоту употребления разговорной, просторечной и региолектной лексики, %

Лексика	Соликамск				Кунгур			
	Пол	Возраст	Образ.	Спец.	Пол	Возраст	Образ.	Спец.
разговорная				+		+		
просторечная		+		+				
региолектная								

Статистически существенные расхождения в распределениях частот фиксируются для разговорной лексики при влиянии фактора «специальность» в Соликамске и фактора «возраст» в Кунгуре; а также для просторечной лексики при влиянии факторов «возраст» и «специальность» в Соликамске.

Таким образом, только факторы «возраст» и «специальность» оказали существенное влияние на частотность лексических слоев; факторы «пол» и «образование», чаще всего изучаемые в социолингвистических исследованиях, в данном случае не показали значимого влияния. Это может быть связано с тем, что на лексическом уровне на речь оказывают большее влияние поколенческие и профессиональные различия, чем остальные социальные параметры говорящих.

Интересно, что так или иначе социальному воздействию подвергается разговорная и просторечная лексика, но не региолектная, т. е. можно говорить, что

фактор место проживания является объединяющим, интегральным и все остальные факторы действуют внутри, оказывая существенное статистическое влияние только на шестую часть рассматриваемых употреблений.

Выводы

Речь разных городов одного регионолекта мало отличается по составу лексических слоев (разговорной, просторечной, регионолектной лексики). При этом частота разговорной, просторечной и регионолектной лексики коррелирует в речи жителей Соликамска, а в речи жителей Кунгура коррелируют только частота просторечной и регионолектной лексики, разговорная им противопоставлена, что, очевидно, связано с историей городов и особенностями их современного населения.

Проявляется разница в речи разных социальных групп внутри городов, однако существенное влияние социальных факторов обнаруживается только в шестой части рассмотренных случаев и только для факторов возраст (поколение) и специальность (тип профессиональной деятельности). В разных городах региона социальные факторы достоверно влияют на употребление разных лексических слоев.

В целом речь региона достаточно гомогенна с лексической точки зрения, а влияние социальных факторов на разные лексические группы является достоверным только в отдельных случаях, не нарушает общую гомогенность регионолекта, а лишь создает некоторые возмущения в континууме регионолектной речи, действуя точечно на отдельные лингвистические признаки.

Словари

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. М.: АСТ: Астрель: Харвест: Lingua, 2005–2006.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–5. М., 2017–2022.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азъ, 1995. 928 с.

Литература

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: учебник для вузов / Рос. гос. гум. ун-т. М., 2001. 439 с.

Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. 320 с.

Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 240 с.

Ерофеева Т. И. Лингвистика городского пространства. Социолингвистический подход изучения / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. 196 с.

Ерофеева Т. И. Социолингвистический глоссарий пермских локализмов: 60–90-е годы XX века / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2020. 239 с.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90–157.

Земская Е. А., Шмелев Д. Н. (ред). Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984. 190 с.

Крысин Л. П. (ред.). Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения. М.: Наука, 1974. 352 с.

Крысин Л. П. (ред.). Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.

Лабов У. Исследование языка в его социальном аспекте // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. 7. С. 96–181.

Панов М. В. Вопросник по современному литературному произношению: инструкция. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 24 с.

Labov W. Sociolinguistic patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. 344 c..

Trudgill P. The social differentiation of English in Norwich. Cambrige: Cambridge University Press, 1974. 208 p.

E. V. Erofeeva, T. I. Erofeeva
Perm State University
(Russia, Perm)

COLLOQUIAL, SUBSTANDARD AND REGIONAL LEXIS IN THE SPEECH OF PEOPLE IN REGIONARY TOWNS: A SOCIOLINGUISTIC ASPECT

The frequency of colloquial, substandard and regional lexis in spontaneous monologue speech of two regional cities residents within the Perm regional dialect (Solikamsk and Kungur) is considered in the article. The frequency of these sorts of lexis is analyzed depending on the social parameters of the speakers. The research material is the texts of semistructured interviews included in the audio corpus of Perm regional speech, in which the sample of speakers is balanced according to the factors “city”, “gender”, “age”, “education” and “specialty”. The results of the study show that the history and current state of the city determine not only the frequency of different lexis used in the speech of different social groups, but also the nature of the relationships between this lexis sorts: in Kungur, colloquial lexis is contrasted with substandard and regional lexis, while in Solikamsk such contrast is not observed. In addition, only the factors “age” (generation) and “specialty”

(type of professional activity) significantly influence the lexis, while in different cities of the same region different patterns of social variation of lexis are demonstrated.

Keywords: spontaneous speech, colloquial lexis, substandard lexis, regional lexis, frequency, social variation

References

Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika: uchebnik dlia vuzov* [Sociolinguistics: Textbook for universities]. Moscow, RSUH Publ., 2001. 439 p. (In Russ.)

Erofeeva E. V. *Veroyatnostnye struktury idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspect* [Probabilistic structures of idioms: Sociolinguistic aspect]. Perm, Perm State University Publ., 2005. 320 p. (In Russ.)

Erofeeva T. I. *Sotsiolingvisticheskiy glossariy permskikh lokalizmov: 60–90-e gody XX veka* [Sociolinguistic glossary of Perm localisms: 1960s–1990s]. Perm, Perm State University Publ., 2020. 239 p. (In Russ.)

Erofeeva T. I. *Lingvistika gorodskogo prostranstva. Sotsiolingvisticheskiy podkhod izucheniya* [Linguistics of urban space: Sociolinguistic approach]. Perm, Perm State University Publ., 2016. 196 p. (In Russ.)

Erofeeva T. I. *Sotsiolekt: stratifikatsionnoe issledovanie* [Sociolect: Stratification study]. Perm, Perm State University Publ., 2009. 240 p. (In Russ.)

Krysin L. P. (ed.). *Russkiy yazyk po dannym massovogo obsledovaniya: Opyt sotsialno-lingvisticheskogo izucheniya* [Russian language according to mass survey data: Experience of sociolinguistic study]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 352 p. (In Russ.)

Krysin L. P. (ed.). *Sovremennyy russkiy yazyk: Sotsialnaya i funktsionalnaya differentsiatsiya* [Modern Russian language: Social and functional differentiation]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2003. 568 p. (In Russ.)

Krysin L. P. *Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka* [Sociolinguistic aspects of modern Russian language studies]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 188 p. (In Russ.)

Labov W. [The study of language in its social context]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1975, vol. 7, pp. 96–181. (In Russ.)

Labov W. *Sociolinguistic patterns*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1972. 344 p.

Panov M. V. *Voprosnik po sovremennomu literaturnomu proiznosheniyu: instruktsiya* [Questionnaire on modern literary pronunciation: Instructions]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 24 p. (In Russ.)

Trudgill P. *The social differentiation of English in Norwich*. Cambridge, Cambridge University Press, 1974. 208 p.

Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. [Features of male and female speech]. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian language in its functioning: communicative-pragmatic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 90–157. (In Russ.)

Zemskaya E. A., Shmelev D. N. (eds). *Gorodskoe prostorechie: Problemy izucheniya* [Urban vernacular: Study problems]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 190 p. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.11

О. С. Иссерс
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
(Россия, Омск)
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
isserso@mail.ru

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ БАЗЫ[1]

В статье обсуждается проблема сбора материала для анализа дискурсивных практик в сфере медицинских услуг. Относительная закрытость данной сферы для непосредственного наблюдения лингвиста обусловливает задачи формирования репрезентативной эмпирической базы социолингвистическими методами. На основании дифференциации типов информантов (пациенты, врачи) продемонстрированы такие экспериментальные методики, как анкетирование и глубинное интервью, рассмотрены достоинства и недостатки данных исследовательских инструментов. Отмечена особенность применения метода анкетирования при опросе пациентов о коммуникации с врачами: ответы строятся на основе воспоминаний и, следовательно, могут содержать привнесенные информантом после события впечатления и интерпретации.

Установлено, что формализованная анкета (Гугл-формы) является эффективным инструментом изучения мнения пациентов о медицинских услугах: она позволяет установить контекст и языковые триггеры конфликтогенной ситуации с учетом тех аспектов и параметров, которые представляют интерес для научного осмысления. Однако этот способ формирования эмпирической базы при анкетировании врачей показал низкую эффективность ввиду этических и психологических причин, препятствующих содержательным ответам информантов. В то же время глубинные интервью, содержащие серии наводящих вопросов, дали более достоверные результаты о реальных проблемах медицинской коммуникации, возникающих у врачей в процессе общения с пациентами.

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ (проект № 124032900006-1 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Ключевые слова: социолингвистические методы, медицинский дискурс, методы сбора лингвистического материала, социолингвистическое анкетирование, глубинное интервью, медицинская коммуникация, Л. П. Крысин

Введение

Изучение различных сфер речевой коммуникации предполагает выбор лингвистического инструментария в соответствии с задачами исследования и спецификой материала. Одним из обязательных этапов социолингвистических исследований является формирование репрезентативной эмпирической базы [Швейцер 1977: 157–16]. Однако далеко не все сферы социального взаимодействия в одинаковой степени открыты для непосредственного наблюдения лингвиста. Например, для медиаисследований проблема сбора материала не связана с ограничениями в доступе к лингвистическим источникам (текстам) — сам факт их публикации в СМИ в большинстве случаев не предполагает специальных процедур разрешения для использования в целях научного анализа[2]. С другой стороны, многие коммуникативные сферы малодоступны для непосредственного научного наблюдения в силу разных причин: корпоративных, юридических, этических. Так, в значительной степени закрыто корпоративное общение в условиях деловой коммуникации, малодоступны тексты современной дипломатической переписки и устных переговоров, практически не допускается фиксация многих жанров военного дискурса и т. д. Среди сфер, относительно закрытых для лингвистического исследования, следует назвать и медицинский дискурс, который формируется за счет различных дискурсивных практик в сфере здравоохранения, но в первую очередь — общения в диаде «врач — пациент».

Затрудненность проникновения в данную сферу лингвиста-наблюдателя обусловлена юридическими нормами, регламентами учреждений здравоохранения, а также принципами корпоративной этики. В то же время описание языка в его современном состоянии с учетом социальной дифференциации требует обращения к разнообразным сферам его функционирования [Labov 1972; Швейцер 1977; Крысин 1989, 2021]. В связи с этим возникает вопрос об устранении лакун, обусловленных недоступностью языкового материала и поиском легитимных методов его сбора.

Здоровье входит в число жизненно важных ценностей человека, поэтому эффективная коммуникация в сфере здравоохранения представляет несомненную значимость для индивида и государства. В этой связи серьезного научного осмысления требуют дискурсивные практики общения врачей с пациентами. Актуальность решения обозначенной проблемы, в первую очередь, определяется конфликтогенными факторами коммуникации в медицинской сфере. В большинстве случаев коммуникативные неудачи связаны с проблемами использования языкового кода и нарушением коммуникативных норм, причем нередко они переходят и в юридическую

[2] Отметим, что некоторые сетевые СМИ и иные интернет-ресурсы вводят особый режим использования их материалов.

сферу [Иссерс, Федорова 2020]. Однако задача описания ситуаций коммуникативного риска в медицинском общении и разработки научно обоснованных рекомендаций для медицинского персонала осложняется проблемой формирования эмпирической базы: медицинское общение в целом закрыто для непосредственного наблюдения лингвиста. Так, в ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[3] указаны ограничения присутствия посторонних лиц во время медицинского осмотра, обусловленные сохранением врачебной тайны.

1. Сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну.
2. Не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в том числе после смерти человека, лицами, которым они стали известны при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей, за исключением случаев, установленных частями 3 и 4 настоящей статьи.
3. **С письменного согласия гражданина или его законного представителя** допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, другим гражданам, в том числе должностным лицам, в целях медицинского обследования и лечения пациента, проведения научных исследований, их опубликования в научных изданиях, использования в учебном процессе и в иных целях.

Таким образом, присутствие наблюдателя на врачебном приеме без письменного согласия пациента не допускается, даже если сопровождающий является его родственником. Однако в практике медицинских осмотров это требование выполняется далеко не всегда. Об этом свидетельствуют и результаты лингвистических исследований, выполненных на материале, полученном методом включенного наблюдения [Акаева 2007; Барсукова 2006, 2007; Майборода 2017, 2021].

В связи с обозначенной выше сложностью непосредственной фиксации языковых фактов (общение происходит в устной форме, установленная форма записи не отражает реально произнесенные фразы) и особенностями коммуникативного взаимодействия на медицинском приеме исследователь вынужден искать другие способы сбора эмпирического материала.

Проблема выбора метода получения исходных данных хорошо известна социолингвистам. Л. П. Крысин пишет об этом: «В так называемых пилотажных исследованиях, когда основной целью является опробование тех или иных инструментов сбора материала (анкет, вопросников, тестов и т. п.), а также различных методик получения социолингвистических данных, экспериментатор вправе дать полную свободу своей изобретательности в проведении экспериментов, чтобы найти наиболее эффективные и надежные способы их осуществления и отбросить

[3] ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016) [Федеральный закон 2011].

методы, не дающие искомого результата, или существенно скорректировать их» [Крысин 2021: 269].

Ниже приводятся результаты применения различных экспериментальных методов сбора материала (анкетирования и глубинного интервью) для изучения конфликтогенных факторов в медицинском общении.

Опрос пациентов при помощи формализованной анкеты

Анкетирование является одним из наиболее популярных методов социолингвистических исследований. Эффективность данного способа сбора эмпирических данных определяется тем, что каждый вопрос анкеты может быть ориентирован на проверку определенной гипотезы или ее части. В то же время у данного метода есть и минусы: считается, что основным его недостатком является приспособление респондента к социальным нормам, а также ожиданиям исследователя (т. н. «парадокс наблюдателя», по У. Лабову).

Особенностью применения метода анкетирования при опросе пациентов о коммуникации с врачами является то, что ответы строятся на реминисценции — отсроченном воспоминании о контактах в медицинской сфере — и, следовательно, могут содержать привнесенные информантом после события впечатления и интерпретации — см., например, исследования Э. Лофтус о реконструкции воспоминаний свидетелей в [Хок 2008: 193–205]. Разумеется, реконструированные тексты нельзя считать аутентичными, учитывая возможные эффекты интерпретации и добавления новых, не присутствующих в исходных высказываниях фрагментов, интонаций, логических акцентов. Тем не менее закрытые и открытые вопросы анкеты позволяют сделать выводы об основных рискогенных факторах медицинского общения и об оценке их значимости пациентами [Issers 2021]. На данном материале возможно 1) лингвистически интерпретировать коммуникативную неудачу, возникшую в процессе общения с врачом; 2) выявить признаки потенциально конфликтогенных ситуаций и высказываний; 3) разработать методику лингвоэкспертного анализа по выявлению лингвистических признаков (маркеров) коммуникативных нарушений, которые впоследствии могут быть признаны судом правонарушением. В результате могут быть предложены лингвистически релевантные рекомендации о том, что врач не должен говорить и в какой форме он должен вербализовать потенциально травматичное содержание пациенту. Это позволит в случае конфликтных ситуаций, в т. ч. судебного разбирательства и лингвистической экспертизы, использовать официальные заявления граждан, если в них отражено дословно то, что им было сказано, а также разного рода записи, сделанные во время приема.

В связи с задачей формирования эмпирической базы исследования, посвященного изучению конфликтогенных факторов в медицинском общении, для опроса пациентов была разработана анкета, цель которой — выяснить основные конфликтогенные факторы, которые прямо либо косвенно нарушают право пациента на информацию [Issers 2021]. Опрос затрагивал 4 основных аспекта: 1) доступность информации; 2) объем (состав) информации, 3) деликатность; 4) качество обратной связи врача с пациентом. Участникам анкетирования были предложены Гугл-формы,

содержащие открытые и закрытые вопросы о коммуникативных ситуациях, в которых они выступали в качестве пациентов и были не удовлетворены либо содержанием общения, либо его формой (иногда отмечены оба фактора). Вопросы анкеты были сформулированы таким образом, чтобы установить, какие ожидания пациентов к объему информации, ее содержанию и форме подачи оказались неудовлетворенными, какие требования этики и закона невыполненными.

Так, для выявления признаков неделикатности (бестактности, неуважительного отношения к пациенту) в анкету был включен ряд открытых вопросов, цель которых — установить, в каких ситуациях пациент ощущает психологический дискомфорт, ущемление своего достоинства.

- Приведите, если можете, пример, когда общение врача носило неуважительный, неделикатный характер. В чем это выражалось?
- Приведите, если можете, примеры, когда Вы не хотели знать что-то, о чем врач Вам сказал, или хотели бы, чтобы он об этом сказал, но непрямо, в более мягкой, щадящей форме.
- Приведите, если можете, примеры, когда тон врача показался Вам неуместным (подчеркнутая фамильярность, сарказм / ирония / издевка и др.).

Информанты привели многочисленные и разнообразные примеры ситуаций, когда, по их мнению, коммуникативное поведение врача не соответствовало принципам вежливости и деликатности. Анализ полученных данных позволил выявить лингвистически релевантные маркеры неделикатного речевого поведения. Например, одним из самых частотных маркеров неуважения, по данным анкетирования, является презумпция вины пациента и импликации его недобросовестности / нечестности / неосведомленности:

(1) *После тяжелой формы пневмонии (75 % поражения лёгких) пульмонолог в районной поликлинике, продлевая больничный, каждый раз говорила, что у меня что-то слишком долго не наступает улучшений. Говорилось таким тоном и сопровождалось таким взглядом, что у меня складывалось ощущение, что я злостная симулянтка, которая хочет только продлить больничный, а не пришла с надеждой на врачебную помощь.*

(2) *Было дело: пришла на прием к эндокринологу с вопросом, как остановить в моем случае набор веса. Получила грубое: надо меньше жрать. А на распечатанный пищевой дневник с КБЖУ, доказывавший, что я «жру» в коридоре 1200–1500 ккал и очень сбалансированно, доктор отреагировала коротко: липа.*

Маркером презумпции вины пациента может служить бестактный вопрос:

(3) *На приеме у гастроэнтеролога: «Как вы такой камень вырастили?! Будто специально взращивали» (камень в желчном пузыре).*

(4) *Мы на приеме у эндокринолога. Проблема — лишний вес у ребенка. Врач: «С чем вы* ***пришли опять****?». Мы обращались к этому врачу 2 года назад, с тех пор не были.*

Таким образом, опрос пациентов при помощи формализованной анкеты позволил получить репрезентативную выборку высказываний врачей в процессе медицинского осмотра, которые пациентам представляются неудовлетворительными с точки зрения их содержания и формы. Однако следует иметь в виду, что сбору достоверных данных способствовала установка анкетируемых дать исчерпывающую информацию на поставленные вопросы, что можно объяснить и психологическими факторами: люди хорошо помнят о проблемах, возникших в общении с врачом, и готовы рассказать о них подробно.

Опрос врачей методом глубинного интервью

Применение метода формализованного анкетирования оказалось недостаточно эффективным, когда вопросы о коммуникативных проблемах в общении с пациентами были заданы медицинским специалистам. Им, как и пациентам, были предложены вопросы, требующие развернутого ответа. Например: «Какие приемы преодоления непонимания либо неверного истолкования Ваших слов Вы используете в общении с пациентами?»; «Что Вы понимаете под «деликатной формой» предоставления сведений о заболевании?» и др. (вопросы касались тех же 4-х аспектов коммуникации, которые анализировались при опросе пациентов).

В отличие от пациентов, информанты-врачи не проявляли желания приводить развернутые примеры, не были склонны вспоминать конфликтные ситуации, в том числе послужившие основанием для жалоб пациентов, и тем более оценивать неудачи коллег. В этом мы видим проявление корпоративной этики, а также желание врача уйти от ответственности за результат взаимодействия с пациентом в условиях неравного статуса участников коммуникативного акта. Кроме того, оказалось проблематичным получить от специалистов дословное воспроизведение конфликтогенных высказываний пациентов. Так, на вопрос: «Приведите, если можете, пример(ы), когда речевое поведение пациента носило неуважительный, оскорбительный характер? В чем это выражалось? (**желательно привести дословные выражения**, а если примера нет, укажите «НЕТ»)», — большинство информантов, заполнявших Гугл-формы, не ответили.

На наш взгляд, этому можно найти психологическое объяснение: для пациента неудачное общение с врачом представляет, как правило, уникальный опыт, который хорошо запоминается; для врача профессиональные цели осмотра и консультации больного являются более значимыми, чем его эмоциональная реакция, поэтому коммуникативные неудачи сохраняются в памяти не так четко и долго. Кроме того, стремление врача к позитивной самопрезентации проявлялось в ответах, соответствующих кооперативному общению с пациентами.

В связи с изложенными трудностями сбора исходного материала методом анкетирования была изменена стратегия опроса: оказалось, что гораздо эффективнее в этом случае использовать метод глубинного интервью: в процессе структурированной беседы медицинский специалист может припомнить проблемные ситуации, восстановить в памяти некоторые фрагменты устных высказываний. Наводящие вопросы способствуют получению именно того материала, который необходим

исследователю. Например, для изучения конфликтогенной ситуации, обусловленной необходимостью сообщения пациенту полной информации о заболевании[4], требовалось понять, какой объем информации и ее отдельных компонентов представляется врачу «полным» (нередко жалобы пациентов связаны с неполным объемом информации, предоставленной врачом, а врач считает, что сообщил все необходимые сведения).

Для развернутого ответа специалиста интервьюер использовал в беседе инициирующий запрос: «Приведите, если можете, пример(ы) варьирования объема информации для пациента: о чем обязательно необходимо сказать, а о чем можно не говорить?», и в случае затруднений информанта исследователь раскрывал вопрос в серии конкретизирующих реплик: «нужно ли уточнять, для чего проводится та или иная манипуляция, как принимать лекарства, какие имеются ограничения, возможные побочные эффекты, каков прогноз лечения и др.)?». В случае таких детализированных вопросов врачи давали содержательные ответы, например: *можно не указывать медицинские подробности диагноза, если они не влияют на лечение; о цели манипуляций надо говорить; нужно предупреждать: будет укол в спину, вы почувствуете то-то; надо предупреждать о возможных побочных эффектах приема препаратов; о времени приема лекарств врачи не всегда говорят* и т. д.

Вопрос о нарушении пациентом норм этики и этикета по отношению к врачу формулировался так: «Приведите, если можете, пример(ы), когда тон, манера поведения пациента показались вам неуместными» и конкретизировался в серии подсказок: «подчеркнутая фамильярность (например, в обращениях), сарказм / ирония / издевка» и др., при этом интервьюер просил привести конкретные высказывания. Подобные вопросы стимулировали припоминание и давали возможность зафиксировать необходимый материал: *обращение док (доктор), по имени и «на ты»; пошлые шутки про колоноскопическое исследование; что вы здесь понимаете — мне в Москве этот препарат назначили; вот мои бумаги — вы же грамотный, читайте* и др.

Таким образом, задача формирования эмпирической базы для изучения коммуникативных проблем медицинского общения, обусловленных «фактором пациента», более эффективно решается путем глубинного интервью, чем при помощи анкетирования.

Заключение

Сбор эмпирического материала для изучения медицинского общения осложняется законодательными ограничениями на непосредственное участие в нем наблюдателя-исследователя. В то же время пациентоориентированный подход,

[4] В системе прав пациента, предусмотренных законодательством Российской Федерации, особое место занимают информационные права. К ним могут быть отнесены право на информацию о медицинской помощи и условиях ее оказания, о факторах, влияющих на здоровье, и о состоянии здоровья, а также право на защиту сведений, составляющих врачебную тайну (ФЗ от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

внедряемый в отечественных учреждениях здравоохранения, требует анализа причин коммуникативных неудач в данной сфере, которые позволят разработать научно обоснованные рекомендации.

Как показал опыт применения различных методик социолингвистического эксперимента, их выбор в значительной степени обусловлен статусом информантов, их профессиональными характеристиками и установками на предоставление информации. Формализованная анкета (Гугл-формы) является эффективным инструментом изучения мнения пациентов о медицинских услугах: она позволяет установить контекст и языковые триггеры конфликтогенной ситуации с учетом тех аспектов и параметров, которые представляют интерес для научного осмысления. Однако этот способ формирования эмпирической базы при анкетировании врачей показал низкую эффективность ввиду этических и психологических причин, препятствующих содержательным ответам информантов. В то же время глубинные интервью, содержащие серии наводящих вопросов, дали более достоверные результаты о реальных проблемах медицинской коммуникации, связанных с «фактором пациента».

В качестве перспектив применения методов социолингвистики для изучения медицинского общения мы рассматриваем сопоставительный анализ данных, полученных из иных источников, отражающих рефлексию врачей и пациентов по поводу успешной и неудачной коммуникации в рассматриваемой сфере: на материале сравнения отзывов пациентов в интернете, форумов врачей и др.

Литература

Акаева Э. В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Омск. гос. ун-т. Омск, 2007. 22 с.

Барсукова М. И. Тактики диагностирующей стратегии медицинского дискурса // Саратовский научно-медицинский журнал. 2006. № 2. С. 3–7.

Барсукова М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2007. 21 с.

Иссерс О. С., *Федорова М. Ю.* Потенциал судебного речеведения в обеспечении реализации и защиты права пациента на информацию // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов II Международной научной конференции (г. Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г.). Нижний Новгород: ННГУ, 2020. С. 150–158.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения русского языка. М.: Наука, 1979. 188 с.

Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. Москва: ФЛИНТА, 2021. 360 с.

Майборода С. В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). С. 63–75.

Майборода С. В. Речевые стратегии врача в условиях коллегиальной и авторитарной модели коммуникации доктора и пациента: схождения и противоречия:

автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2021. 22 с.

Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

Хок Р. Р. 40 исследований, которые потрясли психологию. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 509 с.

Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1977. 176 с.

Issers O. S. Conflict-generating factors of doctor-patient communication in Russian-language discursive practices // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2021. 14 (10), pp. 1567–1580. DOI: 10.17516/1997- 1370-0840

Labov W. Sociolinguistic patterns (Conduct and Communication, 4). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. 344 p.

O. S. Issers
Dostoevsky Omsk State University
(Russia, Omsk)
St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
isserso@mail.ru

SOCIOLINGUISTIC METHODS OF STUDYING A MEDICAL DISCOURSE: THE PROBLEM OF FORMATION OF AN EMPIRICAL BASE[5]

The article discusses the problem of collecting material for the analysis of discursive practices in the field of medical services. A relative closed nature of this sphere for any direct linguistic observation determines the tasks of formation of a representative empirical base with sociolinguistic methods based on the retrospection of communicants. Based on the differentiation of informant types (patients, doctors), such experimental methods as questionnaires and in-depth interviews are demonstrated, as well as the advantages and disadvantages of these research tools are considered. The peculiarity of using the questionnaire method when interviewing patients about communication with doctors is noted: the answers are based on memories and, therefore, may contain impressions and interpretations brought in by the informant after the event.

[5] The presented research was partially supported by Saint Petersburg State University, project #124032900006-1 “Modeling of Russian Megalopolis Citizens’ Communicative Behavior in Social, Speech and Pragmatic Aspects Using Artificial Intelligence Methods”.

The study reveals that a formalized questionnaire (Google forms) is an effective tool for studying patients' opinions about medical services since it allows one to establish the context and linguistic triggers of a conflict-prone situation, taking into account those aspects and parameters that are of interest for scientific understanding. However, this method of formation of an empirical base when surveying doctors showed low efficiency due to ethical and psychological reasons that prevent informants from providing meaningful responses. At the same time, in-depth interviews containing a series of leading questions provided the study with more reliable results about the real problems of medical communication that doctors encounter in the process of communication with patients.

Keywords: sociolinguistic methods, medical discourse, methods of collecting linguistic material, sociolinguistic questionnaires, in-depth interviews, medical communication, L. P. Krysin

References

Akaeva E. V. *Kommunikativnye strategii professional'nogo meditsinskogo diskursa.* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Communication strategies of professional medical discourse. Cand. filol. sci. autoref. diss.]. Omsk, 2007. 22 p. (In Russ.)

Barsukova M. I. [Diagnostic strategy tactics in medical discourse]. *Saratovskii nauchno-meditsinskii zhurnal* [Saratov journal of medical scientific research]*,* 2006, no. 2, pp. 3–7. (In Russ.)

Barsukova M. I. *Meditsinskii diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha.* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Medical discourse: strategies and tactics of a doctor's speech behavior. Cand. filol. sci. autoref. diss.]. Saratov, 2007. 21 p. (In Russ.)

Federal'nyi zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 02.07.2021) "Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 13.07.2021) [Federal Law of November 21, 2011 № 323-FZ (as amended on July 2, 2021) "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on July 13, 2021)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (accessed 02.03.2025). (In Russ.)

Hock R. R. *40 issledovanii, kotorye potryasli psikhologiyu* [Forty studies that changed Psychology]. Saint Petersburg, Praim-Evroznak Publ., 2008. 509 p.

Issers O. S. Conflict-generating factors of doctor-patient communication in Russian-language discursive practices. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2021, no. 14 (10), pp. 1567–1580. DOI: 10.17516/1997-1370-0840

Issers O. S., Fedorova M. Yu. [The potential of judicial speech in ensuring the implementation and protection of the patient's right to information]. *Mezhdunarodnye i natsional'nye tendentsii i perspektivy razvitiya sudebnoi ekspertizy: sbornik dokladov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Nizhnii Novgorod, 21–22 maya 2020 g.)* [International and Russian trends and prospects for the development of forensic examination: collection of papers of the II International Scientific Conference (Nizhny Novgorod, May 21–22, 2020)]. Nizhny Novgorod, 2020, pp. 150–158. (In Russ.)

Krysin L. P. *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on sociolinguistics]. Moscow, FLINTA Publ., 2021. 360 p.

Krysin L. P. *Sociolingvisticheskie aspekty izucheniya russkogo yazyka* [Sociolinguistic aspects of studying the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 188 p.

Labov W. *Sociolinguistic patterns (Conduct and Communication*, *4)*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1972. 344 p.

Maiboroda S. V. [Medical discourse: modern theoretical and methodological approaches and research perspectives]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies]*,* 2017, no. 1 (11), pp. 63–75. (In Russ.)

Maiboroda S. V. *Rechevye strategii vracha v usloviyakh kollegial'noi i avtoritarnoi modeli kommunikatsii doktora i patsienta: skhozhdeniya i protivorechiya.* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Doctor's speech strategies in the context of a collegial and authoritarian model of communication between a doctor and a patient: coincidences and contradictions. Cand. filol. sci. autoref. diss.]. Saratov, 2021. 22 p. (In Russ.)

Schweitzer A. D. *Sovremennaya sotsiolingvistika: teoriya, problemy, metody* [Modern Sociolinguistics: theory, problems, methods]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 176 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.12

Е. В. Какорина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
kakor@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ (ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ)

В статье рассмотрены главным образом национально специфичные звукоподражания голосам животных (*ко-ко, ку-ку, ку-ка-ре-ку, му-му* и др.). Звукоподражания в целом неохотно и непоследовательно включаются в толковые словари. С одной стороны, они близки к междометиям, так как имитируют средствами языка голоса животных, звуки природных объектов или явлений, «звучание» предметов или физиологически обусловленные звуки, издаваемые человеком (*кар-кар, вжух, бах, бабах, чпок, кхм-кхм*). С другой стороны, такие слова регулярно теряют иконичность и приобретают семантику, соответствующую другим частям речи (выполняя в предложении роль существительного, предикатива, глагола). Исследователи (М. А. Флаксман) выдвигают гипотезу об универсальном характере фонетических, синтаксических и семантических преобразований звукоподражаний, эти преобразования обнаруживают общность во многих языках мира.

Среди слов данной группы в наименьшей степени описан процесс семантической эволюции, развития новых значений у звукоподражаний голосам животных. В статье на примере слов *ку-ку* и *му-му* показано, как протекает этот процесс в современном русском языке. Мы предлагаем варианты лексикографического описания семантики этих слов (на основе материалов «Толкового словаря русской разговорной речи» (ТСРР) и проекта словарной статьи к нему).

Ключевые слова: звукоподражания, семантические трансформации, лексикография, разговорная речь, иконизм и конвенциональность в языке

В статье обсуждаются звукоподражания голосам животным.

Звукоподражательные слова — это «лексические единицы, воспроизводящие фонетическими средствами языка звуки живых существ (крики птиц, диких и домашних животных: *кар-кар*, *ква-ква*, *хрю-хрю*), звуки природы (шум ветра, удары грома, шелест листьев: *ууу*, *бах*, *шур-шур*), звучание артефактов (скрип половиц, тиканье часов, гудок паровоза: *скрип*, *тик-так*, *туу*), неязыковые звуки, издаваемые

человеком (чихание, покашливание, храпение: *апчхи*, *кхе-кхе*, *хрр* и т. д.)» [Шаронов 2023: 23].

Звукоподражания как иконические слова (знаки) противопоставлены всем другим словам языка, имеющим конвенциональную природу. Однако стоит заметить, что связь их звукового образа с денотатом, имитация существующих в природе (в мире) звуков также является отчасти конвенциональной (и национально специфичной). Конкретный «вид» звукоподражания закреплен традицией, основан на артикуляционных особенностях звуков и фоне(ма)тической базе того или иного языка. Например, воспроизведение мяуканья кошки дети «выучивают» в детстве. Ср. диалог:

Девочка Ника, полутора лет, бежит к кошке и зовет её: «***Маю-май! Маю-май!***»

(Бабушка и другие взрослые сначала не понимают её, им слышатся отголоски лозунга «Мир — труд — **май**», «Миру — мир; **маю** — **май!**»)

[Кошка тоже не понимает обращенных к ней восклицаний и готовится спасаться бегством.]

Мама учит дочь Нику: *Надо говорить* ***кис-кис****! Кошечка мяукает:* ***мяу-мяу****. А мы её зовём* ***кис-кис****!*

Ника повторяет за мамой: ***Кис-кис, кис-кис-кис****!*

[Кошка всё понимает и подходит к Нике.]

Интересно отметить, что среди весьма похожих звукоподражаний мяуканью кошки на разных языках выделяются только японское *нянань (няаа-няаа)* и испанское *мы́жи-мы́жи-мы́жи* (Перу), тогда как имитация голоса собаки, напротив, обнаруживает большое разнообразие в различных языках: *вау-вау/ ваф-ваф* — нем.; *яп-яп-яп/ арф-арф/ вуф-вуф/ рафф-рафф/ боу-вау* — англ.; *вов-вов* — датск.; *уа-уа* — франц.; *гав-гав* — греч.; *хау-хау/ вуф-вуф* — иврит; *арф-арф/ бау-бау* — итал.; *хау-хау/ вафф/ руф* — финск.; *киан-киан/ ван-ван* — японск.; *ванг-ванг* — китайск. При этом в языке может различаться лай маленькой, средней и большой собаки [Эбботт 2025][1].

Несмотря на возросший интерес к изучению «звукоизобразительной» лексики, звукоподражания в целом и подражания голосам животных, в частности, все еще редко попадают в фокус внимания исследователей; крайне ограниченно включаются эти лексические единицы и в словари. Так, например, несмотря на актуальность и распространенность в разговорной речи, слова так называемого «детского» языка, созданные на основе звукоподражаний, обычно отсутствуют в большинстве толковых словарей современного русского языка. Ср.:

— *Коко* [яйцо] *сварить? Будешь?* (Запись разговорной речи, 2025);

— *Почему на «детском» языке яйцо часто называют «****коко****»? —* ***Ко-ко-ко*** *— это нормальный язык куриц. Обычно после того, как она снесет яйцо.*

[1] Голоса животных переданы средствами русского языка, ср., например, англ.*: woof-woof, ruff-ruff, yap-yap, arf-arf, bow wow, yelp, yip.*

Услышав такое, можно смело бежать к гнезду и забирать еще теплое. Отсюда и ***коко****. Но ведь наши дети куриц часто и вживую не видели. А магазинные яйца вообще молчат* (Большой вопрос.ru, 2019).

Разговорные названия яйца *коко*, *кока* с пометой *детск*. представлены среди академических лексикографических источников только в [Ушаков].

Традиционное игнорирование словарями касается не только звукоподражаний голосам животных (*гав-гав* — собака, *му-му* — корова, *и-го-го* — лошадка), но и других групп звукоподражаний, которые приписываются «детскому языку» (языку общения с детьми), хотя на самом деле, на наш взгляд, эти слова являются полноправными (не окказиональными и не узкогрупповыми) единицами разговорной речи. Ср., например, звукоподражание и существительное: *биби*, *бибика* — машина, автомобиль, — которые не фиксируются словарями.

Как правило, лексикографы отражают прямые и — реже — переносные значения соответствующих **производных глаголов**, описывающих речевые характеристики и поведение человека (*гавкать*, *каркать*, *кудахтать*, *кукарекать*, *мычать* и т. п.). Ср. примеры из ТСРР, где значения подобных глаголов фиксируются достаточно полно и последовательно:

КУКАРЕ́КАТЬ.

1. DEF: говорить громко и много о чём-л. несущественном, вести пустые разговоры.

Тут кто-то недавно ***кукарекал*** *про гордость за страну. Гордиться страной и при этом ничего не делать — глупо* (Омский форум, 2015);

2. DEF: заявлять о чём-л., возмущаться. *Мы можем 30 000 раз собираться и что-то там* ***кукарекать****, но, по большому счёту, ничего не изменится* (Блоги, 2015) [ТСРР 2: 154].

(Автор словарной статьи Е. И. Голанова.)

Современные исследователи обосновывают тезис об универсальности постоянно протекающих в языке процессов фонетической, синтаксической и семантической трансформации слов данного класса. Анализ подобных изменений на материале различных языков представлен в [Фоносемантика 2022]. Авторы монографии показывают, как звукоподражательные слова и «звукоизобразительные» междометия, претерпевая фонетические и семантические изменения, теряют иконичность и приобретают свойства полнозначных слов языка (слов других частей речи).

Наиболее интересными и, как правило, не отмеченными толковыми словарями, оказываются случаи развития новых лексических значений у «чистых» звукоподражаний, которые могут употребляться в РР как междометия, предметные имена и предикативы[2]. Так, например, лексема *ку-ку* фиксируется в одном (прямом)

[2] Мы понимаем предикативы как класс неизменяемых знаменательных слов, выполняющих функцию сказуемых личных конструкций: это междометно-глагольные слова (*бац*, *трах*, *бу-бу-бу*) и предикативы-оценки (*того*, *вообще*, *так себе*) [Земская 1983: 84–91]. *Он совсем* ***ку-ку****!; Они с ним вечно* ***шу-шу-шу***; *Ну он* ***совсем****!; Ты что,* ***того****?; Погода была* ***так себе.***

значении «о крике кукушки» в [Ушаков, ТСРЯ, БТС]. Ср. лексикографическое описание этого слова в ТСРР, где отмечены субстантивы, оценка, выраженная предикативом, а также регулярное для этого типа слов обозначение быстрой смены ситуации и другие значения. Для удобства дадим только перечисление значений и некоторые иллюстрации из словарной статьи.

КУ-КУ́.

1. подражание крику кукушки;

2. возглас привлечения внимания, приветствия;

3. о психически нездоровом человеке; о том, кто ведет себя неадекватно или о том, чьё поведение не отвечает общепринятым представлениям о норме;

4. о том, что навсегда потеряно, резко изменилось, закончилось;

5. возглас возражения, перебива, привлечения внимания собеседника, начала или окончания разговора;

6. название детской игры.

Примеры:

(1)

*Сколько жить мне ещё на нашей мирной планете? — Ну-ка, старая ведьма, начинай отсчёт! — крикнул я кукушке. А она, зараза: «**ку-ку, ку-ку**» — и молчок. Два года всего, значит. Это меня не устраивает. — Давай сначала, — крикнул я* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора);

(2)

*Как-то утром Михаил Таль приветствовал его шутливым: «Бобби, **ку-ку**!» Две или три недели после этого Фишер обращался к Смыслову и Кересу, Глигоричу и другим гроссмейстерам с истово звучащим вопросом: «Почему Таль сказал мне **ку-ку**?» Объяснения, что это просто дружелюбная шутка, его сознание принять не могло* (Советский спорт, 11.03.2008);

(3)

*Вам скажут, что Вы с приветом, совсем **ку-ку**, больной на всю голову, что у Вас поехала крыша и т. п.* (Блоги, 2016);

(4)

*А денежки-то **ку-ку**! Спёрли! Испарились! Такие вот фокусы с мобильным*// (Запись устной речи, 2016);

(5)

***Ку-ку**, времена переменились; Разговор закончен, дошло, нет? **Ку-ку** форева* (Блоги, 2016);

(6) *Макарка очень любит **ку-ку**// часами может/ меня заставляет прятаться и кукукать//* (Запись устной речи, 2016); *А уж игра в **ку-ку**... О, вечный родительский бич — игра в **ку-ку*** (Блоги, 2016). [ТСРР, 155–156].

(Автор словарной статьи Е. В. Какорина.)

В ТСРР описан также глагол ***кукукнуться*** — 1. сойти с ума; 2. перестать существовать или перестать функционировать. Ср. также значения фразем ***куку*** *поехала*,

кукушка *поехала* (*уехала, слетела*), ***кукушка*** *замкнула* (*клинит*), ***кукухой*** *поехать* (жарг. ‘о неадекватном поведении в состоянии психического расстройства или о состоянии алкогольного или наркотического опьянения’), которые перекликаются с разговорным значением слова ***ку-ку*** ‘о психически нездоровом человеке; о том, кто ведет себя неадекватно’.

Стоит отметить, что подобное развитие значения зафиксировано и в английском языке. Имя птицы, «певчей кукушки», используется для характеристики человека, что отмечено в [Фоносемантика 2022: 88]:

SND → ANIM (bird) → HUMN: cuckoo ‘a bird, Cuculus canorus’ → ‘**fool’**, ‘**gowk**’[3] (перенос «звук» SND → «птица» ANIM (bird) → «человек» HUMN).

Значение слова приводится по Большому Оксфордскому словарю (The Oxford English Dictionary).

Открытым остается вопрос о мотивированности переносных значений звукоподражаний. Не всегда связь с этимоном очевидна. Можно лишь высказать предположение о «звуковом» наведении значения, эмотивной символизации самого звучания слова. Возможна и связь с кукушкой на часах, которая резко, неожиданно появляется из «домика» (а он, в свою очередь, может образно представлять «голову человека»), регулярность ее появления может нарушаться, она может ломаться, издавать звук не по ожидаемой схеме и т. п.

Значения (2), (4), (5) соотносимы с переносом «звуковой сигнал» — «сигнал начала/ рубежа/ изменения какой-либо ситуации».

Заметим также, что к факторам, способствующим семантической активности слова в языке, можно отнести богатство культурных ассоциаций, связанных с кукушкой и ее криком как в традиционной славянской культуре (у этого «персонажа» множество сакральных функций; некоторые из мифологических значений — женская символика, символика смерти, перехода, предсказаний, превращений (женщины в кукушку, кукушки в ястреба) и др.), так и в современной культуре (символика «плохой матери», отсчета лет жизни, значения «доносчик», «женщина-снайпер» и др.), о чем свидетельствуют значимые для русскоязычной культуры прецедентные тексты.

Рассмотрим еще один пример звукоподражания голосу животного. Ср.: Трехкратная олимпийская чемпионка И. Роднина: *«Буду ли я смотреть “Ледниковый*

---

[3] «Английское *gowk /gavk/* в современном языке имеет значение «дурак, простофиля», но еще в 14 в. слово (в написании *goke, gowke*) имело значение «кукушка». Это заимствование из древнесеверного *gaukr*. Как отмечает У. Скит, в разных языках мира названия кукушки в значительной степени схожи между собой (ср. рус. *кукушка*, фр. *coucou*, исп. *cuco*, ит. *cuculo*, нем. *Kuckuck*, тур. *kuku*, тат. *küke*, казах. *kökök*, эст. *kägu*, санскр. *kōkila*, греч. *κόκκυξ*, ср-голл. *coecoec, coccuuc, cucuuc*, *cuycuyc*, голл. *koekoek*). Все эти слова, включая современное английское *cuckoo*, — двухкомпонентные редупликационные образования типа *ku-ku*, созданные по одной модели, имитирующей крик птицы, состоящий из ряда одинаковых сегментов. Изначальная двухкомпонентная структура *gowk* (**ku-ku*) упростилась в результате закономерного фонетического развития, последовавшего за процессом перехода слова из одного языка в другой» [Флаксман 2015: 76–77].

*период”? Я этим вообще не интересуюсь! **Муму** фигурного катания меня не интересует»* (Беседа с корреспондентом Sport24, Фигурное катание, 30.09.2020). В данном случае слово *муму* используется для выражения общей отрицательной оценки и подчеркивания малой ценности, низкой значимости ледового шоу. В современной русской разговорной речи оно приобретает достаточно сложную и разнообразную семантику и употребляется в тематически разнообразных контекстах.

Приведем фрагмент словарной статьи МУ-МУ, подготовленной для ТСРР. Большинство значений этого слова (2)–(6) выражено несклоняемым существительным:

МУ-МУ́.

1. звукоподражание; употребляется для передачи невнятной, нечленораздельной речи или такой, которую говорящий не хочет или не считает нужным воспроизводить;

2. о речевом общении: пустые, бессмысленные разговоры; непонятная, запутанная речь или ложь;

3. о чем-л. бессодержательном или не имеющем ценности (часто о произведении искусства, тексте);

4. о покорном, безвольном или бесхарактерном, безынициативном, глуповатом, а также ленивом, медлительном человеке;

5. о ком-чем-л., кто-что не нравится говорящему, раздражает его, а также о том, кого или что говорящий не хочет или не считает нужным называть или не знает, как назвать;

6. корова.

Примеры:

(1)

*Они там говорят что-то/ говорят/ бу-бу-бу/ **му-му-му/** в общем...* (Запись пересказа беседы, 2020); ***Му-му му-му-му**, всё, прочитала* (Комментарии о пресс-конференции, 2015); (Рассказывает про рыбалку, показывает, будто тянет спиннинг:) *В этот момент Виталий стал мычать, **му-му** да **му-му**... — Виталий, ты что мычишь, русский язык забыл что ли??? — Да это я показываю огромный размер щуки! — А как? — Так ведь щука была такая большая, что я дар речи потерял!!!* (Байки о рыбалке, 2006); *Он никогда к ней не подлизывался, как бывает, когда новый муж мамы старается наладить контакт с ребенком: тю-тю, **му-му** — вот этого ничего не было* (Вечерняя Москва, 30.05.2012);

(2)

*Говори конкретней! А то развел тут **му-му**; Если сказать нечего, то не надо нам **му-му** пороть* (Блоги, 2012); *Почему современная молодежь абсолютно не умеет правильно писать и выражать свои мысли? **Му-му** сплошное* (Вопрос, мейл.ру, 2011); *Пробуйте потихоньку его разговаривать, приводя доводы, из которых ему не выкрутиться через **му-му*** (Блоги, 2005–2012)*; Трепло, а не продавец. Сделал заказ 16 сентября, он мне обещал, что в октябре посылка приедет ко мне! 4 месяца **му-му** водит, так ничего внятного и не сказал* (Форум, 2015);

(3)

*По телику одно **му-му**/ смотреть нечего//* (Запись устной речи, 2015); *Подарили какое-то **му-му*** [ненужную, неценную вещь]// (Запись устной речи, 2014); *У меня наоборот, после прочтения трех книг отпало всяческое желание читать это **му-му** дальше, сюжет тупо крутится на одном месте; Если ты говоришь про **му-му**, то советую почитать Веру Камшу, вот там **му-му** так **му-му**, хотя отрицать не буду, пишет интересно, увлекательно, но тааакое **му-му*** (Форум, 2013);

(4)

*Оскорбила пенсионеров. Журналистка презрительно назвала их «покорными **му-му**» и высказала мысль, что «доживающие» не должны своим «тупорылым голосованием» влиять на «избирательный пейзаж»* (Экспресс газета Online, 16.09.2013); (О бесхарактерном, с ленцой, герое сериала:) *Видела трейлер и углубляться не захотелось. Как еще у такого **му-му** три женщины образовалось вокруг — неясно*) (Отзыв о фильме, otzovik.com, 11.10.2019); (О медлительности по утрам:) *Я тут и не тут. А будить меня лучше пинком, если с утра (я с утра **му-му**...). А вот вечерком и будить не надо... всё в норме... весь готофф!* (Блоги, 2022);

(5)

*Слуш/ убери отсюда своё **муму**!* [вещи со стола] (Запись устной речи, 2014); *Когда три **му-му** принимали с похмела решение о развале СССР, разве они не должны были предвидеть соответствующие последствия?* (Новые Ведомости, 25.01.2015); *В травму, зафиксировать телесные повреждения и заявление в милицию. 15 суток, проведённых в местном обезьяннике, должны благотворно повлиять на «плохую память» муженька. Хотя в идеале — пока отсиживать будет — ноги в руки и подальше от такого **му-му*** (Бьет, значит... любит?????? // Форум, 06.07.2007); *Да ладно! **Муму**, она и есть **муму**. Ну вот и заткнулась бы эта ботоксная сиськотряска* (Блоги, 2024); *— Дебила из себя строить не надоело? — Не, не надоело — ндравится выводить из себя всяких сурьёзных «**Му-му**»* (ВашГород.ру, комментарии, 2015);

(6) *...по улицам шастают худющие священные **му-му*** (Блоги, 2014); *Под Тверью чуть не утонула **му-му**. Спасателям позвонил мужчина и сообщил, что его корова провалилась в колодец. В деревню Чуприяново, где произошёл инцидент, по сигналу тревоги отправилась аварийно-спасательная служба* (Tverigrad.ru, 10.09.2013);

(Автор проекта словарной статьи Е. В. Какорина.)

Семантический перенос идет от конкретной семантики к абстрактной, от звучания к содержанию речи и далее к характеристике любого объекта: невнятность, неразборчивость (речи) — бессодержательность (сказанного); бессодержательность, «неценность» чего-либо — нечто неценное; то, что говорящий не считает нужным называть или не знает, как назвать. Нередко эти смыслы трудно дифференцировать: *Знакомлюсь например с девушкой, начну с комплимента: «эх, глаза*

красивые и т. д.», — в ответ ***му-му****. Что-то там о цветочках птичках, в ответ* ***му-му****. В недоумении начинаешь приближаться к чуть ли не к политике, какую тему не выберешь, в ответ* ***му-му****. Встречаешься — приходит к тебе тело на свидание, молчит как рыба об лёд. Тупо рядом с тобой пустой человек, оболочка* (Блоги, 2012).

В данном случае, возвращаясь к вопросу о мотивированности семантических переносов у звукоподражаний, следует отметить, что неопределенность значения звукоподражаний сближает эти слова с распространенными в разговорной речи словами-губками и существительными-местоимениями с нуль-семантикой, значение которых конкретизируется конситуацией (*музыка, мура, штука* и под.): *Слуш/ давай это* ***му-му****/ эту дуру/ дребедень/ фигню/ хрень/ штуку/ уберём отсюда!*

Семы звукоподражания *му-му*: «невнятность, нечленораздельность речи», «неопределенность», «незначимость», — реализуются в различных типах контекстов, применительно к различным ситуациям. Также, возможно, играют роль смыслы «простота», «незамысловатость», связанные с активным культурным концептом, наследуемым из рассказа И. С. Тургенева «Муму».

Смысл «медлительность» выходит на первый план во фраземе *тянуть му-му за хвост* — делать что-л. слишком медленно.

Звукоподражание приобретает морфологические и синтаксические свойства существительного, ср. согласование с прилагательным (***такое*** *му-му,* ***одно*** *му-му*), управление (*му-му* ***чего?***).

Фиксируются и предикативные употребления, в данном случае близкие к значению «ничего не понимают»: *Игра Кержакова — это подвиг! Вместо этого мы слышим разглагольствования специалистов, которые в футболе* ***му-му****. Порода лентяев. Думаю, еще двадцать мячей Кержаков за карьеру наколотит* (Спорт день за днем, 17.09.2013).

Использование звукоподражаний для экспрессивной характеристики человека или ситуации характерно и для диалектной речи: *Робил ты робил, а вышло* ***кукареку*** (нечто плохого качества) [СРГН].

Развитие значений проанализированных слов может показаться достаточно уникальным. Однако эти семантические деривации вполне вписываются в общую картину семантических переносов других звукоподражаний (междометий, междометно-глагольных слов: *ля-ля*, *бац*, *хрясь* и под.).

Можно еще раз назвать наиболее регулярные из них: «звук, издаваемый птицей, животным» — «птица, животное»; «звук, издаваемый птицей, животным» — «речь человека». Частотный перенос «голос птицы, животного» — «речь человека», закрепляется в образовании соответствующих глаголов: *гав-(гав) — гавкать*, *(чик)-чирик — чирикать*, *бе — бекать*, *ме — мекать* и т. п.

Среди обсуждаемых примеров звукоподражаний не были отмечены соответствия действиям. Однако они возможны, ср. примеры: «***Жу-жу***// *Комар летает*// (здесь *жу-жу* — междометие); *Он всю ночь* ***жу-жу*** *по комнате/ спать не дает*// (здесь *жу-жу* глагольно-междометная форма в функции сказуемого)» [Земская 1983: 85]. Заметим попутно, что данное звукоподражание имитирует в русском

языке прежде всего жужжание пчелы. Этим звукоподражанием можно описать и работу пилой: *Они весь день **жу-жу** и **жу-жу** все деревья у дома,* — однако узуальность такого примера остается под вопросом.

Соотнести каждый из типов междометий-звукоподражаний с различными типами регулярных семантических переносов — задача отдельного исследования. Назовем некоторые из них. Звук, издаваемый предметом, инструментом используется для обозначения действия, совершаемого посредством этого предмета, инструмента. У таких звукоподражаний наблюдается соответствие «звук, сопровождающий действие» — «действие» (*чик*, *вжик* и под.). Междометия, имитирующие резкие, быстрые действия — удара/ падения/ выстрела/ взрыва (*бах*, *бац*, *хрясь*) — регулярно передают значение быстрой, внезапной смены ситуаций.

Интересен пример звукоподражания *чик-чирик*, которое наследует и «речевую» линию (семантику говорения), и значения слова *чик*, обозначая несерьезные разговоры, действия острым, режущим предметом (кастрацию домашнего животного, убийство ножом), указывая на быстроту и легкость производимого действия или неожиданную смену событий, а также выражая оценку и др. значения; см. [ТССР 5: 487–492].

Выводы

В разговорной речи звукоподражания обладают большим семантическим потенциалом, употребляясь в функции различных частей речи: междометий, существительных, предикативов, глаголов, — обозначая экспрессивно оцениваемые говорящим предметы, признаки, действия, события.

Слова разных групп звукоподражаний имеют разные возможности для семантических трансформаций.

Словообразовательная активность, аналитизм и синтаксическая подвижность звукоподражаний, развитая многозначность производных существительных и глаголов, а также коммуникативное «удобство» их использования способствует кристаллизации диффузного смысла этих слов в новых значениях и их дальнейшему закреплению в узусе.

Материалы данной статьи помогут восполнить некоторые лакуны, которые существуют в лексикографическом описании этого типа слов.

Словари

СРГН — Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Л.: Наука, 1980.

ТССР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. К–О. Вып. 5. У–Я. / Авторы-составители: М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, А. В. Занадворова, Е. В. Какорина, Л. П. Крысин, И. В. Нечаева, Е. А. Никишина, А. Р. Пестова, Н. Н. Розанова, Р. И. Розина, О. А. Шарыкина; отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2017, 2022.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Литература

Земская Е. А. Морфология // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 80–118.

Флаксман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дисс. канд. филол. наук / СПб., 2015. С. 76.

Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования. Монография. М.: Мир науки, 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://izd-mn.com/PDF/69MNNPM22.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

Шаронов И. А. Звукоподражательные слова — между речью и языком // Фундаментальная лингвистика. № 1. 2023. С. 23–30.

Эбботт Дерек. Звуки животных. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eleceng.adelaide.edu.au/personal/dabbott/animal.html (дата обращения: 07.05.2025).

E. V. Kakorina
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
kakor@yandex.ru

SEMANTIC POTENTIAL OF SOUND-IMITATION WORDS (PROBLEMS OF STUDY AND LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION)

The article deals mainly with nationally specific sound-imitations of animal voices (*ко-ко*, *ку-ку*, *кукареку*, *му-му,* etc.). Sound-imitations are generally reluctantly and inconsistently included in explanatory dictionaries. On the one hand, they are close to interjections, because they imitate by means of language the voices of animals, the sounds of natural objects or phenomena, the "sound" of objects or physiological conditioned sounds produced by humans (*кар-кар*, *вжух*, *бах*, *бабах*, *чпок*, *кхм-кхм*). On the other hand, units of this group of words regularly lose their iconicity and acquire semantics corresponding to other parts of speech (performing the role of a noun, predicate, verb in a sentence). Researchers (M. Flaxman) hypothesize about the universal character of phonetic, syntactic and semantic transformations of sound-imitations; these transformations are common in many languages of the world.

Among the words of this group, the process of semantic evolution, development of new meanings in the sound-imitations of animal voices is least described. The article shows how this process takes place in the modern Russian language on the example of the words *ку-ку* and *му-му*. We propose variants of lexicographic description of the semantics of these words (based on the materials of the "Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech" and the draft dictionary article to it).

Keywords: sound-imitations, semantic transformations, lexicography, everyday speech, iconism and conventionality in language

References

Abbott Derek. *Zvuki zhivotnykh* [Animal sounds]. Available at: http://www.eleceng.adelaide. edu.au/personal/dabbott/animal.html (accessed: 07.05.2025).

Flaksman M. A. *Diakhronicheskoe razvitie zvukoizobrazitel'noi leksiki angliiskogo yazyka: diss. kand. filol. nauk* [Diachronic development of the sound-imaginative lexicon of the English language: diss. candidate of philological sciences], St. Petersburg, 2015. 76 p. (In Russ.).

Fonosemantika: Opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. Monografiya [Phonosemantics: Experience of interdisciplinary research. Monograph]. Moscow: Mir nauki Publ., 2022. (In Russ.).

Sharonov I. A. [Sound-imitative words — between speech and language]. *Fundamental'naya lingvistika* [Fundamental Linguistics], 2023, no. 1, pp. 23–30. (In Russ.).

Zemskaya E. A. [Morphology]. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest.* [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Lexicon. Gesture], Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 80–118. (In Russ.).

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.13

***М. Л. Каленчук*[1], *Д. М. Савинов*[2]**
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
mkalenchuk@yandex.ru[1]*; crillon@yandex.ru*[2]

ОРФОЭПИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА РФ: СПЕЦИФИКА ЖАНРА

Статья посвящена характеристике нового орфоэпического словаря русского языка, подготовленного в отделе фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Разработанный словарь отличается от других орфоэпических источников тем, что он ориентирован на использование русского языка в качестве государственного. Это определило некоторые особенности словника нового словаря, а также его систему произносительных и запретительных помет. Так, словник словаря формировался за счет стилистически нейтральной лексики, а также слов книжного стиля; не включалась разговорная лексика, диалектизмы (регионализмы), жаргонизмы, просторечная и сленговая лексика. При решении о включении в словник новой иноязычной лексики авторы руководствовались двумя основными критериями: во-первых, заимствованные слова не должны иметь общеупотребительных русских аналогов, во-вторых, они должны быть широко распространены в современном литературном языке. В разработанном словаре приводятся только наиболее распространенные произносительные варианты, встречающиеся в речи образованных людей. Менее предпочтительные варианты, появление которых зависит от ряда дополнительных условий (от возраста говорящего, его профессиональной принадлежности, темпа речи или фразовой позиции), в словаре не учитываются. Тип нового словаря, фиксирующего нормы русского языка как государственного языка РФ, предопределил отсутствие в нем ненормативных вариантов и запретительных помет.

Ключевые слова: лексикография, орфоэпические словари, русский язык как государственный, словари трудностей, фундаментальные словари

1. В самом общем виде орфоэпические словари (далее ОС) — это лексикографические источники, кодифицирующие произносительные нормы. Необходимость создания словарей нового типа — орфоэпических словарей русского языка как государственного языка РФ — требует осмысления места и специфики этих лексикографических источников в системе ранее созданных ОС.

Орфоэпическая информация в том или ином виде представлена во всех лингвистических словарях русского языка, поскольку в любом из них в словах и словоформах проставляется ударение. Но и сегментные произносительные явления, например, твердость-мягкость согласного перед /э/ в корнях заимствованных слов или произношение звуков на месте орфографического *чн* описываются во многих лексикографических источниках неорфоэпического характера, например: [Ушаков (ред.) 1935–1949; Ожегов 1960; Шведова (ред.) 2007] и др.

При этом одни ОС одновременно дают сведения и о сегментных, и о суперсегментных нормах, а другие описывают только акцентологические явления. В разных словарях предлагается разная система подачи произносительного материала, но в любом случае используются способы фиксации звуковой формы слов и словоформ; транскрипция может варьировать от весьма условной до сугубо научной. Список адресатов ОС велик — для самой широкой аудитории, для всех, интересующихся русским языком, для профессионально и социально ограниченных групп пользователей, например, для работников СМИ, для школьников и учителей, для специалистов-лингвистов и др. ОС могут отличаться объемом от самых кратких [Вербицкая и др. 2020] до наиболее полных [Касаткин (ред.) 2023]. В ОС может предлагаться разный уровень сложности подачи материала — от популярных до ориентированных в первую очередь на профессионалов. Могут ОС существовать в бумажном и электронном виде. Но все указанные параметры оценивают не столько качественную, содержательную сторону ОС, сколько внешнюю, формальную.

Л. В. Щерба, заложивший основы научного подхода к описанию словарей, считал самым важным элементом лексикографической классификации противопоставление *словарь академического типа — словарь-справочник* [Щерба 1974: 266]. Предложенное выделение двух типов словарей подходит и для орфоэпического материала. Несколько изменив предложенные Л. В. Щербой термины, можно сказать, что среди ОС выделяются *фундаментальные орфоэпические словари академического типа* и *словари трудностей произношения*. В чем принципиальные различия между названными типами лексикографических источников?

Словарь трудностей произношения нужен наивному носителю языка тогда, когда он начинает сомневаться в правильности выбора варианта произношения или ударения: *джи́нсовый* или *джинсо́вый*, *включи́т* или *включ́ит*, *бу́ло*[ш]*ная* или *бу́ло*[ч’]*ная*, *брю*[н’э́]*т* или *брю*[нэ́]*т* и т. д. А сомневаться в выборе человек может только при условии, что он осознает само наличие выбора. При этом реальное число произносительных вариантов несопоставимо больше, чем вариантов, заметных для носителя языка. Какие случаи осознаются носителем языка, а какие находятся «в тени» нашего языкового сознания:

1) Легче всего замечаются акцентные варианты, связанные с основным местом ударения в фонетическом слове: *ба́ржа* или *баржа́*, *творо́г* или *тво́рог*, *зва́ло* или *звало́*, *докуме́нт* или *доку́мент*, *за́ город* или *за го́род*. При этом наличие или отсутствие дополнительного ударения в слове в большинстве случаев не осознается — *мно̀гоканáльный* или *многоканáльный*, *во̀дозащи́тный* или *водозащи́тный*.

2) Обычно носитель языка замечает различия в произношении, связанные с изменением фонемного состава, и игнорирует те, которые затрагивают только аллофонный состав. Так, легко фиксируются различия в произношении *поря́до*[ш]*ный* или *поря́до*[ч’]*ный*, *мы́л*[сэ] или *мы́л*[с’э], *со*[н’е́]*т* или *со*[нэ́]*т*. Но способен ли носитель языка осознавать звуковые различия в случаях *в*[и^{е}]*сна* или *в*[е^{и}]*сна*, *дли́*[нн]*ый* или *дли́*[н]*ый*, *ра*[сс]*ле́довать* или *ра*[с]*ле́довать*, *шер*[с’]*ть* или *шер*[с]*ть* и др.? Думается, что без специально организованного наблюдения это невозможно.
3) Не замечают носители языка и любые типичные деформации слов в звучащем тексте — *аква́*[р’у]*мный*, [л’и]*тена́нт*, [п’ии]*ся́т*.

2. На основании вышесказанного можно задаться вопросом — испытает ли человек потребность воспользоваться орфоэпическим словарем в тех случаях, когда он даже не осознает наличие произносительной проблемы? Конечно, нет. Получается, что «подлинная задача словарей — давать оценку тем альтернативным вариантам, которые осознаются говорящими и относительно которых существует возможность сознательного выбора и воспроизведения одного из них» [Пожарицкая 2004: 236]. Это верно, но лишь для одного типа орфоэпических словарей — словаря произносительных трудностей.

Совсем по-другому устроены фундаментальные ОС академического типа. Практически все современные орфоэпические словари декларируют намерение «представить литературную норму во всем многообразии ее проявлений» [Аванесов (ред.) 1983: 5] и др. изд.; «считаем необходимым зафиксировать реальное многообразие сосуществующих в литературной речи вариантов произношения и ударения» [Касаткин (ред.) 2023: 3] и т. д. Но отбор фактов, подлежащих орфоэпическому комментированию, и способы их оценки должны быть принципиально разными в словарях трудностей и в фундаментальных лексикографических источниках. Как уже было показано выше, словари первого типа, ориентированные на обычного носителя языка, должны предъявлять только то, что может вызвать произносительные проблемы у человека; словари второго типа, ориентированные на профессионала-лингвиста, — демонстрировать реальную орфоэпическую проблему и показывать устройство сложно организованных участков системы в понятном для подготовленного читателя виде.

Фундаментальные словари отличаются от словарей произносительных трудностей не только отбором явлений по принципу осознаваемости / неосознаваемости носителями языка. В фундаментальных словарях принята сложная и расчлененная шкала нормативной оценки — «все многообразие языковых фактов не укладывается в простое противопоставление “норма — не норма”» [Аванесов (ред.) 1983: 5].

Суммируя все сказанное выше, можно заключить, что в современной лексикографии сосуществуют два не конкурирующих между собой типа ОС — *фундаментальные словари академического типа* и *словари трудностей произношения*.

К какому типу относятся ОС русского языка как государственного языка РФ — к фундаментальным источникам или к словарям трудностей произношения? Представляется, что они безусловно словари трудностей произношения. Мотивация

пользователей при обращении к этим словарям должна определять и состав словника, и систему нормативной оценки звуковых вариантов, и объем предлагаемой орфоэпической информации, и систему помет.

3. Орфоэпический словарь русского языка как государственного языка РФ подготовлен в отделе фонетики Института русского языка в рамках проекта по разработке новых лексикографических источников, фиксирующих нормы русского языка как государственного. Основой при его создании стали фундаментальные словари орфоэпического типа: нормативные предписания в области произношения опираются на соответствующие рекомендации «Большого орфоэпического словаря русского языка» [Касаткин (ред.) 2023], а в области ударения — на рекомендации подготовленного к печати «Большого словаря ударений русского языка» [Каленчук, Савинов (ред.) 2025].

Формирование словника осуществлялось методом сплошной выборки слов, которые нуждаются в орфоэпическом комментарии и могут употребляться во всех сферах функционирования русского языка как государственного. Во-первых, в словарь включалась стилистически нейтральная (межстилевая) лексика: слова, которые не закреплены за каким-нибудь определенным стилем и могут употребляться в любой ситуации общения. Во-вторых, представлена лексика, характерная для письменной речи и относящаяся к официально-деловому стилю в его различных разновидностях (прежде всего к законодательному, административному, дипломатическому подстилям), а также к научному стилю — в частности, добавлены некоторые общенаучные и специальные термины, используемые в различных областях науки и техники.

Лексика, свойственная публицистическому стилю и встречающая в современных массмедиа, включалась в словник лишь частично. Прежде всего словник расширен за счет слов, характерных для информационного и аналитического жанров публицистики: тексты, относящиеся к этим жанрам (аналитические и информационные статьи, официальные интервью, репортажи, эссе, рецензии, комментарии и др.), обычно предполагают стандартное оформление и практически не используют экспрессивных языковых средств. Однако в текстах художественно-публицистических жанров (очерк, фельетон, памфлет, истории из жизни и др.), характеризующихся эмоциональностью и образностью речи, встречается оценочно-экспрессивная лексика, в том числе элементы просторечия, социальных и профессиональных жаргонов, сленга, которые находятся за пределами литературной нормы.

В словарь не включалась также разговорная лексика, то есть слова, характерные для непринужденного спонтанного общения, имеющие несколько сниженную стилистическую окраску и, как правило, не употребляющиеся в книжных письменных жанрах (научном, официально-деловом стилях)[1]. Например, в словнике отсутствуют такие слова, свойственные разговорной речи, как *моде́рновый* / *модерно́вый* ‘современный, модный’, *здоро́вый* (краткие формы *здорова́*, *здорово́*,

[1] Ср.: «Использование р<азговорной> л<ексики> в официально-деловом и научном стиле РЛЯ недопустимо» [Фельде 2014: 508].

здоровы́) ‘сильный, большой’, существительное *ма́лый* ‘парень, юноша’, предикатив *слабо́* ‘не под силу, невмочь’ (*слабо́ это сделать!*) и т. д. В отличие от большинства других ОС в новом словаре совсем отсутствуют слова, не свойственные литературному языку: диалектизмы (регионализмы), жаргонизмы, просторечная и сленговая лексика.

4. Словник расширен также и за счет некоторых распространенных заимствований-неологизмов, которые могут вызывать затруднения при произношении и которые, как правило, отсутствуют в большинстве ранее изданных фундаментальных ОС. Источником для пополнения словника новой иноязычной лексикой стали материалы Словаря иностранных слов (далее СИС), который подготовлен Институтом лингвистических исследований РАН в рамках того же проекта по разработке нормативных словарей русского языка как государственного.

В 2023 г. в обновленном Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» были уточнены нормы употребления заимствованных слов при использовании русского языка как государственного, поэтому при решении о включении в словник нового ОС иноязычной лексики авторы руководствовались двумя основными критериями. Во-первых, в словарь включались только такие заимствования, которые либо необходимы для номинации новых понятий и явлений и не имеют общеупотребительных русских аналогов, либо имеют семантические, коннотативные или функциональные отличия от уже имеющихся в русском языке слов. Во-вторых, словарь пополнялся только актуальной и широкоупотребительной в современном литературном языке иноязычной лексикой, прежде всего связанной со сферами информационных технологий, интернет-коммуникации, спорта, экономики и финансов. В словарь включены такие новые слова, как *америка́но*, *аниме́*, *бодиби́лдер*, *вайфа́й*, *ка́рри*, *квадроко́птер*, *кешбэ́к*, *ковИ́д*, *ко́дек*, *куар-ко́д* / *кьюар-ко́д*, *ла́ттe*, *ма́йнинг*, *ма́йнер*, *маркетпле́йс*, *мейнстри́м*, *миллениа́л*, *нейроcéть*, *подка́ст*, *рекру́тер*, *санита́йзер*, *скрипт*, *стендáп*, *телегра́м-кана́л*, *то́ррент*, *фрила́нс*, *хеште́г*, *хо́стел* и др.

В словарь не включались варваризмы, неадаптированная лексика, слова, заимствование которых является немотивированным с точки зрения русской лексической системы, а также примеры иноязычных жаргонизмов и сленговых слов, употребление которых обычно свидетельствует о низком уровне речевой культуры. Например, в словаре отсутствуют такие заимствования, как *арт* ‘искусство’, *ба́йер* ‘торговый агент’, *байк* ‘велосипед, мотоцикл’, *ба́нить* / *заба́нить* ‘(за)блокировать пользователя в Интернете’, *батл* ‘состязание в мастерстве исполнения’, *бе́би* ‘ребёнок’, *бебиси́ттер* ‘няня’, *бе́нди* ‘хоккей с мячом’, *бойфре́нд* ‘приятель, любовник’, *ВИП-персо́на* ‘важный гость’, *бо́ди* ‘нижнее белье’, *гу́глить* / *загу́глить* ‘искать / найти информацию в Интернете’, *гёрлфре́нд* ‘подруга, любовница’, *ивéнт* ‘мероприятие’, *имхо́* ‘по-моему’, *кеш* ‘наличные деньги’, *ла́йкать* ‘оценивать опубликованное в Интернете’, *мере́нга* ‘безе’, *ме́сседж* ‘сообщение, послание’, *пиа́рить* ‘заниматься формированием общественного мнения’, *принт* ‘изображение’, *са́унд* ‘музыкальное звучание’, *сейл* ‘распродажа’, *тине́йджер* ‘подросток’, *фа́рма* ‘фармацевтическая промышленность’, *фейк* ‘подделка, фальшивка’, *хо́ррор*

‘фильм ужасов’, *ча́титься* ‘общаться с помощью чата’, *ю́зер* ‘пользователь’ и т. д. Большинство из этих слов фиксирует фундаментальный Русский орфографический словарь (https://orfo.ruslang.ru/), часть из них отмечена и в материалах СИС. Однако подобная иноязычная лексика не попала в словник нового ОС, поскольку не в полной мере соответствует заявленным критериям отбора: эти слова либо имеют аналог в русском языке (*байк*, *бе́би*, *бебиси́ттер*, *ивéнт*, *мере́нга*, *ме́сседж*, *сейл* и др.), либо их функционирование ограничено рамками социального или профессионального жаргона (*ба́йер*, *имхо́*, *ла́йкать*, *фа́рма*, *ча́титься* и др.).

Тем более нет в словаре малоосвоенной лексики с неустоявшейся орфографией, иногда встречающейся в письменном узусе Интернет-общения: *баг-тре́кер* / *багтре́кер* ‘система отслеживания ошибок’ *ба́ттлить* / *ба́тлить* ‘участвовать в батле’, *бин-бе́г* / *бин-бэ́г* ‘предмет мебели’, *дже́ггинсы* / *дже́гинсы* ‘легинсы из джинсовой ткани’, *сайд-сто́ри* / *сайдсто́ри* ‘дополнительная история’, *чо́ппе́ры* / *чо́перы* ‘массивные сапоги’ и т. д.

5. Словарная статья состоит из двух основных зон: зоны ударения и зоны произношения[2]. Зона ударения дает информацию об акцентных особенностях слов — прежде всего о тех, которые могут вызвать затруднение. В словарь включались, во-первых, все слова, имеющие акцентные варианты (***джи́нсовый*** и ***джинсо́вый***, ***ма́ркетинг*** и ***марке́тинг***, ***тво́рог*** и ***творо́г***); во-вторых, слова с подвижным формообразовательным ударением (***земля́***, *зе́млю*, *зе́мли*, *земе́ль*, *зе́млям*; ***хло́поты***, *хлопо́т*, *хло́потам*; ***зво́нкий***, *зво́нок*, *звонка́*, *зво́нко*, *зво́нки* и *звонки́*, *зво́нче*; ***дави́ть***, *давлю́*, *да́вит*; *да́вящий* и *давя́щий*); в-третьих, омографы — слова, различающиеся местом ударения либо во всех формах: ***брони́ровать*** ‘закреплять что-л. за кем-л.’ — ***бронирова́ть*** ‘покрывать бронёй’; ***па́рить*** ‘подвергать действию пара’ — ***пари́ть*** ‘летать’; ***гре́шно*** (наречие) — ***грешно́*** (категория состояния); либо в части форм: ***я́сли***[1], *я́слям* ‘кормушка для скота’ — ***я́сли***[2], *ясля́м* ‘воспитательное учреждение’; ***о́бщий***[1], о́бще, о́бщи ‘*принадлежащий*, *свойственный всем*’ — ***о́бщий***[2], общо́, общи́ ‘*неконкретный*, *схематичный*’; ***напои́ть***[1], *напою́*, *напо́ит* и *напои́т*; *напо́енный* ‘дать пить; довести до опьянения’ — ***напои́ть***[2], *напои́т*; *напоённый* ‘пропитать, насытить чем-л.’. Кроме того, в словаре дается информация о предлогах и частицах, которые могут нести на себе словесное ударение: *за́ два*, *за́ две* и *за два́*, *за две́*; *о́б пол* и *об по́л*; *по́ двору* и *по двору́*; *не́ дал* и *не да́л*, *не́ дало* и *не дало́*, *не́ дали* и *не да́ли* и т. д.

В области произношения звуков в словарь включались все орфоэпические варианты, связанные с изменением фонемного состава слов: *дро́*[ж’ж’]*и* и *дро́*[жж]*и*, *до*[шт’] и *до*[ш’], *бу́ло*[ш]*ная* и *бу́ло*[ч’]ная, [д’и^{е}]*ка́н* и [ды^{э}]*ка́н*; а также с изменением состава звукотипов: *ж*[а]*ке́т и ж*[ы^{э}]*ке́т*, [аа́]*зис* и [оа́]*зис*, *оту́ч*[э]*тся* и *оту́ч*[у]*тся* (подробнее [Каленчук 2020: 220]). К этой же категории относятся слова с буквами / сочетаниями букв, которые могут произноситься по-разному при одних и тех же фонетических условиях, то есть обозначают разные фонемы

[2] За образец взята структура словарной статьи, характерная для «Большого орфоэпического словаря», подробнее см. [Касаткин (ред.) 2023: 5–6].

(звукотипы): *двóе*[ш]*ник*, но *отли́*[ч’]*ник*; [т’э]*кст*, но [тэ]*ст*; *помо́*[ш]*ник*, но *ово*[ш’]*но́й*; *о*[ɣ]*о́*, *ито*[в]*о́*, *се*[в]*о́дня*, но *надо́л*[г]*о*.

Следует отметить, что словарное комментирование в новом ОС получили недавно появившихся слова, информация о произношении которых не отражена до сих пор в академических ОС[3]: *ани*[мэ́], *б*[о]*диби́*[лд’и^{е}]*р*, *ко́*[дэ]*к*, *ла́*[тэ], *ма́й*[н’и^{е}]*р*, *маркетп*[лэ́]*йс*, [мэ]*йнстри́м*, *ми*[л’и^{е}]*ниа́л*, [р’и^{е}]*кру́*[т’и^{е}]*р*, *санита́й*[з’и^{е}]*р*, *то́*[рэ]*нт*, [хэ]*ш*[тэ́]*г*, *хо́с*[тэ]*л* и др. Кроме того, изменены некоторые произносительные предписания: ба[ктэ́]рия (ранее *ба*[кт’э́]*рия* и *ба*[ктэ́]*рия* [Еськова (ред.) 2015: 60; Касаткин (ред.) 2023: 29]), *ба́*[н’и^{е}]*р* и *ба́*[нэ]*р* (ранее только *ба́*[нэ]*р* [Еськова (ред.) 2015: 61; Касаткин (ред.) 2023: 29]), [в’и^{е}]*бина́р* и [вэ]*бина́р* (ранее только [вэ]*бина́р* [Касаткин (ред.) 2023: 62]), [к’э́]*шью* (ранее [к’э́]*шью* и [кэ́]*шью* [Касаткин (ред.) 2023: 295]), *ла́*[з’и^{е}]*рный* и *ла́*[зэ]*рный* (ранее только *ла́*[зэ]*рный* [Касаткин (ред.) 2023: 339]); шпа́[т’и^{е}]ль *и* шпа́[тэ]ль (ранее только *шпа́*[тэ]*ль* [Еськова (ред.) 2015: 950; Касаткин (ред.) 2023: 930]) и др.

В некоторых случаях в словаре оцениваются не только фонемные орфоэпические варианты, но и особенности, затрагивающие звуковую реализацию фонем. Так, последовательно даются указания на твёрдость-мягкость согласного перед следующим мягким, а также на долготу-краткость согласного звука, обозначаемого двумя одинаковыми буквами (независимо от того, есть ли в этих сочетаниях варианты произношения): *вы́*[м’]*пел* и *вы́*[м]*пел*, *по́*[д’]*ле* и *по́*[д]*ле*, *по*[ф’]*сю́ду* и *по*[ф]*сю́ду*, *ка́че*[с’т’]*венный* и *ка́че*[ст]*венный*, *меди*[н’с’]*титу́т*, *меди*[нс’]*титу́т* и *меди*[нс]*титу́т*; также только *кара*[н’]*ти́н*, *манеке́*[н’]*щик*, *капри́*[з’]*нее*, *сарка*[с’]*ти́чный*, *легенда́*[р]*нее*, *ску́*[мб]*рия*, *ма*[к]*нёшь*, *самовлю*[б]*лённый* и т. д.; *казё*[нн]*ость* и *казё*[н]*ость*, *компре́*[с’с’]*ия* и *компре́*[с’]*ия*, *кла́*[сс]*овый* и *кла́*[с]*овый*, му[лл]а́ и му[л]а́, *ми́*[рр]*а* и *ми́*[р]*а*; также только *па*[нн]*о́*, *ма́*[сс]*овый*, *мали́*[н’н’]*ик*, *кла́*[с’]*ика*, *ма*[с]*а́ж*, *мета*[л’]*и́ст*, *пе*[р]*о́н* и т. д.

Разумеется, в словаре, который рассчитан на обычного носителя языка, подобные указания кажутся избыточными: при варьировании, затрагивающем только аллофонный (не фонемный) состав слов, выбор конкретного варианта определяется сложившимися произносительными навыками человека и происходит неосознанно, автоматически. Однако следует учитывать, что функционирование русского языка как государственного предусматривает обязательность его использования в образовательной сфере, в том числе в системе начального, основного и среднего общего образования. Традиционно информация о произношении сочетаний согласных с последним мягким, а также о долготе-краткости согласного звука, обозначаемого двумя одинаковыми буквами, включается в школьные словари орфоэпического типа (см. например [Львов 2020; Скачедубова 2021]), что должно способствовать, во-первых, формированию у школьников навыков фонетического разбора и транскрибирования, необходимых для успешной сдачи выпускных квалификационных экзаменов; во-вторых, развитию у школьников языковой интуиции и исследовательских умений. Именно поэтому в новый ОС, несмотря на специфику жанра, была частично включена информация и о вариантности звуковой реализации фонем.

[3] Информация об ударении этих слов представлена в [Каленчук, Савинов (ред.) 2025].

6. В разработанном ОС, в отличие от большинства других орфоэпических источников, приводятся не все возможные в литературном языке варианты произношения; указываются только наиболее распространенные и наиболее предпочтительные произносительные варианты, встречающиеся в речи образованных людей. Равноправные варианты соединяются при помощи союза *и*, при этом первым приводится вариант произношения, совпадающий с написанием, либо тот, который хронологически предшествует, например: [т’и^{е}]*рапи́я* и [тэ]*рапи́я*, *тряпи́*[ш]*ный* и *тряпи́*[ч’]*ный*, *е́*[ж’ж’]*у* и *е́*[жж]*у*, *ла́*[м’]*не* и *ла́*[м]*не*, *уби́й*[с’т’]*венный* и *уби́й*-[ст]*венный*; *а*[бб]*а́т* и *а*[б]*а́т*, *б*[л’е́]*клый* и *б*[л’о́]*клый*, *м*[э]*кулату́ра* и *м*[у]*кулату́ра*, *оку́*[п’э]*тся* и *оку́*[п’у]*тся* и т. д. В равноправных акцентологических вариантах первым водится тот, у которого ударение ближе к началу слова, при отличиях в написании подобные варианты даются по алфавиту: *ба́ловать* и *балова́ть*, *лава́ша* и *лаваша́*, *флюгера́* и *флю́геры*, *автозаво́дский* и *автозаводско́й*, *бо́дры* и *бодры́*, *взя́ло* и *взяло́*, *ввинти́т* и *ввинти́т*, *ма́стерски* и *мастерски́* и т. д.

Менее предпочтительные варианты, появление которых в речи носителей русского литературного языка зависит от ряда дополнительных условий (например, от возраста говорящего, его профессиональной принадлежности, темпа речи или фразовой позиции), в данном словаре не учитываются. Например, в словаре даются только варианты *моло́*[ч’]*ник*, *скре́*[п]*ки*, *у́ч*[э]*т*, *ина́че*, *кета́*, *ржаве́ть*; [с’]*не́г*, *коке́*[т’]*ливый*, *ко*[н’т’]*е́кст*, *спа́ло*, *кра́ла*, *зави́дно*; *афа́зия*, *бредо́вый*, *наркома́ния*, *флюорогра́фия*, *фо́бия* (хотя в речи старшего поколения встречаются также варианты *моло́*[ш]*ник*, *скре́*[п’]*ки*, *у́ч*[у]*т*, *и́наче*, *ке́та*, *ржа́веть*, в речи младшего поколения — варианты [с]*не́г*, *коке́*[т]*ливый*, *ко*[нт’]*е́кст*, *крала́*, *спало́*, *за́видно*; в речи медиков — варианты *афази́я, бредово́й, наркомани́я*, *флюорографи́я*, *фоби́я*) и т. д.

В разработанном словаре совсем не обсуждаются устаревшие особенности произношения, практически не встречающиеся в речи современных носителей русского литературного языка. Например, не оговаривается качество согласного *с* в возвратном постфиксе *-ся* (*-сь*), а также согласного *к* в финали *-кий* прилагательных, поскольку сегодня произношение с твердым [с] (*боя́л*[сə], *боя́ла*[с]) и твердым [к] (*ни́льс*[кə]*й*, *яку́тс*[кə]*й*) практически утрачено. Следует отметить, что подобные устаревшие варианты произношения по традиции продолжают упоминаться как в академических ОС (последовательно в [Касаткин (ред.) 2023]), так и в некоторых школьных (см. например: «**мя́гкий** [х’к’и] *и доп. устар.* [хкъ]» и «**начался́** [с’а́] *и доп. устар.* [са́]» [Львов 2020: 56, 58]).

С точки зрения системы специальных помет, призванных предостеречь читателей от распространенных отступлений от литературного произношения, словари орфоэпического типа, в том числе школьные, можно разделить на три типа: 1) представлена сложная система запретительных помет (например *оч. плохо*, *нельзя*, *не рек.* [Львов 2020: 8]); 2) дан единый тип запретительной пометы, противопоставляющей нормативный вариант ненормативному (например ! *неправ.* [Скачедубова 2021: 12]; 3) запретительные пометы отсутствуют (например: «Неправильный, ошибочный вариант не указывается» [Лекант, Леденева 2009: 5]). Тип нового

словаря, фиксирующего нормы русского языка как государственного языка РФ, предопределил отсутствие указаний на ненормативные произносительные варианты, то есть запретительные пометы здесь отсутствуют.

Итак, можно признать, что, обладающий определенной спецификой как в отборе словника, так и в характере кодификационных рекомендаций орфоэпический словарь русского языка как государственного языка РФ является особым типом нормативных лексикографических источников. Будучи по своей сути словарем произносительных трудностей, он ориентирован на обычных пользователей, мотивация которых при обращении к словарю состоит в потребности узнать, правильно или неправильно то или иное произношение, можно или нельзя так говорить, литературно или не литературно употребление конкретного звукового варианта.

Источники

Аванесов (ред.) 1983 — С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. М.: Русский язык, 1983. 703 с.

Вербицкая и др. 2020 — Л. А. Вербицкая, Н. В. Богданова-Бегларян, Г. Н. Скляревская. Давайте говорить правильно!: трудности современного русского произношения и ударения (краткий словарь-справочник). Изд. 7-е, испр. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2020. 146 с.

Еськова (ред.) 2015 — С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2015, 1008 с.

Каленчук, Савинов (ред.) 2025 — О. В. Антонова, М. Л. Каленчук, Н. В. Никитин, Д. М. Савинов. Большой словарь ударений русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2025. 336 с.

Касаткин (ред.) 2023 — М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 3-е изд., испр. и доп. М.: Грамота [АСТ-ПРЕСС КНИГА], 2023. 1024 с.

Лекант П. А., *Леденева В. В*. Школьный орфоэпический словарь русского языка. 4-е изд. М.: Просвещение, 2009. 168 с.

Львов В. В. Орфоэпический словарь русского языка для школьников. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2020. 159 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. М.: ГИС, 1960. 900 с.

Скачедубова Е. С. Орфоэпический словарь русского языка. 9–11 классы. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2021. 352 с.

Ушаков (ред.) 1935–1940 — Толковый словарь русского языка. В 4 тт. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

Шведова (ред.) 2007 — Л. П. Крысин, Л. В. Куркина, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

Литература

Каленчук М. Л. Орфоэпические словари русского языка: проблемы жанра // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова, 2020, № 3. С. 219–234.

Пожарицкая С. К. Орфоэпия: идея и практика // Язык и речь. Проблемы и решения. Сб. научных трудов к юбилею профессора Л. В. Златоустовой. М., 2004. С. 231–238.

Фильде О. В. Разговорная лексика // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 508.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. Л.: Наука, 1974. 427 с.

***M. L. Kalenchuk*[1]*, D. M. Savinov*[2]**

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
mkalenchuk@yandex.ru[1]*; crillon@yandex.ru*[2]

ORTHOEPIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS THE STATE LANGUAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION: SPECIFICITY OF THE GENRE

The article is devoted to the characteristics of the new orthoepic dictionary of the Russian language, prepared in the Phonetics Department of the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. The developed dictionary differs from other orthoepic sources in that it is focused on the use of Russian as the state language. This determined some features of the vocabulary of the new dictionary, as well as its system of pronunciation and prohibitive marks. Thus, the vocabulary of the dictionary was formed due to stylistically neutral vocabulary, as well as words of a bookish style; colloquial vocabulary, dialectisms (regionalisms), jargonisms, colloquial and slang vocabulary were not included. When deciding on the inclusion of new foreign-language vocabulary in the vocabulary, the authors were guided by two main criteria: firstly, borrowed words should not have commonly used Russian analogues, and secondly, they should be widespread in the modern literary language. The developed dictionary provides only the most common pronunciation options encountered in the speech of educated people. Less preferable variants, the appearance of which depends on a number of additional conditions (from the speaker's age, his professional affiliation, speech rate or phrasal position), are not taken into account in the dictionary. The type of the new dictionary, which records the norms of the Russian language as the state language of the Russian Federation, predetermined the absence of non-narrative variants and prohibitive marks in it.

Keywords: lexicography, orthoepic dictionaries, Russian as a state language, dictionaries of difficulties, fundamental dictionaries

References

Fil'de O. V. [Colloquial vocabulary]. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii)* [Effective verbal communication (basic competencies). Dictionary reference]. Electronic edition. A. P. Skovorodnikov (ed.). Krasnoyarsk, 2014, p. 508. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Orthoepic dictionaries of the Russian language: The problems of the genre]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2020, № 3, pp. 219–234. (In Russ.)

Pozharitskaya S. K. [Orthoepy: ideas and practice]. *Yazyk i rech'. Problemy i resheniya. Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu professora L. V. Zlatoustovoi* [Language and Speech. Problems and solution. Collection of scientific papers for the anniversary of Professor Zlatoustova]. Moscow, 2004, pp. 231–238. (In Russ.)

Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. L. R. Zinder, M. I. Matusevich (ed.). Leningrad, Nauka Publ., 1974. 427 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.14

Г. Е. Крейдлин
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
gekr@iitp.ru

СЛОВНИК СЛОВАРЯ РУССКОГО ПАРАЯЗЫКА В СООТНОШЕНИИ С СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ О ЕГО ВХОДНЫХ ЕДИНИЦАХ

Целью статьи является описание структуры и содержания словника одного нового словаря — словаря русского параязыка. Словник содержит единицы разных классов и типов, включая отдельные междометные единицы, параязыковые одиночные звуки и последовательности звуков. Для сопоставления словника нашего словаря со словниками некоторых языковых словарей, близкими к нашему по своему составу, мы определили и охарактеризовали сходства и различия между ними.

Словарная статья содержит разные зоны. Наряду с привычными зонами, такими как зона фонетической и графической информации, семантическая зона, иллюстрации, синтаксическая зона, словарная статья содержит и некоторые непривычные зоны — зона обобщающих слов, зона комментариев, зона номинации классов звуков, зона жестового сопровождения параязыковой единицы и др.

С целью определения состава словника все звуки русского параязыка были разбиты нами на два крупных семантических класса — звуки параязыка **живого** и **неживого** мира. Каждый из этих классов делится на подклассы. В статье приводятся примеры звуков каждого из подклассов с иллюстративными примерами.

Эти подклассы определяют семантическое содержание словаря и служат способом упорядочивания его словника. Словарь содержит примеры полисемии и омонимии параязыковых единиц. В случае омонимии единицы, относящиеся к разным семантическим классам, описываются в разных местах словаря.

Ключевые слова: параязык, словарь, словник, алфавитно-семантический способ упорядочивания, звуки параязыков живого и неживого миров

Описание взаимодействия в устной коммуникации различных знаковых кодов ставит перед лингвистами задачу отделения единиц вербального кода от наиболее близких к ним единиц невербальных кодов. В этой связи следует, прежде всего, обратить внимание на те слова, которые наиболее близки к единицам параязыка — ведь параязык (*para-* от греч. ‘около’), наряду с жестами, образует центральную

область функционирования невербальных знаковых кодов и область их взаимодействия с языком.

Задуманный нами словарь лексических единиц русского параязыка предполагает определение состава словника, установление его структуры и характеристику возможной информации для каждой входной единицы. Уточнение состава словника оказалось особенно важной задачей, поскольку между единицами русского параязыка и словами нет непроходимой границы. Дело в том, что многие единицы русского параязыка либо составляют класс так называемых вокальных жестов (в терминологии И. А. Шаронова, см. [Шаронов 2009; 2024]), либо с течением времени пополняют класс «подлинных» междометий.

В состав словника мы решили включить две группы междометных слов.

Первую группу составляют конвенциональные высокочастотные единицы русской междометной лексики, имеющие значение, фиксируемое в семантической зоне нашего словаря. Мы, однако, оставили в стороне классические письменные междометия, такие как *увы, ну да, чур*. В наш словник входят только те междометия, которые непосредственно соотносятся с параязыковыми единицами. Это, например, междометие *фу*, соотносимое с параязыковой единицей *фуу*, или единица *трах-тарарах,* связанная с *тарарах*. Эти единицы получают в словаре помету *междом*.

Вторую группу образуют устные междометия (например, *вжик* — варианты: *вжик-вжик, вжиг-вжиг, вжи* и др.), при которых мы в словаре указываем их двойную грамматическую характеристику, а именно *параяз.-междом*. Эта характеристика свидетельствует о неустойчивом положении устного междометия сразу в двух знаковых системах — вербальной (язык) и невербальной (параязык), а также фиксирует возможный динамический переход от единиц одной системы к единицам другой. В прочих случаях помета *параяз*. нами не используется. Устные междометия мы решили включить в словарь с целью продемонстрировать глубокие связи между единицами языка и параязыка.

Между единицами языка и параязыка, с одной стороны, и между единицами языка и жестами, с другой стороны, которые понимаются широко (это жесты рук, ног, плеч и головы, выражение лица, или мимика, позы, знаковые телодвижения и др.), существует определенный параллелизм. Конвенциональные жесты, такие как эмблемы (см. о них [Крейдлин 2002]), тоже связывает с языком несколько аспектов.

Во-первых, у таких жестов есть устойчивое конвенциональное название, впрочем, в ряде случаев не единственное, ср., например, жесты **подать руку / протянуть руку** — в ситуации, когда мужчина хочет помочь женщине выйти из транспорта, или **хлопать в ладоши / аплодисменты**.

Во-вторых, исполнение многих жестов предполагает конвенциональное речевое или параречевое сопровождение, например, жест **кивок** и *да* или *ууу*, **мотание головой** и *нет* или *м-м*.

И с другими невербальными знаковыми кодами тоже связаны определенные языковые и параязыковые единицы. Тем самым, отмечаемое нами соотношение

единиц параязыка и других знаковых кодов вполне уместно и, более того, вполне системно.

Помимо междометных слов, в словник нашего словаря входят и так называемые собственно параязыковые знаки. Их общим свойством является то, что у тех и других имеются регулярные системные связи с языковыми единицами. Эти связи мы эксплицитно указываем в словаре, вводя в его словарные статьи особую зону **обобщающих слов**. В нее входят такие существительные, как *мяукание*, *лай, тявканье, чавканье, сипение,* или такие глаголы, как *жужжать, булькать, хрипеть, скрипеть*. Например, существительное *кашель* «скрывает» за собой такие звуки, как *кхе-кхе, кха-кха, эх-эх*, а за глаголом *булькать* «стоят» звуки, обозначаемые как *буль, буль-буль, бульк*.

У собственно параязыковых единиц, в отличие от междометных слов, отмечается очень широкая формальная вариативность, далекая от конвенциональной, ср. параязыковые последовательности *ай, ай-ай, ай-яй, ай-яй-яй, ай-яй-...-яй*, которые в общем случае могут выражать разные смыслы. Например, параязыковая последовательность *ай-яй-...-яй* может выражать полушутливое осуждение бабушкой поступка внука. Число элементов в этой последовательности, однако, теоретически не ограничено. Та же последовательность, опять-таки, с более или менее произвольным числом элементов, может выражать и сожаление по поводу случившегося неприятного события (например, далеко уплыл мячик).

Такие последовательности составляют важный класс параязыковых единиц, которые могут относиться к разным семантическим классам. Так, *брр* имеет два значения: *брр1* обозначает звук, который издает человек, испытывающий холод, а *брр2* передает звук испытываемого отвращения. Единицы *брр1* и *брр2* — это именно две единицы одной параязыковой вокабулы, то есть это полисемия, а не омонимия. Близость *брр1* и *брр2* заключается не только в общности звучания, но и в реализации регулярной метафоры — близости физического ощущения холода и эмоции отвращения.

Мы сочли важным отразить эту метафору в толкованиях обеих единиц. Толкование единицы *брр1* мы дали выше, а полное толкование единицы *брр2* выглядит следующим образом — ‘человек произносит этот звук, испытывая в данный момент чувство отвращения, тот же звук он произносит, когда ощущает холод’. Последний компонент толкования единицы *брр2* и есть связующее звено между двумя значениями.

Уместно сопоставить словник нашего словаря со словниками некоторых языковых словарей, поскольку пересечение этих словников очевидно.

Начнем со словника словаря С. С. Шляховой «Дребезги языка: словарь русских фоносемантических аномалий» [Шляхова 2004], который включает в себя фоносемантические, или звукоизобразительные, аномалии, зафиксированные в разных социально-функциональных слоях русской речи. Группы единиц, образующие этот словник, впрочем, не очень четко очерчены. Так, звукоизобразительные слова выделяются на фонетической основе, а потому словарь не представляет собой единого семантического и грамматического целого. Например, в словаре Шляховой

есть такие единицы, как *буц* и *бухты-барахты*, причем первое значение у *буц* относится к звукоподражаниям, а единственное значение *бухты-барахты* к звукоподражаниям не относится. По сути, главное, что объясняет их включение в словарь, это некая соотносимость со звуками. В первом случае это прямое соотнесение, а во втором — через звукосимволизм[1].

В предисловии к своему словарю С. С. Шляхова отмечает, что «относительно фоносемантических аномалий нет терминологической определенности». Остается не до конца ясным грамматический статус и семантика описываемых аномалий. Хотя все единицы словника имеют общую лингвистическую природу, они, как отмечает сама исследовательница, относятся к разным семантическим и грамматическим классам, а «потому не имеют родового термина». Автор вполне справедливо сама называет их «лингвистическими дребезгами», поскольку слово *дребезги* хорошо отражает языковую природу фоносемантических аномалий и отношение лингвистов к этим языковым единицам.

Словарь С. С. Шляховой ориентирован на определение примарной (звукоизобразительной) мотивированности языковой единицы. Это обуславливает справедливость включения каждой такой единицы в словник словаря. Иными словами, основу словаря составляют однозначные или многозначные фонетические единицы, которые не распределяются по разным частеречным или семантическим классам. Не умаляя замечательных достоинств этого словаря, скажем, что его адресатом являются специалисты в области поэтики, стилистики, этимологии и некоторые другие, но никак не грамматисты или семиотики.

В этот словарь включается минимальное число грамматических характеристик, поскольку, как указывает сама автор, основной целью словаря является определение фоносемантической, а не грамматической природы входящих в него единиц. Мы бы добавили также, что его целью не является определение семантической природы входных единиц, как последняя понимается в Московской семантической школе.

Наш словарь параязыка и словарь С. С. Шляховой трудно сравнивать, поскольку они ориентированы на разных адресатов и содержат, вообще говоря, разные виды информации. Читатели словаря параязыка — это, главным образом, лингвисты-семиотики, интересующиеся взаимодействием и взаимообусловленностью разных знаковых кодов, а читатели словаря С. С. Шляховой — это специалисты в области мифопоэтики, стилистики, художественной речи и некоторые другие.

---

[1] Ср. фрагменты большой по объему словарной статьи *буц* (с вариантом *буц-буц*) и *бухты* (с вариантом *бухты-барахты*).

БУХТЫ ✦ Бухты-барахты. Звукосимв.✦ **С бухты-барахты.** Обозначает и/или указывает на что-л. немотивированное, не поддающееся логическому объяснению; ни с того ни с сего, необдуманно. <> *Удивительная женщина! Полюбила так, с бухты-барахты, даже не познакомившись и не узнавши, что я за человек.* А. Чехов. На даче.

БУЦ *редупл.* ***звукоподр. акуст.*** **АБ 11. 1.** Звук глухого удара, стук. *диал. Раньше-то пароходы ходи/или по реке. Буц-буц — так вот по воде-то хлопает колесо* (Орел Ус). *разг. Буц-буц головой-то об косяк, с тех пор — дурная.*

Хотя словарь С. С. Шляховой посвящен единицам языка, пусть «дребезгам», но всё же языка, единицы ее словника имеют с нашим словником общую часть, что еще раз свидетельствует об отсутствии жесткой границы между лексикой языка и лексикой параязыка (о чем мы подробно писали в нашей статье [Занадворова, Крейдлин, Шмелева (в печати)]). Об общих единицах и способах их лексикографического описания в каждом из словарей мы еще скажем чуть позже.

Второе издание книги И. А. Шаронова «Междометия в языке и речи» [Шаронов 2024] существенно дополнено по сравнению с первым [Шаронов 2009] и, что важно для нас, содержит «Экспериментальный словарь первичных эмоциональных междометий русского языка».

Этот словарь, как и материал книги, объединен центральной идеей, касающейся различения русских вокальных жестов как единиц устного кода и письменных «настоящих» междометий. И. А. Шаронов справедливо отмечает, что «междометия в огромном большинстве случаев представляют собой нечто совсем непохожее на другие части речи», и ссылается при этом на словарную статью «Междометия» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

Как показывает материал его книги, класс междометий чрезвычайно разношерстный. Так, в него входят симптоматические, эмоциональные, звукоподражательные и некоторые другие языковые единицы. Особенностью устных междометий является то, что они служат средством пополнения языка. Наиболее изученным в русской традиции, по мнению автора книги, является класс эмоциональных междометий. А потому не случайно он уделяет описанию этих междометий значительное место, в том числе и в рамках упомянутого словаря. В словаре разработана система помет, достаточно содержательная, разветвленная и разнообразная.

Пересечения словаря русского параязыка со словарем И. А. Шаронова еще в большей степени, чем со словарем С. С. Шляховой, не случайно, о чем мы подробно писали в уже упомянутой статье [Занадворова, Крейдлин, Шмелева 2024]. Система междометий и система параязыковых единиц — это не просто параллельные друг другу системы, они имеют большие пересечения. Это касается как словников, так и лексикографических представлений единиц. И в нашем словаре, и в словаре эмоциональных междометий есть зоны, относящиеся к разным уровням языка и это объединяющее эти словари свойство. Мы имеем в виду фонетическую и графическую зоны, семантическую зону, не явно обозначенные зоны сочетаемости, зоны иллюстраций, зоны жестового сопровождения употребления междометия и параязыковой единицы некоторые другие.

Между тем, в нашем словаре параязыка есть зоны, которых нет в словаре И. А. Шаронова. Материал этих зоны служит, как мы говорили, средством связи языковых и параязыковых единиц. Это зона комментариев, которые могут сопровождать разные другие зоны, зона обобщающих слова, синтаксическая зона и стилистическая зона.

Существенное пересечение есть и между словниками Толкового словаря русской разговорной речи [Крысин 2014–2022] и словаря русского параязыка. Это не

удивительно, поскольку в состав русской разговорной речи входят звуки, важные для устной коммуникации.

Наиболее важной частью нашего словаря мы считаем зону семантической информации. Семантика определяет не только состав словника, но и способы его упорядочивания. Основной принцип упорядочивания словарных единиц — это способ, который мы назвали *алфавитно-семантическим*.

Собранный нами параязыковой материал с самого начала мы разбили на два непересекающихся семантических класса — звуки параязыка **живого** и **неживого** мира. Каждый из этих классов делится на подклассы.

Параязык живого мира включает в себя: **звуки животных**, как входящих, так и не входящих в сферу человека; **звуки коммуникации человека с животным** (например, подзыв и отгон животных); **коммуникация людей** (общение взрослых и маленьких детей, общение взрослых со взрослыми, в том числе профессиональное); звуки, относящиеся к **физиологии человека** (звуки тела); звуки **психологической и защитной сфер** человека (звуки эмоции, звуки, передающие настроение или психологические состояния и др.; звуки боли, звуки болезней и другие защитные реакции); **звуки речи и пения**.

Параязык неживого мира содержит такие подклассы, как **звуки природы** и их имитация (звуки ветра, воды, грома, песка, камней, деревьев и т. п.); **звуки механизмов, инструментов и звуки, возникающие при их работе или работе с ними** (звуки мотора, поезда, автомобиля; пилы, молотка, дрели, оружия; лязг ворот, скрип двери); **звуки музыкальных инструментов** и других артефактов, предназначенных для извлечения звуков (колокольчик, свисток, дверной звонок).

Сама зона семантической информации содержит несколько частей. Основная часть — это толкование входной единицы (вокабулы или отдельных лексем), комментарий к толкованию, примеры употребления толкуемой единицы, некоторые нетривиальные семантические признаки, то есть, по определению Ю. Д. Апресяна, те, которые не вытекают из толкования единицы, к ним относится, например, возможность вхождения рассматриваемой единицы в одну или несколько параязыковых последовательностей, причем разной длины. Так, односложная параязыковая единица *ой* может входить в такие последовательности, как *ой-ой, ой-ой-ой, ой-ёй-ёй* и некоторые другие. Те из этих последовательностей, которые лексикографы признают конвенциональными, подлежат толкованию непосредственно в словаре, а другие остаются в виде потенциальных вариантов.

Приведем примеры параязыковых единиц упомянутых семантических классов с иллюстрациями употребления этих единиц. Приводимые примеры демонстрируют звуковое и смысловое разнообразие русских параязыковых единиц. Из них видно, что классификации звуков по тем семантическим признакам, которые мы положили в основу упорядочивания словника, построить не удается: часть звуков попадает в разные классы. Иными словами, мы имеем дело не с классификацией, а с каталогизацией параязыковых звуков.

В целом ряде работ Ю. Д. Апресяна, например, в [Апресян 1995] были выделены сферы человека, образующие в совокупности образ человека в наивной картине

мира. Это 1. Физическая, или физиологическая, сфера; 2. Защитная сфера человека; 3. Ментальная, или умственная, сфера; 4. Психическая, или психологическая, сфера. К ним можно добавить 5. Сферу коммуникации человека с живой и неживой природой.

Помимо лексических и фразеологических единиц, обслуживающих выделенные сферы, заметную роль в этих сферах играют единицы параязыка, прежде всего звуки и звучания. При этом звуков, относящихся к умственной, или ментальной, сфере, нами обнаружено не было.

I. Параязык живого мира

1. Звуки домашних животных

Звуки собаки (тяф-тяф, гав-гав, ав-ав и др.): *Самоделкин и Карандаш побежали по Тихой набережной. «**Тяф-тяф**!» — послышалось далеко позади* (Ю. Постников. Приключения Карандаша и Самоделкина).

Звуки диких животных

***Вой волка*: *У-у-у**... — завыли в поле волки, / У-у-у... — и ветер повторил, / А мороз свои иголки/ В кожу рук и щёк забил* (из русской баллады).

***Рычание тигра*: *Тигр прыгнул и сказал: — **Р-р-р**!* (из детской сказки).

Звуки птиц: *И кто-то мило «**ци-ци-ци**!»/ Лепечет около сарая, / Наверно, поздние скворцы* (Д. Самойлов. Апрель); ***Звуки насекомых*** **(муха, комар, пчела)**: *Потом пролетит муха: «**жжж**...»* (Д. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); *Над лесом висело унылое «**з-з-з**»: это комар по имени Одинокий Волк высматривал себе добычу* (О. и К. Соловьевы. З-з-з-з-з).

2. Сферы человека и звуки связанные с ними

2.1. Звуки физической, или физиологической, сферы

Звуки **телесных объектов** и номинации отображаемых звуков: ***цок-цок*** — *цоканье языком,* ***хм-хм*** *— шмыганье носом, втягивание носом воздуха;* ***чмок-чмок*** *— чмоканье губами;* ***щёлк*** — щелканье пальцев рук; ***шарк-шарк*** — шарканье ног: *А он едва плетётся в своих валяных чувяках, подшитых кожей:* ***шарк-шарк****...* (В. Галактионова. Спящие от печали); ***топ-топ*** — звук слышимых шагов: *И бригада за ним по снегу:* ***топ-топ****, скрип-скрип*. (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

2.2. Защитная сфера человека

Физиологические звуки защитной сферы человека: *Ай, ой, вэй* — звуки боли, болезненных состояний; *кхе-кхе* — кашель, покашливание; *апчхи* — чихание.

2.3. Психическая, или психологическая, сфера

Звуки испытываемых **эмоций** и актуальных **психологических состояний**:

положительных: *ах, ой, ай* — звуки радости или восторга: — *Тут он **о-о-о** что задумал!* (Ю. Крелин. Записи); волнения (стук сердца): *На мне шапки не было, но*

*щеки действительно вспыхнули, шея взмокла, сердце — **бах бах, бах, бах** — побежало* (Ф. Горенштейн. Маленький фруктовый садик).

отрицательных: *ой-ой-ой, м-м-м, ой-вэй* — звуки печали (стоны), *у-у-у* — досады, разочарования, *брр, фуу, буэ* — отвращения, *ой, ух* — испуг, *уфф, фуу* — звуки усталости; *Отец-то у меня — **у-у-у**! — строгий был — ни в жисть, говорит, этому балаболу тебя не видать!* (А. Ермакова. Мамаиха); ***Фуу**! Чё-то я устал сёдня* (К/ф «Ширли-мырли», 1995); *Грустное и дождливое настроение. **Бэээ*** (из блогов, 2019).

2.4. Коммуникация человека с живой природой (в частности, с людьми)

Звуки коммуникации с животными и их номинации: *Кис-кис, цып-цып, тега-тега* — подзыв животных; *кыш, брысь* — отгон животных; команды животным — *тпру, фу*.

Звуки коммуникация людей с людьми: *Ау, эй* — звуки привлечения внимания; звуки аплодисментов; улюлюканье, свист; *чмоки-чмоки* — звуки поцелуя.

Звуки речи и пения (*ля-ля-ля, бла-бла-бла: тари-рара*): *Я не знал ни одной приличной колыбельной и только **бубнил гнусаво**: «**Баю-бай, ай-яй-яй, тру-лю-лю, бу-бу-бу...*** (Д. Рубина. Двойная фамилия);

II. Параязык неживого мира содержит такие подклассы, как:

Звуки природы и их имитация[2]**; номинации звуков:** *у-у-у* — звуки ветра (вой, завывание), *как-кап, буль-буль* — звуки воды (капанье, бульканье), *трах* — звук грома (громыхание) и др.

Звуки ветра*:** *Только за открытой форточкой воет ветер: **у-у-у**!..* (В. Войнович. Иванькиада); ***Звуки сталкивающихся льдин (треск)*:** *Я помню, как начинался ледоход на Неве, как сталкивались льдины — **пш-ш-ш!, пш-ш-ш! (В. Глоцер. Марина Дурново. Мой муж Даниил Хармс).

Звуки механизмов, инструментов и звуки, возникающие при их работе или работе с ними (*чух-чух* — звуки мотора, *тук-тук-тук* — стук колес поезда; *вжж, ззз* — звуки пилы, бормашины, дрели; *тук-тук-тук* — стук молотка; *чик-чик* — звук ножниц; *пиф-паф* — звук выстрелов):

Стук колес[3]: *Только колеса внизу выговаривают: — **Ту-ту-ту! Ту-ту-ту**!* (А. Неверов. Ташкент — город хлебный); — *Да, Леночка? Даже не верится, что*

---

[2] Имитации природных звуков воспроизводятся, например, в разных театрах (Первый русский театр Полины Шереметьевой в Останкино имеет сцену, где зрители просто могут слышать, как с помощью примитивных механизмов и инструментов воспроизводились звуки неживой природы.

[3] Передача одних и тех же звуков может быть культурно обусловленной. Например, в японском языке и японской культуре выделяется звук *до-дес-ка-дэн*, имитирующий звук трамвайных колес (заметим, что по-японски *доо дес ка* дословно переводится как *Что случилось? В чем дело?*). На его использовании построен сюжет знаменитого фильма Акиры Куросавы и Акутагавы Рюноске, который в российском прокате шел под названием «Под стук трамвайных колес». По-видимому, прокатчики предполагали, что название «До-дес-ка-дэн» не будет понятно российскому зрителю.

уже в поезде сидим. И сейчас поедем. ***Чух-чух-чух. Чух-чух.*** (М. Трауб. Плохая мать).

Звуки часов, музыкальных инструментов и других артефактов, предназначенных для извлечения звуков (*динь-динь, динь-дон, дили-дили-дон, бом-бом* — колокол, набат, колокольчик; свисток, дверной звонок, школьный звонок).

Первый батальон шагом... арш!.. Трубы: ***ту-ту-ту****. Колокольчики:* ***динь-динь-динь****.* (Б. Лавренев. Сорок первый); *Бьют часы на башне: «****Тик-так, тик-так****». А стенные поскорее: «****тики-таки****». А карманные спешат: «****Тики-таки, тики-таки-так****»*[4] (из детской песенки).

Заключение

Настоящая статья является естественным продолжением ряда наших статей (см. Литературу). В одной из них были выделены и описаны основные функции русских параязыковых единиц в текстах разных жанров и стилей. В другой был представлен проект словаря нового типа — словаря русских параязыковых единиц. В данной статье акцент делается на словнике этого словаря и на семантических признаках, положенных в основание его словника.

Наиболее важной зоной словарной статьи представляемого словаря мы считаем семантическую зону. Семантикой определяются не только состав словника, но и способы его упорядочивания. Кроме того, семантика во многом определяет, какие значения более тесно связаны, а какие менее, в пределах параязыковой единицы, а также особенности употребления данной лексемы или вокабулы.

Охарактеризовав состав словника, мы показали, чем он отличается от двух наиболее близких к нашему типу словарей, — словаря С. С. Шляховой [Шляхова 2003] и словаря И. А. Шаронова [Шаронов 2024].

Словари

СЯРЖ 2001 — *Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е.* Словарь языка русских жестов. М. — Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Под ред. Л. П. Крысина. Выпуск 1–4. М.: ЯСК. Вып. 5. М. — СПб: Нестор-История, 2014–2022.

Шляхова С. С. Дребезги языка. Словарь русский фоносемантических аномалий. Перм. гос. пед. университет. Пермь, 2004.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «ЯРК», 1995. 767 с.

[4] Отметим, что звуковые последовательности, обозначающие бой часов, канонически зависят от размера часов: куранты бьют не так как, карманные часы, а карманные не так, как стенные. То же касается разнообразных звонов — звуков колокола, колокольчика, дверного звонка, школьного звонка.

Занадворова А. В., Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я. Параязыковые единицы в инициальных и ответных репликах диалога // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 56–70.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я. Функции параязыковых единиц в русских текстах// Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. № 3, 2024. С. 193–203.

Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2008, 291 с.; (2-е изд., испр. и доп.) 2024. 315 с.

G. E. Kreidlin

Russian State University for Humanities
(Russia, Moscow)
gekr@iitp.ru

THE INPUT UNITS IN THE NEW RUSSIAN PARALANGUAGE DICTIONARY IN THEIR RELATIONS TO SEMANTIC INFORMATION ABOUT THESE UNITS

The paper aims to describe the structure and content of the entries of the dictionary of Russian paralanguage. The entries are units of different classes and types including some interjections, paralanguage sounds and sequences of sounds. To compare our dictionary with some of language dictionaries, which are close to paralinguistic dictionary the authors defined several characteristics of these dictionaries, both similar and different.

A dictionary entry contains different zones. These are the zone of phonetic and graphic information, the semantic zone, illustrations, syntactic zone. A dictionary entry contains also some special zones — the zone of words generalizing paralinguistic information, commentaries, nomination of sounds and sound classes, the zone of gesture accompaniment of the paralinguistic unit and some others.

All sounds that determine Russian paralanguage units included into our dictionary have been divided into two large semantic classes. These are the sounds that belong to the animate world and the sounds of inanimate one. Both classes are divided into several subclasses. The article provides some illuminative examples of sounds of each of the subclasses.

The subclasses constitute semantic content of the dictionary and organize the information in it. The dictionary contains examples of polysemic and homonymy units. In the case of homonymy, signs that belong to different semantic classes are described in different places of the dictionary.

Keywords: paralanguage, dictionary, vocabulary, alphabetic-semantic method of ordering, sounds of paralanguages of the living and nonliving worlds

References

Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. II. Integral Description of Language and Systemic Lexicography]. Moscow, School "YaRK" Publ., 1995. 767 p.

Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Nonverbal semiotics: Body language and natural language]. Moscow, NLO Publ., 2002. 592 p.

Kreidlin G. E., Shmeleva E. Ya. [Functions of Paralanguistic Units in Russian Texts] *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAS*, 2024, № 3, pp. 193–203. (In Russ.)

Sharonov I. A. *Mezhdometiya v rechi, tekste i slovare* [Interjections in speech, text and dictionary]. Moscow, RSUH Publ., 2008, 291 p.; (2nd ed., corr. and enl.*)* 2024, 315 p.

Zanadvorova A. V., Kreidlin G. E., Shmeleva E. Ya. [Paralanguage units in initial and response dialogue replicas], *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series,* no. 8, 2024, pp. 56–70. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.15

М. А. Кронгауз
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
mkronhaus@yandex.ru

НОВЫЕ НОМИНАЦИИ МУЖЧИН В МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ[1]

Леониду Петровичу Крысину,
создавшему канон социолингвистического описания языка
([Крысин 1989], [Крысин 2003] и др.), посвящается.

В статье рассматривается современный молодежный сленг, а именно номинации мужчин, появившиеся в самое последнее время: *анк(л), масик, нормис, сигма, скуф, тюбик, чечик, штрих*. Обращается внимание на то, что слова *масик, тюбик, чечик, штрих* часто в интернете обсуждаются вместе и имеют общие семантические и прагматические характеристики. Они обозначают типажи мужчин в соответствии с их пригодностью к романтическим и сексуальным отношениям с женщинами. Таким образом, эти слова отражают женский взгляд на мужчин, а в молодежном сленге звучит женский голос. В качестве игры эти типажи применяются к известным литературным и киноперсонажам. Другой особенностью современного сленга стало негативное переосмысление нормальности в словах *чечик* и *нормис*. Активное бытование молодежного сленга в интернете приводит к появлению большого количества мемов с ними, что можно обозначить как «мемный» — в первую очередь визуальный — шлейф. Наконец, следует отметить, что описания жаргонизмов в интернете носят «пакетный» характер, то есть это не толкования и даже не описания типажа, а описание его поведения и пристрастий в различных ситуациях.

Ключевые слова: русский язык, молодёжный жаргон, сленг, номинации мужчин, категория нормальности, «пакетное» описание, мемы, визуальное сопровождение жаргонизма

В последние годы в различных российских СМИ активно обсуждались новые слова в молодежном сленге, обозначающие мужчин: *анк(л), масик, нормис, сигма, скуф, тюбик, чечик, штрих*. Материалы о сленге появились на сайтах Комсомольской правды, Ленты, Чемпионата, Marie Claire и многих других. Среди новых

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

жаргонизмов наиболее популярным был *скуф*, попавший даже в списки слов года, в частности, по версии сайта gramota.ru.

Женский взгляд

Среди этих слов выделяется группа из четырех номинаций, часто обсуждаемых вместе. Приведем их здесь с описанием, основанным на текстах в интернете.

Ма́сик. Мужчина, который умеет правильно заботиться, красиво ухаживать, беспокоиться об эмоциональном состоянии своей возлюбленной, не пытается указать женщине на «ее место». Он уважает ее стремление к равноправию. Не манипулирует и не применяет насилие в любой его форме. Возникло, по-видимому, как сокращение от *маленький* (через *масенький*).

Тю́бик. Мужчина, худощавый, длинноволосый, может быть очень привлекательным, но только на первый взгляд. Мнительный, инфантильный, беспомощный в быту. По природе своей манипулятор и, возможно, абьюзер. Появилось в TikTok в ноябре 2022 года.

Че́чик. Мужчина без особых примет, к которому у девушки нет никаких чувств. Он неинтересен, не вызывает бабочек в животе, но и ничего плохого сказать про него тоже нельзя. Это сокращение от «человечек». Впервые появилось в соцсети X в феврале 2023 г.

Штрих. Мужчина, который, возможно, связан с криминалом и применяет не только эмоциональное, но и физическое насилие. Опасен.

Мы видим, что это галерея мужских типов, связанных не с принадлежностью к той или иной субкультуре, а с внешними и поведенческими характеристиками. Важно также отметить, что это мужские типы, которые описаны в основном с точки зрения их успешности для романтических и сексуальных отношений, то есть портреты нарисованы женщиной. Во многом поэтому так увлекательны игры с этими типажами в интернете, когда с их помощью определяются известные герои литературы и кино.

Так, образовательный портал «Мел» предлагает тест-распределение героев школьной классики по современным типажам, а в онлайн-журнале Эксмо предлагается отнести к штрихам Бендера, Чичикова и Печорина, к чечикам — Болконского, Каренина, Штольца, к тюбикам — Обломова, Безухова и булгаковского мастера. А вот к масикам относятся Грей, Дубровский и Гринёв. Не менее увлекательным оказывается распределение по этим типам членов знаменитых четверок: мушкетеров, хоббитов, героев сериала «Бригада» и даже смешариков [Кравченко 2024б, Салеева 2024].

Таким образом, в сленге проявляется женский взгляд на мужчин и их женская оценка, а также звучит женский голос, что случается не так часто. В [Эксмо 2025] *тюбик* сближается с *додиком* и *ботаником*, но очевидно, что последние определяются не женщиной и не через отношения с женщиной. Наиболее близким аналогом для этой четверки, видимо, можно считать *папика*, который в одном из значений также определяется через отношения с женщиной: «***Папиком*** *называют мужчину средних или преклонных лет, у которого на содержании находится молодая девушка модельной внешности*» [Июлькина 2014]. Но в отличие от рассматриваемых

четырех номинаций *папик* в молодежном сленге описывает чужого, находящегося вне круга носителей сленга:

> *Девушка, ищущая партнёра для секса или постоянных отношений, рассматривает прежде всего свою возрастную категорию, а на старших товарищей глядит лишь в том случае, если нужен* ***папик*** (Ирина Плыткевич. Мужчина в поиске: основные ошибки желающих познакомиться, 26.08.2017).

Нормальность — это плохо

Можно отметить и еще некоторые особенности группы слов, обозначающих мужчин. Среди рассматриваемых слов новых заимствований, строго говоря, только два: *анк* и *нормис*. Дискуссионный статус у слова *сигма*, а остальные относятся к русскому лексикону, хотя некоторые номинации — это давние заимствования (*тюбик*, *штрих*). Таким образом, хоть и на очень небольших числах, мы видим спад процесса заимствования.

Необычна и семантическая оценка номинаций, связанных со значением нормальности. Слово *чечик* рассмотрено выше, а *нормис* описывается следующим образом: «Человек, который не выделяется из толпы и имеет довольно типичные представления о жизни. Он уверен, что необходимо придерживаться здорового образа жизни, считает, что после школы нужно обязательно поступить в университет, а после получения высшего образования — устроиться на работу. В англ. в 2004 г.» (компиляция на основе [Кравченко 2024а] и [Саблин 2023]).

Можно сказать, что нормальность оценивается, скорее, негативно: примерно как «скучная обычность». Для сленга это не вполне обычно, поскольку существуют примеры как раз положительной оценки нормальности. Это касается таких прилагательных, как *адекватный* и *вменяемый*:

> *Я был безумно рад тому, что рядом со мной нормальный,* ***адекватный*** *человек, не испорченный тюрьмой, и наслаждался самыми невинными и незначительными репликами, которыми мы продолжали обмениваться, пока я устраивался на новом месте — расстилал свой матрас и одеяло, расставлял на полке книги, раскладывал тетрадки* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет, 2005);
>
> *Чем дальше, тем больше мне становилось ясно, что он никакой не шарлатан, а, во-первых, математический гений, и, во-вторых, в высшей степени* ***вменяемый*** *человек, способный к иронии, — и скептик побольше, чем я сам* (Л. А. Данилкин. Питчинг, 2016).

Положительную оценку имеет и слово *норм* из молодежного сленга, возникшее как сокращение наречия нормально. В качестве подтверждения можно привести стишок-порошок:

спустись в каюту айвазовский
кричат матросы скоро шторм
но отвечает живописец
мне норм
© Миша Шозанахер

Своего рода гендерным антонимом к этим словам можно считать жаргонизм *пикми*. *Пикми* (от англ. pick me — букв. выбери меня) описывается как девушка, которая пытается выделиться в компании, чтобы привлечь внимание со стороны парней. Модель поведения каждой отдельной пикми может отличаться, поскольку всё зависит от окружения и общего шаблона не существует [Bottleofskuma 2024]. Впрочем, пикми также оценивается отрицательно, видимо, в силу искусственности поведения и принижения окружения, за счет чего пикми пытается выделиться.

Сленг, интернет и другие факторы

Некоторые особенности современного молодежного сленга связаны с его постоянным бытованием в интернете. Именно поэтому эти слова сопровождаются мемами, в том числе большим количеством изображений (рисунков и видео). Так, *скуф* сопровождается мемом о госпрограмме, в соответствии с которой скуфам выдают альтушек (девушек с нестандартной внешностью, цветными волосами и ярким макияжем) на Госуслугах. Интересно слово *анк(л)* (от англ. uncle), которое обозначает мужчину, как правило, миллениала, старающегося казаться моложе своего возраста. Он использует в речи сленг, носит молодежную одежду, интересуется популярной у подростков культурой. С ним связан видеофрагмент из сериала «Студия 30», где мужчина в исполнении Стива Бушеми примерно 50 лет в красной бейсболке, толстовке и со скейтбордом общается с подростками.

Рис. 1. Мем, связанный со словом *анк*:
Стив Бушеми в сериале «Студия 30»

Таким образом, можно говорить о своего рода «мемном» шлейфе новых жаргонизмов, причем в основном это визуальный шлейф, то есть набор рисунков или видеороликов.

Еще одна важная особенность касается не самого сленга, а его описания. Типаж распознается не по какой-то главной черте (характеристике), что в принципе могло бы быть отражено в толковании, а по поведению и пристрастиях в целом наборе стандартных ситуаций.

Вот например, как описывается *масик*: «Надежный, заботливый, опрятный мужчина. Чаще всего он за феминизм, личные границы и раздельный сбор мусора. Находится в длительной психологической терапии. В отношении с женщиной: дарит подарки и не проявляет никакой агрессии» [Богомолов 2024].

Еще более наглядным является табличное представление. В интернете можно найти множество таблиц, определяющих *нормиса* и не *нормиса.* Вот одна из них [Саблин 2023] (рис. 2).

Рис. 2. Характеристики *нормиса* в табличном виде

Таким образом, вместо одной главной характеристики мы получаем множество черт, пристрастий, привычек и под., проявляющихся в разных ситуациях. Это некоторый пакет ситуаций и характеристик, так что мы можем говорить о пакетном описании типажа. Пакетное мышление, по всей видимости, отражает не столько особенности бытования сленга в интернете, сколько особенности современного мышления.

Последнее, о чем следует сказать, касается подробности описания современного жаргона в интернете. Ему посвящено огромное количество статей и материалов, часть из которых упомянута в этом тексте. В целом можно говорить об особой метачерте современного сленга, а именно о рефлексии носителей языка, выражающейся в подробном обсуждении новых слов в СМИ и блогах.

Сегодня прослеживаются и описываются момент появления слова, его происхождение, изменение значения, сопровождающие мемы и т. д.

Так, например, подробнейшим образом описана история появления и функционирования слова *скуф*:

> «Почему для обозначения такого мужчины используется именно это слово? Дело в том, что оно пошло от фамилии модератора ветки о политике на анонимном форуме “Двач”, которого зовут Алексей Скуфьин. <...>
>
> Тем временем пользователи форума сократили фамилию Алексея до ныне известного слова «скуф» и начали использовать его как нарицательное — для обозначения людей, похожих на Скуфьина внешне (залысина и лишний вес), а также разделяющих его политические взгляды.
>
> Можно сказать, что именно он стал первым скуфом.
>
> Позже термин стал обрастать все новыми значениями. И в 2023–2024 годах под ним стали подразумевать именно то, что описано выше. Понятие так прочно вошло в культурную и медиасреду, что несколько исполнителей даже выпустили треки, посвященные скуфам.
>
> Так, в феврале 2023 года рэпер Слава КПСС записал песню The Story of Skuf — дисс на стримера Илью Мэддисона, а в июле 2023 года комедийный рэпер MC Bo Khan опубликовал клип на песню “Скуф”» [Кравченко 2024б].

Заключение

В статье рассмотрены номинации мужчин, появившиеся в русском молодежном сленге в последние годы и активно обсуждавшиеся в 2024 году. Четыре номинации (*масик, тюбик, чечик, штрих*) обозначают мужчин с точки зрения их пригодности к отношениям с женщиной. Так в сленге проявляется женская оценка мужчин, женский взгляд и женский голос.

В современном сленге негативно переосмысляется категория нормальности. Это видно по отрицательной оценке таких мужских типажей, как *чечик* и *нормис*, являющихся носителями нормальности.

Нужно обратить внимание, что современные жаргонизмы связаны с мемами и сопровождаются визуальным рядом (рисунками и видео). Это обусловлено практически полным погружением сленга в интернет.

Этот фактор играет определенную роль и в сохранении истории слова, отслеживании изменения семантики и под. Сегодня лингвист, по существу, получает готовое описание слова.

Правда, надо учитывать, что оно не обязательно сделано в соответствии с лингвистическими стандартами. В частности, интерес представляет «пакетное» описание типажа, когда описывается его поведение в разных ситуациях, его отношение к разным проблемам, его пристрастия и под. Таким образом, вместо толкования мы получаем набор мнений и поведенческих паттернов, характеризующих типаж.

Можно аккуратно отметить сравнительно небольшое количество заимствований в этой лексической группе, но не стоит делать каких-то выводов на основании столь небольшой группы слов.

Литература

Богомолов Е. Надёжный, заботливый, щедрый, но не мужик. Мужчина — масик, разбираемся кто это такой // Дзен. Журнал «ЛОВУШКА ДЛЯ ТАРАКАНОВ 4.2». 1.04.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/ZgrKCi0NMXEWBcR7

Июлькина Е. Кто такой папик и почему так называется // Большой вопрос.ru. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bolshoyvopros.ru/questions/474549-kto-takoj-papik-i-pochemu-tak-nazyvaetsja.html

Кравченко Александра. Какого человека называют нормисом? И стоит ли обижаться на такое прозвище // Лента.ру. 13.02.2024а. . [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2024/02/13/kakogo-cheloveka-nazyvayut-normisom/

Кравченко Александра. Тюбик, масик, чечик, штрих и скуф. Кто это такие и как сленг, обозначающий типажи мужчин, стал мемом // Лента.ру. 1.04.2024б. [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2024/04/01/tyubik-masik-chechik-shtrih-i-skuf/?ysclid=m8p980du7d630375555

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 186 с.

Крысин Л. П. Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / отв. редактор Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 33–100.

Кузмина А. Новый русский: 23 слова, чтобы понять зумера // Marie Claire. 31.07.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/novyi-russkii-23-slova-chtoby-ponyat-zumera/?ysclid=m8p9f53yyl255845165

Молодежный сленг // Проект kp.ru «Я знаю». 2025. (In Russ.) Available at: https://www.kp.ru/edu/molodezhnyj-sleng/

Саблин М. Шопер, душнила, любишь чай: в твиттере спорят о том, как выделиться среди нормисов // Афиша Daily. 24.10.2023. (In Russ.) Available at: https://daily.afisha.ru/news/81307-shopper-dushnila-lyubish-chay-v-tvittere-sporyat-o-tom-kak-vydelitsya-sredi-normisov/

Салеева Е. Инфантилен, не может постоять за себя и ещё 3 признака интернет-типажа «тюбик» // Чемпионат. 2.07.2024. (In Russ.) Available at: https://www.championat.com/lifestyle/article-5595766-tyubik-kto-eto-chto-znachit-v-molodyozhnom-slenge-paren-muzhchina.html?ysclid=m8p9cc2wlh953642092

Печорин — тюбик или масик? Тест: распределите героев школьной классики по современным типажам // Мел. 14.04.2023. (In Russ.) Available at: https://mel.fm/testy/prover/8146250-pechorin--tyubik-ili-masik-test-raspredelite-geroyev-shkolnoy-klassiki-po-sovremennym-tipazham

Тюбик или *чечик*: герои русской литературы через призму нового тренда // Онлайн-журнал Эксмо. 8.04.2025. (In Russ.) Available at: https://eksmo.ru/articles/geroi-russkoy-literatury-cherez-prizmu-novogo-trenda-03-23-ID15624600/

Bottleofskuma. *Пикми*: кто это такие и что значит на молодежном сленге // wotpack.ru. 27.09.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://wotpack.ru/pikmi-kto-eto-takie-i-chto-znachit-na-molodezhnom-slenge/

M. A. Krongauz
HSE University
(Russia, Moscow)
mkronhaus@yandex.ru

NEW NOMINATIONS OF MEN IN YOUTH SLANG

The article is devoted to modern youth slang, namely to the nominations of men that have appeared most recently: *ank, masik, normis, sigma, skuf, tubik, chechik, shtrikh*. It is noted that the words *masik, tubik, chechik, shtrikh* are often discussed together on the Internet and have common semantic and pragmatic characteristics. They denote types of men according to their suitability for romantic and sexual relationships with women. Thus, these words reflect a female view of men, and a female voice sounds in youth slang. As a game, these types are applied to famous literary and film characters.

Another feature of modern slang has become a negative rethinking of normality in the words *chechik* and *normis*.

The active life of youth slang on the Internet leads to the emergence of a large number of memes with them, which can be designated as a "meme" trail, primarily visual.

Finally, it should be noted that the descriptions of jargon on the Internet are of a "package" nature, that is, they are not interpretations or even descriptions of a type, but a description of his behavior and preferences in various situations.

Keywords: Russian language, youth jargon, slang, nominations of men, category of normality, "package" description, memes, visual accompaniment of jargon

References

Bogomolov E. [Reliable, caring, generous, but not a man. A man is a masik, let's figure out who he is] // [Zen. Magazine "COCKROACH TRAP 4.2"]. 01.04.2024. (In Russ.) Available at: https://dzen.ru/a/ZgrKCi0NMXEWBcR7 (accessed 24.05.2025)

Bottleofskuma. [Pikme: who are they and what does it mean in youth slang] // *wotpack.ru*. 27.09.2024. (In Russ.) Available at: https://wotpack.ru/pikmi-kto-eto-takie-i-chto-znachit-na-molodezhnom-slenge/ (accessed 24.05.2025)

Iyul'kina E. [Who is "papik" and why is it called that?] // *Bol'shoyvopros.ru*. 2014. (In Russ.) Available at: https://www.bolshoyvopros.ru/questions/474549-kto-takoj-papik-i-pochemu-tak-nazyvaetsja.html (accessed 24.05.2025)

Kravchenko Aleksandra. [What kind of person is called a normie? And should one be offended by such a nickname?] // *Lenta.ru.* 13.02.2024a. (In Russ.) Available at: https://lenta.ru/articles/2024/02/13/kakogo-cheloveka-nazyvayut-normisom/ (accessed 24.05.2025)

Kravchenko Aleksandra. [T'ubik, masik, chechik, shtrikh and skuf. Who are they and how slang for male types became a meme] *Lenta.ru.* 01.04.2024b. (In Russ.) Available at: https://lenta.ru/articles/2024/04/01/tyubik-masik-chechik-shtrih-i-skuf/?ysclid=m8p980du7d630375555 (accessed 24.05.2025)

Krysin L. P. *Sociolingvisticheskie aspekty izuchenija sovremennogo russkogo jazyka*. [Sociolinguistic aspects of studying modern Russian language] Moscow: Nauka Publ., 1989. 186 p.

Krysin L. P. [Social differentiation of the moder n Russian national language system] *Sovremennyy yazyk. Social'naya i funkcionalnaya differenciaciya* / ed. L. P. Krysin. Moscow: YaSK Publ., 2003, pp. 33–100.

Kuzmina A. [New Russian: 23 words to understand zoomer] // *Marie Claire*. 31.07.2024. (In Russ.) Available at: https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/novyi-russkii-23-slova-chtoby-ponyat-zumera/?ysclid=m8p9f53yyl255845165 (accessed 24.05.2025)

[Youth slang] *Proekt kp.ru "Ya znayu"*. 2025. (In Russ.) Available at: https://www.kp.ru/edu/molodezhnyj-sleng/ (accessed 24.05.2025)

Sablin M. [Shopper, dushnila, do you like tea: Twitter debates how to stand out among normies] // *Afisha Daily*. 24.10.2023. (In Russ.) Available at: https://daily.afisha.ru/news/81307-shopper-dushnila-lyubish-chay-v-tvittere-sporyat-o-tom-kak-vydelitsya-sredi-normisov/ (accessed 24.05.2025)

Saleeva E. [Infantile, can't stand up for himself and 3 more signs of the Internet type "t'ubik"] // [Championat]. 2.07.2024. (In Russ.) Available at: https://www.championat.com/lifestyle/article-5595766-tyubik-kto-eto-chto-znachit-v-molodyozhnom-slenge-paren-muzhchina.html?ysclid=m8p9cc2wlh953642092 (accessed 24.05.2025)

[Pechorin — a t'ubik or a masik? Test: classify the heroes of school classics according to modern types] *Mel*. 14.04.2023. (In Russ.) Available at: https://mel.fm/testy/prover/8146250-pechorin--tyubik-ili-masik-test-raspredelite-geroyev-shkolnoy-klassiki-po-sovremennym-tipazham (accessed 24.05.2025)

[T'ubik or Chechik: Heroes of Russian Literature through the Prism of a New Trend] in [Online magazine Eksmo]. 8.04.2025. (In Russ.) Available at: https://eksmo.ru/articles/geroi-russkoy-literatury-cherez-prizmu-novogo-trenda-03-23-ID15624600/ (accessed 24.05.2025)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.16

О. Ю. Крючкова
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
vpks@rambler.ru

НАНИЗЫВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ СУФФИКСОВ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: МОДЕЛИ И ФУНКЦИИ

Нанизывание глагольных суффиксов, развивающееся в разные периоды истории русского языка, участвует в процессах формирования видовых отношений в системе русского глагола. В донациональный период определенное развитие получает модель суффиксального нанизывания *-а-* + *-ва-*, начиная с XIX в. — модель *-ова-* + *-ыва-*. В обоих случаях суффиксальное удвоение поддерживает имперфективное значение глагола, не вполне четко выраженное в односуффиксном глаголе, являющимся нередко двувидовым. Однако модели суффиксального нанизывания не становятся ни в один из исторических периодов продуктивными средствами видообразования, эксплицируя лишь значимые тенденции в этой области.

В памятниках XI–XVII вв. глаголы с вторичным суффиксальным формантом *-ва-* обозначали длящееся или обычное, постоянное действие в отличие от односуффиксных глаголов, нейтральных в отношении данной семантики. Продолжительность, усиленная посредством суффиксального повтора, является почвой, на которой активно развивается экспрессивизация двусуффиксных имперфективов, отраженная в древнерусской и особенно в старорусской письменности.

Модели двусуффиксной имперфективации, формирующиеся в разные периоды истории русского языка, характеризуются разнонаправленными социо-стилистическими векторами. В донациональный период производные модели *-а-* + *-ва-* входят в систему средств высокой книжности; дериваты новой модели *-ова-* + *-ыва-* являются в большинстве случаев окказиональными, внелитературными единицами.

Ключевые слова: история русского языка, словообразование, глагол, суффиксация, имперфективация

Введение

Нанизывание словообразовательных аффиксов (последовательное присоединение одних и тех же или синонимических аффиксов), встречающееся в структуре русских слов разных частей речи на всем протяжении развития русского языка,

наглядно запечатлевает важные тенденции исторического развития тех или иных словообразовательных микросистем. Аффиксальные усложнения отражают также знаменательные для разных исторических эпох стилистические и коммуникативные установки, служат яркими языковыми средствами, маркирующими характерные для данной эпохи речевые жанры (функционирование моделей с аффиксальным нанизыванием в текстах книжно-славянского и народно-разговорного характера в донациональную эпоху развития русского языка и корреляция таких моделей с тенденциями стилистического развития русского языка в новое время описаны в [Крючкова 2000; Крючкова 2018]). Аналогичны в общем виде и функции нанизывания глагольных суффиксов. Рассмотрим далее модели и функции суффиксального усложнения в донациональный (XI–XVII вв.) и национальный (XVIII–XXI вв.) периоды развития русского языка.

Нанизывание глагольных суффиксов в донациональный период истории русского языка

Суффиксальное нанизывание в морфемной структуре глагола в период XI–XVII вв. отражает начавшийся еще в праславянском языке процесс видовой дифференциации глагольных форм, процесс поисков и интенсивного развития средств видообразования, см., напр., [Силина 1982; Крючкова 2024]. В [ДРС XI–XIV вв. 1988–; СлРЯ XI–XVII вв. 1975–] отмечены пары односуффиксных и двусуффиксных глаголов: **конч-а-ти — конч-а-ва-ти**, **обон-я-ти — обон-я-ва-ти**, **оклевет-а-ти — оклевет-а-ва-ти**, **порабощ-а-ти — порабощ-а-ва-ти**, **страд-а-ти — страд-а-ва-ти**, **начерт-а-ти — начерт-а-ва-ти**, **растерз-а-ти — растерз-а-ва-ти** и др.

Вторичное присоединение суффикса *-а-* к суффиксальным глагольным основам, уже содержащим этот суффикс (ср. мнение А. Мейе об эпентетической природе элемента *-в-* в составе суффикса *-ва-* [Мейе 1951: 243]), стало применяться еще в общеславянском языке для передачи значения длительности (использование удвоений для передачи значений длительности и многократности действия — общий символический прием, получивший различную интерпретацию в разных языковых социумах). Глаголы с вторичным суффиксальным формантом *-ва-* обозначали длящееся или обычное, постоянное действие в отличие от односуффиксных глаголов, нейтральных в отношении указанной семантики. Ср., например, контексты с глаголами **кончати** и **кончавати**, **обоняти** и **обонявати** (разрядкой выделены контекстные актуализаторы неограниченно-кратного и обобщенно-фактического значений): **И єгда кончаютъ прологъ, и тогда почнутъ литоргию.** Х. Ант. Новг. XIV в. ~ 1200 г. Но: **Како же мы оубѣжимъ мукы бесконьчныя, коньчавающе время жития сего въ лѣности.** Усп. сб., XII–XIII вв. **Житиє сѣ наше кончаваєтъ, аще и не видимъ, нъ теченіемъ оубо течемъ вьси чл҃овѣци.** Златостр. XII в.; **Оному же въ томь манастыри, десятоє оуже коньчавающа лѣто, случися сконьчати.** Ж. Сав. осв., XIII в.

Яко же и самѣмь намъ обоняти... благооухание. Гр. Наз.; XI в. Но: **Почьто бо речетъ: не слухомь глядаемъ, а очима слышимъ, а ноздрьми въкушаемъ, а языкомь обоняваемы.** Изб. Св. 1073 г.

Глаголы с вторичным суффиксом *-ва-* являлись, как правило, имперфективными соответствиями к перфективно-имперфективным (двувидовым) глаголам с неспециализированным суффиксом *-а-*, характеризовавшим как глаголы несовершенного, так и глаголы совершенного вида. Ср.: **кончати** ‘кончать (окончить)’ — **кончавати** ‘кончать, оканчивать’; **скончати** ‘закончить (заканчивать), завершить (завершать)’ — **скончавати** ‘заканчивать, завершать’; **обѣщати** ‘дать (давать) слово’ — **обѣщавати** ‘давать слово’; **обонѧти** ‘ощущать (ощутить) запах’ — **обоняватиˇ** ‘ощущать запах’; **оклеветати** ‘клеветать (оклеветать), обвинять (обвинить)’ — **оклеветавати** ‘клеветать, обвинять’; **увѣщати** ‘уговорить, ободрять’ — **увѣщавати** ‘уговаривать, утешать’; **начертати** 1) ‘изображать (изобразить), обозначать (обозначить), чертить, начертать’, 2) ‘написать’ — **начертавати** 1) ‘чертами, линиями изображать, начертывать’; 2) ‘писать, излагать’; **раскаятися** ‘раскаяться (раскаиваться)’ — **раскаяватися** ‘раскаиваться’; **растєрзати** ‘разорвать (разрывать), разодрать, растерзать’, — **растєрзавати** — ‘разрывать, растерзывать’.

Вторичное присоединение суффикса *-ва-*, таким образом, служило средством устранения двувидовости.

Вторичный суффикс *-ва-* мог присоединяться, хотя и реже, к собственно имперфективным (не двувидовым) основам на *-а-*, и в этих случаях, будучи явно избыточным, придавал глагольным дериватам экспрессивно-усилительное звучание (нередко подчеркивая книжность, экспрессивность, высокий стилистический ореол, уже имеющийся у односуффиксных параллелей): **Горє нам, ко страдаваѥмъ.** Панд. Ант. XI в.; **Не хытростию порабощаваємъ, нъ благоумиємъ собимъ.** Гр. Наз. XI в. (формы **страдати** и **страдавати**, **порабощати** и **порабощавати** не имели семантических и грамматических различий; использование двусуффиксных глаголов выполняет лишь эмфатическую функцию, подчеркивая книжность и эмоциональную напряженность текста).

В старорусский период (XV–XVII вв.) экспрессивное употребление двусуффиксных имперфективов становится преобладающим. Глаголы модели *-а-* + *-ва-* употребляются в памятниках церковно-книжного характера (богослужебной, переводной, исторической литературе, житиях, ораторской прозе) в усилительно-экспрессивных, образных контекстах. Ср.: **Начнємъ же начертавати отъ перваго дни свѣтлаго, иже єсть Пасха христианомъ.** ДАИ I, 1590 г. (глагол **начертавати** мотивирован стилистически маркированным глаголом **начертати** (ср. нейтральное **написати**); **начертати** и **начертавати** не имеют семантических и грамматических различий, оба глагола принадлежат высокому стилю, употребляются исключительно в текстах книжно-славянского круга (церковных и исторических памятниках); в приведенном примере использование двусуффиксного глагола в зачине исторического повествования усиливает торжественность текста; ср. также употребление глагола **начертавати** в переводном памятнике в контексте о святом благословении: **Которыми персты подобаєтъ начертавати архиєрею или сщ҃єннику бл҃гословєніе, єже даєтъ**. Скрижаль II, 1656 г.);

Пастыря оного подражаваю, иже девять десять и девять имѣше овець, но єдиному заблуждшему потєчє. (С. Ио. Злат.) ВМЧ, Ноябрь 13–15, XVI в. ~ XV в.

(употребление глагола **подражавати**, эквивалентного книжному глаголу **подражати**, отмечено СлРЯ XI–XVII вв. в единственном эмоционально окрашенном контексте проповеди);

Ѹтроба ми възмятєся, и срдце моє обратися въ мнѣ, яко <u>огорчьвая</u> огорчяхъ. Библ. Генн. 1499 г. (причастная форма глагола **огорчавати**, употребленная в библейском тексте в конструкции тавтологического повтора, выражает высшую степень горечи).

Таким образом, суффиксальное нанизывание в глагольной основе в донациональный период истории русского языка было связано с выработкой способов видообразования, с поиском надежных средств выражения видовых значений (в данном случае значения несовершенного вида). Модели суффиксального удвоения в глагольных основах отразили генетическую связь имперфективного значения с экспрессивным в своей основе значением длительности действия (см. [Силина 1982: 158]). Продолжительность, усиленная посредством суффиксального повтора, является благодатной почвой, на которой активно развивается экспрессивизация двусуффиксных имперфективов.

Нанизывание глагольных суффиксов в национальный период истории русского языка

В новое время удвоение глагольных суффиксов, как и в предшествующие периоды, связано с процессами видообразования. Своеобразие суффиксального нанизывания в этот период заключается лишь в развитии новой структурной модели. В связи с тенденцией к преодолению двувидовости, свойственной глаголам на *-овать* (в том числе глаголам с морфами *-ирова-, -изова-, -изирова-, -фицирова-* с осложнением заимствованных формантов русским суффиксом *-ова-*), формируется новая модель суффиксального удвоения *-ова-* + *-ыва-*. «Грамматическое значение вида не обеспечено внутри глаголов *организовать*, *атаковать*, — пишет М. В. Панов, — оно вынесено в контекст. И это вызывает новые формы, где неясность досказана, обозначена: в слово введен еще один аффикс» [Панов 1999: 266]: *ассигн-ова-ть — ассигн-ов-ыва-ть, атак-ова-ть — атак-ов-ыва-ть, дезорганиз-ова-ть — дезорганиз-ов-ыва-ть, образ-ова-ть — образ-ов-ыва-ть, организ-ова-ть — организ-ов-ыва-ть, перепланир-ова-ть — перепланир-ов-ыва-ть, перефразир-ова-ть — перефразир-ов-ыва-ть, реорганиз-ова-ть — реорганиз-ов-ыва-ть, сообраз-ова-ть — сообраз-ов-ыва-ть*.

Сложение модели *-ова-* + *-ыва-* и по́зднее ее формирование обусловлены спецификой участвующих в ней суффиксов. Суффикс *-ыва-*, сформировавшийся как специализированное средство имперфективации, уже в старорусский период вытесняет более древние имперфективные суффиксы, в том числе и суффикс *-ова-*, который мог использоваться в роли средства вторичной имперфективации приставочных глаголов (ср. **ископ-а-ти — ископ-ова-ти**, **напит-а-ти — напит-ова-ти**), оставаясь при этом дополнительным, не основным средством выражения имперфективного значения [Мейе 1951: 138, 238; Силина 1982: 173, 265]. По мнению Т. П. Ломтева, использование суффикса *-ова-* как средства вторичной

имперфективации задержало процесс включения приставочных глаголов совершенного вида с этим суффиксом (типа *разворовать*) в парную видовую корреляцию. Этот процесс разворачивается лишь в XIX–XX вв., охватывая в том числе и двувидовые глаголы на *-ова-*, образовавшие к этому времени значительный лексический пласт, в основном на базе заимствований [Ломтев 1958: 246].

Новая модель снятия двувидовости оказывается в современном русском языке, как и древняя модель *-а-* + *-ва-*, неперспективной, временной моделью, отражающей определенный этап развития видовой системы. Непродуктивность суффиксально-усложняющего способа снятия двувидовости очевидна на фоне большого количества двувидовых глаголов современного русского языка, не имеющих все же имперфективных корреляций (по подсчетам Е. К. Николаевой, словарями русского языка зафиксировано около 1500 двувидовых глаголов, подавляющее большинство которых глаголы на *-ова(ть)* [Николаева 1988: 95]). Основным способом видовой характеризации подобных лексем выступает контекст, снимающий их видовую неопределенность.

Производные модели -ова- + -ыва- окказионально употребляются в итеративном значении, ср.: *Он перефразировывает вам дурным ломоносовским слогом то историю Карамзина, то статью Полевого, то что-нибудь другое* (В. Г. Белинский. Рец. на Историю Донского войска В. Броневского). *Не проходило и дня, чтобы дом его не атаковывало множество людей — отечественных и зарубежных журналистов, издателей, просто восторженных почитателей* (Н. Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева, 2002). Однако в русском литературном языке не получил распространения словообразовательный способ выражения этого значения. Итеративы, в том числе и суффиксально удвоенные, составляют яркую особенность лишь диалектной речи *(росказ-ыв-лива-ла, не приваж-ив-лива-лось* «не приводилось», см. [Симина 1970; Ровнова 1991]).

В современном русском литературном языке модель *-ова-* + *-ыва-* существует как модель окказионального внелитературного словопроизводства. Л. П. Крысин отмечает, что хотя в 20-е годы XX в. формы типа *атаковывать, использовывать, мобилизовывать, организовывать* «были весьма употребительны не только в просторечии, но и в литературной речи и имели определенные социальные перспективы на укрепление в нормативном языке, и некоторые из них (например, *организовывать*) сейчас употребляются и носителями литературного языка», в целом «русская литературная норма отвергает имперфективные глагольные формы, образуемые от двувидовых глаголов» [Крысин 2005: 8]. Заключение Л. П. Крысина подтверждается материалами Национального корпуса русского языка. Так, например, глагол *использовывать* представлен в 29 контекстах корпуса, абсолютное большинство которых относится к периоду 1910-х — 1930-х гг., ср.: *Научились в Красной армии ловить изменников военспецов, выделять честных и добросовестных, использовывать в общем и целом тысячи и десятки тысяч военспецов* (В. И. Ленин. О продовольственном налоге, 1921); *Всяким набившим руку режиссером по чутью, интуитивно аттракцион так или иначе использовывался...* (С. М. Эйзенштейн. Монтаж аттракционов, 1923); *...никто Белого не жалел, о нем не болел,*

все его использовывали, лениво, вяло, как сытые кошки сливки... (М. И. Цветаева. Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым), 1934). В текстах более позднего времени глагол *использовывать* представлен как нежелательный в литературной речи (*О слабости русского языка Агеева можно судить не только по слову «шибко» — слову, совершенно недопустимому в серьезном литературном произведении, — но и по таким словам, как «зачихал» в смысле «чихнул» или «использовывать» и тому подобное*. Дм. Волчек. Загадочный господин Агеев // Родник, 1989), свойственный носителям просторечия (ср. передачу речи депутата — носителя просторечия в мемуарах Евг. Евтушенко: *Ну, шо, Михаил Серхеич, наверно, вы подумали, шо это я все гребу под себя, свой депутатский значок в корыстных целях использовываю?* Е. Евтушенко. Волчий паспорт, 1999). Во второй половине XX в. существование таких образований оценивается лингвистами как «крайне неприятный факт», ср.: «Хочу надеяться: новшество не удержится в языке, — пишет М. В. Панов, — или, во всяком случае, не проникнет в повседневную культурную речь» [Панов 1999: 266].

Заключение

Таким образом, анализ моделей суффиксального нанизывания в глагольной лексеме указывает на нехарактерность в целом грамматических функций данного деривационного приема в русском языке. Участвуя в процессах становления грамматической категории вида, модели суффиксального нанизывания не становятся ни в один из исторических периодов развития русского языка продуктивными средствами видообразования. Более или менее длительное сохранение в языке глаголов с суффиксальным удвоением обеспечивается лишь их стилистическим функционированием и социальной маркированностью. Модели двусуффиксной имперфективации, формирующиеся в разные периоды истории русского языка, характеризуются разнонаправленными социо-стилистическими векторами. В донациональный период двусуффиксные глаголы, включаясь в систему разноуровневых повторов [Улуханов 1972], использовались в памятниках книжного (славянизированного) типа, тогда как в новое время двусуффиксные имперфективы имеют сниженный, внелитературный характер.

Литература

ДРС XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М.: Рус. яз., 1988–.

Крысин Л. П. Системные возможности языка и их реализация в узусе // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Международной научной конференции. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. С. 5–13.

Крючкова О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 264 с.

Крючкова О. Ю. Влияние жанрово-стилистического развития русской письменной речи XI–XVII веков на словообразовательные процессы // Жанры речи. Международный научный журнал. 2018. № 2 (18). С. 96–103.

Крючкова О. Ю. Роль аффиксальных средств русского языка в развитии категории вида // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 362–370.

Ломтев Т. П. О возникновении и развитии парной корреляции внутри одного глагола по категории совершенного и несовершенного вида в русском языке // Сб. ст. по языкознанию: Профессору Моск. ун-та акад. В. В. Виноградову в день его 60-летия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. С. 231–247.

Мейе А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностр. лит., 1951. 492 с.

Николаева Е. К. Словообразовательная структура производных двувидовых глаголов современного русского языка // Деривация в речевой деятельности: (Языковые единицы). Пермь: Ин-т языкозн. АН СССР; Пермский гос. ун-т. 1988. С. 95–96.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука — Школа «ЯРК», 1999. 275 с.

Ровнова О. Г. Многократные глаголы в одном Вологодском говоре // Современные русские говоры / отв. ред. Ю. С. Азарх. М.: Наука, 1991. С. 94–103.

Силина В. Б. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М.: Наука, 1982. С. 158–279.

Симина Г. Я. Глаголы со значением кратности в говорах Пинежья // Севернорусские говоры. Вып. 1. / отв. ред. Н. А. Мещерский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. С. 26–47.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–.

Улуханов И. С. О языке Древней Руси. М.: Наука, 1972. 135 с.

O. Yu. Kryuchkova
Saratov State University
(Russia, Saratov)
vpks@rambler.ru

STRINGING VERB SUFFIXES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE: PATTERNS AND FUNCTIONS

The stringing of verb suffixes, developing in different periods of the history of the Russian language, participates in the processes of formation of aspectual relations in the system of the Russian verb. In the pre-national period, the model of suffixal stringing *-а-* + *-ва-* undergoes a certain development, while the model of *-ова-* + *-ыва-* emerges in the 19th century. In both cases, suffixal doubling supports the imperfective meaning of the verb, which is not quite clearly expressed in the single-suffixed verb that is often bi-aspectual. However, suffixal reduplication patterns do not become productive means of aspects formation in any of the historical periods, expressing only significant tendencies in this area.

In the monuments of the XI–XVII cc., verbs with the secondary suffixal formant *-ва-* denote continuous or usual, constant action, unlike monosuffixal verbs, which are neutral regarding this semantics. Duration, reinforced by means of suffixal repetition, is the ground on which the expressive character of double-suffixed imperfectives actively develops, which can be seen in Old Russian and especially in Old Russian writing.

The models of bi-aspectual imperfectivization, formed in different periods of the history of the Russian language, are characterized by differently directed socio-stylistic vectors. In the pre-national period, derivatives of the *-а-* + *-ва-* model are highly bookish; derivatives of the new model *-ова-* + *-ыва-* are in most cases occasional, extra-literary units.

Keywords: history of Russian language, word formation, verb, suffixation, imperfectivization

References

DRS XI–XIV vv. — *Slovar` drevnerusskogo yazy`ka XI–XIV vv*. [Dictionary of the Old Russian Language XI–XIV cc.]. Moscow, Rus. jaz. Publ., 1988–. (In Russ.)

Krysin L. P. [Systemic possibilities of language and their realization in usus]. *Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennykh integratsionnykh protsessov: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russian literature in the context of modern integration processes: Proceedings of the International Scientific Conference] Volgograd, 2005, pp. 5–13. (In Russ.)

Kryuchkova O. Yu. *Reduplikatsiya kak yavlenie russkogo slovoobrazovaniya* [Reduplication as a phenomenon of Russian word formation]. Saratov, Saratov St. Univ. Publ., 2000, 264 p. (In Russ.).

Kryuchkova O. Yu. [Influence of genre and stylistic development of Russian written speech of XI–XVII centuries on word-formation processes]. *Zhanry rechi*, 2018. no. 2 (18), pp. 96–103. (In Russ.)

Kryuchkova O. Yu. [The role of affixal means of the Russian language in the development of the category of aspect]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika,* 2024. no. 24 (4), pp. 362–370. (In Russ.)

Lomtev T. P. [On the emergence and development of pair correlation within one verb in the category of perfect and imperfect form in Russian language] *Sb. st. po yazykoznaniyu: Professoru Mosk. un-ta akad. V. V. Vinogradovu v den' ego 60-letiya* [Collection of articles on linguistics: to Prof. of the Moscow Univ. V. V. Vinogradov on the day of his 60th anniversary]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1958, pp. 231–247. (In Russ.)

Meie A. *Obshcheslavyanskii yazyk* [Common Slavic language]. Moscow, Inostr. lit. Publ., 1951, 492 p. (In Russ.)

Nikolaeva E. K. [Word-formation structure of derivative bivalent verbs of modern Russian language] *Derivatsiya v rechevoi deyatel'nosti: (Yazykovye edinitsy)* [Derivation in speech activity: (Language units)]. Perm`, Institute of Linguistics USSR Academy of Sciences; Perm St. Univ., 1988, pp. 95–96. (In Russ.)

Panov M. V. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1999, 275 p. (In Russ.).

Rovnova O. G. [Multiple verbs in one Vologda dialect] *Sovremennye russkie govory* [Modern Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 94–103. (In Russ.)

Silina V. B. [History of the verb form category] *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol* [Historical grammar of the Russian language. Morphology. Verb]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 158–279. (In Russ.)

Simina G. Ya. [Verbs with the meaning of multiplicity in the Pinezhye dialects] *Severnorusskie govory* [Northern Russian dialects]. Leningrad, Leningrad St. Univ. Publ., 1970, pp. 26–47. (In Russ.)

SlRYa XI–XVII vv. — *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII cc.]. Moscow, Nauka Publ., 1975–. (In Russ.)

Ulukhanov I. S. *O yazyke Drevnei Rusi* [About the language of ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 135 p. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.17

А. С. Кулева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва),
an_kuleva@mail.ru

О РАЗГОВОРНЫХ НАЗВАНИЯХ РАСТЕНИЙ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Названия растений (фитонимы) описаны в основных толковых словарях современного русского языка преимущественно как подтип специальной лексики. Эта тенденция приводит к упрощению и обеднению этого фрагмента языковой картины мира. В наименьшей степени в словарях отражаются сниженные, обиходные названия растений, особенно современные. В статье делается попытка проанализировать разные типы обиходных фитонимов и их отражение в словарях. Общеязыковые лексические единицы могут совпадать с элементами ботанической номенклатуры, но их функционирование более многообразно. В специальном употреблении из синонимичных номинаций чаще предпочитаются латинские по происхождению названия. Менее употребительные названия растений могут переосмысливаться как обиходные, стилистически сниженные (*ломонос*, *шпажник*, *дынное дерево*). В словарях недостаточно отражается многозначность, характерная для названий растений: часто одна лексема может употребляться как номенклатурное обозначение одного растения и как обиходное название другого (например, *акация*, *герань*, *жасмин*). Помимо старых стилистически сниженных названий, в языке появляются новые лексические единицы, которые употребляются как варианты научных названий (*декабрист* vs. *шлюмбергера*, *денежное дерево* vs. *толстянка*, *тёщин язык* vs. *сансевиерия*).

Ключевые слова: лексикография, названия растений, Национальный корпус русского языка, сниженная лексика, толковый словарь, фитонимы

1. Названия растений как лексикографическая проблема

Обновление толковых словарей остается важной и насущной задачей лексикографии [Крысин 2011]. Интересно рассмотреть в этом аспекте одну тематическую группу лексики.

Названия растений (фитонимы) имеют сложную историю представления в толковых словарях современного русского языка. В основных словарях XX века прослеживается тенденция рассматривать их преимущественно как часть научной

номенклатуры. Если в более ранних словарях [СУ; БАС-1; СО] фитонимы составляют довольно широкий стилистический и хронологический спектр, а толкования отражают в большей степени наивноязыковые представления, то в более поздних [МАС; СОШ; СШв] можно наблюдать усиление наукоцентричной (или наукоподобной) составляющей. Во-первых, из словарей исключаются «недостаточно научные» единицы (устаревшие, разговорные и пр.), во-вторых, толкования становятся всё более типизированными и как следствие — малоинформативными (типа «...травянистое растение семейства бурачниковых, использующееся в медицине»), в-третьих, в связи с ограниченным включением в словарь специальной лексики, «более научные» названия растений также часто оказываются за пределами толковых словарей. В результате эта лексическая группа оказывается не только неоправданно сокращаемой, но и недостаточно содержательно истолкованной (см. подробнее [Кулева 2024]).

Выборка словарных статей из основных авторитетных словарей показывает, что корпус фитонимов на данный момент заметно устарел и в более новых словарях недостаточно актуализируется. Так, основное ядро этой группы включает около 400 единиц, среди которых такие, как *алыча*, *анчар*, *артишок*, *боровинка*, *брюква*, *ветла*, *гардения*, *гваюла*, *дуля* ‘груша’ и др., т. е. не самые актуальные для современного носителя языка и не самые точные с ботанической точки зрения (так, фитоним *анчар* обязан своим существованием в русском языке почти исключительно пушкинскому стихотворению, ср. [Анненков 1878], что подтверждается и данными [НКРЯ]). Новые единицы в словарях единичны, даже в [БАС-3], ср.: *папайя* (как вариант номинации *дынное дерево*) в [СШв], *базилик*, *борщевик* и *брокколи* в [АТоС] и др.

Пополнение и актуализацию этой группы можно обнаружить в словарях иноязычных слов, ср. в [Крысин 2010]: *авокадо*, *астильбе*, *брокколи* и др. Во многом это справедливо, поскольку в последние десятилетия в язык активно входят прежде всего иноязычные по происхождению названия — научные (*агератум*, *арункус*, *буддлея*, *галантус*, *мускари*) или инокультурные (*киви*, *маракуйя*, *рамбутан* и др.). Однако за пределами толковых словарей оказывается множество актуальных и употребительных названий (*волжанка*, *купена*, *лилейник*, *огуречник*, *посконник*, *пролеска*, *черноплодка*).

В наименьшей степени в толковых словарях отражены современные разговорные номинации. Изучение русской разговорной речи имеет давние и богатые традиции, получившие лексикографическое воплощение в новаторском труде [ТСРРР], однако названия растений, по вполне объективным причинам, оказались вне поля интересов и этого словарного проекта.

2. Разговорные названия растений

Разговорные названия растений можно разделить на несколько разнородных групп.

Прежде всего, в этом статусе могут сохраняться некоторые народные или «донаучные» названия, которые стали ощущаться разговорными, поскольку были

вытеснены другими номинациями. Кроме того, обиходные названия продолжают образовываться в языке.

1. Народные («донаучные») названия имели разную судьбу. Отдельные единицы закрепились не только в языке, но и в официальной русской ботанической номенклатуре. Другие использовались, но позднее вышли из употребления. Подавляющее большинство таких номинаций осталось за пределами современного литературного русского языка, отражаемого толковыми словарями, но изучается в рамках исторических, диалектных, лингвокультурологических исследований, ср. [Меркулова 1967; Колосова 2009].

Научные названия растений выглядят как атрибутивное словосочетание вида «Сущ. (Родовое название, с заглавной буквы) + прил. (видовой эпитет)» и обычно дублируют латинскую биноминальную номенклатуру: *Череда трехраздельная* (*Bidens tripartita*). Отметим, что с «ботанической» точки зрения «правильными» названиями растений признается система единиц, созданных на международной искусственной ботанической латыни [Горностаев и др. 1974: 3–4]. Национальные названия (в т. ч. русские), в таком случае, не вполне научны, что ставит под сомнение «наукоцентрическую» лексикографическую тенденцию; ср.: «Народная “номенклатура” растений, животных и других групп организмов является неотъемлемой составной частью того или иного языка: она подчиняется исключительно лишь лингвистическим правилам и относится к области языкознания, но не систематики или биологии в целом» [Эбель 2008: 4].

Тем не менее как часть общенационального языка русская ботаническая номенклатура, безусловно, существует и опирается на обиходные названия растений. Как официальные номинации функционируют даже такие, которые входят в противоречие с научной биноминальной системой, ср.: ***Верблюжья колючка*** *обыкновенная*, ***Гусиный лук*** *жёлтый*, ***Меч-трава*** *обыкновенная*, ***Очный цвет*** *полевой*, ***Пастушья сумка*** *обыкновенная* и др. [Маевский 2014]. В качестве основной номинации либо ее синонима могут выступать и названия, не укладывающиеся в формулу «Родовое название + видовой эпитет», ср.: *алыча* (*Слива растопыренная*), *анютины глазки* (*Фиалка Виттрока*), *луговой чай* (*Вербейник монетчатый*), *ключ-трава* (*Гроздовник полулунный*), *куриная слепота* (*Лютик едкий*), *раковые шейки* (*Змеевик большой*), *остро-пёстро* (*Расторопша пёстрая*), *черемша* (*Лук медвежий*), *сибирский кедр* (*Сосна сибирская*). Такие нестандартные номинации (обычно — неоднословное родовое название или, напротив, однословное видовое) могут восходить и не к народным фитонимам, представляя собой кальку научного названия или заимствование из других языков, ср. *Воронья лапа* = лат. *Coronopus*, *Кошачья лапка*, лат. *Antennaria* (ср. англ. *cat’s foot*, франц. *Pied de chat*, нем. *Katzenpfötchen* [Анненков 1878]), *Чумиза* (= *Щетинник итальянский*).

В специальном употреблении подобные названия могут преобразовываться в стандартизованную форму (*Иван-да-Марья = Марьянник дубравный*, *Пастушья сумка = Сумочник пастуший*) или вытесняться другими, часто транслитерацией научной номинации, ср.: *Гадючий лук* или *Мышиный гиацинт = Мускари*, *Курильский чай = Лапчатка*, *Очный цвет = Анагаллис*, *Разбитое сердце = Дицентра*,

превращаясь, таким образом, в обиходный вариант. Интересно, что неисконные русские названия, при вытеснении их более «научными», также начинают восприниматься как народные, ср.: *Шпажник* vs. *Гладиолус*, лат. *Gladiolus* (*шпажник* — калька, *гладиолус* — транслитерация).

Отказ от привычных названий в пользу более «наукообразных» можно связать не только с усилением роли научного знания в наивноязыковой картине мира, но и с активным развитием садоводства и цветоводства. С одной стороны, для носителей языка может быть характерно стремление к повышению языкового статуса или даже снобизм (кому-то приятнее выращивать *мускари* и *цимицифугу*, чем *гадючий лук* и *клопогон*). С другой стороны, современные высокодекоративные садовые формы могут существенно отличаться от своего исходного варианта, так что носители языка перестают чувствовать связь между ними; ср. дикорастущий *ломонос* и садовый *клематис*, ср. также: *резуха — антемис*, *ширяш — эремурус*, *дряква — цикламен*, *лютик — ранункулюс.* Название дикорастущего аналога также может начать восприниматься как стилистически сниженный вариант.

2. Очевидно, что помимо официальных названий растений существует большая и разнородная группа их обиходных обозначений, положение которых в системе литературного языка остается неопределенным. Их лексикографическое отражение оказывается, таким образом, избирательным и непоследовательным. В толковых словарях можно встретить такие ситуации:

— включение обиходных названий, в том числе в статусе официальных (*анютины глазки*, *краснотал*, *львиный зев*), в качестве варианта официальных (*столетник — агава* или *алоэ*; *гонобобель, гоноболь — голубика*), при отсутствии официальных или без соотнесения с ними (в [МАС] *глухая крапива*, в [БАС-1] *ложечная трава*, *шапочки*);
— включение обиходных названий, вышедших из употребления (*вонючка*, *желтоцвет*) или изменивших значение (так, в [МАС] *иван-да-марья* ‘(*Разг.*) Распространенное название трехцветной фиалки, культурные формы которой известны под названием «анютины глазки»’);
— включение устаревших официальных названий (в [СУ] *капуцин* ‘настурция’, *пламенник* ‘флокс’; в [БАС-1] *авраамово дерево*, *желтокорень*, *не-тронь-меня* (*недотрога*) ‘бальзамин’; в [СШв] *дынное дерево*);
— изредка включение официальных названий в статусе обиходных (в [СУ] *кипрей* ‘(*обл.*) то же, что Иван-чай’);
— исключение обиходных названий при включении официальных, хотя в употреблении они могут оставаться актуальными или получать новое распределение типа «дикорастущее растение / культурная форма» (*шпажник — гладиолус*);
— исключение обиходных названий при игнорировании сменивших их научных (*водосбор — аквилегия*; *шпорник*, *живокость — дельфиниум*; *ломонос — клематис*);
— отсутствие как научного, так и обиходного названия известного растения (*арония — черноплодная рябина — черноплодка*);

— игнорирование актуальных названий, преимущественно научных (оцениваемых как слишком специальные), ср.: *бруннера*, *бузульник*, *вейгела*, *гербера*, *дерен*, *калла*, *котовник*, *кочедыжник*, *лилейник*, *маттиола*, *монарда*, *морозник*, *пузыреплодник*, *рудбекия*, *форзиция*, *хоста*, *сенполия* (*узамбарская фиалка*), *фрезия*, *хлорофитум*;

— игнорирование старых и новых стилистически сниженных названий, ср.: *ванька мокрый* ‘бальзамин’, *цыганские серьги* ‘фуксия’, *денежное дерево* ‘толстянка, крассула’.

3. К сожалению, словари редко фиксируют многозначность названий растений.

В ряде случаев, когда требовалось назвать новое для носителя языка растение, на него переносилось название растения известного, но реально отсутствующего (например, в силу климатических условий). Таким образом, с ботаническими номинациями сосуществуют обиходные названия других растений, ср.: *белая акация = Робиния обыкновенная* (*робиния лжеакация*) и *жёлтая акация = Карагана древовидная*, но *мимоза = Акация серебристая*; *багульник = Рододендрон даурский* и др. Такой перенос основывается как на объективной близости растений (*Акация*, *Карагана* и *Робиния* относятся к одному семейству), так и на функциональном или внешнем сходстве (ср. *жасмин* и *чубушник* — ‘кустарник с душистыми белыми цветами’). Встречаются и переносы на более зыбких основаниях, вплоть до возникновения нежелательного смешения (так, распространенный в городском озеленении *Клен американский* или *ясенелистный* часто называют *ясенем*).

4. Серьезный сдвиг в употреблении фитонимов можно связать с массовым увлечением садоводством и цветоводством, особенно в последние десятилетия. С одной стороны, названия растений вообще стали употребляться существенно шире, переходя из специального употребления в общеязыковое. С другой стороны, более употребительными стали научные названия, преимущественно иноязычные по происхождению, даже при наличии хорошо известных обиходных (ср. *столетник — **алоэ***, *герань — **пеларгония*** и даже *бархатцы — **тагетес***). Многие научные названия попали в широкое употребление, поскольку соответствующие растения ранее в наших условиях не встречались и не выращивались. Однако далеко не все новые иноязычные единицы, для которых в русском языке не было альтернативы, достаточно удобны для носителя языка. Распространение нового растения может сопровождаться образованием новой лексической единицы, в том числе по аналогии с уже известными обиходными номинациями. Можно отметить несколько разнонаправленных процессов (примеры из [Киселев 1956; Воронцов 2013]):

— для нового растения создается описательное название, основанное на внешних, функциональных и т. п. признаках: *аукуба — золотое дерево*, *ацидантера — душистый гладиолус*, *остеоспермум — африканская ромашка*, *хеномелес — японская айва*;

— неудобная в употреблении номинация заменяется неточным, но более простым названием: *замиокулькас — долларовое дерево* и *цветок безбрачия*, *спатифиллум — женское счастье* и *белый парус*;

— неточный обиходный вариант со временем сменяется более точным научным названием: *альпийская фиалка — цикламен*, *комнатный клен — абутилон*, *винтовое дерево — панданус*, *волшебный цветок — ахименес*, *дерево жизни — туя*, *красавица абиссинская — ацидантера*, *розан китайский — гибискус*;
— удачное обиходное название может войти в широкое употребление, несмотря на наличие в специальной литературе научной номинации (*декабрист* vs. *зигокактус* или *шлюмбергера*);
— дополнительные сложности вносит сфера маркетинга — одно и то же растение может продаваться под самыми разными названиями (вероятно, чтобы охватить максимально широкий круг покупателей или заставить их одно растение покупать неоднократно), ср.: *монарда = бергамот = японская мята*; *лофант = агастахе = многоколосник = иссоп анисовый = корейская* (*мексиканская*) *мята* и др.

Подобное происходит и в других языках, в частности в английском, так что названия такого рода могут оказаться и заимствованием-калькой, ср.: «*Sansevieria*, *Snake plants*, known as *Mother-in-Law's Tongue*» (https://plantcaretoday.com/houseplants) — *сансевиерия трехполосая*, *щучий хвост* или *тёщин язык*. Показательно, что обиходные названия всё чаще привлекают внимание современных исследователей [Quattrocchi 2019].

3. Лексикографические перспективы

Отсутствие нужной и актуальной информации порождает читательское недоверие к словарю — так, отметим параллельное заимствование названий при наличии кодифицированных единиц, даже если новый вариант не лучше или хуже старого, ср.: *маракуйя* vs. *гранадилла*, *помело* vs. *помпельмус* [Кулева, Пестова 2020].

Как представляется, лакунарность и недостаточная системность лексикографического описания названий растений делает актуальной задачу специального изучения этой лексической группы. Обращение к НКРЯ также обнаруживает несоответствие реального употребления фитонимов и их словарного представления. Авторитетная ботаническая литература малодоступна и/или несовременна, а разнобой в популярных справочниках скорее усложняет ситуацию, чем помогает в ней разобраться.

Таким образом, лингвистическое осмысление и описание сложной системы русских названий растений, с опорой на традиции отечественной лексикографии, представляется перспективным направлением исследований.

Источники

Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб.: Имп. Академия наук, 1878. 646 с.

АТоС — Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А — Вилять; Т. 2: Вина — Гяур / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2016.

БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. СПб.: Наука, 2004–.

Воронцов В. В. Садовые растения от А до Я. М.: Фитон XXI, 2013. 368 с.

Киселев Г. Е. Комнатное садоводство. М.: Сельхозгиз, 1956. 504 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010. 939 с.

Маевский П. Ф. Флора средней полосы европейской части России. 11-е испр. и доп. изд. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2014. 635 с. (1-е изд. 1892.)

МАС — Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1–4. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1981–1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 19.03.2025).

СО — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: ОГИЗ, 1949. 968 с.

СОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.

СУ — Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935–1940.

СШв — Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

ТСРРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–5 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2014–2022.

Quattrocchi U. CRC World Dictionary of Plant Names: Common Names, Scientific Names, Eponyms, Synonyms, and Etymology. Vol. I–IV. Boca Raton: CRC Press; Taylor&Francis, 2019.

Литература

Горностаев Г. Н., Забинкова Н. Н., Каден Н. Н. Латинские названия животных и растений. М.: Изд-во МГУ, 1974. 147 с.

Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.

Крысин Л. П. Проблема обновления толковых словарей современного русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2011. Т. 70. № 1. С. 3–9.

Кулева А. С., Пестова А. Р. О названиях экзотических фруктов: современный взгляд и лексикографическая традиция // Русская речь. 2020. № 2. С. 76–91.

Кулева А. С. Стилистический статус и лексикографическая фиксация разговорных названий растений // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 3 (41). С. 221–229.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 259 с.

Эбель А. Л. Научные названия видов растений: Учебное пособие. Томск: Томский государственный ун-т, 2008. 64 с.

A. S. Kuleva
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow),
an_kuleva@mail.ru

ON COLLOQUIAL PLANT NAMES IN THE EXPLANATORY DICTIONARY

Plant names (phytonyms) are described in the main explanatory dictionaries of the modern Russian language mainly as a nomenclature class, a subtype of special vocabulary. As a result, this lexical group in dictionaries is unreasonably reduced. Colloquial phytonyms, especially modern ones, have not yet been sufficiently described in explanatory dictionaries. The paper attempts to analyze different types of colloquial phytonyms and their interpretation in dictionaries. Common lexemes may be used as elements of botanical nomenclature. In special usage, Latin names are more often preferred from synonymous nominations. Unusual plant names can be reinterpreted as substandard ones (*ломонос* 'clematis', *дынное дерево* 'papaya' etc). Dictionaries do not sufficiently reflect the plant names ambiguity: often one lexeme can be used as the nomenclature name of one plant and as the common name of another (for example, *герань* also 'colloquial name of pelargonium', *жасмин* 'Jasminum' and 'Philadelphus'). In addition to the old substandard names, new lexical units appear in the language (*декабрист* 'Christmas cactus' vs. *шлюмбергера* 'Schlumbergera', *денежное дерево* 'money tree' vs. *толстянка* 'Crassula', *тёщин язык* 'Mother-in-Law's Tongue' vs. *сансевиерия* 'Sansevieria').

Keywords: explanatory dictionary, phytonyms, lexicography, plant names, Russian National Corpus, substandard lexis

References

Ebel' A. L. *Nauchnye nazvaniya vidov rastenii: Uchebnoe posobie* [Scientific names of plant species: A textbook]. Tomsk, 2002. 64 p. (In Russ.).

Gornostaev G. N., Zabinkova N. N., Kaden N. N. *Latinskie nazvaniya zhivotnykh i rastenii* [Latin names of animals and plants]. Moscow, 1974. 147 p. (In Russ.).

Kolosova V. B. *Leksika i simvolika slavyanskoi narodnoi botaniki. Etnolingvisticheskii aspekt* [Lexicon and symbolism of Slavic folk botany. An ethnolinguistic aspect]. Moscow, 2002. 352 p. (In Russ.).

Krysin L. P. [The problem of updating the dictionaries of modern Russian language] *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and language series], 2011. Vol. 70, no. 1, pp. 3–9. (In Russ.)

Kuleva A. S. [Stylistic status and lexicographic fixation of colloquial plant names]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 2024, no. 3, pp. 221–229. (In Russ.)

Kuleva A. S., Pestova A. R. [On the Names of Exotic Fruits: A Modern Look and Lexicographical Tradition]. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2020, no. 2, pp. 76–91. (In Russ.)

Merkulova V. A. *Ocherki po russkoi narodnoi nomenklature rastenii* [Essays on Russian folk plant terminology]. Moscow, 1967. 259 p. (In Russ.).

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.18

А. Б. Летучий
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
alexander.letuchiy@gmail.com

НОВЫЕ РАЗГОВОРНЫЕ СВЯЗОЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Леониду Петровичу Крысину
с большим уважением и самыми лучшими пожеланиями

В статье рассматриваются нестандартные связочные конструкции вида *Самолет слишком дорого*, представленные в разговорном русском языке. В них в первой части выступает существительное или именная группа, а во второй — форма типа *дорого*, которую можно описать как предикатив или форму краткого прилагательного среднего рода. Нормативное же для литературного языка местоимение *это* отсутствует. Тем самым, конструкция нарушает фундаментальное правило русской грамматики, согласно которому именное подлежащее должно контролировать согласование предиката (глагола, прилагательного, местоимения-прилагательного и др.). Хотя многие найденные контексты допускают трактовку в терминах имен ситуации (либо описание подлежащего типа *самолет* как обозначения связанной с самолетом ситуации, либо предположение, что опущена клауза типа (*Лететь на) самолете*), не все контексты однозначно отвечают ситуационной трактовке. Мы показываем, что конструкции такого рода отражают размывание парадигмы согласования кратких форм прилагательных по числу и роду — постепенно в предикатной позиции образуется диффузный тип форм, с трудом позволяющий различить предикативы и формы прилагательных. Корпусные данные показывают, что в период с начала XIX по конец XX века растет частотность связочных конструкций с местоимением *это* и убывает частотность кратких прилагательных. Тем самым, меньше становится контекстов, где краткие формы прилагательных согласуются по множественному числу, мужскому или женскому роду — продолжением этого процесса в разговорном языке является возникновение конструкций типа *Самолет дорого*.

Ключевые слова: нулевая связка, связочные конструкции, местоимение, согласование, предикатив, краткое прилагательное, pancake sentences

Введение

Русская грамматика, как показано в статье [Weiss 1993], характеризуется широким распространением нулевых составляющих. При этом нулевые единицы относятся к разным типам: часть из них — эллиптические (этот тип нулей широко распространен типологически), часть связаны с нулевым выражением предиката и др. Например, нуль в (1) замещает динамический предикат типа ‘ударить’, а в (2) представлен эллипсис глагольной словоформы *съел*, выраженной в первой части предложения.

(1) *А жена его палкой Ø бац, бац!*
(2) *Петя съел яблоко, а Вася Ø грушу.*

Среди этих типов нулевого выражения нас интересует нулевая связка: типологически она более редка, чем эллипсис (согласно атласу WALS [Stassen 2013], конструкции с нулевой связкой есть в 175 языках из 386 представленных в выборке). Во многих работах [Тестелец 2008; Letuchiy 2015] показано, что конструкции с нулевой связкой неоднородны. В частности, различаются между собой конструкции с местоимением *это* и без него, хотя оба типа не содержат выраженного глагола.

(3) *Шеф — мой друг и учитель и автор моей диссертации.* (В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961)
(4) *Джанни Версаче — это мой друг, у которого к тому же я одеваюсь.* (Аргументы и факты, 14.06.1995)

Среди различий — то, что конструкции с *это* и без *это* могут связывать разные типы составляющих. Если подлежащим является существительное, а во второй части находится предикатив / прилагательное, не согласующийся с существительным (пример (6)), то *это* обязательно.

(5) *Ехать туда (это) слишком дорого.*
(6) *Спорт — это слишком дорого.*

Тем самым, *это,* среди прочего, является средством избежать конфликта между синтаксическими типами первой (подлежащной) и второй (предикатной) частями связочной конструкции. Если в примерах (3)–(4) обе части являются именными группами, а в (5) ни одна из частей не именная, то в (6) первая часть — именная группа, а вторая — предикатив или краткое прилагательное, не совпадающее по роду с подлежащим. Этот конфликт решается путем вставки *это*, с которым и согласуется сказуемое.

Разговорные конструкции

В рассматриваемых разговорных конструкциях данное правило нарушается. В центре нашего рассмотрения будут конструкции типа (7)–(12), где в позиции сказуемого находится обозначение признака, однако местоимение *это* не употребляется.

(7) *Танцев или пилатеса поблизости нет, йога на другом конце города, большой теннис дорого и далеко.* (https://fitstars.ru/blog/healthy-lifestyle/...)

(8) *Ваш муж знает, что хоккей слишком дорого? Он будет сам оплачивать?* (https://www.woman.ru/kids/ot-7-do-12/thread/5755857/)
(9) *Где учиться? Лондон — слишком дорого. Новая Зеландия — далеко.* (Комсомольская правда, 04.02.2011)
(10) *Мне, например, так и неведомо, что надо делать в День рыбака или железнодорожного работника. Утка — слишком помпезно, вино как-то неадекватно...* (Комсомольская правда, 07.05.2007)
(11) *Китай — дешево, но плохо. Россия — дорого и плохо.* (Комсомольская правда, 26.04.2011)
(12) *Наши собаки болеют... Прививки — дорого. Ветеринарное обслуживание — очень дорого...* (Известия, 07.04.2002)

Как легко заметить, примеры (7)–(12) нарушают строгое для русского языка правило: подлежащие, являющиеся именными группами, должны контролировать согласование предикатной составляющей, игнорировать их лицо, число, род сказуемое (будь то глагол, прилагательное или предикатив) не может. Именно этим вызвана обязательность местоимения *это* в примерах типа (6) выше.

Конструкции можно разделить на два типа — со знаком препинания и без него. Если в примерах (9)–(12) между подлежащим и сказуемым стоит тире, то в примерах (7)–(8) и (13)–(16) ниже его нет — по-видимому, автор мыслит данные конструкции как произносимые без паузы между подлежащим и основной частью.

(13) *Почему не футбол? Футбол для меня скучно. Носятся по огромному полю. Мяч гоняют.* (https://dzen.ru/a/YiL21dEvPmyHLrCJ)
(14) *Хоккей для меня слишком сложно. Трансформеры гоняют палками какой-то камешек, которого практически не видно.* (https://otvet.mail.ru/question/50207058)
(15) *Старшая 2 месяца ходила в муниципальный сад. Я в шоке была если честно. Конечно платный частный сад дорого. Но и отношение к детям другое.* (https://bvf.ru/forum/showthread.php?p=24335150)
(16) *Вот все говорят: квартира дорого, дом в черте города дорого, такие цены ломят.*

Анализ этих конструкций может быть разным. Для конструкций с тире допустим анализ с опущенной клаузой. В этом случае группа в именительном падеже является не стандартным подлежащим, а скорее вынесенной темой:

(17) *Садик — [туда ходить] дорого.*

При отсутствии тире такое объяснение, скорее всего не годится. Для русского языка нетипичны конструкции, где вынесенная тема и собственно подлежащее не разделены интонацией и / или знаком препинания.

(18) **Садик туда ходить дорого.*

Более обоснованно считать, что данная конструкция получена либо просто сочетанием первой (именной) и второй (предикатной) частей без согласования, либо опущением местоимения *это* в стандартной конструкции[1].

Предикатив, прилагательное или наречие?

Главный вопрос состоит в том, к какой части речи или разряду слов относятся предикатные слова типа *дорого* в (7)–(18). Формы краткого прилагательного, предикатива и наречия зачастую совпадают, и слово *дорого* может относиться к каждой из этих частей речи. Рассмотрим каждую из версий.

Маловероятно, что эти слова являются наречиями. Так, наречие *дорого*, которое выступает в примере (15), употребляется в наречной функции крайне редко — в основном, при ограниченном круге глаголов (*стоить, платить, взять*, *продавать*) — поскольку мы рассматриваем конструкции с невыраженными глаголами, это явно другой тип контекста.

Можно было бы решить, что в этих примерах выступает прилагательное. Однако остается вопрос о том, почему оно не согласуется с родом и числом подлежащего. Кроме того, часть прилагательных из примеров выше практически никогда не выступают в краткой форме среднего рода. Сомнителен, во всяком случае, без знаков препинания, пример типа *Это описание плохо.* То же касается и других форм прилагательных: безусловно, вариант *Частный детский сад дорог* возможен, однако выглядит излишне литературным или архаичным.

Гипотезу о предикативе, казалось бы, тоже нужно отвергнуть. Диагностический признак конструкций с предикативами — это отсутствие стандартного подлежащего в именительном падеже. В наших же примерах такое подлежащее есть: группы *хорошие самолеты, Лондон, теннис* оформлены именительным падежом (форма винительного падежа совпадает с формой именительного, однако никакой вершины, управляющей винительным падежом, в данных предложениях нет).

(19) *Хорошие самолеты — дорого.*

Однако вспомним, что предикатив имеет и некоторые другие употребления в конструкциях, где есть маркированное именительным падежом подлежащее. При некоторых местоимениях — например, *это* в примере (20) — предпочтительно усматривать предикатив, в частности, потому, что полные прилагательные такие контексты практически не допускают (21).

(20) *Это неинтересно.*
(21) *??Это неинтересное.*

[1] Отметим, что почти всегда рассматриваемые конструкции выступают в настоящем времени и, соответственно, без выраженной связки. Примеры типа приведенного ниже встречаются, однако их буквально единицы:

Я не отдала в свое время сына в большой теннис, это дорого было мне. И хоккей было дорого. (https://forum.baginya.org/index.php?threads/)

Мы считаем, что в нашей конструкции выступает предикатив — однако в нестандартной функции. Его использование связано с тем, что подлежащная группа утрачивает способность к контролю согласования. Так же ведет себя и *это* в качестве местоимения-существительного: невозможны примеры с множественным числом типа **Эти неинтересные* и контроль множественного согласования вида **Это и вон то неинтересны.*

Pancake sentences

Поговорим об аналогах данной конструкции. Сходная модель согласования изучалась на материале скандинавских языков, где к ней применяется термин *Pancake sentences* (см. [Widmark 1966; Wechsler 2011; Enger 2013]): он связан с тем, что изначально явление было обнаружено на материале предложений типа (22) и (23).

Шведский:

(22) *Pannkakor* *är* *goda.*
блины быть.PRES хороший.PL
‘Блины вкусны / вкусные’.

(23) *Pannkakor* *är* *gott.*
блины быть.PRES хороший.NT.SG
‘Есть блины вкусно’. [Wechsler 2011]

Скандинавские аналоги, впрочем, отличаются от русских по месту в системе. Во-первых, в скандинавских языках обязательно использование в настоящем времени выраженной глагольной связки. Во-вторых, скандинавские языки — как и большинство индоевропейских языков — не имеют специальной категории предикатива. Тем самым, набор возможных гипотез сужается. Как показано в работе [Wechsler 2011], основных возможностей две: либо явление носит **семантический характер** (подлежащее интерпретируется как ситуация, задействующая блины), либо **синтаксический** (опущена вершина клаузы типа ‘есть блины’).

Ситуационная семантика: помогает ли она?

При анализе исследуемых разговорных конструкций может быть полезно понятие имени ситуации (см. [Розанова 2025] и др.). Принятый в данных работах подход подразумевает, что семантику ситуации может выражать не только собственно ситуационное (например, отглагольное) существительное типа *рассмотрение, погрузка* и др., но и (при сдвиге употребления) предметные имена типа *дача, стол, газета* и др.

(24) *У меня сегодня весь день газета.*

(25) *Дача — это надолго.*

В наших примерах речь тоже часто идет не просто о предмете или виде спорта, а еще и о наборе ситуаций, которые ассоциируются с данным объектом. Например, в (15) речь идет не о детском саде как помещении или учреждении, а о том, что посещение детского сада требует больших затрат.

Тем не менее, кажется сомнительным, что любую связочную конструкцию с *это* или без него можно считать проявлением ситуационного прочтения. Среди наших примеров есть исключения, где обсуждается характеристика самого объекта: ср. конструкцию с *это* в (26) и без *это* в (27):

(26) *А кто сказал, что клюква — это плохо. Клюква — это вкусно.* (Независимая газета, 20.03.1999)
(27) *И вот летают на этом старье, потому что хорошие самолеты — дорого.* (РИА Новости, 07.09.2011)

В то же время обращение к именам ситуации позволяет выявить одну из функций конструкции в современном языке. По-видимому, именно отсылка к ситуациям, связанным с объектом, позволяет обозначить более широкий набор характеристик, чем стандартная связочная конструкция. Так обстоит дело в примерах ниже:

(28) *Если вы ленитесь, то школа скучно, а если вы хотите учиться, то вам будет интересно и всё у вас получится.*
(29) *Как подготовиться к ОГЭ по математике, когда ты ничего не знаешь, а репетитор дорого?*

В первом примере выбор конструкции *школа скучная* обозначал бы характеристики данной школы, а *школа скучна* — восприятие школы человеком. Выбор разговорного варианта позволяет, не уточняя, обозначить весь комплекс характеристик — как субъективное восприятие ситуации говорящим, так и собственные свойства школы. Точно так же соотносятся конструкции *каша невкусно* и *каша невкусная*: только первая из них выражает восприятие говорящего, которая в стандартном случае обозначается конструкцией с предикативом *Мне невкусно*.

Зачем нужна стандартная конструкция с *это*?

Пример (26) выше показывает, что и стандартная конструкция с *это* и предикативом допускает вопросы: зачем она нужна и какую функцию в ней имеет местоимение *это*? Для чего вместо конструкции типа *Стол удобен для письма* выступает *Стол — это удобно для письма*? Выше мы говорили, что *это* позволяет избежать конфликта между родом подлежащего и сказуемого. Однако для чего нужна сама форма *удобно*, а не согласованное по всем правилам *удобен*?

Вероятно, причина использования *это* не только в ситуационном прочтении. Кроме этого, употребление *это* компенсирует тот факт, что краткие прилагательные постепенно теряют свою употребительность. В отсутствие *это* требовалась бы полная парадигма родов и чисел из четырех форм, которая выглядит естественно не для всех прилагательных:

(30) *Твоя теория плоха.*
(31) *Твой анализ плох.*
(32) *Твое исследование плохо.*
(33) *Твои выводы плохи.*

Если же используется *это*, местоимение позволяет избежать выбора рода и числа значения краткого прилагательного. Проверим эту гипотезу на материале Национального корпуса русского языка.

Данные НКРЯ (по периодам в 50 лет) позволяют увидеть два факта. Первый из них (см. Таблицу 1) состоит в том, что доля кратких прилагательных на фоне полных и на фоне всех форм прилагательных существенно убывает от второго периода к третьему, но ни в какой период не показывает существенного роста.

Вторая тенденция (Таблица 2) заключается в том, что встречаемость конструкции с существительным, *это* и прилагательным / предикативом (*кудри — это красиво*) от одного периода к другому резко возрастает (почти в 7 раз от первого периода ко второму, в 1,5 раз от второго к третьему и более чем в 3 раза от третьего к четвертому), тогда как встречаемость конструкции с *это* и прилагательным / предикативом, без требования существительного, почти не растет (исключением является переход от первого ко второму периоду). Иначе говоря, растет именно пропорция связочных конструкций с *это*: хотя такие конструкции гораздо менее частотны, чем конструкции с кратким прилагательным, и не подменяют их в полной мере, тем не менее, два процесса — убывание частотности кратких форм и рост частотности связочных конструкций с *это* — явно коррелируют между собой, пусть и не стопроцентно.

Таблица 1. Встречаемость прилагательных во всех формах, в полных формах и в кратких формах в разные периоды (художественные тексты основного корпуса НКРЯ)

	Прилагательных всего	**Полных**	**Кратких**
1801–1850	518 294	455 299 (87,85%)	62 995 (12,15%)
1851–1900	2 031 669	1 785 463 (87,88%)	246 206 (12,12%)
1901–1950	3 297 802	3 005 791 (91,15%)	292 011 (8,85%)
1951–2000	3 481 788	3 170 263 (91,05%)	311 525 (8,95%)
Всего	11 066 891	10 003 104	1 063 787

Таблица 2. Встречаемость кратких прилагательных, связочных конструкций «Имя в номинативе + *это* + предикатив / краткое прилагательное» и всех конструкций вида «*Это* + предикатив / краткое прилагательное» в разные периоды (художественные тексты основного корпуса НКРЯ)

	Конструкция «*Это* + краткое прилагательное среднего рода / предикатив»	**Конструкция «Существительное в именительном падеже + тире + *это* + краткое прилагательное среднего рода / предикатив»**	**Конструкция «Существительное в именительном падеже + краткое прилагательное» (без знака препинания между ними)**
1801–1850	1446	8	4200
1851–1900	9878	54	13 353
1901–1950	10 725	81	19 852
1951–2000	13 496	249	21 403
Всего	41 570	578	69 602

В этом смысле появление конструкций типа *Хоккей дорого* или *Каша — невкусно* — это логическое продолжение процессов из таблиц 1 и 2. Поскольку растет частотность конструкций с *это*, краткие формы прилагательных постепенно сливаются с формами предикативов. Именно поэтому противопоставление конструкций (34) (без *это*) и (35) (с *это*) стирается.

(34) *Хоккейные матчи слишком скучно.*
(35) *Хоккейные матчи — это слишком скучно.*

Рост употребления связочных конструкций с *это* параллелен другой тенденции — росту употребления форм среднего рода кратких прилагательных в целом (Таблица 3). Формы среднего рода постоянно растут более чем на 2%, тогда как все остальные формы ни в какой период не демонстрируют сильного роста. Следовательно, полная парадигма согласования кратких прилагательных постепенно утрачивает свое значение.

Таблица 3. Употребление согласовательных форм кратких прилагательных в разные периоды (художественные тексты основного корпуса НКРЯ)

	Краткие прилагательные всего	**Формы мужского рода ед.ч.**	**Формы женского рода ед.ч.**	**Формы среднего рода ед.ч.**	**Формы мн.ч.**
1801–1850	62 995	24 902 (39,53%)	12 918 (20,51%)	**13 158 (20,89%)**	12 016 (19,07%)
1851–1900	246 206	86 592 (35,17%)	48 539 (19,71%)	**67 162 (27,28%)**	43 912 (17,84%)
1901–1950	292 011	101 072 (34,61%)	48 742 (16,69%)	**86 892 (29,76%)**	55 301 (18,94%)
1951–2000	311 525	108 907 (34,96%)	51 019 (16,38%)	**99 342 (31,89%)**	52 245 (16,77%)
Всего	1 063 787	372 186	188 019	**314 989**	188 579

Близкие, но другие: несогласованные конструкции с квантификаторами и близкими единицами

От наших связочных конструкций следует отличать другие, представленные в примерах (36) и (37). Эти примеры выглядят более стандартными и встречаются в корпусе раньше. Они отличаются от рассмотренных ранее и семантически, и синтаксически (по выбранной диатезе): в позиции подлежащего выступает не имя предмета, цена которого характеризуется, а конструкция с квантификатором или числительным.

(36) *Двугривенный дорого, — ответил Анфертьев — вот три бумажки за пятачок возьму, обратную сторону использовать можно.* (К. К. Вагинов. Гарпагониада (1934))
(37) *Двадцать два градуса — слишком жарко.*

У данных конструкций есть два отличия от рассмотренных ранее. В (36)–(37) предикатные слова типа *дорого* или *жарко* в контекстах типа относятся скорее не к именной группе, а собственно к числительному. В целом вариативность согласования

в русских конструкциях с числительными и квантификаторами неоднократно отмечалась лингвистами.

(38) *Пришло / пришли сто человек.*

Е. А. Лютикова [2010] считает, что эти различия связаны с тем, что внешне одинаковые кванторные группы на самом деле могут относиться к разным синтаксическим типам — при согласовании по единственному числу у них есть только уровень структуры QP (quantifier phrase — группа квантификатора), а при согласовании по множественному — еще и уровень DP (determiner phrase — группа детерминатора).

В целом отсутствие согласования в конструкциях с числительными и квантификаторами близко к рассматриваемому нами явлению. Если в примерах (36)–(37) нестандартные свойства демонстрируют квантификаторы, то в нашей конструкции контроль согласования утрачивают уже «настоящие» подлежащие, выраженные именными группами.

Заключение

В статье мы рассмотрели связочные конструкции типа *Частный детский сад дорого.* Как мы показали, эти конструкции допускают разные трактовки — во-первых, само слово типа *дорого* в предикатной позиции может описываться как предикатив или прилагательное. Во-вторых, можно считать, что конструкция получена опущением местоимения типа *это*, сентенциального актанта или вообще не соотноситься ни с каким более полным вариантом.

Мы поняли, что вряд ли можно считать конструкцию редуцированным вариантом построений с сентенциальным актантом. В найденной выборке примеров есть и контексты типа *Манная каша — невкусно*, где предикатная составляющая относится к предметному актанту. Скорее эта конструкция является нестандартным вариантом построения, где актант, выносимый в начало, дублируется местоимением *это*.

Рассмотренная конструкция показывает, что русские краткие прилагательные, по-видимому, утрачивают связь с согласовательными категориями. Поскольку формы типа *глупа / глуп* в разговорном регистре довольно редки, парадигма согласования по роду и числу кратких прилагательных постепенно вытесняется на периферию. В то же время широко распространена неизменяемая форма типа *невкусно* — при этом для грамматических ограничений несущественно, относится она в данном контексте к предикативам или к парадигме прилагательного — можно говорить о несогласуемой предикатной форме, нейтрализующей противопоставления этих частей речи.

Тем самым, конструкция выражает нестандартные свойства обеих частей. С одной стороны, для подлежащной части становится возможным не контролировать согласование — в литературном русском языке это возможно только для подлежащих, не являющихся именными группами (ср. приведенные выше примеры типа *Двадцать два градуса — слишком жарко*). С другой стороны, расширяется область употребления предикатива / несогласуемой формы краткого прилагательного. Эти изменения согласуются с тем, что частотность согласуемых форм

кратких прилагательных (в особенности форм женского рода единственного числа и множественного числа) на протяжении периода истории языка от XIX до конца XX века в целом снижается.

Литература

Лютикова Е. А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник МГУ, серия «Филология». 2010. № 6. С. 36–76.

Розанова Н. Н. «Имя ситуации» как особый тип номинации в РР и проблемы их словарного описания // Труды Института русского языка РАН. 2024. № 3. С. 310–322.

Тестелец Я. Г. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой / ред. Р. И. Розина, Г. И. Кустова. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 773–789.

Enger H.-O. Scandinavian pancake sentences revisited // Nordic Journal of Linguistics. 2013. № 36 (3), pp. 275–301.

Letuchiy A. B. Russian zero copulas and lexical verbs: similar or different? // Lingue e linguaggio. 2015. № 2, pp. 233–250.

Stassen L. Zero copula for predicate nominals // WALS Online (v2020.4) [Data set]. Zenodo. / M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). 2013. (Available online at http://wals.info/chapter/1, Accessed on 2025-04-10.)

Wechsler S. Polysemy and pancakes. Presented at CSSP, Paris, 23 September 2011. 2011. http://www.cssp.cnrs.fr/cssp2011/abstracts/cssp2011Wechsler.pdf (retrieved 16 September 2013).

Weiss D. Die Faszination der Leere. Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null // Zeitschrift für Slavische Philologie. (Beiträge zum XI. Internationalen Slavisten-Kongreß, Bratislava 1993). 1993. № 53, pp. 48–82.

Widmark G. 1966. Den inkongruenta neutrala predikatsfyllnaden och dess plats i dagens svenskans genussystem [The non-agreeing neuter complement and its place in the current Swedish gender system] // Nysvenska studie. 1966. № 46, pp. 91–135.

A. B. Letuchiy
HSE University
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
alexander.letuchiy@gmail.com

NEW COLLOQUIAL COPULAR CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN

The article analyzes nonstandard colloquial constructions with a zero copula in Russian, such as *Самолет слишком дорого* ‘A plane (is) too expensive’. Their first part contains a noun or a noun phrase, while the second includes a form like *дорого*

'expensive', which can be analyzed either as a neuter short form of adjective or a predicative (predicative adverbial). The most stirking is the absence of the pronoun *это,* obligatory for this type of sentences in literary Russian. Thus, the construction violates the fundamental rule of Russian syntax saying that an NP subject must control agreement of the predicate (verb, adjective, adjectival pronoun, and so on). Although many contexts of our sample can be described in terms of situational nominals (either the subject noun like *самолет* 'plane' has a situational reading or a complement clause is omitted), some examples refer to an object itself, rather than a situation. I show that the occurrence of this construction reflect the fact that the opposition of predicatives vs. short agreeing forms of adjectives becomes not very strict: the corpus data show that in the period from the beginning of 19th until the end of 20th century, the number of copular construction with *это* increases, and the number of short forms decreases. Masculine, feminine and plural agreement of short adjective forms becomes more rare, and our colloquial constructions logically follow from the general process.

Keywords: zero copula, copular constructions, pronouns, agreement, predicative, short forms of adjectives, pancake sentences

References

Enger H.–O. Scandinavian pancake sentences revisited. *Nordic Journal of Linguistics*, 2013, no. 36(3), pp. 275–301.

Letuchiy A. B. Russian zero copulas and lexical verbs: similar or different? *Lingue e linguaggio*, 2015, no. 2, pp. 233–250.

Lyutikova E. A. [On categorical status of noun phrases in Russian]. *Vestnik MGU, serija "Filologija",* 2010, no. 6, pp. 36–76. (In Russ.)

Rozanova N. N. ["Situational noun" as a special nomination type in colloquial Russian: problems of lexicographical description]. *Trudy Instituta russkogo jazyka RAN*, 2024, no. 3, pp. 310–322. (In Russ.)

Stassen L. Zero copula for predicate nominals. *WALS Online* (v2020.4) [Data set]. Zenodo. 2013. Available at: http://wals.info/chapter/1. (accessed on 10.04.2025)

Testelets Ya. G. [The structure of sentences with a zero copula in Russian]. *Dinamičeskie modeli: Slovo. Predloženie. Tekst. Sbornik statej v čest' E. V. Paducevoj* [Dynamic models: Word. Sentence. Text. Festschrift in honour of Elena V. Paducheva]. Moscow, 2008, pp. 773–789. (In Russ.)

Wechsler S. 2011. Polysemy and pancakes. Presented at CSSP, Paris, 23 September 2011. Available at: http:www.cssp.cnrs.frcssp2011abstractscssp2011Wechsler.pdf. (accessed on 10.04.2025)

Weiss D. Die Faszination der Leere. Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null *Zeitschrift für Slavische Philologie* (Beiträge zum XI. Internationalen Slavisten-Kongreß, Bratislava 1993), 1993, no. 53, pp. 48–82.

Widmark G. 1966. Den inkongruenta neutrala predikatsfyllnaden och dess plats i dagens svenskans genussystem [The non-agreeing neuter complement and its place in the current Swedish gender system]. *Nysvenska studie*, 1966, no. 46, pp. 91–135.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.19

Е. В. Маринова
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
(Россия, Нижний Новгород)
marinova@list.ru

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается заимствованная лексика в терминосистеме языка цифрового общества. Среди номинаций данной терминологии приблизительно 60% единиц являются результатом различных форм заимствования, что объясняется экстралингвистической причиной (лидерство в сфере цифровых технологий другой страны). В то же время заимствование обеспечивает интернационализацию научного словаря. Особую роль в этом процессе играют вторичные заимствования. Приводятся данные по каждой форме заимствования: прямое, графическое, вторичное. Отмечаются случаи закрепления в русском языке номинаций, восходящих к одному и тому же слову в языке-источнике в результате прямого заимствования и кальки; кальки и вкрапления; кальки и полукальки. Заметна также конкуренция графических вариантов одной и той же иноязычной единицы (*IT — ИТ*), что свидетельствуют о неустоявшемся характере терминологии, активности номинативного процесса в этой сфере. Устанавливается важная особенность процесса проникновения новых слов в русский язык, связанная с исключительным положением английского языка в роли языка-источника: англицизм всё чаще, по сравнению с предшествующими столетиями, входит в принимающую его систему как элемент формально-семантической парадигмы, а не единичный знак.

Ключевые слова: терминология цифрового общества, интернационализация, прямое заимствование, вторичное заимствование, калька, графическое заимствование, конкуренция форм заимствования

1. Введение. Лексическое заимствование как универсальный языковой процесс проявляет себя своеобразно, если принимающей системой является терминология какой-либо отрасли знания или профессиональной деятельности [Крысин 2014: 52]. Тот факт, что количество заимствованных терминов в современных терминосистемах может значительно превышать количество исконных (напр.: в терминологии электроники до 70% [РЯ: 155]), тому подтверждение. Причиной заимствования здесь выступают такие факторы, как тенденция к интернационализации научного языка;

отсутствие исконного обозначения научных открытий, если они сделаны учёными другой страны. Необходимым **условием заимствования** при этом становится высокая степень участия специалистов той или иной области знания в международном сотрудничестве. «Чем больше вовлечена та или иная сфера деятельности... в более или менее длительные международные связи, тем более открыта лексика и терминология этой сферы иноязычным инновациям» [Крысин 2000: 144].

В статье рассматриваются терминологические номинации языка цифрового общества, являющиеся результатом разных **форм заимствования** (прямого, вторичного, графического). Выбор предмета исследования объясняется актуальностью самой сферы: «цифровое общество» — это модель развития современных государств, предполагающая внедрение цифровых технологий во все области функционирования социума. Реализация этой модели в нашей стране, как и любые другие революционные преобразования (а цифровые технологии, сменившие аналоговые, считаются Третьей промышленной революцией), последовательно отражается в языке, в появлении многочисленных новых номинаций, постепенно складывающихся в единую терминосистему.

Материалом для наблюдений и анализа послужили письменные тексты, извлечённые из электронного медиабанка «Интегрум», «Национального корпуса русского языка»; тексты официальных документов и новостные тексты, размещённые на сайте Минцифры РФ. Общее количество исследуемых номинаций — ок. 1500.

В ходе исследования установлено, что около 60% терминологических номинаций восходят к английским прототипам. Номинации и терминоэлементы, образованные на русской почве и не имеющие соответствия в английском языке, составляют 37% (*цифровой рубль, цифровой портрет, цифра, цифро-* и др.). Остальные 3% включают образования, генезис которых определить с высокой степенью точности сложно: с одной стороны, они имеют соответствия в английском языке (*цифровое будущее, цифровые решения, цифровой суверенитет* и др.) и могли бы рассматриваться как структурные кальки. С другой стороны, однозначно утверждать факт их калькирования не приходится: во-первых, не обнаружены «на момент» исследования факты регулярного использования этих соответствий в англоязычных текстах; во-вторых, процесс номинирования объектов может происходить в языках параллельно, независимо друг от друга. Так, наличие английского эквивалента у прилагательного *антицифровой* (*anti-digital*) ещё не показатель калькирования. Другой пример — процессуальные существительные *авторизация, алгоритмизация, киборгизация, роботизация* и под., которые могут рассматриваться как суффиксальные образования, возникшие на почве русского языка, либо как заимствования, поскольку имеют соответствия в английском языке в виде субстантивов с суффиксом *-(iza)tion.* По словам Л. П. Крысина, «создаются довольно обширные группы.., относительно которых нельзя с достаточной уверенностью говорить как о заимствованных или как об образованных на русской почве», а значит, «в этимологическом анализе некоторых слов нельзя исключать множественность интерпретаций» [Крысин 1998: 118]. Исходя из этих соображений далее мы рассмотрим номинации, факт вхождения которых из другого языка в русский язык не вызывает сомнения.

2. Прямые заимствования. 2.1. В целом в русской терминологии цифрового общества преобладают кальки: этим способом передаются составные номинации (а их больше, чем однословных терминов: ок. 70%) — преимущественно с использованием главной кальки эпохи *цифровой*, а также некоторые однословные термины (*облако*, *приложение*, *Сеть* и др.). Способом **прямого заимствования** перенимаются из чужого языка только однословные термины, включая аббревиатуры.

Как правило, заимствованные термины представляют собой единственные обозначения объектов и понятий, что и является причиной их закрепления в языке. Таковы, например, англицизмы претерпевшей цифровую трансформацию финансовой сферы (*биткоин, блокчейн, майнинг, эквайринг (acquiring)* ‘услуга банка, позволяющая осуществлять безналичную оплату’): их вхождение в русский язык объясняется тем, что все новые цифровые финансовые инструменты и даже новая форма валюты, появившиеся в нашей стране, были нововведениями другого государства (США). Новыми денежными операциями, связанными с деятельностью человека в Интернете, стали различные формы добровольного пожертвования, позаимствованные из чужой культуры вместе с обозначениями: *донат* (*donate*) ‘добровольное пожертвование создателям цифрового контента’, *краудфандинг* (*crowd funding*) ‘поддержка какого-л. проекта путём добровольных пожертвований через интернет-платформы’.

По той же причине — первенство другой страны в нововведении/изобретении — пополнилась заимствованиями лексика техносферы: *бот, чат-бот, смартфон, дипфейк* (*deepfake*) ‘технология создания правдоподобного изображения/голоса человека с помощью нейросети’ и др.

К сожалению, в цифровом мире новации не всегда связаны только с совершенствованием технической сферы и улучшением жизни. Так, в настоящее время активно пополняется англицизмами лексика, обозначающая различные виды киберпреступности — *фишинг* (*phishing)* ‘незаконный доступ к конфиденциальным данным клиентов банков’, *смишинг* (*smishing*) ‘мошеннические действия посредством отправки вредоносных SMS-сообщений’ — и средства борьбы с ней — *антифрод (anti-fraud*) ‘система выявления и предотвращения мошеннических операций’, *багбаунти* (*bug bounty*) ‘тестирование и поиск уязвимых мест в электронной системе для повышения киберзащиты’. Этот ряд можно продолжить наименованиями, выражающими общую идею опасного или/и нежелательного контента в Сети: *трешстрим* (*trash stream*) ‘прямая трансляция эпатирующих действий в Сети’, *доксинг* (*doxing*) ‘публикация в Сети личной информации о человеке с целью шантажа, травли, мошенничества’, *троллинг, спам* и др.

Регулярно пополняется заимствованиями лексика, передающая идею взаимодействия: пользователей друг с другом — *краудсорсинг* (*crowdsourcing*) ‘добровольное участие широкого круга лиц в реализации каких-л. проектов, координируемое через интернет’, *массфолловинг* (*massfollowing*) ‘продвижение страницы в соцсетях среди пользователей с целью получения ответной подписки’, *кобраузинг* (*co-browsing*) ‘одновременное дистанционное взаимодействие пользователей в браузере через специальное программное обеспечение’ — или интернет-ресурса с пользователем — *куки* (*cookie*) ‘данные, отправляемые с веб-сайта и сохраняемые

на компьютере пользователя с тем, чтобы веб-сайт мог фиксировать информацию о его поисковых запросах’.

2.2. Особо следует отметить параллельное вхождение в русский язык терминов, восходящих к одному и тому же прототипу, но адаптированных разными способами. Например, *личный кабинет* и *аккаунт* соотносятся между собой как калька и заимствование (ср. *personal account*). И та и другая номинация, практически не различаясь в значении, тем не менее активны в речи и входят в повседневный словарь современного человека. *Пользователь* (калька) и *юзер*[1] (заимствование), восходящие к английскому *user*, не одно десятилетие сохраняются в языке, хотя *юзер* заметно уступает по частотности кальке и воспринимается, скорее, как слово профессионального языка программистов [Крысин 1998: 147]. Калька *потоковый* ‘обеспечивающий передачу цифрового контента в режиме реального времени широкой аудитории пользователей’ (*п-ое вещание, п-ое видео*) и заимствование *стриминговый* (*с. сервис, с-ая платформа* — о платформе, подбирающей контент под пользовательские интересы и воспроизводящей его без необходимости загрузки) восходят к прилагательному *streaming.* Калька *цифро-физический* ‘относящийся к технологии, соединяющей онлайн- и офлайн-форматы межличностного взаимодействия’ создана на базе неологизма английского языка *phygital* (*phy<sical>* + *<di>gital*); параллельно в русских текстах используется и прямое заимствование *фиджитал-* (*фиджитал-спорт* — о соревнованиях, совмещающих элементы физического и киберспорта). Подобная пара терминоэлементов — *умный* (*у. дом, у-ая колонка*) и *смарт-* (*smart*) — *смарт-карта*.

К одному и тому же английскому слову *digital* восходят *цифровой* (калька) и *дигитальный, диджитл-* (заимствования); к слову *slacktivism* (*slack<er>* ‘бездельник’ + *<ac>tivism* ‘активизм’) — заимствование *слактивизм* и неточная структурная калька *диванный активизм* (о политической или общественной активности пользователя в соцсетях).

2.3. К прямым заимствованиям относятся некоторые **терминоэлементы**, участвующие в создании новых номинаций.

Широко представлены в терминологии цифрового общества терминоэлементы аналитического типа — препозитивные словообразовательные форманты, статус которых трактуется в науке неоднозначно (аффиксоиды, аналитические прилагательные, первые части сложных слов). В одной из своих статей Л. П. Крысин приводит внушительный список таких единиц иноязычного происхождения (160 слов), многие из которых (*евро-, фито-, техно-, эко-* и др.) появились в русской речи в конце XX в. [Крысин 2001]. Среди них — знаковые для языка цифровой эпохи элементы *офлайн-* и *онлайн-*, задающие важную онтологическую оппозицию современного мира «физический мир vs виртуальный мир», причём формант *офлайн-* не теряет своей актуальности и по-прежнему используется для обозначения реалий или явлений, которые в условиях всеобщей цифровизации и виртуализации

[1] Вошло в пятый том «Толкового словаря русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина (М.–СПб.: Нестор-История, 2022).

существуют в физическом мире; см.: *С приходом весны челябинцы стали чаще выбирать* ***офлайн-****кинотеатры вместо стриминговых платформ* (Content-Review.Com. 12.04.2025). Как справедливо отмечают исследователи, *офлайн* удовлетворяет «номинативную потребность в присвоении признаковой характеристики» когда-то единственной, не имеющей «онтологической альтернативы» реальности [Шкапенко и др. 2022: 3].

В XXI в. состав препозитивных словообразовательных формантов, имеющих отношение к цифровым технологиям, пополнился. Приведём примеры: *дата-* (*data* ‘данные’) — *д.-технологии, д.-центр*; *диджитал-* — *д.-маркетинг, д.-агентство*; *фиджитал-* — *ф.-технологии, ф.-обучение*; *робо-* (*robo-*) — *робо-вооружение*.

2.4. Следует подчеркнуть важную особенность процесса проникновения новых слов в русский язык, связанную с исключительным положением английского языка в роли языка-источника. Эта особенность проявляется в том, что тот или иной англицизм всё чаще, по сравнению с предшествующими столетиями, входит в принимающую его систему как **элемент формально-семантической парадигмы**, а не единичный знак. В этом отношении прямое заимствование уподобляется словообразованию: результатом деривационного процесса всегда оказывается единица, вписывающаяся в словообразовательную парадигму (пару, гнездо). Англицизм, поступающий в русский язык уже после того, как в нём освоилось ранее заимствованное слово с тем же корнем, воспринимается говорящими, так же как и дериват, как более или менее мотивированное (ср. *маркетплейс* и ранее заимствованное *маркет*; *дипфейк* и *фейк*; *кобраузинг* и *браузер*; *бот* и *робот*; *агрегатор* ‘программно-аппаратное средство, собирающее данные из множества источников’ и *агрегат* (лат. *aggregatus* «собранный») и др.). Для терминологии такое качество нового заимствования особенно значимо, так как мотивированность терминов укрепляет их системные связи.

Среди иноязычных терминов исследуемой нами предметной области можно выделить случаи **параллельного** (**одновременного**) **заимствования** словообразовательной пары (часто — связанной отношениями «действие — деятель») или микрогнезда, которое уже на русской почве может пополняться за счёт новых производных. Покажем это на нашем материале: *багханти — бахантинг — багхантер*; *смишинг — смишер*; *стриминг — стример — стрим — треш-стрим*; *фишинг — антифишинг*; *хактивизм* (*hacktivism*) ‘форма протеста в киберпространстве, нацеленная на правительственные организации, корпорации, известных и политических деятелей и выражающаяся в порче или блокировке веб-сайтов, краже конфиденциальной информации’ — *хактивист* (ср. *хакер*) и др. Такие **микропарадигмы** свидетельствуют, как правило, об актуальности явления, во всяком случае на момент заимствования слова, служащего его обозначением.

Если же заимствование приходит всё же «без пары», в случае актуализации реалии оно может стать базой для новых слов и выступить исходной единицей для новой парадигмы. Так, например, слово *дроппер* (*dropper*) ‘подставное лицо, задействованное в нелегальных схемах по выводу средств с банковских карт’ за относительно короткий срок не только стало частотным в регулярных публикациях

СМИ о различных схемах кибермошенничества, но и «инициировало» появление производных — *дропперство, дропперский*.

3. Графические заимствования. В русскоязычном дискурсе о «цифре» некоторые заимствования могут употребляться в своей оригинальной графике, т. е. как **иноязычные вкрапления**. Прежде всего это наблюдение касается англицизма *digital* и заимствованных аббревиатур: *AI* (*Artificial Intelligence* ‘искусственный интеллект’); *IoT* (*Internet of Things* «Интернет вещей» — о технологии объединения в компьютерную сеть электронных устройств, способных функционировать без участия человека); *ID* (*identifier*) ‘уникальный признак субъекта доступа, используемый для объявления идентичности до потенциального подтверждения’; *IP* (*Internet Protocol*) ‘уникальный числовой идентификатор, используемый для определения местоположения устройств в Интернете или локальной сети и обмена информацией’; *SMM* (*Social Media Marketing*) ‘привлечение пользователей соцсетей для продвижения товара или услуги как профессия’; *Wi-Fi* (*Wireless Fidelity* «беспроводная точность») и др.

Некоторые заимствованные аббревиатуры встречаются и в написании кириллицей: *IT* (преобладает) и *ИТ*; *AI* и *ИИ* (преобладает); *PIN-код* и *ПИН-код*; *QR-код* и *кьюар-*/*куар-код*. Только как вкрапления используются в русских письменных текстах аббревиатуры *IoT, IP, ID, AR* (*Augmented Reality* «дополненная реальность»), *VR* (*Virtual Reality* «виртуальная реальность»), *MR* (*Mixed Reality* «смешанная реальность»), *XR* (*Extended Reality* «расширенная реальность») и др.

Особенно распространено сохранение оригинального написания англицизмов в составе двукомпонентных номинаций с первым неизменяемым компонентом атрибутивной семантики. При этом опорное существительное пишется по-русски. Множество таких гибридных наименований, преимущественно из сферы бизнеса и коммерции, строятся с помощью *digital* (*d.-специалист, d.-агрессия*). Продуктивны также некоторые вкрапления-аббревиатуры, прежде всего *IT* и *VR*: *IT-индустрия, IT-специалист, IT-отсрочка* и др.; *VR-очки, VR-павильон, VR-тренажёры* и др.

Таким образом, графические гибриды, или, по выражению Л. П. Крысина, слова-кентавры [Крысин 2010], неотъемлемая часть терминологии цифрового общества, а в целом — языковое проявление глобализации. Однако ещё задолго до начала процесса глобализации теоретики в области терминоведения отмечали интернациональный характер любой терминологии как один из значимых признаков этого пласта лексики. В этом отношении формирующаяся терминология цифрового общества не исключение: многие заимствования (начиная со слова *Интернет*) представляют собой интернационализмы.

4. Вторичные заимствования. Непосредственно связано с процессом интернационализации терминологии и вторичное, или повторное, заимствование. Так же, как и калька, эта форма скрытого заимствования активизировалась на рубеже XX–XXI в. [Крысин 2004], причём не только в русском языке, но и в других славянских языках. Заимствованные этими языками в предшествующие эпохи слова, часто — греко-латинского происхождения, с развитием компьютерных технологий стали употребляться и в других, новых значениях под влиянием англо-американского

языка (языка страны-лидера новых технологий), в котором и происходили семантические изменения этой лексики: значение «старого» слова переосмысливалось, так как в процессе номинации объекта или понятия компьютерной сферы оно метафорически соотносилось с другим референтом. Многие термины компьютерной сферы, появившиеся в этот период, — результат перевода английских технических текстов. *Адрес, архив*, *библиотека (стилей), буфер* (*обмена*), *вирус*, *директория*, *документ*, *иконка*, *команда*, *конференция, корректор* (*правописания*), *мастер* (*подсказок), модератор, меню, навигатор, панель*, *папка*, *пароль*, *планшет*, *платформа, порт, портал*, *протокол*, *профиль*, *редактор* (*текстовый редактор*), *формат, форум* и другие слова-интернационализмы под влиянием английского языка получают новое значение, которое изначально появилось именно в английском языке [Маринова 2008: 388–392]. Вошедшие в своё время в международный словарный фонд, в цифровую эпоху эти слова с обновлённой в контексте новых технологий семантикой вновь становятся средством межъязыкового общения. Неслучайно их считают семантическими интернационализмами [Markowski 2004: 38], а сам процесс их появления в языке-реципиенте — повторной интернационализацией [Buzássyová 1991; Mravinacová 2005], которая «стимулирует неосемантику» имеющейся в языке-реципиенте лексики [Mravinacová 2005: 183].

5. Итог. Заимствованная лексика занимает в терминологии цифрового общества главенствующую позицию в силу экстралингвистических причин (лидерство в сфере цифровых технологий принадлежит другой стране). Однако здесь нет специфики, так как соотношение «своего — чужого» в пользу «чужого» характерно для многих других терминосистем (электроники, информатики, программирования и др.). В этом проявляется **интернационализация** научного словаря, что всегда было актуально для профессиональных языков, а в настоящее время это поддерживается мощной, практически не знающей границ средой сети Интернет. Очевидно, специфику можно увидеть в соотношении различных **форм заимствования** (прямого, материального заимствования и скрытого — калькирования).

В некоторых случаях наблюдается конкуренция графических вариантов одной и той же иноязычной единицы (*IT — ИТ*), параллельное использование в речи разных переводов одной и той же номинации (*цифровой разрыв — цифровое неравенство — цифровой барьер < digital divide*), разных форм заимствования (кальки и полукальки: *голосовой помощник — голосовой ассистент < voice assistant, цифровые/электронные следы < digital footprints*; кальки и прямого заимствования: *цифровой — дигитальный*; кальки и вкрапления: *большие данные — Big Data*; *трёхмерный — 3D-*). Такие факты свидетельствуют о неустоявшемся характере терминологии, её новизне, об активности номинативного процесса в этой сфере в целом.

Литература

Крысин Л. П. Словообразование или заимствование? // Лики языка / отв. ред. М. Я. Гловинская. М.: Наследие, 1998. С. 196–202.

Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 142–161.

Крысин Л. П. Новые аналитические прилагательные и явления хиатуса // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова / отв. ред. С. М. Кузьмина. М.: ЯСК, 2001. С. 189–196.

Крысин Л. П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре // Русский язык сегодня. Вып. 3 / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. С. 143–149.

Крысин Л. П. Слова-кентавры // Русский язык в школе. 2010. № 9. С. 76–81.

Крысин Л. П. «Своё» и «чужое» в терминологических системах // Терминология и знание / отв. ред. С. Д. Шелов. М.: Вест-Консалтинг, 2014. С. 52–55.

Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008. 495 с.

Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Дрофа, 1997. 703 с.

Шкапенко Т. М., Милявская Н. Б. Есть ли жизнь офлайн, или О проблемах номинации невиртуальной действительности // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 3. С. 3–8.

Buzássyová K. Opakovaná internacionalizácia a problém identifikácie morfologických a lexikálnych jednotiek // Jazykovedný časpis, 42, 1991. Pp. 89–104.

Markowski A. O poęciu i typach internasionalizmów semantycznych // Poradnik językowy. 2004. Č. 2. S. 38–50.

Mravinacová J. Neosémantizmy vzniklé pod vlivem cižiho jazyka // Neologizmy v dnešní češtiné. Praha: ÚJČ AV ČR, 2005. Pp. 180–186.

E. V. Marinova
Linguistics University of Nizhny Novgorod
(Russia, Nizhny Novgorod)
marinova@list.ru

BORROWINGS IN THE DIGITAL SOCIETY LANGUAGE

The article examines the composition of borrowed vocabulary in the terminology of the digital society. Among the nominations of this terminology, approximately 60% of the units are the result of various forms of borrowing, which is explained by an extralinguistic reason (leadership in the field of digital technologies of another country). At the same time, borrowing ensures the internationalization of scientific vocabulary. Secondary borrowings play a special role in this process. The author provides data on each form of borrowing: direct, graphic and secondary. In the Russian language there are cases of consolidation of nominations going back to the same word in the source language as a result of direct borrowing and calque; calque and inclusions; calque and half-calque. There is also a noticeable competition of graphic variants of the same foreign language

unit (*IT — ИТ*), which indicates the unstable nature of terminology and the activity of the nominative process in this area. The study establishes an important feature of the process of new words entering the Russian language, which is related to the exceptional position of the English language as a source language: An Anglicism is increasingly entering target language as an element of the formal semantic paradigm, rather than a single sign.

Keywords: terminology of the digital society, internationalization, direct borrowing, secondary borrowing, calque, graphic borrowing, competition of forms of borrowing

References

Buzassyova K. [Repeated internationalization and the problem of identifying morphological and lexical units]. *Yazykovedni chaspis* [Linguistics timeline], 42, 1991, pp. 89–104. (In Slovak)

Krysin L. P. [Words-centaurs]. *Russkii yazyk v shkole,* 2010, no. 9, pp. 76–81. (In Russ.)

Krysin L. P. ["Native" and "Foreign" in terminological systems]. *Terminologiya i znaniye* [Terminology and knowledge, ed. S. D. Shelov]. Moscow, Vest-Konsalting Publ., 2014. Pp. 52–55. (In Russ.)

Krysin L. P. [Secondary borrowing and its description in the explanatory dictionary]. *Russkii yazyk segodnya, vyp. 3* [Russian Language today, vol. 3, ed. L. P. Krysin]. Moscow, V. V. Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, 2004, pp. 143–149. (In Russ.)

Krysin L. P. [A foreign language word in the context of modern social life]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [The Russian language of the late twentieth century (1985–1995), ed. E. A. Zemskaya]. Moscow, YaSK Publ,. 2000, pp. 142–161. (In Russ.)

Krysin L. P. [New analytical adjectives and hiatus phenomena]. *Zhizn yazyka* [The life of language: A collection of articles dedicated to the 80th anniversary of M. V. Panov, ed. S. M. Kuzmina]. Moscow, YaSK Publ., 2001, pp. 189–196. (In Russ.)

Krysin L. P. [Word formation or borrowing?] *Liki yazyka* [Faces of the language, ed. M. Ya. Glovinskaya]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 196–202. (In Russ.)

Marinova E. V. *Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX — nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign language words in Russian speech of the late XX — early XXI century: problems of mastering and functioning]. Moscow, ELPIS Publ., 2008. 495 p.

Markowski A. [About the concept and types of semantic internationalisms]. *Poradnik yezykowy* [Language guide]. 2004. Part 2, pp. 38–50. (In Pol.)

Mravinacova J. [Neosemantisms under the influence of the foreign language] *Neologizmy v dneshny chestine* [Neologisms in modern Czech]. Praha, ÚJČ AV ČR Publ., 2005, pp. 180–186. (in Czech)

Russkii yazyk: Entsiklopediya [Russian Language: Encyclopedia, by ed. Yu. N. Karaulov]. Moscow, Drofa Publ., 1997. 703 p.

Shkapenko T. M., Milyavskaya N. B. [Is there life offline, or About the problems of nomination of non-virtual reality]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, 2022, no. 3, pp. 3–8. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.20

Н. Б. Мечковская
Белорусский государственный университет
(Беларусь, Минск)
nina.mechkovskaya@gmail.com

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ В СВЕТЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Обращение к фразеологии с использованием корпусных данных и инструментов укрепило понимание фразеологии как дисциплины, исследующей любые синтаксически организованные сочетания лексем. В этот широкий круг входят все подчинительные словосочетания; они обладают факультативными градуальными и взаимно независимыми свойствами устойчивости и/или идиоматичности, при этом свойство «воспроизводимости» словосочетания больше не рассматривается как отличительный признак фразем. На материале коллокаций модели *прямая линия (п. смысл, п. родство)* показано, что минимальное различие между фраземой и свободной коллокацией состоит в том, что для семантики фраземы характерна хотя бы «слабая идиоматичность», которая создается различием в частотах компонентов коллокации и проявляется в этом различии, что позволяет вычислять «индекс идиоматичности», в котором частота ключа и частота коллоката соотнесены с частотой коллокации и с частотой друг друга. Показано, что списке 40 коллокаций с ключом *прямой*, ранжированном по уменьшению «индекса идиоматичности», в его первой половине заметно преобладают коллокации, которые в трех академических словарях даны с толкованием или пояснением, т. е. с учетом некоторой идиоматичности коллокации. Однако в целом релевантность частотных признаков слабой идиоматичности не ясна; вполне вероятно, что эти признаки различны для коллокаций разных синтаксических и лексико-семантических моделей.

Ключевые слова: факультативные vs облигаторные свойства фразем, устойчивость, степень идиоматичности, воспроизводимость, коллокация, частоты ключа и коллоката

1. Корпусная лингвистика фундаментально расширила исследовательские возможности языкознания. Благодаря огромным массивам языковых данных, постоянно и методично собираемых и обрабатываемых с учетом лингвистических запросов, включая разноаспектное частотное ранжирование языковых фактов, благодаря корпусным менеджерам, которые предоставляют пользователям, по сути, «полуфабрикаты» вполне результативных исследований, лингвистический ландшафт

меняется на глазах. Корпусные возможности — это как автомобиль в помощь пешему, как телескоп и микроскоп вместе взятые.

Притягательная наука фразеологии, при всей самодовлеющей ценности ее культурно-исторических и эстетических аспектов, меняется, как и всё гуманитарное знание, под воздействием новых технологий. Корпусный подход раздвинул границы фразеологии и показал ее более сложную (чем думалось прежде) организацию; открылась внутренняя разнородность фразеологических разрядов, их континуальность и размытость границ.

1.1. Поисковые выдачи мониторного Национального корпуса русского языка (далее Корпус или НКРЯ), называемые «Коллокации», «Конкорданс», «Kwic», показали, что при решении вопроса об отнесении к фразеологии конкретного словосочетания недостаточно критерия его воспроизводимости (повторяемости). Важность воспроизводимости как единственного обязательного признака фраземы в свое время обосновал Н. М. Шанский, когда обнаружил новый и многочисленный разряд фразем, названный им «фразеологическими выражениями» и дополнивший триаду В. В. Виноградова. При этом фразеологические выражения оказались в аспекте фразеологии «недостаточными»: — у них отсутствовали типичные для фразем свойства идиоматичности и устойчивости: «По характеру связей слов, составляющих их, и общему значению фразеологические выражения ничем не отличаются от свободных словосочетаний. Основная специфическая черта, отграничивающая фразеологические выражения от свободных сочетаний слов, состоит в том, что в процессе общения они не образуются говорящими, как последние, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением» [Шанский 1969: 84].

В свое время, до все более пристальных церебральных исследований процессов речи и до корпусных сводов коллокаций, критерий воспроизводимости звучал убедительно, хотя временами и противоречил интуитивной метаязыковой рефлексии части говорящих. Ситуация переменилась, когда в НКРЯ для каждой леммы Основного корпуса стали доступны таблицы со списками коллокаций, ранжированных по убыванию частот. И хотя в настоящее время пользователю показывают только 100 первых по частоте коллокаций, стало очевидно, что по признаку воспроизводимости невозможно отделить свободные соединения слов от фразем. Достаточно увидеть, что в НКРЯ в частотных списках коллокаций (моделей 2-грамм и 3-грамм) сочетания *хорошая погода* и *погода была хорошая* занимают соответственно 4-е и 2-е место, а бесспорные фраземы *делать погоду, ждать у моря погоды*) по своей частоте (т. е. по воспроизводимости в речи) не входят в 100 первых коллокаций. Во многие сотни высокочастотных коллокаций попадают не только фраземы, но и свободные соединения слов. Стало очевидно, что фраземы отделяют от свободных сочетаний не воспроизводимость и не частотность, но разная семантическая организация, т. е. характер и степени их идиоматичности. Однако во множестве случаев идиоматичность коллокации совсем не так очевидна, как у оборота *ждать у моря погоды* (в котором слова и *море* и *погода* выступают в образно-расширительном значении). И тем не менее частотные данные Корпуса о частоте не только коллокаций, но и их компонентов могут подсказать путь к алгоритмическому выявлению признаков идиоматичности (см. ниже раздел 2).

1.2. Корпус показывает подлинно бесконечное разнообразие сочетаний лексем в аспекте устойчивости и идиоматичности — то разнообразие, которое перекрывает теоретически намеченные пределы лексической синтагматики и вместе с тем подтверждает прозорливость теории. В статье «О терминах устойчивость и идиоматичность» 65 лет назад И. А. Мельчук [Мельчук 1960] показал, что в структурной и семантической организации фразем признаки «устойчивость» и «идиоматичность» взаимно независимы; что оба свойства градуальны (могут присутствовать в конкретных словосочетаниях в разной степени — от нуля до 100 %) и допускают измерение [Мельчук 1960; см. также о «полуидиомах» в Mel'čuk 1995]. Подлинным предметом фразеологии, по мысли Мельчука, являются **в с е** сочетания лексем, наблюдаемые в устной и письменной речи. Признаки устойчивости и идиоматичности присутствуют в организации любых словосочетаний, однако присутствуют в разной степени, в том числе и в очень малой степени. Фразеология — это наука не только о ярких идиомах и клише, но и о феномене сочетаемости лексем. Эта мысль, вытекающая из признания градуального характера устойчивости и идиоматичности, находит в Корпусе многообразное количественное подтверждение.

Корпус показывает, что практически не бывает фразем, для которых характерна 100-процентная устойчивость, т. е. полная предсказуемость появления справа или слева от аллолексы А (пусть и дистантно) аллолексы Б[1]. «Конкорданс» и особенно «Примеры» в «Коллокациях» показывают, что в речи возможно и *високосное лето*, и *високосный день*, как и *високосная вечность, сослагательная история, кромешная лаборатория*[2] и т. п. Но не бывает также и невозможных соединений слов — таких, которые было бы невозможно объяснить переносно-образным (метафорическим или метонимическим) словоупотреблением. Действительно «невозможные соединения» лексем — это сочетания, в которых нарушены «правила» не лексической, но грамматической синтагматики (таковы, в частности примеры «нулевой устойчивости» в статье Мельчука: **через над, *чтобы пляшем*). Эти полюсы сочетаемости лексем — близкая к нулевой сочетаемость **чтобы пляшем* и почти 100-процентная неразделимость компонентов ультра-редкой и изолированной коллокации (как *изъявительное наклонение*) — едва ли обитаемы. Однако тысячи и тысячи коллокаций, составляя ткань («волокна») речевого общения, находятся в разных точках этого континуума, — в разной близости / отдаленности от полюсов.

---

[1] Исключая, разумеется, фразеологические сращения с некротизмами: *притча во языцех, ни синь пороху, темна вода во облацех* и т. п.

[2] Сочетание *високосное лето* появилось метонимически — как *лето високосного года*, в чем-то особенно памятное и ставшее на несколько сезонов названием московской рок-группы; сочетание *високосный день* отмечено в письменной речи разных людей как обозначение того дня, иногда именно февральского, который удлиняет високосный год; сочетание *Кромешная-Лаборатория* (как имя собственное фантастической лаборатории) встретилось 7 раз в сказке Е. Медведевой для подростков: *Они оба посмотрели в сторонку, где, насупившись, стояла Кромешная-Лаборатория* (2015). Прилагательное *сослагательный* свободном соединении отмечено Корпусом в 2-х контекстах, с интервалом почти в 90 лет: *Вся эта жизнь протекала теперь лишь в одном сослагательном смысле: лишь в «бы» счастье было — «бы»* (Андрей Белый, 1926); *Вернемся из сослагательной истории гравитации в реальную* (Г. Горелик, 2012). Впрочем, прилагательное *изъявительнный* в НКРЯ отмечено только в сочетании *изъявительное наклонение.*

1.3. Корпусные своды многократно воспроизводимых бинарных коллокаций (в составе которых, как и вообще в русской фразеологии, большинство составляют именно подчинительные словосочетания), представляют собой мощный эмпирический аргумент в пользу мысли Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука о количественном соотношении слов и фразем в речи и словаре: «Люди говорят не словами, а фраземами [...]. Фраземы появляются почти что через строчку и даже чаще! В газетном тексте их плотность еще выше. Но в особенности велико их количество в словарях: возьмите любой словарь, и на каждое слово вы найдете, как правило, массу выражений с этим словом. Количественно фраземы превосходят слова в словарях примерно в соотношении 10 к 1» [Иорданская, Мельчук 2007: 218].

Мысль о том, что фразем в речи (однако, замечу, не в «любом словаре»[3]!) неопределенно много, во всяком случае, больше, чем слов, представляется достаточно реалистичной, если принять во внимание, что, во-первых, фразеологические выражения более многочисленны, чем все вместе взятые идиомы, — как образные («фразеологические единства», в терминах В. В. Виноградова и Н. М. Шанского, — *птичий базар, птичье молоко, на птичьих правах, птичий язык*), так и необразные (полностью немотивированные) идиомы («фразеологические сращения», по В. В. Виноградову [Виноградов 1946 /1977; Виноградов 1947 /1977] и Н. М. Шанскому [Шанский 1969; переиздания], — *собаку съел (в этом деле), морская свинка, на голубом глазу, синий чулок*). Во-вторых, и это главное, в отличие от образных идиом, фразеологические выражения — это не синонимические и перифрастические средства языка, нужные для «красного словца», но информационно необходимая часть общенародного словаря; это основные, общепринятые и часто единственные обозначения вполне определенных и общеизвестных вещей и представлений[4]. В силу узуальности значений компонентов в составе фразеологических выражений, такие обороты легко понимаются говорящими и потому не очень заметны для лексикографов, поэтому нечасто и поздно попадают в толковые словари.

Вопрос о том, в 10 ли раз (т. е. на порядок ли) фразем больше, чем слов, на мой взгляд, открыт и далек от ответа. Надеясь на возможности корпусов, в этом вопросе естественно различать ряд аспектов: 1) число разных лексем и разных фразем в словаре vs в корпусе текстов; 2) количество словоупотреблений vs количество

[3] В «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» под ред. К. К. Атраховича (Кандрата Крапивы), Минск, 1977–1984) приводятся следующие цифры: «Всего 5 томах словаря 97.935 слов и 7.120 терминологических и фразеологических словосочетаний». В 4-х томах толкового «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (М., 1981–1984)), сопоставимом с белорусским словарем по объему (83.016 слов) и лексикографическим принципам представления лексики и фразеологии, число фразем не указано, но есть основания считать, что количественное соотношение слов и фразем в МАС находится примерно в той же пропорции, что и в ТСБМ. Однако эти пропорции имеют весьма опосредованное отношение к устной речи миллионов людей.

[4] См. подробнее в статье [Мечковская 2017], где приведены десятки таких воспроизводимых оборотов, напр., из «школьной жизни»: *классная работа, классное собрание, классный журнал, классный час, классная доска, классный руководитель* и т. п.; из юридической сферы, в частности, термины с определением *уголовный (уголовная ответственность, полиция, дело, законодательство, наказание, право, преступление, закон, кодекс, лексикон, процесс, роман* и т. п.), и ставится вопрос о природе «слабой идиоматичности» фразеологических выражений.

«фраземоупотреблений» в определенном тексте или корпусе текстов; 3) проценты покрытия текста аллолексами (разных лексем) vs «аллофраземами» (разных фразем), входящих в определенные частотные диапазоны. Но вначале предстоит выработать алгоритм, который позволил бы корпусным менеджерам отличать фразеологические выражения со слабой идиоматичностью от свободных сочетаний лексем.

2. В представленном ниже опыте ранжирования фразем по степени идиоматичности материалом исследования послужили несколько групп фразем, которые по синтаксической организации соответствуют модели Adj+N (т. е. субстантив + зависимый и согласованный адъектив). В части фразем данной модели оба слова выступают в своих неосновных, но узуальных (и представленных в толковых словарях) значениях, как напр., *литературный язык* (в котором компонент *литературный* выступает в значении ‘нормированный’, а компонент *язык* — в значении ‘разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками’ (4-е значение в Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова; далее БТС). Иногда оба слова выражают одно целостное значение словосочетания, образное (*золотое сердце, красный петух*) или необразное (*синий чулок, морская свинка*). Во многих других фраземах одна из лексем представлена в своем словарном значении, а вторая не соотносится прямо ни с одним из узуальных значений: напр.: *бешеные деньги, шальные деньги*; *белые стихи, белый танец, белая олимпиада*. В данной статье исследуются фраземы второй групп. При этом в конкретной синтагме в узуальном значении может выступать как прилагательное (напр., *птичий: птичий базар, птичий язык, на птичьих правах*), так и существительные (*прямая речь, прямой наследник, прямой угол*).

2.1. В МАС и БТС свидетельства идиоматичности синтагмы выражаются двояко. Наиболее эксплицитно, — когда идиома помещается в «заромбовую» часть словарной статьи и толкуется обычным образом: *птичий базар* (в статье *Базар*): «Место массового гнездования морских птиц, их колония на прибрежных скалах» [БТС: 55]; *Базарная баба* (в статье *Баба*): «*Разг.-сниж.* О крикливой, грубой женщине [БТС: 55]. Второй способ экспликации идиоматичности состоит в том, что синтагмы с признаками идиоматичности толкуются не «за ромбом», но в основной части словарной статьи под тем значением, с которым, по мысли лексикографа, более всего связано объясняемое значение. Так, в частности, построено в БТС описание лексемы *уголовный*: в демонстрации ее синтагматического поведения часть словосочетаний приводятся без пояснений их семантики, но ряд других словосочетаний сопровождаются такими пояснениями (в скобках). Ср., примеры, приводимые без пояснений: *уголовный кодекс, у. дело, у. преступление, у. преследование, у. элементы, у. мир, у. наказание, у. хроника, привлечь к уголовной ответственности.* И рядом даны примеры, сопровождаемые пояснениями семантики синтагм (в скобках): *уголовное право* (совокупность правовых норм, устанавливаемых государством для борьбы с преступлениями путём применения утверждённых законом наказаний), *уголовный преступник* (тот, кто совершил, совершает уголовное преступление, преступления), *уголовный суд* (учреждение, занимающееся разбором таких дел), *уголовное отделение* (в царской России: учреждения, занимавшиеся

разбором таких дел), *уголовный розыск* (служба милиции, осуществляющая обнаружение преступлений, розыск преступников, а также принимающая меры для предупреждения преступлений), у*головная тюрьма* (предназначенная для заключения лиц, совершивших такое преступление), *уголовная литература* (повествующая о совершении таких преступлений).

Наличие пояснений, которые сопровождают примеры употребления слова *уголовный*, говорит о том, что лексикограф сознает неполную выводимость значений словосочетаний (приводимых в качестве примеров словоупотребления) из семантики слов в их составе, т. е. признает частичную идиоматичность этих сочетаний. По факту это означает, что поясняемые синтагмы представляют собой не свободные соединения слов, но фраземы с более или менее идиоматической семантикой, и поэтому лексикограф снабжает такие сочетания коротким пояснением (которое, как правило, не является полным толкованием).

Следует заметить, что в разных адемических словарях одни и те же синтагмы могут быть представлены по-разному. Напр., сочетания *психическая атака, психические болезни* в СУ и МАС помещены «за ромбом» (т. е. как фраземы), а в БТС они даны в ряду примеров типичного синтагматического поведения прилагательного *психический*, однако с пояснением, которое на деле идентично толкованию, приводимому в МАС: «*Психическая атака* (рассчитанная на подавление, устрашение психики, воли обороняющихся)». Отмеченные различия как раз и говорят о двойственном положении подобных синтагм — на границе между свободными сочетаниями и фраземами. В конечном счете эти колебания связаны с различиями в степени идиоматичности синтагм, уловленными «языковым чутьем» лексикографа. Возможно, корпусные данные позволят объективировать эти различия.

2.2. Опыт ранжирования атрибутивных синтагм по степени идиоматичности в настоящей статье представлен на ограниченном материале 100 коллокаций ключа *прямой* с его правыми коллокатами-субстантивами (модель типа *прямой путь,* (*п. улица, п. следствие*). В НКРЯ в поисковой выдаче «Коллокации» в строке с данными по каждой отдельной коллокации представлены следующие данные: 1) совместная частота (т. е. частота коллокации); 2) частота ключа; 3) частота коллоката. Суммарную частотность отдельной коллокации создают следующие три слагаемые: 1) частота коллокации в целом, что зависит от востребованности в коммуникации называния / упоминания денотата (референта) данной коллокации; 2) частота ключа коллокации; 3) частота коллоката. Частота ключа и коллоката пропорциональны их семантической и синтагматической (валентностной) широте. Семантический и валентностный потенциалы лексем, находящихся в позиции ключа и коллоката (в некоторой коллокации), в целом пропорциональны их денотативной востребованности в общении. Ключ и коллокат создают и укрепляют валентности в двух направлениях: а) валентность коллокации как относительно целостного речевого обозначения некоторого денотата; б) собственные валентности ключа и коллоката в составе данной коллокации.

Для оценки степени идиоматичности рассматриваемых атрибутивных синтагм существенно следующее допущение: если различия между ключом и коллокатом

в их синтаксических валентностях превышают некоторый средний для модели показатель, то это говорит о идиоматичности данной коллокации. Если же различия в валентностях ключа и коллоката незначительны, то нет основания связывать идиоматичность коллокации с «разницей потенциалов» компонентов, поскольку идиоматичность коллокации (повышенная или незначительная) может создаваться коллокацией в целом, а не контрастом валентностей компонентов. В некоторых коллокациях между ключом и коллокатом имеются довольно большие различия по частоте. Напр., в коллокации *прямое отношение* субстантив *отношение* встретился в 4 раза чаще, чем адъектив *прямой*. В других коллокациях частоты ключа и коллоката могут быть ближе друг к другу: таковы, напр., ключ и коллокат в коллокации *прямая линия*: субстантив *линия* встречается в НКРЯ всего лишь в 1,2 раза чаще, чем адъектив *прямой*. Для оценки валентности каждого из компонентов коллокации важны именно различия в их частотах, потому что одинаковые (или близкие) частоты обоих компонентов могут быть обусловлены частотой коллокации в целом. Если же различия в частотах между двумя леммами значительны, то, скорее всего, частота и валентность каждой леммы обусловлены прежде всего ее собственными свойствами и только во вторую очередь частотой данной коллокации.

Связь и вместе с тем разделение (сепарация) названных двух факторов (влияющих на частоты компонентов коллокации) определяются через деление общей частоты каждого отдельного компонента (во всем Корпусе) на частоту коллокации. Полученные частные от деления рассматриваются как показатели валентностей компонентов коллокации. Валентность ключа определяется тем, во сколько раз частота ключа в Корпусе больше частоты коллокации; валентность коллоката определяется тем, во сколько раз частота коллоката в Корпусе больше частоты коллокации. Отношение валентности ключа к валентности коллоката (частное от их деления) является мерой идиоматичности коллокации: чем эта величина больше, тем сильнее идиоматичность коллокации. Этот показатель — частное от деления частот двух компонентов коллокации — рассматривается как индекс идиоматичности. Если индекс идиоматичности конкретной коллокации превышает средний (для группы синтагм некоторой семантико-синтаксической модели) показатель указанных различий, то это говорит о идиоматичности данной коллокации.

Если у двух компонентов некоторой коллокации валентности существенно различны, то это влияет на степень слитности всей коллокации. Различия между компонентами коллокации в валентности соответствуют их разному вкладу в создание «семантической сплоченности» коллокации. Можно предположить, что если частное от деления частоты ключа на частоту коллоката (или наоборот: частное от деления частоты коллоката на частоту ключа) велики, то это значит, что компонент с существенно более сильной валентностью является в языке более многозначным; в речевом общении данный компонент коллокации выступает в одном из своих значений, однако реципиенту в момент восприятия речи на родном языке не сразу понятно, в каком именно значении. Эта небольшая и быстро преодолеваемая

трудность семантизации воспринимаемой речи обусловлена идиоматичностью коллокации. Соответственно, чем меньше в конкретной коллокации различия между частотами ключа и коллоката, тем более близки валентности компонентов и тем меньше степень идиоматичности данной коллокации.

2.3. Ниже в порядке иллюстрации, приведены первые четыре строки из таблицы, построенной на основе выдачи «Коллокации» для ключа *прямой* (НКРЯ, 11.04.2025), но с другим содержанием в трех правых столбцах. Частотный ранг коллокации соответствует метрике *LogDice*, используемой в НКРЯ в выдаче «Коллокации».

№	Ключ	Коллокат	Совместная частота	Частота ключа	Частота Коллоката	Валентность ключа	Валентность коллоката	Индекс идиоматичности коллокации
1	Прямой	Линия	2116	43721	54030	20,7	25,5	1,23
2	Прямой	Наводка	602	43721	1162	72,6	1,9	38,21
3	Прямой	Угол	1250	43721	72004	35,0	57,6	1,64
4	Прямой	Эфир	546	43721	7079	80,1	13,0	6,16

Далее приводятся 40 коллокаций с ключом *прямой*, расположенных по убыванию индекса идиоматичности.

№	*прямой* + коллокат	Индекс идиоматичности
1	наводка	38,2
2	пробор	30,7
3	трансляция	28,8
4	попадание	17,0
5	кишка	10,2
6	треугольник	8,4
7	противоположность	7,5
8	инвестиция	7,0
9	линия	6,3
10	эфир	6,2
11	потомок	4.6
12	провод	4.6
13	эпипрокт	4,4
14	отношение	4.1
15	дорога	3,9
16	путь	3,8
17	контакт	3,6
18	наследник	3,3
19	налог	2,7
20	действие	2,5

№	*прямой* + коллокат	Индекс идиоматичности
21	речь	2,5
22	смысл	2,4
23	ответ	2,3
24	связь	2,3
25	угроза	2,2
26	выборы	2,0
27	зависимость	2,0
28	следствие	1,9
29	назначение	1,7
30	доказательство	1,6
31	орудие	1,6
32	угол	1,6
33	указание	1,6
34	луч	1,5
35	направление	1.5
36	сообщение	1,4
37	спина	1,4
38	влияние	1,3
39	волос	1,3
40	нос	1,3

На сером фоне приводятся те коллокации, которые в словарях СУ, МАС и БТС даны как такие словосочетания, которые «сами по себе» не вполне понятны носителю языка (т. е. как частично идиоматичные) и потому нуждающиеся пояснении[5].

Легко видеть, что в первой половине списка из 20 словосочетаний 12 отмечены в названных списках как обороты, которые нуждаются в толковании, т. е. в какой-то мере обладают признаками идиоматичности; во второй части списка таких сочетаний только 7 (из 20).

Различия между двумя половинами списка, соотнесенные с показаниями толковых словарей, оказались несколько сглажены по ряду причин, связанных с тем, что употребительность некоторых оборотов (и, как следствие, их представленность в толковых словарях или в Корпусе), оказались ограниченными в силу их принадлежности или к терминам, или к своему времени (слишком отдаленному или, напротив, слишком новому). Так, в НКРЯ в список 100 первых по частоте атрибутивных коллокаций не вошел термин *прямое дополнение* и фразема *прямой ворот* (попавшая в СУ из того времени, когда носили косоворотки). Есть и своего рода обратное несовпадение: сочетания *прямой эфир, прямые инвестиции, прямая трансляция* достаточно частотны, чтобы в Корпусе войти в первые по частоте 100 коллокаций. Однако их немалый (по корпусным данным) индекс идиоматичности не может быть подтвержден показаниями толковых словарей, поскольку в академической лексикографии эти обороты еще не отмечены.

Средний индекс идиоматичности коллокаций пока не может быть получен даже для одной модели; сомнительно, чтобы его можно было бы видеть в среднеарифметическом показателе. Тем не менее полученные экспериментальные данные в их соотнесении с показаниями толковых словарей подтверждают гипотезу о том, что чем сильнее различаются валентности компонентов коллокации, тем такие коллокации более идиоматичны.

Сокращенные обозначения словарей

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. *С. А. Кузнецов*. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.

МАС — Словарь русского языка: В 4 тт. / 2-е изд., испр. и доп. / Главн. ред. *А. П. Евгеньева*. М.: Русский язык, 1981–1984.

СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. *Д. Н. Ушакова* / В 4-х томах. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

[5] Ср. полный список (по алфавиту существительных) таких словосочетаний, приводимых в словарных статьях *Простой* в трех названных словарях: *прямой волос(ы), прямой ворот, прямое дополнение, прямая дорога, прямая кишка, прямая линия, прямой массаж (сердца), прямая наводка, прямой наводкой, прямой налог, прямой наследник, прямой нос, прямое обложение, прямой парус, прямое переливание (крови), прямое попадание, прямой почерк, прямой пробор, прямой провод, прямой путь, прямая речь, прямой родственник, прямое родство, прямой смысл (слова), прямая спина, прямой стан, прямой угол.*

Литература

Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур. 2007. 672 с. (Studia philologica).

Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания, 1960, № 4. С. 73–80.

Мечковская Н. Б. Номинативный и коммуникативный уровни языковой структуры: в какой мере им присущи свойства воспроизводимости и идиоматичности единиц? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2019. № 2 (20). С. 147–159.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка [1963]. М.: Просвещение, 1969. 316 с.

Mel'čuk, I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics // *Everaert, M.* et al. (eds.), Idioms: Structural and Psychological Perspectives. Hillsdale (NJ); Hove. 1995. Pp. 167–232.

N. B. Mechkovskaya
Belarusian State University
(Belarus, Minsk)
nina.mechkovskaya@gmail.com

THE PROBLEM FIELD OF PHRASEOLOGY IN THE LIGHT OF CORPUS DATA

The approach to phraseology using corpus data and tools has strengthened the understanding of phraseology as a discipline that studies any syntactically organized combinations of lexemes. This broad circle includes all subordinate phrases; they have optional gradual and mutually independent properties of stability and/or idiomaticity, while the property of "reproducibility" of a phrase is no longer considered a distinctive feature of phrasemes. Based on the material of collocations of the *прямая линия* model (*прямой смысл, прямое родство*), it is shown that the minimal difference between a phraseme and a free collocation is that the semantics of a phraseme is characterized by at least "weak idiomaticity", which is created by the difference in the frequencies of the collocation components and manifests itself in this difference, which allows calculating the "idiomaticity index", in which the frequency of the key and the frequency of the collocate are correlated with the frequency of the collocation and with the frequency of each other. It is shown that in the list of 40 collocations with the key *прямой*, ranked by decreasing "idiomaticity index", in its first half there is a noticeable predominance of collocations that in three academic dictionaries are given with an explanation or clarification, i. e. taking into account some idiomaticity of the collocation. However, in general, the relevance of frequency features of weak idiomaticity is not clear; it is quite possible that these features are different for collocations of different syntactic and lexical-semantic models.

Keywords: Optional vs obligatory properties of phrasemes, stability, degree of idiomaticity, reproducibility, collocation, frequencies of key and collocate

References

Iordanskaja L. N., Mel'chuk I. A. *Smysl i sochetaemost' v slovare*. [Meaning and compatibility in the dictionary]. Moscow, YaSK Publ. 2007. 672 p. (Studia philologica).

Mechkovskaya N. B. [Nominative and communicative levels of language structure: to what extent do they have the properties of reproducibility and idiomaticity of units?] *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN.* 2019. № 2 (20). Pp. 147–159. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. [On the terms "stability" and "idiomaticity"]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1960, № 4. Pp. 73–80. (In Russ.)

Mel'čuk, I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics // *Everaert, M.* et al. (eds.), Idioms: Structural and Psychological Perspectives. Hillsdale (NJ); *Hove*. 1995. Pp. 167–232.

Shanskii N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language] [1963]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 316 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.21

О. А. Михайлова
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)
oamih@yandex.ru.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье анализируются параметрические зоны словарных статей, в которых отражается ценностно-оценочная семантика. Для анализа привлекались «Толковый словарь русской разговорной речи», «Толковый словарь иноязычных слов» (Л. П. Крысин), «Стилистический словарь публицистики» (Г. Я. Солганик), «Толковый словарь языка Совдепии» (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина), а также академические толковые словари литературного языка. Аксиологическая информация, содержащая культурно обусловленные представления о ценности различных объектов и явлений окружающего мира, фиксируется в лексикографических источниках как оценочная семантика. В соответствии с назначением словаря и его адресатом аксиологическая информация представляется с разной степенью полноты и закрепляется в разных зонах словарной статьи. Рассматриваются два способа фиксации оценки в словаре. Во-первых, оценка как составная часть коннотации отмечается с помощью стилистических помет. Общелексикографическая немногочисленность положительных помет и коммуникативная потребность обусловили появление новых помет, маркирующих плюсовую семантику. По материалам разных словарей обобщен список помет, выражающих отрицательную оценку. Показаны прагматически ориентированные, а также амбивалентные пометы.

Во-вторых, выделены несколько групп языковых средств, которые в дефиниции отражают аксиологическую информацию: слова-аксиологемы, называющие ценности или антиценности, в качестве заглавного слова словарной статьи; оценочные слова, использованные в самом толковании; иллюстративные примеры.

В «Толковом словаре русской разговорной речи» выделена зона PRAGM, в которой также содержится аксиологическая информация.

Ключевые слова: лексикография, словарная статья, аксиологическая информация, стилистические пометы, дефиниция.

Лексикографическая работа занимает большое место в научной деятельности Леонида Петровича Крысина. Словари, в написании и создании которых он участвовал [ТСИС 1998, 2010; ТСРР 2014–2022], широко известны научной общественности и популярны у рядового читателя, так как содержат много разнообразной информации, в том числе и аксиологического характера.

Цель нашего исследования — показать параметрические зоны словарной статьи, в которых отражена аксиологическая информация. Источником материала явились известные толковые словари, а также новые, в известной мере специализированные словари, в частности «Толковый словарь русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина (далее — ТСРР), «Толковый словарь иноязычных слов» (Л. П. Крысин; далее — ТСИС), «Стилистический словарь публицистики» (Г. Я. Солганик; далее — ССП), «Толковый словарь языка Совдепии» (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; далее — ТСЯС) и некоторые другие.

Мировосприятие личности, ее коммуникативные стратегии формируются под влиянием ценностных ориентаций «добра и зла, пользы и вреда и тому подобное, и это вторичное членение, обусловленное социально, — весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [Арутюнова 1988: 45]. Приписываемая данному предмету или явлению ценность выражается через систему «объективных и субъективных оценок, характеризующих окружающий мир и деятельность человека на оси глобальной бинарной оппозиции “Хорошо — Плохо”» [Мокиенко 2021: 49] или, другими словами, с помощью аксиологического параметра языковых единиц. Лингвистическая аксиология трактует оценку как семантическое явление, компонент смысла слова, поэтому вполне закономерно, что аксиологическая информация, содержащая культурно обусловленные представления о различных объектах и явлениях окружающего мира, фиксируется в лексикографических источниках.

В лингвистике нет общепринятого мнения, какое место занимает оценка в структуре лексического значения: оценочные семы могут выявляться как в денотативном, так и в коннотативном макрокомпоненте значения. В. Н. Телия различает рациональную и эмоциональную оценки, подчеркивая, что рациональная тяготеет к дескриптивному аспекту значения (денотативному макрокомпоненту), а эмоциональная выражается в коннотативном макрокомпоненте, поскольку «сохарактеризует» [Телия 1986: 31].

Оценочные слова описываются в составе словарей разных типов — толковых, идеографических, стилистических. В соответствии с назначением словаря и его адресатом аксиологическая информация представляется с разной степенью полноты и закрепляется в разных зонах словарной статьи.

В лексикографической традиции известно два способа фиксации оценки в словаре. Во-первых, оценка как составная часть коннотации отмечается с помощью стилистических помет, которые выражают «дополнительные по отношению к предметно-логическому и грамматическому значению языковой единицы ее экспрессивно-эмоционально-оценочные и функциональные свойства» [СЭС 2006: 450]. Во-вторых, через отражение в дефиниции, а также в иллюстрациях через

синтагматические свойства лексемы. В этом случае оценка входит в понятийное содержание на правах семы, а предметное и оценочное содержание неразделимы. Рассмотрим, как представлены эти способы в словарях.

Пометы являются важной частью метаязыка толковательной лексикографии, они «выступают как знак особой семантической нагрузки» языковой единицы [Химик 2004: 15]. Словарные пометы позволяют установить разные виды маркированности лексем, но вся разнообразная информация скрывается за термином *стилистические пометы.* Основная проблема соединения лексикографии и аксиологии — неразработанность перечня оценочных помет.

Все традиционные толковые словари используют так называемые эмоционально-оценочные пометы для передачи аксиологической информации, однако в целом система этих помет далека от совершенства, и в каждом толковом словаре используется свой набор помет. Расхождение в списках помет обусловлено разными теоретическими установками составителей словарей, различием материала, объективными стилистическими изменениями в языке за тот период, который отделяет один словарь от другого.

Эмоционально-оценочные пометы маркируют либо положительную, либо отрицательную окрашенность лексемы, т. е. расположение слова на шкале «высокое / низкое».

Мелиоративная оценка в большинстве традиционных словарей выражается такими пометами: *высок.* (высокое)*, ласк.* (ласкательное)*, поэт.* и *нар.-поэт.* (народно-поэтическое)*, торжеств.* (торжественное). Наиболее разветвленная система помет представлена в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова [СУ]. Немногочисленность положительных помет обусловлена известной закономерностью — не номинировать нормативные факты, явления, действия. Однако в связи с коммуникативной потребностью лексикографы предлагают новые пометы, маркирующие плюсовую семантику. В ТСЯС добавлены пометы *одобр.* (одобрительное — см. словарные статьи *коллективист, передовик, сознательный, маяк, энтузиаст, скромный труженик*)*, патет.* (патетическое — *битва, благо, вахта, пламенный*, *белое золото*). Однако сами авторы отмечают зыбкость границ между сферами действия помет *высокое* и *патетическое.* В частности, лексема *Октябрь* имеет помету *высок.*, а номинация *Красный Октябрь* снабжена пометой *патет*. В эту зону пересекаемости, нечеткости содержания помет, как кажется, попадает и помета *торжественное*.

В «Словаре оценочной лексики русского языка» [Тихонова 2015] расширена система эмоционально-оценочных помет и предложены пометы *одобрительное, одобрение*; *восхищение, восхищенно*; *хвалебное*.

На оценочной шкале в зону положительного следует включить и такие пометы, как *почтительное* [МАС; БТС; ТСЯС; ССП] и *уважительное* [Химик 2004]. Эти пометы несут аксиологическую информацию коммуникативно-прагматического характера.

В ТСИС, поскольку это нормативный словарь, представляющий кодифицированный литературный язык, используется небольшой список помет, обозначающих

«оценку говорящим данного понятия, факта, действия, свойства» [ТСИС: 14], и к положительно оценочным можно отнести, на наш взгляд, лишь помету *уменьш.-ласк.*, ср.: *костюмчик* — ‘уменьш. или ласк. к костюм’ (с. 403).

В ТСРРР, в котором принято зонное расположение информации, стилистические пометы, которые «указывают на эмоциональную окраску слова (значения)» [ТСРР: 18], помещаются в зоне STYL. Специфика словаря заключается в том, что он «не является нормативным в привычном смысле этого термина и отражает современный русский устно-бытовой узус» [ТСРР: 9]. Поскольку для разговорной речи не характерна возвышенная тональность и слова, расположенные в верхней части шкалы «высокое — низкое», практически отсутствуют, из положительных оценочных помет встречается только *ласк.* (ласкательное) и *уменьш.-ласк.* (уменьшительно-ласкательное): *здоровьице* — STIL *уменьш.-ласк.* (Т. 1, с. 723).

В лексикографии используется более богатый список помет, выражающих отрицательную оценку. Общая выборка из разных словарей представляет такую картину: *насмешл.* (насмешливо)*, снисходит.* (снисходительно)*, неодобр.* (неодобрительно), *пренебр.* (пренебрежительно), *презр.* (презрительно), *уничиж.* (уничижительно), *груб.* (грубое), *бран.* (бранное), *фамильярн.* (фамильярное), *вульг.* (вульгарное)*, нецензурн.* (нецензурное). Оценочные признаки варьируют от неодобрительного до презрительного и бранного, но они не выстраиваются в единый ряд по степени «отрицательности». В АТоС [2016] дано «более или менее подробное описание содержательной стороны пометы — *бран*., в отличие от *груб.; сленг*., в отличие от *жарг.; ист*., в отличие от *устар.; неодобр*., в отличие от *пренебр., презр., уничиж*. и т. д.» [Крысин 2016: 55].

В ТСЯС также используются пометы, ориентированные на прагматический аспект: *назидательно, назидательное; порицание, порицательно*; *осудительно*; *эвфемизм.*

Аксиологическое содержание во всех словарях передается и амбивалентными пометами *шутл., ирон*. В ТСЯС использованы комбинированные пометы *шутл.-ирон., шутл.-пренебр., разг.-пренебр.*

В ССП в качестве наиболее важных (по мнению автора) приняты пометы *позитивнооценочное / негативнооценочное.* Как позитивнооценочные отмечены слова *династия, исполин* — ‘о человеке, народе, выдающемся в какой-л. области своими достоинствами’, *семья* — ‘объединение людей, сплоченных общими интересами’. Помету негативнооценочное имеют: *джунгли* — ‘об обществе, в котором царят, произвол, жестокость, насилие’, *левак* — ‘тот, кто незаконно использует рабочее время, орудия или продукты общественного труда ради наживы’ и др.

В БТС есть группа помет, которые связаны с субъективной качественно-количественной семантикой и отражают движение по оценочной шкале: *увеличительно, уменьшительно, усилительно, смягчительно.* Они находятся на периферии эмоционально-оценочной квалификации.

В словарной статье аксиологическую информацию также можно получить из параметрической зоны толкования. Такой способ фиксации аксиологического

содержания характерен для слов-прагмем, у которых оценка входит в ассертивную часть значения.

Можно выделить несколько групп языковых средств, отражающих в толковании аксиологическую информацию.

Во-первых, слова-аксиологемы в качестве заглавного слова словарной статьи — «вербальная номинация ценности, являющейся базовой для индивида и определенной группы лиц» [Купина 2020: 32]. В аксиологеме как знаке на первый план выступают не денотативно-сигнификативное значение, а ценностно-оценочные коннотации. Ценности лингвокультурного общества как изначальные высшие принципы представляют собой срез русской аксиологической картины мира. Набор ценностей в значительной мере определяется языковой политикой государства, и словари позволяют проследить, как изменяется содержание ценностного концепта. Этот факт убедительно доказан на материалах СУ в монографии «Тоталитарный язык» [Купина 2015]. Подобную картину видим в ТСЯС, представляющем ретроспективные оценки советизмов, вследствие чего аксиологическая информация является чрезвычайно значимой. Так, заглавные слова в словарных статьях приравниваются к идеологически значимым устойчивым сочетаниям: *НАРОД == Счастливые народы Советской страны; НАДЕЖДА == Надежда всего человечества (о социализме); ЧЕСТЬ == Партийная честь, Рабочая честь.*

Заглавное слово может номинировать антиценность, т. е. явление, которое носит антисоциальный, антигуманный характер. Например, в ТСРРР: *понт* — ‘нарочитая демонстрация своего превосходства (богатства, достижений, возможностей)’; в ССП: *диффамация* — ‘оглашение в печати сведений (истинных или мнимых), позорящих кого-л.’.

Во-вторых, в самом толковании могут использоваться оценочные слова. Например, в ТСЯС: *болтун* ‘тот, кто разглашает тайну, секретные сведения’ (разглашать тайну, а тем более секретные сведения — это этически недопустимые действия); *блатник* ‘человек, пользующийся связями, знакомством для получения, достижения чего-л. незаконным способом’. В ССП: *махровый* — ‘проявляющий в самой высокой степени какое-л. отрицательное свойство’. В ТСИС: *помпадур*[2] — ‘администратор-самодур’; *актерство* — ‘рисовка, притворство в поведении’. В ТСРР: *жуткий* — ‘очень плохой’; *милочка* — DEF: ‘ласково-фамильярное или язвительно-ироническое обращение к женщине’.

В-третьих, аксиологическая информация содержится в зоне иллюстрации. В ТСРР в словарной статье **сюр**: *‘Открыли кафедру теологии в МИФИ... Это просто **сюр** какой-то... И в этом **сюре** мы живём.*

В ТСРРР аксиологическую информацию можно извлечь также из зоны PRAGM, в которой «описываются условия употребления данной лексической единицы в речи» (с. 22).

Таким образом, аксиологический компонент выступает одним из способов концептуализации, хранения и трансляции информации, связанной с культурным опытом носителей языка, и аксиологическая лексикография должна занять достойное место в общей лексикографии.

Источники

АТоС — Академический толковый словарь русского языка. Том 1: А — ВИЛЯТЬ / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 672 с.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. 1536 с.

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

ССП — *Солганик Г. Я.* Стилистический словарь публицистики: около 6000 слов и выражений. М.: Русские словари. 1999. 647 с.

СУ — Толковый словарь русского языка в 4 тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Тихонова М. А. «Словарь оценочной лексики русского языка» как способ лексикографической интерпретации аксиологической семантики // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2015, № 3. С. 131–140.

ТСИС — *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов: свыше 25000 слов и словосочетаний. М.: Эксмо, 2010. 939 с.

ТСЯС — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 700 с.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / под ред. Л. П. Крысина. Вып. 1–4, М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2014–2021; Вып. 5, СПб.: Нестор-История, 2022.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Крысин Л. П., Грунченко О. М., Кулева А. С., Цумарев А. Э., Шестакова Л. Л. Типы информации о слове и способы их представления в «Академическом толковом словаре русского языка» // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. Материалы докладов и сообщений международной научной конференции / отв. ред. М. Л. Каленчук. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 53–56.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 185 с.

Купина Н. А. Любительская датская поэзия: групповой аксиологический лексикон и креативные речевые практики // Вестник ВолГУ. 2020. № 2. С. 31–42.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Диалектный словарь как лингвоаксиологический источник // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2021. Т. 3. № 17. С. 43–66.

СЭС — Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта–Наука, 2006. 696 с.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.

O. A. Mikhailova
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Russia, Ekaterinburg)
oamih@yandex.ru.

LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF AXIOLOGICAL INFORMATION

The paper analyzes the parameter zones of dictionary entries which reflect the axiological and evaluative semantics. The materials for the analysis are the "Explanatory Dictionary of Russian colloquial speech", "Explanatory Dictionary of foreign language words" (L. P. Krysin), "Stylistic Dictionary of Journalism" (G. Ya. Solganik), "Explanatory Dictionary of the language of the Soviet Republic" (V. M. Mokienko, T. G. Nikitina), as well as academic explanatory dictionaries of the literary language. The axiological information contains the culturally determined characteristics about the outward things and is recorded in the dictionaries as evaluative semantics. The axiological information is represented with various degree of completeness and entrenched in different zones of the dictionary entry according to the aim and addressee of the dictionary. There are two ways of representing the evaluation in the dictionary.

The evaluation as a part of the connotation is included with the help of stylistic marks. The lexicographical scarcity of positive labels and the communicative need fueled the emergence of new marks of the positive semantics. The article summarizes the labels of the negative semantics and shows pragmatic-oriented as well as ambivalent marks.

The paper singles out the speech means which reveal the axiological information in the definition area: the word-axiologemes as head-word of the dictionary entry (they express either values or anti-values); evaluative words employed in the word definition; illustrative examples.

The PRAGM zone with the axiological information is the key feature of the "Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech".

Keywords: lexicography, dictionary entry, axiological information, stylistic marks, definition

References

Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ, 1988. 341 p. (In Russ.)

Krysin L. P., Grunchenko O. M., Kuleva A. S., Tsumarev A. E., Shestakova L. L. [Types of information about a word and ways of presenting it in the "Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language"] *Russkaya leksikografiya XXI veka: problemy i sposoby ikh resheniya. Materialy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russian lexicography of the 21st century: problems and ways of solving them. Materials of reports and communications of the international scientific conference]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ, 2016. pp. 53–56. (In Russ.)

Kupina N. A. *Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevyye reaktsii* [Totalitarian language: dictionary and speech reactions]. Ekaterinburg, Ural. University, Publ, 2015. 185 p. (In Russ.)

Kupina N. A. [Amateur Danish poetry: group axiological lexicon and creative speech practices] *Vestnik VolGU.* 2020. No. 2, pp. 31–42. (In Russ.)

Mokiyenko V. M., Nikitina T. G. [Dialect dictionary as a linguaxiological source] Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy. 2021. Vol. 3. No. 17, pp. 43–66. (In Russ.)

Kozhina M. N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta-Nauka Publ, 2006. 696 p. (In Russ.)

Teliya V. N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinits* [Connotative aspect of semantics of nominative units]. Moscow: Nauka Publ, 1986. 143 p. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.22

И. В. Нечаева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
inechaeva@mail.ru

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТЕРМИНОЛОГИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Речь идет о том, что большинство иноязычных заимствований обладают признаками терминологии — выражают специальное понятие, являются единицами сферы профессиональной коммуникации, нередко требуют дефиниции. Терминологичность заимствований и квазизаимствований (слов, образованных в русском языке из иноязычных элементов) может иметь разные степени выраженности. При этом иноязычные термины активно используются и вне терминологической сферы, поскольку обычно являются единственным обозначением соответствующего понятия. Тем самым большинству современных иноязычий свойственна консубстанциональность (В. М. Лейчик), связанная с коммуникативной актуальностью обозначаемого понятия.

Данное явление можно охарактеризовать как «интеллектуализация языка» (А. С. Герд). Из этого выводятся два следствия: 1) проведение четкой границы между терминологической и нетерминологической лексикой в сфере современных заимствований затруднено; 2) роль английского языка в формировании массива современной терминологии возрастает, удельный вес терминов-англицизмов увеличивается. Слова в язык приходят в составе целого «пучка», покрывающего какую-либо предметную область (Л. П. Крысин); одновременно имеет место тренд на замену неанглийских заимствований английскими: *тенденция — тренд*, *магазин — шоп*, *номинация — нейминг*, *гастроном — супермаркет* и др. При этом заимствования, составляющие словообразовательное гнездо в языке-источнике, на русской почве не связаны отношениями словообразовательной производности, что порой вызывает проблемы при их орфографическом освоении.

Ключевые слова: заимствование, термин, иноязычное слово, терминологичность, специальное понятие, консубстанциональность

Иноязычное заимствование — одна из главных тем научных исследований Леонида Петровича Крысина, работы которого значительно продвинули вперед ее изучение, в том числе в аспекте взаимодействия обиходной лексики и термино-

логии. В данной статье высказывается несколько соображений в продолжение этой темы.

Под терминологичностью понимается способность слова восприниматься в качестве термина [Виноградов 2014: 24]; эта способность может быть выражена в большей или меньшей степени.

Исследователи отмечают следующие свойства термина:

— выражает специальное понятие в определенной области знания или реалию практической деятельности,
— требует дефиниции,
— относится к языку для специальных целей,
— является единицей сферы профессиональной коммуникации
(подробнее см. [Шелов 2010: 78–80]).

При этом не все разделяют мнение о непременной профессиональной принадлежности термина: он может иметь отношение и к непрофессиональным занятиям, например туризму, охоте, сфере моды, коллекционированию, карточной игре и др. [Там же: 83–84]. (Правда, следует иметь в виду, что и организация туризма и охоты, и мода являются вполне профессиональными занятиями для тех, кто в этих сферах работает.)

Те же черты можно заметить у многих (если не большинства) современных заимствований. Приведем примеры:

информатика, компьютерные технологии: *интерфейс, вебинар, видеохостинг, драйвер, подкаст, трафик, виртуальный...*
финансы: *биткоин, блокчейн, эскроу, овердрафт, кэшбек...*
медицина: *ковид, коронавирус, хоспис, эвтаназия, ботокс, липосакция...*
образование: *воркшоп, инфографика, коучинг, бакалавриат, скилл...*
сфера услуг: *бариста, клининг, кейтеринг, глэмпинг...*
мода: *бомбер, клатч, бюстье, слаксы, лонгслив, чокер, челси...*
спорт: *болдеринг, клифдайвинг, фристайл, сет, плей-офф, параглайдинг...*
реклама: *оффер, лайтбокс, мобайл, амбассадор...*
культура: *инсталляция, римейк, сиквел, мейнстрим, караоке...*
политика: *импичмент, инаугурация, денонсация, спичрайтер, спойлер...*
и др.

Такие заимствования обозначают специальные понятия, используются в профессиональной коммуникации и часто требуют пояснения — дефиниции (хотя необходимость дефиниции представляется критерием субъективным и потому необязательным). Все это свидетельствует в пользу терминологичности (в той или иной степени) как свойстве большинства современных заимствований. Сказанное относится также и к так называемым квазизаимствованиям — словам, образованным на русской почве, но из иноязычных по происхождению элементов, иногда морфологически оформленным: *реновация, монетизация, вице-премьер, фешн-директор, комфорт-класс, апитерапия, иридодиагностика, криптовалюта,*

ангажированность, клонирование, кодировка, медийный, параолимпийский, экотуризм и др.

Если говорить о языке — источнике заимствования, то имеет место тотальное доминирование английского языка, что вполне очевидно. Но встречаются штучные заимствования и из других языков. Примеры: *гламур* (франц. glamour ‘внешний шик, показная роскошь, великолепие’), *шазюбль* (франц. chasuble ‘длинное легкое летнее пальто’), *шоколатье* (франц. chocolatier ‘кондитер, специализирующийся на производстве шоколада и изделий из него’), *бариста* (итал. barista ‘специалист по приготовлению кофе’), *портфолио* (итал. portfolio ‘профессиональная подборка работ, демонстрирующая навыки и достижения человека в определенной области’), *мачо* (исп. macho ‘брутальный мужчина’), *икебана* (яп. ‘традиционное японское искусство создания цветочных композиций’), *дорама* (яп. ‘общее название для телесериалов, выпускаемых в Восточной Азии’), *фэншуй* (кит. ‘древнее китайское искусство гармонизации пространства с учетом его влияния на человека’), *шарпей* (кит. ‘порода собак’), *мукбанг ~ мокпан* (кор. ‘форма видеоблогинга, представляющая собой трансляцию поедания пищи в реальном времени’) и др. единиц.

Нетрудно, однако, заметить, что многие иноязычные слова, обозначающие специальные понятия, все больше используются нами в нашей повседневной речи, то есть в непрофессиональной сфере. У большинства из них нет нетерминологических эквивалентов, и это понятно: ведь отсутствие подходящего обозначения нового явления на русском языке — одно из основных условий заимствования; установлено, что «наиболее типичной формой такого влияния[1] является заимствование наименования вместе с заимствованием вещи, понятия» [Крысин 2004: 27]. В подобных случаях «фактором заимствования и активного вхождения иноязычного слова в речевой оборот является коммуникативная актуальность обозначаемого понятия» [Там же: 189]. Новые понятия активно проникают в нашу жизнь, а иноязычные термины — в нашу речь.

Это явление адаптации специальной лексики в языке было отмечено А. С. Гердом как «интеллектуализация языка», связанная с популяризацией среди населения практических научных знаний [Герд 2013: 134]: «Технический прогресс бурно порождает новые изобретения, входящие в повседневный быт, специальные языки торопятся их поименовать, а средства массовой информации внедрить в язык общего употребления» [Там же]. Отметим, что данная особенность касается, конечно, не только науки, но и других специальных областей. Проводниками такого внедрения являются реклама, газеты, радио, телевидение и особенно интернет.

Из сказанного логически выводятся два следствия.

1) Проведение четкой границы между терминологической и нетерминологической лексикой в сфере современных заимствований затруднено, если вообще возможно. Терминологичность как свойство иноязычного слова имеет свои градации. Так, слова *интерфейс, видеохостинг, эскроу, овердрафт, инсталляция, мейнстрим*

[1] Речь идет о влиянии внешних социально-экономических, политических и т. п. связей общества на процесс лексического заимствования.

воспринимаются как часть терминологии, а насколько терминологичны *вебинар, кэшбек, виртуальный, караоке?* Ответ неочевиден. Последние слова обозначают понятия, являющиеся уже частью нашего обихода, а не только профессиональной речи. Существующие определения терминологии не слишком помогают в решении этого вопроса.

2) Роль английского языка в формировании массива современной терминологии во всех областях с очевидностью возрастает, удельный вес терминов-англицизмов увеличивается. Об этом свидетельствует и вытеснение русскоязычных (или ранее заимствованных) наименований новыми иноязычными. Примеры на такого рода вытеснение приводятся в работах Л. П. Крысина, который среди причин вхождения слов в язык называет «необходимость специализации понятий — в той или иной сфере, для тех или иных целей; ср., например, пары типа *предупредительный — превентивный, вывоз — экспорт, преобразователь — трансформатор*» [Крысин 2004: 188]. Можно добавить еще ряд подобных замен из современного узуса: *обслуживание — сервис, сельский — кантри, представление — шоу, охрана — секьюрити, убийца — киллер, содержание — контент, вечеринка — пати, пирог — пай, случайный — рандомный* и др. заимствования, способствующие терминологизации и профессионализации значений. Также присутствует *тренд* на замену неанглийских заимствований английскими: *тенденция — тренд, магазин — шоп, номинация — нейминг, гастроном — супермаркет* и др.

Ряд исследователей уже давно отмечает, что «имеет место взаимный обмен между специальной и общеупотребительной лексикой» [Лейчик 2009: 28]. Современная языковая ситуация это наглядно демонстрирует, и приведенные примеры об этом свидетельствуют. В отношении заимствований этот процесс идет, скорее, в рамках детерминологизации терминов, а не наоборот. Поскольку, как уже говорилось, заимствованные слова чаще всего являются единственным обозначением соответствующей реалии (что является наиболее типичным условием самого процесса заимствования), они функционируют как в специальном, так и обиходном дискурсе; это явление В. М. Лейчик называет консубстанциональностью [Там же: 36]. Судя по всему, именно такие социально значимые термины, т. е. употребительные и в специальных, и в неспециальных текстах, составляют наиболее многочисленный сегмент иноязычной неологии, в противовес сугубо научной и узкоспециальной лексике.

Еще один аспект, характеризующий современный этап заимствования, состоит в следующем: нередко бывает так, что заимствованное слово «приходит в составе целого пучка, покрывающего ту или иную предметную область, которая до этого не имела специальных номинаций, и само вместе с другими составляющими такого пучка образует некую терминологическую микросистему» [Крысин 2014: 52]. Это может быть парадигматически связанная тематическая группа или словообразовательное гнездо. Например, появляются заимствования *сёрфинг* (‘скольжение на доске по волнам’), *сёрф* (англ. surf. ‘доска для занятий сёрфингом’) и *сёрфер* (‘спортсмен, занимающийся серфингом’). Исходный термин служит источником образования целых рядов словосложений на русской почве,

типа *сёрф-клуб, сёрф-фестиваль, сёрф-движение, сёрф-лагерь* и т. д. Затем (или одновременно) появляются иноязычия *виндсёрфинг* ‘катание на доске с парусом’, *кайтсёрфинг* ‘катание на доске с кайтом — воздушным змеем’, *сапсёрфинг* — ‘катание на доске при помощи весла’, *вейксёрфинг* — ‘катание на небольшой доске за волной, создаваемой катером’. Тем самым образуется соответствующая локальная терминосистема. Таких примеров можно привести немало.

У подобных кластеров этимологически однокоренных заимствований есть одна особенность: слова, составляющие словообразовательное гнездо в языке-источнике, на русской почве не связаны отношениями словообразовательной производности, они заимствуются параллельно (хотя и не всегда одновременно). Отсюда вытекают некоторые проблемы их освоения.

Например, существует орфографическая проблема передачи в орфографии некоторых пар на *-инг* и *-ер* с этимологическим удвоением согласных на морфемном шве. Это пресловутые *блогер* [blogger] и *блоггинг* [blogging] при *блог* [*blog*], *рэпер* [rapper] при *рэп* [rap] и др. Между лингвистами нет согласия в решении вопроса о том, должно ли при кириллическом оформлении слова сохраняться удвоение согласных, о чем писалось неоднократно (см., например [Нечаева 2012: 74–75]). Узус не дает нам убедительных свидетельств того, что упрощение удвоения у подобных слов на русской почве является устойчивым трендом (т. е. *блогер* с его одиночной согласной не воспринимается как образец); напротив, существует заметная тенденция ориентации на язык-источник. Налицо оппозиция синхронно-парадигматического и этимологического принципов в письменном оформлении иноязычий.

Еще один признак терминологичности — «тенденция к модельной аналогии», по выражению А. А. Реформатского [Реформатский 1967: 123], которая для заимствованных слов обусловлена их происхождением. Так, например, можно привести довольно многочленные регулярные ряды, образований на *-ер* и *-инг* (иногда с безаффиксным производящим). Данная тенденция, по словам А. А. Реформатского, действует и в основной системе, но среди терминов усиливается. Ср. примеры:

аквазорб — аквазорбер — аквазорбинг
андеррайер — андеррайтинг
бейс(-)джампер — бейс(-)джампинг
дауншифтер — дауншифтинг
дрифт — дрифтер — дрифтинг
имиджмейкер — имиджмейкинг
кайт — кайтер — кайтинг
киднеппер — киднеппинг
мерчендайзер — мерчендайзинг
франчайз — франчайзер — франчайзинг

и многие другие.

Таким образом, можно предположить следующее: терминологичность заимствований, и изначально достаточно ощутимая (недаром еще недавно существовала тенденция составления словарей иностранных слов по отраслям знания, в настоящее время практически ушедшая), теперь, в силу экстралингвистических причин, эволюционирует в консубстанциональность, что сближает общенациональную и терминологическую системы языка.

Литература

Виноградов С. Н. К вопросу о точности оценки терминологичности. // Терминология и знание. Выпуск IV. М.: Вест-Консалтинг, 2014. С. 24–32.

Герд А. С. Академический словарь в свете современных социолингвистических тенденций. // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 2013, т. 9, № 2. С. 131–137.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Крысин Л. П. «Свое» и «чужое» в терминологических системах // Терминология и знание. Выпуск IV. М.: Вест-Консалтинг, 2014. С. 52–55.

Лейчик В. М. Общая типология и многоаспектные классификации специальной лексики // Терминология и знание. Материалы I Международного симпозиума. М., ИРЯ РАН, 2009. С. 28–48.

Нечаева И. В. О *шоп(п)инге*, *мини(-)вэне* и тайнах орфографической кодификации // Русский язык в научном освещении, 2012, № 1 (23). С. 72–89.

Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1967. С. 103–126.

Шелов С. Д. Еще раз о природе термина и определении понятия ‘термин’ // Терминология и знание. Выпуск II. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. С. 77–111.

I. V. Nechaeva

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
inechaeva@mail.ru

A FEW WORDS ABOUT THE TERMINOLOGY SUITABILITY OF MODERN BORROWINGS

The point is that most foreign–language borrowings have signs of terminology: they express a special concept, are units of the sphere of professional communication, and often require definition. The terminology suitability of borrowings and quasi-borrowings (words formed in Russian from foreign language elements) may have different degrees of manifestation. At the same time, foreign-language terms are actively used outside the terminological sphere, since they are usually the only designation of the corresponding concept. Thus, the majority of modern foreign languages are characterized by consubstantiality (V. M. Leichik), associated with the communicative relevance of the designated concept.

This phenomenon can be described as “intellectualization of language” (A. S. Gerd). Two consequences can be deduced from this: 1) it is difficult to draw a clear line between terminological and non-terminological vocabulary in the field of modern borrowings;

2) the role of the English language in the formation of the array of modern terminology is increasing, the proportion of Anglicized terms is increasing. Words come into the language as part of a whole "bundle" covering a subject area (L. P. Krysin); at the same time, there is a trend towards replacing non-English borrowings with English ones: *тенденция — тренд, магазин — шоп, номинация — нейминг, гастроном — супермаркет*, etc. At the same time, the borrowings that make up the word-formation nest in the source language are not related to the relations of word-formation derivation on Russian soil, which sometimes causes problems with their spelling.

Keywords: borrowing, term, foreign language word, terminology suitability, special concept, consubstantiality

References

Gerd A. S. [Academic dictionary in the light of modern sociolinguistic trends]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN* [Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences]. Nauka Publ., St. Petersburg, 2013, v. 9, no. 2, pp. 131–137. (In Russ.)

Krysin L. P. ["One's own" and "someone else's" in terminological systems]. *Terminologiya i znanie* [Terminology and knowledge], v. IV. Vest-Konsalting Publ., Moscow, 2014, pp. 52–55. (In Russ.)

Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe* [The Russian word, your own and someone else's]. Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., Moscow, 2004, 888 p.

Leichik V. M. [General typology and multidimensional classifications of special vocabulary]. *Terminologiya i znanie. Materialy I Mezhdunarodnogo simpoziuma*. [Terminology and knowledge. Proceedings of the I International Symposium]. Moscow, 2009, pp. 28–48. (In Russ.)

Nechaeva I. V. [About *шоп(п)инг, мини(-)вэн* and the secrets of spelling codification]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2012, no. 1 (23), pp. 81–82. (In Russ.)

Reformatskii A. A. [A term as a member of the lexical system of a language]. *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. Nauka Publ., Moscow, 1967, pp. 103–126. (In Russ.)

Shelov S. D. [Once again about the nature of the term and the definition of the concept 'term']. *Terminologiya i znanie* [Terminology and knowledge], v. II. Publishing Center «Azbukovnik», Moscow, 2010, pp. 77–111. (In Russ.)

Vinogradov S. N. [On the issue of the accuracy of terminology suitability]. *Terminologiya i znanie* [Terminology and knowledge], v. IV. Vest-Konsalting Publ., Moscow, 2014, pp. 24–32. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.23

Е. А. Никишина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
helene_nikichina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОПУСТОШЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Статья посвящена исследованию существительных с опустошенной семантикой (*штука*, *фигня*, *хреновина* и др.) в русской разговорной речи. Эти слова могут, подобно местоимениям, выступать в качестве заместителей других слов, но набор их функций значительно разнообразнее, чем у местоимений. Анализируются две группы слов с размытой семантикой: исходно нейтральные (*штука*, *вещь*, *дело*) и исходно оценочные, имеющие пейоративную семантику (*фигня*, *хрень*, *фиговина*, *хреновина*). Показано, что нейтральные слова, становясь заместителями, свободно обозначают как предметы, так и ситуации, тогда как пейоративные слова в опустошенном значении чаще замещают предметы, а при указании на ситуации десемантизируются в значительно меньшей степени, сохраняя свою оценочность. Особое внимание в статье уделяется роли суффиксов (*-ина*, *-овина* и *-ня*, *-нь*), участвующих в образовании дериватов от неспецифицированных корней *фиг-* и *хрен-*. Изначально выдвигается гипотеза о возможной связи этих суффиксов с природой референта (предмет vs ситуация). Но, вопреки ожиданиям, оказывается, что суффиксы не определяют тип референта в контекстах, где рассматриваемые слова имеют опустошенное значение, хотя и обнаруживают тенденцию различать референты-предметы и референты-ситуации в оценочном употреблении. Исследование опирается на теорию прагматикализации, объясняющую, как пейоративные слова теряют оценку в одних контекстах и сохраняют ее в других. Выводы статьи важны для понимания механизмов десемантизации и особенностей функционирования лексики в разговорной речи.

Ключевые слова: слова с опустошенной семантикой, слова-заместители, русская разговорная речь, прагматикализация, словообразование, референт, оценочность, пейоративная семантика

Введение

Одной из важных особенностей разговорной речи (РР) является ее ситуационная восполняемость. Это связано с тем, что «в РР ситуация является полноправной составной частью акта коммуникации, она вплавляется в речь» [РРР 1973: 19]. Такое свойство РР позволяет говорящему активно использовать различные дейктические элементы: местоимения, жесты и так называемые слова-указатели [Капанадзе 1973]. Слова-указатели, или слова с местоименным, «отсылочным» значением обладают размытой или опустошенной семантикой и способны заменять названия конкретных предметов и ситуаций (подобно тому, как это делают местоимения). В кодифицированном литературном языке (КЛЯ) такие слова тоже используются (*тип*, *существо*, *факт*), но в РР слов-указателей гораздо больше, и набор их значительно разнообразнее (*штука*, *мура*, *фигня*, *хреновина*). Прономинализация существительных — явление, характерное не только для русского языка, в других языках подобные слова с опустошенной семантикой, чье значение определяется ситуацией, тоже существуют: *thing(y)*, *stuff* в английском, *chose*, *truc*, *machin* во французском, *cosa*, *chisme* в испанском, *Ding*, *Sache* в немецком и т. д. Применительно к ним используются разные термины: vague reference nouns, placeholders, dummy nouns (англ.), mots passe-partout (франц.). Интересно, что в русском, в отличие от указанных языков, класс слов-указателей расширяется благодаря развитому словообразованию — у многих слов-указателей есть суффиксальные дериваты: *штука — штуковина*, *штукенция*, *хрень — хреновина*, *хренотень*, *фигня — фиговина*, *фиг(н)отень*, *мура — муровина* и др. В настоящей статье предпринята попытка описать подобные существительные с неопределенно-указательным значением и проверить, модифицируют ли словообразовательные суффиксы их семантику.

Прежде всего следует отметить, что группа рассматриваемых слов неоднородна. В ней есть, с одной стороны, нейтральные слова с опустошенной семантикой, такие как *штука*, *дело*, *вещь*:

(1) [Об акустике в античном театре] *Там же еще должна быть феноменальная акустика/ так как древние театры делали с учетом распространения звука// Даже были какие-то* ***штуки*** *специальные/ в которые наливали воду//* (Беседа с фолк-группой «Мельница», 2005).

С другой стороны, есть более экспрессивные и обычно стилистически сниженные слова типа *хрень*, *фигня*, *мура*, у которых выделяется два основных употребления:

1) как полнозначное слово с пейоративной семантикой:

(2) [О модели телефона] *Вообще... эта модель производит впечатление полной* ***хреновины*** (Блоги, 2005);

2) как безоценочное слово с опустошенной семантикой, слово-указатель / заместитель:

(3) [О турникете] *Там стоят такие* ***хреновины****, куда ты суешь свой проездной билет, и они тебя пропускают* (Комсомольская правда, 29.05.2001).

Большинство словарей не фиксирует у таких слов нейтрального безоценочного значения, ср.:

ФИГНЯ́. (прост. груб.). О чём-н. негодном, гадком [Шведова (ред.) 2008].

ФИГНЯ́. *Разг.-сниж.* О чём-л. не заслуживающем внимания, доверия [Кузнецов (ред.) 1998].

Одним из немногих словарей, отмечающих безоценочное опустошенное употребление у таких слов, является «Толковый словарь русской разговорной речи» [ТСРР 2014–2022], приведем фрагмент статьи из этого словаря:

ФИГНЯ́.[1]

1. DEF: о любом предмете (используется как обозначение предмета, название которого говорящий забыл или не хочет произносить по каким-л. причинам); *то же, что* хрень (в 1 знач.). *— Ты вот эти/ **фигни** будешь с собой таскать? Две положить? — Положи//* (Из коллекции НКРЯ, 2002); *— Подскажите, пожалуйста, где ещё можно купить **фигню** на хэлоуин? Шляпа ведьмы интересует* (Глупые вопросы, но интересныеее // Форум, 2021); *А вот есть чуваки, которые на таких **фигнях** летают... эти... дельтапланеристы, да?* (Блоги, 2010); *Где заварить чай (типа который беспакетный, ну травяной или как его там) если нет **фигни** для заварки* (Где заварить чай // Форум, 2021).

STYL: *сниж.*, *сленг*.

2. DEF: о чём-л. непонятном, бессмысленном, незначительном или неприятном; *то же, что* хрень (во 2 знач.). *Мы гробим свою промышленность/ и травим себя/ питаясь их **фигнёй*** [китайскими продуктами]// (Фонд «Общественное мнение», Воронеж, 2003); *А вообще — вон из интернета, курсовая не допускает всякой отвлекающей **фигни**!* (Переписка в icq, 17.03.2008); *— По мне, так **фигня** эта местная система...* (А. Сальников. Отдел); *Очень мало рецептов, которые мы используем в жизни, всё какие-то **фигни**!* (Отзыв о мультиварке Redmond // ozon.ru, 2020).

STYL: *сленг.*, *неодобр.* или *пренебр.*

Интересно, что у слов с изначально нейтральной семантикой типа *штука*, *дело*, *вещь* может развиваться оценочное положительное значение:

(4) *Кофе по-турецки/ вернее по-морскому/ солёный// Вот это **вещь**//* (Из коллекции Саратовского университета, 2002).

Слова с изначально пейоративной семантикой типа *хрень*, *фигня* и пр., в контекстах, где они употребляются как опустошенные существительные, способны сочетаться с определениями, выражающими положительные характеристики (подробно об этом см. [Занадворова 2022]):

(5) *Я, например, научилась на нём* [на скейте] *кататься за два часа. Очень **классная фигня**. Учила на нём кататься подругу, ей очень зашло* (otzovik.com, 2023).

[1] Автор словарной статьи ФИГНЯ — Е. А. Никишина.

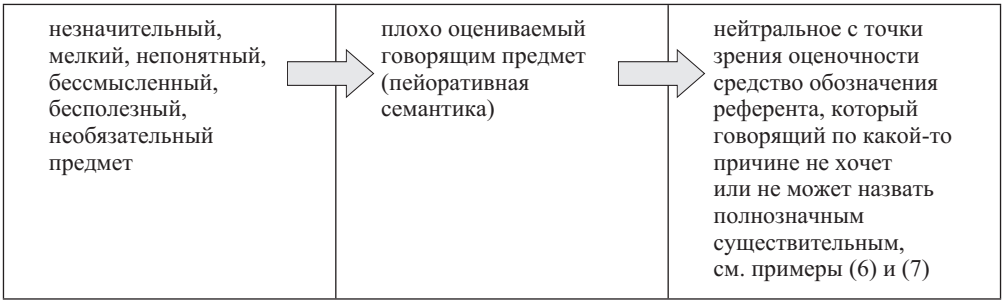
Существующие подходы к описанию слов с опустошенной семантикой

Рассмотрим некоторые подходы к описанию подобных слов. В русском языке, да и во многих других языках, существует большое количество существительных с пейоративной семантикой, используемых для обозначения предметов, которые слишком малы, незначительны, ничтожны, громоздки, сложны или по какой-либо другой причине вызывают недовольство говорящего (*бандура*, *драндулет*, *волынка*, *ерунда*, *мура*, *фигня*, *хрень* и др.). Большинство этих слов (особенно самых частотных) стало употребляться в контекстах, не предполагающих оценочности. Рассмотрим, как из пейоративного значения развилось заместительное, семантически опустошенное.

Некоторые исследователи предпочитают рассматривать слова с опустошенной семантикой как дискурсивные (или прагматические) маркеры [Mihatsch 2006]. Обычно к дискурсивным маркерам относят единицы, организующие дискурс, такие как логические коннекторы, ксенопоказатели (маркеры чужой речи), лексические маркеры эвиденциальности, выделения и т. п. Но при расширенном понимании дискурсивных маркеров как единиц речи, свидетельствующих о затруднении говорящего в подборе слова и о его усилиях организовать и удачно сформулировать свое высказывание, рассматриваемые слова вполне попадают в данную категорию.

Именно поэтому развитие опустошенной семантики у интересующих нас слов (особенно с изначально пейоративной семантикой) продуктивно рассматривать в свете процесса прагматикализации.

Схема развития опустошенного значения



Примеры к схеме, демонстрирующие нейтрализацию оценочности:

(6) *Фильм про динозавров, где герои летают на какой-то* ***хренотени*** *типа велосипеда, мопеда* (Блоги, 2021).

(7) *В общем, девушка загнала машину на мойку, а там черную пластиковую* ***фигнюшку****, не знаю, как ее назвать больше, поломали* (Форум автолюбителей, 2013).

В ходе прагматикализации языковые элементы проходят через этапы субъективации и интерсубъективации [Traugott 2003]. Употребление слов на этих этапах

связано с выражением позиции говорящего и тем, как ее воспринимает адресат. На этапе субъективации говорящий использует слово с пейоративной семантикой с целью скрыть свое затруднение в выборе более специфицированного слова: выбор слова с пейоративной семантикой позволяет говорящему «обесценить» референт в ситуации речевого затруднения и тем самым сохранить свой престиж («сохранить лицо»). В силу конвенционализации данной речевой стратегии обесценивания слово теряет свою способность к автономной референции, обретая максимально обобщенное (и тем самым опустошенное) значение, см. примеры (6) и (7). Далее, на этапе интерсубъективации, слово-заместитель подвергается анализу со стороны адресата и выступает уже как носитель интерсубъективной функции, то есть выражает призыв к сотрудничеству между говорящим и слушающим. Предполагается, что слушающий должен интерпретировать слово-заместитель, пытаясь подобрать для него подходящий референт. Таким образом, мы видим, что у слова-заместителя в ходе процесса прагматикализации остаются фактически лишь дискурсивные (прагматические) функции: спасти положение говорящего в ситуации речевого затруднения и инициировать слушающего к поиску подходящего референта (см. схему выше).

Слова с опустошенной семантикой принято рассматривать, функционально соотнося их с местоимениями: еще А. А. Шахматов [1941] и В. В. Виноградов [1947] писали о прономинализации полнозначных слов. Действительно, некоторое сходство есть: прежде всего, слова-заместители, как и местоимения, очень частотны в РР. Более высокая частотность местоимений в РР по сравнению с КЛЯ не раз отмечалась исследователями (Л. А. Капанадзе, Е. А. Земская и др.). При этом в РР, в отличие от КЛЯ, местоимения могут употребляться нестандартным образом. В частности, они не всегда отсылают к ранее названным в речи объектам, а могут вводить новые, ни разу до этого не упоминавшиеся. Такая свобода использования местоимений в РР объясняется тем, что обычно говорящим известна предситуация: *— Ботинки так и не купили значит? Нет еще// В чем же ты пойдешь-то? — Ну-у ... в* ***тех*** *пока пойду//* (пример взят из [Капанадзе 1973: 449]). Тесная соотнесенность высказывания с ситуацией особенно ярко проявляется при контактном общении, так как в этом случае местоимения могут сопровождаться и конкретизироваться жестами. Все это справедливо и для слов с опустошенной семантикой.

Однако отметим, что несмотря на то, что данные слова иногда даже называют словами-местоимениями [Капанадзе 1973], схожесть их с местоимениями существует только в семантическом отношении, то есть только в том, что у них нет самостоятельного семантического наполнения вне коммуникативной ситуации. В формальном же плане они мало чем похожи на местоимения, это существительные, но не совсем обычные. Посмотрим в связи с этим, правомерно ли называть их словами-местоимениями.

Отсутствие собственного семантического наполнения ведет к тому, что эти слова, как и местоимения, не могут употребляться в предикатной позиции без пояснений разного рода:

(8) **Нож — это штука / фигня / хрень. *Нож — это он / этот / тот / что-то.*

В сопровождении же прилагательных или определительных придаточных они легко выступают в подобном контексте, поскольку таким образом обретают значение:

(9) *Нож — это опасная штука* или *Нож — это штука, которой можно резать.*

Ср. *Нож — это что-то опасное. Нож — это то, чем можно резать*.

С другой стороны, можно сказать *Нож — это фигня*, но здесь реализуется другое, пейоративное, значение слова *фигня* — ‘что-то вызывающее у говорящего недовольство’, поэтому данное предложение воспринимается уже как оценочное суждение. *Фигня* как слово-заместитель не может быть употреблено в такой фразе без определения, можно сказать только *Нож — это фигня, которой можно резать*.

Пожалуй, это единственный контекст, в котором местоимения и слова-заместители ведут себя схожим образом.

Ни в одном другом контексте, где стандартно употребляются анафорические (личные), указательные или неопределенные местоимения, слова с опустошенной семантикой самостоятельно выступать не могут. Их употребление в соответствующих контекстах возможно лишь в сочетании с указательными или неопределенными местоимениями, ср.:

(10) a. *Мама просила желатин купить, а я не знаю, где* ***его*** *продают.*
b. **Мама просила желатин купить, а я не знаю, где* ***хрень*** *продают.*
c. *Мама просила желатин купить, а я не знаю, где* ***эту хрень*** *продают.*

(11) a. *В прошлый раз салат был какой-то невкусный, а* ***этот*** *мне нравится.*
b. **В прошлый раз салат был какой-то невкусный, а* ***штука*** *мне нравится.*
c. *В прошлый раз салат был какой-то невкусный, а* ***эта штука*** *мне нравится.*

(12) a. *Купи огурцы, помидоры и еще* ***что-нибудь****.*
b. **Купи огурцы, помидоры и еще* ***фигню****.*
c. *Купи огурцы, помидоры и еще* ***какую-нибудь фигню****.*

Таким образом, мы видим, что в отличие от местоимений, слова *хрень*, *штука*, *фигня* без зависимых не могут выполнять ни собственно анафорической, ни собственно дейктической функций. Именно поэтому употребление термина «слова-местоимения» применительно к рассматриваемым существительным кажется нам не совсем оправданным, поскольку оно влечет за собой ненужные ассоциации. Точнее называть их либо словами-заместителями, либо словами с нуль-семантикой, словами с опустошенной семантикой, пустыми существительными и т. п.[2]

[2] Эти и другие термины приводятся в [Капанадзе 1973] как аналоги наименования «слова-местоимения».

Основные функции слов с опустошенной семантикой

Набор функций слов-заместителей разнообразнее, чем у местоимений. Напомним лишь некоторые самые важные из них, приведенные в [Капанадзе 1973]:

1) Необходимость использования слов данного класса обычно возникает при устном общении в ситуации речевого затруднения, когда говорящий не хочет или не может подобрать подходящего слова в силу спонтанности устной речи, нехватки времени, концентрации, знаний и т. п. В такой ситуации слова с опустошенной семантикой, как уже говорилось выше, спасают положение:

(13) *Целый день на работе ходила/ и прыскала специальной* ***хреновиной****/ которая раз это размягчает кожу/ вот и* [смех] *и нормально/ и даже обратно дошла ну правда вот так вот/ но ничего//* (Из материалов корпуса «Один речевой день», 2007).

При порождении письменной речи есть время на то, чтобы лучше подумать, сформулировать, поискать нужное слово в словаре, поэтому в письменном неформальном общении подобные слова-заместители используются существенно реже.

2) Слова с опустошенной семантикой идеально подходят для замещения недостающего элемента при перечислении. В устной речи они заполняют интонационную «дыру» в конструкциях с жесткой ритмико-синтаксической организацией:

(14) [Телефонный разговор] — *Чё-нибудь купить? — Купи колы// — Ладно... а у тебя/ кстати/ пожрать есть? — Да/ суп/ котлеты/ макароны/ всякая такая* ***хрень****//* (Из коллекции НКРЯ, 2006).

3) Слова-заместители выступают в качестве носителей признака, являясь своего рода «поддержкой» прилагательного:

(15) *Конечно/ конечно/ а этим как-то... чего-то им не хватает/ вот как-то им не хватает понимания/ что жизнь — интересная/ сложная* ***штука****//* (Из коллекции НКРЯ, 2012).

В [Mihatsch 2006] данная функция слов-заместителей описывается уже как следующий этап эволюции данного типа слов, как этап грамматикализации: на этом этапе слово, еще ранее, в ходе прагматикализации, утратившее свое лексическое значение, теряет и прагматическое наполнение (перестает быть средством спасения говорящего в ситуации речевого затруднения, так как никакого речевого затруднения здесь нет) и становится элементом синтаксической структуры фразы, то есть начинает выполнять чисто грамматическую функцию.

С пониманием этой функции как чисто грамматической можно не согласиться. Если сравнить фразы *Жизнь — интересная сложная штука* и *Жизнь интересная и сложная*, становится понятно, что семантически они не абсолютно идентичны, а это значит, что функция слова *штука* не сводится здесь лишь к выражению признаковых свойств, выражая одновременно и категориальное значение.

Перечисленные функции характерны для всех слов с опустошенной семантикой. Посмотрим теперь, одинаково ли устроены две группы слов внутри этого класса: изначально нейтральные (*штука*, *дело*, *вещь*) и изначально пейоративные (*фигня*, *хрень*, *хреновина*). Остановимся подробнее на их способности обозначать референты разных типов — предметы и ситуации.

Слова *штука*, *дело* и *вещь* способны недифференцированно обозначать предметы и ситуации, притом что изначально, до десемантизации, *штука* и *вещь* обозначали предметы, а *дело* — ситуации и явления:

(16) [Референт — предмет] *Недавно клала клубнику в розовое шампанское вместо льда — удались и прохлада, и вкус, жаль забыла это* ***дело*** *<****штуку, вещь****> сфотографировать* (Отзыв о замороженной клубнике // otzovik.com, 2020);

(17) [Референт — ситуация] *Затеять ремонт —* ***дело*** *<****штука, вещь****> нешуточное* (Блоги, 2024).

Однако слово *дело*, по сравнению с другими двумя, наименее свободно используется для обозначения предметов, его невозможно встретить в контекстах типа: **подай мне это дело, **на столе лежало круглое дело* и т. п., поскольку у него сохраняется предпочтение к ситуационным референтам. Вероятно, это связано с тем, что *дело* не настолько конвенционализовано в роли слова-заместителя, а значит, его лексическое значение не до конца «выветрилось», как у слов *штука* и *вещь*, которые одинаково легко употребляются для обозначения предметов и ситуаций.

Как же дело обстоит со словами второго типа, исходно имеющими пейоративную семантику? Корни *фиг-* и *хрен-*, от которых образовано большинство из них, изначально семантически не дифференцированы по типу референта, то есть могут относиться в равной мере как к предметам, так и к ситуациям. Главный компонент в их семантике — это отрицательное отношение говорящего к обозначаемому референту. Не исключено, что именно отсутствие спецификации, основанной на противопоставлении типа референта (предмет vs ситуация), способствовало столь активному словообразованию на базе данных корней. Кажется, что суффиксация в данном случае стала процессом, противоположным десемантизации. Суфиксация обычно приводит к спецификации значения, тогда как процесс десемантизации связан с расширением и обобщением значения. Если высокая употребительность слов-заместителей в разговорной речи считается проявлением синкретизма в РР, то добавление к десемантизированным основам типа *фиг-* и *хрен-* суффиксов с определенной семантикой можно воспринимать как проявление расчлененности. Таким образом, на примере группы слов-заместителей мы можем наблюдать за действием двух основных противоборствующих тенденций разговорной речи — синкретизма и расчлененности [РРР 1973: 31–34]. Однако действительно ли суффиксы столь важны для дифференциации значений рассматриваемых слов?

Связь суффиксов слов-заместителей с их семантикой

Экспрессивное словообразование, являясь важной характеристикой разговорной речи, особенно ярко проявляется в суффиксации, которая позволяет преобразовывать нейтральные основы в эмоционально окрашенные единицы [РРР 1981]. С учетом этого рассмотрим средства, участвующие в образовании дериватов от корней с изначально пейоративной семантикой *фиг-* и *хрен-*, уделяя особое внимание двум группам суффиксов: *-ина*, *-овина* и *-ня*, *-нь*. В сознании наивного носителя суффикс *-ина* (*-овина*) ассоциируется со значением единичности (*макароны — макарон-ина*)[3] и, как следствие, предметности, а суффиксы *-ня*, *-нь* — со значением собирательности (*малыш — малыш-ня*, *голубой — голубе-нь*) и, как следствие, отвлеченности. Именно эти суффиксы, как кажется, дают нам право предположить, что получившиеся с их помощью слова должны быть дифференцированы по типу обозначаемого ими референта, то есть от слов *фиговина* и *хреновина* логично ожидать, что они будут обозначать единичные предметы, а от слов *фигня* и *хрень* — совокупность предметов или ситуации и явления. Посмотрим, так ли это на самом деле. Напомним, что мы рассматриваем данные дериваты в контексте, где реализуется их значение как слов с опустошенной семантикой.

Что касается слов *фиговина* и *хреновина*, контексты, где они выступают в безоценочном значении ‘предмет’ очень много, это действительно самые типичные для них употребления, см. примеры (18) и (19).

(18) *Поехали туда ради акведука, построенного римлянами в 1 веке нашей эры. <...> Камни ничем не скреплены, видимо очень хорошо строили не то что сейчас, все как новенькое, в общем красивая* ***фиговина*** *и очень впечатляет* (livejournal.com, 2011).

(19) *Не поверишь: у меня «Стандарты» был любимый павильон, когда мы сюда на экскурсию ходили, я от класса отставал, шел сюда, налево от входа — здесь стояла такая* ***хреновина*** *типа маяка, что ли* (Столица, 12.08.1997).

Контекстов же где, эти слова обозначают ситуацию или явление и при этом не выражают пейоративную семантику, нам почти не встретилось, вот один из немногочисленных примеров данного типа:

(20) [О паркуре] *Это бег по городу, по крышам. Это классная* ***фиговина****. В России этот вид спорта недавно, а вот в Европе он уже как 10–15 лет где-то* (otvet.mail.ru, 2007).

---

[3] Отметим, что суффикс *-овина* менее распространен, чем суффикс со значением единичности *-ина*. Количество слов с этим суффиксом невелико: *фиговина*, *хреновина*, *муровина*, *ерундовина*, *штуковина* и под. У всех этих дериватов, кроме слова *штуковина*, мотивирующей основой выступает основа соответствующего прилагательного (*фигов-ый* > *фигов-ин-а, ерундов-ый* > *ерундов-ин-а*), но прилагательного **штуковый* не существует. Таким образом, природа суффикса *-овина* не до конца ясна, а его полное отождествление с суффиксом *-ина* представляется не вполне корректным. Более точно было бы считать, что существительные с суффиксом *-овина* совмещают значение единичности со значением свойства, выраженного мотивирующим прилагательным.

Большинство контекстов, где у слов *фиговина* и *хреновина* референтом является ситуация, имеют ярко выраженную пейоративную семантику, то есть в них реализуется другое значение этих слов ‘о чём-л. непонятном, бессмысленном, незначительном или неприятном’, см. примеры (21) и (22):

(21) *В прошлом году сын подруги отравился и тоже в реанимации 4 дня отлежали. Вотс такая вот* ***фиговина*** *случилась* (livejournal.com, 2009).
(22) *Мне на моей сцене самодеятельность, играющая на гитарке какую-то* ***хреновину****, порнографию, не нужна!* (lenta.ru, 31.10.2017).

Таким образом, слова *фиговина* и *хреновина* в своем опустошенном значении применительно к ситуациям и явлениям почти не употребляются.

Слова *фигня* и *хрень* ведут себя похожим образом: для них наиболее естественны контексты, где они выступают в качестве слов-заместителей с предметными референтами, см. примеры (23) и (24).

(23) [Референт — предмет] — *Ты вот эти/* ***фигни*** *будешь с собой таскать? Две положить? — Положи/* (Разговор во время сборов на работу, 2002).
(24) [Референт — предмет] *Пару дней машина постояла под тополем и весь кузов засыпало липкими почками этого чудо-дерева. На мойке не смогли избавиться от этой напасти. Чем можно оттереть эти липкие* ***хрени****?* (Как избавиться от липких хреней от тополя? // Форум, 2012).

Что же касается обозначения ситуаций, контексты, где эти слова не несут оценочности, встречаются редко, см. примеры (25) и (26), и даже в них отсутствие оценочности часто сомнительно:

(25) [Референт — ситуация] *Большая часть всей той захватывающей веселой* ***фигни****, что сейчас происходит со мной, творится благодаря этому ресурсу и людям, на нём обитающим* (Блоги, 2018).
(26) [Референт — ситуация] *Далеко уже не молодая парочка прикатила на великах. Побросали тут же одежду и как подростки бросились к морю. Не очерстветь, не застесняться, не перебрать с возрастом с «важностью» или пофигизмом — чертовски важная* ***хрень****!* (livejournal.com, 2015)[4].

Иначе говоря, при попытке обозначить ситуацию у рассматриваемых слов как бы не включается способность быть нейтральным заменителем, и актуализируется пейоративная семантика. Примеры (27) и (28) демонстрируют наиболее естествен-

[4] Справедливости ради скажем все же, что найти примеры типа (25) и (26), т. е. такие, в которых *фигня* и *хрень* употреблены в опустошенном значении с референтом ситуацией, было несколько легче, чем аналогичные со словами *фиговина* и *хреновина*. Вероятно, это связано с тем, что по сравнению со словами *фиговина* и *хреновина*, более частотные слова *фигня* и *хрень* в большей мере закрепились в роли слов-заместителей, и это позволяет им десемантизироваться в более широком круге контекстов.

ные контексты употребления слов *фигня* и *хрень* применительно к ситуациям и явлениям, и в этих примерах наличие оценочного компонента очевидно:

(27) — *По мне, так* ***фигня*** *эта местная система...* (А. Сальников. Отдел).
(28) — *Переключи канал/ что это за* ***хрень*** *там? — Ничего лучше нет// — Оставь «Муз-ТВ»/ там хоть музыка//* (Из коллекции НКРЯ, 2007).

Таким образом, мы видим, что наши ожидания не совсем оправдались: семантика суффиксов не влияет на способность слов-заместителей дифференцированно обозначать предметы и ситуации. Суффиксы дифференцируют эти слова лишь в их оценочном употреблении (действительно, *фиговина* и *хреновина* чаще употребляются для отрицательной оценки предметов, а *фигня* и *хрень* — для отрицательной оценки ситуаций и явлений). В опустошенном же употреблении тенденция дифференцированно обозначать предметы и ситуации в зависимости от суффикса не прослеживается: разница значений, привносимая суффиксами, становится неактуальной, и изначально оценочные слова могут свободно употребляться, не выражая оценки, только применительно к предметам. Применительно к ситуациям и явлениям слова *фиговина*, *хреновина*, *фигня* и *хрень* реализуют лишь свое оценочное значение. Перечисленные особенности схематично представлены в таблице ниже:

Слово с опустошенной семантикой / **Тип референта**	***фиговина***	***хреновина***	***фигня***	***хрень***
предмет	**+**	**+**	**+**	**+**
ситуация, явление	**– ?**	**– ?**	**– +**	**– +**

– ? — употребление почти невозможно
– + — употребляется редко

По-видимому, это объясняется тем, что у предметов много конкретных осязаемых характеристик. У говорящего есть множество параметров, по которым он может описать предметы (размер, цвет, местоположение, дополнительные детали и т. п.), поэтому слово с изначально оценочной семантикой, употребляясь как слово-заместитель, легче утрачивает свою оценочность применительно к предмету. Можно сказать, что оценочная функция уступает место необходимости выразить определенный параметр. Ситуацию же сложнее наблюдать, поэтому нельзя сказать, что она обладает конкретными объективными характеристиками. Говорящий передает свое субъективное восприятие ситуации, а набор субъективных оценок сводится преимущественно к двум полюсам «хорошо — плохо». Именно поэтому, как только слова с изначально оценочной семантикой употребляются применительно к ситуации или явлению, сразу «включается» их оценочность.

При этом в языке не возникают лакуны: когда говорящему необходимо безоценочно обозначить ситуацию или явление словом с опустошенной семантикой, на помощь приходят слова-заместители из другой группы — с изначально нейтральной семантикой (*штука*, *вещь*, *дело*). Слова этой группы, как уже было сказано, свободно обозначают как предметы, так и ситуации.

Заключительные замечания

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что слова, образованные от пейоративных корней (*фиг-*, *хрен-*), демонстрируют ограничения на тип референта при опустошенном употреблении. Если при обозначении предметов слова *фиговина*, *хреновина*, *фигня* и *хрень* могут функционировать как нейтральные заместители, не выражая оценочности, то применительно к ситуациям и явлениям их пейоративная семантика, как правило, сохраняется. Это связано с тем, что предметы обладают конкретными, объективно описываемыми характеристиками, что позволяет говорящему использовать данные слова без выраженной оценки. В то же время ситуации и явления, лишенные четких параметров, чаще требуют субъективной интерпретации, что активирует оценочный компонент в семантике слов. При этом суффиксация (с формантами *-ина*, *-овина* и *-ня*, *-нь*), вопреки ожиданиям, не оказывает решающего влияния на дифференциацию референтов в опустошенном значении. Хотя в оценочных контекстах суффиксы могут определять некоторые тенденции (например, предрасположенность слов *фиговина* и *хреновина* к обозначению предметов), в нейтральных употреблениях эта разница нивелируется. Таким образом, ключевым фактором, определяющим возможность десемантизации, является не словообразовательная структура, а природа референта.

Словари

ТСРР 2014–2022 — Толковый словарь русской разговорной речи. Под ред. Л. П. Крысина. Выпуск 1–4. М.: ЯСК. Вып. 5. М. — СПб: Нестор-История, 2014–2022.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. С.-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.

Шведова Н. Ю. (ред.) Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник. 2008. 1175 с.

Литература

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Занадворова А. В. Полезная дрянь и *ценная фигня*. О некоторых случаях изменения оценки в разговорной речи // Русская речь. 2022. № 6. С. 50–62.

Капанадзе Л. А. Номинация в разговорной речи // Русская разговорная речь (отв. ред. Е. А. Земская). М.: Наука, 1973. С. 403–463.

РРР 1973 — Русская разговорная речь. Общие вопросы (отв. ред. Е. А. Земская). М.: Наука, 1973. 293 с.

РРР 1981 — *Земская Е. А.*, *Китайгородская М. В.*, *Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 278 с.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 1. Изд. 7. М., 1941. 441 с.

Mihatsch, W. Machin, *truc*, *chose*: la naissance de marqueurs pragmatiques. In M. Drescher et B. Job (éd.), Les marqueurs discursifs dans les langues romanes: approches théoriques et méthodologiques. Francfort-sur-le-Main, P. Lang, 2006, pp. 153–172.

Traugott, E. C. From subjectification to intersubjectification. In R. Hickey (ed.), Motives for language change. Cambridge: CUP, 2003, pp. 124–139.

E. A. Nikishina
HSE University
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
helene_nikichina@mail.ru

THE FUNCTIONING OF PLACEHOLDER NOUNS IN RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH

The article examines placeholder nouns (*штука*, *фигня*, *хреновина*, etc.) in Russian colloquial speech. These words can function similarly to pronouns by substituting for other words, but their range of functions is much broader than that of pronouns. The study analyzes two groups of vague reference words: initially neutral ones (*штука*, *вещь*, *дело*) and initially evaluative ones — more precisely, those with pejorative semantics (*фигня*, *хрень*, *фиговина*, *хреновина*). It is shown that words of the first group (neutral words), when used as placeholders, freely denote both objects and situations, whereas words of the second group (pejorative words) in their "empty" meaning more often substitute for objects, and when referring to situations, they undergo much less desemantization, retaining their evaluative nature. Special attention is paid to the role of suffixes (*-ина*, *-овина* and *-ня*, *-нь*) which participate in the formation of derivatives from semantically unspecified roots like *фиг-* and *хрен-*. Initially, a hypothesis is proposed about a possible connection between these suffixes and the nature of the referent (object vs situation). However, contrary to expectations, it turns out that the suffixes do not determine the type of referent in contexts where the examined words have an "empty" meaning, though they tend to distinguish between object-referents and situation-referents in evaluative usage. The study is based on the theory of pragmaticalization, which explains how pejorative words lose their evaluative meaning in some contexts while retaining it in others. The conclusions reached in the article are important for understanding the mechanisms of desemantization and the peculiarities of functioning of lexical items in colloquial speech.

Keywords: placeholder nouns, vague reference nouns, dummy nouns, Russian colloquial speech, pragmaticalization, word formation, referent, evaluative meaning, pejorative semantics

References

Kapanadze L. A. [Nomination in colloquial speech]. *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech (ed. by E. A. Zemskaya]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 403–463. (In Russ.)

Mihatsch, W. *Machin*, *truc*, *chose*: la naissance de marqueurs pragmatiques. In M. Drescher et B. Job (éd.), *Les marqueurs discursifs dans les langues romanes: approches théoriques et méthodologiques*. Francfort-sur-le-Main, P. Lang, 2006, pp. 153–172. (In French)

RRR 1973 — *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy* [Russian colloquial speech. General issues (ed. E. A. Zemskaya)]. Moscow. Nauka Publ., 1973. 293 p.

RRR 1981 — Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryaev E. N. *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech. General issues. Word formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 278 p.

Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Iss. 1. 7th ed. Moscow, 1941. 441 p.

Traugott, E. C. From subjectification to intersubjectification. In R. Hickey (ed.), *Motives for language change*. Cambridge: CUP, 2003, pp. 124–139.

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (Grammatical doctrine of the word)]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1947. 784 p.

Zanadvorova A. V. [*Poleznaya Dryan'* ('Useful Rubbish') and *Tsennaya Fignya* ('Valuable Garbage'). On some cases of changing the assessment in informal colloquial speech]. *Russkaya Rech'* [Russian speech]. 2022, No. 6, pp. 50–62. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.24

Н. А. Николина
Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва)
na.nikolina@mpgu.su

СЛОВА-КЕНТАВРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются особенности функционирования слов-кентавров (слов, состоящих из русской и иноязычной части) в современных прозаических и поэтических текстах. Отмечается усиление межъязыкового взаимодействия в русской художественной речи, которое проявляется в объединении в рамках одной лексической единицы основ слов, принадлежащих к разным языкам. Такое объединение может играть важную роль и для характеристики персонажа, в мыслях и речи которого совмещаются и смешиваются два языка. Выделяются функции слов-кентавров (собственно номинативная, характерологическая, игровая, экспрессивная, функция создания сложного художественного образа). В части функций значима семантика (слова-кентавры служат в первую очередь для характеристики новых или вымышленных реалий), тогда как в других функциях значение имеет в первую очередь форма слов-кентавров и тот факт, что они выделяются на фоне окружающего текста. Особое внимание уделено окказиональным словам-кентаврам, которые представляют собой контаминированные образования и характеризуются наложением основ. Кроме того, у некоторых авторов наблюдаются сложные последовательности, содержащие не одно, а несколько слов-кентавров, которые перекликаются и взаимодействуют между собой, а также со всем контекстом — понимание таких сложных образований возможно только при условии, что читатель улавливает отсылки к культурному контексту и игру слов. В заключении делается вывод об углублении процесса словообразовательной адаптации в современной русской речи.

Ключевые слова: заимствование, контаминация, сложения, слова-кентавры, словообразовательная адаптация, современная художественная речь

Л. П. Крысин, рассматривая процесс активизации заимствований, выделил особый тип сложных слов — слова-кентавры: «Кентаврами можно назвать сложные слова, первая часть которых — иноязычная и пишется при этом латиницей, а вторая — русская или также иноязычная, но пишущаяся кириллическим шрифтом»

[Крысин 2010: 17]. Например, *call-центр*, *web-дизайн*. Кроме того, Л. П. Крысин отметил и второй тип слов-кентавров: это слова, в которых обе части «пишутся кириллицей, но первая часть не существует в русском языке в виде самостоятельного слова» [Там же: 18]. Ср.: *лайт-вариант, лид-вокалист, ритейл-парк*. Таким образом, слова-кентавры — это гибридные единицы, объединяющие разные по происхождению и освоению компоненты.

Слова-кентавры в настоящее время широко представлены в интернет-коммуникации, языке СМИ, языке рекламы, проникают они и в современную художественную речь, где их функции заметно усложняются. Слова-кентавры рассматривались на материале текстов СМИ и современных документов [Егорова 2017], при этом отмечалось, что наиболее частотны в текстах официально-делового стиля слова с компонентами *web*, *CD*, *VIP*, *PR*: *web-портал*, *web-сайт*, *CD-диск*, *VIP-зал*, *PR-услуга* и др. Неоднократно ставился вопрос об орфографии слов-кентавров и их репрезентации в современной лексикографии [Годизова, Чжан 2023; Друговейко-Должанская — электронный ресурс].

В то же время недостаточно изученным остается функционирование слов-кентавров в современной русской художественной речи. Цель данной статьи — рассмотреть типы и функции слов-кентавров, используемых в прозаических и поэтических текстах конца XX — начала XXI вв.

Слова-кентавры использовались в русской художественной речи и раньше. Например, они встречаются в произведениях Н. С. Лескова: Они вознаграждали за трехнедельное *demi-смирение* («Обойденные!»). Он их называл «*жоли-мордочками*». «Мордемондии — это ... противность, а *жоли-мордочки* — это была прелесть («Совместитель»).

Однако ранее иноязычные компоненты в составе новообразований, как правило, были известны кругу читателей, в современных же словах-кентаврах заимствованные элементы характеризуются, как правило, новизной и часто недостаточной освоенностью.

Как показывает анализ материала, в современной художественной речи широко распространены слова-кентавры, причем представлены оба их типа, выделенные Л. П. Крысиным; см., например, подобные единицы в текстах В. Пелевина: *slave-режим*, *enhanced-версия*, *дарк-промо*, *крэп-тусняк*, *айфак-барбекю*, *уайт-кофе* и др.

Обращение к словам-кентаврам происходит на общем фоне регулярного использования заимствований (в том числе иноязычных вкраплений) в современных поэтических и прозаических текстах. Ср., например:

Надо плыть, не надо жить,
все равно застрянем,
pod latynskich... фьють-фьють-фьють...
zagli cieniem[1] (И. Булатовский),

[1] Цитата из стихотворения Ц. Норвида «Italiam! Italiam!».

Linguist-list... как это у меня получилось? (Н. Скандиака),

Час-speak велеречив (В. Мельников).

При этом в одном тексте нередко происходит совмещение элементов разной графики, например:

О, *компьютerra incognita*! (Т. Критская).

Как отмечает Н. М. Азарова, «в современной поэзии наблюдается взлет межъязыкового взаимодействия, основывающегося на гораздо более широком и многообразном использовании звукового облика стиха» [Азарова 2016: 99]. Этот процесс отражается в сближении звучания исконных и иноязычных слов и актуализации в результате дополнительных смыслов.

Межъязыковое взаимодействие, в целом характерное для современной художественной речи, проявляется и в активном использовании слов-кентавров. По структуре они представляют собой композиты преимущественно с определительными отношениями. Их использование в текстах носит многофункциональный характер.

Во-первых, слова-кентавры служат для отражения современных реалий, изображения изменений окружающего мира, наименования процессов, связанных с новыми технологиями и практиками, при этом значительная их часть уже освоена; см., например: «Был еще новый мобильный телефон со старой *сим-картой*, по которому вплоть до самой выписки Игоря так никто и не позвонил» (А. Сальников. Отдел), «Еще в прошлом месяце она сидела здесь по утрам напротив *веб-камеры* в рубашке оверсайз или в *фитнес-топе*» (А. Ганиева. Министерство благополучия), «<...> прибавилась Сабина — постоянно загорелая девушка, которая теперь занимается дизайном и *pos-материалами*» (Е. Какурина. Маркетолог от Бога), «Мы нашли отличного *сео-специалиста* <...>» (там же), «А “Гугл” мне предлагает статью, в которой ответ на вопрос “быть или не быть?” решается каким-то там <...> *свот-анализом*» (А. Касаверде. Электрические киты).

Слова-кентавры особенно часто используются в фантастических произведениях и литературе фэнтези, где они служат средством характеристики иной реальности и моделируют картину изображаемого вымышленного мира. Например: «Он вел прямо в айфак-10 <...> Дорогущий темно-пурпурный айфак в женской *стрейт-сборке* <...> Рядом валялись *огмент-очки*» (В. Пелевин iPhuck 10), «[Павел] включил *ар-очки* (арки, как все называли их), и мир перечеркнула зеленая сетка допреальности» (В. Богданова. Павел Чжан и прочие речные твари), «Арсений прижал *сейф-сьют* плотнее и тоже стал проталкиваться к выходу» (Э. Веркин. Смена), «При переходе в *люсид-режим* соединятся два пласта реальности» (В. Пелевин. Путешествие в Элевсин).

В произведениях этих жанров слова-кентавры могут регулярно повторяться в тексте. «Так, в футуристическом романе В. Пелевина «iPhuck 10» перед читателем открывается альтернативное будущее конца XXI в., в котором искусственный интеллект и виртуальная реальность заняли главенствующее место в жизни

человека. Вымышленная вселенная описывается большим количеством авторским неологизмов, например, сложных слов с препозитивным компонентом *е-* (вероятно, от англ. electronic): *е-тян*, *е-тянка*, *е-контакт*, *е-пары*, *е-охрана* <...>» [Дозорова 2023: 58].

Слова-кентавры в фантастических произведениях и литературе фэнтези используются как в речи повествователя, так и в речи персонажей, что нередко требует активности читательского восприятия. Ср., например: «Курящий <...> сунул удостоверение под нос. — Си-Эй-Ти-талкер... — прочитал второй. — Кэт-токер, — поправил курящий» (Э. Веркин. Смена).

Во-вторых, слова-кентавры в современной художественной речи активно участвуют в языковой игре. Например, в повести А. Конакова «Дневник погоды (дисторшны)» встречаются образования *швепс-капитан* и *биттер-офицерская жена*: «А то и вообще ударимся в лирику, сочиним балладу-макраме... про бедного *швепс-капитана*, влюбившегося в *биттер-офицерскую* жену и тоже разбившего голову о пейволл...». С одной стороны, иноязычные компоненты в них являются названиями напитков, с другой, в компоненте *биттер* актуализируется значение ‘горький’, а элемент *швепс* также предполагает более сложную семантику: в нем актуализируются периферийные семы «сладкий», «пьяный». В результате в контексте возникает эффект каламбура, выражающего авторскую иронию. Одновременно наблюдается отсылка к выражениям штабс-капитан, унтерофицерская жена (вдова), возможна и интертекстуальная связь с произведениями русской литературой.

Как видим, в художественной речи, наряду со словами-кентаврами, активно используемыми в современной речи в целом, встречаются индивидуально-авторские новообразования с заимствованными компонентами. Механизм их порождения отражен, например, в романе П. Панасенко «Язык за зубами» (2022). Героиня произведения, переехав во Францию, постепенно овладевает другим языком, но постоянно испытывает конфликт русского и французского. Слова-кентавры рождаются в ее монологе после смерти дедушки, когда она пытается соединить русские и французские слова: «... Я тру французский о русский. Втираю их друг в друга... Может быть, чтобы что-то почувствовать, нужно эти слова соединить... Растираю mort об умер и умер об mort, морт на умер и умер на морт. Морт-на-Умре и Умер-на-Морту. Они похожи на две деревни. Соседние деревни...».

Окказиональные слова-кентавры в современной художественной речи концентрируют разные смыслы, нередко создавая сложный художественный образ. Так, в романе А. Петровой «Аппендикс» появляется слова *мортмасса*: «Нас носило *мортмассой* сухой листвы... как страницы ненужных книг, что трепались ветром и коробились от дождя, как лексемы из словарей устаревших слов». Иноязычный компонент в этом слове-кентавре служит средством создания экспрессии и выделения ключевого мотива фрагмента текста — мотива смерти. Одновременно он отсылает к другим произведениям мировой литературы, где используется слово morte.

Словам-кентаврам нередко уподобляются в современных художественных текстах и узуальные лексические единицы, которые при этом подвергаются переосмыслению. Например, в стихотворении Н. Делаланд «Я сделала стрижки...» наречие *fortепьяно* интерпретируется как композит, включающий иноязычный и исконный компоненты. Оно, с одной стороны, воспроизводит узуальное слово *фортепьяно*, с другой, используется как графодериват, объединяющий значения и музыкального термина *forte*, и определительного наречия *пьяно*. В результате в тексте усложняется и интенсифицируется образ слез:

О, муки Тантала, я звуки тамтама
врифмую в заведомо тихие строки,
где слезы звенят *fortепьяно* и столько
у них голосов, что не хватит октавы.

Активное использование слов-кентавров в современной художественной речи проявляется также в создании контаминированных образований, которые строятся как объединение основ лексических единиц разных языков. Так, особенностью индивидуального стиля поэта Вилли Мельникова является последовательное употребление слов, совмещающих такие компоненты. Автор использует для этого вида новых поэтических средств термин *интраксенолингвы*. Ср., например:

ТираннозАвраам бездетен,
Enter'риторию — на ключ! («Невозвращастье»),

карто'felicita — пюремещенье!.. («Мастер и Магритт»),

Махнет шляпкой *трey'gaule'*ной
НатАли'Баба («А. С. Пушкину»).

Такие образования используются как средство языковой игры, однако их функции значительно сложнее. Разноязычные компоненты накладываются друг на друга, в результате читателю предлагается прочтение лексических единиц, совмещающих одновременно разные смыслы и вызывающих у читателя различные ассоциации. Ср., например:

Сбежав из вьЮго-западни,
Плыву на *save'ero-исток*
Связав в контузел всех, кто дал
Мне *обе'shining* не тускнеть.

В приведенном контексте слово *save'ero* включает английский компонент *save* со значением ‘спасение’, одновременно звуковой комплекс вызывает ассоциации со словом *север*, в контаминанте угадывается и русское слово *озеро*. Гибридная единица *обе'shining* соотносится со словом *обещание*, в то же время она содержит английский корень *shine* (‘сиять’), значение которого в свою очередь перекликается с русским инфинитивом (*не*) *тускнеть*.

Гибридные слова в поэтических текстах В. Мельникова включают и уже освоенные русским языком заимствования, и известные читателю имена собственные (в том числе мифонимы); см., например:

ворчит старуха *Изер'girl*
в петушьеногой злясь избушке... («М. Булгакову),

Грёзно-горек на горе Кармель
Недозревший плод *самообманго*... («Мастер и Магритт»),

Дверь-отопричник повзрослел.
В *скорогоморрках* стынет сера («Диагноз себе»).

Таким образом, слова-кентавры в современных художественных текстах нередко трансформируются в контаминированные образования, характеризующиеся наложением компонентов и многозначностью. Они пополняют класс контаминантов, проявляющих активность в русском языке начала XXI в. в целом.

Итак, в современной художественной речи представлены как узуальные, так и окказиональные слова-кентавры. Иноязычные компоненты в них графически оформлены как кириллицей, так и латиницей, при этом преобладает тип с кириллической графикой. Слова-кентавры в современных поэтических и прозаических текстах полифункциональны. Они могут выступать в собственно номинативной функции, например, служить наименованиями новых реалий и социальных функций. Одновременно они выполняют функцию усиления экспрессии и выделения ключевого образа контекста. Слова-кентавры, наконец, реализуют игровую функцию, а также используются как способ взаимодействия и наложения разных смыслов в одном сложном образовании. Отмеченные функции могут взаимодействовать в одном контексте.

Использование слов-кентавров свидетельствует об активности словообразовательной адаптации заимствований в современной русской речи и отражает усиление межъязыкового взаимодействия в художественных текстах. Этот процесс сочетается в них с одновременным употреблением архаизмов, древнерусских грамматических форм, которые углубляют временную перспективу современного текста; см., например:

На реках Енисейских
Тамо седохом мы с тобою, и плакахом... (С. Круглов).

Литература

Азарова Н. М. Звуковой облик слова в пространстве поэтического билингвизма // Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования.М.: Азбуковник, 2016. С. 97–105.

Годизова З. И., С. Чжан. Слова-кентавры в современном русском языке рубежа веков: особенности функционирования и проблемы освоения // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 2. С. 214–280.

Дозорова Д. В. Типы и функции новообразований в прозе В. Пелевина // Словообразование. Стилистика. Лингвистическая поэтика. Сборник научных статей, посвященный юбилею В. Н. Виноградовой. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. С. 57–65.

Друговейко-Должанская С. В. Слова-кентавры [Электронный ресурс]. URL: http//www.gramma.ru.

Егорова Н. В. Слова-«кентавры» в текстах документов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 2. С. 61–64.

Крысин Л. П. Слова-кентавры // Русский язык в школе. 2010. № 9. С. 76–80.

N. A. Nikolina
Moscow State Pedagogical University
(Russia, Moscow)
na.nikolina@mpgu.su

CENTAUR WORDS IN MODERN LITERARY SPEECH

The article examines the functioning of centaur words (words with a Russian and a borrowed component) in modern prose and verse texts. It is noted that interlingual interaction in Russian literary speech has increased, which manifests itself in the integration of word stems belonging to different languages within one lexical unit. The functions of centaur words are distinguished (nominative, characterological, playful, expressive, the function of creating a complex image). In some functions, the meaning of centaur words is relevant (for instance, they denote new or nonexistent realities), while in other functions, their formal properties are important. Special attention is given to occasional centaur words which are contaminated formations and are characterized by the apposition of stems. Some authors use complex sequences of centaur words, which interact with each other and with their context — the reader can understand them only if (s)he pays attention to cultural context and language games. A conclusion is made about the deepening of the process of word-formation adaptation in modern Russian speech.

Keywords: loan-word, contamination, compounding, centaur words, word-formation adaptation, modern literary speech

References

Azarova N. M. [Sound image of the word in the space of poetic bilingualism]. *Yazyk khudozhestvennoi literatury: traditsionnye i sovremennye metody issledovaniya* [Language of literature: traditional and modern research methods]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016, pp. 97–105. (In Russ.)

Dozorova D. V. [Types and functions of new formations in the prose of V. Pelevin]. *Slovoobrazovanie. Stilistika. Lingvisticheskaya poehtika. Sbornik nauchnykh statei,*

posvyashchennyi yubileyu V. N. Vinogradovoi [Word formation. Stylistics. Linguistic poetics. Collection of scientific articles dedicated to the anniversary of V. N. Vinogradova]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2024, pp. 57–65. (In Russ.)

Drugoveiko-Dolzhanskaya S. V. *Slova-kentavry* [Centaur words] [Electronic resource]. Available at: http//www.gramma.ru.

Egorova N. V. [Centaur words in document texts]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University]. 2017, no. 2, pp. 61–64. (In Russ.)

Godizova Z. I., S. Zhang. [Centaur words in the modern Russian language at the turn of the century: features of functioning and problems of development]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod]. 2023, no. 2, pp. 214–280. (In Russ.)

Krysin L. P. [Centaur words]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2010, no. 9, pp. 76–80. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.25

Б. Ю. Норман
Независимый исследователь
(Беларусь, Минск)
boris.norman@gmail.com

ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА: ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Лексический состав языка и его грамматический строй состоят в тесной связи: они подразумевают и обусловливают друг друга. Эта взаимная зависимость, касающаяся не только отдельных лексических единиц, но и целых классов слов, традиционно отображается в словарях и грамматиках. Но в последние десятилетия в русистике появились новые идеи и новые издания, развивающие и дополняющие прошлые представления. Среди них надо назвать концепцию интегрального словаря Ю. Д. Апресяна, ассоциативную грамматику Ю. Н. Караулова, синтаксический словарь Г. А. Золотовой, лексическую грамматику А. Л. Шарандина, а также теорию грамматических профилей слова (Л. Янда и др.). Грамматика, говоря современной терминологией, шифрует лексику: через сумму своих словоизменительных показателей и диапазон возможных синтаксических функций она помогает идентифицировать лексическое значение слова и отнести его к тому или иному семантическому классу (разряду). Внутренняя связь лексики и грамматики проявляется и в процессах речевой деятельности. Статья содержит примеры того, как говорящий в ходе выбора слова находится под влиянием определенных грамматических значений — они помогают (или мешают) ему найти нужную лексическую единицу в своей памяти.

Ключевые слова: лексика, грамматика, взаимосвязь, интегральный словарь, ассоциативный эксперимент, грамматический профиль

Словарный состав и грамматический строй традиционно считаются основными составными частями языковой системы. И описываются они соответственно в двух различных видах лингвистических трудов — словарях и грамматиках. Правда, в последнее время появляются новые виды описаний, совмещающие в себе знания о номинативных единицах языка и информацию о построении коммуникативных единиц. Имеются в виду словари интегративного типа. Начало этому лингвистическому направлению было положено «Толково-комбинаторным словарем» [Мельчук, Жолковский 1984], достоинства которого — еще до его публикации

в Вене — отмечал Л. П. Крысин в своей замечательной научно-популярной книге: «Средства, которые используются в толково-комбинаторном словаре, — гораздо более гибкие и разнообразные, чем средства обычных толковых словарей» [Крысин 1980: 90]. Вместе с тем, продолжим цитату, «значение и употребление иного слова оказываются столь сложными, что их бывает трудно уложить в жесткую форму словарной статьи, даже словарной статьи в толково-комбинаторном словаре. В то же время такую информацию не с руки давать и в грамматиках: речь-то идет о смысле, о содержании слова, а не о его грамматических характеристиках!» [Там же].

Естественно, встает вопрос: каким же образом, в каком типе пособий должны быть отражены конститутивные, глубинные связи между лексикой и грамматикой? Доступны ли они вообще метаязыковой фиксации? Добавим к этому сомнению многократно отмечавшиеся особые трудности в описании единиц, находящихся на границе лексики и грамматики. Эти союзы, частицы и прочие «логические слова», «структурные слова», «коннекторы», вроде *еще, также, даже, только, все равно* и т. п. играют существенную роль в коммуникативных ситуациях, но плохо поддаются системному толкованию: к ним нужен особый подход, см.: [Крейдлин 1975; Богуславский 1985; Словарь структурных слов 1997 и др.]. А А. Вежбицка, говоря об условности выделения данного класса слов, замечает: «Все слова — функциональные» [Wierzbicka 1988: 8]. В другой своей книге Л. П. Крысин, разрабатывая типы лексикографической информации, помещаемой в толковых словарях, уделяет немало внимания грамматическим сведениям. Справочная часть словарной статьи, кроме стандартных частеречных показателей, должна фиксировать также отклонения от типовой словоизменительной парадигмы, варьирование форм, передвижения ударения, способ синтаксического управления и т. д. [Крысин 2008: 154–160]. Эти сведения, среди прочих, учитываются в новом словаре разговорной речи под редакцией Л. П. Крысина [ТСРР].

Конечно, в русском языке — огромное количество случаев, когда лексико-семантическая идентичность слова подтверждается особенностями его грамматического поведения. Самые наглядные в этом отношении примеры — это неизменяемые существительные типа *какаду* или *жюри*, а также слова, вся парадигма которых сводится к одной-единственной форме, типа *щец* или *по мордасам*. Далее, это слова, в парадигме которых не заполнена та или иная «клеточка», вроде лексем *мольба* или *мечта*. Не случайны призывы среди лингвистов создать «грамматику употребления» (англ. usage-based model), отражающую реальные особенности речевого узуса [Newmeyer 2003; Sampson 2007; Всеволодова 2012; Русакова 2013: 33–36 и др.]. Подобный подход обнаруживает в русском словоупотреблении массу уникальных кейсов (скажем, от целого ряда русских глаголов — *спать, пить, есть, лечь* и др. — не образуется форма деепричастия). В диахроническом плане весьма показательными являются примеры формальной дивергенции слов-омонимов (например, существительных *зуб*$_1$ и *зуб*$_2$, *мех*$_1$ и *мех*$_2$). Это всё — достаточно известные, но отдельные, разрозненные факты русской грамматики, обычно проходящие по ведомству «исключений».

Огромную роль в систематизации таких сведений сыграл «Грамматический словарь» А. А. Зализняка [Зализняк 1987]. В нем каждому слову приписывался определенный тип (образец) словоизменения, но, кроме того, указывались различного рода отклонения и исключения — вариативность форм, случаи неполной или избыточной парадигмы, супплетивные образования, устойчивые словосочетания и т. п. Поскольку для представления лексических единиц в Словаре принят обратный (инверсионный) порядок, то данное пособие содержит ценную информацию и о словообразовательных потенциях русского языка (в частности, об активности суффиксов). Это тоже проявление внутренней связи между единицами разных языковых уровней.

Особенности морфологической (словоизменительной) парадигмы — наиболее наглядные, прямые проявления связи лексики и грамматики. Но не менее характерными являются ограничения в употреблении слов, связанные с их функцией в предложении. Известно, что номинативные единицы могут быть «привязаны» к определенной синтаксической позиции. Это, в частности, оценочная лексика, выступающая, как правило, в позиции предиката и принимающая роль субъекта только с сильными оговорками (можно сказать: *Петя — страшный лентяй*, но нельзя: *Страшный лентяй вошел в комнату*). Фразеологизованные синтаксические модели (конструкции «малого синтаксиса») очень сильно регламентируют состав входящих в них слов. Можно сказать: *Я ему брат (помощник, сосед)*, но нельзя: *Я ему врач* или *милиционер* [Норман 2007: 211–219; Норман 2011: 152–159 и др.].

По словам Н. Ю. Шведовой, «грамматический строй языка пронизан лексикой. Нет почти ни одного грамматического правила, которое не требовало бы включения в свою формулировку лексической части» [Шведова 1984: 11]. Однако все это — сравнительно частные, штучные правила, лишь подтверждающие системные отношения между словарным составом и грамматическим строем, но не воплощающие их в себе как принцип. Значительно интереснее в данном плане грамматические рекомендации и фильтры, накладываемые на целые лексико-семантические группы (классы слов).

Наблюдения такого рода тоже давно присутствуют в научной литературе. Так, известно, что названия растений, как правило, распределяются между мужским и женским родом (в этом можно видеть отголоски древних мифологических воззрений), а названия грибов и вовсе подчиняются более узкой гендерной спецификации: губчатые — обычно мужского рода, а пластинчатые — женского... Но в синхроническом плане такие факты требуют обобщения и интерпретации.

Стремление к интегративному «сближению», к комплексному описанию системы языковых единиц проявилось во 2-й половине XX века в исследованиях грамматистов. В значительной степени ответом на указанные вызовы стал «Синтаксический словарь» Г. А. Золотовой [Золотова 1988]. В нем показывалось, как системно представленные синтаксические функции (типа вокатив, локатив, темпоратив и др.) реализуются во всем массиве падежных (в том числе предложно-падежных) форм русского языка. При этом выявлялись и возможности лексического заполнения

синтаксических позиций — в терминах типа «личные имена», «имена звучания», «отглагольные существительные» и т. п.

В частности, существительные в форме творительного падежа, среди прочих семантико-синтаксических ролей, выполняют в русском языке функцию темпоратива: обозначают точку на временной оси или отрезок времени. Но характерно, что основная масса приводимых в соответствующем разделе примеров — это *зимой, весной; утром, вечером, днями*... (редко встречаются случаи вроде *постом* или *дорогой*) — т. е. это названия времен года или частей суток. И в самом комментарии говорится: «в ед. и мн. ч. — избират.» [Там же: 231].

Та же избирательность проявляется и в употреблении формы творительного падежа с предлогами: *за, между, перед, с.* Но и здесь существительные в темпоративной функции подлежат определенному тематическому отбору. Так, в сочетании с предлогом *за* они должны обозначать или какое-то действие, в том числе номинализованное (*за работой, за обедом, за чашкой чая*), или одно из последовательных событий (*за ссорой примирение, стакан за стаканом, за листком листок*). С предлогом *с* в форме творительного падежа употребляются «имена повторяющихся действий или календарных явлений лексически огранич. круга» (часто с определением *каждый*: *с весной, с каждым днем, с каждой книгой*) или существительные, обозначающие фазу процесса (*с наступлением, с приездом, с окончанием, с вводом*) [Там же: 248–295]. Ясно, что каждая словоформа представляет собой точку пересечения лексического и грамматического значения.

Встречное движение «по направлению к грамматике» со стороны семасиологов и лексикографов было еще более заметным. Идея интегрального подхода к языку вызвала к жизни целый ряд изданий новаторского типа. Прежде всего здесь следует назвать достижения научного коллектива под руководством Ю. Д. Апресяна. Речь идет не столько о теоретическом обосновании «распределения лингвистической информации между грамматикой и словарем» [Апресян 2002: 10], сколько о появившейся возможности объяснить ряд сложных фактов — таких, как употребление временных форм у двувидовых глаголов, зависимость образования залоговых форм от глаголов акциональной семантики, использование личных местоимений в агентивной и атрибутивной функциях и т. д. В наибольшей мере это «касается «неосновных», периферийных конструкций русского синтаксиса, в которых особенно ярко проявляется одно из наиболее интересных его свойств, а именно исключительно высокая степень его лексикализованности, или, с другой точки зрения, теснейшее взаимодействие синтаксиса и словаря» [Апресян и др. 2010: 19].

Практической же реализацией упомянутых идей стал «Активный словарь русского языка», первые тома которого, уже вышедшие из печати, позволяют рассчитывать на всеобъемлющее описание семантики русского языка (хотя бы в ограниченном числе вокабул). Как говорится во вступительной статье, словарь содержит «возможно полную информацию обо всех существенных для правильной речи сторонах слова в каждом из имеющихся у него значений» [АСРЯ 1: 6], включая сюда и сочетаемость лексемы, и ее управление, и особенности словоизменительной парадигмы, и т. д.

Получившие в XX веке популярность психолингвистические методики исследования также внесли свой вклад в освещение проблемы, вынесенной в заголовок настоящей статьи. Данные ассоциативных экспериментов не только позволили по-новому взглянуть на организацию лексикона в сознании человека, но и привлекли внимание к грамматическим аспектам этих связей. В частности, по условиям свободного ассоциативного эксперимента испытуемые должны были на каждое предъявляемое им слово-стимул ответить первым приходящим в голову словом-реакцией. Большое количество испытуемых и, соответственно, полученных реакций позволяло принимать образовавшийся корпус ответов за своего рода модель структуры лексикона в сознании носителя языка. Причем эксперимент давал основания для проекции полученных лексических связей на грамматическую систему [Караулов 1993: 7–19]. Дело в том, что слова-стимулы активировали в сознании информантов их грамматический багаж. Более того, около половины словесных реакций оказались грамматикализованными, т. е. были нацелены на создание минимальной единицы текста. Иными словами, они отражали модель словосочетания, формирующегося в уме, — например, на стимул *бабушка* была получена масса ответов типа *старая, в платке, дедушке, вспомнила, ругает* и т. п.

Если же стимул предъявлялся не в лемматизированной форме (именительного падежа единственного числа для существительных и прилагательных, инфинитива для глаголов), то доля грамматикализованных реакций была порядка 70–90%. Основываясь на этих данных, Ю. Н. Караулов выдвинул идею «ассоциативной грамматики». Суть ее сводится к следующему: «Грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком разлита, «размазана» по ассоциативно-вербальной сети» [Там же: 6–7].

Не подлежит сомнению, что грамматическая форма слова-стимула оказывает влияние на выбор лексической семантики слова-реакции. Это находит своеобразное выражение при сравнении ассоциативных словарей разных, в том числе близкородственных, языков. Например, на стимул *родной* у русскоязычных информантов самый частый ответ — *язык*; затем, с большим количественным отрывом, идут *дом, человек, город, близкий*... А в эксперименте, проведенном с носителями белорусского языка, на эквивалентный стимул *родны* получался «монопольный» ответ — *кут* (это по-белорусски значит ‘угол’; реакция восходит к известному стихотворению Якуба Коласа), затем идут *дом, край, хлеб, чалавек*... Реакция *мова* (ж. р.) ‘язык’ — несопоставимо более редкая! [Корина 2014: 95–97].

Таким образом, внутренние связи лексики и грамматики проявляются многообразно и иногда неожиданно. Но взаимные и встречные попытки грамматистов и лексикологов интегрировать, синтезировать эту информацию очевидны и заслуживают поддержки. Тамбовский языковед А. Л. Шарандин назвал свою модель описания языковой системы «лексической грамматикой». Процитируем:

> «Уникальность знакового содержания, представленного лексическим значением, в том и состоит, что слово стремится иметь только свойственный ему набор грамматических форм. Это, в свою очередь, позволяет в процессе выявления

и описания лексического значения использовать набор (состав) грамматических форм, свойственных ему, в сравнении с набором (составом) форм, присущих другим языковым знакам. В результате обнаруживаются различия в этих наборах и возникает возможность, опираясь на формальный признак, выявить и описать лексическую семантику слов, имеющих различный состав парадигм и их форм» [Шарандин 2001: 84].

Несколько позже идея взаимозависимостей лексических и грамматических значений легла в основу концепции «профилей грамматического поведения» [Gries, Divjak 2009: Janda, Lyashevskaya 2011 и др.]; правда, работы представителей тамбовской школы, судя по всему, остались для западных ученых неизвестными. Основываясь на корпусных данных, исследователи показали, что множество реально употребляемых форм слова значительно меньше множества в принципе возможных вариантов. В обстоятельной статье [Janda, Lyashevskaya 2011] анализировалось соотношение глагольных форм вида, времени, лица, числа, наклонения в русском языке. Всего у глаголов несовершенного вида насчитывается до 121 формы, у глаголов совершенного вида — до 68, включая причастия. Но «грамматические профили» глаголов оставляют большинство клеточек таблицы незаполненными. Показано, что набор реальных форм зависит в каждом случае от лексической семантики глагола. В ход идут такие определения лексико-семантических классов, как «грубое требование», «вежливая просьба», «привлечение внимания» и т. п. [Там же: 740–741].

Русский глагол, с его богатой морфологией, — благодатный объект для изучения «грамматических профилей». Однако и парадигма имени существительного представляет в этом плане значительный интерес. В статье [Норман, Мухин 2015] исследовалось речевое поведение существительных, относящихся к тематическим группам «Одежда», «Инструмент», «Единицы измерения времени». Для каждого слова выявлялся — на основе грамматических показателей — его «функциональный потенциал, обусловленный коммуникативными и когнитивными потребностями языкового коллектива» [Там же: 350]. В частности, для слов из группы «Одежда», в соответствии с их типовой функцией «КОНТЕЙНЕР», оказываются наиболее «предпочтительными» формы винительного и предложного падежей (примерно 30% и 26% соответственно — по данным НКРЯ). Для субстантивов, называющих инструменты, лидирующее место в грамматическом профиле занимает форма творительного падежа (около 38%). Статистическая обработка данных позволяет выдвинуть гипотезу: чем «прототипичнее» грамматический профиль слова, тем более центральное (доминантное) место занимает данное слово в составе лексико-семантической группы. Когнитивный опыт языкового коллектива откладывается в правилах словоупотребления.

Взаимная зависимость лексической и грамматической информации, заложенная в самой языковой системе, своеобразно проявляется и в процессе становления языковой личности. В статье [Коновалова, Красноперова 2020] продемонстрировано, что в ходе формирования «грамматикона» ребенка выявляются как корпус

наиболее частотных словоформ, так и лакуны в грамматических парадигмах. «Полная парадигма не «собирается» из спонтанных речевых словоупотреблений даже к началу систематического курса русского языка в школе» [Там же: 9], что, несомненно, следует учитывать в дидактическом процессе.

Подведем итог сделанному обзору. Грамматика, говоря современной терминологией, шифрует лексику: через сумму своих словоизменительных показателей и диапазон возможных синтаксических функций она помогает идентифицировать лексическое значение слова и включить его (отнести) к тому или иному семантическому классу (разряду). Эти грамматические семы пронизывают, пропитывают лексическое значение, переплетаются с собственно лексическими семами: в этом заключается взаимопроникновение лексики и грамматики. А их взаимодействие проявляется в ходе речевой деятельности — когда грамматический фон или отдельные грамматические «намеки» подсказывают, помогают говорящему или слушающему быстрее найти нужную лексическую единицу в его памяти.

Все перечисленные словари и пособия представляют собой попытки отразить глубинное взаимопроникновение лексических и грамматических значений в системе языка. Что же касается их динамики, т. е. взаимодействия этих сфер в ходе речевой деятельности, то здесь мы возвращаемся к объекту современных психолингвистических исследований. Имеются в виду работы И. Н. Горелова, Л. В. Сахарного, А. А. Залевской, Е. Н. Ремчуковой и других ученых. Анализ речевых отклонений и ошибок (обмолвок, описок, случаев хезитации и т. п.) убедительно подтверждает «сотрудничество» лексических единиц и грамматических правил в процессах производства и восприятия текста.

В частности, опубликованные записи устной разговорной речи содержат немало примеров, когда говорящий, озабоченный поисками нужного слова, уже приблизительно или точно знает его грамматические признаки. Нередко это ведет к сбою — ошибочному выбору слова. Приведем два примера из [РРР. Тексты 1978], с сохранением принятых там знаков (интересующие нас факты выделены нами — Б. Н.):

М. *...Ездили в это... гро-о-т осматрива(ть?) // Ну теперь там наверное электричество провели/ тогда-то не было/ тогда с факелами при... на... знаете на лодке въезжаешь туда / и... мальчишка это факелом освещает//* ***Грома-а-дная*** *это... мм...* ***грот****// Очень там сталактиты очень красивые//* [Там же: 108).

Рассказчица, обозначенная буквой М, описывая путешествие по подземным пещерам, употребляет прилагательное в женском роде: *громадная*. Скорее всего, она и имеет в виду определяемое *пещера*. Однако затем выясняется, что определяемое — *грот*, и выбор грамматической формы прилагательного был несколько поспешным.

Д. *Ну знаешь/ как поступают? Боже мой//*
А. *Приемные экзамены?*
Г. *Да //*

Д. *Конечно/ в институте// Это вот... ну просто жуткая нервотрепка/ и потом после* ***этих... аттестата*** *сразу же те экзамены...*

А. *По-моему дело не в приемных экзаменах//* [Там же: 212].

Речь идет об экзаменах — выпускных в школе и вступительных в вуз. Собеседник Д, находящийся в теме, сетует на малый перерыв между первыми и вторыми. Он говорит: *после этих...* — имея в виду школьные экзамены, но затем заменяет выбранное слово иной номинацией: *аттестат*. Существенно, однако, что в речи сохраняется след от первоначального выбора: это грамматическая форма множественного числа *этих*!

О внутренних связях между лексикой и грамматикой в сознании говорящего свидетельствуют и многообразные эксперименты с испытуемыми. О роли словарей ассоциативных норм в данном плане уже шла речь. Но полигон лингвистических экспериментов не ограничивается методикой ассоциаций. Так, в книге [Русакова 2013: 520–526 и др.] опытным путем исследовалась трактовка носителями русского языка категории одушевленности, употребление ими управляемых падежных форм, конкуренция действительных причастий настоящего и прошедшего времени и т. д. Весь этот материал — предпосылки для создания «антропоцентрической» грамматики, ориентированной на реального пользователя.

Конечно, идея взаимосвязи и взаимообусловленности лексических и грамматических значений не нова. В. В. Виноградов писал в середине прошлого века: «Лексические значения слова подводятся под грамматические категории. Слово представляет собой внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений. Определение лексических значений слова уже включает в себя указание на грамматическую характеристику слова» [Виноградов 1947: 15].

Однако появление Национального корпуса русского языка, новых методов и методик исследования речевой деятельности, ряда оригинальных словарей и пособий стимулируют дальнейший научный поиск в данном направлении.

Словари

АСРЯ — Активный словарь русского языка. Т. 1 А–Б / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: ЯСК, 2014; Т. 2 В–Г / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: ЯСК, 2014; Т. 3. Д–З / отв. ред. В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин. М.–СПб.: Нестор-История, 2017.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Изд. 3-е. М.: Русский язык, 1987.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.

Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена: Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14. 1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru.

Словарь структурных слов русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М.: Лазурь, 1997.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи / под ред. Л. П. Крысина. Т. I–V. М.: ЯСК; М.–СПб.: Нестор-История, 2014–2022.

Литература

Апресян Ю. Д. Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект //Русский язык в научном освещении. № 1 (3). 2002. С. 10–29.

Апресян Ю. Д. [и др.] Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря /отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: ЯСК, 2010.

Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. Сферы действия логических слов. М.: Наука, 1985.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.–Л.: Учпедгиз, 1947, 720 с.

Всеволодова М. В. К вопросу об объективной грамматике // Urbi et Academiae. Граду и научному сообществу 1 (3). Санкт-Петербург, 2012. С. 42–49.

Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993, 331 с.

Коновалова Н. И., Красноперова Е. С. Актуальный грамматикон языковой личности: проблема моделирования // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Русская филология. 2020. № 3. С. 6–14.

Корина Н. [и др.] Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. Нитра: Университет им. Константина Философа, 2014.

Крейдлин Г. Е. Лексема *даже* // Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: ВИНИТИ, 1975. С. 102–115.

Крысин Л. П. Жизнь слова. М.: Просвещение, 1980.

Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008.

Норман Б. Ю. Полнота/неполнота парадигмы как признак слова // Граматика и лексика у словенским језицима. Зборник радова с међународног симпозијума. Нови Сад–Београд: Матица Српска, Институт за српски језик САНУ, 2011. С. 151–164.

Норман Б. Экспрессивно-оценочная лексика в непредикатной позиции // Јужнословенски филолог. LXIII. Београд, 2007. С. 67–81.

Норман Б., Мухин М. О грамматических профилях лексико-семантических групп: поиск внутренних связей между лексической и грамматической семантикой // SLAVIA. Časopis pro slovanskou filologii. Ročník 84, 2015. Sešit 3. С. 348–359.

РРР Тексты — Русская разговорная речь. Тексты / отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. М.: Наука, 1978.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: ЯСК, 2013.

Шарандин А. Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка: Морфология. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001.

Шведова Н. Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1984. С. 7–15.

Gries S. Th., Divjak D. Behavioral profiles: A corpus-based approach to cognitive semantic analysis. New Directions in Cognitive Linguistics / V. Evans and S. Pourcel (eds.), John Benjamins Publishing Company, 2009, pp. 57–75.

Janda L. A., Lyashevskaya O. Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense, and mood in Russian. Cognitive Linguistics, 22. № 4. 2011. Pp. 719–763.

Newmeyer F. J. Grammar is Grammar, and Usage is Usage. Language 79. 2003. № 4. Pp. 682–707.

Sampson G. R. Grammar without Grammaticality. Corpus Linguistics and Linguistic Theory 3, 1. 2007. Pp. 1–32.

Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. Amsterdam — Philadelphia, 1988.

B. Yu. Norman
Independent researcher
(Belarus', Minsk)
boris.norman@gmail.com

VOCABULARY AND GRAMMAR: INTERPENETRATION AND INTERACTION

The vocabulary and grammatical structure of a language are in close connection: they imply and condition each other. This mutual dependence, concerning not only individual lexical units, but also whole classes of words, is traditionally displayed in dictionaries and grammars. But in recent decades, new ideas and new editions appeared in Russian studies, are developing and supplementing past ideas. Among them we should name the concept of integral dictionary by Y. D. Apresyan, associative grammar by Y. N. Karaulov, syntactic dictionary by G. A. Zolotova, lexical grammar by A. L. Sharandin, as well as the theory of grammatical profiles (L. Yanda et al.). Grammar, speaking in modern terminology, encrypts the lexicon: through the sum of its word-formation indicators and the range of possible syntactic functions it helps to identify the lexical meaning of a word and to include it to one or another semantic category (group). The internal connection between vocabulary and grammar is also manifested in the processes of speech activity. The article contains examples of how the speaker is influenced by certain grammatical meanings in the course of word choice — they help (or hinder) him to find the necessary lexical unit in his memory.

Keywords: lexis, grammar, interrelation, integral vocabulary, associative experiment, grammatical profile

Reference

Apresyan Yu. D. [Interaction of vocabulary and grammar: lexicographical aspect]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1 (3). 2002, pp. 10–29. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. [et al.] *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [Theoretical problems of Russian syntax. Interaction between grammar and vocabulary]. Ed. by Yu. D. Apresyan. Moscow: YaSK Publ., 2010. 408 p.

Boguslavskii I. M. *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike. Sfery deistviya logicheskikh slov* [Research on syntactic semantics. Spheres of action of logical words]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 176 p.

Gries S. Th., Divjak D. Behavioral profiles: A corpus-based approach to cognitive semantic analysis. *New Directions in Cognitive Linguistics*, ed. by V. Evans and S. Pourcel. John Benjamins Publishing Company, 2009, pp. 57–75.

Janda L. A., Lyashevskaya O. Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense, and mood in Russian. *Cognitive Linguistics*, 22. no. 4. 2011, pp. 719–763.

Karaulov Yu. N. *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative grammar of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1993. 331 p.

Konovalova N. I., Krasnoperova E. S. [Current grammaron of linguistic personality: the problem of modeling]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 2020, no. 3, pp. 6–14. (In Russ.)

Korina N. [et al.] *Yazykovaya kartina mira i kognitivnye prioritety yazyka* [Linguistic image of the world and cognitive priorities of language]. Nitra: Konstantin Filosof Univ. Publ., 2014. 204 p.

Kreidlin G. E. [The word *dazhe* 'even']. *Semiotika i informatika*. Issue 6. Moscow: VINITI Publ., 1975, pp. 102–115. (In Russ.)

Krysin L. P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh. Ocherki o russkoi leksike i leksikografii* [The word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian vocabulary and lexicography]. Moscow: Znak Publ., 2008. 320 p.

Krysin L. P. *Zhizn' slova* [Life of the word]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1980. 176 p.

Newmeyer F. J. Grammar is Grammar, and Usage is Usage. *Language*. 79. 2003, no. 4, pp. 682–707.

Norman B. [Expressive-evaluative words in non-predicate position]. *Juzhnoslovenski filolog*. LXIII. Beograd, 2007, pp. 67–81. (In Russ.)

Norman B. Yu. [Completeness/incompleteness of a paradigm as a sign of a word]. *Gramatika i leksika u slovenskim jezitsima. Zbornik radova s međunarodnog simpozijuma* [Grammar and vocabulary in Slavic languages. Collection of reports of the international symposium]. Novi Sad–Beograd: Matitsa Srpska, Institut za srpski jezik SANU Publ., 2011, pp. 151–164.

Norman B., Mukhin M. [On grammatical profiles of lexical-semantic groups: search for internal connections between lexical and grammatical semantics]. *SLAVIA. Časopis pro slovanskou filologii*. Ročník 84, 2015. Sešit 3, pp. 348–359. (In Russ.)

RRR Teksty — *Russkaya razgovornaya rech'. Teksty* [Russian colloquial speech. Texts]. Ed. by E. A. Zemskaya, L. A. Kapanadze. Moscow: Nauka Publ., 1978. 307 p.

Sampson G. R. Grammar without Grammaticality. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 3, no. 1. 2007, pp. 1–32.

Sharandin A. L. *Kurs lektsii po leksicheskoi grammatike russkogo yazyka: Morfologiya* [Course of lectures on lexical grammar of the Russian language: Morphology]. Tambov: Tambov Univ. Publ., 2001. 313 p.

Shvedova N. Yu. [About the active potencies contained in the word]. *Slovo v grammatike i slovare* [Word in grammar and vocabulary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow: Nauka Publ., 1984, pp. 7–15. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical study of words)]. Moscow — Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1947. 720 p.

Vsevolodova M. V. [On the case of objective grammar]. *Urbi et Academiae. Gradu i nauchnomu soobshchestvu* 1 (3). St.-Petersburg: ALEF-PRESS Publ., 2012, pp. 42–49. (In Russ.)

Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. Amsterdam — Philadelphia, 1988.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.26

А. Р. Пестова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
pestova2012@gmail.com

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ В СЛОВАРЕ КАК ЗЕРКАЛО ЭПОХИ

Статья посвящена анализу стилистических помет в академических толковых словарях как инструмента, не только отражающего лингвистические характеристики лексики, но и передающего экстралингвистическую информацию, включая идеологические установки и социальные оценки. Стилистические пометы рассматриваются в двух аспектах: как маркеры функционально-стилистических свойств слова и как носители идеологической, социальной и культурной информации. На материале авторитетных толковых словарей показано, как пометы могут отражать исторический контекст, идеологическую позицию авторов, а также меняющиеся общественные нормы и ценностные ориентиры. Особое внимание уделяется проблемам, которые возникают при лексикографическом описании двух актуальных групп лексики: феминитивов и наименований людей, имеющих те или иные заболевания. Отмечается разнобой в стилистическом маркировании и потенциальное влияние «новой этики» на словарные решения. Подчеркивается, что словарь не может быть полностью свободен от идеологии, поскольку неизбежно отражает социальные процессы, а стилистические пометы являются в той или иной степени индикаторами этих изменений. Делается вывод о необходимости разработки более гибких современных подходов к постановке стилистических помет, учитывающих как лингвистические критерии, так и динамичные социокультурные факторы.

Ключевые слова: лексикография, лексикографическая стилистика, толковый словарь, стилистическая помета, феминитивы

1. Вводные замечания

Стилистические пометы, используемые в лексикографической практике, традиционно рассматриваются как инструмент, отражающий «объективное свойство описываемой лингвистом единицы» [Цумарев 2020: 517]. В предисловиях к академическим толковым словарям, как правило, предельно лаконично раскрывается содержание стилистических помет и дается их деление на группы в зависимости

от параметра, по которому они характеризуют лексику. При этом количество таких групп, принцип классификации и набор помет варьируется от словаря к словарю. Разнообразие систем стилистических помет вызывает вопросы к объективности данного инструмента — и эта проблема активно обсуждается еще с середины прошлого века ([Виноградов 1956], [Емельянова 2013] и мн. др.).

Как показывает лексикографическая практика, стилистические пометы нередко выполняют одновременно несколько функций: например, указывают на сферу употребления слова и при этом предупреждают о том, что определенное значение не вполне соответствует строгой литературной норме: см. о таком синкретизме помет *разг.*, *прост*. и *проф.* [Базаров 2024]; о «запретительной» функции помет *неол*. («неологизм»), *разг.*, *устар*. и *диал*. [Дюбуа 1977: 42–43].

Кроме того, стилистические пометы могут быть источником разного рода экстралингвистической информации. Например, из них можно узнать, каких идеологических установок были вынуждены придерживаться авторы словаря. В ряде работ рассматриваются идеологические основания постановки помет *устар.*, *дореволюц.*, *загр.*, *нов.*, *ритор*. и нек. др. в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (далее — СУш) (см., например, [Купина 1995]).

Мы рассмотрим примеры из академических толковых словарей, демонстрирующие, как стилистические пометы подспудно предоставляют разнообразную экстралингвистическую информацию (идеологические установки исторической эпохи, в которой создавался словарь, общественные настроения относительно тех или иных явлений и т. п.). Кроме того, поднимаются проблемы, с которыми сталкиваются составители современных словарей в аспекте «экстралингвистических» функций стилистических помет.

2. Может ли словарь быть свободным от идеологии?

Обычно, когда заходит речь об идеологии в словаре, эта тема рассматривается в контексте словника и толкований. Лингвисты задаются вопросом, должен ли и может ли лексикограф сохранять беспристрастность позиции при отборе слов в словник толкового словаря и в самих словарных толкованиях. Так, испанский лексикограф Х. Касарес выступал за «бесстрастность и нейтралитет лексикографа»: «Лексикограф <...> призван войти в состав обученного штата, задачей которого является составление современного словаря на научной основе. Такой лексикограф не обидится, если мы ему посоветуем быть постоянно начеку и следить за своим пером, пресекая всевозможные проявления своей личности, начиная с индивидуальной манеры выражения, т. е. со стиля, и кончая обнаружением своих симпатий и антипатий, политических взглядов, философских и религиозных убеждений и т. п.» [Касарес 1958: 159].

В. В. Дубичинский, напротив, писал, что «...словарь, как и всякое литературное произведение, не может быть полностью “идеологически чист”, поскольку лексикографический труд рождается в обществе, служит обществу, в обществе же и живет» [Дубичинский 2008: 34].

Работ, затрагивающих проблему идеологической информации в аспекте лексикографических помет, гораздо меньше. Как правило, внимание лингвистов, которые обращаются к проблеме идеологии в словаре, привлекает СУш. Действительно, можно привести немало примеров из этого словаря, в которых постановка стилистических помет продиктована идеологическими соображениями.

Например, у существительного *дворец* стилистически нейтральным считается только значение, появившееся в советское время: «большое здание, обычно выделяющееся своей архитектурой и использованное для общественных целей» (*дворец искусств, дворец труда*). Первое же значение — «здание, служащее местом постоянного пребывания царствующих владетельных лиц или главы государства» — снабжено пометами, которые маркируют «явления и понятия “чуждого быта”» — *дореволюц.*[1] и *загр*.[2]

При прилагательном *внебрачный* ‘вне законного брака’ также стоит помета *дореволюц.* Позволим себе поэтому не согласиться с мнением авторов монографии [Круглов и др. 2013], которые пишут, что примеры ее употребления «говорят о том, что помета была лишена функции идеологической оценки и, по сути, составляла пару с пометой *старин.*, характеризуя историзмы более позднего периода» [Там же: 161].

Аналогичный пример — слово *любовница*. Историю его включения в СУш рассказывал М. В. Панов: «Цензор запретил слово *любовница*. Вон его из словаря! Потому что, объяснил уполномоченный, это слово старого быта и не нужно советскому человеку. А словарь должен оберегать нравственную чистоту нашего общества! Сошлись на компромиссе: слово появилось в словаре, но с пометой *устар.*, то есть устарелое» [Панов 2007: 737]. Добавим, что, помимо хронологической пометы *устар.*, при слове *любовница* стоит также экспрессивная — *неодобрит*.

Однако, хотя примеры лексикографических решений, принятых под давлением идеологии, обычно приводятся из СУш, тем не менее нельзя утверждать, что это лишь наследие советского прошлого. В той или иной степени, явно или подспудно, идеологические соображения влияют на решения составителей словарей повсеместно и постоянно, на протяжении всей истории лексикографической практики: «Уже Джонсон[3] думал о том, что хорошо бы помечать некоторые слова “каким-нибудь клеймом неблагочестия”... Это, конечно, крайность, но соответствующими пометками, пояснениями или примерами можно всегда подчеркнуть чуждую нам классовую природу какого-либо слова, если мы всё же вынуждены дать его в словаре» [Мюллер 2011: 52].

П. А. Дружинин пишет о словарях ФРГ и ГДР послевоенного периода: «Наиболее “выпукло” его [вопрос идеологии словаря] можно наблюдать на словарях

---

[1] Помета *дореволюц.* «указывает, что слово обозначает предмет или понятие, вытесненные послереволюционным бытом, напр.: полковник, прошение, прислуга и т. п.» [СУш: XXVIII].

[2] Помета *загр.* «указывает, что слово обозначает предмет или явление, относящиеся только к заграничной жизни, к общественно-бытовому обиходу западноевропейских государств» [СУш: XXVIII].

[3] Речь идет о словаре английского языка С. Джонсона, изданном в 1755 г. [Johnson 1755].

ФРГ и ГДР послевоенного периода, когда одно и то же слово получает совершенно разные истолкования в словарях этих двух стран одного языка» [Дружинин 2015][4].

Стилистические пометы могут быть не только результатом политической цензуры, но и отражением настроений общества относительно того или иного явления, группы людей, и т. д. Любопытный пример из английской лексикографии приводится в [Atkins, Rundell 2008: 404]): слово *half-caste* ‘метис, полукровка’ в английских словарях 1970-х гг. давалось без помет, а в современных изданиях трактуется как бранное и табуированное.

О «невозможности существования деидеологизированного толкового словаря» на примере французских лексикографических трудов пишет Н. И. Голубева-Монаткина: «Анализ показывает, что в “Малом Робере” идеология его создателей присутствует и в толковании слов, и в структуре словарных статей, и в примерах» [Голубева-Монаткина 2017: 56]. Тонкий пример идеологической постановки пометы приводится также из «Словаря культуры на французском языке» Алена Рея: только *russophile* получило здесь помету rare ‘редкое’, в то время как остальные *-филы* (*anglophile, germanophile, francophile*) даются без каких-либо помет [Там же: 57].

Таким образом, следует признать, что идеология в той или иной степени присутствует в толковых словарях всегда и везде: это может быть как результатом политической цензуры, так и, в более широком смысле, отражением общественных настроений и оценок относительно того или иного явления.

3. Идеология в современном словаре

С какими трудностями сталкиваются современные лексикографы в аспекте подобной «экстралингвистической» информации, которая имплицитно может выводиться из стилистических помет? Эти трудности касаются целого пласта слов, связанных с так называемой «новой этикой», или политкорректностью, однако в рамках данной работы мы затронем лишь две лексические группы:

1) феминитивы, особенно новые;
2) наименования людей, страдающих тем или иным заболеванием.

Поскольку тема феминитивов в последние десятилетия чрезвычайно актуализировалась, в первую очередь по ряду экстралингвистических обстоятельств, эта лексико-семантическая группа стремительно пополняется новыми единицами и весьма эмоционально обсуждается как в лингвистическом сообществе, так и в публичном пространстве (см., например, [Фуфаева 2020]). Перед лексикографами в связи с этим стоит целый ряд непростых задач: начиная с отбора новых феми-

[4] Ср., например, толкования слова *пролетарий*: «тот, кто принадлежит к подавляемому и эксплуатируемому рабочему классу в капиталистическом обществе» — в словаре ГДР [Wörterbuch 1966–1978], «грубый необразованный человек» — в словаре ФРГ [Brockhaus Wahrig 1980–1982].

нитивов в словник толкового словаря и заканчивая описанием их стилистических характеристик.

Как показывает исследование стилистических помет при феминитивах в трех авторитетных толковых словарях: в СУш, во втором издании «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (далее — МАС) и в новом «Академическом толковом словаре русского языка» под ред. Л. П. Крысина (далее — АТоС), — в стилистической квалификации феминитивов прослеживается такая тенденция, как их нейтрализация (см. [Пестова 2023]). Например, при словах *альтруистка* и *благожелательница* в МАСе и АТоСе отсутствует помета *книжн.*, которая была в СУш; при слове *гурманка* — помета *разг.*, при словах *вальцовщица, гардеробщица* — помета *спец.*, при словах *автомобилистка, баскетболистка, волейболистка* — помета *спорт*. и т. д.

Таким образом, тенденция к стилистическому выравниванию феминитивов отражает изменение экстралингвистической ситуации, в частности возросший интерес широкой общественности к вопросам гендерного неравенства.

Однако сказанное вовсе не означает, что вопрос стилистической квалификации феминитивов утратил свою актуальность. Напротив, его решение по-прежнему требует от лексикографов учета самых разнородных факторов: и лингвистических, и экстралингвистических, — как и почти век назад, ср. слова, произнесенные Л. В. Щербой на собрании Отделения литературы и языка АН СССР по обсуждению проекта и I тома Словаря современного русского литературного языка 26 мая 1939 г.: «*Директорша* в смысле *директорши* школы, с нормативной точки зрения это не годится. Я сочувствую, что *директорша* не говорят, *директор* школы, а не *директорша*. Но с другой стороны, как в Словаре это будет? Это надо дать. Можно сказать, что это устарело, но так просто сказать — устарело, нельзя. Это можно дать, но это показывает сразу, какая сложность вообще в этом деле, какая сложная задача вытекает и насколько это возможно применить» [Воронцов (отв. ред.) 2023]. И если в отношении слов *директорша* и *директриса* словари сейчас относительно единодушны (при них обычно ставится помета *разг.*), то многие другие феминитивы вызывают вопросы — как относительно их включения в словник толкового словаря, так и относительно их стилистической квалификации. Например, *адвокатша*: этого слова не было ни в СУш, ни в МАСе; в АТоСе при нем стоит помета *прост*. Не вполне понятно, по какой причине *директорша* оказывается выше на стилистической шкале, чем *адвокатша* — по причине меньшей употребительности и, следовательно, привычности или по какой-либо еще. Кроме того, интересны перспективы включения в словник вариантов *адвокатка* и *адвокатесса* — и в случае, если их сочтут достойными лексикографического описания, несомненно, встанет вопрос их стилистической характеристики. То же касается и слов *авторша*, *авторка* и *авторесса* (пока описано только первое из них — в БАС-3 с пометой *разг.*).

Члены авторского коллектива, работающие над «Словарем феминитивов» [Кронгауз, Фуфаева, Згировская, Мосолова 2025], отмечают, что проблема стилистической и оценочной маркированности феминитивов возникает как из-за нечеткости

стилистических помет «разг.» и «прост.», так и из-за отсутствия прагматических помет в словарях — притом что часть носителей языка воспринимает некоторые феминитивы как эмоционально или стилистически окрашенные. В связи с этим авторы приняли решение отказаться от стилистических помет и подобную информацию давать в составе толкования: «Поскольку стилистическая и прагматическая маркированность того или иного феминитива зачастую не является его устойчивым свойством, т. к. она контекстно и дискурсивно обусловлена, выбранным нами способом решения проблемы является отказ от использования помет и описание нюансов маркированности каждой лексемы внутри статьи. Это также дает возможность отразить неоднозначное отношение носителей языка к феминитивам» [Фуфаева, Згировская 2024: 362]. Однако такой подход — отказ от стилистических помет — неприемлем для академического толкового словаря, поскольку в таком случае он не выполняет одну из своих важнейших задач — задачу системного описания функционально-стилистического разнообразия русского языка на современном этапе его развития.

Другая лексическая группа, которая вызывает у лексикографов трудности, обусловленные экстралингвистическими факторами, — это наименования людей, страдающих тем или иным заболеванием. Этот новый пункт социальной повестки пока еще не имеет такого яркого лексикографического отражения, как феминитивы: при основных значениях слов *инвалид, глухой*, *немой, кретин*, и мн. др. в современных академических толковых словарях отсутствуют стилистические пометы. С другой стороны, некоторые слова из этой лексической группы всё же имеют стилистические пометы при своих первых значениях. Но и здесь есть спорные случаи, в которых авторы словарей принимают разные решения: например, слово *даун* в БАС-3 не имеет стилистических помет, в БТСе маркируется пометой *разг.*, а в АТоСе — *неодобр*.

Необходимо отметить, что эта лексическая группа, как и рассматриваемые выше феминитивы, в первую очередь начала активно обсуждаться за пределами лингвистического сообщества. Так, в 2021 г. вышла книга [Бобылёва 2021], в которой приводится словарь, предлагающий толерантные замены «обидным словам», в том числе наименованиям людей, страдающих тем или иным заболеваниям. В нем используется следующая градация: «**неверно** (самая крайняя степень — то есть слово ошибочно или противоречит действительности); **некорректно** (обидное, неуважительное, устаревшее или патологизирующее слово) и **можно по-другому** (в целом, слово или выражение терпимо, но существует более вежливый и корректный вариант)» [Там же: 71]. Так, вместо слова *глухой* автор предлагает использовать следующие варианты: *слабослышащий человек, неслышащий человек, человек с потерей слуха, человек с инвалидностью по слуху, человек, пользующийся жестовым языком*; вместо слова *даун — человек с синдромом Дауна,* вместо слова *немой — человек, пользующийся жестовым языком* и т. д. Можно обсуждать и критиковать предлагаемые варианты, но нам хотелось бы скорее обратить внимание на бурный общественный интерес к теме политкорректной лексики.

Такой интерес, на наш взгляд, едва ли может остаться бесследным для слов, которые воспринимаются как обидные, даже если словарями они квалифицируются как нейтральные.

4. Предварительные выводы

Таким образом, стилистические пометы — это сильный лексикографический инструмент, дающий не только информацию о стилистических характеристиках слова, но и (подспудно) разного рода экстралингвистические сведения, такие как идеологические установки исторической эпохи, в которой создавался словарь, общественные настроения относительно тех или иных явлений и т. п. Несмотря на их предельную лаконичность, стилистические пометы предоставляют в распоряжение исследователя богатый и весьма разнообразный материал. Это отражение двух парадоксов словарной статьи, о которых писала Н. Ю. Шведова, — с одной стороны, парадокса «сжатости, миниатюрности» жанра словарной статьи [Шведова 2005: 421], с другой — парадокса «максимальной концентрированности информации, заложенной в самом жанре словарной статьи» [Там же: 423].

Перед современными отечественными лексикографами стоит непростая задача выработать принципы постановки стилистических помет при «политкорректных» и «неполиткорректных» лексических единицах.

Словари

АТоС — Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2016.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.

МАС — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 1–4.

СУш — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Brockhaus Wahrig: Deutsches Wörterbuch in 6 Bänden. Stuttgart, 1980–1982.

Johnson S. A Dictionary of the English language. Vol. 1–2. London, 1755.

Wörterbuch der Deutschen Gegenwartssprache in 6 Bänden / Hrsg. von R. Klappenbach und W. Steinitz. Berlin, 1966–1978.

Литература

Базаров Е. Э. О синкретизме некоторых стилистических помет (на примере помет *разг.* и *проф.*) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. М.: Ин-т русс. яз. им. В. В. Виноградова, 2024. С. 51–61.

Бобылёва М. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать. М.: Изд-во АСТ, 2021.

Большой академический словарь русского языка в зеркале научно-методологической литературы и критики: Справочные материалы (1938–1970) / Отв. ред. Р. И. Воронцов. Ин-т лингв. исслед. РАН. — СПб.: ИЛИ РАН, 2023.

Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 80–94.

Голубева-Монаткина Н. И. Идеологический компонент в словарных дефинициях (на материале современных французских словарей) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. № 1. Том 76. С. 55–59.

Дружинин П. А. Идеология в словаре русского языка 1937 г. [Электронный ресурс]. URL: https://postnauka.org/video/55002 (дата обращения: 08.04.2025).

Дубичинский В. В. Лексикография русского языка. М.: Наука: Флинта, 2008.

Дюбуа Ж., *Дюбуа К.* Педагогическая речь словаря // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М.: Русский язык, 1977. С. 38–50.

Емельянова О. Н. Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.

Кронгауз М. А., *Фуфаева И. В.*, *Згировская О. Г.*, *Мосолова А. О.* Словарь феминитивов / Под ред. М. А. Кронгауза. М.: Новое литературное обозрение, 2025. В печати.

Круглов В. М., *Истратий В. В.*, *Гамирова Д. Р.*, *Каплан Е. Д.* Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / Под ред. В. М. Круглова. СПб.: Нестор-История, 2015.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 144 с.

Мюллер В. К. Основные принципы и методы составления англо-русского словаря // Открывая Мюллера. К 70-й годовщине смерти Владимира Карловича Мюллера. М.: Р. Валент, 2011. С. 40–67.

Панов М. В. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 730–741.

Пестова А. Р. Динамика стилистического статуса феминитивов в толковых словарях // Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации: сборник научных статей / под ред. Н. В. Патроевой. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2023. С. 42–44.

Фуфаева И. В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: Corpus, 2020.

Фуфаева И. В., Згировская О. Г. Проблемы лексикографического описания разговорных феминитивов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. М.: Ин-т русс. яз. им. В. В. Виноградова, 2024. С. 349–364.

Цумарев А. Э. Помета // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. А. М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 517–518.

Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи // Русский язык. Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 420–424.

Atkins B. T. S, Rundell M. The Oxford guide to practical lexicography. N. Y.: OUP, 2008.

A. R. Pestova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
pestova2012@gmail.com

STYLISTIC LABELS IN DICTIONARIES AS A MIRROR OF THE ERA

This article analyzes stylistic labels in academic explanatory dictionaries as a tool that reflects not only linguistic characteristics of vocabulary but also conveys extralinguistic information, including ideological frameworks and social evaluations. The study examines these labels from two perspectives: as markers of functional-stylistic word properties and as carriers of ideological, social, and cultural information. Drawing on authoritative explanatory dictionaries, the research demonstrates how stylistic labels may reflect historical context, authors' ideological positions, as well as evolving social norms and value systems. Particular attention is paid to challenges encountered in lexicographic description of two relevant lexical groups: feminatives (feminine noun forms) and terms for people with various medical conditions. The study notes inconsistencies in stylistic labeling and the potential influence of "new ethics" on lexicographic decisions. It emphasizes that dictionaries cannot be completely free from ideology, as they inevitably mirror social processes, with stylistic labels serving to varying degrees as indicators of these changes. The conclusion highlights the need to develop more flexible contemporary approaches to stylistic labeling that would account for both linguistic criteria and dynamic sociocultural factors.

Keywords: lexicography, lexicographic stylistics, explanatory dictionary, stylistic label, feminine forms

References

Atkins B. T. S, Rundell M. The Oxford guide to practical lexicography. N. Y.: OUP, 2008.

Bazarov E. E. [On the syncretism of some stylistic labels (Based on the labels *colloq.* and *prof.*)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Iss. 3. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova Publ., 2024, pp. 51–61. (In Russ.).

Bobyleva M. *My tak govorim. Obidnye slova i kak ikh izbezhat'* [This is how we speak: Offensive words and how to avoid them]. Moscow, AST Publ., 2021. (In Russ.).

Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka v zerkale nauchno-metodologicheskoi literatury i kritiki: Spravochnye materialy (1938–1970) [The Great Academic Dictionary of the Russian language in the mirror of methodological literature and criticism: Reference materials (1938–1970)]. Ed. by R. I. Vorontsov. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2023. (In Russ.).

Druzhinin P. A. *Ideologiya v slovare russkogo yazyka 1937 g.* [Ideology in the 1937 Russian Dictionary]. Available at: https://postnauka.org/video/55002 (accessed: 08.04.2025) (In Russ.).

Dubichinskii V. V. *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian language]. Moscow, Nauka; Flinta Publ., 2008. (In Russ.).

Dyubua Zh., Dyubua K. [Pedagogical speech of the dictionary]. *Aktual'nye problemy uchebnoi leksikografii* [Current issues in educational lexicography]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1977, pp. 38–50. (In Russ.).

Emelyanova O. N. *Stilisticheskaya informatsiya v tolkovom slovare (analiticheskii obzor problematiki)* [Stylistic information in the explanatory dictionary (An analytical review of the issues)]. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet Publ., 2013. (In Russ.).

Fufaeva I. V. *Kak nazyvayutsya zhenshchiny. Feminitivy: istoriya, ustroistvo, konkurentsiya* [What women are called: Feminatives — history, structure, competition]. Moscow, Corpus Publ., 2020. (In Russ.).

Fufaeva I. V., Zgirovskaya O. G. [Problems of lexicographic description of colloquial feminatives]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Iss. 3. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova Publ., 2024, pp. 349–364. (In Russ.).

Golubeva-Monatkina N. I. [The ideological component in dictionary definitions (based on modern French dictionaries)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and language series], 2017, vol. 76, no. 1, pp. 55–59. (In Russ.).

Kasares Kh. *Vvedenie v sovremennuyu leksikografiyu* [Introduction to modern lexicography]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1958. (In Russ.).

Krongauz M. A., Fufaeva I. V., Zgirovskaya O. G., Mosolova A. O. *Slovar' feminitivov* [Dictionary of feminatives]. Ed. by M. A. Krongauz. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. (In print). (In Russ.).

Kruglov V. M., Istratii V. V., Gamirova D. R., Kaplan E. D. *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka* [Normative-stylistic labels in academic explanatory dictionaries of the Russian language]. Ed. by V. M. Kruglov. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015.

Kupina N. A. *Totalitarnyi yazyk: slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian language: dictionary and speech reactions]. Yekaterinburg; Perm', Ural'skii universitet Publ., 1995. 144 p. (In Russ.).

Myuller V. K. [Basic principles and methods of compiling an English-Russian dictionary]. *Otkryvaya Myullera. K 70-i godovshchine smerti Vladimira Karlovicha Myullera* [Discovering Müller: On the 70th anniversary of the death of Vladimir Karlovich Müller]. Moscow, R. Valent Publ., 2011, pp. 40–67. (In Russ.).

Panov M. V. [The Explanatory dictionary of the Russian language edited by D. N. Ushakov]. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku* [Works on general linguistics and the Russian language]. Vol. 2. Ed. by E. A. Zemskaya, S. M. Kuz'mina. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2007, pp. 730–741. (In Russ.).

Pestova A. R. [Dynamics of the stylistic status of feminatives in explanatory dictionaries]. *Kategorii yazyka i myshleniya: aspekty sovremennoi interpretatsii* [Categories

of language and thought: aspects of modern interpretation]. Ed. by N. V. Patroeva. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2023, pp. 42–44. (In Russ.).

Shvedova N. Yu. [Paradoxes of a dictionary entry]. *Russkiy yazyk. Izbrannye raboty* [Russian language: Selected works]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005, pp. 420–424. (In Russ.)

Tsumarev A. E. [Lexicographic label]. *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [Russian language: Encyclopedia]. Ed. by A. M. Moldovan. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, pp. 517–518. (In Russ.).

Vinogradov V. V. [On some issues in the theory of Russian lexicography]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues in Linguistics], 1956, no. 5, pp. 80–94. (In Russ.).

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.27

М. Н. Приемышева
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Россия, Санкт-Петербург)
mn.priemysheva@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ПОМЕТЫ «*РАЗГ.*» В РУССКОЙ ТОЛКОВОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: еще раз о проблемах лексикографической стилистики

В статье на примере истории пометы «разговорное» в отечественной толковой лексикографии в очередной раз ставится проблема необходимости концептуальной и системной разработки функциональных, стилистических и экспрессивных помет, относящаяся к области лексикографической стилистики. Впервые в отечественной толковой лексикографии помета появилась в 1916 году в 3-м издании «Малого толкового словаря русского языка» П. Е. Стояна и закрепилась в отечественной традиции благодаря четкому ее определению в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова с 1934 года. В академической толковой лексикографии помета впервые обосновывается в Инструкции к будущему МАСу (1953 г.), а ее фактическое использование начинается с IV тома БАСа (1955 г.). В течение XX века помета «разговорное» долго соперничала за стилистическую самостоятельность с пометой «просторечное». На современном этапе развития отечественной лексикографии объективизации стилистической оценки пометы «разговорное» способствуют целенаправленное изучение разговорной речи как особого лингвистического объекта и системное лексикографическое описание разговорной лексики в «Толковом словаре русской разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина.

Ключевые слова: история отечественной толковой лексикографии, стилистические пометы в словаре, лексикографическая стилистика, разговорная речь, помета «разговорное»

1

Система функционально-стилистических помет в толковых словарях русского языка, их реестр, критерии их постановки — проблема, которую можно отнести к «вечным» и до сих пор не решенным проблемам толковой лексикографии. Как отмечал Л. П. Крысин, «стилистические пометы — наименее разработанная часть лексикографического дела: современные толковые словари различаются как набором

стилистических помет, так и трактовкой одних и тех же помет» [Крысин 2011: 6–7]. Комплекс острых вопросов *лексикографической* стилистики на современном этапе развития лексикографии объективно связан не только с недостаточной разработанностью теоретических проблем общей и функциональной стилистики, со сложностью самой природы стилистической оценки того или иного языкового факта, с динамикой литературной нормы, с позиции которой происходит такая оценка, но и с доминированием индивидуально-авторских предпочтений лексикографа над формальными критериями выбора той или иной пометы даже в рамках одного словаря. Необходимо признать, что, несмотря на теоретическое обоснование, объекта и методов лексикографической стилистики [Скляревская 1978, 1988], на широкое использование и признание в научной литературе этого термина, практическая ее разработка так и не началась. Несмотря на то что круг проблем, которые обсуждают ученые и авторы словарей уже более 100 лет, достаточно четко очерчен, их системного решения не осуществляется: авторы словарей по-прежнему решают сложные вопросы выбора реестра помет и их содержания в рамках одного словаря вне контекста общей лексикографии.

При этом необходимо подчеркнуть, что сам арсенал помет, используемых в современных толковых словарях русского языка, достаточно традиционен и остается практически неизменным с конца XVIII века. И можно утверждать, что многие проблемы современной лексикографической стилистики связаны именно с этим: содержание и объем помет на синхронном этапе очевидно отличается от содержания и объема помет на предшествующих исторических этапах. Так, одной из первых в отечественной лексикографии подверглась масштабной критике помета *просторечное* (Т. Г. Винокур, Г. Н. Скляревская, Ю. С. Сорокин и мн. др.). Вопросы исследователей со временем стала вызывать помета *обл.* — областное (Л. И. Балахонова, Г. Н. Скляревская, Е. В. Пурицкая и др.), *спец.* — специальное (Е. А. Земская, А. П. Евгеньева, А. Э. Цумарев и др.). Сомнения исследователей вызывают наименования и принципы использования экспрессивно-оценочных помет — *пренебр., презрит., неодобр.*; *шутл., ирон.* (О. Н. Емельянова, К. С. Кочергина и др.).

В настоящее время следует признать, что практически все традиционные словарные пометы оказываются противоречивыми и неоднозначными. Во-первых, это произошло потому, что фактически до начала XX века пометы в словарях предназначались для широкой аудитории читателей[1] и их реестр носил всегда эмпирический характер, не имея под собой научной теории, кроме теории «трех штилей» XVIII века, согласно которой и зародилась базовая стилистическая шкала — *низкое (подлое, просторечное, простонародное, народное, общенародное) — <нейтральное> — высокое (книжное)*. Во-вторых, общая система помет в отечественной традиции была полностью заимствованной из французской лексикографии [Круглов и др. 2015]. И несмотря на историю употребления нормативно-стилистических,

[1] Принцип понятности, видимо, был главным вплоть до «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. В. И. Даль, например, в своем «Напутном слове» к Толковому словарю отмечал: «Сокращения приняты обычные и понятные.. Не менее понятны сокращенные отметки: пес., сказ, шутл., бран и пр.» [Даль 1880: XXIX].

функциональных и экспрессивных помет в словарях XVIII–XIX вв., очевидно, что в истории отечественной толковой лексикографии первым словарем, в котором была осуществлена полная системная разработка стилистической концепции через систему помет, был «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

При этом в *академической* толковой лексикографии система помет, возникнув в конце XVIII века, так и не была упорядочена и теоретически обоснована: будучи в своей основе заимствованной, в дальнейшем она складывалась стихийно, под воздействием случайных факторов. Так, например, стремление представить лексическую «сокровищницу» русского языка в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года привело авторов к включению в словарь областной лексики и к появлению пометы *обл*. Несмотря на то что некоторые последующие толковые словари являлись собственно нормативно-стилистическими (напр., «Словарь русского языка» под ред. Я. К. Грота или «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти тт.), помета *обл*., относящаяся к собственно функциональным, осталась, а нормативно-стилистические задачи указанных словарей придали ей особый стилистический статус, противоречащий самой сути пометы. На современном этапе, однако, ситуация в академической лексикографии меняется. Так, обновлена и теоретически переосмыслена система помет «Академического толкового словаря русского языка», работа над которым была начата в Институте русского языка им. В. В. Виноградова под руководством Л. П. Крысина в середине 2010-х гг. и успешно продолжается в настоящее время.

Но в целом исторически сложилось так, что практически все пометы, используемые сейчас в толковой лексикографии, существуют по инерции как дань традиции. Однако это утверждение не относится к помете «разговорное», которая прошла свой сложный исторический путь в отечественной толковой и особенно — в толковой академической лексикографии.

2

История пометы «разговорное», без которой сейчас не обходится ни один словарь русского языка, парадоксально выделяется среди остальных помет. В истории *толковой* отечественной лексикографии это самая молодая помета из реестра традиционных помет (осмысленно она появилась в начале XX века), при этом объект, ею обозначаемый, в том или ином виде всегда подразумевался в словарях с конца XVIII века.

По данным монографии В. М. Круглова, В. В. Истратий и др. «Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях» устанавливается, что первым словарем с разветвленной системой помет, каждая из которых в той или иной мере используется до настоящего времени, был «Полный французский и российский лексикон» (1786 г.), который включал большой арсенал помет и ремарок из Словаря Французской Академии. Среди собственно нормативно-стилистических помет в словаре фиксировались пометы: *низкое, народное, простонародное, общенародное, простое, просторечное, дружеское (обыкновенное), разговорное, в стихотворстве, возвышенное, приказное.* В отношении пометы «разговорное»

исследователи отмечают*:* «Помета употребляется редко в виде сочетаний *в разговорах* и *в обыкновенных разговорах*. В оригинале им соответствуют ремарки *On dit dans la conversation*, *Se dit dans la conversation, Il n'est que de la conversation* и иногда — *dans la conversation familière*» [Круглов и др. 2015: 26].

При этом нельзя не заметить, что, являясь двуязычным, словарь вряд ли мог в значительной степени повлиять на традицию отечественной лексикографии. Вероятнее предположить, что все-таки именно Словарь Академии Российской, также концептуально ориентированный на Словарь Французской Академии, стоит в основе отечественной традиции стилистических помет. Независимо от любых предположений так сложилось, что с конца XVIII века и на протяжении XIX века собственно помета *разг. — разговорное слово* — в толковой лексикографии не использовалась: ее нет ни в «Словаре Академии Российской» (1789–1793 гг.), ни в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» (1806–1822 гг.), ни в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847 г.), ни в «Словаре русского языка» под ред. Я. К. Грота, А. А. Шахматова, Н. С. Державина (1891–1937 гг.), ни в первых трех томах «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти тт.

Очевидно, что отсутствие специальной пометы *разг.* компенсировалось использованием пометы «просторечное». Так, в «Словаре Академии Российской» помета «*В простор*.» понималась для функционально-стилистической характеристики слова, «в просторечии или в разговорах употребляемого». При этом в словарь включена и помета *простонар. — простонародное слово.* Однако в Словарь 1847 года включена только помета «*Простон*.».

Менее последовательно помета трактуется в «Словаре русского языка» под ред. Я. К. Грота, в списке сокращений которого приводится и помета «*Простон., простонар. —* простонародное, более простым народом употребляемое», и помета «*Простор. —* речение, более употребительное в обыденной, простой и разговорной речи», и помета «*Простор., простореч*. — просторечие» [Словарь 1891: VI]. Однако в самом словаре используется только помета *простор*. и при этом для атрибуции достаточно однородного лексического материала, который мы бы сейчас обозначили как *разг*.: *армейщина, не ахти, ахтительный, безпардонный* и некот. др. Очень редко используемая помета *простонар*. фиксируется при словах практически того же стилистического регистра: *актёрка, али, бахвалить, бахилы*.

Для истории лексикографического описания именно разговорной речи важно особенно подчеркнуть, что в дальнейших выпусках «Словаря русского языка» уже под ред. А. А. Шахматова (1897–1929), помимо использования помет *простор., простореч., простонар.*, появляются ремарки «*в разговорной речи*», «*в разговорном языке*». Напр.,

> **Еди́ный**. II. В разговорной речи. 1. Единый особенно часто заменяет «один» после предлогов, причем значение единичности вследствие этого усиливается. <...> 2. Кроме того единый употребляется в разговорной речи вм. один только.
>
> **Есть**. То есть. .. В разговорной речи обыкновенно ударение то́ есть, в поэзии встречается и то е́сть. [Словарь 1907: 60, 160].

Такие же ремарки, уже гораздо чаще, используются в следующем переиздании этого словаря под ред. Н. С. Державина (1929–1937) Ср., напр.:

Агитну́ть, у́, ешь. Однократн. вид глаг. агитировать (употр. в разговорн. яз.). *Агитнув, где следует, а порою и пригрозив, Увадьев воротился к вечеру в Макариху*. Леонов, Соть, гл. I, VI.

Аги́ция, и, *ж.* То же, что агитация. Встрет. у Лаврухина в разговорн. яз. *Агицию разводите?* Лаврухин, По следам героя, 148.

Адресну́ться, ну́сь, не́шься. Употреб. в разговорной речи. Обратиться к кому-либо. *Что нужно, товарищ? — Стишки принес... — Адреснитесь вот к этому!* Неверов, Стишок (III, 26). [Словарь 1932: 153, 158, 213].

Нельзя не обратить внимания на то, что *разговорная речь, разговорный язык* для авторов этих словарей является языковой реальностью (очевидно, не равной «просторечию» или «простонародному» слову, так как имеющиеся в их арсенале пометы в этих случаях не использовались), но, видимо, еще не настолько, чтобы возникла мысль о создании новой пометы.

Предварительно можно утверждать, что впервые после эпизодического использования во французско-русском лексиконе 1786 года в толковой лексикографии помета *разг.* появляется в «Малом толковом словаре русского языка» П. Е. Стояна (в 3-м издании, 1916 года) (Пгрд., 1916). Показательно, что в первых изданиях этого словаря 1913 и 1915 гг. этой пометы еще нет. При этом в словаре очень широко используется помета «*нар*.» — *народное, простонародное,* с помощью которой в большей части случаев атрибутируется лексика преимущественного просторечного и диалектного характера.

Словарь является ценнейшим источником по истории русского языка и собственно русской разговорной речи. Словарь, помимо большого количества новой лексики, ценной с точки зрения истории русского языка (*автобус, автомобиль, аэронавт, аэроплан, аэростат, мотоцикл, омнибус, трамвай, электричка электротеатр* и мн. др.), включает большое количество коммуникативных формул и примеров лексики, которую бы мы сейчас назвали разговорной. Напр.:

а ну́ его! Не хочу иметь с ним дела, я не доволен им;
ай да.. междометие одобрение, похвалы, удовольствия;
алё! Окрик в телефон, = я слушаю! Кто говорит?
благодарствую, благодарю спасибо

Собственно помета *разг.* «разговорное слово» или ремарка «в разговоре» появляются в словаре только в 3-м издании 1916 года, но используются достаточно редко:

двигаться *шут. разг.* уходить. *Ну, я буду двигаться...*
кабы *разг.* если бы.
кажись *разг.* кажется, как будто.
бишь частица разговорной речи, означающая обмолвку или вспоминание. *Как, бишь, его зовут?*

При этом в словаре много слов, которые даются с пометой *нар*., с экспрессивными пометами (*ласк., шут., бран*.) или без помет, которые мы сейчас могли бы атрибутировать как *разг*.: *за бесценок* ‘очень дешево’, *подма́зывать* ‘давать вятку’, *с бухты-барахты* ‘внезапно и без разумной причины’ и мн. др.

И хотя помета *разг.* ставится автором еще редко, очевидным критерием ее появления является маркирование слова, свойственного именно устной речи.

Несмотря на данные эпизоды из истории разговорной лексики как объекта лексикографического описания, безусловным, «триумфальным» появлением (или возвращением, если учитывать первое появление пометы во Французско-русском лексиконе 1786 года) пометы *разг*. в отечественной лексикографии становится ее использование в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. В Предисловии к Словарю среди группы помет, указывающих на разновидности устной речи, оказываются пометы *разг., простореч.* и *фам*. (фамильярное). Помета *разг.* впервые получает развернутое определение в истории отечественной толковой лексикографии: она «означает: свойственно преимущественно разговорной речи; не нарушает норм литературного употребления, но, употребленное в книжном языке, придает данному контексту некнижный, разговорный характер» и достаточно четко противопоставляется просторечию — *лексике ненормированной устной речи*, «свойственной простой, непринужденной или даже грубоватой устной речи» [Толковый... 1935: XXVI].

3

Тем неожиданнее и с теоретической, и с практической точек зрения для истории пометы *разг*. было появление в 1938 году в Проекте нового академического «Словаря современного русского литературного языка» (БАСа) пометы *разг.-городск. — разговорно-городское*, которая подчеркивала в большей степени социальный статус использующих такую лексику, а не функционально-стилистический критерий ее выделения. Сам факт возникновения такой (единственной в истории лексикографии) пометы свидетельствует о том, что в 1930-е гг. очевидная и понятная для нас сейчас стилистическая концепция ушаковского словаря еще не была осмыслена и признана. БАС снова по исторической инерции использовал арсенал традиционных помет, нормативные установки словаря осознавались не вполне, а ощущаемая потребность в маркировании форм устной литературной речи еще была подчинена социологическим тенденциям развития лингвистики 1920–1930-х гг. Неясность для самих авторов содержания пометы очевидна из ее обоснования: «Слова областные и разговорно-городские вводятся в словарь как материалы национального языка, а не областных, местных говоров и городских диалектов; иначе говоря, вводятся такие слова, которые по своему значению или употреблению сближаются непосредственно с литературным языком» [Проект 1938: 13]. В качестве примеров лексики разговорно-городского языка в Проекте приводятся такие слова, как *разгильдяй, балбес, оболтус, ляпнуть* (неосторожно сказать что-либо), *калякать, потрафить, белобрысый, холуй, обдирала, облапошить, фараоны* (прозвище городовых), *дутик* (о шинах).

Однако оказалось вполне закономерным, что помета *разговорно-городское* ни разу не была использована в первых трех томах БАС, где она была приведена в списке сокращений. При этом показательно, что так же, как в шахматовском и державинском изданиях «Словаря русского языка», в БАС продолжали использоваться ремарки «*в разговорной речи*», «*в разговорном языке*». См., напр.:

Важность.. ◊ В разговорном языке употребляется в выражениях (с пренебрежительном оттенком): велика в а́ ж н о с т ь, что за в а́ ж н о с т ь и т. п.

Вплотную.. ♦ Переносно. В разговорной речи. Усидчиво, не отрываясь (заниматься чем-либо); серьезно [Словарь 1951: 24, 768].

Неосознанность авторами словаря этой стилистической категории, непоследовательность ее подачи, неразграничение ее с тем разрядом слов, который имел статус «просторечия» подтверждается тем, что, например, в 1 томе БАС на 16 ремарок «в разговорной речи», «в разговорном языке» пометы *Простор., Просторе*ч. встречаются 1108 раз. При этом начиная с 4 тома, где появляется помета *разг*., которой «снабжаются слова, обычные в устном общении и отличающиеся некоторой непринужденностью выражения» [Словарь 1955, 4: IV], пропорциональное соотношение в использовании помет меняется: помета *разг.* встречается 1249 раз, помета *простореч.* — 851 раз.

Однако теоретически помета *разг.* была обоснована в академической лексикографии чуть раньше: в 1953 году она появляется в Инструкции к будущему МАС. В разделе «Стилистическая характеристика» постулируется введение пометы *разг.* и делается попытка четко разграничить содержание помет *разг.* и *простореч*. [Инструкция 1953: 41–44].

4

В современных толковых словарях русского языка помета *разг*. является обязательной, без нее не обходится ни один словарь русского языка, имеющий стилистические пометы. Необходимо подчеркнуть, что содержательно помета в целом характеризует стилистически однородный круг явлений — лексику устной разговорной литературной речи.

Помимо системного научного изучения стилистических помет в связи с обозначаемыми ими стилистическими явлениями, в особенности помет *просторечное* и *разговорное* (Г. Н. Скляревская и мн. др.), в том числе осуществляемого в последние годы (О. Н. Емельянова, А. Р. Пестова и др.), этому способствовало несколько научных достижений: во-первых, системное выделение и методичное описание собственно «русской разговорной речи» как самостоятельного лингвистического объекта, представленное в целом ряде монографий под ред. Е. А. Земской в 1960–1980-е годы, и, во-вторых, целенаправленное лексикографическое описание собственно разговорной лексики в фундаментальном «Толковом словаре русской разговорной речи» в 5-ти тт. под ред. Л. П. Крысина (2014–2022). Еще не так давно Л. П. Крысин подчеркивал, что «при достаточно большом числе исследований, посвященных русской разговорной речи, ее л е к с и к о г р а ф и ч е с к о е представление еще только

начинается» [Крысин 2014: 359]. И с этим нельзя не согласиться: в последние годы все большее число специалистов констатируют не просто большой интерес к словарям устной разговорной речи, но и появление собственно «речевой лексикографии» (Н. В. Богданова-Бегларян и др.) — направления лексикографии, в котором лексика разговорной речи и устная разговорная речь становятся самостоятельным объектом лексикографического описания. И это все более способствует материализации объекта, выявлению его достаточно определенных стилистических границ и, как следствие, все более четкому пониманию содержания данной пометы с позиций лексикографической стилистики.

В свое время ряд исследователей (Р. Р. Гельгардт, Г. Н. Скляревская) на примере пометы *просторечное* высказывали мысль, что только создание реестра, «инвентарной описи» стилистически однородной лексики, его системное описание, позволит более или менее четко определить границы стилистического объекта и дать объективное и непротиворечивое обоснование стилистической пометы. Однако к настоящему моменту это методологическое решение в лексикографии оказалось применено к лексике разговорной речи, что, действительно, способствовало более четкому выявлению ее специфических стилистических характеристик.

Помета *разг*. в истории русской лексикографии, пожалуй, первая помета, которая появилась ввиду объективной необходимости атрибуции уникального языкового объекта — лексики и лексических явлений устной речи и *вопреки* устоявшейся за 200 лет системе помет, где ей не было места, и постепенно заслужила статус единой, универсальной пометы, понимаемой достаточно однозначно всеми составителями разных словарей. Впервые углубленное изучение объекта (Е. А. Земская) и особенно его самостоятельное лексикографическое описание в истории русской толковой лексикографии (Л. П. Крысин) способствовали материализации свойств объекта и, как следствие, объективизации его стилистической оценки.

История пометы *разг.* стала хорошим методологическим примером теоретического и практического решения одной из главных задач лексикографической стилистики — системной и научной разработки каждой пометы в отдельности, и, как следствие, объективной разработки всей системы помет. Чтобы каждая стилистическая помета в словаре стала однозначной, чтобы не имела синонимических эквивалентов, выделению каждой стилистической пометы должно предшествовать выявление самостоятельного стилистического объекта описания, системное изучение его границ, системное изучение типологически однородного языкового материала, позволяющего выявить целый ряд дифференциальных его свойств, отличающих его от других объектов.

Словари

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб., М., 1880.

Словарь русского языка, сост. Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 1. А–Д. / под ред. Я. К. Грота. СПб.: Имп. Академия наук, 1891.

Словарь русского языка, сост. Вторым отделением Императорской Академии наук. Е.Ж.З. Т. 2. / под ред. А. А. Шахматова. СПб.: Имп. Академия наук, 1907.

Словарь русского языка, сост. Комиссией по русскому языку АН СССР. Т. 1. Вып. 1. А–Ажно. / под ред. Н. С. Державина. Л.: АН СССР, 1932.

Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт. Т. 2. / Под ред. В. И. Чернышева. М.–Л., 1951.

Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт. Т. 4 / Под ред. А. М. Бабкина. М.–Л., 1955.

Толковый словарь русского языка. Т. 1. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, 1935.

Литература

Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка в трех томах» / Под общ. ред. С. Г. Бархударова, А. П. Евгеньевой. М.: АН СССР, 1953. 96 с.

Круглов В. М., Истратий В. В., Гамирова Д. Р., Каплан Е. Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка СПб.: Нестор-история, 2015. 442 с.

Крысин Л. П. Проблема обновления толковых словарей современного русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 1. С. 3–9.

Крысин Л. П. Повседневная русская речь в ее отношении к литературной норме (лексикографический аспект) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 1. С. 358–388.

Проект Словаря современного русского литературного языка / Отв. ред. И. И. Мещанинов. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1938.

Скляревская Г. Н. Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари. Л.: Наука, 1978. С. 101–111.

Скляревская Г. Н. Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 84–97.

M. N. Priemysheva
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg).
mn.priemysheva@yandex.ru

FROM THE HISTORY OF THE LABEL "*RAZG.*" (COLLOQUIAL) IN THE RUSSIAN ACADEMIC EXPLANATORY LEXICOGRAPHY: once again about the problems of lexicographic stylistics

Based on the history of the label "*razg.*" (*colloqial*) in explanatory dictionaries, the article once again raises the problem of the conceptual and systematic development of functional, stylistic and expressive labels, which refers to the sphere of lexicographic stylistics. In the Russian lexicography this label was first introduced in 1916 in the 3rd edition of the *Small Explanatory Dictionary of the Russian Language* by P. E. Stoyan

and became firmly established in the tradition due to its clear definition in the *Explanatory Dictionary of the Russian Language* edited by D. N. Ushakov in 1934. During the 20th century, the label "*razg.*" (*colloqial*) for a long time competed for stylistic independence with the label "*prostorech.*" (*vernacular*). At the present stage of the Russian lexicography development it can be argued that the studied label is the only one having a fairly definite status, it is uniformly understood by the authors of various explanatory dictionaries, which is due to the systematic study of spoken speech as an independent linguistic object (E. A. Zemskaya et al.) and its systematic lexicographic description in the *Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech* edited by L. P. Krysin.

Keywords: history of Russian explanatory lexicography, stylistic labels in the dictionary, lexicographic stylistics, colloquial speech, the label "*razg.*" (*colloqial*)

References

Barhudarov S. G., Evgen'eva A. P. (eds). *Instrukciya dlya sostavleniya «Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v treh tomah»* [Instructions for compiling the "Dictionary of Modern Russian literary language in three volumes"] Moscow, AN SSSR, 1953. 96 p.

Kruglov V. M., Istratii V. V., Gamirova D. R., Kaplan E. D. *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovyh akademicheskih slovaryah russkogo yazyka* [Normative and stylistic labels in explanatory academic dictionaries of the Russian language] St. Petersburg, Nestor-istoriya, 2015. 442 p.

Krysin L. P. [The problem of updating explanatory dictionaries of modern Russian language], *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2011, tom 70, № 1, pp. 3–9. (In Russ.)

Krysin L. P. [Everyday Russian speech in its relation to the literary norm (lexicographic aspect)], *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2014, № 1, pp. 358–388. (In Russ.)

Meshhaninov I. I. (ed). *Proekt Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The Dictionary of Modern Russian Literary Language Project]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1938. (In Russ.)

Sklyarevskaya G. N. [Notes on lexicographic stylistics], *Sovremennost' i slovari*. Leningrad: Nauka Publ., 1978, pp. 101–111. (In Russ.)

Sklyarevskaya G. N. [Once again about the problems of lexicographic stylistics], *Voprosy yazykoznaniya*, 1988, № 3, pp. 84–97. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.28

Александра Раскина
Независимый исследователь
(США, Новый Орлеан)
Sasha.raskina@gmail.com

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ В РУССКОЙ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТОЛСТОЙ / ТРОЛЛОП, ЧЕХОВ / О. ГЕНРИ И ДРУГИЕ

Автор прослеживает параллелизм сюжетов нескольких пар литературных произведений: «Принца и нищего» Марк Твена и «Золушки»; «Анны Карениной» Толстого и романа Троллопа “Can You Forgive Her?” («Можете ли вы ее простить?»); рассказа О. Генри “A Chaparral Prince” и чеховского «Ваньки»; толстовской «Войны и мира» и романа английской писательницы Джорджетт Хейер “An Infamous Army” («Бесславная армия»), в центре которого — сражение при Ватерлоо. Параллелизм может охватывать соответствующих друг другу действующих лиц, сюжетные ходы и ключевые детали. Существенным является не параллелизм на поверхностном уровне: например, соответствующие друг другу действующие лица могут быть разных полов; или герой в одном из параллельных сюжетов умирает, а в другом остается в живых. Важна структурно-функциональная роль элементов сюжета. Автор делится с читателем своей беседой по этому поводу с Ю. М. Лотманом.

Рассматриваются также три возможных случая возникновения параллельных сюжетов: сознательное использование структуры чужого сюжета, когда автор литературного произведения хочет сказать свое слово в рамках этой структуры; неосознанное использование структуры чужого сюжета; и наконец, конвергенция независимо созданных сюжетов, когда сама логика сюжета у двух авторов приводит к параллельным сюжетным ходам и некоторым совпадающим деталям.

Ключевые слова: параллелизм, сюжетные ходы, ключевые детали, Толстой, Троллоп, Чехов, О. Генри, Джорджетт Хейер, структурно-функциональная роль

Я хочу предварить свою статью пересказом моего разговора с Юрием Михайловичем Лотманом на тему о параллельных сюжетах в середине 70-х годов. Я рассказала ему о том, как я играла со своей тогда семилетней дочкой в такую литературную игру. Загадывается какой-то знакомый литературный сюжет, обычно сказка. Набрасывается только сюжетная канва, герои не называются по имени (даже

пол может не указываться), надо отгадать, какая сказка. Я решила загадать «Золушку». Начала так: «Некое лицо проводило свои дни в грязи, было одето в лохмотья, сносило оскорбления и насмешки от своих родственников, но вот однажды волей случая это лицо попало во дворец в роскошных одеждах, было принято всеми за особу королевской крови...» Тут я увидела в глазах дочери понимание и спросила её: «Ну, ты уже знаешь, как зовут это лицо?» «Да, — ответила она: — Том.» — «Какой Том?!» — «Том Кенти». И только тогда впервые я поняла, что «Золушка» и «Принц и нищий» — параллельные сюжеты.

Юрий Михайлович сказал: «Да, забавно, но вы знаете, ведь это сходство до поры до времени. Как только появляется в «Золушке» туфелька, так всё сходство пропадает». Сперва мне показалось, что так оно и есть, но потом я вспомнила про большую королевскую печать, и Юрий Михайлович признал, что функционально эта печать — та же туфелька.

Заметим, что сперва роль Золушки играет Том, но печать-туфелька оказывается впору не Тому, а принцу Эдуарду: теперь он Золушка. Но это только естественно, поскольку на сюжет «Золушки» наложился мотив двойников.

Я хочу обратить внимание на то, что Лотмана не смутило ни наличие двух Золушек в «Принце и нищем», ни что ни один из мальчиков не отличается такими добродетелями, как Золушка, ни что в «Принце и нищем» корона добывается не путём брака с лицом королевской крови, — его интересовала структурно-функциональная туфелька.

Итак, я буду стараться, разбирая обещанные сюжетные параллели, показать, что сходство сюжетов не поверхностное, а структурно-функциональное, сходство не характеров или, грубо говоря, «чем кончается» или «кто с кем остаётся», а, так сказать, расстановки сил.

Итак. Параллель первая: «Анна Каренина» Толстого и “Can You Forgive Her?” («Можете ли вы простить её?») Троллопа. “Can You Forgive Her?” опубликовано в 1864 г., «Анна Каренина» в 1878 г. Известно, что Толстой читал Троллопа, любил его, ценил необычайно, писал в дневнике: «О, если б писать, как Троллоп»; в 1865 г. Толстой пишет в дневнике: «Троллоп убивает меня своим мастерством!» [Толстой 1952: 62]. Известно, что вообще английские романы были для него источником вдохновения. Софья Андреевна в своём дневнике от 23 октября 1878 г. пишет: «А я знаю, что когда чтение переходит у Лёвочки в область английских романов, тогда близко к писанию» [Толстая 1978: 100].

Но принято либо говорить вообще о влиянии на Толстого английского семейного романа, либо о том, как он ценил Троллопа, либо искать источники Толстого где угодно: у Стерна или, как Эйхенбаум, даже у Поль де Кока и Дюма-сына, — или сравнивать «Анну Каренину» (или противопоставлять её), как делают Шкловский и Набоков, с «Мадам Бовари» Флобера, но нигде, ни в английских источниках, ни в русских до 1995 г., когда я начала работать над этим текстом, не могла я найти сопоставления именно этих двух романов. Давайте посмотрим. Скажу сразу, что «Анна» у Троллопа под поезд не бросается и даже вообще не уходит от «Каренина».

Но, как мы уже договорились, такого рода событийные несовпадения нас смущать не должны. Я принимаю за данное, что все мои читатели хорошо знают «Анну Каренину», но не все чита**л**и “Can You Forgive Her?”. Какова же расстановка сил в этом романе Троллопа?

Леди Гленкора, молодая, полная жизни женщина, принадлежащая к высшему свету, замужем за аристократом старше себя, не отличающимся ни заметной внешностью, ни особенными талантами; он сухарь, он скучен, хотя и честен, его не особенно интересует жена, его интересует политика, она занимает все его мысли, он пытается увлечь политикой жену, он хочет, он надеется войти в правительство и послужить обществу. Леди Гленкора его не любит, она ещё до брака любила Бурго Фитцджеральда, молодого, красивого и блестящего, но обедневшего аристократа. А у восемнадцатилетней Гленкоры были деньги. И все её родные и опекуны скопом навалились на неё и объяснили, что этот брак невозможен, что Бурго хочет на ней жениться только из-за денег, что он пьёт, что он промотал своё состояние в карты, что ему нельзя доверить свою судьбу, потому что она будет с ним несчастлива, он будет плохо с ней обращаться, возможно, даже будет её бить. Её заставляют расстаться с Бурго и выдают замуж за наследника герцогского титула Плантагенета Паллисера. Теперь она несчастна с ним. И думает: «Лучше быть избитой Бурго, чем чтобы тебе в час ночи объясняли про политику». Есть эпизод, где Троллоп показывает нам, как Плантагенет Паллисер готовит свою речь в парламенте — нельзя не вспомнить, как Каренин готовит свой доклад про инородцев. К слову сказать, американский справочник по кинофильмам так аннотирует фильм «Анна Каренина»: “A neglected wife runs away with a dashing officer” («заброшенная мужем жена убегает с блестящим офицером»). В романе “Can You Forgive Her?” “neglected wife” присутствует. Присутствует dashing Бурго. Между прочим, мы знакомимся с Бурго не то, чтобы на скачках, но на охоте, похожей на скачки, когда он падает вместе с лошадью, — на нём ни царапины, а лошадь гибнет. И Троллоп делает здесь большое отступление насчёт того, как Бурго не способен ни о ком, кроме себя, думать или заботиться.

Бурго преследует Гленкору. Он хочет с ней бежать. Она мучается, сомневается. Они встречаются в гостях и на балах. Весь свет за ними следит и сплетничает. Аморальная великосветская родственница Бурго («Бетси Тверская») готова ему содействовать. Немолодая чопорная ханжа, приятельница Плантагенета, мужа Гленкоры («графиня Лидия»), следит за ней и доносит ему на неё. Гленкора в своих мечтах видит себя вместе с Бурго в Италии. У неё дома есть картина, акварель: Рафаэль и его Форнарина. Вот и они с Бурго, как Рафаэль и Форнарина, уехали бы в Италию, сидела бы она меж мраморных колонн, увитых виноградом, а он, как Рафаэль, примостился бы у её ног. Как они были бы счастливы. Бурго любит её, а муж её не знает, что такое любить женщину. Он хочет только иметь сына, наследника, но судьба не посылает им ребёнка. Она никому не нужна, долга своего (родить сына) она не выполнила, мужу будет только лучше, если она его оставит, а она пусть станет падшей женщиной, и пусть все от неё отвернутся, ей себя не

жалко. Но Гленкора не оставляет мужа: у них происходит объяснение, она ему говорит если не обо всех, то о многих из этих мыслей, он мужественно бросает свою политику и уезжает с ней за границу. В конце романа она рожает ему наследника, а он получает должность министра. Несчастный Бурго опускается на дно жизни. Как мы видим, событийно и в характерах много несовпадений — но расстановка сил похожа настолько, что возможность случайности, мне кажется, отпадает. Я бы сказала, что Толстой своим романом как бы, отталкиваясь от Троллопа, создаёт альтернативную реальность и показывает, «что было бы, если бы...». Вот Гленкора считает, что если б был сын, и она нужна была бы сыну, ей бы и в голову не пришло бежать. Или, скажем, всё упирается в то, что у Бурго нет денег, или Гленкора думает, какое было бы счастье уехать с Бурго в Италию. А Толстой показывает, что вот есть у Анны сын, но если нет в браке любви, то ничего хорошего всё равно не будет. Но не будет ничего хорошего и если Анна уйдёт к Вронскому, хотя у него есть деньги, и они уезжают с ним в эту заветную Италию, и Вронский пишет картины, прямо как Рафаэль-Бурго из грёз Гленкоры.

Надо сказать, что на этом сюжетные параллели не кончаются. Есть у Троллопа и вторая пара (как бы «вместо» Кити и Левина): Алиса — дальняя родственница Гленкоры и мистер Грей — помещик, живёт в своём поместье отшельником, читает, наслаждается сельским покоем (правда, не косит вместе с крестьянами, поскольку кого-кого, а вот крестьян у Троллопа нет), изредка пишет какую-нибудь статью, в Лондон приезжает только за книгами и повидаться со старыми университетскими приятелями. Он исключительно положительный герой. Общественной деятельностью заниматься не хочет. Хочет тишины и уединения. Любит Алису, был с ней помолвлен, но она помолвку разорвала, решила, что она создана для чего-то большего. Обручилась с другим, у которого были политические амбиции, и она видела себя в не лишённых тщеславия мечтах женой политика, участвующей в его деятельности. Мистер Грей не вырывает её из своего сердца, а ждёт, когда Алиса осознает своё заблуждение. Троллоп пишет: «Ему так же странно было бы вырвать её из своего сердца за то, что она так с ним поступила, как было бы странно отрезать себе ногу, если на ней растянуто сухожилие.» Кто не помнит, как Левин осознал после первой семейной ссоры с Кити, что сделать ей больно это всё равно как ударить себя по голове. Ну что говорить, Алиса осознаёт, что её избранник — совсем не то, что она думала, понимает, что она всегда любила мистера Грея, но считает теперь себя недостойной его после того, как она так ужасно, так неженственно, поступила — разорвала помолвку. Между прочим, в названии романа «Можете ли вы простить её?» речь идёт не о Гленкоре, которая собиралась убежать от мужа — ведь не убежала же! — а именно об Алисе, совершившей этот страшный грех — разорвать помолвку. Но все её уговаривают, мистер Грей отказа не принимает, и Алиса в конце концов соглашается стать его женой, а мистер Грей, между прочим, согласен баллотироваться в члены парламента — его уговорил Плантагенет, муж Гленкоры. Ну, мы знаем, что вышло из попытки Левина участвовать в жизни земства. И это естественно: Троллоп считал, что ничего нет

более замечательного, чем быть членом парламента, и сам об этом мечтал всю жизнь. А Толстой, как это отмечают многие исследователи, вообще с подозрением относится к попыткам героя проявить себя в общественной жизни и на политическом поприще, они кажутся ему искусственными. Рост героя должен, по Толстому, происходить в духовной сфере.

Повторяю снова, что несмотря на такие разительные совпадения в структуре, в расстановке сил, в сюжетных функциях героев — мне, когда я взялась за эту тему, не приходилось ничего читать о сопоставлении именно этих двух романов. Я думала, что, может быть, русским исследователям неприятно говорить о таком явном английском источнике не просто романа, а гордости русской литературы. Я с надеждой кинулась читать обнаруженную мною английскую статью "Tolstoy's master. The case of Trollope" [Watson 1993], но нашла там только общие слова о том, что Толстой ценил Троллопа и восторженно о нём отзывался. Интересно, что в книге Сноу "Trollope: His Life and Art" [Snow 1975] говорится, что Толстой во время работы над «Анной Карениной» читал роман Троллопа «Премьер-министр». И вот, пишет Сноу, может быть, сцена самоубийства Лопеза (герой романа «Премьер-министр», исключительно отрицательный, жгучий брюнет с полупортугальскими-полуеврейскими корнями), когда он бросается под поезд, — повлияла на Толстого в изображении самоубийства Анны. Но это сходство совсем другого рода — событийное. Исследователи считают, что на Льва Николаевича повлияло самоубийство за несколько лет до этого неподалёку от Ясной Поляны женщины, по имени Анна, которая бросилась под поезд: её рассечённое тело лежало в анатомическом театре местной больницы, и Толстой видел его.

Интересно, что роман «Премьер-министр» — это продолжение романа «Можете ли вы простить её?», но тем не менее Сноу, которому хочется, чтоб Толстой что-то взял от Троллопа, об этом романе и не вспоминает. Сноу пишет, что, возможно, Толстой внимательно изучал ту сцену романа, где Лопез бросается под поезд, поскольку англичане признанные авторитеты в области поездов и железных дорог.

С технически-железнодорожной точки зрения, у Троллопа, конечно, совсем другая картина отчуждённой от человека системы развилок и развязок, в которой постороннему человеку ничего нельзя понять. В ней нет места мужичкам, которые ходят и обстукивают поезд, да ещё в чьих-то снах говорят по-французски. В психологию и мысли героя автор не вникает, и нет у Лопеза в руках красного мешочка. Но напряжение Троллоп создаёт, надо сказать, очень сильное, растягивая на несколько страниц последние часы жизни Лопеза и прослеживая его путь шаг за шагом, как это делает и Толстой с Анной.

Я могла бы ещё долго говорить о сопоставлении «Анны Карениной» и «Можете ли вы простить её?» — меня это сходство не перестаёт поражать, но я должна рассказать и об обещанном параллелизме у Чехова и О. Генри. Опять же я буду ориентироваться на то, что читатель помнит «Ваньку» Чехова (между прочим, у него два рассказа «Ванька», но я имею в виду рассказ про Ваньку Жукова, который все в России проходили в школе).

Итак, Ваньке — девять лет. Лене — героине рассказа О. Генри “Prince of Chaparral” [O. Henry 1907] — одиннадцать. Ваньку отдал в услужение в город дедушка, Лену — родители. У Ваньки нет сапог, а на улице мороз, он тоскует, хозяйка взяла селёдку и ейной мордой ткнула ему в харю. Лена тоскует, хозяйка её ругала ни за что и отобрала у неё любимую книжку «Сказки братьев Гримм». Ванька вспоминает, какая замечательная у господ на Рождество была ёлка, у О. Генри действие происходит под Рождество. Но вслед за Лотманом, для которого «Золушка» без туфельки не «Золушка», никакой русский читатель не признает сходство с рассказом про Ваньку существенным без письма «на деревню дедушке». И я не стала бы занимать внимание моих читателей, если б не было письма. Письмо есть. Но поскольку Лена старше и более цивилизована, письмо с правильным адресом. Тем не менее, его функция в сюжете О. Генри тоже ключевая. А именно: разбойники с большой дороги нападают на почтовый экипаж, письма все вскрываются — грабители ищут денег, письмо Лены попадает к разбойнику с чувствительным сердцем, прочтя его, он выкрадывает Лену у её хозяев и на белом коне привозит родителям. Рассказ Чехова написан раньше и был переведён на французский и немецкий ещё при его жизни. Но нет свидетельств, у меня, по крайней мере, что он был переведён на английский язык раньше 1912 г., а рассказ “Prince of Chaparral” написан в 1907. Теоретически О. Генри мог быть как-то ознакомлен с рассказом «Ванька». Но я этого не думаю. Мне представляется, что здесь мы видим, как действуют скрытые пружины механизма сюжетосложения. Для жанров обоих рассказчиков характерно и вполне естественно обращение к теме ребёнка в услужении и как ему это тяжело, и, возможно, такая завязка, как иголка нитку, тянет за собой мотив письма, а уж если письмо висит, то оно должно выстрелить — то-бишь как-то быть обыграно — у Чехова безнадёжно, хотя с некоторым подобием усмешки («на деревню дедушке») — а у О. Генри сентиментально-слащаво, я бы сказала. Я очень люблю О. Генри, но этот рассказ, по-моему, из самых его неудачных. Хотя для нашего исследования это не имеет никакого значения. Как для лингвистики никакой слой языка, никакая даже самая ненормативная лексика не являются недостойными изучения, так и в деле сравнения сюжетов неважно, что одно произведение, так сказать, «высокое», а другое — «низкое».

Я хочу в заключение упомянуть о случае параллелизма, который я с трудом могу объяснить. На первый взгляд, ничего, кроме плагиата, не может быть, и, тем не менее, я уверена, что это не плагиат. Есть такая английская писательница Джорджетт Хейер (Georgette Heyer, 1902–1974). Она имела несчастье стать знаменитой в жанре “historical romance”. Считается хорошим тоном не принимать её всерьёз. Тем не менее, её книги это не “trash”, как, скажем, книги Барбары Картланд. У Джорджетт Хейер есть перо и литературный вкус. Она написала несколько великолепных детективов — ничуть не хуже Агаты Кристи, которая, кстати, считается вполне достойным и очень частым объектом сюжетоведения. У неё прелестный остроумный диалог, и она является безусловным мастером занимательного сюжета. Её эрудиция в истории Англии была невероятна, её домашняя библиотека

насчитывала тысячи томов по истории костюма, быта, еды, языка, военного искусства, техники и т. д. География, хронология, быт, одежда, обычаи и язык её героев исторически точны до мельчайших деталей. В поддержку своего мнения о Хейер я приведу мнение известнейшей английской писательницы-модернистки, критика и профессора английской литературы Антонии-Сьюзен Ба́йатт, которая написала статью “An honourable escape: Georgette Heyer”, где мужественно признаётся, что всегда была почитательницей Джорджетт Хейер, и старается убедить читателя, что это в высшей степени достойная писательница. В качестве одного из аргументов она приводит исторический роман Хейер “Infamous Army” о битве при Ватерлоо, который рекомендуют британским школьникам для внеклассного чтения по истории Англии и на который ссылаются биографы герцога Веллингтона. И не знаю, скрывает Байатт от читателя или не заметила она этого — но сюжет этой вещи в главных чертах повторяет «Войну и мир». (В биографии Хейер, кстати, сказано, что у неё были русские корни, и она любила и хорошо знала русскую литературу XIX века.) Причём я не имею в виду композицию, военные сцены, перемежающиеся с мирными, — в этом смысле любой роман про войну и мир ассоциируется с «Войной и миром» Толстого. Например, “Gone with the Wind”. Нет, здесь совпадения более разительные. Например, начинается роман разговором о Бонапарте в салоне английской дамы в Брюсселе. Употребляется слово “salon”. Героиня романа Барбара — очаровательная живая дерзкая женщина, покоряющая все сердца. Нет, не девочка, а молодая вдова. У неё нет родителей, но есть три брата. Два брата близки ей эмоционально — один, Джордж, немного старше её, офицер, который любит покутить с друзьями и вечно в долгу. Другой, Гарри — совсем молоденький, но тоже уже офицер и мечтает скорее поучаствовать в военных действиях. Как только для нас начинает сквозь Брюссель и английский язык проглядывать канва «Войны и мира», мы понимаем, что он, как и Петя Ростов, не жилец. Забегая вперёд, скажу, что так оно и есть. А третий брат, самый старший, и жена его — скучные, холодные, сухие, расчётливые, неприятные люди, причём недостаточно патриотичные: они бегут из Брюсселя при первой же опасности. Эта пара — на ролях Веры и Берга.

Барбара встречает на балу Чарльза, блестящего офицера, адъютанта фельдмаршала, герцога Веллингтона. Он постарше и посерьёзнее её. И очень-очень положительный. Но не скучный. Это любовь с первого взгляда. Они помолвлены. Но ему часто приходится отлучаться из Брюсселя, когда его призывает фельдмаршал. Барбара без него не может найти себе места, говорит: «Давай скорее поженимся», но какая же свадьба, когда Бонапарт на подходе. Тогда Барбара очень сильно флиртует с другим, и помолвка расстраивается. Тем более, что двое близких родственников Чарльза с самого начала Барбару невзлюбили. Нет, не отец и сестра, а старший брат и его жена Джудит. Барбара раскаивается и хочет помириться, но поздно: он уже на поле битвы. В Брюссель привозят раненых. Джудит (невестка Чарльза) и Барбара вместе самоотверженно ухаживают за ранеными. Джудит понимает, что в душе Барбара очень хорошая, они сближаются. Тут привозят тяжело раненного Чарльза без сознания, и левую руку он потерял. Но у нас есть надежда,

что он выживет, хотя бы потому, что в одном из ранних вариантов «Войны и мира» Толстой оставляет князя Андрея в живых. Правда, всё равно умудряется замуж Наташу выдать не за него, а всё-таки за Пьера. Вот Пьера, надо сказать, у Джорджетт Хейер нет.

Наша надежда оправдывается, Барбара выхаживает Чарльза, они мирятся, обручальное кольцо, которое она ему в своё время вернула, он, оказывается, не выбросил и надевает его ей на палец.

Брат Барбары Джордж тоже выживает, и у Хейер реализуется женитьба Николая не на княжне Марье, а на Соне, девушке ниже его по положению. Только в «Войне и мире» она ниже его тем, что бедна, а у Хейер она как раз при деньгах, но ниже социально. У Джорджа дед герцог и старший брат — маркиз, а у неё дядя — простой коммерсант. Она хорошенькая и безумно Джорджа любит, но простовата. Джудит и Барбара говорят о ней с такой же неуважительной снисходительностью, как княжна Марья и Наташа — о Соне.

Вторичность сюжета по сравнению со знаменитым романом бесспорна. Как это могло произойти? Мисс Хейер была порядочным, до щепетильности, человеком. Сама страдала от того, что у неё бессовестно воровали сюжеты, собиралась даже с кем-то судиться, но не стала, так как доказать факт плагиата очень трудно. Более того, она в предисловии к этому своему роману “Infamous Army” пишет, что боится, что читатели подумают, что она заимствовала что-то у Тэккерея, и, конечно, никто, кто пишет о Ватерлоо, не может полностью избежать влияния «Ярмарки тщеславия», но, по крайней мере, она не перечитывала «Ярмарку» очень давно и помнит только общее впечатление.

Так вот, она боялась быть похожей на Теккерея, а оказалась похожа на Толстого. Заметьте, она боялась упрёков в плагиате. Следовательно, она не осознавала получившегося сходства. Я думаю, что это возможно, как это ни кажется нам невероятным. Ведь как бы англичанин ни знал и ни любил русскую литературу, «Анна Каренина» и «Война и мир» не входят так в его плоть и кровь, как у русского читателя, не так на слуху. Для русского читателя, утверждает Набоков, герои этих книг приятные люди, знакомые, с которыми хочется проводить время и жалко расставаться. Так что мы их всегда узнаем, на каком бы языке они ни заговорили.

А то, что все перечисленные здесь англо-американские сюжеты имеют более счастливый, по сравнению со своими русскими аналогами, конец, то, возможно, это потому, что, как пишет Лотман, русские романы ориентируются на миф, а английские — на волшебную сказку [Лотман 1993: 97].

Источники

Толстая С. А. Дневники. Т. 1. 1862–1900. М.: Художественная литература, 1978. 627 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 48–49. М.: Художественная литература, 1952. XXVI, 536, 307 с.

Henry O. A Chapparal Prince // Heart of the West, 1907.

Heyer G. An Infamous Army. London: Heinemann, 1937. 448 p.

Snow C. P. Trollope: His Life and Art. N. Y.: Scribner, 1975. 191 p.
Trollope A. Can You Forgive Her? London: Chapman a. Hall, 1964–1865. 748 p.
Twain M. The Prince and the Pauper. Boston: James R. Osgood and Co., 1882. 426 p.

Литература

Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. Избранные статьи в 3-х т., т. 3. Таллинн: Александра, 1993, С. 91–106.
Шкловский В. Б. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963. 864 с.
Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.
Byatt A. S. An honorable escape: Georgette Heyer // Passions of the mind, 1992, pp. 233–240.
Watson G. Tolstoy's master: the case of Trollope // Virginia Quarterly Review, 1993, vol. 69, pp. 666–675.

Alexandra Raskina
Independent researcher
(New Orleans, USA)
Sasha.raskina@gmail.com

PARALLEL PLOTS IN RUSSIAN AND ANGLO-AMERICAN LITERATURE: TOLSTOY / TROLLOP, CHEKHOV / O. HENRY AND OTHERS

The author follows the parallelism of plots of several pairs of literary works: Mark Twain's "The Prince and the Pauper" and "Cinderella"; Tolstoy's "Anna Karenina" and the novel "Can You Forgive Her?" by Trollope; O. Henry's story "A Chaparral Prince" and Chekhov's "Vanka"; Tolstoy's "War and Peace" and the novel "An Infamous Army" by the English author Georgette Heyer, centered around the Waterloo battle. The parallelism may encompass characters of the two works corresponding to one another, plot devices, key details. What is essential is not the parallelism at the surface level: for example, the characters corresponding to one another can be of different genders; or the protagonist dies in one of the parallel plots, and remains alive in the other. What is important is the structural and functional role of the elements of the plot. The author shares with the readers her discussion of these questions with Yuri Lotman.

Three possible cases of nascence of parallel plots are considered: conscious use of the structure of another author's plot, when the author of a literary work wants to say a word of his own within the framework of someone else's plot structure; unconscious use of that structure; and, finally, convergence of two independently created plots, when the very logic of the plot leads to parallelism of plot devices and some coincident details.

Keywords: parallelism, plot devices, key details, Tolstoy, Trollope, Chekhov, O. Henry, Georgette Heyer, structural-functional role

References

Byatt A. S. An honorable escape: Georgette Heyer // Passions of the mind, 1992, pp. 233–240.

Eykhenbaum B. M. *Lev Tolstoy: Issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy: Research. Articles]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2009. 252 p.

Lotman Yu. M. [Narrative space of the 19th century Russian novel] *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i v 3–kh tomakh. T. 3*. [Selected papers in 3 vols. Vol. 3]. Tallinn: Aleksandra, 1993. Pp. 91–106. (In Russ).

Shklovskiy V. B. *Lev Tolstoy* [Leo Tolstoy]. Moscow, Molodaia gvardiya Publ., 1963. 864 p.

Snow C. P. Trollope: His Life and Art. N. Y.: Scribner, 1975. 191 p.

Watson G. Tolstoy's master: the case of Trollope // Virginia Quarterly Review, 1993, vol. 69, pp. 666–675.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.29

Е. В. Рахилина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
rakhilina@gmail.com

ВПОЛНЕ ПРИЛИЧНАЯ СТАТЬЯ[1]

Леониду Петровичу — понравившееся

Работа посвящена языковым изменениям как предсказуемым цепочкам семантических сдвигов, мотивированных как в целом, так и на отдельных этапах. Стимулом к наблюдениям над ними стал проект лингвистического комментария к повести М. Ю. Лермонтова «Фаталист», в котором исследовалась природа расхождений между нормой XIX века и современной — прежде всего, в лексике, синтаксисе и конструкциях. В ходе интерпретации этих расхождений комментаторам приходилось тщательно прослеживать всю семантическую историю соответствующих языковых единиц, от момента их появления в языке, обобщая наблюдаемые при этом процессы типологически. Материалом статьи стала семантика слова *приличный* и связанных с ним конструкций в разные периоды его существования в русском языке. Интрига развития *приличный* в том, что как слово русского языка, оно сохранилось с древнерусского периода — кардинально изменив при этом значение и контексты употреблений. В частности, оно развило значения, близкие к грамматическим, прежде всего, оценочному, ср. *приличный* (= ‘хороший’) *костюм* и значению интенсивности, как в *приличная скорость* ‘большая / высокая скорость’ или *приличный рост производительности* ‘высокий рост’. В статье прослежен процесс развития этих высокочастотных употреблений *приличный* и показано, что он семантически мотивирован и следует заранее определенной воспроизводимой стратегии. В качестве аналога рассматриваются другие признаковые слова, близкие *приличный* — такие как *подходящий* или *достойный.* На примере признакового слова близкой семантики *подобный* показано, что отклонения от этой стратегии развития тоже могут быть объяснены.

[1] Данное исследование выполнено при поддержке гранта РНФ No 24-18-00879 «Принципы формирования полисемии и колексификации: границы возможного».

Ключевые слова: русский язык, языковые изменения, конструкции, грамматикализация, семантическая мотивированность

1. Введение

Общая проблема, которая составляет главную тему этой статьи, это проблема семантической мотивированности употреблений лексики. Для синхронных исследований языка проблема мотивированности как таковая стала настолько очевидной, что является сегодня одним из основных тезисов функциональной лингвистики в целом и Московской семантической школы, к которой принадлежит Леонид Петрович, в частности. Московская семантическая школа делает акцент как как раз на мотивированности языкового поведения **лексики**. Речь идет о том, что форма и сочетаемость языковой единицы (лексемы) никогда не произвольна — она определяется и объясняется значением, которое в нее вложено. Для доказательства этого тезиса развернуты обширные семантико-синтаксические исследования управления лексических единиц, связанных с ними конструкций, глагольной акциональности, порядка слов и других, самых разных языковых явлений. Постепенно, благодаря этим исследованиям в каждой данной зоне обнаруживается непосредственная связь семантики с поверхностными процессами и ограничениями: достаточно упомянуть такие работы, как, например, [Wierzbicka 1988; Апресян 2008; Апресян и др. 2010; Кибрик 2008] и мн. др.

Между тем мотивированность диахронических процессов в лексике пока остается своего рода «challenge»: мы знаем (в том числе и из таких исследований юбиляра, как [Крысин 2008], что значения слов постоянно меняются, но верно ли, что эти изменения каждый раз неслучайны? Если да, то можно ли установить инвентарь механизмов и стратегий, которые управляют этими изменениями — и как они взаимодействуют друг с другом? Языковой материал, который мы привлекли для обсуждения этой темы, очень локальный: наша работа посвящена признаковому слову *приличный / прилично*[2]. В сегодняшнем русском оно **радикально** расширило свою сочетаемость и развило новое значение, которое, судя по данным НКРЯ, успешно вытесняет (а в разговорных текстах и прессе уже и вытеснило) другие его употребления. Это значение достаточно частотно и связано с сопряженными друг с другом идеями:

- ***интенсивности*** (1)
- ***большого количества*** (2) и
- ***оценки*** (3).

[2] Наше исследование истории *прилично* связано с проектом лингвистического комментария к повести М. Ю. Лермонтова «Фаталист», который ведется преподавателями и студентами Школы Лингвистики НИУ ВШЭ. Основными участниками проекта, помимо автора статьи, на разных его этапах были: А. Яскевич (инструментарий, рабочее место, база данных), П. Бычкова (комментарии, идеология проекта), И. Колесниченко (редактор, автор комментариев), Е. Проценюк (редактор), О. Пекелис (автор комментариев, идеология проекта), А. Леонтьева (автор комментариев), И. Рыжаченков (автор сайта и комментариев).

Ср.:

(1) <...> *по Ярославлю кризис* ***прилично ударил*** */ заводы тут притормозились* ... (Встреча сотрудников музея со студентами, 2013

(2) <...> *пятимесячный этот / оклад* <...> *Ну там* ***прилично получается*** */ там... почти полмашины.* (Разговор при встрече, 2014)

(3) *Прикинь / у меня мама вчера ела* ***яблоко****... довольно* ***приличное*** *с виду...* <...> *а там... прям ей в глаза смотрит такой жирный червяк* <...> (Телефонные разговоры московских студенток, 2007)

Между тем прилагательное *приличный* происходит от того же корня, что и имя *лицо* и глагол *приличествовать* со значением ‘подходить, соответствовать’. При этом Словарь XI–XVII вв. свидетельствует, что в древнерусском и среднерусском у *прилично,* наряду с ‘пристойно, уместно, удобно’, параллельно было и значение ‘похожий на’, ср. (4–5). В этом отношении *прилично* похоже на *подобно / подобает*, ср. пример (6) из НКРЯ:

(4) *Опоивши зельемъ нѣкоторого человека,* ***прилично*** *собѣ* [= ‘похожего на себя’], *велѣл в гроб положити вмѣсто себя* (1605)

(5) ***Прилично*** *же убо здѣ помянути слово Григориа Богослова* (1642)

(6) *Онъ же поиде изъ Радонежа изъ своего монастыря въ Серпуховъ, и съглядавъ мѣсто, гдѣ есть* ***подобно*** *и* ***прилично*** *быти манастырю, и молитву сътворивъ, и основаніе церкви положи своима рукама во имя пречистыя Богородици мѣсяца Декабря въ 9 день, зачатіе святыя Анны, егда зачятъ святую Богородицу.* (Никоновская летопись (1362–1424 гг.) (1526–1530))

На первый взгляд кажется, что у этой лексемы произошел своего рода непрогнозируемый семантический скачок, который внезапно вывел ее из естественной семантической колеи, исторически восходящей к существительному *лицо* (*приличный*). «Колея», в которой «находилось» прилагательное *приличный*, связана с развитием идеи соответствия (= подобия) принятым социальным правилам, как в: *приличное / неприличное* [≈ *подобающее / неподобающее*] *слово*. Семантическим дублером по «колее» развития для *приличный* можно считать *подобный / подобающий,* однако только на начальном этапе, тогда как в целом лингвистическая судьба у *подобный* другая, чем у *приличный*: это прилагательное не претерпевает семантического скачка, связанного существенным расширением сочетаемости. Вопрос, на который мы предполагаем ответить — в какой степени семантический скачок, который случился с *приличный*, действительно является непрогнозируемым сдвигом.

Статья состоит из трех разделов, включая введение и заключение. Второй раздел подробно (2.1–2.6) представляет семантическое развитие слова *приличный*, семантика которого формируется благодаря разным конструкциям, в составе которых оно выступает. Показаны переходы от одной конструкции к другой и связи между ними. В заключении подводятся итоги предпринятого исследования.

2. Семантическое развитие слова *приличный*

2.1. Первые употребления

Словарь XI–XVII вв. и данные НКРЯ свидетельствуют, что в древнерусском и среднерусском признаковое слово *приличный* (ср. также *прилично* — как наречие и предикатив) имело значение соответствия и уместности, как в (7–8):

(7) *Аще кто жива в селѣ и рассмотрить мѣсто обчее,* ***прилично мелници*** ['подходящее для мельницы']<...> (Кн. законные, 60. XV в. (~ XII–XIII вв.))

(8) *Мудрый бо муж и разумный может истинну приложити и лжу составити, якоже изрядный писець презнаменает истинну и влагаеть бесѣды нѣкыа* ***приличны времени****.* (Стефанит и Ихнилат (XIV–XV вв.))

Параллельно у *прилично / приличный* было и значение 'похожий на':

(9) *Наидоша князя Феодора Семеновича Бѣлозерьскаго, чающе его великимъ княземъ, понеже* ***приличенъ*** *ему бѣаше.* (Ник.лет. XI, 62 (1380))

(10) *Опоивши зельемъ нѣкоторого человека,* ***прилична*** *собѣ* [= 'похожего на себя'], *велѣл в гроб положити вмѣсто себя* (1605)

Ср. *подобно*, для которого с XII–XIII вв. Словарь русского языка XI–XVII вв. тоже фиксирует и значение уместности — «соответствующий, надлежащий», см. (11) и сходства — «подобный, похожий на кого-что-л., такой же» (12):

(11) <...> *и обрѣте дѣла подобно мужеству своему*. (Флавий. Полон. Иерус. I 30. XV в. ~ XI)

(12) *Клевештаи къ тебѣ на друга твоего, подобьнъ есть закалающууму брата своего.* (Изб. Св. 1076, 452)

2.2. Сужение значения

Первый этап развития семантики *приличный / прилично* — это **сужение значения**, которое произошло в XVIII в. Действительно, в XVIII в. непривычное нам значение сходства уже исчезло, но и в самом значении соответствия видно сужение узуса: судя по (13), еще в середине XVIII в. *прилично* могло применяться не только к людям, но и к неодушевленным объектам:

(13) <...> *имя Астрабатъ* ***рѣкѣ не прилично****, но онымъ можетъ токмо называться городъ, <...>, что доказываетъ окончаніе Абадъ, которое на Персидскомъ языкѣ жилище значитъ*. (Ф. И. Соймонов. Описание Каспийского моря (1763))

Сужение происходит и в синтаксисе: параллельно конструкции с дательным (*приличный кому*) был еще вариант предложной конструкции с *к — прилично к Х-у*, как в Первом послании Ивана Грозного Курбскому (1564): *сие* ***к*** *намъ неприлично*. В XVIII веке предложная конструкция с *к* еще встречается, но в XIX веке обнаруживаются только единичные примеры, и предлог оказывается полностью утрачен.

Заметим, что, как свидетельствует Словарь русского языка XI–XVII вв., предложная конструкция с *к* была в свое время свойственна и *подобный*:

(14) *И узре ту, между двема рекама, гору высоку и мѣсто строино... и красно, и* ***подобно къ*** *поставлению града*. (Каз.лет., 60 XVII в. ~ XVI в.)

Любопытно, что на излете, в начале XVIII в., предложная конструкция с *приличный* фиксируется с именами ***ситуаций***, а не только именами объектов — то есть расширяет свою сочетаемость (уподобляясь *подобно*, ср. (14)):

(15) *А святое Евангелие и Апостол так затверди, чтобы ты всякую речь,* ***приличную к*** *своему* ***розглагольству****, изустно сказати мог.* (И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718–1725))

2.3. Конструкция с инфинитивом

Второй этап развития *приличный / прилично* — это формирование другой, новой конструкции со своим синтаксисом и семантикой. Речь идет об инфинитивной конструкции *(не)прилично кому-то делать что-то.* Первые доступные нам употребления датируются XVII-м веком, но в основном эта конструкция вступает в силу в XVIII веке, ср. (16–17):

(16) ***Прилично*** *же убо здѣ* ***помянути*** *слово Григориа Богослова* (1642)

(17) *При такихъ то случаяхъ великую бодрость* ***прилично показывать****: тогда то познаютъ ясно, какóва свóйства разумъ у того, которой правитъ всѣмъ дѣломъ.* (В. К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод с французского] (1745))

Как видим, синтаксический сдвиг к инфинитиву ясно коррелирует здесь с семантическим: Х-у (не) подходит не конкретный объект (что было естественно при актуальной смежности с ‘похож на’), а некоторое действие / состояние. Оно полагается Х-у некоторыми общественными правилами (ср. семантику современного (*не*)*прилично*). Переходными случаями (bridging contexts, в терминах [Heine 2002]) здесь были имена ситуаций, как в (15). Последние употребления старой дативной конструкции — это рубеж XIX–XX вв.

Таким образом лексически и конструкционно разводятся подходящие **объекты** (предметные имена) и подходящие **ситуации** (имена ситуаций), а именно: в узусе *(не)прилично* остается инфинитивная конструкция, которая вводит действия / состояния, а за дативной, с именами объектов, закрепляются другие якорные слова — *годится / подходит кому-то* или *для чего-то*:

(18) ***Годится (подходит*** */* но не: ***прилична)*** *нам эта квартира. Хорошая.* (А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001)

2.4. Опущение датива

Однако и для *прилично* дативная конструкция не пропадает бесследно — она получает новое синтаксическое воплощение, и это третий этап развития *приличный /*

прилично. Он состоит в опущении датива, такие употребления — когда дативная конструкция выступает без датива — фиксируются ориентировочно с 70-х годов XIX века:

(19) — *Но* ***это неприлично****... неприлично...* (А. К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят — щепки летят (1871))
(20) *Положим, и* ***это прилично****... но, понимаешь... не для гостей...* (Н. Позняков. (1889))

Опущение датива дает совсем новый синтаксис: с подлежащим *это*, ср. *это прилично / неприлично* с выхолащивающейся семантикой соответствия конкретному лицу. Новая конструкция имеет оценочную семантику, и в ней вводится оценка как соответствие общим моральным нормам. Так создается база для последующего резкого импликативного перехода: возникшая конструкция вкладывается в целый ряд других, более общих оценочных со структурой *это Adv.* Ср.: *это хорошо / тяжело / странно / глупо...*

2.5. Оценка — интенсив — количество

Одновременно со второй половины XIX века возникает еще одна, квазиграмматическая конструкция в соответствии со стандартной моделью развития оценочных маркеров в интенсив (21) и большое количество (22):

(21) <...> *комиссара Данилку мещанина за едение яиц на улице в прошедший великий пост — опять тоже я весьма и весьма* ***прилично*** [= ‘сильно, интенсивно’] ***поколотил*** <...> (Н. С. Лесков. Божедомы (1868))
(22) *Ведь жил же в гимназии, когда урочишки были...* ***Прилично*** [= ‘долго, большое количество лет’] ***жил****... Костюмчик приличный...* (Н. Г. Гарин-Михайловский. Студенты (1895))

Подробнее о триаде квазиграмматических значений ‘оценка’ — ‘интенсив’ — ‘количество’ и специфике семантического перехода, который приводит к таким значениям, на материале русских признаковых слов рассказано в [Карпова и др. 2010]. Это резкий переход (ср. термин «ребрендинг», введенный в статье для отражения эффекта кардинальной перестройки семантико-синтаксических свойств лексемы, который свойствен такому переходу) от полнозначного признака к принципиально новым значениям, близким к грамматическим и поэтому значительно более бедным в семантическом плане. Базой для него является импликативная связь — в нашем случае между подходящим кому-то и хорошим вообще, безотносительно к конкретному пользователю; в типологическом ключе эта проблема рассмотрена в [Рыжова 2016].

Заметим здесь, что аналогичное развитие претерпел оценочный маркер *достойный* (*/ пристойный*), ср. ту же цепочку переходов, что и у *приличный*: *это* (*не*)*достойно* (конструкция с подлежащим *это*) — *достойный человек* (оценка) — *достойная зарплата* (‘большое количество’). Тот же путь прошел *подходящий /*

подходяще, ср.: *это подходяще*: от соответствия в (23) до оценки (24) и интенсива (25–26):

(23) *Не по-нашему, не* ***подхояще*** *ты дѣлаешь*. (С. В. Максимов. Питерщикъ. (Похожденія кулачка) (1871))

(24) <...> *и* ***учился подходяще*** [‘хорошо’] — *хотелось, очень хотелось закрепиться в жизни, обрести устойчивое в ней место, попасть на чистую конторскую работу.* (В. Астафьев. Веселый солдат (1987–1997) // «Новый Мир», 1998)

(25) <...> *Люди уже* ***подходяще*** [‘в значительной степени’] ***сошли с ума****. Этой же кукле цена — литр молока, и ни грамма больше.* (Г. Щербакова. Реалисты и жлобы (1997))

(26) *Требовалось, право, увеличительное стекло, чтобы рассмотреть, кто же там из наших* ***подходяще*** [‘как следует / интенсивно’] ***шевелится***. (Советский спорт, 19.11.2009)

Еще одним аналогом *подходяще / подходящий* мог бы быть *годно / годный*, но пока он развил только оценочные употребления, ср. *годная попса, годный контент,* а также (27):

(27) *Королеве для хорошего,* ***годного пиара*** *нужна не только сцена, но и свита*. (Комсомольская правда, 24.09.2013)

Что же касается слов *подобный / подобающий*, такого развития они не получили потому, что в их истории не оказалось промежуточной оценочной конструкции *это *(не)подобно / ??неподобающе*: *подобный* сохранил дательный падеж. Таким образом, триггером для радикального сдвига в квазиграмматическую зону интенсификации и большого количества является переход от идеи соответствия конкретному лицу к семантике общей оценки: оценка и сама входит в универсальный грамматический набор. Поэтому для *приличный / прилично* эта квазиграмматическая зона сразу стала быстрорастущей областью применения и в атрибутивных (28–29), и в адвербиальных контекстах (31–32):

(28) <...> *по нашему примеру взялся он за коммерцию для приобретения себе* ***приличного*** [‘значительного’] ***состояния****.* (Д. И. Фонвизин. Перевод с французского (1769))

(29) <...> *наш обер-провиантмейстер* <...> *не позаботился приготовить тебе для первого знакомства* ***приличное*** [‘хорошее’] ***угощение****!* (В. П. Авенариус. Отроческие годы Пушкина (1886))

(30) *При начальнике каждого учебного заведения с начала настоящего учебного года состоит штат частных шпионов с* ***приличным*** [‘достаточно большим’] ***жалованием*** <...>. («Народная воля», 1885)

(31) *Если он подходил к ней, она* ***прилично*** [‘далеко / намного’] ***отодвигалась*** *и давала ему подле себя место*. (И. А. Гончаров. Обрыв (1869))

(32) *Ведь жил же в гимназии, когда урочишки были...* ***Прилично*** [‘хорошо’] ***жил****... Костюмчик приличный...* (Н. Г. Гарин-Михайловский. Студенты (1895))

3. Заключение

В этой работе мы предложили опыт своего рода мониторинга семантических изменений для одного признакового слова — *прилично* / *приличный*. Обратить внимание на него нам удалось благодаря сопоставлению контекстов классической литературы XIX века с современными в рамках проекта по лингвистическому комментированию повести «Фаталист». Однако чтобы понять, что происходило со словом за эти двести лет, пришлось привлечь более ранние данные. Получившаяся картина выглядит непоследовательно: так, в ходе эволюции исходной семантики соответствия / сходства в XVIII веке образовалась новая инфинитивная конструкция, но источником самой продуктивной на сегодня модели стала не она. Источником продуктивных квазиграмматических употреблений оказалась ... исчезнувшая дативная конструкция — уже без датива. Опущение датива превратило конструкцию в оценочную, встроив ее в семейство конструкций с подлежащим *это*, в котором якорным параметром предикативного слота является оценка: *это хорошо, плохо, замечательно* и проч. и — *это прилично*. Новое семейство обусловило сдвиг значения *приличный* в оценочную зону и спровоцировало его дальнейшую грамматикализацию — а именно, превращение в маркер интенсивности и большого количества. Таким образом, лингвистическая история *приличный* выглядит так, как если бы реорганизация его семантики и синтаксиса происходила по некоторому заданному сценарию, как серия движений к заранее заготовленным «семантическим нишам» — вроде лунок при игре в гольф. Конечно, это всего лишь метафора мотивированности диахронических процессов. Однако такой взгляд предполагает, что исследуя их, мы должны отмечать и квалифицировать каждый семантический и синтаксический сдвиг. Между тем именно сбор данных такого рода ведет к построению диахронической типологии, то есть выявлению типичных паттернов, которым следуют в своем развитии сходные лексемы и конструкции.

Литература

Апресян Ю. Д. О семантической мотивированности лексических функций-коллокатов // Вопросы языкознания. 2008, № 5. С. 3–33.

Апресян Ю. Д. (ред.). Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: ЯСК, 2010.

Карпова О. С., *Рахилина Е. В.*, *Резникова Т. И.* Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Е. В. Рахилина (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 398–455.

Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008, № 4. С. 51–77.

Крысин Л. П. (ред.). Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: ЯСК, 2008.

Рыжова Д. А. Фантастическая конференция, *чудовищный доклад*: формирование оценочных значений на базе русской признаковой лексики // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016, № 4. С. 178–192.

Heine B. On the role of context in grammaticalization. In Wischer, Ilse & Gabriele Diewald (eds.) New reflections on grammaticalization. (Typological Studies in Language, 49.) Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2002, pp. 83–101.

Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam: Benjamins, 1988.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–.

E. V. Rakhilina
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
HSE University
(Russia, Moscow)
rakhilina@gmail.com

QUITE DECENT ARTICLE

The work is devoted to linguistic changes as predictable chains of semantic shifts, motivated both in general and at individual stages. The incentive to observe them was the project of a linguistic commentary on M. Yu. Lermontov's novel "The Fatalist", which explored the nature of discrepancies between the norm of the 19th century and modern times, primarily in vocabulary, syntax, and constructions. In the course of interpreting these discrepancies, commentators had to carefully trace the entire semantic history of the corresponding linguistic units, from the moment they appeared in the language, summarizing the processes observed typologically. The article's material is the semantics of the word *приличный* 'decent' and related constructions in different periods of its existence in the Russian language. The curious development of the word *приличный* is that as a word of the Russian language, it has been preserved since the Old Russian period, radically changing the meaning and contexts of usage. In particular, it has developed meanings close to grammatical, primarily evaluative, cf. *приличный костюм* (= 'good suit') and the meaning of intensity, as in *приличная скорость* 'high speed' or *приличный рост производительности* 'high productivity growth'. The article traces the development process of these high-frequency uses of *приличный* and shows that it is semantically motivated and follows a predetermined reproducible strategy. As an analogue, other characteristic words are considered, which are close to *приличный* — such as *подходящий* 'appropriate' or *достойный* 'worthy'. It is shown that deviations from this development strategy — cf. *подобный* 'similar', can also be explained.

Keywords: Russian language, language change, constructions, grammaticalization, semantic motivation

References

Apresyan Yu. D. [On semantic motivation of lexical functions-collocates]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues in linguistics], 2008, no. 5, pp. 3–33. (In Russ.)

Heine, Bernd 2002. On the role of context in grammaticalization. In Wischer, Ilse & Gabriele Diewald (eds.) *New reflections on grammaticalization.* (Typological Studies in Language, 49.), Amsterdam, Philadelphia: Benjamins. 2002, pp. 83–101.

Karpova O. S., Rakhilina E. V., Reznikova T. I. [Semantic transitions in attributive constructions: metaphor, metonymy, and rebrending]. E. V. Rakhilina (ed.). *Lingvistika konstruktsii* [Construction grammar], Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 398–455. (In Russ.)

Kibrik A. E. [Linguistic reconstruction of cognitive structure]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues in linguistics], 2008, no. 4, pp. 51–77. (In Russ.)

Krysin L. P. S*ovremennyi russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language: active processes at the turn of XX–XXI centuries]. Moscow, LRC Publ., 2008. (In Russ.)

Ryzhova D. A. [*Fantastic conference*, *horrible report*: formation of evaluative values based on Russian attributive lexicon]. *Lomonosov Philology Journal* [Bulletin of Lomonosov Moscow State University. Series 9: Philology], 2016, no. 4, pp. 178–192. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [The Russian Language Dictionary of the 11–17th c.] (Vols. 1–). S. G. Barkhudarov, V. B. Krys'ko et al. (Eds.). Moscow, Nauka Publ., Azbukovnik Publ., 1975–. (In Russ.)

Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya [Theoretical aspects of Russian syntax: Interaction of grammar and vocabulary]. Yu. D. Apresyan (ed.). Moscow, LRC Publ., 2010. (In Russ.)

Wierzbicka A. *The semantics of grammar*. Amsterdam: Benjamins, 1988.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.30

Н. Н. Розанова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
ninarozanova13@yandex.ru

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»

В статье рассматривается вопрос о словарном представлении особенностей разговорной фонетики в Толковом словаре русской разговорной речи. В ТСРР информация о некоторых сегментно-звуковых и суперсегментных свойствах разговорных слов содержится в зоне PRAGM. При этом далеко не все фонетические разговорные явления должны включаться в лексикографическое описание. Однако для некоторых групп разговорной лексики такая информация является актуальной. В разговорной речи (РР) существует значительный пласт слов (в большинстве своем относящихся к разряду незнаменательной и полузнаменательной лексики), для которых варианты произношения со слоговой редукцией употребляются в РР в качестве разговорных лексических дублетов (*щас, ваще, грит, рупь, пийсят* и др.). Слоговой эллипсис — это маркер их разговорности. К другой группе лексических единиц, требующих фонетического комментария, относятся слова, звуковые и просодические свойства которых указывают на сдвиги в их значении, появление новых смысловых оттенков, изменение их грамматических признаков и т. п. Сильный слоговой эллипсис не всегда обусловлен слабой фразовой позицией. Для некоторых лексем, выступающих в роли междометий, слоговая редукция в сочетании с акцентным выделением и определенным мелодическим рисунком являются маркерами эмоционально-экспрессивного усиления высказывания (*Щас! Ва-а-ще!*). В РР показателями сдвига в значении слова являются не только его сегментно-звуковые свойства, но и просодия, в частности такие явления, как наличие или отсутствие фразового акцента на слове, его мелодический рисунок, растяжка гласного и т. п. В подробном фонетическом комментарии в наибольшей степени нуждаются различные незнаменательные и полузнаменательные слова, главным образом, междометия и частицы. Нередко именно интонация и особенности звукового состава определяют их семантику и речевые функции.

Ключевые слова: разговорная речь, разговорная фонетика, прагматика, семантика, лексикография

1. Предварительные замечания

О необходимости серьезного лексикографического описания русской разговорной речи исследователи говорили с самого начала ее активного изучения в конце 60-х — начале 70-х гг. XX века. Так, в одном из томов коллективной монографии «Русская разговорная речь» отмечалось: «Представить в полном объеме все семантические различия РР и КЛЯ можно будет лишь после составления достаточно полного словаря разговорной речи» [РРР-1983: 172]. Однако ясно было и то, что для постановки и решения такой задачи необходимо сначала обратиться к изучению разговорной речи на всех ее уровнях, используя материалы реального повседневного непринужденного общения. В результате активной исследовательской работы к началу XXI века был создан целый ряд фундаментальных трудов в области коллоквиалистики. Представленное в них описание богатого аутентичного материала и его теоретическое осмысление давали возможность «конвертировать» уже накопленные факты в лексикографическую форму.

Идея создания Толкового словаря русской разговорной речи и разработка теоретической базы для него принадлежала Леониду Петровичу Крысину. Он и возглавил этот новый проект Отдела современного русского языка ИРЯ РАН в 2007 году. Необходимо заметить, что начало работы над словарем не было легким. Открою секрет: многие из нас, сотрудников отдела, отнеслись к этой идее весьма скептически, понимая, какая сложная и трудоемкая работа предстоит. Ведь для адекватного толкования того или иного значения слова исследователь должен буквально «погрузиться» в типовую ситуацию. Ранее уже отмечалось, что отличные от КЛЯ условия функционирования слов создают иные возможности для их сочетания: «Изменение обычной (нестандартной) сочетаемости слов в РР ведет к образованию разнообразных ситуативных значений слова и появлению в семантической структуре слова новых сем» [РРР-1983: 172]. В общем, поначалу нашему заведующему приходилось преодолевать не только «сопротивление самого языкового материала», но и коллег-разговорников, работавших с этим материалом. Обсуждения проекта Словаря проходили бурно, высказывалось много возражений, замечаний, которые Леонид Петрович принимал к сведению, со многими из них соглашался, но в одном был непоколебим: словарь нужно делать. Теперь, когда вышло уже пять выпусков ТСРР и готовится шестой, дополнительный выпуск, стало ясно, что появление этого лексикографического труда именно сейчас было совершенно необходимо и своевременно. Об актуальности такого издания Л. П. Крысин написал в Предисловии к 1 выпуску: «Лингвисты пишут о невиданной прежде и нехарактерной для русского языка (вплоть до последней четверти XX века) коллоквиализации публичных сфер общения — то есть насыщения их разговорными элементами. В связи с этими явлениями весьма актуальным становится изучение лексических ресурсов и особенностей русской РР, то есть, в частности, словарное ее описание» [ТСРР, вып. 1: 10].

Работа над словарным описанием современной русской разговорной речи продолжается, разработаны принципы такого описания, структура словарной статьи

(они изложены в Предисловии, его автор — Л. П. Крысин). Однако эти принципы продолжают уточняться и совершенствоваться, поскольку сам объект описания — разговорная речь — постоянно изменяется, расширяются сферы употребления РР в современной коммуникации.

В данной статье обсуждаются некоторые вопросы описания звуковых особенностей разговорной лексики в ТСРР.

2. Виды фонетической информации в ТСРР

Словарная статья в ТСРР, построенная по «зонному принципу», помимо собственно толкования значения, включает другие виды информации: морфологические, синтаксические, стилистические, прагматические свойства слова. Поскольку РР реализуется преимущественно в устной форме, то для многих групп разговорной лексики актуальной является информация об их интонационно-звуковых особенностях.

В нормативных орфоэпических словарях могут содержаться указания на разговорные варианты произношения отдельных частотных слов. Ср.: ОС 1983: **сейча́с** [си^{е}ча́с], нареч. Δ *В разг. речи возможно произношение* [*щас*]; БОС 2023: **ЗДРА́ВСТВУЙТЕ** \\ **[здра́ствуй]те** и допуст. [здра́с’]те, *в беглой речи возможно* [дра́с’]те. Эллиптированное произношение таких слов может встречается и в письменных текстах (обычно художественных) как сигнал разговорности, а нередко и сниженности речи персонажей: — ***Здрасьте**, — робко сказал Гриша, — извините, я того, не одет* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); — *Тебе Попова надо?* ***Щас** будет тебе Попов.* ***Щас** вы с ним встретитесь* (С. Юрский. Бумажник Хофманна). Примечательно, что общая тенденция к распространению разговорных элементов в сфере публичной коммуникации характерна и для произношения[1].

В РР круг таких лексикализованных фонетических форм гораздо шире, и употребляются они наряду с обычными лексемами вне зависимости от фразовой позиции. Редуцированные произносительные варианты слов, относящихся к этой группе, получают письменную фиксацию в разных жанрах современной интернет-коммуникации (чатах, блогах и др.).

Однако для большей части разговорной лексики фонетический эллипсис отдельных звуков, слогов и участков текста является «переменной величиной» и зависит от фразовых условий [см. РРР-1973, 1983; Фонетика спонтанной речи, 1988 и др.]. Подобного рода фонетическая информация, несомненно, является важной, но она не влияет на семантические свойства слов, и поэтому она не включается в лексикографическое описание.

Какие же группы лексических единиц нуждаются в фонетическом комментарии? Это прежде всего слова, для которых эллиптированный вариант произношения

[1] Если сравнить произносительные рекомендации, представленные в [ОС, 1983], с рекомендациями в [БОС, 2023], то можно заметить, что в БОС отдельные случаи эллипсиса признаются уже как допустимые с точки зрения современной кодифицированной нормы. Ср.: [ОС, 1983]: **ты́сяча**, -и <...> *В разг. речи возм.* [ты́ща] — [БОС, 2023]: **ТЫ́СЯЧА**, ты́сячи, мн. ты́сячи, ты́сячам \\ **ты́[с’и^{е}ч’]а** и **ты́[ш’ш’]а**.

является наиболее «естественным», значительная часть их относится к разряду незнаменательных и полузнаменательных. Такие варианты употребляются в РР в качестве разговорных лексических дублетов: сейчас — *щас,* сегодня — *сёдня, сёнь*; рубль — *рупь,* говорит — *грит, гыт* и мн. др. Редуцированное произнесение подобных слов — это маркер их разговорности.

К другой группе лексических единиц, требующих фонетического комментария, относятся слова, звуковые и просодические свойства которых указывают на сдвиги в их значении, появление новых смысловых оттенков, изменение их грамматических признаков и т. п. Так, например, одно из значений частицы *ничего* — усиление отрицания чего-л.: ‘совсем, вовсе не’. В РР для интенсификации этой оценочной характеристики используются такие фонетические средства, как слоговой эллипсис и акцентное выделение каждого слога: *ни́-чё.* Ср.: (Рассказ о поступлении в театральное училище:) *Я ничего не поняла/ потому что ну я не знала что надо делать/ и думаю «ну значит надо бежать»// Потому что* ***ни́-чё́*** *не понимала!* (Запись устной речи, 1973).

Фонетическими причинами обусловлено также появление и распространение (в основном в речи молодежи) нового междометия *фигасе,* образованного в результате слоговой редукции восклицания *Ни фига себе!* Оно произносится с фразовым акцентом и выражает самые разные эмоции: удивление, восхищение, разочарование и т. п. (см. словарную статью **ФИГАСЕ** в ТСРР, вып. 5: 174, автор — Е. В. Какорина). Ср.: *— Мне Гагарина звонила// Сказала что Рита/ замутила роман с танцором// Прямо на глазах всей подтанцовки! —* ***Фига́се****!* ***Фига́се****!* (Телешоу «Love is...» // ТНТ, 2018).

Далее мы остановимся более подробно на некоторых явлениях разговорной фонетики, получивших отражение в словарных статьях ТСРР.

3. Фонетический эллипсис как узуальная норма для РР

Как уже отмечалось выше, для звукового облика многих слов в РР узуальным является наличие нулевой редукции звуков и слогов. Эти эллиптированные варианты не зависят от позиционных условий, они весьма частотны и могут появляться даже под фразовым ударением, независимо от ситуативно-жанровых условий. Ср. фрагменты повседневных бытовых диалогов: *— Тань/ ты мне водички не принесёшь? —* ***Щас****/ погоди немножко// — Вечно у тебя* ***ща́с*** *да* ***ща́с****/ нет чтоб сразу сделать! — Ну* ***чё́*** *ты злишься? Уже иду//* ***Вапще****/ задолбала//*; Ср. также отрывки из различных нарративных жанров: (Из воспоминаний:) *И Николай Палыч Смирнов-Сокольский меня* ***сэршённо****/ очаровал//;* (Актуальный рассказ о жизни на даче:) *У нас тут дача/ с* ***пийся́т*** *шесто́го го́да//*

Сильный фонетический эллипсис частотной лексики — это разговорный узус. Написание таких слов в соответствии с орфографическими правилами во многом дань традиции. На это несовпадение их реального звучания и орфографической традиции исследователи РР давно обратили внимание: «Именно для этой частотной лексики орфографическая передача слова оказывается наиболее устарелой и не соответствующей его фонемному составу» [Борисенко, 1985: 265]. Эту «диспропорцию»

хорошо чувствуют современные участники интернет-форумов, чатов, они стремятся ее устранить, заменяя орфограмму транскриптом слова. Ср., например, многочисленные случаи написания усилительной частицы *прямо* (в 1 знач. ‘в самом деле, именно так’)[2]: *«Цирк дю Солей»... Я* ***прям*** *обзавидовалась* (Поход в цирк // Форум, 2010); *В «Адмирале» в старой части бассейны с подогревом, в маленьком* ***прям*** *горячая* (На чеку. Полезный блог в Воронеже, 2022).

В ТСРР информация о сегментно-звуковых и просодических свойствах слова наряду с другими особенностями его употребления в речи (коммуникативными, ситуационными, социально-психологическими и т. п.) дается в зоне PRAGM. Например, в словарной статье ПРЯМО представлено три значения данной частицы. Для всех трех значений употребление слова с нулевой редукцией конечного гласного отмечается как узуальная норма. Для 1 и 2 значений указывается на безударное произнесение частицы: PRAGM: произносится без ударения; конечный гласный в устной речи обычно опускается (*прям*) [ТСРР, вып. 3: 583].

В 3-м значении это слово имеет иные особенности употребления: оно обычно является отдельной самостоятельной репликой и произносится с ярким фразовым акцентом. Частица *прямо* в этом значении выступает в функции междометия. Ср. фрагмент описания лексемы:

> DEF: употребляется в ответной реплике диалога при возражении собеседнику, выражает несогласие с ним. — *Ты злостная прогульщица! — Да уж* ***прям*** (Из коллекции НКРЯ, 2007); — *Да брось. Сама поймёшь, что смотреть там не на что. Купава цокнула языком: — Ой, да* ***пря-ям*** *уж* (А. Андрианова. Сквозь топь и туман).
>
> PRAGM: обычно является отдельной самостоятельной репликой и произносится с ярким фразовым акцентом; возможна растяжка гласного [там же].

4. Разговорные особенности произношения слова как показатели «сдвигов» в его значении

Звуковой эллипсис, а также другие некодифицированные варианты произношения слова (например, растяжка гласных и согласных) нередко выступают в РР как средство эмоционально-экспрессивного усиления высказывания[3]. Так, например, *сейчас* может употребляться в функции модальной частицы в ответных репликах для выражения категорического несогласия с собеседником или возражения ему с оттенком иронии. В этом значении, несмотря на фразовый акцент, лексема обычно произносится со слоговой редукцией и последующей ассимиляцией согласных: [ш’ас]. Ср.: — *А писали вроде/ что всем ветеранам по семьдесят тыщ выплатят// — Ну да/* ***щас*** *прям// По семь тыщ дали/ и всё//* (Запись устной речи,

[2] См. ТСРР, вып. 3: 583 (автор словарной статьи **ПРЯМО** — Н. Н. Розанова).

[3] Ср.: «РР явно тяготеет к преувеличениям разного рода. И в этом случае мы наблюдаем, как из двух возможностей словоупотребления РР избирает путь интенсификации признака — такие конструкции, которые обозначают не просто шкалу определенного свойства, а именно б о л ь ш у ю с т е п е н ь с в о й с т в а» [РРР-1983: 158]

2015). В интернет-коммуникации подобное написание отражает наиболее частотный вариант произношения слова именно в этом значении: *Вот говорят: «Напилась — веди себя прилично!» Ага,* ***щас****! На фига я тогда вообще пила!?* (Блоги, 2014). Экспрессивный эллипсис нередко поддерживается и другими средствами:

— усилением фразового акцента и растяжкой гласного: *— Я думаю он* [мастер] *сегодня позвонит// — Пря-а-м/* ***Ща-а-с!*** *С чего это вдруг?* (Запись устной речи, 2005).

— использованием специфического приема «звукового балагурства», когда конечный глухой *с* говорящий произносит звонко, нарушая закон нейтрализации звонких и глухих согласных: *щаз*[4]. Ср.: *«Паспорт грит давайте ваш! Проверим!» Ага я думаю/* ***щаз****//* (Разговоры на прогулке, 2006); *Хотят искоренить коррупцию? Ага,* ***щаз****! Пропихнуть сынка денежного папаши по-прежнему можно куда угодно* (Учеба // Форум, 2005).

В текстах художественной литературы и публицистики «усеченный» вариант употребления слова в этом значении нередко представлен в виде соответствующей орфограммы. Могут быть отмечены и другие сигналы разговорной экспрессии: *— Шура! Я туда не пойду! —* ***Щаз!*** *— угрожающе прошипел Шурик...* (Т. Соломатина. Акушер-ХА!).

В РР показателями сдвига в значении слова являются не только его сегментно-звуковые свойства, но и просодия. На необходимость учитывать просодические характеристики лексем при описании их семантических свойств указывали многие исследователи (см., например, библиографию в [В. Апресян, 2025]). Отдельные указания, касающиеся ударности / безударности некоторых незнаменательных слов, включались в толковые словари[5], однако наиболее регулярно и последовательно эта информация представлена впервые в Активном словаре русского языка, работа над которым была начата в 2010 году под руководством Ю. Д. Апресяна. В своих работах он уделял особое внимание роли фразовых акцентов при семантическом анализе многозначных слов. Рассматривая многочисленные

[4] Ср. описание этого приема языковой игры: «В этих случаях произношение звонкого согласного на конце может совпадать с написанием слова (*арбу*[з], *инвали*[д]), а может отличаться от него (*ма*[г], *арти*[зд], *жу*[д’]). Нетрудно заметить, что в данном случае нейтрализация сохраняется, но это нейтрализация “наизнанку”. Звонкие и глухие согласные в слабой позиции (конец слова) нейтрализуются не в глухих согласных, а в звонких».

[5] Ср. описание некоторых значений частицы ВОТ в [ТСУш]: **5.** Ставится рядом с тем словом, на к-рое падает логическое ударение, для большего его выделения (разг.). *Денег в. дать не обещаю*. **6.** В сочетании с последующими или предшествующими указательными местоим.: тот, этот, такой, таков, и нареч.: там, туда, оттуда, тогда, так, усиливает их указательное значение (причем ударение падает на местоим. или нареч., а в о т произносится без ударения: вот э́тот, э́тот вот, вот та́м и т. д.) [ТСУш, 1935, I: 382]. Ср. также словарную статью ТАК в [ТСОШ]: **14.** [*безударн.*], *частица*. При лексическом повторе выражает интенсивность, полноту действия, признака (*разг.*). *На юге жара т.* (*уж*) *жара.* **16.** [*обычно произносится протяжно*], *частица*. Вот (в 6 знач.), хорошо (см. хороший в 12 знач.) (*разг.*) *Поселились в деревне. Т. Завели свое хозяйство. Стали жить* [ТСОШ, 2007: 968].

случаи лексикализованной просодии, он обосновал необходимость включения этой информации в лексикографическое описание, а также разработал принципы такого описания, см. [Апресян 1995; 2010 и др.].

В ТСРР информация о сегментно-звуковых и просодических характеристиках разговорных лексем, как уже отмечалось выше, дается обычно в зоне PRAGM, где описываются особенности их употребления в различных коммуникативных ситуациях. Л. А. Капанадзе, одна из первых исследовательниц лексико-семантических свойств РР, неоднократно писала о контекстуальной зависимости разговорных лексем, их спаянности с ситуацией. «Мы имеем здесь дело, — замечала она, — с такими случаями, когда ситуативное употребление слова способствует изменению его семантики и “приращению” в его семантической структуре новых сем» [РРР-1983: 166]. Некоторые суперсегментные (как и жесто-мимические) показатели «встраиваются» в контекст, беря на себя, по выражению Л. А. Капанадзе, «роль лексической инструментовки» высказывания [Указ. соч.: 164].

В подробном фонетическом комментарии в наибольшей степени нуждаются различные незнаменательные и полузнаменательные слова, главным образом, междометия и частицы. Нередко именно интонация и особенности звукового состава определяют их семантику и речевые функции[6].

Для иллюстрации рассмотрим фрагменты словарной статьи ВООБЩЕ, которая войдет в дополнительный, шестой, выпуск ТСРР. Полное словарное описание ВООБЩЕ представлено в Активном словаре русского языка (автор статьи — О. А. Богуславская), где отмечены все случаи лексикализованной просодии. См. также: [Апресян, 1995; Инькова, 2018; Кодзасов, 1993]; описание некоторых фонетических свойств лексем дается и в ныне издающемся толковом словаре [АТоС]. В большинстве этих трудов в качестве иллюстрации привлекаются материалы из художественной литературы, СМИ или сконструированные примеры. В отличие от них в ТСРР авторы ориентируются в первую очередь на аутентичные записи устной речи и материалы интернет-чатов, где нередко воспроизводятся многие лексические, грамматические и даже фонетические особенности устно-разговорной коммуникации. Это в основном контексты, воспроизводящие конкретные семантические ситуации, типичные для повседневного речевого взаимодействия. Обращение к таким материалам позволяет выявить варианты употребления лексем и семантические сдвиги, происходящие в условиях живого неподготовленного общения.

Остановимся прежде всего на описании некоторых звуковых особенностей лексем, актуализирующих семантические сдвиги в них. Слово *вообще* относится к высокочастотным, и поэтому в повседневной речи обычно произносится со

[6] В монографии [Шаронов 2008] справедливо отмечается, что для семантики и прагматики междометий чрезвычайно важным оказывается их звуковой состав и интонационное оформление. Особенно важен анализ фонетических свойств для первичных эмоциональных междометий. В этой группе выделяется значительное число междометий, характеризующихся «неканоничной фонетикой». По мнению автора, наиболее важную роль здесь играют интонационные и фонационные особенности [Указ. соч.: 32].

слоговым эллипсисом, независимо от значения, частеречной принадлежности или фразовой позиции. Вариативность употребления слова отражается в заголовочной части словарной статьи, где представлены наиболее типичные варианты фонетических деформаций. Эти варианты нередко встречаются и в письменных текстах, поэтому они даются в иллюстративных примерах к каждой лексеме (см. далее). Однако просодические характеристики лексем индивидуальны и указывают на сдвиги в их значении. Ср.:

ВООБЩЕ, ВОБЩЕ, ВОЩЕ, ВАЩЕ[7].

1. DEF: в итоге, в довершение к сказанному. (Обсуждают, куда пойти на выходные:) *Не хочу я ни на выставку/ ни в театр/ дома останусь//* Да и ***вапщé*** *мне всё осточертело/ ни-че-го не хочу//*; *А там ледок у берега/ ну и* ***вапщé*** *идти погано//*; (О смерти известной актрисы:) *Для нас это очень большая потеря/ а для меня конечно особенно/ потому что... как-то мой большой старший друг// И* ***вообще****/ за эти годы/ вот теперь/ уходят/ уходят/ ушли все//* (Записи устной речи, 2015; 1991, 1973); *Ну хорошо/ а почему вы пришли ко мне/ ну почему? Идите в райком/* ***вобще-е****/ идите куда хотите//* (К/ф «Короткие встречи», 1967).

MORPH: *нареч.*

PRAGM: выделяется фразовым акцентом, который может усиливаться растяжкой гласного или дополнительным выделением слова в самостоятельную синтагму; в устной повседневной речи и в письменных текстах, ее имитирующих, последняя часть высказывания может опускаться: *Я понимаю/ что говорят* [по-азербайджански]*/ по большей части/ но что-то не понимаю// Ну/ в школе как-то учили* [недостаточно хорошо]*/ и* ***вообще***// (Из коллекции НКРЯ, 2016); *Где бы вы сейчас ни находились, милые, дай вам бог здоровья, и* ***вапще*** (КП, 26.09.2007).

4. DEF: о том, что не произошло, не может произойти, не произойдет ни при каких условиях. (О летнем отдыхе на даче:) *То что сеет моя сестра/ она очень обижается/* ***вообщé*** *не всходит//*; (О загрязнении реки:) *Мы тогда* ***вобщé****/* [не могли] *ни купаться/ ни... ни руки помыть//* (Записи устной речи, 1991; 1993); *В какой-то момент у нас* ***ваще*** *не осталось денег, ну вот* ***ваще-ваще...*** (Как выживали в 90-е. Воспоминания из соцсетей, 23.03.2020).

MORPH: *нареч.*

SYNT: обычно находится в высказывании перед глаголом, выражающим или подразумевающим отрицание.

PRAGM: выделяется фразовым акцентом.

5. DEF: выражает высокую степень положительной или отрицательной оценки кого-чего-л.: совсем, в полной мере. (Подруги в магазине меряют платья:)

[7] Необходимо отметить, что в этом слове, как и в других лексических единицах в ТСРР представлены только те значения, которые «присущи ему как единице разговорной речи» [Толковый словарь... Проспект, 2010: 13]. Такой подход соответствует принципу дифференциальности словарного описания, принятому в ТСРР. Для экономии места статья приводится в сокращенном виде.

— Ну как/ Тань? — Вот это бери! Ну то [которое примеряла раньше] *тоже неплохое/ но это* ***ва-а-ще́*** *классное! Бери//*; *Нормально время-то провели* [на свадьбе]*? —* ***Ваще́*** *отлично//* (Из коллекции НКРЯ, 2014); *— Ну/ народ у нас* ***вобще́*** *прекрасный// — Люди правда говно//* (К/ф «День выборов-2», 2016); *Ты чо —* ***ваще*** *дура? Опять не просекла? ...* (Л. Сторч. Вечер осенний).

MORPH: *нареч.*

SYNT: обычно в сочетании с существительными, прилагательными или наречиями, содержащими оценку.

PRAGM: всегда под фразовым ударением, акцентное выделение может усиливаться растяжкой гласного в ударном или предударном слоге.

6. DEF: используется для усиления, подчеркивания того, что сказано. (О загрязнении реки:) *И там просто су́тки* ***вапще****/ вся река была в пленках/ в мазуте// потом прошло//*; *Очень много какой-то* ***ваще*** *пусто́й беготни/ понимаешь//* (Записи устной речи, 1991); *Хочешь я ему щас позвоню? Давай*! *Я оч хочу/ потому что... (Во)о(б)ще стра́нно// Мы с тобой едем в Москву/ а я ничё о тебе не знаю//* (К/ф «Прогулка», 2003).

MORPH: *частица.*

PRAGM: обычно безударно и находится рядом со словом (перед ним или после него), находящимся под фразовым акцентом; находясь в безударной позиции, подвергается сильной слоговой редукции, возможны разные варианты произношения: *вапще, ваще, пще, ще.*

10. DEF: употребляется как оценочное слово, выражающее разные эмоции: восхищение (обычно), удивление, возмущение и др. *— Хорошо поёт Выборнова дочка так! — Да? — Ой/ это* ***вобще́****! Такой голосок у ней!* (Из коллекции НКРЯ, 2015); *— Такое несут* [ученые]*/ ты бы послушала! Такой ужас/* ***ваще́****! Один сказал сначала/ что чёрная дыра́ не имеет волос!* (М/ф «Масяня», 2002–2008); *— Была у меня одна девочка, <...> —* ***Воще****! Красивая... Я думал, таких не бывает* (В. Бердичевский. Яблоки)...

MORPH: *междом.*

SYNT: всегда под фразовым ударением, часто произносится как отдельное восклицательное высказывание.

STYL: *сленг.*

PRAGM: для подчеркивания экспрессии слово произносится с сильной фонетической деформацией, а также с растяжкой гласного *а* или шипящего *щ*: *ваще!, ва-а-ще!*; *ващ-ще!*; всегда под фразовым акцентом. Широкое распространение получило в 80-е–90-е гг. XX в.[8] среди молодежи, откуда слово «перекочевало» в речь более старших поколений; ср. показательный фрагмент из

[8] В [Словарь современного города, 2003] отмечена дата первой фиксации лексемы *воще* в значении междометия — 1988 г.: ВОЩЕ́[2], неизм. — Выражение восторга или других сильных чувств. — [*дискотека была — ваще*], 1988. В НКРЯ первое употребление междометия *вообще* датируется 1990 годом: *Ой, ну ты* ***вообще****! — закричала кассирша. — переработал, что ли?* (М. Веллер. Хочу в Париж, 1990).

воспоминаний о детстве известного лингвиста Т. Г. Винокур: *И с Дмитрием Николаичем* [Д. Н. Ушаковым] *я/ вот самое было счастье/ если он на колени посодит* [с иронией]*/ тут уж* ***вообще****... Как Лена мне вчера моя внучка сказала... «****Ва-аще*** *тащусь»!* (Запись устной речи, 1991).

Еще одно замечание, связанное с подбором иллюстративного материала из НКРЯ. Не всегда даже относительно объемный контекст (2–3 предложения) позволяет снять многозначность. Для задач ТСРР наиболее надежным является медиакорпус, где есть возможность услышать реальный вариант произнесения (к сожалению, предлагаемые расшифровки аудиозаписей не вполне адекватно отражают звуковой облик фразы). Приведем лишь два примера с похожей сочетаемостью (*вообще странно, вообще странный*), в которых именно фонетические характеристики лексемы (степень слоговой редукции и наличие / отсутствие акцентного выделения) позволяют определить его значение и частеречную принадлежность:

1) — *Хочешь я ему щас позвоню? — (Дав)ай// Я оч хочу/ потому что...* ***(Во)о(б)ще*** *стра́нно// Мы с тобой едем в Москву/ а я ничё о тебе не знаю//* (К/ф «Прогулка», 2003).
2) — *Да Тима* ***вобще́*** *странный// Его в школе все Манделой звали// — А кто это? — Ну-у мужик один// Похож очень на него//* (К/ф «Жара», 2006).

В 1-м примере незнаменательная частица *вообще* находится перед словом, выделенным фразовым акцентом, произносится безударно с сильной слоговой редукцией. Ее основная коммуникативная функция — выделение ремы. Во 2-м примере наречие *вообще* является полнозначным словом, произносится с фразовым акцентом и употребляется в оценочном значении (высокая степень оценки: ‘совсем, в полной мере’).

5. Заключение

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть, что для словарного описания РР важны не только морфологические, синтаксические, стилистические, прагматические свойства лексем, но также и информация об их произносительных особенностях. В ТСРР информация о некоторых сегментно-звуковых и суперсегментных свойствах разговорных слов содержится в зоне PRAGM. Конечно, в словарное описание включаются не все явления разговорной фонетики, и значительное число лексем не нуждается в фонетическом комментарии.

Факты сильной слоговой редукции отмечаются обычно при описании высокочастотных слов (*щас, тыща, ничё, грит, гыт* и др.), для которых эллиптированный вариант произношения является разговорным узусом. Сильная слоговая редукция для таких слов — это маркер разговорности.

Сильный слоговой эллипсис не всегда обусловлен слабой фразовой позицией. Для некоторых лексем, выступающих в роли междометий, слоговая редукция в сочетании с акцентным выделением и определенным мелодическим рисунком

являются маркерами эмоционально-экспрессивного усиления высказывания (*Щас! Ва-а-ще!*).

Также в фонетическом комментарии нуждаются лексемы, для которых такие просодические характеристики, как наличие или отсутствие фразового акцента, мелодика, растяжка гласных и др. — являются сигналами сдвига в их значении.

Источники

БОС — Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное прроизношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. — 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. 1024 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru.

ОС — Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова / Под ред. Р. И. Аванесова. М.: Рус. яз., 1983. 704 с.

Словарь современного русского города / Под ред. Б. И. Осипова. М.: Русские словари; Астрель, 2003. 565 с.

ТСОШ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Сост. Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–5 / Под ред. Л. П. Крысина. М.: ЯСК, 2014–2022.

ТСУш — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «ЯРК», 1995. 767 с.

Апресян Ю. Д. Часть первая. Введение // Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: ЯСК, 2010. С. 17–55.

Апресян В. Ю. Роль фразового ударения в интерпретации многозначных слов // Труды ИРЯ РАН. № 1, 2025. С. 22–34.

Борисенко В. В. Разные типы произношения в устной научной речи // Современная русская научная речь. Т. 1: Общие свойства и фонетические особенности / Под общей ред. О. А. Лаптевой. Красноярск: Изд. Красноярского ун-та, 1985. С. 248–292.

Инькова О. Ю. ВООБЩЕ // Семантика коннекторов: контрастивное исследование / Под науч. ред. О. Ю. Иньковой. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. С. 80–128.

Кодзасов С. В. Интонация предложений с дискурсивными словами. Группы: *едва, действительно, вообще, совсем, прямо* // А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. С. 182–204.

РРР-1983 — Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983. 235 с.

Толковый словарь русской разговорной речи: Проспект. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2010. 346 с.

Фонетика спонтанной речи / Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гейльман Н. И. и др. / Под ред. Н. Д. Светозаровой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та 1988. 248 с.

Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: Изд. РГГУ, 2008, 291 с.

N. N. Rozanova
Vinogradov Russian Language Institute of of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
ninarozanova13@yandex.ru

PHONETIC INFORMATION IN THE "EXPLANATORY DICTIONARY OF RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH"

The article examines how features of colloquial phonetics are represented in the "Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech" (EDCS). EDCS includes some information on vocal-segmental and suprasegmental properties of colloquial words in the PRAGM section. Not all colloquial phonetic phenomena must to be incorporated into lexicographic descriptions. Nevertheless, for certain blocks of colloquial vocabulary such information is highly relevant. There is a significant layer of colloquial words (mostly function and semi-function words) with widespread syllabically reduced pronunciation variants used as colloquial lexical doublets (*schas-seichas*, *vasche-voobsche*, *grit-govorit*, *rup'-rubl'*, *piysyat-piat'desyat*, etc.). Syllabic ellipsis serves as a marker of their colloquial nature. Another group of lexical items that require phonetic commentary encompasses words whose sound and prosodic properties indicate semantic shifts, emergence of new semantic nuances, changes in grammatical features, and so on. Strong syllabic ellipsis is not always due to a weak phrasal position. For certain lexemes functioning as interjections, syllabic reduction combined with accentual emphasis and specific melodic patterns serve as markers of emotional and expressive intensification of the utterance (*Shchas! Va-a-sche!*). In colloquial speech, semantic shift is signaled not only by segmental-sound features, but also by prosody, such as presence or absence of phrasal accent, melodic contour of the word, vowel elongation, etc. A detailed phonetic commentary is particularly crucial for various function and semi-function words, primarily interjections and particles. Quite often their semantics and communicative functions are driven by the intonation and specifics of the sound structure.

Keywords: colloquial speech, colloquial phonetics, pragmatics, semantics, lexicography

References

Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. II. Integral Description of Language and Systemic Lexicography]. Moscow, School "YaRK" Publ., 1995. 767 p.

Apresyan Yu. D. [Part One. Introduction] *Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [Prospectus of the Active Dictionary of the Russian Language (ed. by Yu. D. Apresyan)]. Moscow, YASK Publ., 2010. Pp. 17–55. (In Russ.).

Apresyan V. Yu. [The Role of Phrase Stress in the Interpretation of Polysemantic Words] *Proceedings of the IRYA RAS*. No. 1, 2025. Pp. 22–34. (In Russ.).

Borisenko V. V. [Different types of pronunciation in oral scientific speech] *Sovremennaya russkaya nauchnaya rech'. T. 1: Obshchie svoistva i foneticheskie osobennosti* [Modern Russian scientific speech. Vol. 1: General properties and phonetic features, ed. by O. A. Lapteva]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Publ., 1985. Pp. 248–292. (In Russ.).

Fonetika spontannoy rechi [Phonetics of spontaneous speech (ed. by N. D. Svetozarova)]. Leningrad.: Leningrad University Publ., 1988. 248 p.

Inkova O. Yu. [IN GENERAL] *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledov anie* [Semantics of connectors: a contrastive study, ed. by O. Yu. Inkova]. Moscow, TORUS PRESS Publ., 2018. Pp. 80–128. (In Russ.).

Kodzasov S. V. [Intonation of sentences with discursive words. Groups: barely, really, generally, quite, straight] *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka*. [A. N. Baranov, V. A. Plungyan, E. V. Rakhilina. Guide to discursive words of the Russian language]. Moscow, Pomovsky and partners Publ., 1993. Pp. 182–204. (In Russ.).

Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest. (otv. red. Ye. A. Zemskaya) [Russian colloquial speech: Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture (ed. by E. A. Zemskaya)]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 235 p.

Sharonov I. A. *Mezhdometiya v rechi, tekste i slovare* [Interjections in speech, text and dictionary]. Moscow, RSUH Publ., 2008, 291 p.

Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi: Prospekt [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech: Prospect]. Moscow, IRL RAS Publ., 2010. 346 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.31

Р. И. Розина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
rarozina@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕНОСЫ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ НА ФОНЕ КАТАЛОГА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ[1]

Семантическая деривация — один из самых продуктивных способов пополнения словарного состава разговорной речи. Внимание лингвистов ранее привлекали сдвиги значений слов литературного языка, результатом которых было появление разговорных значений. Переносы в рамках разговорной речи, в результате которых также возникали разговорные значения, не были объектом исследований. Материал «Толкового словаря русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина позволяет выделить два типа переносов в рамках разговорной речи: это переносы от производных разговорных значений, мотивированных значениями слов литературного языка, например, *сидеть* ‘находиться в сидячем положении’ — *разг.* ‘вынужденно находиться где-то длительное время — находиться в заключении’, и переносы от разговорных значений, являющихся непроизводными, например, *пропихнуть* (*разг.*) ‘втиснуть — насильно накормить’. Особенность переносов в рамках разговорной речи заключается в том, что уже в мотивирующем значении присутствует оценка, которая воспроизводится в производном значении.

Важно различать истинные семантические переносы и омонимию, маскирующуюся в разговорной речи под семантический перенос.

Переносы в рамках разговорной речи могут быть единичными и регулярными. Представляет интерес их сопоставление с материалом Каталога семантических переходов, в котором представлены когнитивно смежные значения в различных языках мира. Полное соответствие между переносами в рамках русской разговорной речи и семантическими переходами, зафиксированными в Каталоге, на данном этапе исследования удалось установить только в двух случаях; остальные модели переносов в русской разговорной речи имеют отличия.

[1] Я благодарю А. В. Занадворову за ценные критические замечания и стимулирующие вопросы и И. А. Грунтова за помощь в работе с Каталогом семантических переходов.

Ключевые слова: семантический перенос, семантический переход, семантическая деривация, русская разговорная речь, Каталог семантических переходов, лексикография

Среди различных способов пополнения состава лексики разговорной речи: образование от лексем литературного языка с помощью суффиксации (*гриппозник*), усечений (*препод, спец, универ*), заимствование (*хайп, бан*), словосложение (*холодрыга*) — значительное место занимает семантическая деривация, т. е. сдвиг значения уже существующих лексем литературного языка, например, *жевать* ‘растирать зубами и движениями языка, разминать во рту и в пасти — говорить монотонно, вяло и непонятно, повторяя одно и то же’[2].

Если в рамках литературного языка семантический перенос может быть двунаправленным: от человека к неодушевленной сущности, например, *глухой* ‘лишенный способности слышать’ (*глухой старик*) — ‘тихий, без проявления жизни’ (*глухая улица*)’, и от неодушевленной сущности к человеку, например, *вскипеть* ‘начать кипеть — вспылить’, то при деривации разговорных значений перенос обычно направлен от неодушевленной сущности или животного к человеку или к чему-л., принадлежащему миру человека, например, *фрукт* ‘сочный, съедобный плод каких-н. деревьев (обычно садовых) — человек, вызывающий у говорящего неодобрение, неприязнь, недоверие или иронию’, *замести* ‘подметая, отодвинуть в сторону — арестовать’; *блоха* ‘маленькое прыгающее насекомое-паразит — мелкий недостаток, не бросающийся в глаза’. У этого переноса есть много частных реализаций, например, ‘звуки, издаваемые животным — речь человека’: *мычать* ‘о корове, быке: издавать характерные звуки, напоминающие му-у — говорить неразборчиво, невнятно, растягивая слова’, ‘простое устройство — сложное’: *тачка* ‘ручная тележка — автомобиль’; *ящик* ‘вместилище для чего-л., обычно четырехугольной формы — телевизор’, ‘способность животного — способность человека’: *нюх* ‘обоняние (у животных) — сообразительность, чутье (у человека)’, ср. *Я это нюхом чувствую* и т. п.

Но на образовании одного разговорного значения процесс деривации не заканчивается, так же, как свадьбой героев, которой заканчивается сказка, на самом деле не заканчивается их жизнь. Семантическая деривация продолжается, и на основе уже существующих возникают новые разговорные значения. Возникает вопрос о том, что же происходит в рамках разговорной речи: используются ли там те же модели переноса, что при переходе от литературных значений к разговорным, или в разговорной речи есть какие-то свои, особенные, модели переноса. Сейчас появилась возможность ответить на этот вопрос — ее дает «Толковый словарь русской разговорной речи»[3] под редакцией Л. П. Крысина [Крысин 2014–2022].

---

[2] Толкования значений лексем литературного языка приводятся с небольшими изменениями по словарю «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н. Ю. Шведовой [Шведова 2008]; толкования значений разговорных лексем, также с небольшими изменениями, — по «Толковому словарю русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина [Крысин 2014–2022].

[3] Далее ТСРР.

Вслед за Л. П. Крысиным термин «разговорная речь» понимается составителями Словаря широко — его содержание отражает те изменения, которые разговорная речь претерпела в 21-м веке. Если в 60–90-е годы разговорная речь понималась как «некодифицированная разновидность русского литературного языка, которая реализуется в условиях непринужденной, ранее неподготовленной устной коммуникации людей, не находящихся в официальных отношениях друг с другом» [Крысин 2014: 9], то ТСРР отражает движение сниженной лексики «вверх»: связанное с социальными процессами конца 20-го — начала 21-го вв. проникновение в разговорную речь носителей литературного языка сниженной — сленговой и жаргонной — лексики и возможность употребления не только в непринужденном устном общении, но и в публичной речи слов, имеющих в словарях пометы *груб., жарг., вульг.* [Крысин 2014: 10].

Словарная статья ТСРР включает только разговорные значения слов. Это значит, что входом является либо слово литературного языка в его разговорном значении при том, что все остальные значения оставлены за кадром, например, *помешаться*: его значение в русском литературном языке ‘сойти с ума’ остается за кадром, а в словарную статью включается разговорное значение ‘пристраститься к чему-то, сильно увлечься чем-л.’: ***помешались*** *на футболе; народ на деньгах совсем* ***помешался***; либо вход в словарную статью — слово, у которого нет никаких значений, кроме разговорных, например, *пропихнуть* ‘прилагая усилия, протолкнуть что-л. куда-л., обычно через тесное пространство’: *Я с трудом* ***пропихнул*** *пробку в горлышко бутылки* и ‘с трудом заставить кого-л. съесть или проглотить что-л.’: *Малой отказывается жевать, набьет еду за щеки и сидит, как хомяк. Пока голодный, еще хоть как-то глотает...* ***Пропихиваем*** *с помощью чая или компота.*

Таким образом, можно исследовать два типа переноса в разговорной речи: это перенос, мотивированный одним из значений разговорного слова, как в словарной статье *пропихнуть* ‘втиснуть — насильно накормить’; либо перенос от разговорного значения слова, которое в остальных своих значениях или в одном значении принадлежит литературному языку. Пример — слово *сидеть*. Основное, литературное значение слова *сидеть* — ‘находиться в сидячем положении, т. е. не передвигаясь и опираясь на что-то не ногами, а нижней частью туловища’. У этого слова есть два производных разговорных значения. Первое — ‘находиться, жить где-л. длительное время (часто вынужденно или в ожидании чего-л.)’, например, *Не получается на море/ дачу бы сняли// Что ж ребенку в городе* ***сидеть****?* (Запись устной речи, 2015); *Я не хочу в Москве* ***сидеть****/ а денег щас у меня вообще не будет/ куда-то там уезжать*// (Из коллекции НКРЯ, 2015); второе разговорное значение, возможно, производное от первого — ‘находиться в заключении’. *Я знаю/ что какие-то деньги пересылали узникам/ которые* ***сидели***// (Фонд «Общественное мнение», Москва, 2003); *Но как там дело было/ их всех разогнали/ поймали/ забрали/ они* ***сидели***// (Архив Хельсинкского университета, 1997).

Рассматривая производные разговорные значения, необходимо проявлять некоторую осторожность, потому что разговорная речь коварна и иногда стремится представить как перенос то, что на самом деле переносом не является[4].

[4] См. об этом [Розина 1999: XXXI–XXXIII]; также [Шмелев 2024: 253–261].

Один из примеров лжепереноса — слово *мусор* ‘милиционер’:

*— А **мусора** я так и не дождался// — А может он на службе? — А кто их **мусоро́в** знает? Договорились-то дома//* (К/ф «Жмурки», 2005).

Профессор Иерусалимского университета, лексикограф Йосеф Гури связал это слово с רעסעמ (mese’r) (идиш) ‘доносчик, предатель’, т. е. предположил, что это заимствование; другое предположение — о том, что в основе этого слова лежит аббревиатура *МУС* ‘Московский уголовный сыск’, было высказано А. Д. Шмелевым.

Жаргонное слово *малина* ‘воровской притон’ не имеет никакого отношения к ягоде. Й. Гури высказал предположение о том, что это заимствование из идиша, ср. глагол מ_ענעלע (maleyne) ‘укрываться’, ‘прятаться’ и существительное מ_הנילע (malina) — ‘место укрытия’, ‘тайник’.

Современное слово молодежного жаргона *кекс* ни в одном из своих значений (‘молодой мужчина’, ср.: *И тут подваливает к нам один **кекс** и начинает дружка моего напрягать* (К/ф «Даже не думай», 2002) и ‘секс’, ср. *Мне вот интересно, стоит ли начать смотреть сериал? Название просто смущает, сериал тупо о **кексе**?* (Rozetked Discuss, 17.09.2021)) не может быть образовано от основного значения слова *кекс* ‘сдобное сладкое мучное изделие в виде хлеба, хлебца’. Все три слова: *кекс* ‘сладкое мучное изделие’, *кекс* ‘молодой мужчина’ и *кекс* ‘секс’ — омонимы. Скорее всего, слово *кекс* получило значение ‘секс’ просто благодаря фонетическому сходству. Примеры других слов, образованных по созвучию: *по чесноку* ‘по-честному’, *по ходу* ‘похоже’, *ротор* ‘ротвейлер’, *мерин* ‘мерседес’ и эвфемизмы *блин* и *заколебать* ‘вызвать раздражение, надоесть’.

Толковый словарь русской разговорной речи дает возможность поставить две задачи: составить список моделей переносов в рамках разговорной речи и ответить на вопрос, отличаются ли эти модели от моделей переносов, которые мотивируют значения слов литературного языка. Помимо этого, существование Каталога семантических переходов [Zalizniak 2018] позволяет сопоставить список переносов в РР с переносами в различных языках мира.

Каталог семантических переходов — это база данных, в которой представлены когнитивно смежные значения в различных языках мира, в частности связанные отношением семантической деривации значения многозначного слова, результаты семантической деривации в ходе эволюции языка и связанные отношением деривации значения слов близкородственных языков.

В рамках разговорной речи встречаются единичные и регулярные семантические переносы. Примеры единичного семантического переноса — *аукаться* ‘перекликаться, крича «ау́» — сказываться на чём-л., вызывать последствия (обычно неприятные)’ и *баламутить* ‘двигая чем-л. в воде и поднимая со дна ил и песок, мутить её — приводить людей в состояние беспокойства и возбуждения, подстрекая к каким-л. действиям’. Примеры регулярного переноса — *барахло, хлам* ‘старьё, старые вещи — что-л. плохое, не имеющее ценности’ (*Фильм барахло; В этой серии много непроверенной информации и всякого хлама); хрюшка, свинтус, хрюша* ‘свинья или поросёнок — неряшливый, неаккуратный, испачкавшийся или оставляющий после себя грязь человек’ и т. п.

Пример модели регулярного переноса, которая используется только в рамках разговорной речи — ‘издать сильный отрывистый звук — сказать что-л. неуместное’: ***бабахнуть*** *(дверь подъезда — что-то на собрании),* ***бахнуть*** (*створки лифта — про кого-то),* ***брякнуть*** *(ключи на стол — не подумав),* ***бухнуть*** *(пушка — неприятную новость*).

Другой пример регулярного переноса в рамках разговорной речи — семантическое развитие глаголов: *зудеть и свербеть:*

Зудеть ‘чесаться — постоянно беспокоить’. *Такая аллергия у меня/ всё тело* ***зудит*** (Запись устной речи, 2011); *Не одна злость, а целый мешок разных таких поганых чувств, которые* ***зудят*** *и сверлят тебя делать все назло, наоборот, раз не вышло по-твоему...* (Ф. Кнорре. Ночной звонок).

Свербеть ‘чесаться, болеть с лёгким зудом — тревожить, беспокоить’; *Уже второй день в горле* ***свербит***// (Запись устной речи, 2019); *Без конца* ***свербит*** *одна мысль: как бы цивилизованно отчитаться* (Ш. Тарпищев. Самый долгий матч).

Разновидность переноса в рамках разговорной речи — это перенос от разговорных значений, которые, в свою очередь, являются производными от литературных значений, например, ‘производить неприятный монотонный звук — поучать, попрекать’: ***пилить*** *(на скрипочке — сына за неосторожность);* ***сверлить*** *(уши визгливым голосом — мужа без перерыва).* Мотивирующие разговорные значения образованы от литературных значений глаголов *пилить* ‘резать пилой’ и *сверлить* ‘делать отверстие в чем-л. сверлом’.

Модель переноса, которая может использоваться как при переходе от литературного значения к разговорному, так и в рамках разговорной речи — это модель ‘употребить в пищу — лишить занимаемого социального положения’: ***скушать*** *(яичницу — редактора),* ***съесть*** *(второе — заведующую),* ***слопать*** *(весь пирог — писателя),* ***сожрать*** *(селедку — директора),* ***схавать*** *(бутерброд — журналиста).* В этом ряду глаголы *скушать* и *съесть* — литературные; глаголы *слопать*, *сожрать* и *схавать* — синонимичные им разговорные, а результат переноса — одно и то же производное значение. Несколько примеров:

...средства массовой информации будут выражать то/ кто им за это платит// Яркий пример НТВ// Когда ***скушали*** *Киселёва/ если вы это помните//* (Из коллекции НКРЯ, 2009); *Ее* [директора] *потом* ***«съели»****// Она была беспартийная/ на ее место назначили партийца//* (Беседы с М. Пановым // Собрание фонодокументов имени В. Дувакина, 2000).

Мне кажется, на этот раз сговорились меня ***слопать****. Вы знаете, как легко это у нас делается. Я себя чувствую объеденным с головы и с хвостика, как селедка* (Е. Пастернак Борис Пастернак. Биография); ***Сожрут*** *директора — уникальная школа очень быстро скатится в рядовые* (Эксперт, 2014); *...пиши свои рассказики и не рыпайся. Тут-то Никиту и* ***схавали****, вместе с его «оттепелью»* (А. Битов. Азарт, или Неизбежность ненаписанного).

Но хотя формулы модели переноса от литературного значения к разговорному и от разговорного значения к разговорному в данном случае совпадают, было бы неправильно утверждать, что имеет место один и тот же перенос. На самом деле, есть существенное отличие между тем, что происходит при переходе от значения литературной лексемы к разговорной и от разговорной лексемы также к разговорной. Литературные лексемы *съесть* и *скушать* нейтральны в отношении оценки, а в их производном разговорном значении ‘лишить занимаемого социального положения’ появился семантический признак ‘отрицательная оценка’.

Ничего подобного не происходит при деривации разговорного значения от разговорного: уже в мотивирующем разговорном значении глаголов *слопать*, *сожрать* и *схавать* присутствует отрицательная оценка действия, которое они описывают, и эта оценка сохраняется в их производном значении, ср. толкования этих глаголов в Толковом словаре русской разговорно-обиходной речи [Химик 2017]:

СЛОПАТЬ. *Сниж. Груб*. Съесть (обычно с жадностью, быстро);
СОЖРАТЬ. *Сниж. Груб*. Съесть, проглотить (обычно быстро, с жадностью).
СХАВАТЬ. *Жарг*. Быстро съесть, проглотить (какую-л. еду (обычно с жадностью, почти не жуя).

Рассмотрим теперь, совпадают ли переносы от литературного значения к разговорному или от разговорного к разговорному с переносами, зафиксированными в Каталоге семантических переходов.

Переносу по модели ‘издать сильный отрывистый звук сказать что-л. неуместное’ в Каталоге семантических переходов соответствует перенос номер 0066 ‘to make noise — to speak’ (‘произвести шум — сказать что-л.’). Но в этом переносе отсутствует важный семантический признак — отрицательная оценка.

Модели ‘употребить в пищу — лишить занимаемого социального положения’ в Каталоге семантических переходов нет. Есть относительно близкая к этой модели модель № 0830 ‘to eat — to destroy, annihilate’ ‘съесть — разрушить, уничтожить’, но имеется в виду не социальное, а физическое уничтожение, ср. примеры из Каталога: «Я разрушил город. Я поджег город, огонь поглотил его»; «Я убил волшебника»[5].

В разговорной речи есть перенос, который формулируется так же, как перенос в Каталоге: ‘съесть — уничтожить’, ср. *сожрать (пирог — завод)*, *съесть (обед — партию). Петр резко тормозит у завода, который* ***сожрал*** *«Ашан».* (КП, 21.08.2018); — *Если у нас две партии останется/ то одна вторую* ***съест***// (Фонд «Общественное мнение» (Самара), 2001), но, несмотря на совпадение формулировки, и в этом случае значение слова русской разговорной речи не предполагает физическое уничтожение объекта.

Семантическому переносу в рамках разговорной речи ‘производить неприятный монотонный звук — поучать, попрекать’, который реализуют слова *пилить*

[5] В Каталоге приводятся примеры из аккадского и амхарского языков и их перевод на английский язык. Я привожу их в переводе на русский язык.

и *сверлить,* в Каталоге семантических переходов нет точного соответствия. В Каталоге производное значение глагола *пилить* ‘попрекать’ связывается с его основным значением ‘резать пилой’, ср. ‘to saw — to nag’; в свою очередь этот переход рассматривается как частная реализация более общего перехода 3310 ‘обрабатывать острым инструментом — ругать’ (to treat with a sharp instrument — to scold). Многозначность глагола *сверлить* в Каталоге не отражена.

Семантическому переносу ‘чесаться — раздражать’ в Каталоге семантических переходов соответствует переход 0219 ‘to itch — to get angry’ ‘чесаться — приходить в рассерженное состояние’, но при этом сделано замечание, что этот переход реализуется как ‘to itch — to get annoyed’, т. е. ‘чесаться — приходить в раздраженное состояние’. Эта частная реализация перехода точно соответствует модели перехода в русской разговорной речи.

Еще один семантический перенос в рамках разговорной речи ‘ударить — выпить (алкоголь)’: ***вмазать*** (*сопернику ногой — сто грамм*), ***врезать*** (*в морду — по полстакана*), ***жахнуть*** (*кулаком по столу — рюмку коньяку*) и т. п. Этот перенос точно соответствует модели 2337 ‘to strike, hit — to drink alcohol’ семантического перехода в Каталоге, но при этом в Каталоге приводится 9 реализаций этой модели, только две из которых русские. На деле в русском языке реализаций намного больше: помимо приведенных выше, эту модель реализуют глаголы *ахнуть*, *бахнуть*, *... тяпнуть, шандарахнуть, шарахнуть.*

Примеры переносов в разговорной речи, рассмотренные в данной статье, позволяют прийти к двум выводам. Первый: модели переносов в рамках разговорной речи могут совпадать с моделями переносов при переходе от литературных значений к разговорным. Второй вывод заключается в том, что пока удалось найти лишь два переноса, точно совпадающих с переходом в Каталоге семантических переходов. Причин у этого может быть несколько:

1. Проанализировано слишком мало примеров семантических переносов в рамках разговорной речи. Возможно, что переносы, модели которых совпадают с моделью переноса, зафиксированного в Каталоге семантических переходов, пока просто не встретились.
2. Некоторые модели переносов в рамках разговорной речи русского языка уникальны.
3. Каталог семантических переходов базируется на материале словарей литературных языков, по традиции не включающих разговорную лексику или включающих ее только в очень малом количестве. Поэтому он не всегда отражает переносы, характерные для русской (и не только русской) разговорной речи, и не отражает их реализации полностью.

Словари

Крысин Л. П. (ред). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. М.: ЯСК, 2014. 776 с.; Вып. 2. М.: Издательский дом Яск, 2017. 860 с. Вып. 3. М.: Издательский дом Яск, 2019. 821 с.; Вып. 4. М.: Издательский дом Яск, 2021. 867 с.; Вып. 5. М.–СПб: Нестор-История, 2022. 757 с.

Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В двух томах. СПб.: Златоуст, 2017. 525 с. 530 с.

Шведова Н. Ю. (ред.) Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник. 2008. 1175 с.

Литература

Крысин Л. П. Предисловие // Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. М.: ЯСК, 2014, С. 9–29.

Розина Р. И. Семантические процессы при образовании жаргона // Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999. С. XXYIII–XXXY.

Шмелев А. Д. Семантические переходы и внешне сходные явления // Семантические переходы в языках мира. Материалы к лингвистическому форуму 2024 года. М.: Макс Пресс, 2024, С. 253–261.

Zalizniak Anna A. The catalogue of semantic shifts: Twenty years later // Russian journal of linguistics. 2018. Vol. 22. № 4, pp. 770–787.

R. I. Rozina
Vinogradov Russian Language Institute of of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
rarozina@yandex.ru

SEMANTIC TRANSFER IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH AGAINST THE BACKGROUND OF THE CATALOGUE OF SEMANTIC SHIFTS

Semantic derivation is one of the most productive ways of replenishing the vocabulary of everyday speech. Attention of linguists has previously been attracted by shifts in the meanings of words of standard language resulting in the emergence of colloquial meanings. Semantic extension within the framework of everyday speech, which also resulted in the emergence of colloquial meanings, has not been the object of research. The material of the 'Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech' edited by L. P. Krysin allows one to distinguish two types of semantic transfer within everyday speech. These are a transfer from derivative colloquial meanings motivated by the meanings of words of the standard language, e. g. *sidet'* [to sit] 'to be in a sitting position' — *colloq.* 'to be forced to stay somewhere for a long time — to be imprisoned', and a transfer motivated by one of the meanings of a non-derived colloquial word, e. g. *propikhnut'* 'shove in' (*colloq*.) 'to squeeze in — to feed by force'. The peculiarity of transfer within everyday speech is that already in the motivating meaning there is an evaluation, which is replicated in the derivative.

Transfers within everyday speech can be unique or regular. It is of interest to compare them with the material from the Catalogue of Semantic Shifts, which presents cognitively

adjacent meanings in various languages of the world. At this stage of the study we managed to establish full correspondence between instances of semantic transfer in Russian everyday speech and semantic shifts recorded in the Catalogue only in two instances; other patterns of transfer in Russian colloquial speech differ in various ways.

Keywords: semantic transfer, semantic extension, semantic derivation, Russian everyday speech, Catalogue of Semantic Shifts

References

Krysin L. P. [Preface]. *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi* [Explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Vol. 1. Moscow, YaSK Publ, 2014, pp. 9–29. (In Russ.)

Rozina R. I. [Semantic processes accompanying jargon derivation]. Ermakova O. P., Rozina R. I., Zemskaya E. A. *Slova s kotorymi my vse vstrechalis'. Tolkovyi slovar' russkogo obschego zhargona* [Words we've all encountered: A dictionary of Russian general jargon]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999, pp. xxviii–xxxv. (In Russ.)

Shmelev A. D. [Semantic shifts and seemingly similar phenomena]. *Semanticheskie perekhody v yazykakh mira* [Semantic shifts in the languages of the world]. Moscow, Max Press Publ., 2024, pp. 253–261. (In Russ.)

Zalizniak Anna A. The catalogue of semantic shifts: Twenty years later. *Russian journal of linguistics.* 2018. Vol. 22. № 4, pp. 770–787.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.32

***М. Ю. Федосюк*[1], *И. И. Бакланова*[2]**
[1]*Независимый исследователь*
(Россия, Москва)
m.fedosyuk@yandex.ru
[2]*Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»*
(Россия, Москва)
ibaklanova@yandex.ru

СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ КАК ОБОБЩЕННЫЕ СЛОВЕСНЫЕ ОПИСАНИЯ СМЫСЛОВ СЛОВ, ХРАНЯЩИХСЯ В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

Цель статьи — определить, как соотносятся между собой представления о содержании слов, хранящиеся в памяти носителей языка, с толкованиями слов, которые приводятся в словарях. Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, удобно опереться на концепцию Л. В. Щербы, изложенную в его статье о трояком аспекте языковых явлений. Полемизируя с Ф. де Соссюром, Л. В. Щерба предлагает видеть в языке как системе знаков не одно, а два явления: во-первых, «языковой материал», т. е. хранящуюся в сознании каждого из носителей языка память о многочисленных воспринятых ими на протяжении жизни речевых фрагментах и их смыслах, а во-вторых, «языковые системы», т. е. обобщённые описания единиц «языкового материала», предназначенные для фиксации в словарях и грамматиках. «Языковой материал» в памяти носителей языка — это зрительные или иные чувственные образы предметов и ситуаций действительности, ассоциативно связанные с образами слов, тогда как компоненты «языковых систем» являются словесными описаниями этих чувственных образов. По этой причине построение толкований слов для словарей представляет собой сложный процесс создания обобщенных словесных описаний тех черт чувственных образов, которые содержатся в «языковом материале» и при этом важны для понимания и употребления слов. Для правильного построения словарных дефиниций лексикограф должен располагать богатым «языковым материалом», источником которого обычно служит словарная картотека или компьютерный корпус текстов, и обладать навыками его внимательного логического анализа. Недостаточный объем «языкового материала» или его поверхностный анализ вызывает появление неверных словарных дефиниций, примеры которых приведены в статье.

Ключевые слова: Л. В. Щерба, толкования слов, языковой материал, языковые системы, чувственные образы, словесные описания

Учебники по лексикологии для студентов, написанные Л. П. Крысиным [Крысин 2007; 2011], выгодно отличаются от многих других пособий аналогичной тематики своей четкой ориентацией на современное состояние лингвистики. Помимо таких традиционных для учебников по лексикологии разделов, как «Типы лексических значений», а также частей, описывающих русскую лексику с точки зрения ее происхождения, активного и пассивного запаса, сферы употребления, экспрессивной окраски и функционально-стилистической принадлежности, книги Л. П. Крысина содержат и не вполне традиционный раздел «Лексическая семантика», где описаны такие актуальные для современного состояния лексикологии понятия, как «конкретно-референтное и обобщенное значения слова», «коннотации», «предикатная и непредикатная лексика», «актанты и сирконстанты», «пресуппозиция и ассерция», «перформативы», «конверсивы» и др. Знакомство с этими понятиями, безусловно, поможет студентам лучше понять, как устроен и как функционирует язык, и будет полезно при выполнении ими собственных учебно-исследовательских работ.

Однако трудно не заметить, что основное внимание современной лексикологии направлено на формальные способы описания лексических значений (применение компонентного анализа, разграничение интегральных и дифференциальных сем, характеристика сочетаемости лексем), а не на содержательные процедуры определения лексических значений. У студентов может сложиться представление о том, что информация о лексических значениях всех слов в готовом виде хранится в сознании лексикографов и перед ними стоит только задача наилучшим способом эти значения сформулировать. Ниже мы попробуем показать, что это не так, и попытаемся найти ответы на следующие два вопроса: во-первых, как соотносятся между собой представления о содержании слов, хранящиеся в памяти носителей языка, с толкованиями слов, которые приводятся в словарях, а во-вторых, в чем состоят причины неверных словарных дефиниций, иногда встречающихся в словарях.

По-видимому, не требует пространных доказательств тот факт, что представления носителей языка о лексических значениях слов существенным образом отличаются от словесных толкований этих слов в словарях. Подтверждением сказанного может служить то обстоятельство, что словарные дефиниции одного и того же слова в разных толковых словарях бывают построены по-разному. А это свидетельствует об отсутствии в сознании лексикографов единых словесных дефиниций каждого из слов. Для того, чтобы убедиться в этом, сопоставим почерпнутые из разных словарей толкования первичного (прямого) значения слова *кошка*:

(А) «КОШКА <...>. 1. Самка кота» (Ушаков)[1]. (Заметим, что слово КОТ в этом же словаре, образуя логический круг, толкуется как ‘самец кошки’).

---

[1] В статье используются следующие сокращённые обозначения словарей:

Акт. словарь — Активный словарь русского языка / Под рук. Ю. Д. Апресяна. Т. 4, ч. 2. М.: МЦНМО, 2024. 681 с.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. 1536 с.

(Б) «КОШКА <...>. 1. Домашнее млекопитающее животное из сем<ейства>, к к<ото>рому относятся также тигр, лев и т. п.» (Ожегов).

(В) «КОШКА <...> 1. Хищное млекопитающее сем<ейства> кошачьих. 2. Домашний вид такого животного, а также мех его» (Ожегов–Шведова).

(Г) «КОШКА. <...> 1. Домашнее животное с повадками хищника, истребляющее мышей и крыс; самка кота». (МАС)

(Д) «КОШКА. <...> 1. Домашнее животное, доходящее человеку чуть выше щиколотки, с маленькими треугольными ушами, округлой головой и большими круглыми глазами желтоватого цвета с вертикальными зрачками, имеющее длинный пушистый хвост, тело, покрытое густой шерстью, и острые когти, которое охотится на мышей, или самка такого животного» (Акт. словарь).

Представляется, что для того, чтобы определить, в какой форме хранятся представления о содержании слов в памяти носителей языка, удобно опереться на концепцию Л. В. Щербы, изложенную в его статье «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [Щерба 1974: 24–39]. Эту статью часто характеризуют как «собственную оригинальную интерпретацию соссюровского противопоставления языка и речи» [Алпатов 1998: 235], однако в ней можно увидеть не столько интерпретацию концепции Ф. де Соссюра, сколько скрытую полемику с ней.

Напомним, что в своей статье Л. В. Щерба предложил различать три аспекта языковых явлений: (1) «речевую деятельность», т. е. «процессы говорения и понимания» [Щерба 1974: 24]; (2) «языковые системы», т. е. предназначенные для публикации в словарях и грамматиках умозаключения об устройстве речевого механизма человека, которые делаются «на основании всех (в теории) актов говорения и понимания, имевших место в определенную эпоху жизни той или иной общественной группы» [Щерба 1974: 25], и, наконец, «языковой материал». т. е. «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [Щерба 1974: 26].

Получается, что «речевая деятельность» по Л. В. Щербе — это примерно то же самое, что «речь» у Ф. де Соссюра, тогда как соссюровскому «языку» в концепции Л. В. Щербы соответствуют одновременно два явления: с одной стороны, «языковой материал», т. е. хранящаяся в сознании каждого из носителей языка память о многочисленных когда-либо воспринятых или произнесенных ими речевых

Даль — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Т. 1–4. М.: Прогресс, Универс, 1994.

МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1981–1984.

Ожегов — Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. 968 с.

Ожегов–Шведова–Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. 928 с.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М.: Советская энциклопедия, 1935. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1940.

фрагментах, а с другой стороны, «языковые системы» — обобщённые описания правил построения и смыслов единиц «языкового материала», предназначенные для фиксации в словарях и грамматиках. Когда ребенок слышит от родителей: «Посмотри: капитан этого корабля уже стоит на *мостике*», в его языковой памяти сохраняется, конечно же, не компонент языковой системы — формулировка «*мостик* — это площадка на возвышении, вышка на кораблях и некоторых машинах для наблюдения за чем-либо или командования кем или чем-либо», а единица «языкового материала» — конкретная услышанная им фраза и образ ситуации, которую она описывает. Однако в обстоятельствах, когда лингвисту потребуется объяснить значение слова *мостик* в толковом словаре или в учебнике русского языка для иностранцев, он, безусловно, воспользуется не какой-либо хранящейся в его памяти конкретной фразой о мостике, а той словесной формулировкой значения слова *мостик,* которую можно логически вывести из этой и многих других ранее слышанных им фраз со словом *мостик* [Федосюк 2023а]. Не случайно, заметив чью-то речевую ошибку, носители русского языка обычно ссылаются не на «языковую систему», а на «языковой материал»: поправляя ошибку, они, скорее, скажут не «В системе русского языка такой единицы нет», а «По-русски так не говорят».

Заметим, что, пытаясь объяснить, каким образом среди членов языкового коллектива получает распространение примерно одинаковое знание всех единиц языка, Ф. де Соссюр вплотную подошел к возможности введения термина *языковой материал,* однако не воспользовался ею. В его книге мы читаем: «Если бы мы были в состоянии охватить сумму всех словесных образов, накопленных у всех индивидов, мы бы коснулись той социальной связи, которая и образует язык» [Соссюр 1977: 51–52]. Понятно, что та самая недоступная, по мнению Ф. де Соссюра, для охвата «сумма всех словесных образов, накопленных у всех индивидов», о которой пишет ученый, и получила в концепции Л. В. Щербы название «языковой материал».

Впрочем, термин *языковой материал* существовал и до Л. В. Щербы. Л. В. Щерба позаимствовал и термин, и его содержание у Г. Штейнталя [Федосюк 2023б]. В монографии «Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения)» Г. Штейнталь определял языковой материал как «созданные речевой способностью в процессе говорения элементы, которые постоянно употребляются каждый раз, как только снова должен быть выражен тот самый внутренний предмет, для выражения которого впервые они были созданы, или правильнее: действие, производимое при каждом первом выражении какого-либо отдельного внутреннего элемента и повторяемое каждый раз, когда снова должен быть выражен тот же внутренний элемент» [Штейнталь: 127]. «Какой-либо конкретный язык, или отдельный язык, — писал далее Х. Штейнталь, — есть совокупность языкового материала какого-либо народа» [там же].

Как видим, пытаясь установить причины единства языка, хранящегося в индивидуальных сознаниях огромного количества его носителей, Ф. де Соссюр прибегает к мало что объясняющим метафорам типа «Язык существует в коллективе как совокупность отпечатков, имеющихся у каждого в голове, наподобие словаря,

экземпляры которого, вполне тождественные, находились бы в пользовании многих лиц» [Соссюр 1977: 57]. В то же время Л. В. Щерба дает внятное объяснение причин единства языка, опираясь на положения возникшего задолго до учения Ф. де Соссюра психологического направления в языкознании.

Следует отметить, что в наши дни концепцию Л. В. Щербы наиболее активно развивает Б. М. Гаспаров. Он пишет: «<...> основу языкового умения составляют не абстрактные правила, с помощью которых можно было бы создавать различные построения из языкового материала, — но скорее сам этот материал как первичная данность, усваиваемый в конкретной форме и применительно к конкретным условиям употребления. Языковая память говорящего субъекта представляет собой грандиозный конгломерат, накапливаемый и развивающийся в течение всей его жизни. Она заключает в себе в полусплавленном, ассоциативно подвижном, текучем состоянии гигантский запас коммуникативно заряженных частиц языковой ткани разного объема, фактуры, разной степени отчетливости и законченности <...>» [Гаспаров 1996: 104].

Демонстрируя, что содержательная сторона языкового материала хранится в памяти носителей языка преимущественно в форме чувственных образов, Б. М. Гаспаров пишет: «Начну с простейшего примера. Слово ‘трава’, будучи употреблено в составе различных знакомых мне выражений, немедленно откликается в моих представлениях целым рядом образных картин: ярко-зеленая трава на поляне, окаймленной лесом; островки редкой, с пролысинами глинистой почвы, травы под стеной дома во дворе; высокая степная трава, нагретая солнцем, пронизанная яркими пятнами полевых цветов» [Гаспаров 1996: 247]. И далее: «Это свойство языкового образа делает возможным образный отклик на любые частицы языковой материи, даже если их значение само по себе не предполагает зрительного и вообще какого-либо материального воплощения. <...> Например, слово ‘страх’, смысл которого сам по себе не имеет зрительного воплощения, мыслится нами в составе множества коммуникативных фрагментов и их разрастаний, у которых такое воплощение имеется: ‘сжался от страха’, ‘у страха глаза велики’, ‘страх заставлял людей отворачиваться и проходить мимо’, ‘ночью на улицах города царил страх’ и т. п. В составе таких более широких образных картин ‘страх’ получает если не прямое, то хотя бы к о с в е н н о е зрительное воплощение в качестве компонента-аксессуара этих картин» [Гаспаров 1996: 249–250].

Если согласиться с предложенным Л. В. Щербой и детально охарактеризованным Б. М. Гаспаровым противопоставлением двух форм существования языка: «языкового материала», т. е. локализованного в памяти носителей языка большого массива закрепленных за словами чувственных образов предметов и ситуаций действительности, и «языковых систем», т. е. словесных выражений, компактно описывающих «языковой материал» и предназначенных для создания словарей и грамматик, то придется признать, что процесс построения словарных дефиниций для толковых словарей состоит в создании обобщенных словесных описаний тех черт чувственных образов, которые представлены в «языковом материале» и при этом важны для понимания и употребления слов. Этот процесс столь же непрост

и требует строгого следования правилам, как и любое построение словесного описания зрительного или иного чувственного образа, например построение словесного портрета какого-либо человека в криминалистике.

К сказанному следует добавить, что для достижения компактности словарных дефиниций в них принято использовать не только «языковой материал», но и известные всем носителям языка знания об описываемых объектах. Проиллюстрируем сказанное на примере толкования слова *женщина.* Естественно предположить, что содержание слова *женщина* хранится в «языковом материале» носителей русского языка как набор многочисленных чувственных образов женщин, отражающих принципиально важные особенности их фигур, причесок, внешностей, голосов и одежды. Перечисление всех этих признаков в словарной дефиниции сильно увеличило бы ее объем. Поэтому в словаре Ожегова–Шведовой это нежелательное перечисление признаков заменено обозначением важнейшего знания о свойствах женщины, не связанного с ее зрительными образами. Слово *женщина* в этом словаре определено как «лицо, противоположное мужчине по полу, та, к<ото>рая рожает детей и кормит их грудью». Очевидно, что попытку заменить перечисление внешних признаков объекта обозначением общих знаний о нем содержит и уже фигурировавшая в нашем тексте (пример Г) словарная дефиниция слова *кошка* в МАСе. Там *кошка* определена как ‘домашнее животное с повадками хищника, истребляющее мышей и крыс; самка кота’. Понятно, что истребление мышей и крыс — это не зрительный образ, а, скорее, хрестоматийное знание носителей русского языка о кошках, хотя мало кто из современных городских жителей видел истребление кошками грызунов.

Продолжая наши рассуждения, скажем несколько слов о «языковом материале». При составлении словарей лексикографы могут черпать «языковой материал», т. е. примеры употребления рассматриваемого слова, из собственной памяти или (что является гораздо более надежным источником) из обладающих значительным объемом специально подготовленных словарных картотек, а в наши дни еще и из больши́х электронных собраний текстов, которые именуются языковыми корпусами. К сожалению, ни один из этих источников не дает полной гарантии того, что в поле зрения лексикографа попали все необходимые для построения словарной дефиниции тексты. Нет гарантии и того, что лексикограф проанализировал весь имеющийся в его распоряжении языковой материал достаточно внимательно.

Чтобы проиллюстрировать это, вернемся к уже приводившимся нами в начале статьи примерам — словарным дефинициям слова *кошка* и попытаемся критически их проанализировать.

Составители словаря Ушакова (пример А) неоправданно воспользовались минимальным количеством языкового материала — знанием о том, кошка — это самка кота. Но, во-первых, в этом случае нельзя было, создавая логический круг, определять слово *кот* как ‘самец кошки’, а во-вторых, при анализе «языкового материала» следовало обратить внимание на то, что в русском языке слово *кошка* может обозначать не только самку кошки, но и любое животное этого вида независимо от пола.

При составлении словаря Ожегова (пример Б) было решено не перечислять внешние признаки кошек, а сослаться на их отдаленное сходство со львами и тиграми. Однако в этом толковании едва ли уместно употреблен биологический термин *семейство*, не очень понятный широкому кругу людей, не имеющих биологического образования.

В словаре Ожегова–Шведовой (пример В) слово *кошка* определено как ‘хищное млекопитающее семейства кошачьих’ и как ‘домашний вид такого животного’. Едва ли использование зоологического термина *семейство кошачьих* обладает необходимой степенью информативности для толкового словаря. Для пользователей словаря — не зоологов сообщение об отнесенности кошки к семейству кошачьих, столь же тавтологично, как если бы в словаре было сказано, что собака относится к «семейству собачьих», а крыса — «к семейству крысиных». По-видимому, составителям словаря следовало бы вместо термина *семейство кошачьих* включить в словарную статью «кошка» описание внешних признаков кошки. И, как ни странно, такое описание в словаре есть, но только оно почему-то включено не в статью «Кошка», а в статью «Кошачьи», построенную как энциклопедическое описание научного термина: «Кошачьи, семейство хищных млекопитающих с гибким вытянутым телом, покрытым густой мягкой шерстью: львы, тигры, леопарды, рыси, кошки, гепарды, ягуары и др.».

Составители Малого академического словаря (пример Г), уклонившись от описания внешних признаков кошки, упомянули в словарной дефиниции только широко известную способность кошек истреблять мышей и крыс, хотя, наверное, им следовало бы написать и о более типичной в наши дни функции кошек быть домашними любимцами.

Словарная дефиниция Активного словаря (пример Д) представляется частично избыточной: едва ли для признания какого-либо животного кошкой необходимо видеть цвет его глаз и форму зрачков.

К сожалению, при составлении словарных дефиниций лексикографы далеко не всегда застрахованы от досадных содержательных ошибок, которые получают фиксацию в словарях. Одна из причин этих ошибок — недостаточный объем использованного «языкового материала» или невнимательный его анализ. Вот некоторые примеры:

> «БАРАК <...> Здание лёгкой постройки, предназначенное для временного жилья. || *прил.* бара́чный, -ая, -ое. *Дом барачного типа*» (Ожегов–Шведова).

В приведенном толковании отсутствует важный компонент — указание на то, что барак — это здание, предназначенное для проживания б о л ь ш о г о к о л и ч е с т в а людей. Языковой эксперимент показывает, что слово *барак* не может быть использовано, например, в предложениях **Возле железнодорожного переезда находился небольшой барак стрелочника* или **Летом мы с женой обычно живем в маленьком деревянном бараке на нашем садовом участке.* Правильное толкование слова *барак* содержится в словаре Ушакова: «БАРАК <...> (франц. baraque). 1. Временная деревянная казарма. *На постройке железной дороги рабочие*

живут в бараках. 2. Отдельное больничное здание, обычно для заразных больных (спец.). *Тифозный барак*». Как показывает Национальный корпус русского языка, слово *барак* активно употреблялось в текстах с конца XIX до начала XXI в., поэтому странно, что лексикографы не заметили своей ошибки.

«УРОДИТЬСЯ <...> 2. То же, что родиться (в 1 знач.) (устар. и прост.). *У. в мать, в отца* (родиться похожим на мать, на отца)» (Ожегов–Шведова).

Очевидно, точнее было бы сформулировать значение слова *уродиться* как ‘появиться на свет с какими-либо качествами’. О том, что вопреки утверждениям словаря слово *уродиться* не обозначает то же, что *родиться,* свидетельствует невозможность построения таких предложений, как **Скоро у нее уродится ребенок* или **А. С. Пушкин уродился в Москве в 1799 году.* Относительно более точное толкование слова *уродиться* содержит Большой толковый словарь, где сказано: «УРОДИТЬСЯ <...> 2. Разг. Появиться на свет, родиться (о человеке). *У кого-л. близнецы уродились. Уродилась хорошая девочка.* || *кем и с опр.* Оказаться от рождения наделённым какими-л. свойствами, качествами. *У. парнем, девчонкой. У. красавицей. У. счастливым, некрасивым.* || *в кого.* Родиться похожим на кого-л. *У. в мать, в отца. В кого ты только уродился?* (выражение возмущения какими-л. качествами кого-л.)» (БТС). Заметим, однако, что открывающая толкование слова *уродиться* дефиниция БТС «появиться на свет, родиться (о человеке)» не совсем точна. Дело в том, что в примерах *У кого-л. близнецы уродились* и *Уродилась хорошая девочка*, которые следуют после этой дефиниции, глагол *уродиться*, скорее всего, имеет значение не просто ‘появиться на свет, родиться’, а ‘появиться на свет с какими-либо качествами’.

Нередким источником досадных ошибок в толкованиях слов бывает и подмена результатов содержательного анализа «языкового материала» неинформативными для рядовых пользователей словарей научными сведениями, например информацией о принадлежности именуемого объекта к какому-либо биологическому семейству. Сопоставим попарно следующие толкования, приведенные в правой и левой колонках:

МАС	**Ожегов–Шведова**
«ЯБЛОНЯ <...> Плодовое дерево сем<ейства> розоцветных».	«ЯБЛОНЯ **<...>** Фруктовое дерево сем<ейства> розоцветных с шаровидными сладкими или кисло-сладкими плодами».
«ГРУША <...> 1. Плодовое дерево сем<ейства> розоцветных».	«ГРУША <...> 1. Фруктовое дерево сем<ейства> розоцветных с округлыми удлиненными и расширяющимися книзу плодами, а также плод этого дерева».

Как видим, МАС неинформативно описывает разные плодовые деревья как деревья семейства розоцветных, никак не информируя читателей об отличительных признаках каждого из этих деревьев. В то же время словарь Ожегова–Шведовой не только указывает на принадлежность деревьев к семейству розоцветных, что едва ли полезно подавляющему большинству пользователей словаря, но и сообщает

важную информацию об отличительных особенностях их плодов. Выступая против использования научных терминов в словарных дефинициях, Л. В. Щерба писал: «<...> нужно помнить, что нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые — главное и решающее — не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения» [Щерба 1974: 281].

Наконец, еще одна содержательная ошибка лексикографов состоит в том, что при определении лексического значения слова они не анализируют накопившийся ко времени составления словаря языковой материал, а используют готовые словарные дефиниции из словарей прежнего времени. Приведем пример:

> «ВИНЕГРЕТ <...> [от фр. vinaigrette от vinaigre — уксус]. Приготовляемое с уксусом или без него холодное кушанье из смеси изрезанных на кусочки овощей, яиц, мяса, рыбы. || *перен.* Смесь разнородных предметов, мешанина, всякая всячина (разг. шутл.)» (Ушаков).

Очевидно, что только что приведенное толкование из словаря Д. Н. Ушакова в наши дни скорее соответствует не слову *винегрет,* а слову *салат.* Как ни странно, примерно так же определяется слово *винегрет* и во многих других толковых словарях русского языка, выпущенных в XX веке. Между тем в наши дни винегретом называют кушанье из нарезанных овощей и, возможно, некоторых других продуктов, похожее на салат, но с обязательным наличием свеклы. Очевидно, что так было не всегда [Добродомов, Пильщиков 2008: 72–83]. Не случайно в словаре В. И. Даля винегрет определен как ‘окрошка, но безъ квасу, а съ приправою уксуса, горчицы и пр., холодное, смѣсь всячины’. Вероятно, именно из словаря В. И. Даля и было по ошибке заимствовано толкование слова *винегрет* современными лексикографами.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что внимательного изучения лингвистами заслуживают не только формальные способы описания лексических значений, но и содержательные процедуры определения лексических значений. Внимание к этим процедурам позволит лексикографам избежать многих досадных ошибок в толкованиях слов.

Литература

Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки русской культуры, 1998. 368 с.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: НЛО, 1996. 352 с.

Добродомов И. Г., Пильщиков И. А. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М.: ЯСК, 2008. 312 с.

Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2007. 240 с.

Крысин Л. П. Лексическая семантика и лексикология // Русский язык: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2011. С. 131–237.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

Федосюк М. Ю. Как соотносятся «индивидуальные речевые системы» и «языковая система» в концепции Л. В. Щербы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023[а]. Т. 82. № 1. С. 17–23.

Федосюк М. Ю. Психологический аспект лингвистической концепции Л. В. Щербы // Психология языка и психолингвистика: истоки и современность (к 200-летию со дня рождения Хеймана Штейнталя): Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 10–11 февраля 2023 г.) М.: ГУП, 2023[б]. С. 193–200.

Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения) // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях, Часть I. М.: Просвещение, 1964. С. 127–135.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность Л.: Наука, 1974. 428 с.

***M. Yu. Fedosyuk*[1], *I. I. Baklanova*[2]**

[1]*Independent researcher*
(Russia Moscow)
m.fedosyuk@yandex.ru

[2]*National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute)*
(Russia Moscow)
ibaklanova@yandex.ru

DICTIONARY DEFINITIONS AS GENERALIZED VERBAL DESCRIPTIONS OF THE MEANINGS OF WORDS STORED IN THE COLLECTIVE MEMORY OF LANGUAGE SPEAKERS

The purpose of the article is to determine how the ideas about the content of words stored in the memory of native speakers relate to the interpretations of words given in dictionaries. In order to find an answer to this question, it is convenient to rely on the concept of L. V. Shcherba, outlined in his article on the threefold aspect of linguistic phenomena. Arguing with F. de Saussure, L. V. Shcherba suggests seeing in language as a system of signs not one, but two phenomena: firstly, “linguistic material”, i. e. the memory of numerous speech fragments perceived by each native speaker throughout their lives stored in the consciousness, and secondly, “linguistic systems”, i. e. generalized descriptions of units of “linguistic material”, intended for recording in dictionaries. The “linguistic material” in the memory of native speakers is visual or other sensory images of objects and situations of reality, associatively connected with words, while the components of “linguistic systems” are generalized verbal descriptions of these sensory

images. For this reason, constructing definitions of words for dictionaries is a complex process of creating generalized verbal descriptions of those features of sensory images that are contained in the "linguistic material" and are important for understanding and using words. To correctly construct dictionary definitions, a lexicographer must have a rich "linguistic material", which is usually a dictionary card index or a computer corpus of texts, and have the skills to carefully analyze it logically. Insufficient volume of "linguistic material" or its superficial analysis causes the appearance of incorrect dictionary definitions, examples of which are given in the article.

Keywords: L. V. Shcherba, interpretation of words, language material, language systems, sensory images, verbal descriptions

References

Alpatov V. M. *Istoriia lingvisticheskih uchenii* [History of Linguistic Doctrines]. Moscow, YaSK Publ, 1998. 368 p.

Dobrodomov I. G., Pilshchikov I. A. *Leksika i frazeologiya "Evgeniya Onegina": Hermenevticheskie ocherki* [Vocabulary and phraseology of "Eugene Onegin": Hermeneutic essays]. Moscow, YaSK Publ., 2008. 312 p.

Fedosyuk M. Yu. [On How "Individual Speech System" and "the Language System" Relate in Lev Shcherba's Conception]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury yazyka*. 2023, Vol. 82, No 1, pp. 17–23.

Fedosyuk M. Yu. [Psychological Aspect of L. V. Shcherba's Linguistic Concept] *Psihologiya yazyka i psiholingvistika: istoki i sovremennost' (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Heimana Shteintalya): Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii* [Language psychology and psycholinguistics: Origins and Modernity (on the 200th Anniversary of Heymann Steinthal's Birth): Proc. of the International Scientific and Practical Conference] Moscow, GUP, 2023[b], pp. 193–200.

Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz: Lingvistika yazykovogo sushcestvovaniya* [Language, Memory, Image: Linguistics of Language Existence]. Moscow, NLO Publ., 1996. 352 p.

Krysin L. P. *Sovremennyi russkii yazyk. Leksicheskaya semantika. Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiya* [Modern Russian language. Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography]. Moscow, Akademiya Publ., 2007. 240 p.

Krysin L. P. [Lexical Semantics and Lexicology]. *Russkii yazyk* [Russian Language]. Moscow, Akademiya Publ., 2011, pp. 131–237. (In Russ.).

Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977. 696 p.

Shtejntal' H. [Grammar, Logic and Psychology (Their Principles and Interrelations)]. Zvegincev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah, Chast' I* [Zvegintsev V. A. History of linguistics of the 19th–20th centuries in essays and extracts, Part I]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964, pp. 127–135.

Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad Publ., 1974, 428 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.33

В. В. Химик
Независимый исследователь
(США, Волнат Крик)
vkhimik@mail.ru

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД СЛОВАРЕМ РУССКОЙ РАЗГОВОРНО-ОБИХОДНОЙ РЕЧИ

Словарь русской разговорной речи строится на основе собирательного подхода к отбору и описанию лексики и фразеологии. Многообразие и пестрота словника, обусловленные природой обиходного общения, не исключают определенного его единства. Закономерным критерием объединения разной по своему функциональному и социальному составу лексики и фразеологии является признак разговорности, который проявляется в трех главных его составляющих: сниженность (минимальная, умеренная, грубая, предельная), экспрессивность (эмоциональность, оценочность, образность), диффузность (неустойчивость и вариативность слов и значений). Важнейшая задача создания словаря разговорной речи — установление его границ: «верхней» — всё, что ниже литературной нормы, начиная с собственно разговорной лексики и фразеологии, и «нижней» границы, или нижнего предела, за которым остаются единицы, известные и понятные только посвященным и описываемые в специальных словарях территориальных диалектов и социально-профессиональных жаргонов. Серьезная проблема составления Словаря разговорной речи — естественное отставание словника от реальной языковой действительности, что может быть решено периодическим изданием выпусков актуальных разговорных новообразований: слов, значений, устойчивых оборотов, либо специальным электронным изданием Словаря с возможностью постоянных дополнений и уточнений, порождаемых живой русской речью.

Ключевые слова: словарь, разговорность, сниженность, экспрессивность, диффузность, общеизвестность, актуальность, границы

Собирательный подход к описанию лексики и фразеологии, которым руководствуются составители словарей разговорной речи, обнаруживает исключительное многообразие и пестроту коллоквиального словника, что предопределено самой природой обиходного общения. С. И. Ожегов в связи с этим писал: «разговорно-обиходная речь неоднородна по своим функциям. Неоднородна она и по своему составу, отражая в разной степени и диалектную почву, и профессиональную речь,

и жаргонную речь, и традиции старого дореволюционного городского просторечия» [Ожегов 1974: 285]. Однако неоднородность состава живой речи предполагает и определенное единство в отборе единиц, включаемых в Словарь. Естественным критерием объединения разной по своему функциональному и социальному составу лексики и фразеологии в таком словаре является общий признак разговорности, который и предопределяет сущность словаря разговорной речи как словаря дифференциального типа [Крысин 2014: 9].

РАЗГОВОРНОСТЬ — особое качество, функционально-стилистическое свойство окрашенности языковой единицы, речевого действия или целого текста. При этом элементы, признаки разговорности встречаются не только в спонтанных речевых актах обиходного общения, которые называют разговорной речью, они возможны в любом функциональном типе текста, даже подготовленном: устном и письменном, бытовом и профессиональном, публицистическом и научном. Разговорность реализуется специальными средствами языка: интонационно-фонетическими, лексико-семантическими, грамматическими, которые находятся на периферии языковой нормы или за ее пределами. Большинство таких средств, разговорно-литературных, описано в известных трудах Е. А. Земской, О. Б. Сиротининой, О. А. Лаптевой, Л. П. Крысина и других авторов. Однако в живой речи немало и нелитературных, некодифицированных, субстандартных единиц, представляющих разговорность. Разговорность проявляется в трех главных её составляющих: сниженность, экспрессивность и преобладающая диффузность.

1. Сниженность — регулярное и последовательно выражаемое качество разговорной речи на фоне стилистической нейтральности. Разговорность всегда сопровождается снижением, даже элементарные субъективно-оценочные аффиксальные производные, например, *больничка, книжка*, *девчонка, добренький, развесёлый, подустать*, образованные от исходных нейтральных слов *больница, книга*, *девочка*, *добрый*, *весёлый, устать*, окрашиваются неизбежной сниженностью. При этом сниженность бывает разной и может быть представлена четырьмя уровнями снижения:

— ***минимальная сниженность***: «слабосниженные» (по В. Д. Девкину [Девкин 1979]) — разговорно-литературные слова, значения или формы относительно свободного коллоквиального употребления (*баламут, картошка*, *вечерник*, *короткометражка, толкотня, вывихнуть мозги, упаси бог...*), которые включаются и в нормативные толковые словари, но с обязательной пометой «разговорное»;

— ***умеренная сниженность*** — фамильярные, грубоватые слова и обороты ограниченного употребления (*батя, братуха, заткнись, валяй, грымза*), сниженные экспрессивы (*бабахнутый, дрыхнуть, трепаться, балдеж*), популярные жаргонизмы (*тусовка, крутой, мент, блин, кемарить, движуха*), так называемое городское просторечие (*лыбиться, маленько, пироженка, по трезвянке*), большинство из которых сопровождается в современных толковых словарях пометой «сниженное»;

— ***грубая сниженность*** — лексические или семантические единицы, находящиеся за пределами языковой и этической нормы: некоторые грубые жаргонизмы, бранная лексика, вульгаризмы (*трахаться, тупорылый, грёбаный, дать в нюх, ужраться, едрёна матрёна...*);
— ***предельная сниженность*** — недопустимое в публичной коммуникации сквернословие, непристойные слова, обсценные выражения, которые, однако, реально встречаются не только в обиходной речи, но и в разного рода текстах СМИ.

2. Экспрессивность — системное свойство разговорности, качество лексических и семантических единиц, связанное с их способностью репрезентировать субъективные аспекты восприятия человеком действительности [см. Лукьянова 1986: 15]:

— ***эмоциональность***, то есть использование в речи эмоционально-окрашенной лексики для достижения ее выразительности, обычно это отражение чувств, эмоциональных состояний, настроения человека: *брякнуться* — ‘неожиданно, с шумом упасть’, *дядечка* — ‘о незнакомом мужчине’ (в речи женщин), *мультик* — ‘мультфильм’ (уменьшительно-одобрительное), *нетушки* — ‘нет’ (эмоциональное выражение несогласия);
— ***оценочность***, то есть свойство или способность языковых единиц выражать позитивную или негативную характеристику какого-либо объекта: предмета, признака, действия: *девка* — ‘грубая, часто отрицательная оценка молодой женщины’, *нахапать* — ‘торопливо, с жадностью набрать, накопить’, *мордатый* — ‘имеющий крупное, широкое лицо’ (с резко негативной оценкой), *журналюга* — ‘об опытном, искушенном журналисте’ — неодобрительно о работнике СМИ;
— ***образность***, или метафоричность языковых единиц, которая встречается в разных стилевых пластах лексики, включая публицистическое и научное повествование, но особенно ярко проявляется в обиходной разговорной речи, в разных проявлениях многозначности некоторых слов, в результате в Словарь разговорной речи попадает не вся лексема, а только некоторые её значения, приобретающие семантические наращения экспрессивной образности, таковы, например, следующие образные семантемы: *вшивый* — ‘очень плохой, низкого качества’, *горбатиться* — ‘тяжело и много работать’, *мозги утюжить* — ‘ругать, наставлять’, *звенеть, гудеть* — о некоторых проявлениях звучащей речи.

Эмоциональность, оценочность и образность нередко взаимодействуют, совмещаются в рамках общего семантического содержания слова или устойчивого сочетания, выражая тем самым максимальный уровень выразительности как преобладающее качество коллоквиального словника, см., например: «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» [Химик 2004].

3. Диффузность — регулярно, хотя и необязательно проявляющееся качество элементов разговорной речи: неопределенность, нечёткость, размытость формы и/или содержания некоторых речевых единиц. При этом диффузность имеет три разных уровня ее проявления в словаре разговорной речи:

— ***диффузность разговорности*** как явления в целом, что отражается в сложности определения самого понятия «разговорная речь»: разновидность национального языка, вариант литературного языка или функциональный стиль литературного языка[1];

— ***диффузность лексического состава*** разговорно-обиходной речи, которая заключается в зыбкости, подвижности границ ее словаря: одни разговорные слова постепенно становятся нейтральными (*электричка*, *заочник, лихорадить, касторка*) или профессиональными (*скользячка* — ‘скользкая, скользящая деталь механизма’), другие находятся на дальней периферии литературного языка — на границе языковой нормы или за ее пределами (*враскоряку, жрать, рыло, накостылять, патластый*), третьи слова и значения, сохраняя местную диалектную или жаргонную окраску, становятся полудиалектными или полужаргонными, приобретая просторечный (*гостевать, колготиться, напрямки*) или сленговый (*балдёж, кайфовать, тусовка*) статус, а значит, тоже вовлекаются в сферу широкой обиходно-бытовой разговорности[2];

— ***диффузность разговорного слова*** / ***значения*** — разные выражения неустойчивости и вариативности некоторых лексических единиц: формальной (ср.: *шеб**а**ршить / шеб**у**ршить / ш**у**буршить*; *башка́ / бо́шка*; *б**а**дяжить / б**о**дяжить*; *бр**у**лики / бр**ю**лики / бр**и**лики*; *водил**а*** / *водил**о*** и т. п.) и содержательной (напр.: *колбасить* — ‘колотить’, ‘тяжело брести’, ‘говорить вздор’, ‘пьянствовать’, ‘испытывать состояние дискомфорта’ и т. п.). При этом содержательная диффузность в одних случаях проявляется как особая семантическая ёмкость, обширная и открытая многозначность или полиреферентность слова (пример с *колбасить* и аналогично: *бабахнуть, молодёжка, ювелирка, крутой* и т. п.), а в других речевых проявлениях, напротив, как специфическая бедность, опустошённость, ограниченность смысла (например, экспрессивных частиц: *будем, короче, давай, замёта-*

[1] См., напр., разные подходы к русской разговорной речи в работах О. Б. Сиротининой [Сиротинина 1974] Е. А. Земской [Земская 1979 и др.], а также дискуссию 1970-х гг. о сущности разговорной речи и ее отличиях от кодифицированного литературного языка.

[2] Неопределённость общего состава, а значит, и количества единиц разговорно-обиходной речи не означает при этом безбрежности ее границ. По некоторым подсчетам разговорно-маркированные слова составляют не более 8–10 % всего лексического фонда высказываний в обиходной речи разных языков [Девкин 1979:152]. И если общее количество литературных слов по данным известных толковых словарей русского языка, достигает 130 тыс. слов [см. БТС 1998], то число разговорных единиц, следовательно, может быть 10–13 тыс. слов, однако с учетом вариативности значений и употреблений, а также разного рода пограничных речевых номинаций количество таких словарных единиц в действительности значительно больше.

но, ничего / *ничё*), но в любом случае диффузность формы и содержания — отличительная особенность многих разговорных единиц и разговорности в целом.

Главная трудность в отборе единиц для описательного словаря живой русской речи — определение общего состава разговорной речи в целом, а именно установление его границ. Формально эти границы очевидны: «верхняя» — литературная норма, или так называемая нормативная лексика и фразеология русского языкового стандарта. В Словарь разговорной речи должно включаться всё, что «ниже» этого уровня, начиная с разговорно-литературных единиц. «Нижняя» граница, или нижний предел, за которым находится территориально ограниченный лексикон (местные слова и значения, диалектизмы), социально-групповые или профессиональные жаргонизмы, понятные ограниченному кругу говорящих и описываемые в специальных словарях территориальных диалектов и социально-профессиональных жаргонов. ***Между двумя указанными границами*** и располагается всё множество разговорно-литературной и нелитературной (субстандартной), но общеупотребительной и/или общеизвестной, общепонятной русской лексики и фразеологии, которая оказывается разговорно-обиходной не столько по функции (таковую может выполнять любое слово, в том числе и книжного стиля), сколько по разговорной окрашенности. Но и эти условные критерии, разумеется, не абсолютны, приблизительны, поскольку нормативность / ненормативность, нейтральность / сниженность являются качествами нежёсткими, подвижными, а статус общеизвестности и понятности всегда может быть подвергнут сомнению отдельными носителями языка, даже искушенными. Впрочем, все эти обстоятельства как раз и являются признаками разговорности слов и значений: жёстко ограничить то, что в принципе не имеет постоянных и точных границ, — невозможно. Как справедливо писал В. Д. Девкин, в словаре разговорной речи всегда «часть материала не будет устраивать целые группы читателей» [Девкин 1997: 110]. К разговорному лексикографическому материалу относят иногда и жаргонизмы, но только те из них, «с которыми мы все встречались» [см.: Ермакова, Земская, Розина 1999], то есть общеизвестные и понятные большинству носителей языка.

Своеобразным камнем преткновения для лексикографов оказывается русское сквернословие, непристойные табуированные слова и выражения, большинство которых полностью соответствуют выделенным выше критериям разговорности: сниженные (предельно), экспрессивные (эмоциональные, образные, оценочные), принципиально диффузные (как по значению, так и по форме). Авторы большинства словарей разговорной речи категорически отвергают такие единицы, руководствуясь, как представляется, исключительно этико-эстетическими соображениями. Но в таком случае словарь теряет объективную полноту и не отражает речевую действительность в той мере, в какой она реально существует[3]. И более

[3] По данным мониторинга «один речевой день» (группа проф. Н. В. Богдановой // www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/html/76.htm), устная речь современных ее носителей с высшим образованием, в том числе обладателей научных степеней, содержит в зафиксированных звуковых фиксациях значительное количество ненормативных единиц, включая обсценные.

того, исключение из Словаря разговорной речи единиц традиционного русского сквернословия нарушает, обрывает известные системные связи русских экспрессивов разного эмоционального уровня: ср. *до черта, до беса, до шута, до фига, до хрена, до...*; или: *обалдеть, опупеть, офигеть, ошизеть, охренеть, о...* Между тем читатель, пользователь Словаря разговорной речи ждет от составителей полного лексикографического описания русской разговорной речи, «возможности навести справки» [Латынина 2008: 118], то есть узнать более или менее точное значение слова, понять его стилистическую окраску, установить функциональные границы. Как оказалось, это особенно важно для экспертов, анализирующих конкретные, включая табуированные, проявления живой русской речи в разного рода экстремальных ситуациях.

Существует, однако, и еще одна серьезная проблема составления Словаря русской разговорной речи — отставание словника любого готового словаря от реальной языковой действительности: за период от подготовки даже самого обширного коллоквиального тезауруса до его публикации появляется множество новых слов, значений и выражений. В одних случаях эта проблема решается переработкой и расширенным переизданием лексикографического собрания (ср., например: [Химик 2017]), в других, как это планируется, например, составителями «Толкового словаря разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина [Крысин 2014–2022], готовится дополнительный том. Но время идет, язык развивается, и через некоторое время возникает необходимость очередного актуального переиздания, очередного дополнительного тома. И тут нельзя не вспомнить замечательную практику Н. З. Котеловой и ее соавторов: регулярное издание «Новое в русской лексике: Словарные материалы» [Котелова 1984 и др.]. По этому же принципу и с использованием модели разноаспектного описания словарных единиц, как это реализовано в «Толковом словаре русской разговорной речи» под редакцией замечательного юбиляра Леонида Петровича Крысина, было бы неплохо установить традицию подготовки и периодического издания выпусков актуальных разговорных новообразований русской речи: слов, значений, устойчивых оборотов. Или другой вариант, современный — электронное издание Словаря русской разговорной речи с возможностью постоянных дополнений и исправлений, порождаемых реальной языковой действительностью.

Литература

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Междунар. отношения, 1979. 254 с.

Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / Под общ. рук. Р. И. Розиной. М. Азбуковник, 1999. 320 с.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Рус. язык, 1979. 238 с.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

Котелова Н. З. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-80. М.: Рус. яз., 1984. 87 с.

Крысин Л. П. (отв. ред.) Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–5. М.: ЯСК, 2014–2022.

Курилова А. Д. Толковый словарь разговорного русского языка. М.: АСТ, Астрель, Lingua, 2007. 640 с.

Лаптева О. А. Разговорная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 407.

Латынина А. Филология и подвижничество // Новый мир, 2008, № 2. С. 112–119.

Лукьянова А. Н. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. 227 с.

Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высш. школа, 1974. 350 с.

Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004, 762 с.

Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В 2 т. СПб.: Златоуст, 2017.

V. V. Khimik
Independent researcher
(USA, Walnut Creek)
vkhimik@mail.ru

FROM THE EXPERIENCE OF WORKING ON THE DICTIONARY OF RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH

The Dictionary of Russian Colloquial Speech is based on a comprehensive approach to the selection and description of vocabulary and phraseology. The diversity and motley nature of its lexicon, determined by the nature of everyday communication, do not preclude a certain unity. A consistent criterion for combining vocabulary and phraseology of various functional and social types is the characteristic of colloquialism, which manifests in its three main components: lowered stylistic level (minimal, moderate, coarse, extreme), expressiveness (emotionality, imagery, evaluative connotation), and diffuseness (instability and variability of words and meanings). The most important task in creating a dictionary of colloquial speech is to establish its boundaries: the “upper” boundary — everything below the literary norm, beginning with genuinely colloquial vocabulary and

phraseology, and the “lower” boundary, or bottom limit, beyond which are units known and understood only by insiders and described in specialized dictionaries of regional dialects and socio-professional jargons. A serious challenge in compiling the Dictionary of Colloquial Speech is the natural lag of the lexicon behind the actual linguistic reality. This issue may be addressed through the periodic publication of issues featuring relevant colloquial neologisms — words, meanings, fixed expressions — or through a specialized electronic edition of the Dictionary that allows for constant updates and clarifications generated by living Russian speech.

Keywords: vocabulary, colloquiality diminution, expressivity, diffusivity, common knowledge, relevance, limits

References

BTS — Bolshoi tolkovyi slovar’ russkogo yazyka (otv. red. S. A. Kuznetsov) [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language (ed. by S. A. Kuznetsov)]. Sankt-Petersburg, Norint Publ., 1998.

Devkin V. D. *Nemetskaya razgovornaya rech: Sintaksis i leksika* [German Conversational Speech: Syntax and Lexis]. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija Publ., 1979. 254 p.

Ermakova O. P., Zemskaya E. A., Rozina R. I. *Slova, s kotorymi my vse vstrechalis’: Tolkovyi slovar’ russkogo obshhego zhargona* (ed. by R. I. Rozina) [Words We’ve All Met: An Explanatory Dictionary of Russian General Jargon]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 320 p.

Khimik V. V. *Bolshoi slovar’ russkoi razgovornoi ekspressivnoi rechi* [The Great Dictionary of Russian Colloquial Expressive Speech]. St. Petersburg: Norint Publ., 2004, 762 p.

Khimik V. V. *Tolkovyi slovar’ russkoi razgovorno-obihodnoi rechi* [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. Vols. 1–2. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2017.

Kotelova N. Z. (ed). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-80*. [New Trends in Russian Vocabulary: Lexical Materials]. Moscow, Rus. Yaz Publ., 1984. 87 p.

Krysin L. P. (ed.) *Tolkovyi slovar’ russkoi razgovornoi rechi*. *Vyp. 1–5*. [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech, Vols. 1–5]. Moscow, YaSK Publ., 2014–2022.

Kurilova A. D. *Tolkovyi slovar’ razgovornogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. Moscow: AST, Astrel, Lingua Publ., 2007. 640 p.

Lapteva O. A. [Colloqual speech] *Lingvisticheskii encyklopedicheskii slovar’ (ed. V. N. Jarceva)* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. Encyklopediya Publ., 1990. 407 p.

Latynina A. *Filologiya i podvizhnichestvo* [Philology and Devotion to Scholarship]. *Novyi mir,* 2008, no. 2, pp. 112–119. (In Russ.)

Lukyanova A. N. *Expressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya* [Expressive Vocabulary in Colloquial Usage]. Novosibirsk, Nauka: Sib. otdelenie Publ., 1986. 227 p.

Ozhegov S. I. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kultura rechi* [Lexicology. Lexicography. Speech Culture]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974. 350 p.

Sirotinina O. B. *Sovremennaya razgovornaya rech i eyo osobennosti* [Modern Colloquial Speech and Its Characteristics]. Moscow. Prosveshchenie Publ., 1974. 144 p.

Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech: lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya.* [Russian Colloquial Speech: Linguistic Analysis and Teaching Issues]. Moscow, Rus. Yaz. Publ., 1979. 238 p.

Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiriayev E. N**.** *Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis.* [Russian Colloquial Speech: General Issues, Word Formation, Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 276 p.

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.34

А. Э. Цумарев
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
zumarew@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ О НЕЙ

В статье рассматривается религиозная лексика современного русского литературного языка и обсуждаются вопросы ее стилистического описания в толковом словаре. Стилистическая информация о слове может сообщаться при помощи помет, ремарок и текстовых иллюстраций. Особое внимание уделяется опыту использования сочетаний помет *церк*. и *религ*. с другими стилистическими пометами в толковых словарях XX — начала XXI в. Представлен анализ лексических единиц *брань*[2], *сродник*, *человечество* с целью уточнения их стилистических характеристик, предложены авторские варианты словарных статей этих единиц. Предпринимается попытка показать, что ряд слов, маркированных в толковых словарях как *устар*. (т. е. устарелые, или архаизмы), продолжает активно употребляться в современных религиозных текстах, в связи с чем предлагается использовать для этих слов сочетание помет *устар*. и *церк*. (или *устар*. и *религ*.). Накопление языковых фактов, подобных тем, которые анализируются в публикации, направлено на более совершенную словарную разработку религиозной лексики, формирование полного представления о стилистике религиозной речи и — шире — о разнообразии стилистических ресурсов современного русского литературного языка. Уточненное стилистическое описание слова может быть сопряжено с его более детальной словарной семантизацией.

Ключевые слова: современный русский язык, стилистика, религиозная лексика, архаизмы, толковый словарь, словарная статья, стилистическая помета, словарная иллюстрация

1. Вводные замечания

В статье Л. П. Крысина «Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка» была высказана мысль о необходимости выделения религиозно-проповеднического стиля [Крысин 1994], тем самым было положено начало разностороннему изучению современной религиозной коммуникации.

Наряду с этим остается особая задача лексикографирования религиозной лексики, представленной в словарях советской эпохи нередко в искаженном виде и до сих пор далеко не всегда описанной должным образом[1].

Важной составляющей словарной работы в плане стилистики является маркирование лексических единиц при помощи помет и ремарок, а также их иллюстрирование[2]. Наличие электронных ресурсов (НКРЯ и др.) позволяет сегодня более точно устанавливать функциональную закрепленность слова и подбирать характерные примеры его употребления.

Если говорить о православии, то существует утверждение, что «в стилистическом плане православная лексика достаточно однородна, хотя и в этом отношении наблюдается некоторая стратификация, но в меньшей степени, чем в других лексических сферах. С одной стороны, наряду с официальными употребляются также обиходные, разговорные номинации: **БАТЮШКА.** *Обиходн*. Священник (обычно в обращении). <...> С другой стороны, функционируют лексические средства, которые в пределах этого лексического пласта могут быть определены как лексика высокого стиля: **ПРИЗРЕНИЕ** ‘опека, помощь’...» [Скляревская 2012: 39].

Наблюдения показывают, что многие слова, которые маркированы в толковых словарях как *устар*. (т. е. устарелые, или архаизмы), традиционно и активно употребляются в современных религиозных текстах. В таком случае можно выбрать одно из трех решений: 1) оставить описание с пометой *устар*., без какого-л. указания на религиозную сферу употребления слова, 2) добавить иллюстрацию, относящуюся к современной церковной речи, 3) использовать сочетание *устар*. и *церк*. (или *устар*. и *религ*.), приведя иллюстрации на обе пометы (наиболее эксплицитный способ подачи).

Далее предпринимается попытка реализовать третий подход. Заметим: аналогично принятому в лексикографии сочетанию *устар*. и *книжн*., комбинация *устар*. и *церк*. (или *религ*.) иногда встречается в толковой лексикографии (см., например,

---

[1] Особый характер этой задачи определяется тем, что в лексикографии «не всегда могут быть обнаружены прямые соответствия между кругом маркированной лексики и тем или иным стилем» [Скляревская 1988: 93]; кроме того, некоторые исследователи отрицают стилевое единство религиозных текстов, см., например, [Москвин 2019]. Применительно к современной лексикографической практике нужно сказать, что существуют варианты маркирования рассматриваемой лексики: если пометам *церк*. и *религ*. отводится функция обозначения терминов, то иные виды стилистически окрашенной церковно-религиозной лексики могут быть маркированы ремарками («В православии...», «В религиозных текстах...» и т. п.); при другом подходе вся характерная для религиозных текстов стилистически окрашенная лексика (имеющая специальную, архаическую, возвышенную, официальную, разговорную окраску) может быть маркирована упомянутыми пометами (при необходимости — в сочетании с другими стилистическими маркерами). Предметом дальнейших исследований могли бы стать также некоторые устойчивые выражения, проникающие в СМИ: *почислить на покой (за штат), запретить в служении, перейти под чей-л. омофор* и др.

[2] Важность точной стилистической маркировки лексики в словаре связана с тем, что «словарные пометы безусловно должны быть отправной точкой при любом лингвостилистическом исследовании» [Петрищева 1984: 13–14].

богоугодный в [Чернышев 1948–1963], в ст. «Бог») и говорит о том, что слово, в прошлом общеупотребительное, нейтральное, в современном языке имеет либо окраску устарелости, либо является приметой церковной речи. При необходимости может быть добавлена и третья помета (например, *высок.*, *офиц.*). Изучение случаев, требующих использования сочетания помет, несомненно, связано с проблематикой стилистической стратификации религиозной лексики и — шире — стилистического разнообразия литературного языка.

В настоящей публикации мы коснемся опыта маркирования слов религиозной сферы в толковых словарях и представим результаты анализа трех лексических единиц, с их презентацией в виде авторских словарных статей.

2. Маркирование религиозной лексики в толковых словарях XX — начала XXI в.

В отечественной лексикографии для маркирования слов религиозной сферы используются пометы *церк.* и *религ.* (*рел.*), а также ремарки типа «В христианстве...», «В православном богослужении...» и т. п., либо сочетание пометы и уточняющей ремарки. В словаре, не имеющем детального набора отраслевых помет, любая специальная единица выделяется общей пометой *спец.*: **ТРУ́ДНИК... 2.** Человек, по обету работающий на монастырь, на церковь (*спец.*) [Шведова 2007].

В отношении использования сочетаний помет выделим три словаря: [Ушаков 1935], [Апресян 2014], [Морковкин 2016].

В [Ушаков 1935] в числе помет были *церк.-книжн.* (для церковнославянизмов *бразда, власы, град* и т. п.)*, церк.* и *религ.* Из последних двух в подавляющем числе случаев применялась *церк.* Обращает на себя внимание большое разнообразие комбинаций пометы *церк.* с другими пометами в этом словаре[3], например:

1) *диакон* (офиц. церк.), *говельщик* (разг. церк.), *помин* (простореч. и церк.);
2) *молебствие* (церк. торж.), *паства* (церк. ритор.), *животворящий* ‘дающий жизнь, оживляющий, животворный’ (церк. и поэт.), *пречистый* ‘эпитет Богородицы’ (церк. и нар.-поэт.);
3) *хлебодар* (церк. старин.), *Кормчая* (истор. церк.), *консистория* (церк. дореволюц.), *обновленец* (нов. церк.);
4) *партесный* (церк. муз.), *Второзаконие* (церк. лит.);
5) *конклав* (церк. загр.).

[3] Объяснение помет: (церк.-книжн.) — церковно-книжное («пережиток той эпохи, когда церковнославянская стихия преобладала в русском литературном языке»), (церк.) — церковное (употребляется «в специальном церковном быту верующих»; ср. также с пометой (церк.-слав.) — церковнославянское); (разг.) — разговорное, (офиц.) — официальное, (простореч.) — просторечие; (торж.) — торжественное, (ритор.) — риторическое, (поэт.) — поэтическое, (нар.-поэт.) — народно-поэтическое; (старин.) — старинное, (истор.) — историческое, (дореволюц.) — дореволюционное, (нов.) — новое; (муз.) — музыка, (лит.) — литературоведение; (загр.) — за границей.

Отличительной чертой словаря [Морковкин 2016], в котором помета *рел.* преобладает над *церк.*, является попытка последовательного разграничения официальных и неофициальных номинаций, например:

> **ДИА́КОН** *офиц.* и **ДЬЯ́КОН** *рел.*; **ИЕРЕ́Й** *рел. офиц.*; **КУТЬЯ́** и *рел. офиц.* **КУТИЯ́**; **ОБЕ́ДНЯ** *рел., неофиц.*; **ПРИЧА́СТИЕ**[1] *рел.* 1.0. *с оттенком неофиц.* То же, что причащение; **СЕСТРА́** *мн.* сёстры и *рел. офиц.* се́стры. Кроме того, можно отметить сочетания *рел.* и *книжн.* (*брачующийся*) и *устар.* и *рел.* (*прелесть* ‘то, что обольщает, соблазняет, склоняет ко греху’).

В [Апресян 2014], в томах, охватывающих интервал А–К, встретились сочетания *книжн.* или *церк.* (*гордость* 1.2), *церк.* и *книжн.* (*кощунство* 1), *церк. книжн.* (*двоеперстие*, см. ст. «Креститься», значение 2), *обиходн.* (*окрестить* и *покрестить*, см. ст. «Крестить», значение 1.1). В статье «Крещение» (значение 1) выстраиваются следующие стилистические пары: *крестник* (*церк. обиходн.*) — *крещаемый* (*церк. высок.*), *крестный отец* (*церк.*) — *восприемник* (*церк. необиходн.*)[4].

Опыт названных словарей, полагаем, весьма полезен в связи с поисками способов усовершенствования презентации церковно-религиозной лексики в лингвистических словарях. В некоторых случаях более точное стилистическое описание слова сопряжено с его более детальной семантической разработкой (см. ниже *брань*[2]).

3. Стилистический анализ лексических единиц

3.1. СРО́ДНИК. Семантически не связанное как таковое с религиозной сферой, слово *сродник* (‘родственник, родной’) в [Востоков 1847] приводится без пометы (ср. там же: *сродич* — *Стар.* «речение старинное», *сродство* — *Церк.* «церковное», *сродясь* (‘отроду, отродясь’) — *Простон.* «речение простонародное»). Также мы находим его в словаре церковнославянского языка [Дьяченко 1899][5].

Оно зафиксировано (в отличие от *родственник*) в словаре древнерусского языка [Крысько 2013] и имеет разную маркировку в словарях современного языка: [Ушаков 1935] и [Горбачевич 2014] — *обл.* (в согласии с диалектным [Сороколетов 2006], где также имеется *сродственник*, но с пометой *прост.*), [Евгеньева 1981–

---

[4] Объяснение помет: *церк.* — церковный термин, *книжн.* — книжное («нехарактерное для диалогической речи, иногда слегка терминологическое»), *высок.* — высокое («употребляется в торжественном, слегка пафосном стиле»), *обиходн.* — обиходное («промежуточная ступень между обычной разговорно-литературной речью и просторечием»), *необиходн.* — необиходное («промежуточная ступень между книжной и обычной литературно-разговорной речью»).

[5] Слова приведены в современной орфографии. Автор благодарит О. Е. Кармакову (ИРЯ РАН) за обсуждение диалектного статуса слова *сродник* и ценные дополнительные данные (слово имеет обширное распространение и зафиксировано в архангельских, орловских, смоленских и др. говорах). Проблемы разграничения диалектной и просторечной лексики рассматриваются в работе [Балахонова 1982].

1984] и [Чернышев 1948–1963] — *устар*. и *прост*. (*простореч*.), [Апресян 2004] — *устар*. (в ст. «Родственники»). При этом в [Шведова 2007] и [Кузнецов 2008] оно отсутствует (есть только его синоним *сродственник* с пометой *прост*.), также не включено оно в словари разговорной речи [Химик 2017] и [Крысин 2021].

Согласно данным НКРЯ, лексема *сродник* содержится в большом количестве литературных произведений: в Панхроническом корпусе — с XI в., в Основном корпусе — от Петра I до Ю. Нагибина и др.

В религиозной литературе оно содержится в синодальном переводе Евангелия (*Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у* ***сродников*** *и в доме своем*. Мк 6:4), в текстах молитв (утреннее правило: *Спаси, Господи, и помилуй <...>* ***сродников*** *(имена)...*), в устойчивых наименованиях (*апостол Симеон,* ***сродник*** *Господень*), в речи священнослужителей.

Об употребительности слова *сродник* в современном церковном узусе свидетельствует тот факт, что на официальном сайте Московской патриархии (дата обращения — 18.02.2025) можно обнаружить свыше 120 текстов (и еще больше вхождений) с этим словом, различных жанров (проповедь, слово на панихиде, епископское послание, доклад на епархиальном собрании и др.). Например, в разделе «Постановить» протокола заседания Священного синода от 13.04.2021 г. записано: *«...3. Призвать архиереев, клириков, монашествующих и мирян вознести сугубую молитву об упокоении почивших от последствий коронавирусной инфекции братьев и сестер во Христе и об утешении их* ***сродников*** *и близких, а также не оставлять молитвы ко Господу об избавлении от нашедшего вредоносного поветрия»*.

Суммируя всю информацию, можно заключить, что это слово было вытеснено из общелитературного обихода, но осталось в диалектах и в церковной речи, следовательно, более точным, чем принято, описанием будет следующее:

> **СРО́ДНИК,** -а, *м*., *одуш. Устар*., *обл*. и *церк*. Родственник. *Петр повелел президентам коллегий выбрать себе асессоров, ни сродников, ни креатур, ни членов иных коллегий*. А. Пушкин. История Петра: подготовительные тексты. *— Ты мне скажи, брательник, Тимофей Ефремов сродник нам али как?* М. Алексеев. Драчуны. *Господь стал сродником человека по плоти.* Прот. А. Мень. Неделя перед Рождеством Христовым.

3.2. БРАНЬ. Наиболее детальная семантическая разработка лексемы *брань* (с общей для всех значений и оттенков пометой *Слав*., т. е. «славянское, славянизм»; ср. др.-рус. *боронь*) предложена в [Сорокин 1985], где при основном значении выделено и интересующее нас переносное употребление: «**БРАНЬ...** *Слав*. **1.** Война. ... ◊◄ Мужицкая брань. *Крестьянская война*. ... | *Образно и Перен*. О борьбе, противоборстве (чувств, стихий и т. п.)». Лексема *брань* используется в синодальном переводе Нового Завета: *«...наша брань не против крови и плоти...»* (Еф. 6:12), содержится в заглавии одного из известнейших в православии сочинений по аскетике — «Невидимая брань» преп. Никодима Святогорца. Приведем

примеры употребления лексемы в статьях ПЭ: «*Учение об А.* [*Антихристе*] *таинственно. Оно может быть понято лишь в связи с вековой* ***бранью****, к-рую Бог ведет против сатаны и его земных последователей*» (ст. «Антихрист»); «*Христос ведется Духом в пустыню на* ***брань*** *с диаволом*» (ст. «Евангелие»); «*Монах входит в длительную* ***брань*** *с бесовскими приражениями*» (ст. «Искушение»).

С учетом приведенных фактов словарная статья может иметь такой вид:

БРАНЬ[2], -и, *ж.* **1.** *Устар*. Война; битва, бой. *Многие из них* [*неверных*] *погибнут на войне и в междоусобных бранях.* П. Мельников-Печерский. На горах. *Если кто из князей поднимет брань против другого князя, то быть всем заодно на зачинщика*. В. Ян. Чингиз-хан.

2. *перен*. *Религ*. *высок*. Духовная борьба. *Брань против греха.* □ *Христианство есть борьба за Царство Божие с царством дьявола, брань с миром*. Свщмч. С. Мечев. О мире. *У монаха всё время идет брань в помыслах!* Иером. Никон (Беляев). Дневник. *Мы должны вести невидимую брань*. Прот. Г. Каледа. О свете Евангелия.

◊ **На поле брани** (*высок*.) — в бою, в сражении. *Пасть на поле брани*.

3.3. ЧЕЛОВЕ́ЧЕСТВО. Интересующее нас значение слова *человечество* с пометой *устар*. зафиксировано в [Чернышев 1948–1963] (соответствующий том большого словаря [Горбачевич 2004] в настоящее время не издан). Это значение актуально для языка современного богословия (в христологии — учении о Христе, о Его Богочеловечестве); ср.: *Нельзя отговариваться тем, что Христос был Богом; Он живет и умирает в Своем* ***человечестве****, а не в Божестве.* Митр. Антоний (Блум). Крестный путь Христов; *Но если Христос есть совершенный Богочеловек, то Церковь еще не есть совершенное богочеловечество, ибо на земле она воинствует с грехом, и ее* ***человечество****, хотя внутренне и соединено с Божеством, далеко не во всем Его выражает и Ему соответствует.* Основы социальной концепции Русской Православной церкви.

Принимая во внимание языковые данные, относящиеся к сфере религиозной коммуникации, предлагаем следующее словарное описание:

ЧЕЛОВЕ́ЧЕСТВО, -а, *с.* **1.** Люди, человеческий род, человеческое общество. ... **2.** *Устар*. и *религ*. Человеческие свойства, начала; человеческая природа. [*Федор:*] *Звери умирают, люди убивают себя. Одна из всех живых тварей, человек сознает смерть и может убить себя и всегда убивает, хотя бы только частично — трудом, болезнью, пороком, святостью, безумием, — ну, словом, всем своим человечеством.* Д. Мережковский. Будет радость. *Прежде существовали различные формы «докетизма», утверждавшие, что проявления человечества Христа, включая, в частности, Его смерть, были лишь «видимостью».* Протопресв. И. Мейендорф. Человечество Христа. *Христос — Сын Божий, Его Отец — не кто иной, как Бог. Но человечество Свое, плоть и кровь Свою Христос принимает от нас, людей*. Протопресв. А. Шмеман. Беседы на радио «Свобода».

Словари и источники

Апресян 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2004. 1488 с.

Апресян 2014 — Активный словарь русского языка/ Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры. 2014–.

Востоков А. Х. Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 4. СПб.: Императорская Академия наук., 1847. 488 с.

Горбачевич 2004 — Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–. М.; СПб., 2004–.

Дьяченко Г. М. (свящ.) Полный церковно-славянский словарь. М.: Тип. Вильде, 1899. 1120 с.

Евгеньева 1981–1984 — Словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Русский язык, 2000.

Крысин 2021 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4: С–Т / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 680 с.

Крысько В. Б. — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. В. Б. Крысько. Т. 10. М.: Рус. яз.; Азбуковник; ЛЕКСРУС, 2013. 656 с.

Кузнецов 2008 — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2008. 1534 с.

Морковкин 2016 — Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС школа, 2016. 1451 с.

ПЭ — Православная энциклопедия / Под общ. ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II (с 2009 — Кирилла). М., 2000– [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravenc.ru (дата обращения: 18.02.2025)

Сорокин 1985 — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 2. Безпристрастный — Вейэр/ Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1985. 247 с.

Сороколетов 2006 — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Сороколетова. Вып. 40. Сопочка — Ссуворить, СПб., Наука, 2006. 346 с.

Ушаков 1935–1940 — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. Том 2. О–Я. СПб.: Златоуст, 2017. 532 с.

Чернышев 1948–1963 — Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. В. И. Чернышев. Т. 1. А–Б. 1948. 736 стб.; Т. 14. Со–Сям. М., Л. Изд-во АН ССР, 1963. 1391 с.

Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Литература

Балахонова Л. И. К вопросу о статусе просторечной и диалектной лексики // Вопросы языкознания. 1982. № 3. С. 104–110.

Крысин Л. П. Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка // Русский язык в школе. 1994. № 3. С. 69–71.

Москвин В. П. О месте церковно-религиозной речи в системе русского языка // Актуальные вопросы стилистики. 2019, № 5. С. 61–*72.*

Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984. 222 с.

Скляревская Г. Н. Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 84–97.

Скляревская Г. Н. Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «История, Филология». 2012. Т. 11. № 9. С. 36–40.

A. E. Tsumarev
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
zumarew@yandex.ru

RELIGIOUS VOCABULARY IN THE EXPLANATORY DICTIONARY AND STYLISTIC INFORMATION ABOUT IT

The paper considers the religious vocabulary of the modern Russian standard language and discusses issues of its stylistic description in the explanatory dictionary. Stylistic information about a word can be communicated by means of stylistic labels, usage notes and illustrative examples. Special attention is paid to the experience of using combinations of the labels *церк*. (church) и *религ*. (religious) with other stylistic labels in the dictionaries of the XX — early XXI century. An analysis of the lexical units *брань*[2] (‘war, battle’), *сродник* (‘relative’), *человечество* (‘human nature’) is presented in order to clarify their stylistic characteristics, and author’s versions of dictionary entries are proposed. An attempt is made to show that a number of words marked in explanatory dictionaries as *устар*. (obsolete) continue to be actively used in modern religious texts, and therefore it is proposed to use the combination *устар*. и *церк*. (*устар*. и *религ*.) for these words. The accumulation of linguistic facts similar to those analyzed in the publication is aimed at a more perfect dictionary description of religious vocabulary, as well as the formation of a more complete understanding of the stylistic resources of the modern Russian standard language as a whole. A more accurate stylistic description of a word may be accompanied by its more detailed semantic description.

Keywords: the modern Russian language, stylistics, religious vocabulary, obsolete words, explanatory dictionary, dictionary entry, stylistic label, illustrative examples

References

Balakhonova L. I. [On the status of vernacular and dialectal vocabulary]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues in linguistics], 1982, no. 3, pp. 104–110. (In Russ.).

Krysin L. P. [On one lacuna in the system of functional styles of the modern Russian language]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1994, no. 3, pp. 69–71. (In Russ.).

Moskvin V. P. [On the place of church-religious speech in the Russian language system]. *Aktual'nye voprosy stilistiki* [Current issues in stylistics], 2019, no. 5, pp. 61–72. (In Russ.).

Petrishcheva E. F. *Stilisticheski okrashennaya leksika russkogo yazyka* [Stylistically colored vocabulary of the Russian language], Moscow: Nauka Publ., 1984. 222 p. (In Russ.).

Sklyarevskaya G. N. [Once again about the problems of lexicographic stylistics]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues in linguistics], 1988, no. 3, pp. 84–97. (In Russ.).

Sklyarevskaya G. N. [The vocabulary of Orthodoxy in modern Russian: the experience of lexicological analysis and lexicographic description]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Istoriya, Filologiya»* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and Philology], 2012. Vol. 11, no. 9, pp. 36–40. (In Russ.).

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.35

О. А. Шарыкина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
oka_2311@mail.ru

О НАЗВАНИЯХ ЖИВОТНЫХ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются разговорные названия собак, попугаев, черепах и некоторых других животных. Отдельные такие номинации возникли достаточно давно и либо до сих пор активно употребляются (ср. *собачка*, *черепашка*), либо со временем ушли из речи носителей языка (ср. *черепашица*). При этом у некоторых старых слов со временем может актуализироваться одно из прежде периферийных значений (как произошло со словом *псина*, которое изначально употреблялось преимущественно в значении ‘плоть собаки’, а в дальнейшем стало активно использоваться по отношению к собаке как живому существу). Анализируются способы образования разговорных названий животных: усечение исходного слова — как правило, названия животного или названия его породы, в том числе, образование форм мужского рода от слов женского рода, которые не имеют в литературной речи такого соответствия (например, *собак*, *птиц*); добавление различных уменьшительно-ласкательных суффиксов, а также добавление различных буквосочетаний, благодаря которым название животного воспринимается как псевдоиностранное слово (например, *собакен*). В заключении статьи рассматривается вопрос, с чем может быть связано появление большого количества разговорных названий животных. Высказывается предположение, что в этом процессе задействовано несколько факторов, прежде всего тенденция к экономии речевых усилий, а также выражение посредством таких названий особого отношения к домашним питомцам.

Ключевые слова: разговорная речь, толковый словарь, названия животных, словообразование, многозначная лексика

Вместо предисловия

В статье речь пойдёт о новых и традиционных разговорных названиях животных, прежде всего домашних. Будут рассмотрены способы образования таких слов и будет высказано предположение, почему в настоящее время мы наблюдаем бум таких названий.

Поскольку разговорным названиям кошек была посвящена отдельная статья автора (см. [Шарыкина 2023]), в данной работе они, к сожалению, не упоминаются, хотя, безусловно, эти наименования являются самыми многочисленными и разнообразными.

Собаки

Собаки на протяжении долгого времени являются одними из самых популярных домашних питомцев, и они достаточно давно обзавелись разговорными названиями, ср.: *собачка, собачонка, собачара, собаченция, собачина, пёсик, псина, псинка, барбос, бобик, моська, шавка, кабысдох* и др. В этом ряду особый интерес представляет слово *псина*. Различные толковые словари — «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова [СУш], «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [МАС], «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [БТС] и «Большой академический словарь русского языка» [БАС-3] — на первое место единодушно определяют исходное значение слова *псина* — ‘собачье мясо’, ср.:

СУш: **ПСИНА**, псины, *мн. нет*, *м*. и *ж*. (*простореч*.). 1. *ж*. Собачье мясо. || Запах собаки, собачьей шерсти. *Пахнет псиной*. 2. *м*. и *ж*. Большой пес.

МАС: **ПСИ́НА**, -ы, *ж.* 1. *Разг.* Собачье мясо. 2. *Разг.* Запах собаки, собачьей шерсти. 3. *Прост.* Пес. *Так как Каштанка взвизгнула и попала ему под ноги, то он не мог не обратить на нее внимания. Он нагнулся к ней и спросил: — Псина, ты откуда?* Чехов, Каштанка.

БТС: **ПСИНА**, *-ы*; *ж*. *Разг*. 1. Собачье мясо. *Питаться псиной*. 2. Запах собаки, собачьей шерсти. *Пахнет псиной.* 3. Пёс (обычно большой). Псиный, -ая, -ое. *П. запах. П-ая морда*.

БАС: **ПСИНА**, ы, *ж*. и *м*. *Разг*. 1. *Ж*., *только ед*. Собачье мясо. 2. Пес (обычно большой). 3. *Ж*. *Только ед*. Запах собаки, собачьей шерсти.

Однако в современной разговорной речи данное значение нерелевантно, что отражено в «Толковом словаре русской разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина [ТСРР], а также в Викисловаре [Викисловарь], где на первом месте указаны значения ‘собака’ или ‘крупная собака’ (обращает на себя внимание и то, что *псина* в этих словарях толкуется не как пёс, а как собака), ср.:

ТСРР: **ПСИНА**. 1. Крупная собака. 2. Любая собака.

Викисловарь: **ПСИНА**. 1. *одуш. увелич.* то же, что собака. 2. *неодуш. неисч.* запах собаки. 3. *редк. неодуш. неисч.* плоть собаки, обычно как пищевой продукт.

То, что *псина* в значении ‘собака’ в настоящее время является самым актуальным значением этого слова, подтверждается данными Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и другими интернет-источниками (блогами, форумами и т. п.), ср.:

- ***Псины*** *какие-то то и дело по двору вальяжно шляются, не боятся почти, лениво так уходят при моём появлении* (НКРЯ // Блоги, 2022);

- *Утром и вечером гулять с* ***псиной*** *станет батиной обязанностью* (ВКонтакте, 2024);
- *Дружившие еще недавно семьи теперь вовсе не здороваются друг с другом, ну просто Монтекки и Капулетти... С боями делят в зале заседаний мелкую* ***псину*** *— чихуахуа* (Комсомольская правда, 19.11.2012).

В последние десятилетия появились и очень активно используются такие разговорные названия собак, как *соба* (сокращение от *собака*), *собак* (в значении ‘любая собака (обычно мужского пола)’), *собакен* (*собакин*)*, пёсель, собачатина* (в значении ‘собака’, а не ‘собачье мясо’). Интересно, что *собакен* (*собакин*) может произноситься с ударением как на первый слог, так и на второй. В телеграм-канале А. Р. Пестовой «Помогите словарю»[1] проводился опрос, касающийся ударения в этом слове. В нем приняло участие более 400 респондентов в возрасте от 16 до 60 лет, и большинство из них (69 %) отметили, что ставят ударение на второй слог — *соба́кен*. Однако большой процент ответивших *собаке́н* (по наблюдениям, преимущественно речь петербуржцев), позволяет предположить, что в настоящее время словарям целесообразно фиксировать оба варианта ударения. Написание же *собакен* и *собакин*, вероятнее всего, связано с тем, с чем у носителей языка ассоциируется данное слово — с фамилией Собакин или с псевдоиностранным (немецким) словом (ср. далее *черепахен* — черепаха). Есть также несколько версий, чем отличаются *собакены* от *пёселей*: обычно *пёселем* называют собаку-мальчика, а *собакеном* — собаку-девочку, а также собаку вообще; в то же время *пёселями* именуют обычно небольших милых и добродушных собак, а *собакенами* — преимущественно больших и не всегда добродушных.

Некоторые новые разговорные названия собак образованы от названия пород, как правило, путем сокращения соответствующего слова и добавления уменьшительно-ласкательного суффикса, например: *французик* — французский бульдог, *сибка* — собака породы сиба-ину, *йоркшик* — йоркширский терьер, *буля, булька* — бультерьер и др.

Попугаи

Безусловно, на протяжении долгого периода времени самыми разговорными среди «попугайских» названий были *попугайчик* и *попка*. Проанализировав разные современные интернет-блоги, форумы, телеграм-каналы, посвящённые попугаям, можно обнаружить, что за последние десятилетия появилось много новых разговорных наименований этих птиц, например: *попуг, попужок, попужочек, попужик*, *попужка*. Ср.:

- ***Попужка*** *подписчицы учится играть на фортепьяно* (Телеграм-канал «Попуг», 2024);
- *Клетка всегда открыта в светлое время суток, и* ***попуг*** *летает. На активность и крикливость не жалуюсь* (mybirds.ru // Форум, 2018);

[1] t.me/pomogite_slovarju

- *Вот мне тоже интересно, как такой получился* ***попужок****. Папа желтый с зеленой грудкой, без волнушек почти, а мама... кобальтовая, такая синяя, слегка с фиолетовым* (forum.volnistye.ru, 2013).

Поскольку рассматривались преимущественно письменные источники, возник вопрос, как ставить ударение в таких словах, как *попуг* и *попужка*. Опрос в телеграм-канале А. Р. Пестовой «Помогите словарю» показал, что большинство респондентов (75 %) поставили бы ударение на второй слог — *попу́г*. При этом многие информанты признавались, что никогда не слышали этого слова и не используют его в речи. Это, безусловно, объяснимо тем, что подобные разговорные названия известны прежде всего владельцам попугаев (так например, в телеграм-канале «Узнал новое слово» Б. Л. Иомдина[2] проводился опрос «Знаете ли вы слово *попужка*?», и большинство респондентов ответили, что не знают). Некоторые из опрошенных отмечали также, что в длинных предложениях «язык автоматически произносит *попуг*, так легче произнести».

Что касается выбора ударения в слове *попужка*, подавляющее большинство (90 %) проголосовало за вариант *попу́жка*. Хотя можно было предположить, что ударение в обоих словах — *попуг* и *попужка* — будет падать на первый слог по аналогии с *по́пкой*. Интересно также отметить, что *попужка* может применяться и к самке попугая, и к самцу.

Если говорить не только о попугаях, но и о птицах вообще, то стоит упомянуть слово *птиц,* которым в разговорной речи именуют любую птицу (обычно самца), ср.: *Этот «****птиц****» попал ко мне от знакомой птичницы, которая случайно наткнулась в интернете на объявление «Отдам птицу в хорошие руки»* (Блоги, 2025); *У меня такой* ***птиц*** *был — калифорнийский перепел называется!* (forum.veterinarian.ru, 2012).

Аквариумные рыбки

Перейдём к аквариумным рыбкам. Большинство их разговорных наименований образовано непосредственно от названий видов рыб путём усечения и/или добавления уменьшительно-ласкательных суффиксов, например: *гупёшки, гупяшки, гупаки* — рыбки гуппи; *васильки* — васильковые каплохромисы, *данюхи* — рыбки данио; *диски* — дискусы (можно упомянуть также слово *дискусятник* — аквариум с дискусами); *золотухи* — золотые рыбки; *корики, коридоры* — сомики коридорасы; *лялька* — рыбки лялиус; *мадрики* — сомики мадре де диос; *мечи, мечики* — меченосцы; *скаляры, скалки* — скалярии и др.

Нередко разговорное название аквариумных рыбок возникает на основе сходства внешнего вида рыбы с кем-либо или чем-либо, ср.: *алкаши* — красноносые рыбки, *гаишники* — акантофтальмусы (рыбки своим окрасом напоминают жезл сотрудника ДПС (ГАИ)), *щучка* — линеатус (рыбка по внешнему виду похожа на маленькую щуку); *мешок* — сом мешкожаберный (у рыбки вдоль всего тела расположены дополнительные органы дыхания в виде мешков). Мелких аквариумных

[2] t.me/UznalSlovo

рыбок в быту называют *килькой*, а крупных — *селёдкой.* Некоторые разговорные названия связаны с характерной особенностью рыбки, например, *присосками* именуют сомов семейства лорикариевых, которые действительно могут присасываться к стенкам аквариума. Нельзя не упомянуть также *курочку* — в разговорной речи так называют самку рыбки-петушка.

Черепахи, хомяки, морские свинки и другие животные

Те же способы образования разговорных названий наблюдаются и у таких домашних питомцев, как черепахи, хомяки и морские свинки. В частности, у черепах наряду с традиционным разговорным наименованием *черепашка* в настоящее время активно употребляются *черепушка, череп*, *черепахен,* ср.:

- *Ну, то, что красноухая* ***черепушка*** *питомец не самый хороший, это давно известно, и что избавляются от них, иногда не самыми гуманными способами* (Блоги, 2020);
- *У сына такой* ***череп*** *ползает, и надо быть внимательным очень, чтобы не цапнул. Сын говорит, прихватывает нехило* (Одноклассники, 2023);
- *В неволе* ***черепахен*** *может дожить до 80 лет, пережив тебя и твоих внуков* (Блоги, 2018).

В разговорной речи встречаются также и более редкие названия черепах: *чопа, черепундрик, черепах* (два последних, как правило, применяются по отношению к черепахам-мальчикам). Активно употребляются названия, связанные с видом черепах: *красноушка* (красноухая черепаха), *египтяночка* (египетская черепаха)*, среднеазиаточка* (среднеазиатская, или степная черепаха), ср.:

- *По сравнению с* ***красноушкой****, трионикс более сообразительный. Например, он научился открывать капсулу от шоколадных яиц, если туда положить еду* (ptichka.ru, 2017);
- *У нас тоже живёт* ***среднеазиаточка*** *Маша, но пока ей всего 6 лет. Тоже любит таскать кошачьи вкусняшки, потом уже ест свою веганскую еду* («Моя семья» // Форум, 2020);
- (Подпись под фото с черепахами:) *Мои* ***среднеазиточки****,* ***египтяночки*** *и* ***красноушки*** (forum.cherepahi.ru, 2020).

Интересно, что уменьшительные названия черепах отмечены ещё в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [Даль 1956], ср.:

> ***Черепаха*** ж. ***-пуха***, *черепашка*, *-шица,* желвь стар. Testudo, земноводное животное съ костянымъ черепомъ, подъ роговою оболочкою, во все тѣло.

Если *черепашица* уже утратила свою актуальность, то *черепашка и черупуха* до сих пор активно употребляются в разговорной речи.

По нашим наблюдениям, меньше всего новых разговорных названий у хомяков (*хома, хомочка*), морских свинок (*свинюшки*) и муравьев (*мураши*, *муравьишки*),

но и в образовании данных номинаций прослеживаются те же тенденции, что и у разговорных наименований других животных.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что новые разговорные названия домашних питомцев образуются преимущественно следующими способами:

— усечением слов (например, *соба, сиба, хома, кош, череп, попуг*), в том числе образование таким образом форм мужского рода от женского (например, *птиц, черепах, собак*);
— путём прибавления уменьшительно-ласкательных суффиксов (например, *попужок, попужочек, черепушка, гупяшки*);
— с помощью языкового приёма, не получившего ещё специального названия в лингвистике, который можно назвать «обыностраниваем» русского слова, когда оно воспринимается как иностранное (например, *собакен, пёсель, черепахен*).

Возникает вопрос, почему именно в последнее время появилось так много разговорных названий животных? С одной стороны, кажется очевидным, что основная причина этого кроется в экономии речевых усилий (безусловно, фраза *у меня сибка* звучит гораздо короче, чем *у меня собака породы сиба-ину*). С другой стороны, все новые и традиционные разговорные наименования в той или иной степени передают отношение человека к своим питомцам, которое изменилось с течением времени, стало более гуманным: кошка в доме нужна уже не только для ловли мышей, собака — не только для охраны и охоты, а хомяки, попугаи и т. п. нужны не только для того, чтобы наблюдать за их жизнью в неволе. Прежде всего это радость от общения с животными, любовь к ним. К этому можно добавить то, что многие хозяева очеловечивают своих питомцев, наделяют их чертами характера людей, приписывают им человеческие эмоции, ассоциируют с детьми или считают полноценными компаньонами. Несомненно, всё это нашло отражение и в языке, в частности, в появлении огромного количества разговорных названий животных.

Литература

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–. М.–СПб.: Наука, 2004–.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2004. 1536 с.

Викисловарь — Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wiktionary.org

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1956.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru

СУш — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3, П–Р / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. 824 с.

Шарыкина О. А. Рыжики, *шпротики* и *резинки*. Названия кошек в разговорной речи и в словаре // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней: Доклады Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой / (Отв. ред.) А. Н. Ерёмин. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, кафедра русского языка, 2023. С. 391–396.

O. A. Sharykina
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
oka_2311@mail.ru

ANIMAL NAMES IN COLLOQUIAL SPEECH

The article deals with colloquial names of dogs, parrots, turtles and some other animals. Some of them originated quite a long time ago and are either still in active use (cf. *собачка* ‘little dog’, *черепашка* ‘little turtle’), or have left the speech of native speakers over time (cf. *черепашица* ‘turtle’). Nowadays some old words actualize one of their meanings (as happened with the word *псина*, which was originally used mainly in the sense of ‘dog’s flesh’, and later it has become actively used in relation to the dog as a living creature). The ways of forming colloquial names of animals are analyzed: truncation clipping of the initial word — as a rule, the name of an animal or the name of its breed, including the formation of masculine forms from feminine words, which do not have such correspondence in literary speech (e. g., *собак* ‘dog’, *птиц* ‘bird’); addition of various diminutive and affectionate suffixes, as well as the addition of various letter combinations, due to which the name of an animal sounds like a pseudo-foreign word (e. g., *собакен* ‘dog’). In conclusion, the article considers the question of what may be the reason for the appearance of a large number of colloquial animal names. It is suggested that several factors are involved in this process, first of all, the tendency to save speech effort, as well as the expression of a special attitude towards pets through such names.

Keywords: colloquial speech, explanatory dictionary, animal names, word formation, polysemous lexicon

References

Bol’shoi akademicheskii slovar russkogo yazyka. [Large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 1–. Executive ed. A. S. Gerd. Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ., 2004–. (In Russ.)

Bol’shoi tolkovyi slovar’ russkogo yazyka. [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Executive ed. S. A. Kuznetsov. St. Petersburgh: Norint Publ., 2004. 1536 p. (In Russ.)

Dal V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, 1956. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: http://www.ruscorpora.ru

Slovar' russkogo yazyka [Russian language dictionary: in 4 volumes]. The Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language. Ed. A. P. Evgenieva. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981–1984. (In Russ.)

Sharykina O. A. [*Ryzhiki, shprotiki* and *rezinki*. Names of cats in speech and a dictionary] *Problemy lingvisticheskoi semantiki i pragmatiki yazykovykh edinits raznykh urovnei: Doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora Ol'gi Pavlovny Ermakovoi* [Problems of linguistic semantics and pragmatics of language units at different levels: proceedings of the International scientific conference in memory of doctor of philological sciences, professor Olga Pavlovna Ermakova]. Ed. by A. N. Eremin. Kaluga, 2023, pp. 391–396. (In Russ.)

Tolkovyi slovar russkoi razgovornoi rechi. Vyp. 3. [Explanatory dictionary of the Russian everyday speech]. Krysin L. P. (ed.). Vol. 3. Moscow, YaSK Publ., 2019. 824 p. (In Russ.)

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Comp. G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov [et al.]; ed. D. N. Ushakov. Moscow, OGIZ Publ., 1935–1940. (In Russ.)

Vikislovar' [Wiktionary]. Available at: http://www. ru.wiktionary.org

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.36

Л. Л. Шестакова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lara.shestakova@mail.ru

РАЗГОВОРНОЕ КАК ПОЭТИЧЕСКОЕ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛЕКСИКОНА СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ[1]

В статье рассматриваются лексические единицы разговорной речи, функционирующие в современных поэтических текстах. Это слова собственно разговорные, а также просторечные, сленговые, жаргонные, маркируемые в словарях соответствующими стилистическими пометами. В качестве основного источника материала было взято издание «Русская поэтическая речь — 2016. Антология анонимных текстов», включающее произведения 115 современных поэтов, пишущих на русском языке. Выбранный материал соотносился с другими текстовыми источниками, с Поэтическим корпусом Национального корпуса русского языка и верифицировался по словарям разговорной речи и толковым общеязыковым словарям.

Анализ полученного словника показал различия лексем, вводимых в поэтические тексты, по степени их стилистической сниженности, характеру выражаемой экспрессии, по укорененности в общем языке и т. д. Эти различия иллюстрируются подборками сниженных слов, как «старых», имеющих давнюю традицию использования в разговорной речи (*авось*, *враки*, *лыбиться*), так и относительно новых (*бюджетник*, *по-любому*). Специальное внимание уделяется текстовым проявлениям сниженных слов. Приводятся примеры их участия в формировании звукового облика и в образном наполнении стихотворений (*За ним не канючили кони*; *И пространство пашет за двоих*).

Ключевые слова: разговорная речь, стилистически сниженная лексика, поэтический язык, толковый словарь, словник, стилистическая помета

Слово *разговорное*, вынесенное в название статьи, мы соотносим в целом с понятием «разговорная речь» в его традиционной трактовке: разговорная речь — одна из двух разновидностей литературного языка (вторая — книжно-письменная речь), реализуемая преимущественно в устной форме в условиях непринужденного общения (см., например, [Земская 2020]). При этом в центре нашего внимания —

[1] Автор выражает благодарность А. В. Сватковскому за возможность использовать в работе подготовленный им словарь к антологии [РПР-1].

лексические единицы разговорной речи, отмечаемые в современных художественных, и конкретно — поэтических текстах. Анализируемый в статье материал — это слова из поэтических произведений рубежа XX–XXI вв., относящиеся к собственно разговорной лексике (маркируемые в словарях пометой *разг.*), а также слова просторечные, сленговые, жаргонные (*прост.*, *сленг.*, *жарг.*), т. е. единицы разной степени стилистической сниженности, относящиеся к лексическим ресурсам разговорной речи[2]. Для данной работы, во многом лексикографически ориентированной, уточнение о пометах важно, поскольку оно коррелирует с принципами отбора и описания лексики в словарях разговорной речи, например, в «Толковом словаре русского разговорного языка» [Курилова 2007] и «Толковом словаре русской разговорной речи», составленном под руководством Л. П. Крысина [ТСРРР].

В поэзии рубежа веков, при всём ее многообразии, акцент на сниженности, ориентация на разговорность, широкое использование бытовой лексики весьма заметны. Это связано с общими характеристиками языковой ситуации названного периода, обусловленными, в свою очередь, социально-политическими и социально-культурными факторами; об этом см., например, [Редкина 2019][3]. К таким характеристикам относится и насыщение разговорными элементами (коллоквиализация) разных сфер общения, о чем напоминает Л. П. Крысин в предисловии к ТСРРР [Крысин 2014: 10].

Названную особенность языка современной поэзии демонстрируют самые разные источники, в том числе толстые журналы (рубрика «Поэзия»), сетевые издания, поэтический корпус (ПК) НКРЯ. Основным источником нашего исследования стало конкретное, уникальное в своем роде издание — «Русская поэтическая речь — 2016. Антология анонимных текстов» [РПР-1], дающее интересный срез русской поэзии нового времени.

Проект этой антологии осуществлен под руководством поэта В. Кальпиди при участии издателя М. Волковой и поэта В. Кузьмина. Книга содержит подборку ранее не публиковавшихся произведений 115 современных поэтов, пишущих на русском языке. Произведения каждого анонимного автора представлены в отдельной главе, имеющей свой номер, в совокупности же главы образуют (это подчеркнуто создателями антологии) поэтический сверхтекст.

В 2017 г. вышел второй том названного издания — «Русская поэтическая речь — 2016. Т. 2. Аналитика: тестирование вслепую» [РПР-2]. В жанровом отношении это сборник статей, написанных по результатам чтения и исследования первого тома. Авторы сборника — «представители разных отраслей академической науки, свободные филологи, критики, читатели» [Там же: 2]. Среди авторов-филологов — практически все литературоведы, однако в томе есть работы, интересные в плане языковой формы сверхтекста. Это, например, статья о приращениях

[2] О сниженной стилистической окраске разговорной лексики см. [Бельчиков 2020: 584].

[3] В диссертации Е. С. Редкиной дан обстоятельный обзор исследований, посвященных современной русской поэзии, в том числе ее языку. Для целей настоящей статьи важны и наблюдения автора, касающиеся функционирования сниженной лексики в текстах современных поэтов. См. в этой связи также диссертацию [Захаркив 2023].

смысла наиболее частотных существительных антологии: *небо, жизнь, свет, день, ночь, вода, земля* и др. (автор Е. С. Оболикшта) — и работа, представляющая некоторые наблюдения над словарем антологии (автор А. В. Сватковский) [РПР-1: 198–214; 346–358].

Специально надо сказать об отдельной публикации [Колларова, Купина 2018], в которой анализируется корпус произведений, составивших книгу РПР-1. В статье «прослеживаются общие особенности собрания стихотворений как сверхтекста (1); рассматривается соответствие этих произведений концептуальному представлению о «поэтическом» (2); выявляются параметры, позволяющие трактовать сверхтекст как образец русской поэзии новейшего времени (3)» [Там же: 15]. Сниженной лексике посвящен небольшой пассаж, и это понятно: объект исследования у авторов другой, более объемный. Они, в частности, пишут: «В сверхтексте находит отражение активный процесс оразговоривания литературного языка: используется лексика, имеющая сниженную окраску (*хлопнула фортка, пятиэтажка, непруха, нервак*[4]*, мент, полудурки, бомжара* и др.)» [Там же: 16].

Следует отметить, что после выхода второго тома постепенно стали раскрываться имена авторов. Среди них оказались поэты разных поколений, разной степени известности, принадлежащие к разным школам и направлениям. Стало возможным говорить об авторском, идиостилевом начале текстов отдельных глав. Но мы, в основном, будем анализировать материал в русле анонимности, т. к. нам важно показать на примере РПР-1, с одной стороны, из чего складывается массив сниженной лексики как часть современного поэтического словаря, а с другой, как в сверхтексте реализуется поэтика сниженности.

Для выявления состава лексики этой разновидности из антологии были выбраны и оформлены в виде словника соответствующие единицы. В корректировке словника нам помог подготовленный А. В. Сватковским в формате .xlsx словарь антологии РПР-1 (его мы упоминаем в начале статьи). Уточним, что основную часть словаря составляют алфавитно выстроенные словоформы, встретившиеся в сверхтексте (всего около 65 000 словоупотреблений).

Выбранный нами материал соотносился с подборками стихов в других источниках, с ПК НКРЯ и верифицировался по толковым словарям разговорной речи и толковым общеязыковым словарям.

Последовательное чтение антологии показало, что слова со сниженной стилистической окраской появляются в ней почти непрерывно, с небольшими паузами, образуя в целом немалый лексический массив. Где-то, в одних главах, они представлены сгущенно, где-то в виде отдельных включений. Есть, разумеется, стихи и без таких единиц, имеющие оттенок классичности, традиционности.

Анализ полученного словника демонстрирует различие выявленных слов по степени их стилистической сниженности, характеру выражаемой экспрессии, укорененности в общем языке, принадлежности к тем или иным лексико-семантическим группам и т. д.; показывает, в конечном счете, какая именно разговорная, просторечная, жаргонная лексика актуализируется в современной поэзии.

---

[4] В [РПР-1: 19]: *нервяк*.

Говоря о степени сниженности единиц словника, отметим, что его ядро составляют, очевидно, слова с разговорной окраской, периферию — просторечные, а также сленговые и жаргонные. Есть и небольшой корпус обсценной лексики, на котором мы останавливаться не будем. По степени укорененности в языке выбранные единицы — это, преимущественно, лексика привычная, давно зафиксированная словарями (условно говоря, «старая» сниженная, в основном разговорная; по выражению Л. П. Крысина, это слова «с “давней” разговорной традицией» [Крысин 2014: 11]), но выделяется и небольшое количество слов, получивших распространение относительно недавно («новая» сниженная лексика).

Представим для наглядности две подборки примеров. Они сформированы с учетом результатов анализа словника антологии, о которых сказано выше.

Первая подборка — это фрагмент словника на букву Б с приведением словарных помет, преимущественно по ТСРРР. Он содержит ряд сниженных единиц на эту букву, в основном включенных и в общеязыковые толковые словари. При разговорных словах нет пометы *разг.* (как в ТСРРР), при словах, находящихся на стилистической шкале ниже разговорных, стоят пометы *прост*.[5]*, жарг., сленг.* (они выделены полужирным курсивом). Некоторые лексемы (при наличии/отсутствии у них стилистических помет) маркируются эмоционально-экспрессивными пометами или пометой *эвфем*. Добавим также, что многозначные слова иногда сопровождаются указаниями на то, в каком именно значении они встречаются в антологии; в круглых скобках приводится частота употребления слов больше 1[6]:

> базарный *неодобр.*; баловаться; барахло (2) *пренебр.*; барахолка *пренебр.*; барахтаться (2); барыш; барышня; бац; баю-бай (2); бедняга; бедовый (2); бедолага; безбожно (2); белиберда; берлога (2) *часто шутл.*; беспредел ***сленг.,*** *неодобр.*; бестия *неодобр.*; блажь (‘выдумка, ложь, чепуха’) ***прост.***; блатной ***прост.***; блин ***прост.***, *эвфем.*; бойкий; болванка; болтаться (2, в разных знач.); болтать[1]; болтать[2]; болтовня *неодобр.*; бомбёжка; бомж (3); брякнуть *неодобр.*; бубнить (2) *неодобр.*; бузотёр *неодобр.*; бухло ***жарг.***; буянить *неодобр.*; быдло (‘о грубом, малокультурном... человеке’) ***прост.****, презр., груб.*; бюджетник.

Список отражает доминирование в словнике антологии разговорных единиц, в большинстве своем именно «старых» разговорных разной частеречной принадлежности (*бац*, *бедняга, белиберда, бойкий, брякнуть...*); от них отличается слово *бюджетник*, которое относительно недавно стало фиксироваться словарями разговорной речи[7]. Кроме этих слов представлено несколько единиц с пометами *прост.*, *сленг.*, *жарг*. В плане экспрессивности, эмоционально-воздействующей

---

[5] В ТСРРР помете *прост.* примерно соответствует помета *сниж.*

[6] В приводимых подборках слов есть, очевидно, такие, которым в других словарях приписываются иные пометы (например, не *прост.*, а *разг.*, и наоборот). Здесь мы не будем касаться этого вопроса.

[7] В ТСРРР слово *бюджетник* определяется так: ‘работник государственного учреждения, получающий заработную плату на основе финансирования из государственного бюджета’. Первым толковым словарем, зафиксировавшим эту номинацию, стал [ТСРЯ].

функции поэтического слова выделяются, несомненно, слова, маркируемые эмоционально-экспрессивными пометами негативного содержания, основная среди которых *неодобр*.; отмечаются и единичные слова с пометами *пренебр*., *презр*., *груб*.; ср. *часто шутл*.

Вторая подборка включает слова, выбранные из разных букв. Здесь дано больше единиц с пометами *прост., сленг., жарг.,* чтобы показать их многообразие, отнесенность к разным лексическим группам. Этот список представлен, для удобства, в виде двух рядов слов: разговорных, с одной стороны, и более сниженных, с другой. В нем содержится немало слов, которые неодинаково стилистически маркируются в словарях; в таких случаях нами выбирался один вариант, как кажется, соответствующий реальному стилистическому статусу слова:

авось; бла-бла-бла; враки *неодобр*.; дебил *презр., бран*.; доча; дура (‘глупая женщина’) *бран*. или *неодобр*.; дрейфить (2); зараза (‘о человеке’); идиотка *груб., бран.*; канючить (2) *неодобр*.; кропать *пренебр*.; культяпка; маршрутка; мегера *презр*.; молчок; нервяк; нищеброд *пренебр.* или *уничиж.*; норовить *часто неодобр*.; нынче *прост*.; обмылок (‘о человеке’) *уничиж*.; полудурок *неодобр., бран*.; по-любому; понарошку; размазня *уничиж.;* рвануть; рифмоплет *пренебр*.; сброд *неодобр., презр.*; скворчать; сплошняком; стервозный *неодобр*.; стрелялка; тарахтеть (‘о механизме’; ‘о человеке’); телек (2); треники; трепач *пренебр*.; фортка; холуй *презр*.; чертовщина (‘что-то непонятное’); шлёпки;

алкаш ***прост***., *презр.*; заделать (стишок) ***прост***., нередко *ирон*.; зазря ***прост***.; заткнуться ***прост***., *груб.*; кореш ***жарг***.; круче ***сленг***.; лыбиться (3) ***прост***.; мент (5) ***сленг***.; мразь ***прост.,*** *презр., бран*.; настучать (‘сделать донос’) ***сленг***.; непруха ***жарг.***; оплошка ***прост***.; опохмел ***прост***.; пахать (‘тяжело работать’) ***прост***.; пацан ***прост***.; перхать ***прост***.; пивняк ***жарг***.; покуда (21) ***прост***.; придурок ***прост***., *уничиж., бран.*; пьянчуга ***прост***., *презр.*; слабо́ ***сленг***.; сожрать ***прост***., *неодобр., груб.*; трындец ***прост***.; фигня ***прост***.

Приведем также примеры устойчивых сочетаний и предложно-падежных форм: сыграть в ящик; тихой сапой; мо́зги пудрить *неодобр*.; вор в законе ***жарг., угол***.; до жути; по жизни ***жарг***.

Те характеристики, которые мы приводили в отношении первого списка, в большой степени актуальны и здесь. Хотелось бы, однако, сделать несколько добавлений. Среди «старых» стилистически сниженных слов в этой подборке отмечаются как разговорные, так и просторечные единицы: с одной стороны, например, *авось, канючить*, *норовить*, *фортка*, с другой, *алкаш, заткнуться, лыбиться, мразь*; ср. разговорные единицы, соотносимые с темой поэзии: *кропать* (стихи), *рифмоплет* — и примыкающий к ним просторечный глагол *заделать* (стишок). Высокая степень экспрессивности рассматриваемых слов проявляется здесь в широком составе соответствующих помет, часто соединяющихся друг с другом: *уничиж*.; *неодобр., презр*.; *груб., бран.* и т. п.; ср. *прост., уничиж., бран.; прост., презр.*

Из слов относительно новых назовем наречие *по-любому*, «синтаксему» *по жизни,* получившие широкое распространение в разговорной речи последних десятилетий.

В приведенном сжатом, а тем более — в полном виде словник может быть по-разному структурирован, распределен по группам, например, лексико-семантическим. Наиболее весомую группу составляют наименования лиц по целому ряду признаков: по социальному положению, материальному достатку, профессии, родственным отношениям, интеллектуальному уровню, особенностям характера и т. д. Большинство из этих номинаций заключают в себе негативную оценку, исключений — немного, например, *доча, кореш*.

Выдвижение на первый план слов именно этой группы едва ли случайно. Оно связано с поэтическим субъектом сверхтекста (который пишет стихи, творит поэзию «во взаимодействии» с разговорной речью, не отрываясь от повседневности, обыденности), а также, в большой степени, с персонажной линией антологии. См., например:

> Раньше за стенкой жил глуховатый мужик,
> бывший водопроводчик,
> По субботам разговаривал по скайпу с дочерью,
> Громко спрашивал: «Слышно, *доча*?»
> (Глава № 41)[8]

> И вот снова кругом одни *полудурки* и *нищеброды*
> (Глава № 99).

Ср. пример с трехсловной дефисной номинацией, включающей мифоним:

> и я не зная как себя вести
> с *пьянчугой-дворником-Хароном*
> (Глава № 30).

По приведенным спискам видно, что бóльшая часть сниженных слов носит в поэтических текстах единичный характер. Есть, однако, и повторяющиеся слова, в том числе наименования лиц: *барахло* (2), *бубнить* (2), *канючить* (2), *телек* (2), *бомж* (3) (встречаются также *бомжеватый, бомжара*), *лыбиться* (3), *мент* (5), *покуда* (21).

Как видно, здесь выделяются *бомж* (с производными), *лыбиться*, *мент*. Но, пожалуй, более интересна высокая частотность слова *покуда*, устаревшего, а сейчас имеющего просторечную окраску.

Это слово (наречие и союз) привлекает внимание именно как заметная единица современного поэтического лексикона. В текстах антологии, включающих ее, выражены традиционные поэтические темы: жизни, смерти, поэзии, природы, вечности, а также актуальные темы города, быта и т. д.

---

[8] Обратим внимание на то, что именно в речи персонажа используется слово *доча*, в речи же автора — нейтральное *дочь*.

Приведем лишь несколько примеров:

жизнь ослепительна
покуда скоротечна
покуда швы трещат
на заячьем тулупе
(Глава № 28)[9]

Ну а *покуда* скачи как блоха,
Веселый пиит.
Книга горит не затем, что плоха, —
Затем, что горит.
(Глава № 51)

Я капитан в железной рубке
живу сам по себе, *покуда*
строку в гроссбухе не сотру,
покуда в воздухе зарубки
бельём трепещут на ветру.
(Глава № 81).

Материал ПК по этому конкретному слову подтверждает правомерность использования антологии РПР-1 для наблюдений над языком поэзии, и не только современной.

По слову *покуда* ПК выдает 864 текста, 1062 примера. Неоднократно оно встречается в поэзии Серебряного века (у И. Анненского, А. Блока, М. Цветаевой и др.). Не менее 60 примеров находим в текстах конца XX — начала XXI в. Здесь среди авторов Б. Ахмадулина, Е. Шварц, Б. Кенжеев и др.

Показательно в этом смысле стихотворение Н. Горбаневской «Покуда снишься — снись...» (2011–2012), в котором *покуда* — ключевое слово, два раза чередующееся с *пока*. Вот первая строфа этого стихотворения:

Покуда снишься — снись.
Пока веревочка ни вьется,
а взрывчатая смесь
покуда в руки не дается.

Частое обращение поэтов к слову *покуда* имеет, возможно, версификационную основу (трехсложное, иногда лучше ложится в строку), однако поэтичность этого слова, вероятно, в другом. Рассмотрение его в контекстах показывает, что иногда слово выступает в сочетании с аналогичной по окраске лексикой, участвует в снижении пафоса темы, некотором приглушении ее высокого смысла. Тем самым смысл становится более доступным для понимания, дистанция между автором и читателем сокращается.

---

[9] Стихотворение, с аллюзией на «Капитанскую дочку» Пушкина, принадлежит Е. Бунимовичу.

В поэтическом тексте любое слово подчиняется, так или иначе, правилам стихотворства, вступает в разные связи с другими словами. Это касается и единиц со сниженной стилистической окраской, обладающих большим экспрессивным потенциалом. Уже самим своим включением в поэтическое произведение такое слово маркирует его. Когда же слово вступает в отношения созвучности с другими словами, ставится в сильную текстовую позицию, становится частью образа, оно оказывается дважды выдвинутым.

Отметим некоторые текстовые проявления таких лексем, показывающие, как авторы вскрывают их поэтическое начало, их особую эстетику.

Слова со сниженной окраской, даже единичные, участвуют в формировании звукового облика стихотворений, в своего рода звуковых играх. См., например:

За ним не канючили кони
солидную меру овса
(Глава № 1)

В зеркале сна
Юнг увидел гну.
«Не *дрейфь*, — крикнул *Фрейд*, —
Это всего лишь нос».
(Глава № 78. Психотерапевтическое)[10].

Второй пример можно рассматривать не только как образец перевертыша, но и как внутреннюю рифму, которая образована сниженным глаголом и прецедентным онимом.

Стилистически сниженные слова нередко оказываются в сильной текстовой позиции — в позиции рифмы. Есть рифмы тривиальные, но есть и оригинальные — по выбору рифмующихся слов (иногда одной окраски), по их характеру (рифмы неточные, составные): *стервозна* — поздно, *фортка — идиотка*, *на оплошку* — в кошку, *не повелась — такая мразь*, *нифига* (так!) — пурга; астры — *горласты*, мосты — *менты*, хэппи-энд — *мент*, ножками — *понарошку*, пожары — *бомжара*, черепаший — *папашей.*

Пожалуй, самый интересный пример здесь — необычная рифменная пара, в которой первое слово (я), задаваемое как значимое, передается пустотой в кавычках, а второе — сниженное, непоэтическое *фигня* — превращает его в ничто:

Поиск собственного *« »*
Не рифмуется с вещами,
Хоть вытягивай клещами —
Получается *фигня*.
(Глава № 25).

Интересен и вопрос, касающийся образного потенциала, тропеических возможностей сниженных слов. В антологии отмечаются примеры олицетворений,

[10] Стихотворение принадлежит Д. Веденяпину.

сравнений, включающих подобные единицы. Например, так олицетворяются абстрактные понятия — пространство, время и др.:

Хронос отстаёт от хронотопа,
И *пространство пашет за двоих.*
(Глава № 27)

Мы будем пить крем-соду и ситро,
Всё *время нас ухватит за бока*
(Глава № 111)

Тут не расстояния помехой — или подмогой,
не война с *погодой*, что вечно *навеселе*
(Глава № 91).

Ср. пример с олицетворяющим эпитетом:

бомжеватые смыслы-птицы
на социальном дне
(Глава № 57).

В сравнительных конструкциях сниженные слова используются в качестве образа сравнения (так характеризуется поэтический субъект):

Как бомж, неприкаян,
Плыву *я* на шлюпке
(Глава № 15)

Прошуршали наши *лица,*
как тряпички трепеща.
(Глава № 1).

Поэтический язык есть «язык с установкой на выражение» (Р. О. Якобсон), и, добавим, на выразительность. Стилистически сниженная лексика — языковой материал со специфической выразительностью, и далеко не всегда кажется оправданным введение его в поэтический текст (в этом может проявляться бравада, эпатаж, якобы смелость художника). Вместе с тем использованная в меру такая лексика отражает и общую языковую ситуацию, и картину мира в ее актуальных фрагментах, в тех измерениях и реалиях, в которых живет современный человек, в которых он реализует себя как поэт.

Словари

Курилова А. Д. Толковый словарь русского разговорного языка. М.: Астрель: АСТ, 2007. 639 с.

ТСРРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–5 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014–2022.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Скляревской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.

Литература

Бельчиков Ю. А. Разговорная лексика // Русский язык: Энциклопедия / Под общ. ред. А. М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 584–586.

Захаркив Е. В. Дискурсивные слова в новейшей русско- и англоязычной поэзии: дис. ... канд. филол. наук / Ин-т языкознания РАН. М., 2023. 226 с.

Земская Е. А. Разговорная речь // Русский язык: Энциклопедия / Под общ. ред. А. М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 586–588.

Колларова Э., Купина Н. А. Русская поэтическая речь сегодня // Филологический класс. 2018. № 3(53). С. 14–21.

Крысин Л. П. Предисловие // Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 9–30.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru.

Редкина Е. С. Лексико-семантические особенности организации текстов новейшей русской поэзии: дис. ... канд. филол. наук / Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2020. 232 с.

РПР-1 — Русская поэтическая речь — 2016. Антология анонимных текстов. Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2016. 568 с.

РПР-2 — Русская поэтическая речь — 2016: в 2 т. Т. 2. Аналитика: тестирование вслепую. Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2017. 688 с.

L. L. Shestakova
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
lara.shestakova@mail.ru

COLLOQUIAL AS POETIC: ON THE LEXICON OF CONTEMPORARY POETRY

The article deals with lexical units of colloquial speech functioning in modern poetic texts. These are colloquial words proper, as well as vernacular, slang, and jargon words, marked in dictionaries with appropriate stylistic labels. The main source of material was the publication “Russian Poetic Speech — 2016. Anthology of anonymous texts”, which includes works of 115 contemporary poets writing in Russian. The selected material was correlated with other textual sources, with the Poetic Corpus of the Russian National Corpus, and it was verified using explanatory general language dictionaries and colloquial dictionaries.

The analysis of the resulting vocabulary showed differences between lexemes introduced into poetic texts, according to the degree of their stylistic reduction, the nature of

expression, their rootedness in the general language, etc. These differences are illustrated by collections of reduced words, both “old” ones, which have a long tradition of use in colloquial speech (*авось*, *враки*, *лыбиться*), and relatively new ones (*бюджетник*, *по-любому*). Special attention is paid to the textual manifestations of reduced words. Examples of the participation of such units in the formation of the sound image and in the figurative content of poems are given.

Keywords: colloquial speech, stylistically reduced lexis, poetic language, explanatory dictionary, vocabulary, stylistic label

References

Bel’chikov Yu. A. [Colloquial lexis]. *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moldovan A. M. (ed.). Moscow: AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, pp. 584–586. (In Russ.)

Kollárová E., Kupina N. A. [Russian poetic speech today]. *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2018, no. 3(53), pp. 14–21. (In Russ.)

Krysin L. P. [Preface]. *Tolkovyi slovar’ russkoi razgovornoi rechi*. *Vyp. 1* [Explanatory dictionary of the Russian colloquial speech] Krysin L. P. (ed.). Vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury Publ., 2014, pp. 9–30. (In Russ.)

Natsional’nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: http://www.ruscorpora.ru.

Redkina E. S. *Leksiko-semanticheskie osobennosti organizatsii tekstov noveishei russkoi poezii*. Diss. Cand. filol. nauk [Lexical and semantic features of the organization of texts of modern Russian poetry. Cand. Philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2020. 232 p.

Russkaya poeticheskaya rech’ — 2016. Antologiya anonimnykh tekstov [Russian poetic speech — 2016. An anthology of anonymous texts]. Chelyabinsk: Marina Volkova Publ., 2016. 568 p.

Russkaya poeticheskaya rech’ — 2016: v 2 t. T. 2. Analitika: testirovanie vslepuyu [Russian poetic speech — 2016. In 2 vols. Vol. 2. Analytics: Blind testing]. Chelyabinsk: Marina Volkova Publ., 2017. 688 p.

Zakharkiv E. V. *Diskursivnye slova v noveishei russko- i angloyazychnoi poezii*. Diss. Cand. filol. nauk [Discursive words in modern Russian and English poetry. Cand. Philol. sci. diss.]. Moscow, 2023. 226 p.

Zemskaya E. A. [Colloquial speech]. *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moldovan A. M. (ed.). Moscow: AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, pp. 586–588. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.37

А. Д. Шмелев
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
shmelev.alexei@gmail.com

ЕЩЕ РАЗ О РУССКОМ ДИСКУРСИВНОМ СЛОВЕ *ВОТ*

В статье предпринята попытка выявить характеристики слова *вот*, которые недостаточно учитываются в существующих лексикографических описаниях. Анализ проводится на основе данных Национального корпуса русского языка (однако отмечается, что некритическое отношение к корпусным данным не позволяет обеспечить их надежность). Обсуждается частотность слова *вот* в текстах разных стилей и жанров. Показано, что слово чрезвычайно частотно в устной речи, очень частотно в электронной коммуникации и в художественной литературе. Что же касается до его частотности в других сферах функционирования, то она зависит от степени непринужденности. Слово *вот* относительно часто встречается в повседневной коммуникации и публицистике и менее частотно в рекламе и научном дискурсе, где используется как показатель непринужденности. При этом слово *вот* практически вовсе не встречается в текстах официально-делового стиля (некоторые тексты, помеченные в корпусе как тексты «официально-деловой сферы», должны быть отнесены к другим функциональным разновидностям русского языка). Анализируются некоторые конструкции, в которых может употребляться рассматриваемое дискурсивное слово, а также порядок слов в одной из таких конструкций. Привлекаются к рассмотрению данные параллельных подкорпусов Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: дискурсивное слово, частотность, сфера функционирования, устная речь, перевод

Вступительные замечания

В статье рассматриваются некоторые языковые свойства русского дискурсивного слова *вот*. Как известно, использование современных электронных корпусов часто позволяет проверить, подтвердить или опровергнуть, уточнить или дополнить как словарные описания языковых единиц, так и анализ, данный в специальных лингвистических исследованиях. Цель статьи заключается в том, чтобы представить некоторые языковые свойства рассматриваемого слова, обнаруженные на

основе данных Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и недостаточно отраженные в существующих словарях и специальных работах. Выявленные языковые характеристики в дальнейшем могут быть использованы при создании лексикографического портрета *вот*.

Помещенные в НКРЯ тексты снабжаются указанием на сферу функционирования и тип текста (в пределах каждой сферы функционирования выделено множество характерных для нее типов текстов, приблизительно соответствующих множеству речевых жанров). Для многих языковых единиц информация о том, в каких сферах функционирования и типах текста она преимущественно или исключительно используется, составляет важную часть ее лексикографического портрета.

Существующие описания частицы *вот*

Степень детальности словарных описаний *вот* различна в разных лексикографических источниках.

В словаре [Ожегов 1981] у *вот* выделены четыре лексических значения. Они истолкованы следующим образом (приведем словарную статью): «1. Употр. для указания на происходящее или находящееся в непосредственной близости или (при рассказывании) как бы перед глазами. *В. идет поезд*. *В. наш дом*: *В. здесь пойдем*. *В. эти книги*. *В. качусь я на санках*. 2. В сочетании с вопросительным местоим. и нареч. придает им смысл указания на что-н. в соответствии с их знач. *В. что я тебе скажу*. *В. какой вопрос*. *В. в чем вопрос*. *В. какое дело*. *В. куда попал*. 3. Употр. для придания большей выразительности, обычно усиливая, подчеркивая значение последующего слова. *В. послушайте, что говорят*. *В. вас-то мне и надо*. *В. прелесть!* 4. Употр. в знач. связки при именном сказуемом. *Благополучие всех — в. наша цель*».

В МАС выделены шесть лексических значений *вот* (для некоторых из них предусмотрены еще «оттенки значений»); в АТоС соответствующая словарная статья воспроизведена почти без изменений (лишь добавлены две иллюстрации). В БТС выделено уже восемь значений *вот*, но толкования еще более размыты, чем в названных выше словарях[1]. В каждом из названных словарей словарную статью завершает перечисление и краткое описание фразеологизмов, включающих слово *вот*.

Самое полное словарное описание *вот* содержится в АС (автор словарной статьи — Т. В. Крылова). В нем делается попытка детально описать все разнообразные типы употребления *вот* и дать им всестороннюю характеристику. В этом словаре у *вот* выделяются 16 значений; каждому значению дано толкование, сформулированное в соответствии с принципами Московской семантической школы. Описание значительно более подробно по сравнению с названными выше словарями. Однако, как будет показано далее, и в этом описании учтены не все важные характеристики *вот*.

[1] Желающие убедиться в этом благоволят обратиться к электронной версии словаря, которая по состоянию на 19 января 2025 находилась по адресу: https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B2%D0%BE%D1%82&mode=slovari&dicts[]=42.

Интересно, что в АС ряд значений снабжен пометой разг. По-видимому, учет этих значений давал бы основания включить их описание в ТСРР. Однако в нем мы словарной статьи *вот* не обнаруживаем, есть только статья *вот-вот*.

Помимо словарей, можно упомянуть специальные лингвистические работы, в которых затрагиваются языковые свойства слова *вот*. Некоторые наблюдения, сделанные в этих работах, также могут быть использованы при создании лексикографического портрета слова *вот*. Назовем работы [Иванова 1970; Прокуровская 1974; Дараган 2000; Кобозева 2007, 2010; Гришина 2008; Левонтина 2010; Богданова-Бегларян 2018; Лан Шо 2018]. Однако более детальный анализ корпусных данных, в частности данных НКРЯ, позволяет уточнить и дополнить полученные результаты[2].

Слово *вот* в разных типах текстов

Кажется уместным обратить внимание на сферу функционирования текстов, включающих слово *вот* и вошедших в Основной корпус НКРЯ. Оказывается, что в Основном корпусе частотность *вот* довольно высока: 1663 ipm[3]. Если мы обратимся к текстам Основного корпуса, отнесенным к «художественным», обнаружим, что в них частотность еще выше — 2488 ipm. Но особенно интересно использование *вот* в «нехудожественных» текстах, вошедших в Основной корпус НКРЯ. Таких текстов 122 251 (из 133 554), т. е. более чем 91.5 %. Частотность *вот* в «нехудожественных» текстах — 1100 ipm, т. е. более чем вдвое меньше, чем частотность в «художественных» текстах. Но более внимательное рассмотрение использования этого слова в различных сферах общения показывает неоднородность «нехудожественных» текстов в отношении употребительности в них *вот*[4].

Чрезвычайно высока частотность *вот* в текстах, отнесенных к сфере «электронная коммуникация». Она даже выше, чем частотность в художественных текстах, и составляет почти 3279 ipm.

В текстах, отнесенных к сферам «обиходно-бытовая», «церковно-богословская» и «публицистика», частотность *вот* несколько больше, чем общая частотность в «нехудожественных» текстах, но ненамного. Иными словами, она существенно ниже, чем в художественных текстах.

В текстах, отнесенных к сферам «производственно-техническая», «учебно-научная» и «реклама», частотность этого слова намного ниже. Можно заметить,

[2] Примеры из НКРЯ приводятся в том виде, в котором они находятся в корпусе по состоянию на 19 января 2025. Интересующие нас языковые выражения (в частности, само слово *вот*) выделены полужирным шрифтом, что специально не оговаривается.

[3] Разумеется, все подсчеты включают использование *вот* в составе фразеологизмов.

[4] Следует иметь в виду, что подкорпусы, соответствующие разным «сферам функционирования», весьма различны по объему, что несколько затрудняет сопоставление частотности *вот* в разных подкорпусах. Кроме того, критерии отнесения конкретного текста к той или иной сфере функционирования представляются зыбкими, так что границы между разными сферами функционирования подчас условны, а принадлежность текста выбранной сфере может быть спорной (дальше это будет прокомментировано на примере текстов, отнесенных к «официально-деловой» сфере).

что слово *вот* употребляется в текстах указанных сфер функционирования, когда имеется установка на непринужденность речи.

Но отдельный интерес представляют тексты, отнесенные к сфере «официально-деловая». Как и можно было ожидать, частотность *вот* в них существенно меньше — 92.5 ipm. Но все же она не равна нулю. Можно ли считать, что наличие *вот* в некоторых текстах, отнесенных к указанной сфере, опровергает наблюдение, согласно которому частица *вот* «в официально-деловом стиле не употребляется» [Лан Шо 2018: 19]? Оказывается, что здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда некритическое использование разметки НКРЯ приводит к искажению реальной картины. Если мы обратимся к примерам, то увидим, что отнесенность текстов, в которых употреблено слово *вот*, к «официально-деловой» сфере в большинстве случаев может вызвать сомнения. Это устные выступления официальных лиц, их ответы на вопросы журналистов, выступления сторон в суде, протоколы допросов, письма государственных деятелей, «приказы» времен советско-германской войны (о том, что «приказы» верховного главнокомандующего по стилю должны быть отнесены к публицистике, а не к официально-деловому жанру приказа, см., в частности, [Шмелев 2015]). Собственно, первый же пример в выдаче на запрос о слове *вот* в текстах официально-деловой сферы таков:

> ***Вот*** *уж действительно нахальство, не знающее пределов...* (И. В. Сталин. Международное положение и оборона СССР (1927))

Очевидно, что данная фраза ни в коей мере не соответствует нормам официально делового стиля. В целом в этом докладе Сталина содержится 27 вхождений *вот* на 11 931 словоформ. Если подсчитать частотность *вот* в этом тексте, то окажется, что она эквивалентна 2 263 ipm — почти столько же, сколько в «художественных» текстах.

Если же исключить все примеры текстов такого рода, то можно согласиться с приведенным выше наблюдением Лан Шо.

Но, как и можно было ожидать, слово *вот* особенно характерно для устной речи. В Устном корпусе НКРЯ частотность почти 14 045 ipm. При этом частотность чрезвычайно высока как в непубличной, так и в публичной речи и почти не зависит от тематики текста. Поэтому в следующем разделе уместно коснуться некоторых аспектов употребления *вот* в устной речи.

Штрихи к лексикографическому портрету частицы *вот*

Первое, что бросается в глаза при обращении к Устному корпусу НКРЯ, — это использование *вот* в особой конструкции, когда за *вот* следует указательное местоимение (иногда с предлогом) или наречием (а иногда такие слова, как *только*, *именно*), а непосредственно за ним идет снова *вот* (иногда при этом *вот* использовано и «по соседству») Например:

> ***Вот****/ к сожалению/* ***вот этот вот*** *антисемитский момент использовал и господин Жириновский...* (Заседание клуба «Новые правые» (2004))

Вопрос, действительно ли это следует считать особой конструкцией, или это лишь свободное сочетание препозитивного и постпозитивного *вот*, можно считать дискуссионным. Во всяком случае и в словаре-монографии [Прагматические маркеры 2021], и в статье [Ерофеева 2025] это охарактеризовано как особая конструкция.

Эта конструкция нередко используется в устной речи на научные темы, в частности в научных докладах. Вот лишь небольшое число примеров:

> *Ну это* ***вот такая вот*** *системная/ принятая во фразеологии/ дублировать/ дублируемая во всех учебниках по лексикологии/ типология.* (Д. О. Добровольский. Доклад на конференции «Диалог 2013» (2013))
>
> *Если прибегнуть к просодическому анализу/ то мы увидим/ что в этих предложениях разные интонационные контуры/ в частности повышение тона на первом личном глаголе «встал» или «уговаривают»/ и отсутствие такового на втором личном глаголе/* ***вот*** *«оцепляют»/* ***вот здесь вот*** *нету повышения тона.* (Л. Л. Иомдин. Доклад на конференции «Диалог 2013» (2013))
>
> *Тут много интересных мелких характеристик ситуаций/ которые различаются с помощью* ***вот этих вот*** *качественных ээ качественных показателей...* (Е. В. Рахилина. Доклад на конференции «Диалог 2013» (2013))

У некоторых носителей языка такая конструкция весьма частотна (очень часто по соседству с ней появляются другие употребления *вот*). В не очень длинном докладе Е. В. Падучевой (2843 слова) эта конструкция была использована 8 раз, т. е. с частотой 2813.93 ipm (а всего слово *вот* использовано 94 раза, т. е. с частотой 33063.67 ipm!). Ограничусь одним примером:

> *И* ***вот это вот*** *явление/ замена говорящего/ настоящего полноценного говорящего на какой бы то ни было другой субъект/ это очень удобно описывается понятием проекции/ которое есть у Лайонза/ и* ***вот*** *значит вторичные мягкие эгоцентрики/ они подвергаются/ легко подвергаются проекции/ то есть меняется только* ***вот этот вот*** *ориентир/ а сама семантика остаётся прежней.* (Е. В. Падучева. Доклад на конференции «Диалог 2013» (2013))

Между тем этот тип употребления не отмечен в большинстве словарных описаний слова *вот*. В частности, в детальном описании слова *вот* в АС эта конструкция не описана, хотя пример использования в ней слова *вот* (*Вот тут <так, такой> вот*) приводится в зоне «сочетаемость» для первого значения, которое толкуется следующим образом: «*Вот А1* ‘Говорящий показывает адресату объект, ситуацию или место А1, причем А1 находится или происходит в том же пространстве, в котором говорящий мыслит себя’» (там же упомянуты и «ослабленные употребления» «в значении ‘Говорящий предлагает адресату воспринять объект или ситуацию А1’»). (В словаре-монографии [Прагматические маркеры 2021] говорится просто об «усилительной конструкции, но в чем именно заключается «усиление», остается не вполне ясным.)

В только что вышедшей статье [Ерофеева 2025] говорится, что эта конструкция чаще используется в женской речи. Данные НКРЯ этого как будто не подтверждают; но существенно, что и здесь мы не можем опираться на механические подсчеты, основанные на разметке. Для ряда диалогов, в которых участвуют собеседники обоего пола и в которых слово *вот* используется неоднократно, каждое вхождение может быть подсчитано и как мужское, и как женское, независимо от того, кто произнес соответствующую реплику.

Относительно значения, которое толкуется в АС как «*Вот A1* ‘Говорящий формулирует для себя или сообщает адресату ответ А2 на вопрос А1, заданный кем-то или возникший у самого говорящего’» (причем отмечено, что это значение реализуется «в сочетании с вопросительными местоимениями»), можно добавить, что в большинстве случаев вопросительное местоимение непосредственно следует за словом *вот*. Однако если в качестве подлежащего выступает личное местоимение и никаких других слов в предложении нет, личное местоимение должно предшествовать вопросительному местоимению: *Вот где ты спрятался*, но *Вот ты где* (аномально **Вот где ты*). Это непосредственно связано с просодическими характеристиками (личное местоимение в высказываниях такого типа всегда безударно). В Устном корпусе НКРЯ обнаружено только одно исключение (на фоне тысяч примеров с «правильным» порядком слов):

> *Ах/* ***вот где ты****. А я-то тебя ищу и ищу.* (Илья Фрэз, Вольф Долгий. Я купил папу, к/ф (1962))

Данные Устного корпуса позволяют также уточнить толкование значения, которое обозначено в АС как *вот 9* (с пометой разг.). Это значение толкуется в основном тексте словарной статьи АС как ‘Говорящий сообщает, что он закончил высказывание’, а в синопсисе — как ‘говорящий не знает, что сказать дальше’ с примером *Меня зовут Ваня. Вот*. Материалы Устного корпуса показывают, что в большинстве случаев говорящий вовсе не имеет в виду закончить высказывание; слово *вот* маркирует окончание некоторого фрагмента высказывания, который должен быть принят во внимание, но само высказывание может продолжаться. Например:

> *Мама персональную пенсию на него получала/ потому как он коммунист был.* ***Вот****. И я написала заявление. Нам дали в Дачном/ на бульваре Новаторов/ квартиру трехкомнатную.* (Биография (беседа лингвиста с информантом), Санкт-Петербург (1997))
>
> *Я там буду немецкий учить. Не в этом дело.* ***Вот****. А мне приглашение из университета всё не приходило. А двадцать восьмого мне уже идти в посольство Германии. А по новой перезаписываться/ это уже только на начало сентября/ то есть вообще без мазы. Приглашения нет/ а нужен только подлинник. Я так переживала/ так переживала/ а сегодня оно всё-таки дошло до меня.* ***Вот****. Я прям такая радостная.* (Праздный разговор молодых людей, Московская область (2005))

Более того, можно вспомнить, что в статье [Дараган 2003] как раз и говорилось, что «финальное ВОТ маркирует завершение структурно значимого фрагмента текста и переход к следующему», и отдельно отмечалось: «Важно отметить, что это не только завершение, но именно переход. Именно этим объясняется интонационное присоединение финального ВОТ к интонационной единице, следующей за завершаемым фрагментом, а также то, что финальное ВОТ не употребляется в абсолютном конце текста». Здесь, как кажется, словарная статья АС нуждается в серьезной модификации.

Можно также отметить, что ни в АС, ни тем более в других словарях вовсе не упомянута описанная в [Левонтина, Шмелев 2021] конструкция с указательной частицей *вот*, личным местоимением третьего лица и следующим за ним личным местоимением первого, второго или третьего лица: *Вот он(а) я*; *Вот он(а) ты*; *Вот они мы/вы*; *Вот он он*; *Вот она она*; *Вот они они*. Между тем эта конструкция неоднократно встречается как в Основном корпусе НКРЯ, так и в Устном корпусе.

Слово *вот* в параллельном корпусе

Слово *вот* лингвоспецифично, и поэтому можно было бы ожидать, что ему будет соответствовать значительный разброс переводных соответствий. С другой стороны, установив, какие стимулы побудили переводчика использовать частицу *вот* в переводе с иностранного языка, мы можем выявить какие-то ее свойства, которые ускользнули от нашего внимания при анализе оригинальных текстов. Обратимся к данным русско-английского и англо-русского подкорпусов НКРЯ.

Выясняется, что гипотеза о большом разбросе переводных соответствий не вполне подтверждается. В переводах с русского языка слово *вот* часто вовсе не учитывается, например:

> *Меня всегда привлекает* ***вот*** *это маленькое пространство — человек... один человек. / I've always been drawn to this miniature expanse: one person, the individual.* (Svetlana Alexievich. Secondhand Time (Bela Shayevich, 2016))

В тех же случаях, когда мы можем усмотреть в переводе какое-то соответствие, бывает трудно точно установить, чем обусловлен его выбор: индивидуальными пристрастиями переводчика, особенностями значения слов *вот* в заданном контексте или трудностями перевода, обусловленными лингвоспецифичностью.

Что же касается до появления слова *вот* в переводах с английского языка, то можно заметить, что переводчики используют слово *вот* менее активно, нежели авторы оригинальных текстов. Частотность слова *вот* в русско-английском корпусе составляет около 992 ipm, а в англо-русском подкорпусе — около 598 ipm.

При этом в некоторых случаях в оригинальном тексте нет непосредственного стимула для появления *вот*. В частности, это касается случаев, когда *вот* используется для подчеркивания противопоставления (часто после противительного союза *а* или *но*), например:

> *"Peace can come to the world only by the total elimination of German and Japanese war power," Roosevelt said. This war almost surely won't end with the total*

elimination of Russian war power... / «Мир может прийти на планету только в результате полной ликвидации немецкой и японской военной мощи», — сказал тогда Рузвельт. Но ***вот*** *нынешний военный конфликт почти наверняка не закончится полной ликвидацией военной мощи России...* (Дэвид Игнатиус. И это «победа»? Зеленский и Байден расходятся во взглядах на дальнейший путь Украины (2022))

Но для некоторых типов употребления перевод со словом *вот* оказывается вполне регулярным соответствием. Так, перевод со словом *вот* регулярно используется для перевода конструкции *this is* или *that is* с вопросительным словом. Приведем несколько примеров:

That's why *he prefers to call them "anaphylactoid" reactions. /* ***Вот почему*** *он предпочитает называть эти реакции «анафилактоидными».* (Копятся подозрения, что наночастицы в вакцине «Пфайзер» от covid-19 вызывают редкие аллергические реакции (2020))

*"****This is what*** *we'll do," she said once we were heading up Via Garibaldi. / — **Вот как** мы поступим, — сказала она, когда мы шли по виа Гарибальди.* (Андре Асиман. Найди меня (Наталья Рашковская, 2020))

This is what *she says about her twenties, about the pieces of identity capital that are helping her now: /* ***Вот что*** *рассказывает Хелен о своем возрасте от двадцати до тридцати и о том, как накопленный тогда капитал идентичности помогает ей сейчас: (...)* ***That's why*** *I wish I had done more during my first few years out of college. /* ***Вот почему*** *мне хотелось бы, чтобы я была более активной в первые годы после окончания колледжа. (...)* ***This is how*** *she explained that change: /* ***Вот как*** *объясняет эти перемены сама Талия: (...)* ***That's why*** *she needed to dig in now. /* ***Вот почему*** *ей необходимо было начинать без промедления.* (Мэг Джей. Важные годы. Почему не стоит откладывать жизнь на потом (Наталья Яцюк, 2021))

В целом представляется, что систематизация стимулов к появлению слова *вот* в переводе позволяет более систематически подойти к классификации типов его употребления в русском языке.

Заключительное замечание

Понятно, что в рамках краткой статьи невозможно даже просто перечислить те уточнения, которые можно было бы внести в словарные описания слова *вот* (в том числе в наиболее детальное описание, содержащееся в АС) на основе корпусных данных. Сюда относится более полное описание сфер функционирования *вот*, детальное описание конструкций, в которых *вот* используется, уточнение классификации лексических значений и типов употребления *вот*. Именно для таких единиц корпусные данные особенно важны, но, как видно из представленного материала, нельзя подходить к ним некритически.

Источники

АС — Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. Т. 1. — М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.

АТоС — Академический толковый словарь русского языка. Том 2: ВИНА — ГЯУР / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 680 с.

БТС — *Кузнецов С. А*. Большой толковый словарь русского языка. Beijing: Shangwu Yinshuguan; the Commercial Press, 2016.

МАС — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. 698 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/new/index.html

Ожегов 1981 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981. 815 с.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи / отв. ред. Л. П. Крысин. Т. 1. М., Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

Литература

Богданова-Бегларян Н. В. Фонетический Тяни-Толкай: о двух разнонаправленных тенденциях в построении устного текста // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 3 (17). Фонетика. — Москва, 2018. С. 22–32.

Гришина Е. А. Частица *вот*: варианты, используемые в непринужденной речи // Инструментарий русистики: корпусные подходы (Slavica Helsingensia 34). Хельсинки: Helsinki University Press, 2008. С. 63–91.

Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог’2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино: Наука, 2000. С. 67–71.

Дараган Ю. В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Тр. Международной конференции «Диалог’2003». М.: Наука, 2003. С. 116–125.

Иванова Т. К. Функции частиц *вот* и *только* в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. Благовещенск, 1970.

Кобозева И. М. Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. — М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 250–255.

Кобозева И. М. Указательное слово «ВОТ» — наречие или частица? // Лингвистические идеи В. А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике: коллективная монография / Сост., отв. ред. Л. М. Байдуж. Тюмень: Мандр и Ка, 2010. С. 189–193.

Лан Шо. Частица «вот» в лексикографическом представлении: значение, прагматика, функции. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дальневост. федер. ун-т. Владивосток, 2018.

Левонтина И. Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2010» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.) / М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 284–288.

Левонтина И., Шмелев А. Вот они мы с поздравлениями Тильману Бергеру // Von A wie Aspekt bis Z wie zdvořilost. Ein Kaleidoskop der Slavistik für Tilman Berger zum 65. Geburtstag / Herausgeber: B. Brehmer, A. Gattnar & T. Perevozchikova. Tübingen: Verlag Tübingen University Press, 2021. С. 111–118.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Прокуровская Н. А. Некоторые особенности употребления частицы *вот* в устной разговорной речи // Вопросы стилистики. Вып. 8. Саратов, 1974. С. 116–120.

Шмелев А. Д. Функциональные разновидности русского языка: константы и переменные // Деловой и публицистический стили в истории русского языка и культуры. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 20–29.

A. D. Shmelev
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
shmelev.alexei@gmail.com

THE RUSSIAN DISCOURSE WORD *BOT* REVISITED

This paper deals with the Russian discourse word *вот*. The analysis is based on the data of the Russian National Corpus (however, the paper claims that a critical attitude to corpus data helps to ensure their reliability). It makes an attempt to identify the characteristics of *вот* that are insufficiently taken into account in existing lexicographic descriptions. The paper discusses the word in question as it occurs in texts of different styles and genres. It shows that the word is extremely frequent in oral speech, very frequent in electronic communication and in fiction. As for its frequency in other domains of non-fiction, its frequency depends on the degree of informality. It is relatively frequent in everyday communication and in journalism and less frequent in advertizing and in academic discourse where it is used as a marker of informality. The word does not occur in the official communication. The paper pays special attention to some of the constructions characteristic of *вот* and the word order in some special cases. In addition, it involves data from parallel subcorpora in the consideration.

Keywords: discourse word, frequency, domain (functional variety), oral speech, translation

References

Bogdanova-Beglarian N. V. [Phonetic *t'ani-tolkaj*: two divergent trends in the oral text cotstruction]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], no. 3 (17): Phonetics. Moscow, 2018, pp. 22–32. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. (author-compiler, ed.). *Pragmaticheskie markery russkoi povsednevnoi rechi: slovar'-monografiya* [Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph]. St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. 520 p.

Daragan Iuliia V. [On the functions of "parasitic" words in Russian spontaneous speech]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminara «Dialog'2000» po komp'yuternoi lingvistike i ee prilozheniyam* [Computational linguistics and its applications: International workshop]. Vol. 1. Protvino, 2000, pp. 67–71. (In Russ.)

Daragan Yu. V. [Parasitism or symbiosis: The mechanism and verbal means of overcoming communication failures]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii Dialog'2003* [Computational linguistics and intellectual technologies: International conference proceedings]. Moscow: Nauka Publ., 2003, pp. 116–125. (In Russ.)

Grishina E. A. [The particle *vot*: varieties used in casual speech]. *Instrumentarii rusistiki: korpusnye podkhody* (Slavica Helsingensia 34). Helsinki: Helsinki University Press, 2008, pp. 63–91. (In Russ.)

Ivanova G. K., *Funktsii chastits "vot" i "tol'ko" v sovremennom russkom yazyke*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The functions of the particles *vot* and *tol'ko* in modern Russian. Abstract of the dis. for the degree of cand. of philol. sci.]. Blagoveshchensk, 1970. (In Russ.)

Kobozeva I. M. [Ambiguity of discourse markers — can it be resolved in clausal context? (the case of *vot*)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2007"* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the International conference "Dialog 2007"]. Bekasovo, 2007, pp. 250–255. (In Russ.)

Kobozeva I. M. [The pointing word *vot*, is it an adverb or a particle?]. *Lingvisticheskie idei V. A. Beloshapkovoi i ikh voploshchenie v sovremennoi rusistike* [The linguistic ideas of V. A. Beloshapkova and their implementation in modern Russian studies] / ed. by L. M. Baiduzh. Tyumen': Mandra i Ka Publ., 2010, pp. 189–193. (In Russ.)

Lan Sho. *Chastica "vot" v leksikograficheskom predstavlenii: znachenie, pragmatika, funktsii* [The particle "vot" in the lexicographic representation: meaning, pragmatics, functions. Abstract of the dis. for the degree of cand. of philol. sci.]. Vladivostok, 2018. (In Russ.)

Levontina I. B. [Quotation and rendering markers in Russian]. *Komp'iuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2010"* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the International conference "Dialog 2010"]. Moscow: RSUH Publ., 2010, pp. 284–288. (In Russ.)

Levontina I., Shmelev A. [Here we are wishing Tilman Berger happy birthday]. *Von A wie Aspekt bis Z wie zdvořilost. Ein Kaleidoskop der Slavistik für Tilman Berger zum 65. Geburtstag* / Herausgeber: B. Brehmer, A. Gattnar & T. Perevozchikova. Tübingen: Verlag Tübingen University Press, 2021, pp. 111–118. (In Russ.)

Prokurovskaya N. A. [Some features of the use of the particle *vot* in colloquial speech]. *Voprosy stilistiki* [Issues in stylistics]. Issue 8. Saratov, 1974, pp. 116–120. (In Russ.)

Shmelev Alexei (2015), [The functional varieties of Russian: Constants and variables]. *Delovoi i publitsisticheskii stili v istorii russkogo yazyka i kul'tury* [Business communication and journalism in the history of the Russian language and culture], Petrozavodsk, pp. 20–29. (In Russ.)

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.38

Т. В. Шмелева
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
szmiel@mail.ru

ГРАММАТИКА ГИПЕРБОЛЫ: АУГМЕНТАТИВ

В статье рассматриваются аугментативы, или имена увеличительные как одно из средств выражения гиперболы в интернет-комментариях, которые трактуются как тип текста новой разговорной речи, локализованной в интернете. С опорой на идеи Л. П. Крысина о естественности гиперболы для русской разговорной речи показано, что в выражении преувеличенных оценок — как положительных, так и отрицательных — используется почти четыре десятка аугментативов, которые объединяются в шесть групп по семантике — от собственно оценочных типа *огнище*, *днище* до этикетных типа *приветище,* включая обозначение человека типа *экспертище,* его качеств типа *талантище* и событий, состояний типа *скукотища*. Проведенный анализ позволил выявить способы введения рассмотренных форм в текст комментария, направленные на усиление их гиперболичности; среди таких способов — синтаксические, лексические и параграфемные. Так, среди синтаксических способов использования аугментативов отмечены конструкции с негацией, градационные и тавтологические: *Это не бомба. Это бомбище!*; *Лайк, лайкос, лайкосище*; *Дно днищенское*. Приведенные данные уточняют представления о русском аугментативе и новой разговорной речи с ее прагматическими установками на лаконичность и максимализм.

Ключевые слова: русский язык, разговорная речь, гипербола, преувеличение, комментарий, аугментатив

Поздравляя Леонида Петровича Крысина с замечательной датой и присоединяя свои пожелания самого лучшего к тем, что прозвучат в юбилейные дни, хотела бы продолжить обсуждение лингвистического сюжета, который интересует нас с прошлого века, когда появилась фундаментальная пионерская статья Леонида Петровича о гиперболе в разговорной речи [Крысин 1988], и я пыталась увидеть, как она вводится в тексты разных типов [Шмелева 1987; 1987а]. Конечно, привлекал этот сюжет и других лингвистов, см. например, статью 1997 года в сборнике [Матвеева 2020], где склонность к гиперболе трактуется как максимализм русской речи. Леонид Петрович и позднее обращался к этому явлению, так, в последнем издании энциклопедии

«Русский язык» статья о гиперболе принадлежит ему [Крысин 1988]. Это позволяет думать, что внимание к этому сюжету остается в кругу интересов юбиляра.

В электронной библиотеке РИНЦ зафиксировано более 1000 публикаций, в названии которых фигурируют термины *гипербола* и *преувеличение*. По названиям статей можно понять, что исследования касаются разных языков, разных авторов и разных типов текстов, что говорит о широком распространении этой фигуры речи. Однако, отталкиваясь от названной работы юбиляра, интересно посмотреть на гиперболу с учетом того обстоятельства, что сегодня мы имеем дело с **новой разговорной речью**, точнее, новой ее локализацией — в интернете [Михайлова 2009]. Не включаясь в теоретическую полемику и рассмотрение деталей, можно принять этот тезис в самом общем виде и выяснить, каково место в ней гиперболы и каковы средства ее выражения. [Крысин 1988].

Остановившись на одном типе текста — **пользовательском комментарии** как самом массовом, можно сказать, народном, нельзя не заметить такое гиперболическое средство, как **аугментатив**.

Этим не очень известным термином (его нет в большинстве энциклопедических и терминологических словарей) в последнее время обозначают имена — суффиксальные образования с увеличительным значением, как их называют, начиная с грамматики М. Ломоносова. В академической грамматике среди производных «существительных с субъективно-оценочными значениями» приводятся два типа, в характеристике которых указано «увеличительное значение»: *домина, голосина, холодина* и *лапища, пылища, дружище, винище* [Русская 1980: 215–216]. Хотя там сказано, что «тип продуктивен в разг. и художественной речи» [Там же: 216], наличие всего двух суффиксов, количество приведенных примеров, часть которых — окказионализмы, говорит скорее о том, что перед нами довольно редкий тип дериватов, особенно на фоне диминутивов.

Соответственно, и публикаций о таких формах не так много: в электронной библиотеке РИНЦ находим чуть больше двух десятков статей, в названии которых фигурируют термины *аугментатив*, *аугментативность*, *аугментативная семантика*; самая ранняя из них относится к 2011 г. [Буряковская, Звонарева 2011]. Поскольку в ряде работ обсуждаются данные европейских языков, можно предположить, что и термин заимствован из европейской лингвистики.

Большой интерес для настоящей работы представляет статья [Маркелова 2023], в которой на основе данных словарей и Национального корпуса русского языка составлен список русских аугментативов, вполне солидный — около 130 лексем; показано, что это средство используется в разных типах текстов. Стоит отметить, что автор указанной статьи настаивает на том, что аугментатив, как, впрочем, и диминутив, относится не к словообразованию, а к формообразованию, что формирует парадигму типа *дом — домик — домище* наряду с числовой и падежной парадигмами имени, однако для настоящей работы эта противопоставление не релевантно.

Что касается использования аугментатива в гиперболических высказываниях новой разговорной речи, то важно обратить внимание на следующее.

Хотя такие примеры присутствуют, например, при иллюстрации гиперболических жестов: *с такими вот плечищами* [Крысин 1988: 110] или среди авторских

«слов-гипербол» В. Маяковского — *любовище, волосище, шеище* [Емельянова 2003: 133], в списках морфологических форм, выражающих гиперболу, который обычно сводится к двум формам — множественное гиперболическое и дериваты с *пол-*, они нигде не называются. Между тем наблюдения показывают, что это популярное среди комментаторов средство, о чем говорит и их количество в комментариях, и частотность некоторых лексем.

Материалом для наблюдений послужили пользовательские комментарии к стримам музыкального и политического содержания. Примеры использования аугментативов в гиперболических высказываниях даются без паспортизации, поскольку авторы скрываются либо за малоинформативными никами, либо за шифрами из цифр и букв. Датировка таких высказываний тоже не имеет смысла, так как, появившись в определенный день, комментарий «висит» при стриме и может быть прочитан в течение долгого времени, поэтому общей датировки — 2023–2025 гг. — кажется достаточно. Понятно, что приводимые в качестве иллюстраций комментарий не редактируются, а воспроизводятся в авторской орфографии и пунктуации; единственное, что допускается, фигура умолчания относительно персон, неназывание имен.

Как и в классической разговорной речи, в пользовательских комментариях «гиперболические высказывания концентрируются в области оценок человека и человеческой деятельности» [Крысин 1988: 101].

В этом отношении обращает на себя внимание прежде всего собственно **оценочная лексика** — позитивная (*плюсище, зачетище, огнище, вкуснотища, шедеврище, диамантище, магнитище, бомбище*) и негативная (*днище, позорище, адище, стыдобища, кринжовище)*. Оценочные слова используются в комментариях чаще всего в виде однословных реплик типа *Огнище!*; *Диамантище!*; *Позорище!*. Это вполне объяснимо дискурсивными условиями: оценки формируются в конкретной ситуации с очевидным объектом и аспектами оценки, а субъект оценки — автор комментария. Но, конечно, находим и более распространенные оценочные высказывания: *Стрим просто огнище*; *Мерч — огнище!*; *Зачетище создателям*; *Это позорище и стыдобища*; *Заголовок — полное днище*; *Ну вот это вообще просто днище какое-то странное...*; *Какое позорище!*; *Песня в начале просто днище*; *мои уши слышали еще много другой гадости, а глаза лицезрели всё «днище» этих людей*; *под тем же видео про покорение Сибири такой адище в комментариях пошел...*; *Диалог про оркестровую яму просто кринжовище ваще общее.* Как видно из этих примеров, оценочность субстантивов в форме аугментатива «возводится в квадрат», что и создает эффект гиперболы, без смены знака, то есть положительная оценка становится преувеличенно положительной, а отрицательная — преувеличенно отрицательной; ср. *шедеврище* и *адище*.

Во вторую очередь следует назвать субстантивы, обозначающие **человека**, в них гиперболическая оценочность создается именно формой аугментатива на фоне оценочно нейтрального значения слова, как в лексеме *человек,* аугментатив которого был известен из ленинской оценки Льва Толстого, известной из очерка М. Горького «В. И. Ленин»: *«Какая глыба, а! Какой матерый человечище!»*

[Душенко 2006: 263], сегодня его можно прочитать в интернете едва ли не каждый день. Аналогично оценочность возникает у аугментатива от слова *эксперт*. Оценочность оценочных обозначений лиц типа *бомж*, *баламут*, *иноагент* гиперболизируется, что видно в высказываниях: *Иноагентище!*; *продюсеры двигают тех, кто пишется на лейбле, а не бомжару*; *как видим баламутище, переключаемся.* Интересно, что цитатную гиперболу «гигант мысли», принадлежащую И. Ильфу [Душенко 2006: 187], автор одного из комментариев еще гиперболизирует, используя аугментатив: *гигантище мысли.* И замечательный пример использования этой формы представляет собой дериват от имени собственного — сценического псевдонима одного из участников группы «Каста» Шыма — *Шимонище!.*

Третий круг имен, активно используемый в рассматриваемой форме, называют **качества человека**, вполне позитивные, но как аугментативы, они обозначают наивысшую степень их проявления: *талантище*, *красотища*, *силища*, *голосище*, *голосяра*, *умище.* Примеры их использования в комментариях: *Спасибо за* ***умище*** *(*спикера); ***Умище*** *зашкаливает. Уважуха!*; *Как же ей тоже хочется блеснуть* ***умищем****!*; *Джентльмены, вы* ***силища****!*; *Но* ***голосяры*** *у вас обеих — пробивают сознание*; *Вы* ***талантище****!*; *Сколько же* ***талантищей*** *... музыканты и певцы с нереальными голосами!* Метонимическое использование имен неотторжимой принадлежности человека — голос, сила — создает мощный гиперболический эффект.

Четвертую группу составляют образования от **этикетных имен** — *приветище*, *респектище*, *спасибище.* Они используются, как и исходные имена в коротких этикетных репликах приветствия, благодарности, внося в текст повышенный градус этикетности, супервежливость.

Пятая группа имен **пропозитивной семантики** — *дождяра*, *грязища*, *скукотища*, *очередюга*, *скандалище*, *пинчище.* Их аугментативная форма напрямую связана с грамматической семантикой размерности, поскольку обозначает обилие, количество обозначаемых явлений, оцениваемое как избыточное, что хорошо видно в текстах: *После разлива —* ***грязища*** *на несколько км*; *В Нарве очередь на границе стала* ***очередюгой***; *Господа просят господ ставить лайки. А хороший* ***пинчище*** *от товарищей примете?*

К ним можно присоединить слово с семантикой ‘произведение музыкального искусства, имеющее успех, хит’, его аугментатив указывает на гиперболичность позитивной семантики: *Очередной* ***хитяра****!*

Специфическую группу имен составляют обозначения реалий **интернет-коммуникации**: с*тримище, лайкище, лайкосище,* фигурирующие в комментариях типа *Топовый стримище!.*

При характеристике аугментативов обычно указывается, что таковые образуются не только для субстантивов, но и для адъективов типа ***большущий***, ***здоровенный***. В имеющемся материале встретился только один адъектив — ***Класснющий*** *сериал!*

Таким образом, в пользовательских комментариях зафиксировано 36 аугментативов, что для редкого типа слов кажется значительным количеством. Часть их них были квалифицированы как новые, в первую очередь обозначения реалий

интернет-коммуникации и оценочная лексика, востребованная в комментариях, что позволило их интерпретировать в контексте неологии [Шмелева 2024], однако для настоящей работы важнее их принадлежность новой разговорной речи с ее установкой на оценочность, преувеличенность чувств, ощущений и лаконичность. Этим условиям и отвечает рассматриваемый тип слов.

Определив состав аугментативов, важно увидеть, как именно они используются в комментариях. Уже было отмечено, что для них характерно применение в виде однословных реплик типа *Огнище!*, *Днище!*, *Талантище!,* что важно для комментария.

Кроме того, нельзя не заметить, что иногда авторам комментариев, видимо, кажется недостаточной гиперболичность аугментатива, и они привлекают средства поддержки гиперболичности, среди которых можно увидеть синтаксические, лексические и парафрафемные.

Из синтаксических важно отметить три типа конструкций:

- конструкция с негацией, где под отрицанием оказывается стандартное имя, а «утверждается», иногда с союзом А — аугментатив: *Это не скандал, а скандалище*; *Это не позор, это позорище!*; (о песне) *Это не бомба! Это бомбище*; *Не иноагент, а Иноагентище!*; *Это не голос. Это голосище!*;
- градуальные паратактические конструкции, в которых гиперболичность складывается пошагово, ощущается на вершине шкалы, как в комментарии *Лайк, лайкос, лайкосище!*;
- тавтологические конструкции типа *Позорище позорное!*; *Огонь огнище!*; *Это треш, это фарс, это днище днищенское!.*

Лексической поддержкой гиперболы выступают слова-интенсификаторы: *Потусторонний респектище!*; частицы, прежде всего *просто: Просто огонь огнище!*; *Ты просто талантище!.*

Из парафрафемных средств поддержки чаще всего используется многократное использование букв и капитализация, примерами чего могут послужить такие комментарии: *До чего же он умИщеээээ!*; *Экспертищеееее.*

Удивительно, но в комментариях к стримам, прибегая к гиперболе, авторы не включают языковую рефлексию, не вводят извинительных помет типа *не будет преувеличением сказать, едва ли не* и под., описанных в [Шмелева 1987] для нехудожественной прозы, в том числе журналистских текстов. Это означает, что преувеличенность оценок воспринимается как органичное свойство интернет-комментирования.

Итак, стремясь исчислить средства гиперболы разговорной речи, в частности, новой разговорной речи в рамках интернет-коммуникации, мы должны включить в этот «реестрик» аугментатив, в чем, как кажется, убеждают приведенные здесь факты. Сложившиеся способы использования таких слов убеждают в их принятии языком комментариев. Обращение к другим дискурсивным условиям может выявить другие средства, как, в статье [Безрукова, Марченко 2023], где гипербола изучается в отзывах путешественников на платформе Trip Advisor. Но в целом

представляется, что сформулированное Л. П. Крысиным положение о естественности гиперболы для русской разговорной речи, причинах этого и круге средств ее выражения оказывается верным и для новой разговорной речи.

Литература

Безрукова В. В., *Марченко О. Р.* Гипербола и литота как стилистические фигуры явного и намеренного преувеличения/приуменьшения выразительности в отзывах путешественников в интернет-платформе Trip Advisor // Тенденции развития науки и образования. 2023, № 96–3. С. 25–29.

Буряковская А. А., *Звонарева Ю. Н.* Гендерные особенности выражения оценки при помощи диминутивов и аугментативов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011, № 2. С. 448–454. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18096760

Душенко К. В. Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. 4-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2006. 832 с.

Емельянова О. Н. Гипербола // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяев. М.: Флинта, Наука, 2004. С. 102–103.

Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики 1984. М.: Наука, 1988. С. 95–111.

Крысин Л. П. Гипербола // Русский язык: энциклопедия; под общ. ред. А. М. Молдовано. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 101–102.

Матвеева Т. В. Сто лет не видались, или максимализм русского речевого общения (1997) // Матвеева Т. В. Статьи по русской стилистике. М.: Флинта; Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2024. С. 39–46.

Меркулова И. А. Аугментативы как суффиксальные формы русских существительных // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023, № 4. С. 114–125.

Михайлова Ю. Н. Электронный русский: между устным и письменным // Неклассические письменные практики современности / Отв. ред. Т. В. Шмелева. Великий Новгород, 2009. С. 248–258.

Русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.

Шмелева Т. В. Средства выражения метасмысла «преувеличение» // Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании: межвуз. сб. / науч. ред. В. А. Белошапкова; отв. за вып. Т. В. Шмелева. Красноярск, 1987. С. 82–92.

Шмелева Т. В. Гипербола, мейозис, литота: Фрагмент обыденной риторики // Риторика и семантические структуры: тезисы докладов и сообщений. Красноярск, 1987а. С. 321–323.

Шмелева Т. В. Новые аугментативы в интернет-комментариях // Неология. Неография 2023. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2024. С. 3–18. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=74520058

T. V. Shmeleva
Yaroslav the Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
szmiel@mail.ru

GRAMMAR OF HYPERBOLE: AUGMENTATIVE

The article examines augmentatives, or augmentative names, as one of the means of expressing hyperbole in Internet comments, which are interpreted as a type of text of the new colloquial speech localized on the Internet. Based on the ideas of L. P. Krysin on the naturalness of hyperbole for Russian colloquial speech, it is shown that almost four dozen augmentatives are used to express exaggerated assessments — both positive and negative — which are combined into six groups by semantics — from the actual evaluative types of *огнище*, *днище* to the etiquette types of *приветище*, including the designation of a person of the *экспертище* type, his qualities of the *талантище* type and events, states of the *скукотища* type. The conducted analysis allowed us to identify the methods of introducing the considered forms into the text of the comment, the purpose of which is to enhance their hyperbolicity; among such methods are syntactic, lexical and paragraphemic. Thus, among the syntactic methods of using augmentatives, constructions with negation, gradational and tautological are noted: *Это не бомба. Это бомбище!* ‘This is not a bomb. This is a big bomb!’; *Лайк, лайкос, лайкосище* ‘Like, like, big like’; *Дно днищенское* ‘The bottom is bottom’. The data provided clarify the ideas about the Russian augmentative and the new colloquial speech with its pragmatic attitudes towards brevity and maximalism.

Keywords: Russian language, colloquial speech, hyperbole, exaggeration, commentary, augmentative

References

Bezrukova V. V., Marchenko O. R. [Hyperbole and litotes as stylistic devices of explicit and intentional exaggeration/understatement in travelers’ reviews on Trip Advisor platform]. *Trendy razvitiia nauki i obrazovaniia* [Trends in science and education development], 2023, no. 96–3, pp. 25–29. (In Russ.)

Buriakovskaya A. A., Zvonareva Yu. N. [Gender peculiarities of evaluation expression through diminutives and augmentatives]. *Izvestiia Tul’skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tula State University. Humanities], 2011, no. 2, pp. 448–454. (In Russ.) Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18096760

Dushenko K. V. *Slovar’ sovremennykh tsitat: 5200 tsitat i vyrazhenii XX i XXI vv., ikh istochniki, avtory, datirovka* [Dictionary of modern quotations: 5200 quotations and expressions of the 20th and 21st centuries, their sources, authors, dating]. 4th ed., rev. and enl. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 832 p.

Emel’ianova O. N. [Hyperbole]. In: *Kul’tura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar’-spravochnik* [Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-handbook]. Ed. by

L. Yu. Ivanov, A. P. Skovorodnikov, E. N. Shiryaev. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004, pp. 102–103. (In Russ.)

Krysin L. P. [Hyperbole in Russian colloquial speech]. In: *Problemy strukturnoi lingvistiki 1984* [Problems of structural linguistics 1984]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 95–111. (In Russ.)

Matveeva T. V. [*Haven't seen each other for a hundred years*, or the maximalism of Russian verbal communication (1997)]. In: *Stat'i po russkoi stilistike* [Articles on Russian stylistics]. Moscow, Flinta Publ.; Ekaterinburg, Ural Univ. Publ., 2024, pp. 39–46. (In Russ.)

Merkulova I. A. [Augmentatives as suffixal forms of Russian nouns]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2023, no. 4, pp. 114–125. (In Russ.)

Mikhailova Yu. N. [Electronic Russian: between oral and written]. In: *Neklassicheskie pis'mennye praktiki sovremennosti* [Non-classical writing practices of modernity]. Ed. by T. V. Shmeleva. Velikii Novgorod, 2009, pp. 248–258. (In Russ.)

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.

Shmeleva T. V. [Hyperbole, meiosis, litotes: A fragment of everyday rhetoric]. In: *Ritorika i semanticheskie struktury: tezisy dokladov i soobshchenii* [Rhetoric and semantic structures: abstracts]. Krasnoyarsk, 1987a, pp. 321–323. (In Russ.)

Shmeleva T. V. [Means of expressing the meta-meaning "exaggeration"]. In: *Sistemnyi analiz znachimykh edinits russkogo iazyka*. [Systematic analysis of significant units of Russian language]. Ed. by V. A. Beloshapkova, T. V. Shmeleva. Krasnoyarsk, 1987, pp. 82–92. (In Russ.)

Shmeleva T. V. [New augmentatives in online comments]. In: *Neologiia. Neografiia 2023* [Neology. Neography 2023]. St. Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovanii RAN Publ., 2024, pp. 3–18. (In Russ.) Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=74520058

DOI: 10.31912/pvrli-2025.3.39

М. В. Шульга
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
shoulga@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ НАЗВАНИЙ СОТЕН И ТЫСЯЧ: НОРМА — УЗУС — СИСТЕМА

В статье исследуются синтаксические связи с существительными, называющими считаемые предметы, у числительных *двести — девятьсот* (*с пятьюстами рублями / рублей*) в последние два десятилетия и в исторической ретроспективе. Выявляется сфера потенциальной вариантности управления и согласования. На материале Национального корпуса русского языка установлено, что в формах предложного и дательного падежей современный узус последовательно отражает согласование (*в пятистах рублях, к пятистам рублям*). Вариантность управления и согласования отражается только в форме творительного падежа.

Особенности современного узуса интерпретируются как продолжение тех тенденций, которые реализовались в грамматической системе на протяжении предыдущих пяти веков. Показано, что наиболее проницаемой для согласования на каждом этапе развития является форма предложного падежа. Эта особенность предложного падежа подтверждается наблюдениями над инновациями в синтаксических связях названий тысяч. Слово *тысяча* проявляет способность к согласованию с существительным в падежных формах множественного числа (*в сорока тысячах компаниях*). Эти инновации последних двух десятилетий обнаруживают те же различия между дательным, творительным и предложным падежами, что и названия сотен.

Синтаксические инновации у названий тысяч считаются не соответствующими литературной норме, однако, как показало исследование, это не влияет на характер их проявления.

Ключевые слова: числительные, синтаксические связи названий сотен, согласование при названиях тысяч, управление и согласование числительных; норма, узус, система

Грамматическая история числительного *сто* и названий сотен описана в [Шульга 2024: 94–111]. Мы остановимся на синтаксических связях названий сотен с существительными, называющими считаемые предметы.

Для существительного *сто* во всех его падежных формах, а также в составе названий сотен *двести — девятьсот* первоначально характерно управление существительным, как это сохраняется в именительном и винительном падежах: *сто → рублей*, *пятьсот → рублей*. В ходе формирования грамматических признаков числительного в непрямых падежах грамматический центр количественной конструкции перемещается с названия числа на существительное. Числительное при этом не управляет существительным, а принимает его падежную форму, «согласуется» с существительным в падеже: *пятьюстами ← рублями*.

Через управление и согласование проходит граница между составными числительными и сложными числительными. Например, составное числительное *с пятью стами рублей* — это сочетание отдельных количественных слов со своими особыми синтаксическими связями, то есть это числительное *пятью* и существительное *стами.* При переходе от управления к согласованию (*с пятьюстами рублями*) образуется сложное слово с грамматическими свойствами числительного.

Русская грамматика 1980 отмечает варьирование синтаксических связей у названий сотен. Она признает такое варьирование нормативным, но иллюстрирует его только формой творительного падежа: *с тремястами рублей, с пятьюстами солдат* наряду с сочетаниями *с тремястами рублями, с пятьюстами солдатами* [Русская грамматика 1980: § 1376]. Аналогично в «Русской корпусной грамматике» [Сичинава 2012: 241]. Примечательно, что и Грамматика 1952 в качестве иллюстрации допустимого управления приводила лишь форму творительного падежа: *приходится иметь дело с шестьюстами студентов* [Грамматика 1952: § 616–617].

Эти представления о синтаксических связях названий сотен в языке XX века нуждаются в уточнении и обновлении. Необходимо уточнить, в каких именно падежных формах возможны вариантные синтаксические связи, поскольку не все «косвенные падежи» (ср. выше: [Грамматика 1952]) такие возможности предполагают и не в каждом падеже эти возможности реализуются в современном узусе. Важно описать современный узус, особенности его формирования в каждой падежной форме, определить отношение узуса к грамматической системе и тем самым выявить основания для актуальных нормативных рекомендаций[1].

Замена управления на согласование у числительных происходила во всех формах, кроме именительного и винительного падежей, то есть в родительном, дательном, творительном и предложном падежах. Однако в форме родительного падежа результаты управления и согласования совпадают в общей словоформе (*пятисот рублей*). Поэтому из косвенных падежей, о которых говорится в Грамматике 1952, вариантность управления и согласования заведомо ограничена формами трех падежей: дательного, творительного и предложного.

---

[1] Вряд ли имеются основания для стилистической дифференциации согласования и управления у названий сотен, которая проводится в ряде практических рекомендаций: «В вариантах управления *с тремястами рублями — с тремястами рублей* первый, в котором числительное, в соответствии с правилом, согласуется в падеже с существительным, является нейтральным, второй, в котором сложное числительное *двести, триста* и т. д. управляет существительным в форме родительного падежа, — разговорно-просторечным» [Розенталь и др.: § 166].

1. История формирования согласования у названий сотен

Исследование на материале НКРЯ выявляет различия между дательным, творительным и предложным падежами во времени становления согласования и в ходе развития этого процесса. Рассмотрим падежные формы в той последовательности, которая соответствует порядку формирования согласования: предложный, дательный, творительный падежи.

Предложный падеж. Для согласования наиболее проницаемой падежной формой оказывается предложный падеж. В предложном падеже смена синтаксических связей начинается раньше и развивается наиболее интенсивно. Согласование отражается с XV–XVI века (*по 400 лѣтехъ*, *на 500 саженях, на 400 саженях, въ пяти стахъ рублехъ*) и, наряду с традиционным управлением, убедительно представлено в текстах XVII века (*на 200 саженях, въ 300 полкахъ*, *въ пяти стахъ рублехъ* и др.):

- Велии бо есть грѣх преступающим заповѣдь отню; ибо исперва преступишя сынове Хамови на землю Сифову и *по 400 лѣтех* отмщение приашя от Бога... (Новгородская Карамзинская летопись. Первая выборка (первая половина XV в.)), список XV — начала XVI века;
- Засека Одоевская на 32 верстах и *на 500 саженях* да на Павловском броду {л. 797 об.} на Упе реке *на 400 саженях*... (Разрядная книга 1475–1598 гг. Разряды 1512–1598 гг.);
- От села Беляевского за черту дорога по поляном через засечный лес *на 200 саженях* (Засечная книга 1638 г.);
- ...і то дѣлай такъ: будя похочешъ выложить сколко *въ* [*300*] *полкахъ* будетъ людей, а во въсякомъ полку по [3456] ч., ітого [1036800] человекъ (Петр I. Отрывок из учебныхъ тетрадей по арифметике, 1688);
- ...Противъ ево челобитья и скаски въ приборныхъ денгахъ *въ пяти стахъ рублехъ* подушную запись собрать по себѣ. (Отрывки из дела о взыскании денег, недобранных таможенным головой, ларешным и целовальниками, 1693.11.09–1698.12.19).

Тексты XVIII века в предложном падеже последовательно отражают согласование названий сотен с существительным. Например:

- Из оного корпуса сделался пехотной корпус в шестистах, потом *в семистах человеках*. (С. А. Порошин, 1764–1765);
- Все его недвижимое имение состояло *в четырехстах душах*. (Д. И. Фонвизин. Жизнь графа Никиты Ивановича Панина, 1784);
- Вышел *в восьмистах человеках* здоровых.... (А. В. Суворов. Биография, 1786);
- Я знаю один дом, который состоит отсель *в трехстах верстах*... (Сказка восьмая о Иване-богатыре, мужицком сыне, 1787);
- Всѣ шалаши, принадлежащіе сему начальнику, числомъ около сорока, построенные *на шести стахъ* квадратныхъ *футахъ*, составляютъ разныя полукружія. (О Иностранныхъ книгахъ // Московской Журналъ, 1791).

В более поздних материалах, вплоть до современных, в предложном падеже наблюдается регулярное согласование. В материалах НКРЯ на протяжении последних трех веков встретилось всего три примера с управлением в предложном падеже (*в двухстах километров; при двухстах, трехстах человек*; *о пятистах городов*). В НКРЯ последний по времени пример с управлением относится к 60–70-м годам XX века:

- Деникинская Добровольческая армия подходила к Туле и находилась *в двухстах километров* от Москвы. (Г. И. Григоров. Махно, 1965–1975).

Следовательно, в предложном падеже в системе языка переход к согласованию названий сотен с существительными завершен уже в XVII веке. Современный узус последовательно отражает согласование.

Дательный падеж. В дательном падеже инновации с согласованием документированы на столетие позже, чем в предложном падеже, — текстами XVII века (*къ 200 четямъ*, *тремъ стамъ человѣкомъ* и др.) и XVIII века (*двумстам племенам*):

- Государева ему жалованья придано *к 200 четьям* 50 чети, денег ко 8 рублем 2 рубли. (Дело по челобитной кречетников Ивана Петрова и Никифора Фофанова о награждении их за службу, 1614.12);
- ...На милостинную роздачю и на кормъ нищимъ, *тремъ стамъ человѣкомъ*, пяддесятъ рублевъ. (Приходо-расходные книги Приказа тайных дел, 1665.09–1666.08);
- О боги! возможно ль *двумстам племенам* людским быть для того несчастным, что случилось единому человеку не быть добродетельну? (Д. И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию, 1777).

На протяжении XIX–XX веков в дательном падеже тексты отражают как согласование, так и традиционное управление.

Творительный падеж. В творительном падеже тексты XVII — начала XVIII века отражают традиционное управление (*пятью стами рублевъ, съ 300 человѣки, с 900 человеки*).

Инновации с согласованием наблюдаются с XVIII века (*500 червоными, двумястами кораблями, пятьюстами тысячами, шестьюстами человеками, ста левками* и др.):

- За оныя в награждении полагался перво на волю е. в. напоследок, что он за водоливную машину третью против здешнего, то есть *500 червоными*, доволен хочет быть... (Татищев. Письмо И. А. Черкасову, 1725);
- Лондон подкрепляемый своими *двумястами* военными *кораблями*... ...Ежегодно последует расход более девятью миллионами *пятьюстами тысячами*. (Д. И. Фонвизин. Торгующее дворянство, 1766);
- ...Насбирали они чрезъ одну недѣлю, по Турецкому названїю Биръ Афта съ пожалованными *стами левками* изъ казны Султанской 400 левковъ...

(В. Я. Баранщиков. Нещастныя приключенїя Василья Баранщикова мѣщанина Нижняго Новагорода въ трехъ частяхъ свѣта: въ Америкѣ, Азїи и Европѣ съ 1780 по 1787 годъ, 1787).

Управление в XVIII веке в творительном падеже еще преобладает (*съ двумя стами человѣкъ,* тремя стами Арганцовъ, *съ пятью стами гвиней, пятью стами козаков, тремя стами покоренных городов, пятьюстами тысяч, двумя стами червонныхъ, шестьюстами человек* и др.).

Формы согласования и управления нередко отражаются в одном и том же тексте:

- ...Отправился къ берегу, на которомъ уже ожидалъ его Катваль, окруженный *двумя стами Наярами*, или *Дворянами...* Отправилися они... съ тысячью *тремя стами воиновъ.* ...Подступилъ къ самой столицѣ сего царства, защищаемой тритцатью тысячами воиновъ *и четырьмя стами* морскихъ *судовъ*. За нимъ слѣдовалъ Юцаркамъ, старѣйшина *предъ шестью стами плѣнныхъ* Индѣйцовъ, во оковахъ. (И. Веревкин. Исторія о странствіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга. Ч. 1 [перевод книги Прево и Лагарпа], 1782).

Для характеристики синтаксических связей примечательно, что в одном и том же тексте представлено согласование в предложном падеже (*на двух стах кораблях*) и управление с согласованием в творительном падеже (*со тремя стами судов — со тремя стами тысячами*):

- Сухопутное его войско... плыло *на тысяче и двух стах кораблях со тремя стами* транспортных *судов*. Ксеркс обратился в бегство, и оставя во Греции Мардония *со тремя стами тысячами* человек, кроме союзных войск... (Н. Радищев. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия Греков [перевод книги Г. де Мабли с французского], 1773).

Вариантность в форме творительного падежа широко представлена на протяжении XIX — первой половины XX века. Например, у А. С. Пушкина в форме творительного падежа:

- Шишкин был встречен под самой Юзеевой *шестьюстами мятежниками*. Торнов *с шестьюстами человек* взбунтовал и ограбил всю Нагайбацкую область. Оренбургские жители, услышав о своем освобождении, толпами бросились из города вслед *за шестьюстами человек* пехоты... (А. С. Пушкин. История Пугачева, 1833).

Во второй половине XX века управление в творительном падеже заметно убывает.

Подводя итог небольшому экскурсу в историю формирования согласования у названий сотен, подчеркнем главное: однотипные преобразования синтаксических

связей у названий сотен развиваются последовательно, но неодновременно; падежные формы предложного, дательного и творительного падежей начинают отражать согласование с интервалом в столетие (в XVI–XVII–XVIII веках соответственно); наиболее интенсивно развивается согласование в предложном падеже; позиции традиционного управления творительный падеж удерживает более последовательно, чем другие падежи.

Находят ли эти системные особенности отражение в современном узусе?

2. Современный узус

В современном узусе, как он прослеживается по материалам первых двух десятилетий XXI века, в предложном падеже представлено только согласование; имеются выразительные различия в синтаксических связях между формами дательного и творительного падежей.

В дательном падеже управление выявлено только в двух примерах, что составляет 1,87 % от общего количества примеров с дательным падежом (в сумме 107 примеров):

- На том вердикте есть и моя подпись — я оставлял ее в каждой версии, прибавляя *к тремстам миллионов* уже существующих. (Е. Прошкин. Механика вечности, 2001);
- Попытка стоила нервов *шестистам пассажиров* и проломленного пирса. (Морская пучина поглотила два корабля // Vesti.ru, 02.11.2006).

Сведения по каждому из названий сотен представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Соотношение форм с согласованием и управлением в дательном падеже: *двумстам — девятистам*

Синтаксическая связь с существительным	**200**	**300**	**400**	**500**	**600**	**700**	**800**	**900**	**Всего**	**%%**
Согласование	10	29	12	34	2	8	6	4	105	98,13
Управление	0	1	0	0	1	0	0	0	2	1,87

В творительном падеже традиционное управление еще составляет заметное явление: выявлено 18 примеров с управлением, что составляет 13,43 % от общего количества примеров с творительным падежом (134 примера), см.: Таблица 2.

Таблица 2. Соотношение форм с согласованием и управлением в дательном падеже: *двумястами — девятьюстами*

Синтаксическая связь с существительным	**200**	**300**	**400**	**500**	**600**	**700**	**800**	**900**	**Всего**	**%%**
Согласование	57	19	4	18	12	3	1	2	115	86,47
Управление	9	4	0	4	1	0	0	0	18	13,53

Из Таблицы 2 видно, что управление в творительном падеже (наряду с преобладающим согласованием) отражено при тех названиях чисел, которые в текстах встречаются более часто: это числительные *двести*, *триста*, *пятьсот* и *шестьсот*. Остальные названия сотен отмечены в материалах НКРЯ только с согласованием, но в единичных примерах (от одного до четырех). Видимо, при расширении материала можно обнаружить и здесь вариантные синтаксические связи, то есть вариантность синтаксических связей с преобладанием согласования является общей характеристикой для всех названий сотен в творительном падеже.

Таким образом, на протяжении последних двух десятилетий для числительных *двести — девятьсот* характерны согласование с существительным в формах дательного и предложного падежей и вариантность согласования с управлением в творительном падеже. Признание вариантности синтаксических связей в академических грамматиках находит опору и в грамматической системе, и в современном узусе. Но по отношению к настоящему времени оно может скорректировано — ограничено формой творительного падежа.

3. Развитие синтаксических связей в условиях нормативных ограничений: согласование у составных названий тысяч

Развитие синтаксических связей у названий сотен не попало под давление нормы. В иных условиях происходит формирование согласования у названий тысяч в аналогичных позициях. Недопустимость согласования с существительным для слова *тысяча* во множественном числе особо оговаривает Грамматика 1952: «Во множественном числе слова *тысяча*, *миллион* и т. п. всегда употребляются в значении счетных существительных, в связи с чем существительные, обозначающие считаемые предметы, всегда стоят при них в родительном падеже (множественного числа), напр.: *...дивизии пополнились тысячами бойцов...*» [Грамматика 1952: § 618]. В Грамматике 1980 инновации с согласованием во множественном числе не оговариваются, и тем самым они остаются за пределами нормы.

В публикации [Шульга 2019] показано, что в современном узусе у слова *тысяча* проявляются основные частеобразующие признаки имени числительного. Среди этих признаков выявляется также замена управления существительным на согласование, как в единственном числе, так и в формах множественного числа. В свободных формах множественного числа согласование отмечается с середины XIX века, раньше и более регулярно в предложном падеже:

- ...Распространены были въ народѣ *въ тысячахъ экземплярахъ*... (М. Погодинъ. «Москвитянинъ», 1850).

На полтора века позднее слово *тысяча* проявляет способность к согласованию в позиции последнего компонента составного числительного. Это инновации последних двух десятилетий, при этом они обнаруживаются в каждом падеже и практически одновременно:

- А государству и *10 тысячам акционерам* АО «Полимер» остались мобилизационные мощности... (И. Штольц «Дело» (Самара), 2002.08.16);
- С собранными для нее Сашей *двумя тысячами рублями*. (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания, 1975–2003);
- ...В *40 тысячах* частных российских *компаниях*... (Н. Анисин. «Завтра», 2003.03.26).

Составные числительные со словом *тысяча* по своей синтаксической структуре сопоставимы с названиями сотен. Так же, как у названий сотен, замена управления на согласование превращает сочетание отдельных количественных слов со своими особыми синтаксическими связями (*в сорока тысячах компаний*) в сложное числительное (независимо от раздельного написания входящих в него частей). Похоже, что существительное *тысяча* повторяет цикл грамматических преобразований, пройденных ранее названиями сотен при их переходе к согласованию; вариантность синтаксических связей у слова *тысяча* отражает его сегодняшнюю динамику в направлении числительных.

Поэтому интересно проследить участие разных падежей в развитии этого актуальнейшего процесса на фоне названий сотен.

Нами были обработаны материалы СМИ за 2019–2021 годы (НКРЯ, Газетный подкорпус, Центральные СМИ, дата обращения 01.03.2025). Чтобы исключить фактор частотности в употреблении падежей, было отобрано равное количество текстов (по 300 текстов на каждую падежную словоформу). Получены следующие количественные характеристики для каждого падежа.

Тысячам + дательный падеж существительного — шесть примеров:

- Свыше *2 тысячам* военным *летчикам* присвоено звание Героя Советского Союза... (Парламентская газета, 2021.08.12);
- Однако на повестке до сих пор остаются вопросы по... компенсации более *100 тысячам дольщикам*... (Парламентская газета, 2021.08.08);
- Тогда статус ликвидатора последствий аварии на ЧАЭС был присвоен более *500 тысячам гражданам* СССР... (Парламентская газета, 2021.03.17);
- ...Листок нетрудоспособности предоставлен более *400 тысячам* работающим *россиянам* в возрасте от 65 лет. (Парламентская газета, 2020.05.22).

Характерно, что традиционное нормативное управление сочетается с новым ненормативным согласованием в одинаковых контекстах: *400 тысячам семей* и *300 тысячам гражданам, 86 тысячам сотрудникам* и *86 тысячам работников*.

- Ожидается, что в ближайшие три года будет заключен 1 млн соцконтрактов, которые помогут *400 тысячам семей* увеличить доходы, а *300 тысячам гражданам* открыть свой бизнес. (Парламентская газета, 2020.11.17);
- ...В результате *86 тысячам сотрудникам* медучреждений перечислили 2,5 миллиарда рублей... «...Обеспечено перечисление 2,5 миллиарда рублей *86 тысячам работников* медицинских учреждений», — сказал Краснов. (Парламентская газета, 2021.04.23).

Тысячами + творительный падеж существительного — 4 примера:

- Врио главы региона предложил максимальную сумму возврата ограничить *26 тысячами рублями* на каждого путешествующего. (Парламентская газета, 2020.08.18);
- Такие выплаты... ограничены *12 тысячами рублями* в год на каждого работника. (Парламентская газета, 2019.10.30);
- Незнакомцы... похитили сумку *с 400 тысячами рублями*. (gazeta.ru, 13.12.2019);
- ...Поделятся своей экспертизой *с 4 тысячами участниками* события. (lenta.ru, 21.11.2019).

Тысячах + предложный падеж существительного — 25 примеров. Например:

- ...Содержатся сведения *о* свыше *30 тысячах* аттестованных *специалистах*. Парламентская газета, 2021.07.24);
- *...В 38 тысячах* летних оздоровительных *организациях* отдохнёт около четырёх миллионов детей. (Парламентская газета, 2021.05.31);
- Цены... фиксируются *в* более чем *76 тысячах* торговых *точках* в 282 городах (Парламентская газета, 2020.10.20);
- Еще через две минуты почти *в двух* с половиной *тысячах километрах* от стартового комплекса, — вторая ступень. (Vesti.ru, 14.12.2020);
- ...Было продано не более 6,5 тысячи билетов *при 13 тысячах местах* в Ледовом дворце Петербурга. (Vesti.ru, 01.12.2020);
- В данный момент проводятся клинические исследования «Спутник V» в России на *40 тысячах добровольцах*. (NEWSru.com, 09.11.2020);
- Проголосовать граждане Молдавии могли *на двух тысячах участках* в республике... (Vesti.ru, 02.11.2020);
- Продукты и услуги представлены более чем *в 126 тысячах магазинах-партнерах* в России и Казахстане. (Lenta.ru, 29.10.2020);
- Сервис... доступен в каждом российском регионе, всего более чем *в 15 тысячах* населенных *пунктах*... (Vesti.ru, 06.10.2020);
- ...За день таксопарки производят 330 тысяч поездок... *на 48 тысячах автомобилях*... (РИА Новости, 23.05.2020);
- На сегодняшний день в Германии известно *о 164 тысячах* подтвержденных *случаях* COVID-19... (РИА Новости, 06.05.2020);
- Планируется, что разметка появится более чем *на четырех тысячах* посадочных *площадках* региона. (Lenta.ru, 09.04.2020);
- Ученые собрали и проанализировали данные об экологических условиях более чем *в трех тысячах округах* США... (РИА Новости, 07.04.2020);
- За это время ремонтные работы провели *на* более чем *4 тысячах объектах*. (Vesti.ru, 18.02.2020).

Как и при названиях сотен, у числительных со словом *тысяча* более восприимчивым к согласованию оказался предложный падеж (25 примеров), в дательном и творительном падежах смена синтаксических связей отражается в единичных

случаях, при этом наименее выразительно в творительном падеже. Эти параллели позволяют сделать вывод, что последовательность и ход наблюдаемых процессов регулируется системой. Нормативная регуляризация (в случае со словом *тысяча*) не оказывает заметного влияния на их развитие.

Более того, современный грамматический процесс у составных названий тысяч оказался более динамичным, чем у названий сотен. Ненормативные инновации охватывают все три падежа одновременно, хотя предложный падеж, как и у названий сотен, проявляет особую восприимчивость к согласованию.

Как может реагировать на изменения в системе и узусе нормативная описательная грамматика?

— Уточнить описание синтаксических связей у названий сотен: традиционное управление типа *с пятьюстами рублей* отчасти сохраняется только в форме творительного падежа наряду с преобладающим согласованием; в формах дательного и предложного падежей наблюдается последовательное согласование: *к пятистам рублям, в пятистах рублях*.
— Добавить сведения о вариантности синтаксических связей слова *тысяча* в формах дательного, творительного и предложного падежей множественного числа как в свободных формах множественного числа (*к тысячам рублям, с тысячами рублями, о тысячах рублях*), так и в качестве последнего компонента составного числительного (*к сорока тысячам компаниям, с сорока тысячами компаниями, в сорока тысячах компаниях*).
— Отказаться от попыток нормативного регулирования синтаксических связей, появление которых обусловлено развитием грамматической системы.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения 01.03.2025).

Литература

Грамматика русского языка. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 720 с.

Розенталь Д. Э. и др. Сочетания числительных с существительными [Электронный ресурс]. URL: https://evartist.narod.ru/text1/59.htm?ysclid=m949gwa996761678477

Русская грамматика. В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 784 с.

Сичинава Д. В. Числительные // Русская корпусная грамматика. С. 241 [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/pdf/sichinava-2018-numerals.pdf

Шульга М. В. Динамика форм имени числительного в современном русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 4 (18), 2019. С. 88–104.

Шульга М. В. Между существительным и числительным: *сто* и названия сотен // Аспекты описания русского языка: диахрония и синхрония: коллективная монография / О. Н. Григорьева, В. В. Каверина, А. Б. Коконова и др.; отв. ред.: М. Л. Ремнёва. М.: Издательство Московского университета, 2024. С. 94–111.

M. V. Shulga
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
shoulga@mail.ru

SYNTACTIC AGREEMENT WITH TERMS FOR HUNDREDS: NORM-USAGE-SYSTEM

This article examines the syntactic agreement of nouns indicating countable items when used with the numerals *двести — девятьсот* (*с пятьюстами рублями / рублей*) in the last two decades and in historical respect. The scope of the potential variation of government by the noun and later agreement with the noun is outlined. Based on the data from the National Corpus of the Russian Language, it has been established that, in the forms of the prepositional and dative cases, modern usage consistently reflects agreement (*в пятистах рублях, к пятистам рублям*). The variation between government and agreement is reflected only in the instrumental case.

The features of modern usage are interpreted as a continuation of the trends that have occurred in the grammatical system over the past five centuries. It has been shown that the prepositional case form is the most receptive to agreement at each stage of development. This feature of the prepositional case is confirmed by observations on the latest syntactic relations of the terms for thousands. Agreement of the compound numeral with the word *тысяча* (*в сорока тысячах компаниях*) is an innovation of the last two decades. It reveals the same differences between the dative, instrumental and prepositional cases as the terms for hundreds.

The variation in syntactic agreement with terms for thousands is not recognized as a literary norm, unlike variations in terms for hundreds. However, as the study showed, it does not affect the nature of its manifestation.

Keywords: numerals, syntactic agreement with terms for numbers, government and agreement of numerals with nouns, agreement with the terms for thousands, norm, usage, system

References

Grammatika russkogo yazyka. T. 1. [Grammar of the Russian Language. Vol. 1]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ. 1952. 720 p.

Rozental' D. E. et al. *Sochetaniya chislitel'nyh s sushhestvitel'nymi* [Combinations of numerals and nouns]. Available at: https://evartist.narod.ru/text1/59.htm?ysclid=m949gwa996761678477 (accessed 01.04.2025).

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Vol. 1–2. Moscow, Nauka Publ., 1980. 784 p.

Sichinava D. V. *Chislitel'nye* [Numerals]. Available at: http://rusgram.ru/pdf/sichinava-2018-numerals.pdf (accessed 15.04.2025).

Shul'ga M. V. [Evolution of number names in modern russian] *Science Journal of VolSU. Linguistics*. 2019, no. 4 (18), pp. 88–104. (In Russ.)

Shul'ga M. V. [Between a noun and a numeral: *cmo* and the names of hundreds]. *Aspekty opisaniya russkogo yazyka: diahroniya i sinhroniya: kollektivnaya monografiya* [Aspects of the description of the Russian language: diachrony and synchrony: a collective monograph]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2024, pp. 94–111. (In Russ.)

Научный журнал

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова

2025 г., № 3 (45)

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура ZRCola. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Печ. л. 25,5
Тираж 300 экз. Заказ №